РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

4 (271)

Октябрь–Ноябрь–Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

МОСКВА «НАУКА»

© 2009 г.

И.А. Ладынин

«СОКОЛЫ-НЕКТАНЕБЫ»: СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НЕКТАНЕБА II ПЕРЕД БОГОМ ХОРОМ И ИХ КОНЦЕПЦИЯ

В музейных собраниях мира хранится несколько скульптурных групп, представляющих собой изображения бога Хора в обличье сокола и стоящего перед ним примерно в одну треть его высоты, между его лапами и как бы под его защитой, последнего царя последней собственно египетской XXX династии Нектанеба II. Наибольший интерес исследователей привлекли скульптурные группы этого типа, на постаментах которых имеются надписи (данные по этим памятникам суммированы в таблице ниже, причем среди них нужно особенно отметить знаменитую скульптуру из темно-зеленого базальта, хранящуюся в нью-йоркском музее Метрополитен – настоящий шедевр позднеегипетского искусства и, пожалуй, лучший по своим художественным качествам памятник этой категории):

Таблица 1

Местонахождение и элементы описания	Происхождение	Надписи
Музей Метрополитен (MMA 34.2.1), Нью-Йорк, зеленый базальт, высота 72 см[1]	Гелиополь, некрополь священных быков Мневисов	Только на передней стороне постамента: от центра налево – «Да живет царь Верхнего и Нижнего Египта Сенеджем-иб-Ра Сетеп-ен-Инхар («Услаждено сердце Ра, Избранный Онурисом») – [любимый] Мневисом» (*ʿnḫ nsw-bity Snḏm-ib-Rʿ stp.n-Ỉnḥr* [*mry*] [*Ỉ*] *st-ir*[*t*] *Mr-wr*); направо – «Да живет сын Ра Нектанеб, любимый Онурисом, сын Хатхор – [любимый] Мневисом» (*ʿnḫ sꜣ Rʿ Nḫt-Ḥr-Ḥbyt mry-Ỉnḥr sꜣ Ḥt-Ḥr* [*mry*] [*Ỉ*]*st-ir*[*t*] *Mr-wr*).
Частное собрание, Лион, светло-зеленый базальт, высота 50 см[2]	Мемфис, Саккара, храм Имхотепа (Асклепиейон)	На передней стороне постамента, от центра налево и направо: «Да живет Хор, Любимый Обеими Землями, Защищающий Египет» (Хорово имя Нектанеба II[3]: *ʿnḫ Ḥr mry-tꜣwy nḫ-Kmt*).

[1] *Winlock H.Eu.* Recent Purchases of Egyptian Sculpture // BMMA. 1934. 29. P. 186–187. Fig. 2; Kleopatra: Ägypten um die Zeitenwende. Mainz, 1989. Nr. 7. S. 96.

[2] *Tresson P.* Sur deux monuments égyptiens inédits de l'époque d'Amasis et de Nectanébo Ier // Kêmi. 1931. 4. P. 144–149. Pl. VIIa.

[3] См. титулатуры в надписях данного памятника: *Blöbaum A.I.* «Denn ich bin ein König, der Maat liebt»: Herrscherlegitimation im spätzeitlichen Ägypten. Aachen, 2006 (Aegyptiaca Monasteriensia. 4). S. 411– 418 (со ссылкой на данную скульптурную группу – памятник NK2-305 в индексации А.И. Блёбаум: Ibid. S. 360).

Местонахождение и элементы описания	Происхождение	Надписи
		На боковых сторонах постамента (продолжение надписей на передней стороне): «Обе Владычицы Радующий сердце богов, Хор Златой [имя не сохранилось] (*Nbty shr-ib-nṯrw Ḥr-nbw...*). На задней стороне постамента: «Царь Верхнего и Нижнего Египта владыка Обеих Земель Сенеджем-иб-Ра Сетеп-ен-Инхар, сын Ра владыка воссияний Нектанеб, сын Онуриса, любимый Ра – *любимый Хором Мощным дланью, владыкой Дома копья [Хора]*»[4] (*nsw-bity nb t3wy Snḏm-ib-Rᶜ stp.n-Inḥr s3 Rᶜ nb ḫ3w Nḫt-Ḥr-Ḥbyt s3 Inḥr mry-Rᶜ mry Ḥr tm3-ᶜ nb ḥt-ḥmt*). На переднике на фигуре царя: «Сын Птаха, сын Ра Нектанеб, любимый Имхотепом, сыном Птаха» (*s3 Pṯḥ s3 Rᶜ Nḫt-Ḥr-Ḥbyt mry Iy-m-ḥtp s3 Pṯḥ*).
Частное собрание, Каир, серый гранит, постамент (99 × 48 × 17 см) с сохранившейся нижней частью скульптурной группы (высота 17 см)[5]	Бехбейт эль Хагар (Исеум, *Ḥbyt* – XII Севеннитский ном)[6]	На передней стороне постамента – Хоровы имена[7]: от центра налево – «Да живет Хор, Любимый Обеими Землями, наследник благодетельный владыки *Ḥbyt* (*ᶜnḫ Ḥr mry-t3wy iwᶜw-mnḫ-nb-Ḥbyt*); направо – «Да живет Хор, Любимый Обеими Землями, Обустроивший [город] *Nṯry* в облике его...» (*ᶜnḫ Ḥr mry-t3wy grg-Nṯry-m-ỉrw.s*...). На боковых сторонах постамента: левая сторона (продолжение надписи в левой части передней стороны) – «Обе Владычицы Радующий сердце богов, Владыка восхвалений в доме вельможи, царь Верхнего и Нижнего Египта Сенеджем-иб-Ра, избранный Хатхор, сын Ра Нектанеб, любимый Осирисом Анджети, богом великим, находящимся во главе *Ḥbyt*» (*Nbty shr-ib-nṯrw nb-ḥswt-m-ḥt-sr nsw-bity Snḏm-ib-Rᶜ stp.n-Ḥt-Ḥr mry* [*ỉ*] *st-ỉr*[*ỉ*] *ᶜnḏty nṯr ᶜ3 ḫnty Ḥbyt*); правая сторона (продолжение надписи в правой части передней стороны) – «...истинном, Хор Златой Утверждающий законы, Прочный памятниками в [городе] *Ḥbyt*, царь Верхнего и Нижнего Египта Сенеджем-иб-Ра, избранный

[4] Эпитет, выделенный здесь курсивом, – восстановление (достаточно произвольное) издателя данного памятника, П. Трессона (Op. cit. P. 146), считавшего, что в этой последовательности титулов Нектанеба II эпитет «любимый...» должен сочетаться с именем ипостаси Хора, чтимой в его храме в Севенните (согласно Э. де Руже, он именовался «Дом копья [Хора]» – *ḥt-ḥmt*: *Rougé J. de.* Géographie ancienne de la Basse-Égypte. P., 1891. P. 78–79; ср. Wb. III. 284. 13–14: *ḥmt*). Современным исследованием существование именно такого эпитета не подтверждается: LÄGG. II. S. 694; VII. S. 462 ff. Сам П. Трессон с полной уверенностью удостоверяет наличие на задней стороне постамента картушей Нектанеба II.

[5] *Barguet P.* Quelques fragments nouveaux au nom de Nekhthorheb // Kêmi. 1954. 13. P. 89–91. Fig. 3; *Gallo P.* Nestor l'Hote et Behbeit el-Hagar // Egitto e Vicino Oriente. 1988. 11. P. 25–31. Pl. 31 (*non vidi*).

[6] *Montet P.* La géographie de l'Égypte ancienne. Première partie. *Tomehou.* La Basse Égypte. P., 1957. P. 107.

[7] См. титулатуры в надписях данного памятника: *Blöbaum.* Op. cit. (со ссылкой на памятник NK2-280).

Таблица 1 (окончание)

Местонахождение и элементы описания	Происхождение	Надписи
		Хатхор, сын Ра Нектанеб, любимый Исидой великой, матерью бога, владычицей *Ḥbyt*» (*...m33 Ḥr-nbw smn-hpw rwḏ-mnw-m-Ḥbyt nsw-bity Snḏm-ib-Rᶜ stp.n-Ḥt-Ḥr s3 Rᶜ Nḫt-Ḥr-Ḥbyt mry St wrt mwt nṯr nb*[*t*] *Ḥbyt*). Внизу передника на фигуре царя: «...любимый [Исидой,] владычицей *Ḥbyt*» (*...mry* [*Ist*] *nb*[*t*] *Ḥbyt*).
Каир (?), розовый гранит[8]	Танис	Две симметричные и, видимо, идентичные надписи, идущие вокруг постамента от центра его передней части. От надписи на правой стороне сохранились только начало и конец; надпись с левой стороны: «Да живет Хор, Любимый Обеими Землями, царь Верхнего и Нижнего Египта сокол божественный, вышедший из Исиды, владыка Обеих Земель Сенеджем-иб-Ра, избранный Амоном, сын Ра, довольствующий породившего его, владыка воссияний Нектанеб, любимый Амоном, любимый Хором, владыкой Месена[9], наделенный жизнью, прочностью, подобно Ра» (*ᶜnḫ Ḥr mry-t3wy nsw-bity bik nṯr*[*y*] *pr m St nb t3wy Snḏm-ib-Rᶜ stp-n-Imn s3 Rᶜ shtp ms sw nb ḥᶜw Nḫt-Ḥr-Ḥbyt mry-Imn mry Ḥr nb Msn di ᶜnḫ w3s mi Rᶜ*).
Каирский музей, J.E. 89076[10], серый гранит, постамент с сохранившейся нижней частью скульптурной группы (высота 40 см)	Билифья, возле Ихнасья эль-Медина (егип. *Nbw* близ Гераклеополя)	Две симметричные идентичные надписи, идущие вокруг постамента от центра его передней части; лучше сохранилась надпись с левой стороны: «Да живет Хор, Любимый Обеими Землями, Обе Владычицы Радующий сердце богов, Хор Златой Утверждающий законы, царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка Обеих Земель Сенеджем-иб-Ра, избранный Онурисом, сын Ра, владыка воссияний Нектанеб, любимый Онурисом, живущий вечно, любимый Уаджит, владычицей Небу (ипостась Уаджит, чтимая в данном районе Верхнего Египта)» (*ᶜnḫ Ḥr mry-t3wy Nbty shr-ib-nṯrw Ḥr-n-nbw smn-hpw nsw-bity nb t3wy Snḏm-ib-Rᶜ stp.n-Inḥr s3 Rᶜ nb ḫ3w Nḫt-Ḥr-Ḥbyt mry Inḥr ᶜnḫ ḏt mty Wiḏt nbt Nbw*).

Как видно, в надписях на постаментах этих скульптурных групп легко выделить вполне определенную, хотя и несколько варьирующуюся, формулу: все они представляют собой благопожелание («Да живет...»), призываемое на царя, который назван по его титулатуре в полном (скульптуры из Бехбейт эль-Хагара и Билифьи) или сокращенном виде; при этом лишь в одном случае (скульптура, хранящаяся в музее Метрополитен) в титулатуре опущено Хорово имя царя, собственно, утверждающее, что он есть временное земное проявление находя-

[8] *Montet P.* Inscriptions de Basse Époque trouvées à Tanis // Kêmi. 1959. 15. P. 59–60; ср. *Montet P., Lézine Al.* Un nouveau temple d'Horus à Tanis // Mélanges d'archéologie et d'histoire offerts à Charles Picard à l'occasion de son 65e anniversaire. P., 1949. II. P. 758–759. Fig. 3 (*non vidi*); *Montet P.* Les énigmes de Tanis. P., 1952. P. 48, 76. Pl. XI.

[9] *Montet.* La géographie de l'Égypte ancienne... P. 190–191.

[10] *Habashi L.* Edjo, Mistress of Nebt (Bilifiya, near to Ihnâsya El-Medîneh) // ZÄS. 1963. 90. S. 47. Abb. 4. Taf. VIII; ср. *Barguet.* Quelques fragments... P. 89. Not. 3.

щегося на небе от веку бога Хора, который чтился в обличье сокола[11]. Совершенно особое значение имеет надпись на постаменте скульптуры из Таниса, приоткрывающая ее концепцию: здесь прямо удостоверяется тождество царя с Хором, эпитет которого «сокол божественный, вышедший из Исиды» вводится непосредственно в имя Нектанеба II как царя Верхнего и Нижнего Египта. Иными словами, эта надпись удостоверяет не просто тождество царя божеству, но и то, что в лице первого второе, по сути дела, осуществляет над Египтом и миром власть сакрального правителя, способного совершать ритуал[12]: стоит обратить внимание и на то, что ипостась Хора, с которой отождествляется царь, в этом случае прочно вписана в контекст мифа об Осирисе. Во всех надписях к царским титулам относится эпитет «любимый...» в сочетании с именем божества нома, откуда происходит данная статуя. Заметим, что на скульптуре из Бехбейт эль-Хагара мы находим в этом случае опять же имена богов осирического круга: однако здесь это более или менее ожидаемо, так как этот центр (*Ḥbyt* – греч. Исеум; см. наше прим. 6) был связан с культом Исиды (отсюда его греческое название). Что касается скульптуры из Таниса, то здесь, исходя из специфики этого нома, ассоциации с мифологией Осириса менее ожидаемы: так, «Хор, владыка Месена», фигурирующий в царском эпитете на этом памятнике, находит в мифологии верхнеегипетских номов параллель в чтимом в Эдфу Хоре Бехдетском – божестве крылатого солнечного диска, считавшемся сыном Ра[13] (собственно говоря, именно этот культ является развитием представления о Хоре как божестве неба и находящегося в нем солнца, с которым издревле отождествляет царя Хорово имя[14]). Соответственно введение в данной надписи в царский титул именования сокола-Хора сыном Исиды следует, скорее всего, связать с самой концепцией этого памятника, а не с местом его происхождения. Вне сомнения, эта концепция должна быть общей как для рассмотренных нами скульптурных групп, так и для их полных аналогов, на которых не имеется надписей (среди них – хорошо известная скульптура из собрания Лувра Louvre E11152)[15].

---

[11] *Большаков А.О.* Древнеегипетская скульптура и «Хорово имя» // ВДИ. 2000. № 2. С. 74–77.

[12] См. *Демидчик А.Е.* Староегипетская печать «правителя Нагорья» и письмо Синухета царю // ВДИ. 2001. № 2. С. 80–83 (непосредственно в связи с титулом *nsw-bity*); *он же.* Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб., 2005. С. 14–27 (глава I – «Младшее Солнце – бог ритуала»); *Ладынин И.А.* Сакрализация царской власти в древнем Египте в кон. IV – нач. II тыс. до н.э. // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. I. М., 2005. С. 76–82.

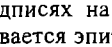
[13] *Montet.* Quelques fragments... P. 191; ср. *Gardiner A.H.* Horus the Behdetite // JEA. 1944. 30. P. 23–60; *Матье М.Э.* Древнеегипетские мифы // Избранные труды по мифологии и идеологии древнего Египта. М., 1996. С. 217 сл., 271–295, 304–309 (перевод и комментарий текстов из Эдфу).

[14] *Kees H.* Götterglaube im Alten Ägypten. B., 1956. S. 39–45, 210. Anm. 2 (важные замечания о следах трансформации этого божества из самостоятельного в сына верховного бога, имевшего место, очевидно, еще в III тыс. до н.э.); *Beckerath J. von.* Handbuch der ägyptischen Königsnamen. Berlin–München, 1999 (Münchner ägyptologische Studien. 49). S. 6, 8.

[15] Издание луврской скульптуры: *Bénédite G.* Faucon ou épervier: à propos d'une récente acquisition du Musée égyptien du Louvre // Monuments et mémoires: Fondation Eugène Piot. 1909. 17. P. 3–8. Pl. 1; ср. *Barguet.* Quelques fragments... P. 89. Not. 3; *Yoyotte J.* Nectanébo II comme faucon divin? // Kêmi. 1959. 15. P. 73, n. 6 (с отсылкой к скульптуре СМ J.E. 33262 из Мит-Рахине).

Надпись на постаменте скульптуры из Таниса важна не только для понимания концепции этих памятников, но и для определения их места в религиозной жизни Египта рубежа эллинистического времени. Уже Ж. Йойотт в 1959 г. обратил внимание, что эпитет «сокол божественный, вышедший из Исиды» в данной надписи может быть сопоставлен с целым рядом упоминаний жрецов «Нектанеба-сокола» (*Nḫt-Ḥr-Ḥbyt-pꜣ-bik*) или даже просто «сокола» (*pꜣ bik*) на памятниках и в надписях этого периода[16]. Год спустя полную сводку памятников и документов, связанных с культом изображений Нектанебов I и II подготовил Х. де Мельнер[17]: ввиду значения этой сводки, нам кажется целесообразным суммировать ее материал в еще одной таблице:

Таблица 2

Нумерация Х. де Мельнера	Памятник или документ, его локальная привязка и датировка	Имя и титул упоминаемого служителя культа царских изображений
1	Памятники визиря Харсиеси (Бехбейт эль-Хагара)[18]: фрагмент саркофага CG 28|5/25|5; наофорная статуя Berlin 21596; статуя ГМИИ I.1.a.5320; пьедестал Lyon EG 1748 – XXX династия (включая время Нектанеба II; см. 2).	Харсиеси (*Ḥr-sꜣ-St*): «"слуга божий" статуй Хеперкара, сына Ра Нектанеба [I], живущего вечно» (*ḥm-nṯr nꜣ twwt n Ḥpr-kꜣ-Rᶜ sꜣ Rᶜ Nḫt-nb.f ᶜnḫ ḏt*).
2	Саркофаг MMA 11.154.1 из Саккара (Мемфис) – XXX династия (включая время Нектанеба II).	Ун-нефер (*Wn-nfr*), сын Па-ин-му (*Pꜣ-in-mw*), отец Харсиеси (см. 1): «"слуга божий" Нектанеба [II]-сокола» (*ḥm-nṯr Nḫt-Ḥr-Ḥbyt-pꜣ-bik*).
3	Памятники военачальника (*mr-mšᶜ*) Уах-иб-Ра (Гелиополь): Como 28 (статуя?)[19]; сфинкс Wien 76; ушебти Alnwick Castle 1890, 1891, 1894–1896; Orléans, coll. Desnoyers 365, 370; Turin 2694 – предположительно, время Нектанеба II.	Уах-иб-Ра (*Wꜣḥ-ib-Rᶜ*), сын Та-хут (*Tꜣ-ḥwt*): «"слуга божий" ... (слово непонятно) Нектанеба [II]» (Como 28: *ḥm-nṯr* *Nḫt-Ḥr-Ḥbyt*); в надписях на ушебти за именем царя угадывается эпитет «сокол» (*pꜣ bik*).
4	Стела BM 375 (ср. папирус из Вены[20]): Мемфис, время Птолемея II Филадельфа (282–246 гг. до н.э.).	Хонсу-иу (*Ḫnsw-iw*): «"слуга божий" Нектанеба [II]-сокола храма Та-дехенет» (*ḥm-nṯr Nḫt-Ḥr-Ḥbyt-pꜣ-bik n ḥt Tꜣ-dhnt*).
5	Стела Wien 153: Мемфис, между 289 и 217 гг. до н.э.	Анемхор (*ᶜn-m-Ḥr*): «"слуга божий" Нектанеба [II]-сокола» (*ḥm-nṯr Nḫt-Ḥr-Ḥbyt-pꜣ-bik*).

[16] *Yoyotte.* Op. cit. P. 70–73; ср. *Otto E.* Zwei Bemerkungen zum Königskult der Spätzeit // Festschrift zum 80. Geburtstag von Prof. Dr. Hermann Junker / MDAIK. 1957. 15. S. 202–203.

[17] *Meulenaere H. de.* Les monuments du culte des rois Nectanébo // CdÉ. 1960. 35. P. 92–107.

[18] *Idem.* Le Vizir Harsiêsis de la XXX dynastie // Festschrift zum 80. Geburtstag von Prof. Dr. Hermann Junker... S. 230–236.

[19] *Ballerini F.* Antichità egiziane nel Museo Civico di Como // Bessarione: rivista di studi orientali. 1910. Ser. 3. 7. P. 227.

[20] *Bergmann E. von.* Varia // ZÄS. 1880. 18. S. 52.

Таблица 2 (продолжение)

Нумерация Х. де Мельнера	Памятник или документ, его локальная привязка и датировка	Имя и титул упоминаемого служителя культа царских изображений
6	Стела Серапеума 328 (Louvre E3689): Мемфис, время Птолемеев IV и V (221–180 гг. до н.э.).	Нес-нуу-ур (*Ns-nww-wr*): «"слуга божий" статуй царя Верхнего и Нижнего Египта Нектанеба [II] в храме "Дома Сохмет, великой, что во главе долины"» (*ḥm-nṯr n twwt nsw-bity Nḫt-Ḥr-Ḥbyt m ḥt-nṯr n pr-Sḫmt-ꜥ3t-tp[yt]-int*); его отец Ун-нефер (*Wn-nfr*): «"слуга божий" статуй царя Верхнего и Нижнего Египта Нектанеба [II] храма "дома Осириса в Рут-Исут, Ларца Анубиса и Осириса-Аписа"» (*ḥm-nṯr n twwt nsw-bity Nḫt-Ḥr-Ḥbyt n ḥt-nṯr pr [T]st-ir[t] m Rwt-Iswt ḥn ꜥInp[w] [T]st-ir[t]-Ḥp*).
7	Стела Серапеума 176 (Лувр): Мемфис, после царствования Нектанеба II.	Имя не читается: «"слуга божий" статуй Нектанеба [II] храма "Дома Осириса (?), владыки Ра-Сетау"» (*ḥm-nṯr n3 twwt Nḫt-Ḥr-Ḥbyt ḥt-nṯr* *nb R-st3w*).
8	Статуя Louvre E18967: Гермополь, время Нектанеба I.	Шепесирдис (*Šps-ir-di-sw*): «"слуга божий" статуй царя Верхнего и Нижнего Египта Хеперкара, живущего вечно» (*ḥm-nṯr n3 twwt n nsw-bity Ḫpr-k3-Rꜥ ꜥnḫ ḏt* (ср. саркофаг CG 29315 его сына Тотирдиса – *Ḏḥwty-ir-di-sw*: «"слуга божий" статуй» – (*ḥm-nṯr n twwt*).
9	Кембридж, музей Фицуильяма, крышка саркофага 48.1901: Абидос, время Нектанеба II.	Имя неизвестно: «"слуга божий" статуй фараона Нектанеба [II]» (*ḥm-nṯr twwt pr-ꜥ3 Nḫt-Ḥr-Ḥbyt*).
10	Памятники Несмина: саркофаг СМ J.E. 36434 и стела[21], Коптос, время Нектанеба I или сразу после его царствования.	Несмин (*Ns-mnw*), сын *Irty-r-ṯ3y* и *3st-rš.ti*: «"слуга божий" статуй Нектанеба [I и] Нектанеба [II]-сокола» (*ḥm-nṯr n twwt Nḫt-nb.f Nḫt-Ḥr-Ḥbyt-p3-bik* – саркофаг); «"слуга божий" статуй фараона храма Коптоса» (*ḥm-nṯr n twwt n pr-ꜥ3 n ḥt-nṯr n Gbtw*).
11	Статуя СМ J.E. 37140: Фивы, время Нектанеба II.	Несмин (*Ns-mnw*): «"первый слуга божий" фараона Нектанеба [II], живущего вечно» (*ḥm-nṯr tp[y] n pr-ꜥ3 Nḫt-Ḥr-Ḥbyt ꜥnḫ ḏt*).
12	Статуя СМ J.E. 37075: Фивы, рубеж IV–III вв. до н.э.	Амасис (*I3ḥ-ms-sw*), сын Смендеса (*Ns-b3-nb-ḏḏ*): «"слуга божий" Нектанеба [II]-сокола» (*ḥm-nṯr Nḫt-Ḥr-Ḥbyt-p3-bik*).
13	Ситула BM 38212: Фивы, время XXX династии.	Хор (*Ḥr*): «"слуга божий" Нектанеба [II]-сокола храма *Gsy*, "слуга божий" статуй фараона храма *Gsy*» (*ḥm-nṯr Nḫt-Ḥr-Ḥbyt-p3-bik n ḥt-nṯr n Gsy ḥm-nṯr n n3 twwt n pr-ꜥ3 n ḥt-nṯr n Gsy*).

[21] *Legrain G.* Deux stèles inédites // ASAÉ. 1906. 7. P. 186.

Таблица 2 (окончание)

Нумерация Х. де Мельнера	Памятник или документ, его локальная привязка и датировка	Имя и титул упоминаемого служителя культа царских изображений
14	Стела из карьеров Туры и Масары, царствование Нектанеба II[22].	Нектанеб (*Nḫt-Ḥr-Ḥbyt*): «"слуга божий" статуй» (*ḥm-nṯr twwt*; изображение в навершии стелы божеств позволяет привязать жреческую службу этого лица к XV нижнеегипетскому ному с центром в *Bʿḥw* – Hermopolis Parva, совр. Телль эль-Баклия).
15	pPhilad. dem. I: Фивы, 317 г. до н.э.	Несхор (*Ns-Ḥr*): «"слуга божий" фараона» (в списке свидетелей данного документа).
16	Каирский музей: жреческое кресло[23], начало птолемеевского времени (?), Фивы (?).	Имя полностью не сохранилось; титул: «"первый слуга божий" статуй фараона, живущего вечно» (*ḥm-nṯr tp*[*y*] *twwt n pr-ʿ ʿnḫ ḏt*); возможно, кресло принадлежало если не Несмину (ср. 11), то кому-то из членов его семьи; знак ⌐ в конце последовательности титулов хорошо соответствует написанию его имени.
17	Памятники Несмина (семейство из Ахмима, возможно, фиванского происхождения): стелы CG 22147, Louvre 8026, coll. Lady Meux 51[24].	Несмин (*Ns-mnw*): «"слуга божий" статуй фараона, живущего вечно» (*ḥm-nṯr n twwt pr-ʿ ʿnḫ ḏt* – coll. Lady Meux 51); «"слуга божий" статуй царя» (*ḥm-nṯr n twwt nsw* – Louvre 8026); «"слуга божий" статуй» (*ḥm-nṯr n twwt* – CG 22147).

Как видно, приведенный список перечисляет жрецов, принадлежащих к персоналу большого числа местных храмов и имеющих достаточно высокий ранг («слуга божий», что предполагает, что они возглавляют в данном храме отправление того или иного культа[25], – здесь, очевидно, культа царских изображений; см. 4, 6, 7, 10 и 13, где аффилиация соответствующих лиц храмам прописана четко). Специфика изображений, которым эти жрецы служат, обозначена при помощи термина «сокол», как мы видим, в 2, 4, 5, 10, 12, 13, и, возможно, в 3; в остальных упоминаниях почитания статуй Нектанеба II она восстанавливается по аналогии с указанными случаями без каких-либо сомнений. Весьма важно замечание столь крупного специалиста по религии и идеологии египетского Позднего времени, как Я. Кёгебер, согласно которому эти жрецы были уже в эллинистическое время достаточно активными сотрудниками государства во введении в египетских храмах династийного культа Птолемеев: так, Анемхор из Мемфиса (5) был жрецом изображений не только Нектанеба II, но также и Птолемея и Арсинои Филадельфов, а Несмин из Фив (11) был, по некоторым данным, разработчиком изобразительного ряда знаменитых «ворот Эвергета»,

[22] *Young Th.* Hieroglyphics. L., 1828. Pl. 88.

[23] *Daressy G.* Sièges de prêtres // BIFAO. 1914. 11. P. 233–240.

[24] *Budge E.A.W.* Some Account of the Collection of Egyptian Antiquities in the Possession of Lady Meux, of Theobald's Park, Waltham Cross. L., 1893. P. 114–122. Pl. X.

[25] *Коростовцев М.А.* Религия древнего Египта. М., 1976. С. 164.

или Баб эль-Амара, в Карнаке – одного из самых концептуально насыщенных памятников Птолемея III в Фивах[26]. Из этого можно заключить, что связь их жреческой службы с царской идеологией была столь насущна, что к разработке ее новых форм казалось естественным привлекать именно их. Уже Х. де Мельнер показал, что практически во всех случаях свидетельства культа изображений Нектанеба II соотносятся с его строительством в соответствующем храмовом центре[27]; поэтому обнаружение нижней части статуи «сокола-Нектанеба» в Билифье на территории Гераклеопольского нома Л. Хабаши вполне справедливо квалифицировал как признак его деятельности и в этом районе[28]. По существу, из имеющихся у нас данных совершенно естественно заключить, что введение культа «соколов-Нектанебов» и учреждение соответствующего жречества в местных храмах происходили по воле царя и в достаточно тесной связи с его храмовым строительством[29], причем эта религиозно-идеологическая активность охватывала практически весь Египет (о том, что строительство Нектанеба II в его храмах было самым активным на протяжении IV в. до н.э., хорошо известно: см. наше прим. 27).

При поиске аналогий скульптурным группам «соколов-Нектанебов» мы оказываемся перед необходимостью обратиться к египетским памятникам двух категорий. Одна из них – это скульптурные объекты, вводящие в иконографию царя изображения бога Хора в облике сокола или его элементы; подобным памятникам Древнего и Нового царств (в Среднем царстве они отсутствуют) посвящена статья А.О. Большакова, по существу, избавляющая нас от необходимости самостоятельного их анализа[30]. Уже для эпохи Древнего царства исследователь выделяет две разновидности «соколиных статуй»: изображение позади головы царя сокола, обнимающего его крыльями (знаменитая статуя Хефрена CG 14; часть статуи Хеопса или Хефрена BMFA 27.1466; статуя Неферефра CM J.E. 98171) либо развернутого боком (по мнению Большакова, «вынужденно» и в связи с более ранней традицией плоскостных изображений Хора на царских стелах: статуя Пепи I Brooklyn 39.120; статуя Хефрена CG 9; статуя Пепи I из Дендера[31]), и изображение царя в головном плате, стилизованном под оперение и переходящем в изображение птицы (фрагмент статуэтки UCL 16020, атрибуированной Ф. Питри Микерину; следует учесть сомнения относительно ее датировки и подлинности). Статуи обеих этих разновидностей встречаются и в Новом царстве (первая представлена статуями Сети I Wien 5910, Тутмоса III CG 743 и Рамсеса VI CG 42152; вторая, наличествующая только с этого времени,

---

[26] *Quaegebeur J.* Les noms de trois temples funéraires thébains en écriture demotique // Studi in onore di Edda Bresciani. Pisa, 1985. P. 465; *idem.* The Egyptian Clergy and the Cult of the Ptolemaic Dynasty // Ancient Society. 1989. 20. P. 107, 111.

[27] *Meulenaere.* Op. cit. P. 100 ff.; см. о храмовом строительстве Нектанеба II: *Arnold D.* Temples of the Last Pharaohs. N.Y.–Oxf., 1999. P. 124–136.

[28] *Habashi.* Edjo, Mistress of Nebt... P. 47; ср. *Arnold.* Op. cit. P. 131 (посвящение Нектанебом II наоса в храм Херишефа к югу от Абусир эль-Мелека).

[29] См. иное мнение: *Holm-Rasmussen T.* On the Statue Cult of Nectanebos II // Acta Orientalia. 1979. 40. P. 22.

[30] *Большаков.* Древнеегипетская скульптура... С. 73–87; ср. *Aldred C.* The «New Year» Gifts to the Pharaoh // JEA. 1969. 55. P. 76–77; *Wildung D.* Falkenkleid // LÄ. II. 1977. Sp. 97–98; *Eldamati M.M.* Horus als Ka des Königs // GM. 1999. 169. S. 31–45. Taf. 1–7.

[31] *Daumas Fr.* Le trône d'une statuette de Pépi Ier trouvé à Dendera // BIFAO. 1953. 52. Pl. 2.

если сомнения относительно статуэтки UCL 16020 справедливы, – фрагментами статуй Тутмоса III Louvre E5351, CG 42081 и Brooklyn 55.118, а также фрагментом статуэтки неизвестного царя Leiden F 1937/6.9); при этом они обе четко отделены Большаковым от композиций, изображающих царя перед божеством. По замечанию исследователя, в подобных композициях доминирует божество, превосходящее царя по размерам, в то время как в «соколиных статуях» обеих разновидностей центральной фигурой, безусловно, оказывается царь. Назначение «соколиных статуй», по мнению А.О. Большакова, состоит в том, чтобы констатировать присутствие в личности царя бога Хора (что достигается скорее при помощи намека, избегающего грубого акцентирования этого момента: облик птицы в этих памятниках можно увидеть только в профиль)[32].

Другая категория памятников, к которым нам кажется нужным обратиться в связи с «соколами-Нектанебами», – это как раз отграниченные А.О. Большаковым от «соколиных статуй» скульптурные группы, где фигура царя помещена перед божеством, сильно превосходящим его по размерам. Самым ранним таким памятником является так называемая «иераконпольская группа», состоящая из двух деревянных, в золотой обкладке, фигур – царя и стоящего позади него сокола (CG 14717)[33]. По мнению Большакова, эта композиция «концептуально... примыкает к рассмотренной выше группе ("соколиных статуй". – *И.Л.*)», однако исследователь сразу оговаривает, что подобные по структуре композиции Нового царства имеют уже другой смысл[34]: они не могут утверждать общность природы царя с божествами позади него, так как многие из них (в частности женские) ему, в египетских представлениях, не тождественны; соответственно здесь, как это обычно и считалось, должна иметь место «иллюстрация его (царя. – *И.Л.*) защиты соответствующими божествами», причем этот смысл подкрепляется и доминирующим положением фигуры бога в таких композициях[35]. По мнению Большакова, интересующие нас скульптурные группы «соколов-Нектанебов» в отдаленной ретроспективе восходят к «иераконпольской группе» (а значит, видимо, и к «соколиным статуям» Древнего царства), но по концепции своей представляют разновидность «композиций защиты»[36].

То, что «соколы-Нектанебы» полностью аналогичны этому типу скульптурных групп композиционно, конечно, не может вызвать сомнения. Вместе с тем надписи на постаментах этих скульптур показывают с не меньшей бесспорностью, что идея тождества царя и изображенного за ним сокола-Хора не просто присутствует в их концепции, а занимает в ней центральное место: мы видели, что в надписи на скульптуре из Таниса эпитет «сокол божественный, вышедший из Исиды» включен в имя Нектанеба II как царя Верхнего и Нижнего Египта, а обиходное обозначение этих статуй в титулах их жрецов «Нектанеб-сокол» проблематично истолковать иначе, как в смысле тождества царя и божества. Если же говорить о построениях А.О. Большакова, то в них несколько непоследовательно выглядит концептуальная связь, проведенная между «соколиными статуями» Древнего царства и «иераконпольской группой». Резоны для ее постулирования вполне понятны – это и временна́я близость этих памятников, и принадлежность

---

[32] *Большаков.* Древнеегипетская скульптура... С. 85.

[33] *Quibell J.F., Green F.W.* Hierakonpolis II. L., 1902. Pl. 47.

[34] *Большаков.* Древнеегипетская скульптура... С. 79.

[35] Там же. С. 83–85 (с подробными отсылками к конкретным памятникам: см. прим. 66–75).

[36] Там же. С. 83–84.

всех их к царской скульптуре, и то, что в «иераконпольской группе» фигурирует именно Хор; однако, предполагая такую связь, надо «договорить» и то, что в таком случае «иераконпольская группа» также должна утверждать тождество бога и царя, несмотря на ее сходство с «композициями защиты» Нового царства. Большаков считает, – видимо, совершенно справедливо, – что сама потребность человека в защите со стороны богов, сообразно ощущению его уязвимости в управляемом ими мире, в принципе стала актуальной именно в эпоху Нового царства, породив при этом особые категории частной скульптуры[37]: однако трудно представить себе, как подобные мировоззренческие изменения, при всей их фундаментальности, могли бы привести к радикальному изменению исходного смысла именно этой конкретной скульптурной композиции – изображения царя перед божеством. Повторимся, что надписи «соколов-Нектанебов» убеждают в сохранении в них смысла тождества царя и Хора вплоть до конца Позднего времени. Очевидно, мы стоим перед необходимостью найти такую интерпретацию данной композиции, в рамках которой ее смыслы защиты царя божеством и утверждения их тождества не будут противоречить друг другу, а, напротив, окажутся взаимосвязанными и взаимодополняющими.

Этот поиск мы хотели бы начать с обращения к одному из памятников Нового царства, изображающему царя под «защитой» не сокола-Хора и вообще не зооморфного, а антропоморфного божества. Мы имеем в виду довольно известную скульптурную группу Louvre E11005, изображающую Тутанхамона под защитой Амона. Фигура юного царя, стоявшая между колен божества, не сохранилась, за исключением фрагмента ступней и ног; однако по тому, что они повернуты пятками вперед, можно понять, что царь был обращен к богу лицом, и, благодаря этому, оно оставалось невидимо зрителю! В таком случае показать в этом скульптурном изображении лицо царя можно было, лишь повторив его черты в лице бога; и оно действительно соответствует известному нам облику Тутанхамона[38]. Если при этом вспомнить хорошо известное значение личного имени этого царя (*Twt-ᶜnḫ-Ỉmn* – «Образ живой Амона»), то мотив тождества царя и божества в концепции данной композиции защиты становится совершенно отчетливым.

В эпоху Рамессидов мы обнаруживаем сразу несколько памятников, представляющих собой близкие аналогии «соколам-Нектанебам». Прежде всего это знаменитое изображение младенца-Рамсеса II под защитой сокола-Хоруна из Таниса (СМ J.E. 64735)[39]: исследователи с самого начала отметили своего рода ребусный принцип ее композиции – на голове младенца-Рамсеса помещен солнечный диск – *Rᶜ*; сама его фигура, судя по всему, соответствует фонетическому значению *ms*; и, наконец, в левой руке младенец сжимает тростинку-*sw*, так что в итоге скульптурная группа дает полное написание его личного имени *Rᶜ-ms-sw* (в надписи на постаменте мы видим титулатуру Рамсеса II, сопровождаемую эпитетом «любимый Хоруном» – *mry-Ḥwrwn*). Из Телль-Небеше происходит ко-

---

[37] Там же. С. 84. Прим. 74; ср. *Большаков А.О.* Изображение и текст: Два языка древнеегипетской культуры // ВДИ. 2003. № 4. С. 17 сл.

[38] *Berman L.M., Letellire B.* Pharaohs: Treasures of Egyptian Art from Louvre. Cleveland, 1996. P. 65 (16. Statue of the God Amun Protecting Tutankhamen).

[39] *Montet P.* Les foulles de Tanis en 1933 et 1934 // Kêmi. 1935–1937. 5. Pl. XI; *Leibovitch J.* Amon-Ra', Rechef et Houron sur une stèle // ASAÉ. 1944. 44. P. 167, 169. Fig. 16; *Habashi L.* Features of the Deification of Ramesses II. Glückstadt, 1969 (Abhädlungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Abt. Kairo. 5). P. 38–39. Fig. 27.

лонна с навершием, изображающим Мернептаха под защитой Хора[40]; а в храме Сети I в Абидосе, на стене часовни Осириса, изображен штандарт, на котором помещается Хор, защищающий, очевидно, этого царя[41] (в обоих случаях эти композиции сопровождаются Хоровыми именами царей). Наконец, стоит обратить внимание на происходящее из Телль эль-Масхуты скульптурное изображение божества в образе сокола (согласно надписи на передней стороне постамента, Харахте), между лапами которого помещается заключенный в контур в форме двух перьев картуш с личным именем Рамсеса II (*Rʿ-ms-sw mry-Ỉmn*)[42]. С одной стороны, в свете египетских представлений об имени[43], этот картуш вполне способен служить идентификатором царя, заменяющим его изображение и, собственно, маркирующего его защиту божеством. С другой стороны, хотя картуш и проработан как четко выделяющийся элемент скульптурной композиции, он, в отличие от фигуры царя в других «композициях защиты», все же не является вполне самостоятельным (в частности он образует с изображением сокола единое целое без какого-либо зазора между ними); исходя из этого, вероятно, не стоит отказываться от его восприятия как еще одной «подписи», относящейся именно к фигуре сокола, который в таком случае отождествляется с царем. Если это так, то подобное же тождество царя и бога-сокола по крайней мере не следовало бы исключать и для других названных нами композиций рамессидского времени, в которых царь находится «под защитой» сокола: в данном случае они оказываются необычайно близкими – как по композиции, так и по концепции – аналогами «соколов-Нектанебов»[44].

---

[40] *Petrie W.M.F.* Tell-Nebesheh. L., 1888. P. 9; *Leibovitch.* Op. cit. P. 168. Fig. 20.

[41] *Caulfeild A.St.G.* The Temple of the Kings at Abydos (Sety I). L., 1902. Pl. II; *Leibovitch.* Op. cit. P. 167, 169. Fig. 19.

[42] *Naville Éd.* The Store-city of Pithom and the Route of the Exodus. L., 1885. P. 4. Pl. XII; *Leibovitch.* Op. cit. P. 167, 169. Fig. 17.

[43] *Большаков А.О.* Человек и его двойник: Изобразительность и мировоззрение в Египте Среднего царства. СПб., 2000. С. 64–69.

[44] Фрагмент (верхняя часть) полностью аналогичной фигуры сокола с картушем Снофру (*nṯr nfr nb t3wy snfrw* «бог прекрасный, владыка обеих земель Снофру») был обнаружен в храме Хатхор в Серабит эль-Хадим на Синае (сейчас в Британском музее – BM 41745; *Petrie W.M.F.* Researches in Sinai. L., 1906. P. 96, 122–123. Fig. 126; *Gardiner A.H., Peet E., Černý J.* Inscriptions of Sinai. II. L., 1955. № 62. P. 82–83). Обращает внимание, что в данном случае к Снофру прилагается титул, основанный на эпитете «бог прекрасный», т.е. утверждающий его иерархическую «подчиненность» «богу великому» (*nṯr ʿ3*) – Солнцу (*Берлев О.Д.* Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978. С. 278; *Berlev O.D.* The Eleventh Dynasty in the Dynastic History of Egypt // Studies presented to H.J. Polotsky. Beacon Hill (Mass.), 1981. P. 362–363; *Berlev O., Hodjash S.* Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow, 1982. P. 37; *Берлев О.Д.* Два царя – Два Солнца: к мировоззрению древних египтян // Discovering Egypt from the Neva: The Egyptological Legacy of Oleg D. Berlev B., 2003. P. 1–18; см. также ниже прим. 68–69); это отличается от употребления в синайских рельефах Древнего царства в Вади-Магхара по отношению к царям, разящим азиатов и отождествляемых с Хором, эпитета *nṯr ʿ3* (как раз со времени Снофру, в ряде случаев – в сопряжении именно с эпитетом, вписанным в картуш Снофру перед фигурой сокола: *Демидчик.* Староегипетская печать «правителя Нагорья»... С. 84–85; *он же.* Безымянная пирамида... С. 17 – с отсылками к ряду публикаций). Рельефы Вади-Магхара должны быть основаны на идее тождества царя и Хора, аналогичной той, которая проявилась, по наблюдениям А.О. Большакова, в «соколиных статуях» Древнего царства: природа бога имманентна личности царя, так что их иерархическое неравенство отходит на

Переходя теперь к анализу памятников собственно времени XXX династии, в связи с интересующей нас темой стоит упомянуть большие фигуры соколов перед пилоном храма в Эдфу (они связываются, правда, не вполне уверенно, со строительной деятельностью Нектанеба II, а перед одним из них, слева от пилона, мы видим фигуру царя[45]) и «композицию защиты», в которой Нектанеб II изображен перед богом Амоном (BM 1421)[46]. В то же время оптимальной аналогией скульптурным группам «соколов-Нектанебов», можно считать сфинксов основателя XXX династии Нектанеба I, образующих целую аллею на периферии Карнакского храмового комплекса в Фивах[47]. Нам уже приходилось говорить, что одной из главных целей строительства этого царя в фиванских храмовых комплексах было разграничение их сакрального пространства и обустройство инфраструктуры, обеспечивающей религиозные празднества, прежде всего процессионных путей; при этом особое внимание уделялось процессиям тех праздников, в которых центральную роль играл царь как носитель сакральности[48]. В рамках программы этого строительства Нектанеб I возводит аллею сфинксов в 5,7 м шириной и общей длиной ок. 2 км, которая соединила Карнакский и Луксорский храмовые комплексы; согласно надписям на основаниях сфинксов, эта аллея была предназначена для «совершения» богом его «прекрасной процессии в Ипет-Ресит (Луксоре. – *И.Л.*)» (*...r irt ḥnt.f nfr*[*t*] *m Ỉpt-Rsyt...*), под которой, скорее всего, понимается праздник Опет[49]. На подходе к Луксору эта аллея была образована обычными сфинксами с телом льва и лицом царя (PM^2 II. 302, plan XXIX); однако на участке аллеи к югу от Карнака, вблизи комплекса богини Мут (Ibid. 255, plan I, XXIV), между лапами сфинксов, под их защитой, находилась фигура царя. Аллея сфинксов с лицом Нектанеба I и его изображением между их лапами заканчивалась между комплексом Мут и святилищем для остановки барки Амона, выстроенным при Хатшепсут (Ibid. 277); за ним этот процессионный путь резко поворачивал на север, превращаясь в ведущую к 1-му пилону Карнакского комплекса аллею криосфинксов (сфинксов с бараньими головами), между лапами которых также находилась фигура царя (Ibid. 191, plan XXIV; эта аллея была возведена еще при Рамсесе II и стоящие

второй план. Переход от этого представления к утверждению «подчиненности» царя богу в скульптуре, о которой идет сейчас речь (при том, что, по мнению исследователей, ее создание также было связано с мотивом побед над врагами Египта на синайском рубеже и реминисценциями роли в этом Снофру), хорошо согласуется с ее отнесением к более позднему времени – XII династии (*Wildung D.* Die Rolle ägyptischer Könige im Bewusstsein ihrer Nachwelt. 1. B., 1969. S. 111–113).

[45] *Arnold.* Op. cit. P. 133. Fig. 90.

[46] *Bosse K.* Die menschliche Figur in der Rundplastik der ägyptischen Spätzeit von der XXII. bis zur XXX. Dynastie. Glückstadt–Hamburg–New York, 1936 (Ägyptologische Forschungen. 1). Nr. 183a. S. 68; *Myśliwiec K.* Royal Portraiture of the Dynasties XXI–XXX. Mainz am Rhein, 1988. S. 73, 83.

[47] *Arnold.* Op. cit. P. 118; *Myśliwiec.* Op. cit. 81–84 (фотографии сфинксов); *Abd el-Razik M.* Study on Nectanebo Ist in Luxor Temple and Karnak // MDAIK. 1968. 23. S. 156–159.

[48] *Ладынин И.А.* Строительная программа Аргеадов в Египте в контексте храмового строительства XXIX–XXX династий // Петербургские египтологические чтения – 2006. Материалы научной конференции. СПб., 2007 (Труды Государственного Эрмитажа. XXXV). С. 86–100.

[49] *Abd el-Razik.* Op. cit. P. 157–158; о празднике Опет см. *Bell L.* The New Kingdom 'Divine' Temple: The Example of Luxor // Temples of Ancient Egypt / Ed. B.E. Shafer. L., 1997. P. 157–177.

перед сфинксами фигуры царя изображают именно его – ср. выше с появлением также в рамессидское время аналогов статуй «соколов-Нектанебов»).

Разумеется, изображения сфинксов, фланкирующие эти аллеи, в отличие от скульптурных изображений царя перед соколом-Хором, не были специально предназначены для отправления перед ними культа. Тем не менее обращает на себя внимание не только композиционное сходство этих двух групп памятников, но и то, что, как и сокол, сфинкс в египетских религиозных представлениях также считался вместилищем божества – Хармахиса (греч.; егип. *Ḥr-m-3ḫt* – «Хор в горизонте»)[50]. Выше мы говорили о тождестве Нектанеба II и Хора в скульптурных группах «соколов-Нектанебов»: по-видимому, аналогичным образом Нектанеб I тождествен божеству его сфинксов, что проявляется в их наделении портретными чертами царя. Скорее всего, в обоих случаях это тождество бога и царя напрямую связано со значением имени последнего. Как известно, имена этих двух представителей XXX династии совпадают, различаясь лишь по порядковым номерам, исключительно в традиции их научной транскрипции: уже в греческой транскрипции они существенно отличаются одно от другого (Manetho / Ed. W.G. Waddell. Cambr. (Mass.) – L., 1980. Frg. 74a-b: Νεκτανέβης и Νεκτανεβός[51]), а в их исконном египетском варианте совпадают только в начальном своем компоненте[52]. Личное имя Нектанеба II *Nḫt-Ḥr-Ḥbyt* означает буквально «Силен Хор [города] *Ḥbyt*» (как мы уже выяснили в связи с одним из «соколов-Нектанебов», центр почитания Исиды и ее сына Хора, входящий в XII Севеннитский ном Нижнего Египта – родовое гнездо XXX династии[53]); тем самым оно, по существу, является высказыванием, которое могло быть отнесено к стоящему позади царя богу-соколу и еще больше конкретизировано применительно к нему добавлением слова «сокол», как это и делалось в титулатурах жрецов этих культовых изображений. Имя же Нектанеба I *Nḫt-nb.f* означает «Силен господин его», т.е. опять же может трактоваться как высказывание, относящееся к покровительствующему царю божеству, каковым в композиции сфинкса с фигурой царя между лапами оказывался Хармахис. В довершение этого в написание имени *Nḫt-Ḥr-Ḥbyt* непременно входил знак GG(SL) G6, изображающий бога Хора, а имя *Nḫt-nb.f* очень часто писалось с использованием знака E23, т.е. изображения лежащего льва; заметим, кстати, что подобное написание имени Нектанеба I могло «обыгрываться» не только в интересующих нас композициях со сфинксом, но и в хорошо известных скульптурных изображениях лежащего льва, относящихся к его времени и обнаруживающих отчетливое эллинское влияние (Ватикан, Museo Gregoriano

---

[50] LÄGG. V. S. 238–239.

[51] См. отсылки к другим формам этого имени в античных источниках: *Pieper M.* Nektanebos // RE. 32. 1935. Kol. 2234–2240.

[52] *Beckerath.* Handbuch der ägyptischen Königsnamen. S. 226–229 (можно обратить внимание, как сам издатель этого свода царских имен различает этих царей в *немецком* тексте не нумерацией, а формой имени в транскрипции – соответственно Nektanebis и Nektanebōs). Различие между этими именами было окончательно установлено в публикации В. Шпигельбергом так называемой «Демотической хроники»: *Spiegelberg W.* Die sogenannte Demotische Chronik des Papyrus 215 der Bibliothèque Nationale zu Paris. Lpz, 1914 (Demotische Studien. 7). S. 6; ср. *Clère J.-J.* A propos de l'ordre de succession des rois de la XXXe dynastie // RdÉ. 1951. 8. P. 25–29; *Kienitz F.K.* Die politische Geschichte Ägyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. B., 1953. S. 199.

[53] *Montet.* La géographie de l'Égypte ancienne... P. 103–110.

Egizio 16, 18)[54]. Иными словами, изображения божеств, присутствующих в обсуждаемых нами скульптурных группах, прямо входили в написание личных имен соответствующего царя, а сами эти имена могли быть восприняты как связанные с этими божествами высказывания.

Подобная связь между данными скульптурными композициями и именами изображенных в них царей заставляет вспомнить замечания П. Барге и М. Элдамати о том, что именно образы сокола-Хора и сфинкса-Хармахиса (последний – согласно рельефу из храма Сети I в Абидосе[55]) связаны с еще одним важнейшим «идентификатором» царя, столь же значимым, как имя, и в определенной мере с ним связанным, – с категорией царского «двойника»-*kꜣ*[56]. Если исходить (как это делает, в частности, Элдамати) из того, что эти божества воплощают собой царский «двойник», то их тождество с царем и, в рамках скульптурной композиции, с его фигурой перед ними закономерно; в то же время мы упоминаем возможность такой интерпретации скорее для того, чтобы оговорить ее чрезмерную прямолинейность. Тождество на уровне «двойников» в египетских представлениях фактически равнозначно тождеству на уровне сущностей; и, при постулировании его между Хором и царем, последнего, как совершенно справедливо говорил А.О. Большаков, «можно было бы максимум назвать Хором», а не конструировать особое Хорово имя, описывающее не «царя как Хора... а Хора как царя, Хора в царе» (на уровне временного земного проявления божества в его личности)[57]. Характерным образом, именно с Хоровым именем, а не с Хором, как таковым, связана бóльшая часть изобразительного материала, собранного в статье Элдамати (по нему видно, что иконографически царский «двойник» очень часто изображается при помощи помещения *serexa* – фасада дворца с соколом-Хором наверху, в который вписывается Хорово имя царя, – между двух поднятых рук знака GG(SL) D28–29, собственно, и передающего слово *kꜣ*; на рельефах из Абидоса эта конструкция помещена на голову сфинкса, изображение которого, по замечанию П. Барге, ассоциируется со словом *šsp* – «образ», – тоже семантически связанным с идентификацией той или иной сущности; см. наше прим. 56). Кроме того, если обращаться непосредственно к изображениям «соколов-Нектанебов» и, шире, вообще к скульптурным «композициям защиты», в которых угадывается мотив тождества бога и царя, в них невозможность того, чтобы это тождество оказалось, так сказать, иерархически равным, продемонстрирована максимально наглядно – превосходством фигуры бога над фигурой царя по своим размерам! Очевидно, что ключ к пониманию этого тождества должен лежать в плоскости египетских представлений о том,

---

[54] *Marucchi O.* Il Museo Egizio Vaticano. Roma, 1899. P. 32, 36–39; *Scharff A.* Bemerkungen zur Kunst der 30. Dynastie // Miscellanea Gregoriana. [Città del Vaticano,] 1941. S. 195–203. Стоит заметить, что надпись на постаментах этих статуй («Да живет Хор Мощный дланью, царь Верхнего и Нижнего Египта Хепер-ка-Ра сын Ра Нектанеб» *ʿnḫ Ḥr Tm3-ʿ nsw-bity Ḫpr-kꜣ-Rʿ sꜣ Rʿ Nḫt-nb.f*) структурно аналогична надписям «соколов-Нектанебов», а сами они происходят из Телль эль-Баклии – центра, с которым связан один из памятников жрецов статуй царей XXX династии (см. пункт 14 сводки Х. де Мельнера).

[55] *Calverley A.M., Broome M.F., Gardiner A.H.* The Temple of Sethos I at Abydos. II: The Chapels of Amen-Re, 'Re-Harakhti, Ptah and King Sethos. L., 1935. Pl. 15.

[56] *Barguet P.* Au sujet d'une representation du ka royal // ASAÉ. 1951. 51. P. 210. Fig. 7; *Eldamaty.* Horus als Ka des Königs. S. 37, 43. Abb. 15.

[57] *Большаков.* Древнеегипетская скульптура... С. 75, 77.

каким образом божество может проявляться в земном мире (в частности в царской особе) и традиции изобразительной репрезентации этих представлений.

Исследования крупнейшего отечественного египтолога О.Д. Берлева, продолженные А.О. Большаковым и А.Е. Демидчиком, в значительной степени раскрыли законы, действовавшие в этой сфере картины мира древних египтян, а также категории, применявшиеся ими для описания этих законов. Как показал О.Д. Берлев, в земном мире боги были способны появиться и действовать только при помощи особого вещественного посредника, именовавшегося египтянами *ḥm* (неверный, но сохраняемый египтологами традиционно перевод этого слова применительно к особе царя звучит как «Величество»)[58]. Этим посредником в принципе мог стать любой предмет или существо, по выбору бога, причем, судя по всему, бог мог воплотиться и в нескольких *ḥmw* разом – и, разумеется, в качестве *ḥmw* должны были выступать его чтимые изображения (см., например, словоупотребление позднеегипетской «Стелы Бентреш»: KRI II. 286. 2, 8). Вероятно, частным случаем возникновения *ḥm* бога является его воплощение в живом существе, созданным его прямым усилием и имеющем с ним внешнее сходство (*irw* – «созданный»; см. заклинание 312 Текстов саркофагов» – «Превращение в божественного сокола»[59]): существенно, что при этом *irw* наделяется частью такой сущности божества, как его *bꜣ* (букв. «сила»). Тексты, описывающие смерть царя и священных животных, показывают, что, с точки зрения египтян, при этом от умирающего существа отделяется и воссоединяется с богом, проявлением которого оно было, опять же именно *bꜣ*[60]. Иными словами, можно довольно уверенно заключить, что механизм проявления бога в земном мире в представлениях египтян состоял в «овнешнивании» частицы его *bꜣ* (можно понять, что в собственном мире богов они в виде *bꜣw* и существуют; характерно, что именно эта сущность обеспечивает посмертное существование во взаимодействии с богами и обычным людям[61]) и воплощении ее в том или ином *ḥmw*, с возможным последующим возвращением этой частицы к отделившему ее от себя божеству[62]. Способом добиться воплощения божества в чтимом изображении при совершении ритуала было воскурение перед ним ладана (неслучайно он считался египтянами важнейшим «стратегическим материалом» и обозначался причастием каузативного глагола *snṯr* – букв. «делать божественным»: Wb. IV. 180)[63]; однако, как отметил О.Д. Берлев в связи с фрагментом так назы-

---

[58] *Берлев О.Д.* Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972. С. 33–42; ср. *Большаков.* Изображение и текст... С. 9–10; *Демидчик.* Безымянная пирамида... С. 24–25.

[59] См., со ссылками: *Большаков.* Древнеегипетская скульптура... С. 86; *Демидчик.* Староегипетская печать «правителя Нагорья»... С. 82.

[60] *Демидчик.* Староегипетская печать «правителя Нагорья»... С. 80–81 (со ссылками).

[61] *Большаков.* Человек и его двойник... С. 229 сл.; см., кстати, «Поучение царю Мерикара»: pHerm. 1116A. 52.

[62] См. также *Ассман Я.* Египет: Теология и благочестие ранней цивилизации. М., 1999. С. 70–73 (о религиозных текстах, преимущественно поздних, в которых отражаются эти «миграции» *bꜣw* божеств).

[63] *Meeks D.* Notion de «dieu» et structure de la pantheon dans l'Égypte ancienne // RHR. 1988. 205. P. 437–438. О ситуации, в которой воплощение богов в чтимых статуях прерывается (по так называемой «Реставрационной стеле» Тутанхамона) см. *Ладынин И.А.* «Нечестивый правитель» в религиозно-идеологической традиции древнего Египта II тыс. до н.э. // Культурное наследие Египта и христианский Восток (Материалы международных научных конференций). М., 2002. С. 169. Прим. 22.

ваемого «Мемфисского теологического трактата» (сткк. 59–61), боги посредством своих *bȝw* и сами стремились воплотиться в своих изображениях, если таковые были их точными подобиями, выполненными в соответствии с древними «аутентичными» образцами[64].

В связи с некоторыми скульптурными памятниками египетской коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина О.Д. Берлев раскрыл смысл так называемой «саисской формулы», появляющейся на задних опорных столбах нао-, тео- и символофорных частных статуй (изображений людей, держащих в руках, соответственно алтарь с изображением божества, собственно его изображение или какой-либо атрибут; именно о возникновении в Новом царстве этих типов статуй, обеспечивающих защиту божества изображаемым ими людям, говорил А.О. Большаков – см. выше и прим. 37). Ключевая фраза этой формулы на статуе ГМИИ I.1.a.5357 (XXVI династия) звучит следующим образом: «Бог городской [такого-то, владельца статуи (идет перечисление его титулов. – *И.Л.*)]... да будет помещен за ним (владельцем статуи. – *И.Л.*) напротив "двойника" его (бога – имеется в виду его изображение в руках владельца статуи. – *И.Л.*) перед ним (владельцем статуи. – *И.Л.*; *nṯr nỉwty... di.tw ḥȝ.f ḫft kȝ.f m-bȝḥ.f*)»[65]. По замечанию Берлева в связи со статуей Херсета (XXVI династия; ГМИИ I.1.a.5959), «саисская формула» описывает «создание своеобразного "сэндвича" со статуей собственно посередине»: человек, берущий в руки и держащий перед собой на уровне середины тела какое-либо изображение божества, «притягивает» к себе это божество; «человек таким образом оказывается между божеством и двойником», что «дает ему круговую защиту от всего злого»[66]. Сущностью божества, создающей вокруг человека такое «защитное поле», оказывается, естественно, его *bȝ* («сила» в буквальном словоупотреблении Берлева).

Как нам представляется, механизм «защиты» божествами царей в соответствующих скульптурных композициях не должен быть иным, чем когда они действуют на пользу простых смертных (тем более, что в «композициях защиты» царь перед богом явно умаляется): видимо, помещение божества позади царя и изображает создание вокруг него пресловутого «защитного поля». Понятно, что подобный механизм мог «включаться», при желании божества, и собственной его волей, из расположения к царю, без каких-либо «стимулов» со стороны последнего – и этим, вероятно, объясняется появление в «композициях защиты» божеств, царю заведомо не тождественных. Что происходило, однако, с точки зрения египтян в тех случаях, когда в данных композициях явно звучал мотив уподобления царя божеству? По всей вероятности, тогда божество являлось на защиту царя не просто по своей воле, но и повинуясь «закону» воплощения в нем как в своем подобии, как бы «притягиваясь» к царю, по полной аналогии с воплощением божества в собственном изображении или символе в руках человека в частных статуях.

В случае с композициями рамессидского времени, в которых царь оказывается под защитой сокола-Хора, исток уподобления царя богу очевиден: это то же

---

[64] *Берлев О.Д., Ходжаш С.И.* Скульптура древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 2004. С. 249. Ср. *Демидчик.* Староегипетская печать «правителя Нагорья»... С. 82. Прим. 27 (замечание Ю.Я. Перепелкина, известное через посредство А.Л. Вассоевича, о стремлении *bȝ* воссоединиться со всем, что представляет собой «двойник» сущности, которой оно принадлежит).

[65] *Берлев, Ходжаш.* Ук. соч. № 93. С. 274–275.

[66] Там же. С. 249.

представление о нем как о временном воплощении Хора в земном мире, которое в свое время вызвало к жизни традицию «соколиных статуй». Заметим, однако, что от последних «композиции защиты» отличаются по своей концепции весьма существенно: «соколиные статуи», как мы видели по наблюдениям А.О. Большакова, обозначают присутствие бога в царе на уровне трюизма, не требующего особого акцента и выразительных средств, бóльших, чем своего рода намек; если говорить о том, выражают ли эти статуи мотив защиты царя божественной силой, то защита эта никоим образом не придается царю извне, а должна быть присуща ему имманентно, как вместилищу бога, которое, очевидно, «вырабатывает» пресловутое «защитное поле» само по себе. Уже рамессидские «композиции защиты» с участием Хора переосмысливают мотив тождества царя с богом: оно, несомненно, признается, но при этом первостепенно значимым – и акцентируемым изобразительными средствами! – становится не имманентное присутствие бога в царе, а существование бога как отдельной от него и более мощной, чем он, силы, находящейся в своего рода «резонансе» с ним, как со своим проявлением, и приходящей ему на помощь в силу этого. Замечательным образом появление этих скульптурных композиций не прерывает идущей от III тыс. до н.э. традиции «соколиных статуй» (мы видели, что самая поздняя из них в сводке А.О. Большакова – CG 42152 – относится к царствованию Рамсеса VI): судя по этому, топос имманентности бога царской особе инерционно сохраняется в пропагандистском наборе, но теряет подлинную актуальность на фоне приближения царя к подданным еще в начале военной государственности Нового царства и закономерного при этом ослабления его сакральности в их восприятии[67].

В скульптурной группе Louvre 11005 защита Тутанхамона богом Амоном обеспечивается, по-видимому, в значительной мере опять же их тождеством, «притягивающим» бога к царю; однако само это тождество не может быть установлено «по умолчанию». Разумеется, солнечный бог и царь весьма близки (в понимании О.Д. Берлева – вообще единосущны по своей физической природе[68]), однако полное и иерархически равное тождество между ними, пожалуй, еще менее мыслимо, чем между царем и Хором[69], и это полностью относится к такой

---

[67] *Большаков А.О., Сущевский А.Г.* Герой и общество в древнем Египте // ВДИ. 1991. № 3. С. 14–16 (в более четкой формулировке данная мысль не раз высказывалась А.О. Большаковым в его устных выступлениях).

[68] См. отсылку к его работам в нашем прим. 44, а также их оценку в этой связи: *Ладынин.* Сакрализация царской власти... С. 80–81; *он же.* Общество и государство в древнем Египте: отечественная историография XX в. (советский и постсоветский периоды) // Историография истории древнего Востока. Учеб. для вузов / Под ред. В.И. Кузищина. Т. 1. М., 2008. С. 254–255.

[69] Как известно, О.Д. Берлев (см. прим. 44) считал царский эпитет *nfr nfr* («бог прекрасный») эвфемизмом, указывающим на «молодость» (сопряженную с понятием красоты), т.е. младшее положение, иерархическую подчиненность царя («молодого солнца», «солнцчонка») по отношению к *nfr ʿ3* – «богу великому», собственно солнцу. Различие между этими двумя «богами» и сакральными правителями мира, теряющееся в акценте Берлева на их единосущности по плоти, нюансировано единственным в своем роде точным определением «солнечной природы» царя у Ю.Я. Перепелкина: «"Рэ живой" – это некое солнечное существо, *в чем-то и как-то отличное от видимого солнца* (курсив наш. – *И.Л.*) и вместе с тем явленное, действующее – "живущее" в мире в лице своего подобия – фараона» (*Перепелкин Ю.Я.* Кэйе и Семнех-ке-Рэ: К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. М., 1979. С. 268; мы благодарны А.Е. Демидчику, уже давно обратившему наше внимание на эту важную формулировку).

специфически новоегипетской форме солнечного бога, как Амон[70], которого мы видим в данной скульптурной композиции. Как представляется, в этом случае стремление Амона воплотиться в царе должно было стимулироваться каким-то специальным «идентификатором» последнего, совпадающим с одной из сущностей бога; и в случае с данной скульптурной группой этот «идентификатор», пожалуй, очевиден – это уже упомянутое нами личное имя Тутанхамона, приписывающее ему внешнее подобие Амону. При этом чрезвычайно важен следующий момент: в частных тео- или символофорных статуях предмет, побуждающий божество устремиться к человеку и обеспечить ему защиту, находился у него в руках и был по отношению к нему чем-то внешним. Возникающее при этом «защитное поле» было, как указал Берлев, круговым: можно практически с полной уверенностью сказать, что оно *не* пронизывало тело человека – в таком случае он стал бы *ḥm* божества, что едва ли могло произойти с обычным человеком и в ситуации, которая, несмотря на свой «мистический» антураж, типизирована самой практикой изготовления подобных статуй. Совершенно иначе обстояло дело с особой царя: она и без того являлась *ḥm* божества, как говорится, «по определению» – по крайней мере пока за ним сохранялась способность эффективно осуществлять ритуал[71], – и такой «идентификатор», устанавливающий его подобие божеству, как личное имя, был ее органичной и неотъемлемой частью! При «включении» связанного с ним «механизма защиты» божество должно было стремиться воплотиться уже непосредственно в царской особе: естественно заключить, что тем самым достигалось не просто уподобление царя богу, а, по сути дела, его физическое слияние с божественным *bȝ*.

Можно думать, что подобный «механизм» действовал, с точки зрения египтян, в случае со скульптурной группой Louvre 11005; однако здесь воплощение Амона в Тутанхамоне было все же скорее «побочным продуктом» (хотя бы и оцениваемым весьма позитивно!) приоритетной для этой композиции функции защиты царя. Иначе обстояло дело с композициями «соколов-Нектанебов»: как недвусмысленно следует из их упоминаний в жреческих титулах, их *raison d'être* была не защита царя, а воздание ему культовых почестей в отождествлении с богом. По-видимому, «механизм функционирования» этих скульптурных групп (как и изображений Нектанеба I перед сфинксами фиванской аллеи, которую можно было бы счесть своего рода «пилотным проектом» по отработке данного идеологического приема в условиях XXX династии) был в точности таким же: имя царя, трактуемое как упоминание божества, «притягивало» его к царю и стимулировало его воплощение в царской особе; и именно утверждение присутствия Хора (как мы помним, в ипостаси сына Исиды!) в Нектанебе II и составляло концепцию и главный смысл создания этих композиций. При этом если «месседж» луврской скульптурной группы и огромного большинства других «композиций защиты», включая, видимо, и фиванские сфинксы Нектанеба I, явно не носил всеобщего характера и состоял в единичной, можно сказать, ситуационной констатации связи того или иного божества с царем, то «соколы-Нектанебы», судя по широте и официозному характеру их распространения в

---

[70] *Ассман*. Ук. соч. С. 282–295.

[71] См. о ситуации (в ее конкретной характеристике в письменном источнике вполне уникальной), когда эта способность покидает царя, в связи с чем его перестают именовать *ḥm*: *Ладынин И.А.* Идеологические аспекты междоусобицы Амасиса и Априя в 570–567 гг. до н.э. // Петербургские египтологические чтения – 2005. Тезисы докладов. СПб., 2006. С. 94–95, 100–101.

египетских храмах, несомненно, утверждали идеологему, которая в царствование Нектанеба II была значимой и актуальной в общеегипетском масштабе. В этом отношении единственным (и, несомненно, гораздо менее важным в идеологическом плане) аналогом этих скульптурных групп могут показаться, по угадывающемуся «типовому» характеру их распространения, только «композиции защиты» рамессидского времени с участием Хора, которые, как мы говорили, могут быть аналогичны «соколам-Нектанебам» и в концептуальном плане.

Сам факт того, что культ изображений Нектанеба II оказался возможен лишь в отношении композиций, утверждающих его тождество с божеством, говорит о многом. Прежде всего стоит сказать, что уже авторы концепции этих композиций оправдали ту репутацию хороших специалистов по разработке царской идеологии, которая, как мы говорили, сохранялась за жрецами «соколов-Нектанебов» и в дальнейшем: трудно представить, чтобы эти скульптурные группы (а ранее – изображения Нектанеба I перед сфинксами в Карнаке) были созданы вне ориентации на аналогичные им рамессидские памятники. Если это так, то создатели «соколов-Нектанебов» явно хорошо знали, где искать вдохновение для своих замыслов: по прочно утвердившемуся мнению египтологов, именно царствование Рамсеса II стало временем особенно активного экспериментирования именно с такой идеологической формой, как почитание царских изображений[72]. Вместе с тем именно сравнение с этим опытом приводит к очень важным замечаниям об изменениях, произошедших в культе царских изображений и в связанных с ним представлениях о царской сакральности со времени Нового царства (помимо эпохи Рамсеса II еще одним взлетом этой формы почитания царя было царствование Аменхотепа III[73]). Тогда основной формой этого культа было почитание колоссальных изображений царя, выставлявшихся во внешних частях храмов (что открывало прямой доступ простых людей к их культу, в отличие от культа богов, который мог совершаться только жрецами и никоим образом не был публичным) и носивших специальные культовые имена («Небмаатра – властитель властителей» у «колоссов Мемнона», изображавших Аменхотепа III[74], в Фивах, «Монту властителей» – у его же колосса у X пилона Карнакского храма, «Ра властителей» – у чтимых статуй Рамсеса II в Луксорском храме и на серии так называемых хорбейтских стел, четыре различных варианта, в том числе «Властитель властителей», – у статуй Рамсеса II в Пер-Рамсесе и Восточной Дельте[75]).

К сожалению, собственно религиозной интерпретации их почитания – выяснению того, какая именно божественная сущность была объектом поклонения, которое, судя по ряду сцен, могло осуществляться в отношении собственных статуй самим царем[76], – в литературе уделялось не столь уж большое внимание. На наш взгляд, речь должна идти о почитании той или иной сакральной силы царя (особенно часто – по-видимому, во всех случаях, когда статуя получает

---

[72] См. в первую очередь: *Habashi*. Features of the Deification of Ramesses II.

[73] См., помимо ряда замечаний в указанной работе Л. Хабаши: *Schuller-Götzburg Th.* Zur Vergöttlichung Amenophis III. in Ägypten // GM. 1993. 135. S. 89–95.

[74] *Bell L.* Luxor Temple and the Cult of the Royal Ka // JNES. 1985. 44. P. 286.

[75] *Habashi*. Featur of the Deification of Ramesses II. P. 40–43.

[76] См., например, сцены в храме Рамсеса II в Абу-Симбеле: *Habashi*. Featur of the Deification of Ramesses II. P. 5–10. Fig. 4–5, 8; кантирская стела визиря Рахотепа: *Habashi L.* The Qantir Stela of the Vizier Rahotep and the Statue Ruler-of-Rulers // Festgabe für Dr. W. Will. Köln–Berlin–Bonn–München, 1966. S. 67–77. Abb. 1–2 и др.

именование со вторым генетивным компонентом «...властителей», – его способности осуществлять власть над всем миром), которая могла рассматриваться отдельно от его личности[77]; вместе с тем она, видимо, пребывала в самом царе, и ее использование в той или иной ситуации не требовало специального воззвания к божеству, а находилось в его воле. Как показывают именования некоторых культовых изображений, в ряде случаев наличие у царя этой силы ассоциируется с его уподоблением тому или иному богу; однако то, что и в таких случаях эти изображения имеют собственный облик царя[78], наглядно показывает ее имманентность его особе (очевидно, имеется в виду то, что эта сила не передается царю по воле данного бога, а принадлежит обоим в одинаковой мере).

Легко заметить, что «соколы-Нектанебы» не выделяют какого-то особого качества царя как объект почитания[79]: таковым, очевидным образом, становится сама царская особа в отождествлении с божеством – отождествлении, в котором, как уже не раз говорилось в связи с пропорциями царя и Хора в данных скульптурных группах, доминирующая роль принадлежала именно богу. Повторим еще раз, что само отождествление царя с Хором никоим образом не было новацией и мы видели две группы скульптурных композиций, в которых оно отразилось, – «соколиные статуи» и рамессидские «композиции защиты», где фигурирует сокол-Хор; для последних мы констатировали вероятную переакцентировку мотива тождества царя и Хора в смысле представления о божестве как об отделенной от царя и возвышающейся над ним, а не имманентной его личности силы. Важнейшее свидетельство – включение эпитета Хора «сокол божественный, вышедший из Исиды» непосредственно в имя Нектанеба II как царя Верхнего и Нижнего Египта в надписи на постаменте «сокола-Нектанеба» из Таниса показывает, на наш взгляд, что создатели этих композиций пошли в их концепции еще дальше: Хор опять же рассматривался как отделенная от царя и превосходящая его сила – но теперь он считался не пребывающим вне земного мира (на «небе» египетской терминологии) и приходящим на помощь царю при необходимости, а воплощенным в его личности постоянно и, собственно говоря, отправляющим через него власть сакрального правителя. Подобное преоблада-

---

[77] О возможности того, что эта сила покинет царя и он не сможет вернуть ее собственными усилиями, см. *Демидчик*. Безымянная пирамида... С. 46–47 (и прим. 3 с изложением важного замечания О.Д. Берлева); наше прим. 71 выше.

[78] Правда, в Абу-Симбеле ассимиляция царя Тоту и Хонсу связана в некоторых случаях с приданием ему элементов их иконографии – диска и полумесяца на голове, а с Ра-Харахте – даже сокологолового облика (*Habashi*. Features of the Deification of Ramesses II. P. 6–7)

[79] В литературе высказывалась (скорее мимоходом) мысль, что таким качеством должна быть победоносность бога Хора по отношению к внешним врагам Египта (*Arnold*. Op. cit. P. 124); однако обоснование этого (заведомо выходящее за рамки задач этой работы) может строиться лишь на косвенных аргументах, в частности на особой роли Хора в магических текстах, обеспечивающих победу над азиатскими врагами, персонифицированными в образах Сета и его присных – «Книге победы над Сетом – Urk. VI. 1–59, pJumilhac XVII. 3–8, pBremner-Rhind I в части «Книги ниспровержения Апопа...», папирусе Солт 825 = pBM10051 (см. об этих текстах в целом: *Матье*. Древнеегипетские мифы. С. 215–223). Привязка этого мотива к осирическому мифу (особенно четко – в «Книге победы над Сетом», которая и восходит к середине IV в. до н.э.: Urk. VI. 2–3) объясняет, почему «соколы-Нектанебы» отождествляют царя именно с Хором, сыном Исиды.

ние божества в сакральной природе царя, согласно этим изображениям, наводит на мысль о том, что эта природа, собственно, и бывшая объектом культа, виделась современникам Нектанеба II исключительно производной от сакральности бога: похоже, что на уровне если не догматики, то обыденных представлений, они уже не числят за царем сакральных качеств, которые были бы имманентны ему лично (как мы это видели, похоже, в культе колоссов Нового царства).

Подобное восприятие царя можно сопоставить с концепцией «Демотической хроники» – появившегося в эллинистическое время сборнике псевдопророчеств о царствованиях IV в. до н.э.: данный текст приписывает представителям XXVIII–XXX династий ряд отрицательных качеств, прежде всего способность отклоняться в своих действиях от «закона» (*hp*; как было давно замечено, конкретное наполнение этого понятия, в концепции этого текста замещающего *маат* классической египетской фразеологии, подразумевало в первую очередь царские благодеяния храмам) и вызывать тем самым гнев богов[80]. Примечательно, что уклонение царя от «закона» воспринимается традицией этого времени (помимо «Демотической хроники» еще и «Поучением Анхшешонки») как проявление гнева на страну божества; применительно же к царям, соблюдающим благо, тексты этой традиции вводят понятие «пути бога» («Демотическая хроника – pBibl. Nat. 215 dem. *recto* IV/7: «четвертый правитель, который был после мидян (персов. – *И.Л.*), именем Псамуф, он не был... он не был на пути бога: они (боги? – *И.Л.*) не позволили ему быть правителем долго». Характерным образом понятие «пути бога» – причем как раз в контексте представления о Хоре как о действующем правителе Египта – было воспринято «Стелой сатрапа» 311 г. до н.э. в связи с эпизодом возвышения в период второго персидского владычества эфемерного правителя Египта Хаббаша[81] – Urk. II. 18.10–11). В этой концепции следование царя «пути бога» должно было зависеть от некоего переплетения воли божества и свободного выбора самого царя; однако оно во всяком случае вряд ли могло быть под сомнением, когда речь шла о царе, через которого действовало непосредственно божество. Между тем именно это настойчиво утверждается концепцией «соколов-Нектанебов»: как мы видели, эти скульптурные композиции делают акцент на том, что Хор воплотится в царе обязательно, почти независимо от его воли, подчиняясь закономерности, связанной с самим именем царя[82]. При этом применительно к «соколам-Нектанебам», в отличие от колоссов Нового царства, похоже, не ставилась задача сделать их объектом массового благочестия: они с самого начала и очень целенаправленно включаются в институциализованный храмовый культ (мы помним, что специальное жречество «соколов-Нектанебов» появляется уже в царствование Нектанеба II). В таком случае введение этого культа должно было не только утвердить

---

[80] *Johnson J.H.* The Demotic Chronicle as a Statement of a Theory of Kingship // JSSEA. 1983. 13. P. 68; *Felber H.* Die Demotische Chronik // Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten / Hrsg. von A. Blasius, B.U. Schipper. Leiden, 2003 (Orientalia lovanensia analecta. 107). S. 107.

[81] *Johnson.* Op. cit. P. 69; о Хаббаше см. *Huß W.* Der rätselhafte König Chababasch // Studi epigrafici e linguistici sul Vicino Oriente antico. 1994. 11. P. 97–117.

[82] Комментаторы «Демотической хроники», ориентируясь именно на существование статуй «соколов-Нектанебов», истолковывают содержащуюся в этом тексте фразу: «меч – это царская должность, явление которой есть обличье сокола» (pBibl. Nat. 215 dem. *recto*. V/10; *Johnson.* Op. cit. P. 67; 64, 67; *Felber.* Die Demotische Chronik. S. 86. Anm. zu V/10).

применительно к Нектанебу II веру в его сакральность ввиду пребывания в нем божества, но и благодаря официальному признанию этого со стороны храмов гарантировать его от претензий, подобных тем, что «Демотическая хроника» предъявляла его предшественникам (характерным образом этот текст ему их и не предъявляет, а обходит его царствование молчанием, по крайней мере на уровне прямых упоминаний[83]).

Таким образом, «исходная ситуация», с которой в середине IV в. до н.э. столкнулись инициаторы введения культа «соколов-Нектанебов» в египетских храмах, явно характеризовалась основательным снижением уверенности египтян в личной сакральности их правителей и соответственно безупречности их действий. Почитание «соколов-Нектанебов» должно было в меру возможности восстановить эту уверенность; и в этом смысле оно стоит в одном ряду, в частности, с деятельностью Нектанебов I и II в фиванских храмах (мы имеем в виду не только сооружение аллеи сфинксов с изображениями Нектанеба I перед ними, но и инициированную этими царями целую программу реконструкции процессионных путей, связанных с праздниками, акцентирующими царскую сакральность[84]). Вместе с тем появление культа «соколов-Нектанебов» вызвало к жизни, по существу, новую для египетской идеологии концепцию, причем облеченную в довольно четко «прописанную» формулировку. Чисто мифологически ее новизна состояла в акцентировании тождества царя с Хором именно как сыном Осириса и Исиды, что в условиях необычайной популярности их культов в Позднее время вполне понятно (см. также наше прим. 79); в то же время более существенна была содержащаяся в ней констатация того, что сакральная власть над Египтом и миром осуществляется представленным в особе царя божеством. То, что сама по себе эта особа мыслится, похоже, лишенной сакральных качеств, заставляет усомниться в верности мнения шведского египтолога Т. Хольм-Расмусена о генетической связи введения в египетских храмах культа изображений царской четы при Птолемее III с культом «соколов-Нектанебов»[85], по крайней мере на сущностном уровне: не вызывает сомнений, что сакральность «богов-Эвергетов», как и других обожествленных Птолемеев, даже при возможности их ассоциации с некоторыми египетскими богами, все же принадлежала им лично, а не была производной от чужой сакральности иных существ[86]. Однако сама идея «царствования Хора», воплощенного в земном царе, не только служила повышению статуса и оправданию действий последнего, но и содержала в себе возможности дальнейшей эволюции. Наделение божества формальным царским статусом при отсутствии «подходящего» (приемлемого

---

[83] Апория, с которой должны были столкнуться создатели «Демотической хроники», состояла в том, что Нектанеб II по своему необычайно масштабному храмовому строительству вполне соответствовал представлению об идеальном «благодетельном» (*mnḫ*; *Johnson*. Op. cit. P. 68) царе, но в то же время именно при нем на Египет обрушилось такое бедствие, как второе персидское завоевание. Заметим, что «Демотическая хроника», ориентируясь, по-видимому, принципиально только на реальные исторические реминисценции, не приписывает Нектанебу II никаких негативных качеств, которые присутствуют в его образе в художественной традиции (прежде всего в «Романе об Александре») и мотивируют вызвавший бедствия Египта гнев богов.

[84] *Ладынин*. Строительная программа Аргеадов... С. 93–94.

[85] *Holm-Rasmussen*. On the Statue Cult of Nectanebos II. P. 25

[86] См. в общем о культе Птолемеев III в. до н.э. (прежде всего Арсинои II и Эвергетов): *Hölbl G.* A History of Ptolemaic Empire. L.–N.Y., 2001. P. 101–112.

по чисто прагматическим соображениям) земного правителя – хорошо засвидетельствованный прием египетской идеологии I тыс. до н.э.[87]; и следующим, по логике вещей, закономерным шагом от констатации власти Хора над Египтом, отправляемой через посредство царя, было бы допущение, что при отсутствии такового в земном мире бог будет стремиться осуществлять свою власть уже непосредственно, в своем собственном качестве. Собственно говоря, именно это мы и видим в эпоху, следующую за царствованием Нектанеба II (наиболее явно – в раннеэллинистической «Стеле сатрапа», в наделении как раз Хора, сына Осириса и Исиды, царским статусом применительно ко времени второго персидского владычества: Urk. II. 17.16–18.4[88], et al.); однако обсуждение этого вопроса уже выходит за рамки поставленной в данной статье задачи.

«NECTANEBOS-THE-FALCONS»: SCULPTURE IMAGES OF NECTANEBO II BEFORE THE GOD HORUS AND THEIR CONCEPT

I.A. Ladynin

The paper deals with a type of sculpture groups showing the falcon Horus with the last Egyptian king Nectanebo II (about one third of the falcon's height) before him, as if protected by him (the best known and really artistically magnificent specimen of this type is a sculpture of green basalt MMA 34.2.1). Five sculptures of this type are inscribed at their bases; the inscriptions consist of the benediction (*ʿnḫ*... «Be alive...»), including the titulary in the complete or in a somewhat shortened form added with an epithet; the one that must be especially mentioned is the titulary at the sculpture group from Tanis showing the epithet of Horus «the divine falcon, issue of Isis» (*bik ntr*[*y*] *pr m St*) included directly in the *nsw-bity* name of Nectanebo II. As shown by J. Yoyotte (1959) and H. de Meulenaere (1960), the priestly titles of «god's servants» (*ḫm-nṯr*) of «Nectanebo-the-Falcon» (*Nḫt-Ḥr-Ḥbyt-pȝ-bik*) or simply «The Falcon» (*pȝ-bik*), found rather widely in the monuments of the late 4th – 3rd centuries B.C., belonged to the priests, who provided for the worship of these sculpture groups. One can conclude that those images were placed and their cult was established in most local temples of Egypt, where Nectanebo II carried out building or restorations. Symptomatically, these priests were employed in Ptolemaic time as a sort of experts in belabouring the new forms of royal ideology (J. Quaegebeur, 1985, 1989). The interpretation proposed for the sculpture groups of «Nectanebos-the-Falcons» is based on the hypothesis by O.D. Berlev (2004) concerning the functioning of private nao-,

[87] *Ладынин И.А.* Основные этапы царского культа Птолемеев в контексте общей эволюции египетского эллинизма // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 3. СПб., 2004. С. 157–158 (со ссылкой на материалы исследования: *Rössler-Köhler U.* Individuelle Haltungen zum ägyptischen Königtum der Spätzeit: Private Quellen und ihre Königswertung im Spannungsfeld zwischen Erwartung und Erfahrung. Wiesbaden, 1991 (Göttinger Orientforschungen. IV. Reihe: Ägypten 21).

[88] *Ladynin I.A.* «Adversary *Hšryš3*»: His Name and Deeds According to the Satrap Stela // CdÉ. 2005. 80. P. 92. Not. «i»; 98. Not. «p».

© 2009 г.

Л. Капогросси Колоньези

АНТИЧНЫЙ ГОРОД КАК ГОРОД-ГОСУДАРСТВО: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В 1864 г. во Франции появилась книга, которой суждено было составить целую эпоху, – «Античная гражданская община» Нюма Дени Фюстель де Куланжа. Возникновение и начальные этапы развития государства – института преимущественно политического – объяснялись в ней на фоне параллельного формирования гражданской общины в ходе естественной эволюции семейно-родовых институтов, скрепленных первобытной религией. История греческих полисов и Рима рассматривалась при постоянном сопоставлении с древними учреждениями далекой Индии. Эта связь основывалась на тезисе, получившем в XIX в. широкое признание: согласно ему, открытое незадолго до того индоевропейское языковое единство позволяло реконструировать историю разных языковых групп, объединенных общностью происхождения. Считалось, что методы и задачи сравнительной филологии (как тогда называлась эта дисциплина) можно распространить и на историю соответствующих народов и цивилизаций, а возможно, и всего человечества. Это были те самые годы, когда в Англии увидело свет сочинение, еще более важное для истории древних институтов, – «Древнее право» Генри Мэна (1861), впечатляющие выводы которого казались результатом применения именно такого сравнительного метода[1]. А в Германии спустя некоторое время не только начало формироваться новое научное направление, связанное с разносторонней личностью Йозефа Колера[2], но и сам Р. Йеринг рискнул написать общую историю индоевропейских народов[3], а вслед за ним эту тему до конца столетия разрабатывали и другие юристы[4].

В дальнейшем историки от этих широких компаративистских перспектив как будто бы отошли, сосредоточив свое внимание скорее на истории *той или иной* гражданской общины или *той или иной группы* таких общин, не отказываясь при этом, однако, от частых ссылок на параллели в истории Рима и греческих поли-

---

[1] Об этом и, в частности, о работах Мэна и Фюстель де Куланжа см. *Capogrossi Colognesi L.* Dal diritto romano alle origini della società civile. Un dibattito ottocentesco. Bologna, 2008 (Parte II).

[2] Один из основоположников сравнительного правоведения Йозеф Колер (1849–1919) и его многообразное творческое наследие еще ждут адекватного историографического исследования.

[3] Речь идет о фрагменте, обнаруженном в архиве ученого и опубликованном посмертно: *Jhering R. von.* Vorgeschichte der Indoeuropäer. Lpz, 1894.

[4] Ср. *Leist B.W.* Graekoitalische Rechtsgeschichte. Jena, 1884; *idem.* Alt-arisches Jus Gentium. Jena, 1889; *idem.* Alt-arisches Jus Civile. Bd 1–2. Jena, 1892, 1896.

сов. Именно в контексте этой истории получило распространение и продолжает существовать по сей день понятие «город-государство», которое появилось в арсенале историографии уже в начале XIX в.[5], т.е. еще до бурного развития эволюционизма и компаративизма, которые, впрочем, широко им пользовались. Тогда же очевидные античные корни первой части этого выражения (civitas, πόλις, во всей их многозначности) срослись с понятием «государство», также несущим груз истории, притом не столь давней.

Формула эта обладала огромным преимуществом: указывая на устойчивый политический смысл города в древности, она не требовала при этом дальнейшего уточнения понятий. И притом могла использоваться не только применительно к античному миру: в этой перспективе рассматривались также и городские общины древнего Ближнего Востока, по крайней мере, до образования державы Ахеменидов. Таким образом, город утвердился в качестве главного субъекта истории классической древности – как самоуправляющийся организм (и одновременно – как политический и военный инструмент его деятельности), независимый от любой другой вышестоящей власти. Нетрудно понять притягательность сочетания «город-государство»: указание на «суверенность» власти подчеркивало специфику политических образований в данном историческом контексте, но в то же время предоставляло возможность интерпретировать эту специфику адекватно восприятию и базовым категориям мышления современных ученых. Поскольку выражение это хорошо подходило к истории архаического и республиканского Рима, оно употреблялось в языке и историков, и юристов-романистов, хотя последние, как им и подобает, были более внимательны к правовым аспектам древней истории.

Эту схему ничуть не поколебали идеи Макса Вебера о природе и значении города и предложенная им соответствующая типология[6]. Впрочем, почти на всем протяжении XX в. его наследие практически не было востребовано историками древнего мира[7]. Запоздалое освоение ими веберовских идей поначалу было связано, очевидно, главным образом с влиянием Мозеса Финли в рамках его «примитивизирующей» концепции античной экономики. Вместе с тем, и сделанный Вебером в упомянутой работе акцент на разнообразной типологии городов, в частности, и сам его метод, основанный на построении идеально-типических моделей, вообще, усиливали в принципе значение «города-государства» как термина: ведь он мог служить критерием классификации и, следовательно, охватывать широкие отрезки социальной и институционально-политической истории.

---

[5] Очень интересно наблюдение М. Хансена о его самом раннем употреблении в статье Й. Мадвига «Staatsverfassung des Altertums», опубликованной по-датски в 1840 г. и в переводе на немецкий в 1842 г., и о том, что относилось оно тогда еще не к греческим полисам, а к архаическому Риму (*Hansen M.H.* Conclusion. The Impact of City-State Cultures on World History // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures / Ed. M.H. Hansen. Copenhagen, 2000. P. 616. Nt. 8). Проблема однако в том, что в немецкой историко-правовой литературе XIX в. выражение Staatsstadt занимало относительно маргинальное положение.

[6] *Вебер М.* Город / Пер. под ред. Н.И. Кареева. Пг., 1923.

[7] Ср. мою последнюю обобщающую книгу о работах М. Вебера, связанных с антиковедением: *Capogrossi Colognesi L.* Max Weber e le economie del mondo antico. Bari, 2000.

Очевидно, именно этим, как и прямо заявленным компаративистским подходом, вызваны к жизни некоторые работы последнего десятилетия: я имею в виду прежде всего широкомасштабный проект под руководством М. Хансена[8]. Однако интересны они не столько результатами, сколько тем, что ведут к выявлению некоторых проблем, которые при традиционном использовании формулы «город-государство» долгое время оставались незамеченными. В настоящей статье я постараюсь сформулировать все более крепнущие у меня сомнения по поводу использования этого понятия.

Вопрос, полагаю, не в том, можно ли прилагать к истории далекого прошлого многозначные категории настоящего: среди нас, романистов, обсуждение этой проблемы велось особенно активно в период до и после второй мировой войны, а потом внезапно и совершенно оправданно иссякло в силу ее принципиальной бессодержательности. Ведь совершенно ясно, что история прошлого всегда пишется с точки зрения наблюдателя, на его языке и опосредована его восприятием! Так что оставим другим заботу о филологизме, нередко становящемся самоцелью, и сосредоточимся на трудностях употребления конкретного термина. Также оставим в стороне тех, кто вместе с Карлом Шмиттом, подчеркивая специфику правовых аспектов, сходу исключает, что категория, играющая центральную роль в европейской истории Нового времени, именно в ее рамках и сложившаяся, может прилагаться к реалиям, сильно отличающимся от нее и совершенно ей чуждым. Разумеется, это строго научная точка зрения, но, пожалуй, она слишком строга, чтобы ее могли безусловно принять историки, археологи или антропологи. Тем не менее следует сделать несколько замечаний юридического порядка, коль скоро речь идет о сочетании таких *типично правовых понятий*, как, *с одной стороны*, «государство» и, с другой стороны, представление древних о «городе/граде», неразрывно связанное с общиной «граждан», определявшихся как таковые главным образом на основании права, что весьма далеко от понимания города лишь в терминах урбанистики или социологии.

Я не собираюсь оспаривать правомерность применения термина «государство» в контекстах, отличных от того, в котором он возник. Намерение мое гораздо скромнее: высказать некоторые сомнения в том, что в сочетании с понятием «(античный) город» он не просто указывает на состояние политической автономии, но может служить действенным инструментом классификации. Ведь создание на его основе целой таксономической системы может оказаться слишком рискованной операцией. И если небольшое искажение в историографии античности XIX–XX вв. можно пережить довольно легко, то как допустить, чтобы именно оно становилось затем инструментом интерпретации многообразной исторической реальности, не боясь при этом увязнуть в неопределенности или попасть в западню действительного искажения соответствующего конкретного материала?

Именно здесь возникает ряд препятствий, притом не только строго юридического порядка. Поэтому сначала я постараюсь продемонстрировать искажение, о котором только что говорилось, и объяснить его причины. А затем перейду к обсуждению обозначившейся в последнее время тенденции нагружать старую формулу новыми и претендующими на большее смыслами. Однако и ее я буду рассматривать с точки зрения не правомерности, а практической пользы.

---

[8] A Comparative Study...

2. Использование понятия «город-государство», встречавшееся в XIX в. и в немецкой, и в итальянской, и во французской, и в английской литературе, в историографии античности XX в. стало абсолютно общепринятым. Сама двойственность вызываемой им ассоциации, как уже было отмечено выше, несла в себе неоспоримые преимущества при попытке отобразить реальность, несомненно отличавшуюся от той, в которой находится исследователь. Этим и объясняется широкое признание, которое это понятие (как до него и другие относящиеся к древней истории и из нее почерпнутые, – например, лат. gens) получило в том числе и за пределами круга специалистов по истории Греции или Рима. Речь идет о вошедших в научный обиход обобщениях, прикладное значение которых, как всем нам известно, невелико, хотя вместе с тем они несут в себе изрядный груз ассоциаций.

К тому же в нашем случае выражение «город-государство» изначально характеризовалось идеологической двойственностью, которая явно присутствовала уже в трудах великих ученых XIX в., а затем проникла (не знаю, насколько осознанно) в науку следующего периода. Идея состояла именно в том, что государство существовало извечно, на чем удивительным образом сходились совсем разные культурные течения. Достаточно упомянуть, с одной стороны, философский фон и ключевую роль размышлений о государстве в немецкой историко-правовой культуре XIX в., с другой стороны, совершенно иное направление, из которого вышла французская традиция, а также глубокое своеобразие англо-саксонской историко-политической мысли. Могу лишь сослаться на свою работу, в которой реконструируется этот уникальный период в истории науки, когда поразительным образом пересекались пути отдельных ученых[9]. Нибур, Моммзен, Йеринг, Мэн, Фюстель де Куланж и многие другие их современники сходились в поисках того, что́ могло выполнять функции государства, прежде чем таковое вполне сформировалось. По мере того как изначальный историзм стал окрашиваться в тона эволюционизма, дело в конце концов сводилось к выделению ступеней эволюции именно государства: от изначальных семейных структур к племенным объединениям псевдородственного типа и далее к сложившейся форме древнего государства, а именно – городской общине. При этом следует отметить, что даже те, кто, как Джон Мак-Леннан или затем Эдуард Мейер, решительно отвергали подобную схему, в конечном счете сводили предложенную ими альтернативную модель – первобытную орду – все к той же самой категории государства.

Под тяжестью этой перспективы эволюционистского типа оказалась в тени (а многими деятелями той эпохи, пожалуй, оставалась вообще не осознанной) проблема: правомерна ли вообще обратная проекция понятия государства на период, предшествующий возникновению цивилизации? Казалось очевидным, что в человеческом обществе всегда существовал некий организм, предназначенный выполнять основные функции государства. В некоторых доведенных до крайности высказываниях, появившихся в историографии на рубеже XIX–XX вв., например, у великого немецкого историка Эд. Мейера, либеральная (но также и марксистская) точка зрения на государство оказалась перевернута: именно оно превращалось в условие существования цивилизованного общества, совпадающее по времени со *всей* историей человечества. При этом предла-

[9] Ср. *Capogrossi Colognesi.* Dal diritto romano…

гался такой уровень обобщения, который должен был бы прозвучать сигналом тревоги[10].

Предостережение это, однако, не было услышано: в дело, как всегда, вмешалось то утонченное невежество, из-за которого ученые в конечном счете скользят по поверхности проблем, оставляя некогда возникшие трудности неразрешенными на протяжении все менее отдающих себе в этом отчет поколений. Все ограничивалось пересказом тезисов Мейера в противопоставлении их идеям Йеринга, Мэна, Фюстель де Куланжа и Бонфанте, и только. Таким образом, ссылка на «город-государство» на протяжении всего XX в. сохраняла внушающее доверие значение расхожей формулы, в пользу которой говорила именно ее неопределенность. Если таков был уровень понимания у романистов, можно представить себе, что делалось среди не-юристов! До сих пор считается вполне общепринятым обращение к понятию государства при рассмотрении самых разных форм политической организации человеческих обществ: от племенных структур чуть ли не до семейных групп. В этом отношении четкость понятий и концепций все еще остается на уровне викторианской эпохи. К тому же применительно к римской истории Моммзен с его огромным авторитетом узаконил постоянные ссылки на государство применительно к древнему Риму с самого начала его истории и на этом основании возвел колоссальный памятник – свое «Staatsrecht», именно «государственное право»[11].

Разумеется, речь шла об очень расширительном использовании понятия «государство» и, следовательно, выражения «город-государство». Однако оно, вероятно, не вызывало бы много возражений, так как неоднозначность понятий и словоупотребления по сути дела и есть постоянный удел историка. Поиск точности в духе строгости некоторых современных направлений критики языка или эпистемологического анализа, пожалуй, обрек бы многих из нас на молчание. Может, это было бы и к лучшему, впрочем, не знаю.

Конечно, для многих нет ничего странного, что в переводах Аристотеля, Платона и Цицерона понятия πόλις или πολιτεία, res publica или civitas постоянно передаются словом «государство». Но даже для тех, кто, подобно историкам права и политических институтов, прекрасно осознают пропасть между этим словоупотреблением и тем, в рамках которого понятие «государство» приобрело всю совокупность значений, которыми оно нагружено теперь, преимущества гендиадиса «город-государство» были столь очевидны, что его применение не сопровождалось никакой критикой. На протяжении почти всего прошлого столетия в тени оставались не только коренное различие этих понятий, но и многовековой разрыв между ними, а также то, сколь различен груз истории, который каждое из них несет в себе. У некоторых из нас кризис (если речь идет действительно о нем) наступил только в самые последние годы, когда недостаточность такого подхода стала более очевидной в связи с ростом теоретических амбиций, связанных с употреблением понятия «город-государство».

---

[10] Заметим, что такое утверждение вело к парадоксальным последствиям, вплоть до проекции истории за рамки существования человечества, т.е. на формы жизни, присущие животным (*Capogrossi Colognesi*. Dal diritto romano...). Об этих концепциях Мейера см. *Nippel W.* Prolegomena zu Eduard Meyers *Anthropologie* // Eduard Meyer. Leben und Leistung eines Universalhistoriker / Hrsg. W.M. Calder III und A. Demandt. Leiden–New York e.a., 1990. S. 311 f.

[11] Ср. *Mommsen Th.* Römische Geschichte (любое издание); *idem.* Römisches Staatsrecht. 3. Aufl. Bd I–III. 1. Lpz, 1887. Bd III. 2. Lpz, 1888.

Ведь действительно, в тот самый момент, когда отдельным образным выражениям стремятся придать значение инструментов интерпретации и классификации, сам собой напрашивается вопрос, насколько они содержательны с точки зрения четкости понятий и историографической ценности. И тогда появляется сомнение: допустимо ли (и до какой степени) нагружать эти самые выражения смыслами, содержащимися в терминах, о которых принято договариваться (к примеру: для меня «государство» означает то-то и то-то, и т.д.). Если проделать подобную операцию решительно и прямолинейно, это рискует привести к размыванию исходного значения некоторых терминов при описании конкретных исторических процессов. Как я постараюсь показать, именно такой опасности подвергается, по крайней мере в некоторой степени, рассматриваемый нами термин «город-государство». В том числе и потому, что могут обнаружиться скрытые издержки, вызванные смешением конкретных исторических ситуаций и хорошо разработанных аналитических категорий: античная гражданская община, государство, «город-государство».

Впрочем, сомнения, не слишком ли легко формула «город-государство» все шире применяется далеко за пределами греческой и римской древности, античной гражданской общины, возникали неоднократно, хотя и эпизодически – не только и не столько в среде склонных к пуризму юристов, сколько у самих же историков. В этом плане показательна осторожность, которую проявил в данном вопросе выдающийся археолог греческого мира Э. Снодграс – ученый компетентный, однако вовсе не юрист по образованию[12]. Еще более строго, в терминах «форм политической организации» описан опыт греческих полисов в работе, посвященной рассуждениям Аристотеля на тему полиса[13]. Впрочем, для тех, кто обращался к выражению «город-государство» при рассмотрении политических теорий, его концептуальная неопределенность была очевидна уже давно. Очень точно это выразил более двадцати лет назад Питер Берк, сформулировав в посвященной именно городам-государствам статье выбор, перед которым оказывается современный ученый: «либо отказаться от термина, либо сдаться самому и использовать его неточно»[14]. К числу тех, кто как будто бы склоняется к первому варианту, можно отнести и некоторых из авторов, принявших участие в проекте М. Хансена.

---

[12] Ср. *Snodgrass A.* Interaction by design: the Greek city-state // Peer polity interaction and socio-political Change / Ed. C. Renfrew, J.F. Cherry. Cambr.–London, e.a., 1986. P. 47: «ради точности лучше будет заменить привычное выражение 'город-государство', которое я использовал в заголовке, греческим термином polis, означающим в точном смысле слова государственное образование (a polity), состоящее из населенного пункта и его сельской территории, политически объединенных друг с другом, и независимое от других таких образований». Однако важным мне представляется и то, что в эпилоге к данному сборнику, написанном его редакторами, явно присутствует осознание проблем, связанных с процессом «складывания государства» (ibid. P. 153).

[13] Ср. *Murray O. Polis* and *Politeia* in Aristotle // The Ancient Greek State / Ed. M.H. Hansen. Copenhagen, 1993. P. 199: автор рассуждает в направлении, совершенно отличном от провозглашаемого редактором издания, который многозначительно озаглавил свое введение к нему «The *Polis* as a Citizen-State» (ibid. P. 7). Стоит отметить, однако, с какой осторожностью еще один из авторов этого тома, получивший юридическое образование, исполнил возложенную на него задачу рассмотреть «полис» как государство: *Schuller W.* Die *Polis* als Staat // Ibid. P. 106 f.

[14] *Burke P.* City-States // States in History / Ed. John A. Hall. Oxf., 1986. P. 151 («between giving the concept up or resigning oneself to using it imprecisely»).

В таком духе высказывается, по крайней мере в отношении Месопотамии, Ж.-Ж. Гласснер[15].

Но речь не о том, чтобы цитировать критические суждения или, наоборот, приводить многочисленные примеры продолжающегося использования или даже дальнейшего распространения рассматриваемого понятия[16]. Я привел здесь некоторые высказывания, только чтобы показать, что вопрос все еще остается открытым. И прежде чем обсуждать, имеет ли смысл снова договариваться об определении термина «государство», нужно разобраться с альтернативой: ограничивается ли значение понятия «город-государство» самым общим указанием на устойчивую политическую структуру и самоуправление, присущие античному городу, или, напротив, оно с полным на то основанием может использоваться для обозначения чего-либо более конкретного, а значит пригодно и для широкого сравнительно-исторического анализа.

3. Мне кажется, что именно во втором из упомянутых направлений в последнее время усилилось, так сказать, семантическое давление на «город-государство». Заметно, как это выражение все более используется в качестве инструмента интерпретации и классификации множества обществ с очень разной историей. Но это возможно лишь при условии его наполнения концептуально единым содержанием, что в свою очередь наталкивается на тенденцию к расширению рамок типологии обществ и диапазона исторически неоднородных ситуаций, приводимых к единому стандарту именно в результате его применения. Таким образом, само понятие «государство» неизбежно утрачивает часть смысла, по крайней мере того, какой придают ему юристы и политологи.

Понять это можно при более внимательном рассмотрении признаков, установленных предельно широким определением государства (*«централизованная власть*, располагающая необходимыми *средствами принуждения*, с помощью которых может быть обеспечен *правопорядок* на *территории* среди *населения*»), где прямо исключается всякое упоминание о *«суверенитете* как основе власти» (*soveregnity* as the basis of government)[17]. Подобное определение годится для любой иерархической формы объединения, имеющей территориальную

---

[15] *Glassner J.J.* Les petits Etats mésopotamiens à la fin du 4e et au cours du 3e millénaire // A Comparative Study... P. 35 suiv.

[16] Очень интересным представляется мне пример М. Хэммонда, в книге которого (*Hammond M.* The City in the Ancient World. Cambr. (Mass.), 1972) римская история в соответствующих главах (XVIII–XXI) хотя и приведена к парадигме «города-государства», понимается во всей своей сложности и следовательно дается хороший анализ непростой структуры римского политического устройства, способного включить в себя множество разнородных юридических статусов и состояний. Нарисованная таким образом картина (см. особенно с. 267 сл.) выглядит совершенно иначе, чем типичная структура греческого полиса, которая собственно и может служить основой для идеально-типической модели города-государства. Не случайно англо-американская историко-политологическая мысль, находящаяся под сильным влиянием современных парадигм демократии, проекция которых служит для интерпретации основополагающей сути античного города-государства, настойчиво обращается напрямую к греческим образцам.

[17] *Hansen M.H.* Introduction. The Concepts of City-State and City-State Culture // A Comparative Study... P. 13: «a *centralised government* in possession of the necessary *means of coercion* by which the *legal order* can be enforced in a *territory* over a *population*» (курсив в цитируемом тексте).

привязку и живущей согласно обычаям; практически – любой организованной общности людей, достаточно прочно связанной с определенной территорией. Но разве нельзя, по крайней мере в древности, обнаружить структуры племенного типа, основанные на системах родства или псевдородственных отношений, еще не поддающиеся описанию в понятиях настоящей общины государственного типа, но отвечающие упомянутым элементарным требованиям? Поэтому не приходится удивляться тому, что критерии тут же, пусть и походя, дополняются еще одним: власть (government) должна быть не только централизованной, но также и «highly institutionalised»[18]. Выражение хоть и расплывчатое, но все же выводит нас в сферу, где имеет значение также и юридический аспект. По моему мнению, оно становится решающим моментом для более строгого типологического отбора, поскольку этот критерий исключает не только любое не человеческое сообщество, но и простейшие – как раз не «институционализированные» – формы общностей людей.

Однако основные проблемы, возникающие в результате использования понятия «город-государство» в роли инструмента классификации и сравнительного анализа, главным образом иные. Действительно, «в истории... все понятия и классификации по необходимости являются искусственными сетками координат, налагаемыми на изменчивый мир, в котором никаких "естественных" разделительных линий нет»[19]. Однако дело именно в этом: до какого предела целесообразно производить упомянутую насильственную процедуру, натягивая координатную сетку на многообразие различных ситуаций? Целесообразно, подчеркну, а не правомерно. О правомерности использования столь специфического понятия, как «государство», в широком диапазоне ситуаций, исторически очень далеких от условий, в которых происходил процесс его формирования, я уже говорил. Теперь же сосредоточусь на реальной пользе от такой операции.

Объединение М. Хансеном тридцати исторических примеров, столь различных между собой, ради выявления сходных механизмов, действовавших внутри них, должно было бы привести к какому-то результату для лучшего понимания соответствующих структур и функций. Но что же мы можем извлечь в этом смысле из упомянутого сборника статей? Что дает нам основание включать в единые рамки данные, которые предоставляет исследование такого рода? В действительности мы имеем дело с серией параллельных историй, где аналогии, сходства или различия проявляются просто на эмпирическом уровне. Да, страницы, написанные авторитетным историком Рима, в особенности архаического и республиканского периодов, каковым является Тим Корнелл, рисуют нам в законченной и убедительной форме совокупность элементов римской истории: какие-то из них новые, другие уже известны, в том числе благодаря его предыдущим работам. Но нужны ли они нам, чтобы лучше интерпретировать представленную другим первоклассным историком картину «городов-государств Таримского бассейна»?[20] Н. Ди Космо тонко анализирует разные «государственные» ситуации, которые он связывает то с городскими центрами, то с системой оазисов, а все они в свою очередь отличны от крупных полити-

---

[18] Ibid. P. 18.

[19] *Hansen.* Conclusion... P. 600 («in history...all concepts and all classifications are by necessity artificial grids pressed down upon a fluid world that has no 'natural' dividing lines»).

[20] *Di Cosmo N.* Ancient City-States of the Tarim Basin // A Comparative Study... P. 393–408.

ческих образований кочевых народов. Но разве этот материал хоть в чем-то проясняется или дополняется данными Корнелла или других статей сборника? Помимо того, что во всем этом множестве самых разных обществ центральную, а порой и определяющую роль играла городская форма поселений с сильно выраженными политическими функциями, или что многочисленные поселения такого типа были характерны для большого числа регионов, чем еще обогатилось наше понимание истории и организационных структур этих обществ в результате того, что они были рассмотрены в формально единых рамках?

Должен сказать, что мой скептицизм по данному поводу, кажется, находит подтверждение и в заключительных выводах этого амбициозного исследования: по сути дела в них лишь дается обновленная типология. Неопределенными (то ли это нормативные показатели, то ли статистические данные) представляются мне указания, относящиеся к размерам территории и численности населения города-государства, как и те, что определяют характер городского центра на уровне «самоуправления, необходимого для существования государственной формы, а не просто "муниципалитета"»[21]. Что уж говорить о заключительном волнующем вопросе: «Почему города-государства, а не макро-государства?»[22] Но успокоимся: мы имеем дело не с общей теорией эволюции форм политического устройства человечества (как можно было бы подумать, учитывая заголовок заключительной статьи), и не с таксономической системой, способной охватить как разные типы городских общин, так и более обширные территориальные и региональные образования. Нет, перед нами простое перечисление вариантов решений, предлагаемых для объяснения того, что государство существует в различных формах: с одной стороны, в небольших городах, с другой стороны, на обширных территориях. При этом экономический фактор упоминается после геополитического, а затем ставится вопрос, «имело ли место формирование государства до или после урбанизации региона»[23].

Да и самого автора, приложившего огромные усилия, в конце концов охватило сомнение: «Ну и что же?»[24] Вопрос этот разрешается тут же, в параграфе, озаглавленном «Conclusion of the Conclusion», где наконец-то упоминается та интерпретация мира городов-государств в духе федерализма, которая по очевидным причинам, связанным с современной политикой, была в моде главным образом в Англии примерно в конце XIX в.: я имею в виду прежде всего Э.А. Фримана (1823–1892), которым много занимался такой тонкий исследователь многослойных культурных горизонтов, как Арнальдо Момильяно. Хансен же обращается скорее к рассмотрению того, как античные модели устойчивых союзов городов-государств использовались в ходе американской революции. Но ни этот экскурс, ни тем более беглые упоминания о месте античного полиса в теоретических построениях мыслителей Нового времени от Макиавелли до Монтескье и Руссо не добавляют, откровенно говоря, чего-нибудь нового к уже хорошо известному[25]. Книга, стоившая столько труда и тем, кто ее написал, и тому, кто ее прочел, на этом, собственно, и заканчивается: ничего более не сказано ни о причинах, по которым она была задумана, ни о достигнутых

---

[21] *Hansen*. Conclusion... P. 601 ff.

[22] Ibid. P. 609: «Why City-States instead of Macro-States?»

[23] Ibid. P. 610: «state formation... took place before or after the urbanisation of the region».

[24] Ibid. P. 611: «...and so what?».

[25] Ibid. P. 612–613.

результатах[26]. Лишь сообщается, что «республиканизм и федерализм – это основные аспекты государственности Нового времени, которые ведут свое происхождение из культур, основанных на городе-государстве, и до конца XVIII в. они встречались почти исключительно в таких культурах»[27]. Этим заключением и последующим замечанием, что «урбанизация и торговля представляют собой существенные и взаимосвязанные аспекты общества Нового времени, и они также были заметны в большинстве культур, основанных на городе-государстве»[28], вероятно, можно и нужно удовлетвориться.

Автор, судя по всему, так и делает, но я, конечно, нет: именно поэтому я и счел уместным написать эту статью – вовсе не для того, чтобы снять проблему, а чтобы попытаться поставить ее заново на более прочных основаниях и, быть может, с несколько большим осознанием.

4. Как уже говорилось в начале, в мою задачу не входит снова с самого начала обсуждать правомерность традиционного, приблизительного по смыслу употребления понятия «город-государство». Цель скорее в том, чтобы расставить вехи, указать на опасности, превратить расплывчатое выражение в догматическую конструкцию. Ведь даже неприятие и недооценка оговорок, выдвигаемых именно юристами и теоретиками современного государства, нуждается в теоретическом обосновании.

Итак, вовсе не собираясь вторгаться в сложную область общих теорий, я ограничусь указанием на опасности, которыми чревато излишне прямолинейное и настойчивое применение понятия «город-государство» по крайней мере в отношении римской истории (чтобы исчерпать одну эту тему, не хватит не только моих скромных сил). И прежде всего хотелось бы сказать о цене, которую мы рискуем заплатить, излишне упирая на очень раннее появление «города-государства» на арене римской истории: ведь тогда содержание этого понятия на протяжении долгих веков Республики и в последующие века приходится уточнять, прибегая к все более тонким ухищрениям, вплоть до его полного растворения. Это не придуманный мною парадокс: скорее это историографическая проблема, которой историки политического и правового устройства древнего Рима так или иначе занимались с начала Нового времени, но все же стоит ее кратко осветить.

Итак, допустим, что со времени «Сервиевой конституции», самое позднее – перехода от монархии к республике[29], полностью сложилась новая форма «го-

---

[26] Чуть не забыл: еще целых две страницы посвящены другим аспектам: формированию империй городов-государств («state-city Empires») и соотношению между экономическим развитием и формами урбанизации – в географической и хронологической перспективе, охватывающей всю историю человечества (ibid. P. 613–614).

[27] Ibid. P. 615–616: «Republicanism and federalism are major aspects of modern statehood which stem from city-state cultures and, before the late 18th century, they were almost exclusively found in city-state cultures».

[28] Ibid. P. 616.

[29] Это, по правде говоря, вызывает у меня недоумение, ибо придется допустить, что только тогда гражданская община вполне приобрела черты независимой и самоорганизующейся политической единицы. Я полагаю, что на стремлении относить окончательное оформление города-государства в Риме к более позднему периоду все сильнее сказывается заметная главным образом в англосаксонской культуре тенденция к отождествлению древней государственности с формами «демократической» интеграции граждан, в чем, на мой взгляд, больше современной идеологии, а не внимания к древнему миру.

рода-государства» (даже если законченный облик она приняла лишь в 367 г. до н.э., когда завершилась интеграция патрициев и плебеев и окончательно оформилась система магистратур). Но тогда почти одновременно с завершением длительного процесса формирования мы должны констатировать начало постепенного разложения этого самого порядка, притом, разумеется, вовсе не в результате внутреннего кризиса или ослабления, а вследствие процесса дальнейшего политического роста, который делал неадекватной сложившуюся форму гражданской общины. Ведь в связи с появлением в 338 г. до н.э. муниципальной системы (предвосхищением чего было включение в civitas Romana Тускула, первого муниципия, уже в 381 г. до н.э.) и расширением сети колоний как латинского, так и римского права облик этой общины стал меняться. Точнее, наметился разрыв между общностью людей, проживавших внутри имеющего четкие границы, действительно «общего» пространства (полиса, города) и принадлежностью к единому политическому и правовому устройству. Этот разрыв в корне отрицался представлением об идеальном полисе, которое разработали на основе своих собственных реалий греки (и слишком часто механически переносили на историю Рима современные ученые). Греческие полисы могли наращивать свое могущество, подчинять себе другие полисы, выстраивая небольшие «империи», но гражданский их состав не увеличивался. Они точно застыли в своей неизменной, философски говоря, сущности.

Рим уже во время Самнитских войн перестал быть таковым, и вся последующая его история связана именно с этой запрограммированной и все усиливавшейся амбивалентностью «города-государства»: он постоянно утверждал свою идентичность (ибо иных приемлемых для него моделей по сути дела не имелось) и в то же самое время искажал свою сущность, пока не превратился в город-государство, границы которого в конце концов включили в себя весь Апеннинский полуостров, а затем расширились еще дальше. Необходимо понять процесс политического роста и институциональной трансформации Рима в его реальных терминах, не затуманивая свой взор встречающимися то и дело эволюционными схемами (от города-государства к государству территориальному, или даже «национальному», с последующим превращением в мировую империю) и не оставаясь в плену понятий и категорий, которые сконструировали мы сами. А именно так обычно и происходило: в результате поразительное рассуждение Цицерона о «двух родинах» отбрасывали, а Авла Геллия или даже самого императора Клавдия упрекали в том, что они употребляли понятия, несовместимые с сущностью Рима как государства[30]. Рим давно превратился в «родину» почти всех италийских городов, общую civitas, но думать о нем как о «столице» не приходится. Это просто уникальная civitas и в то же самое время одна из множества civitates того же Рима.

Конечно, словоупотребление древних авторов указывает на неоднозначную реальность, которая не поддается описанию именно в юридических терминах. Но почему это должно быть иначе? Неужели потому что римляне, открывшие науку права и давшие начало колоссальному процессу рационализации юридических явлений, должны были затем в своей политической деятельности рабски следовать формальной логике этих конструкций? Не упускаем ли мы тогда из вида, возможно, самую важную особенность истории римского права: насколь-

[30] Ср. *Mommsen*. Römisches Staatsrecht. Bd III.1. S. 796. Anm. 3; *Niebuhr B.G.* Römische Geschichte. B., 1853. S. 387. Anm. 121.

ко далеко зашло его развитие в плане логической стройности и рациональности в сфере частноправовых отношений, насколько же неясным и неопределенным оно оставалось в ключевых вопросах политики и власти?

Конечно, res publica уже в последние века до нашей эры была чем угодно, но не городом-государством, и кризис, который в конце концов привел к падению древней libertas, коренился именно в разрыве между гражданством и властью. Последняя еще всецело, или почти, была сосредоточена в руках жителей Города и даже еще более узких их групп, а гражданство, напротив, распространялось на все население гораздо более обширной территории и на всех жителей (и граждан) существовавших на этой территории бесчисленных городов.

Так из эвристического инструмента, на использование которого можно было рассчитывать для лучшего понимания истории Рима периода Республики, категория «город-государство» уже начиная с III в. до н.э., самого важного с точки зрения «событийной» истории периода, оказывается совершенно бесполезной и даже мешает наблюдателю. Что уж говорить о дальнейшем, когда, в отличие от Цезаря, Август и его преемники пошли по революционному, но, в нашем понимании, рациональному пути, сделав логические выводы из происходящего и приняв к сведению, что Рим превратился в монархическое государство. Я использую термин «государство», конечно, с натяжкой, чтобы подчеркнуть новаторство реализованного замысла. Это именно то, чего Август избегал.

5. Здесь не место обсуждать, какими соображениями руководствовался в своих решениях Август и как это сказалось на пути, который он наметил для своих преемников. Скорее следует подчеркнуть, что и империя характеризовалась двойственностью: это была мировая держава, находящая для себя точку опоры и материальное основание всей архитектуры власти в личности принцепса, легитимность которой, в свою очередь, последовательно обеспечивалась отождествлением с высшей властью гражданской общины. Август лишил силы прежние республиканские магистратуры, но его власть представляла собой совокупность полномочий магистратов, а не была выражением какой-нибудь новой легитимности, например, верховенства монарха. Поэтому он, формируя новый аппарат власти, в числе высших должностных лиц назначает префекта Города, берет на себя cura annonae, а также наследует право интерцессии и священную неприкосновенность плебейского трибуна, должность которого настолько сильно связана с гражданской общиной, что в эпоху Республики ему запрещалось покидать пределы городского померия.

Единственный в своем роде пастиш о «двух родинах», исполненный Цицероном (De leg. II. 5), со временем разросся и упрочился, отразившись на коллективном представлении последующих веков об истории древнего Рима (вспомним хотя бы о Кола ди Риенцо). Однако в настоящей статье я не намерен уделять большое внимание двойственной системе, сконструированной Августом и просуществовавшей по крайней мере столетие: у меня была возможность написать о ней специально, и пока мне особенно добавить нечего[31]. Меня интересует последующая история, в ходе которой происходило не только развитие системы, но и ее глубокое изменение. Ибо именно эта история демонстрирует неадекватность термина «город-государство», который мы на время выпустили из поля зрения.

---

[31] См. *Capogrossi Colognesi L.* Diritto e potere nella storia di Roma. Napoli, 2007. P. XVII ss., главы XV–XVII.

В период от Веспасиана, великого организатора, первого выходца из италийской глубинки, достигшего высшей власти, до Траяна, первого императора провинциального происхождения, назревало нечто очень важное, и во многих отношениях. Прежде всего, как хорошо известно, в это время в пестром конгломерате городов, культур, племен, этнических и региональных образований, находившихся под римским владычеством, происходил масштабный процесс интеграции – политической, культурной, институциональной, отчасти языковой и религиозной, отчасти затрагивавшей и правовой статус различных категорий населения. Эта интеграция, как показывают только что упомянутые самые разительные примеры успеха отдельных личностей, осуществлялась в том числе (если не главным образом) путем «стандартизации» местных элит. Эффективность процесса нарастала по мере того как открывались каналы вертикальной мобильности, перекрытые в годы «консервативной реставрации» при Августе[32].

Возможно, не меньшее значение (в том числе и с точки зрения применения новой модели политической организации на практике) имела внутренняя трансформация системы власти, выстроенной Августом. По сути это была личная власть, в которой элемент высшего военного командования всегда играл роль самого чувствительного, критически важного рычага. Власть осуществлял лично принцепс, который параллельно с использованием остатков аппарата прежних республиканских магистратур управлял огромным аппаратом и имуществом Рима в соответствии с логикой частноправовых отношений – при помощи средств, имевшихся в распоряжение римского pater familias, т.е. собственных рабов-специалистов и отпущенников. В течение I в. н.э. положение понемногу менялось, и механизм управления все более усложнялся – главным образом за счет тщательного выстраивания военного аппарата, который использовался отчасти для контроля за не вполне еще «нормализовавшейся» внутриполитической ситуацией, но главным образом для бдительного наблюдения за положением на сильно расширившихся границах империи. Однако большее значение имела остальная конструкция власти, отчасти служившая для обеспечения всей совокупности функций управления, контроля и организации, которые требовались, чтобы править столь обширными территориями и разными народами, отчасти предназначенная для выявления и рационального использования ресурсов, необходимых для финансирования всей этой неуклонно усложнявшейся структуры.

В правление выдающегося администратора Клавдия, при императорах династии Флавиев и затем в начавшийся с Траяна золотой век Антонинов в указанной сфере произошел качественный скачок, в результате которого впервые в истории на Западе стала складываться система управления бюрократического типа[33] – несколько напоминающая рациональную бюрократию в концепции Макса Вебера, подчиненная принцепсу и служившая ему незаменимым инструментом

---

[32] Эта политика «закрытости» вполне объяснима, поскольку была направлена на необходимое для консолидации нового политического режима достижение компромисса между монархической властью принцепса и сенаторской олигархией, отождествлявшейся со «староримской» традицией.

[33] В данном случае не имеет значения, что имелся иной опыт такого рода (например, державы Ахеменидов), с которым некогда столкнулся эллинистический мир и отголоски которого сохранялись еще в птолемеевском Египте и в других эллинистических царствах.

власти. Она исполняла множество функций: от контроля и постоянного участия в провинциальном управлении императорских легатов или сенаторских промагистратов до все более разработанной политики в судебной и законотворческой сфере, от поддержания в порядке всех общественных построек, зданий, храмов, дорог, портов, рек, акведуков до контроля за рынками, системами налогообложения, взысканием таможенных пошлин и обеспечения административно-финансового управления огромными территориями, находившимися в частной собственности принцепса. Все хозяйство государства и, так сказать, «короны» теперь подлежало рациональному управлению, подчинявшемуся логике, присущей любой бюрократии. Постоянный характер службы, иерархические отношения, распределение функций, перевод чиновников из одной канцелярии в другую, значительная юридизация отношений – таковы характерные черты новой имперской администрации, которые предвосхищали тот тип государства, который начал постепенно складываться в Европе в конце средневековья.

Именно поэтому использование термина «город-государство» вызывает у меня сомнения: ведь получается, будто уже агрессивный «великий Рим эпохи Тарквиниев» или civitas IV в. до н.э. были в каком-то смысле предвосхищением великой революции, происходившей в течение первых двух веков нашей эры, а это не так.

В заключение приведу еще одно соображение, заставляющее меня с осторожностью относиться к определению Рима как «города-государства»: при этом подчеркивается параллелизм между его историей и историей греческих полисов – тех примерно полутора тысяч «городов-государств», о которых ведет речь М. Хансен[34]. А это вызывает у меня все больше сомнений. И здесь следует вернуться к тому процессу внутреннего роста, о котором в общих чертах говорилось выше. Процесс этот характеризовался одной особенностью, плохо вязавшейся с той исключительностью, которая с XIX века считалась типичной чертой именно «города-государства». Уже в древности, во время великих римских завоеваний в Средиземноморье, противники Рима, задаваясь вопросом о секрете его успеха, находили правильный ответ, усматривая его не в дисциплине, не в аристократических традициях, не в силе и мощи граждан-воинов, а в необычайной способности интегрировать в себя внешний мир. Римское гражданство, в полном противоречии с логикой замкнутости городов-государств греческого мира, последовательно открываясь навстречу новым субъектам, в том числе множеству рабов, возвысившихся из своего униженного положения, приумножало ресурсы и энергию гражданской общины за счет внешних сил. Так зачем же втискивать в одну и ту же культурную, а не только юридическую, матрицу такие разные, даже противоположные истории? Ведь уже в античной мысли общим местом было утверждение, что главным фактором постепенного ослабления греческих полисов оказалась их неспособность (в отличие от Рима) открыться для чуждых элементов, включить в себя новые реальности, одним словом, их большее соответствие природе «города-государства»[35]. Так что

---

[34] Ср. *Hansen M.H.* The Hellenic *polis* //A Comparative Study... P. 141.

[35] Здесь открывается большая теоретическая тема: без введения механизмов интеграции, основанных на системе юридических фикций, структура городской общины возвращалась к своей племенной и кровнородственной основе, подчиняясь внутренней логике составляющих ее структур – gentes и т.п. А это препятствовало полному складыванию ее как системы, способной разорвать эти путы. Однако в связи с этим необходимо вернуться к основополагающим соображениям Макса Вебера.

оставим эту терминологию ученых Нового времени для истории Греции, а для Рима будем говорить скорее о civitas, res publica, гражданской общине, политической общине. И если надо делать выбор, то, по-моему, лучше использовать приблизительные и неточные выражения заодно с римлянами, чем впадать в ошибку вместе с нашими современниками*.

ANCIENT CITY AS CITY-STATE: INTERPRETATION AND SOME PROBLEMS

L. Capogrossi Colognesi

Recently the term of *city-state* has apparently begun to be used too often as an instrument for interpreting and classifying a very mixed variety of historical situations (see e.g. *A Comparative Study of Thirty City-State Cultures* / Ed. M.H. Hansen. Copenhagen, 2000). The author does not consider this traditional allusive expression to be of use for comparative studies, where it seems to be taken out of its normal classical context. Moreover, the author warns against its being unreservedly applied to Rome: Rome's extraordinary ability to integrate external elements did not correspond to the exclusivism which since the 19th century has been considered typical of city-state. He thinks it would be better to reserve this modern scholarly terminology for Greek *poleis* and to speak of *civitas, res publica*, civic community or political community where Rome is concerned. To be imprecise with the Romans seems to him a better option than to err with the Moderns.

* Перевод с итальянского Е.В. Ляпустиной.

© 2009 г.

С. М. Эпштейн

К ВОПРОСУ О РАБСКОМ ТРУДЕ В АФИНСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Строительные отчеты Эрехтейона и – в меньшей степени – Элевсина[1] являются главными источниками наших сведений о рабочей силе, использовавшейся при строительстве аттических общественных зданий: ее профессиональном и социальном составе, местах жительства работников, характере выполняемых работ, методах найма и оплаты труда. Вдобавок, оба эти комплекса отражают жизнь одного и того же полиса, к тому же наиболее известного по литературным источникам. Это обстоятельство дает некоторую возможность попытаться отследить изменения отношений в общественном строительстве за 80 лет от «эпохи Клеофонта», когда было завершено строительство Эрехтейона, до «эпохи Ликурга», соответствующей отчетам о работах в святилище Деметры и Коры в Элевсине. Поэтому не удивительно, что данные отчеты вызывали пристальный интерес исследователей, начиная по крайней мере с Глотца[2]. Недавняя монография В.Д. Кузнецова представляет собой, помимо прочего, первое исследование проблем афинской рабочей силы в рамках комплексного анализа основных сохранившихся древнегреческих строительных документов[3]. Свойственные этой работе систематичность освещения материала и четкость постановки проблем, несомненно, дадут новый мощный толчок научным исследованиям и дискуссии и, таким образом, будут способствовать развитию науки, даже если не все выводы автора будут, в конце концов, приняты всеми исследователями. Данная статья написана именно в рамках такой дискуссии и представляет собой попытку ответа на некоторые тезисы Кузнецова по поводу роли рабов в строительстве греческих храмов.

По мнению Кузнецова, рабы выполняли на строительной площадке преимущественно «малоквалифицированную черновую работу», что объясняется отсутствием у них заинтересованности в результатах своего труда[4]. Сразу оговорюсь, что мои возражения относятся прежде всего к частновладельческим рабам. Кузнецов полагает, что их, в отсутствие экономических стимулов, можно было использовать преимущественно лишь на поденных работах, при

[1] Эрехтейон: IG I³. 474–479, главным образом 475–476. Элевсин: IG II². 1672–1673.

[2] *Glotz G.* Le travail dans la Grèce ancienne. P., 1920. Дальнейшую библиографию см. в книге В.Д. Кузнецова, указанной в прим. 3. Из работ, не упомянутых им, следует назвать книгу Лумиса: *Loomis W.T.* Wages, Welfare Costs and Inflation in Classical Athens. Michigan, 1998.

[3] *Кузнецов В.Д.* Организация общественного строительства в Древней Греции. М., 2000.

[4] Там же. С. 47–48, 61–62, 67–68, 102, ср. С. 415, 417–418, 427.

исключительно внеэкономических методах эксплуатации[5]. Данный тезис соответствует, конечно, нашим априорным предположениям. Вопрос лишь в том, насколько он подтверждается рассматриваемыми эпиграфическими источниками. Перед тем как перейти к их детальному рассмотрению отметим только, что картина, нарисованная Кузнецовым, не является единственно возможной. Мы можем предположить (а иногда даже знаем), что у рабовладельца имелись альтернативные стратегии использования раба. Так, хозяин умелого и сильного раба мог сдавать его внаем на условиях сдельной или аккордной оплаты, угрозами и обещаниями добиваясь от раба большей интенсивности труда и большей отдачи, чем можно было получить от поденщика. Он мог отпустить раба «на оброк», ограничившись получением фиксированной апофоры[6]. Таким образом хозяин снимал с себя заботу о содержании и эксплуатации раба[7], заодно предоставляя последнему возможность накопить деньги для собственного выкупа из рабства[8]. Этот расчет мог быть основан на предположении, что «охота пуще неволи», т.е. за свое освобождение раб будет работать старательнее, чем из-под палки, хозяин же избавится от необходимости стоять с палкой[9]. Замечание Псевдо-Ксенофонта по поводу рабов, которым в Афинах разрешают жить в роскоши[10], несомненно, тенденциозно, но вполне может иметь под собой реальную почву. Примечательно, что автор связывает это явление с работой рабов

---

[5] См. прим. 4. *Кузнецов*. Организация... С. 82, 91, 104–105. См. также ниже по тексту. Сдача в аренду частных рабов: [*Xen.*] Ath. Pol. I. 17; *Xen.* Vect. IV. 14–16; *Is.* VIII. 35; *Dem.* XXVII. 20; XXVIII. 12; XXXVI. 4; LIII. 20; *Hyper.* Pro Lycophr. I, fr. IVb; *Theophr.* Char. XXX. 17. См. также *Finley M.I.* The Ancient Economy. Berkeley, 1985. P. 72; *Canfora L.* Lavoro libero e lavoro servile nell' *Athenaion Politeia* anonima // Klio. 1981. 63. P. 146–147; *Schaps D.M.* The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece. Ann Arbor, 2003. P. 159–160.

[6] [*Xen.*] Ath. Pol. I. 11; *And.* I. 38; *Aeschin.* I. 97; *Theophr.* Char. XXX. 15; *Menandr.* Epitr. 202–204. См. *Казакевич Э.Л.* Были ли рабами οἱ χωρὶς οἰκοῦντες? // ВДИ. 1960. № 3. С. 23–42; *Perotti E.* Esclaves χωρὶς οἰκοῦντες // Actes du colloque 1972 sur l'esclavage. P., 1974. P. 47–56. Мне трудно согласиться с выводом Казакевич о том, что редкость упоминания апофоры в источниках свидетельствует о незначительности этого явления в Аттике (Были ли рабами... С. 40). Наши источники, как правило, не интересуются формами эксплуатации рабов. В данной статье я вслед за Кузнецовым, игнорирую возможные нематериальные стимулы у раба, в том числе эмоциональные связи между рабом и хозяином.

[7] О руководстве рабами как о тягостной и малопочетной обязанности см. *Arist.* Pol. I. 1255 b33–37; II. 1269 b8. См. также *Garlan Y.* Les sociétés sans esclavage dans la pensée politique grecque // Klio. 1981. 63. P. 131–140.

[8] О связи между самостоятельным или полусамостоятельным трудом рабов и ростом количества вольноотпущенников в IV в. см. *Глускина Л.М.* Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н.э. Л., 1975. С. 14, 30–31, 39, 46, 55–57, 58, 62, 65, 70, 114, 172.

[9] Об освобождении рабов, в том числе за выкуп, см. *Zelnick-Abramovitz R.* Not Wholly Free: The Concept of Manumission and the Status of Manumitted Slaves in the Ancient Greek World. Leiden, 2005; *Klees H.* Sklavenleben im klassischen Griechenland. Stuttgart, 1998. Kap. 8; *Darmezin L.* Les affranchissements par consecration en Béotie et dans le monde grec hellénistique. P., 1999; *Calderini A.* La manomissione e la condizione dei liberti in Grecia. Milano, 1908. Ср. [*Arist.*] Oec. I. 1344b: «Справедливо и выгодно обещать рабам свободу в качестве награды».

[10] [*Xen.*] Ath. Pol. I. 11. Ср. Имущество Аристарха, раба одного из гермокопидов: IG I³. 426.24–35.

на стороне. Разумеется, хозяин раба мог сочетать кнут и пряник, и не сдавая его в аренду (ср. Arist. Pol. I. 5. 11 1260 b6–7). Мы знаем, что положение раба и степень его материального стимулирования варьировались в широком диапазоне от полного контроля и жесточайшего внеэкономического принуждения на рудниках до фактически «метековского» статуса у работников трапезитов и других рабов-агентов, которые распоряжались огромными деньгами[11]. Где на этой шкале располагались рабы-строители? Сразу скажу, что данная статья не претендует не то что на окончательный, но даже на подробный, ясный и убедительный ответ, да он и невозможен по объективным причинам. Все же мы можем постараться получить некую индикацию, а главное – выяснить, каких ответов источники нам не дают. Вслед за Кузнецовым мы постараемся подойти к этой теме через эрехтейоновские и элевсинские строительные отчеты.

ЭРЕХТЕЙОН

В.Д. Кузнецов утверждает, что в Эрехтейоне «основная масса квалифицированных работ выполняется свободными ремесленниками, тогда как мало- и неквалифицированные работы ложатся на плечи рабов и отчасти метеков»[12]. На мой взгляд, анализ профессионального и социального состава работников свидетельствует о неточности этой формулировки. Основная масса каких бы то ни было работ выполнялась свободными ремесленниками, которые вообще составляли большинство работников: из 85 строителей, чей статус нам известен, не более 22 были рабами, причем не более 20 из них могли одновременно находиться на стройплощадке[13]. При этом все рабы – либо квалифицированные каменщики, либо плотники, а все чернорабочие, чей статус нам известен, –

---

[11] О работе рабов на серебряных рудниках Лаврия см. *Hopper R.J.* The Attic Silver Mines in the Fourth Century B. C. // BSA. 1953. 48. P. 247; *Lauffer S.* Die Bergwerksklaven von Laureion. Bd I–II. Wiesbaden, 1955–1956. S. 59, 70, 84, 107, 110, 175. Положение рабов на рудниках не было однородным. Лауффер подчеркивает сносные условия их существования (S. 888–905, 951–953). Однако приводимые им источники отражают, видимо, положение квалифицированного меньшинства рабов, см. рецензию Л.М. Глускиной на книгу З. Лауффера: ВДИ. 1959. № 3. С. 183–185, 188–189; см. также *Wilsdorf H.* Bergleute und Hüttenmänner im Altertum. B., 1952. S. 138–149. О высокой квалификации лаврийских рабов см. *Глускина.* Проблемы... С. 164. Прим. 77, с дальнейшей библиографией. О рабах-агентах см. *Казакевич Э.Л.* О рабах-агентах в Афинах // ВДИ. 1961. № 3. С. 3–21; О рабах в банках см. *Cohen E.E.* Athenian Economy and Society. Princeton, 1992. P. 70 ff. Ср. положение государственных рабов (δημόσιοι): при строительстве они могут выполнять как функции чернорабочих, так и контролеров: IG II^2. 1673.50, 62; 1675.17–20. Δημόσιοι в качестве рабовладельцев: IG II^2. 1566.33–35; 1570.78–79.

[12] *Кузнецов.* Организация... С. 67. Ср. выше прим. 4.

[13] См. *Кузнецов.* Организация... С. 54, ср. табл. 1, Там же. С. 441. Таблица содержит описку, так как насчитывает семерых рабов-деревообработчиков при двух пильщиках (т.е. пятерых плотников/столяров). Между тем в просопографическом списке ремесленников Эрехтейона (Там же. С. 448–452) значатся только четверо рабов-плотников. Столько же их у Рэндола (*Randall R.H.* The Erechtheum Workmen // AJA. 1953. 57. P. 201, 202. Таким образом, вместе с 15 каменотесами получаем 22 раба вместо 21. Вместе с тем один из каменотесов, которого Кузнецов считает гражданином, может быть рабом, см. ниже прим. 23. Статус рабов-пильщиков сомнителен, как и их количество, см. прим. 46. Только один из них трудится в Эрехтейоне в каждый данный момент. Наконец, рабы-каменотесы Эпиэйк и Эпиген не работают одновременно в Эрехтейоне. Итого: в каждый данный момент встречаем не более 18–20 рабов.

метеки[14], и лишь двое из рабов по одному разу исполняют роль, которая иногда характеризуется как роль ὑπουργοί (подсобных рабочих) – каждый раз в компании метеков, в том числе специалистов[15]. Другими словами, даже в тех редких случаях, когда рабов привлекали к неквалифицированному труду, дело не в отсутствии у них материальных стимулов (которые, конечно, имелись у метеков, в том числе чернорабочих). Есть лишь один проект, где рабы составляют около половины работников – каннелирование колонн восточного портика[16]. Здесь как раз требовалась высокая квалификация[17]. При этом равная оплата всех работников и неравномерное распределение рабов между бригадами, выполняющими одинаковые операции, исключают разделение труда по социальному признаку[18]. Как видим, утверждение Кузнецова по поводу мало- и неквалифицированные работ, ложащихся «на плечи рабов и отчасти метеков», правильнее было бы сформулировать: «на плечи метеков и в незначительной части рабов». Граждане же действительно, насколько можно судить, никогда не выступают как чернорабочие[19]. Таким образом, грань проходит не между свободными и рабами, а между гражданами и негражданами, причем рабы находятся как раз в «привилегированном» положении относительно метеков. Кузнецов и сам признает, что рабы почти всегда следуют профессии своих хозяев[20], а те всегда – специалисты. Можно предположить, что хозяева не приводили (и не посылали) своих рабов на стройплощадку раньше, чем обучали их своему ремеслу (или покупали готовых специалистов своего же ремесла?).

Следующее утверждение Кузнецова тесно связано с предыдущим. По его мнению, сдельно (и по подряду) работали только граждане и метеки, тогда как рабы – поденно. Из этого правила исследователь признает два исключения: уже упоминавшееся каннелирование колонн (работа над каждой колонной разбивалась на четыре последовательные операции, и каждая бригада, включавшая от пяти до семи человек, занималась только своей колонной, получая за каждую из операций соответственно 50, 90, 100 и 110 драхм) и какая-то работа четверых столяров, двое из которых рабы, связанная с рамами потолочных кессонов, она оплачивалась сдельно[21]. Как отмечалось выше, Кузнецов связывает поденную оплату с необходимостью контролировать раба и с отсутствием у последнего заинтересованности в результатах своего труда – заработанные им деньги все

---

[14] Здесь и в дальнейшем чернорабочими будем называть тех, кто исполнял задания, не требующие профессии, и не известен нам как исполнитель более квалифицированных работ. См. *Кузнецов*. Организация... С. 52.

[15] См. *Randall*. The Erechtheum Workmen. P. 206. Здесь Герис, раб Филокла, назван laborer, но в надписях он неизменно τέκτων (плотник). См. IG I^3. 476. 5–32; 124–139. Из них рабы: Синдрон и Кердон, каменотесы (476. 5–7, 22).

[16] IG I^3. 476. 72–100, 192–218, 223–248, 306–326. См. The Erechtheum: Measured, Drawn and Restored / Ed. J.M. Paton. Michigan, 1985 (репр. 1927 г.) (далее – The Erechtheum...). P. 411–413.

[17] *Кузнецов*. Организация... С. 50.

[18] Ср. *Finley*. The Ancient Economy. P. 82: «No one can distinguish, in the ruins of the Erechtheum, which mouldings were carved by Simias, which by his five slaves».

[19] См. *Кузнецов*. Организация... С. 61.

[20] Там же. С. 67. Рабы архитектора Филокла были плотниками. О близости двух этих профессий см. Там же. С. 423, с библиографией. См. *Randall*. The Erechtheum Workmen. P. 203–204.

[21] IG I^3. 475. 231–236. *Кузнецов*. Организация... С. 60–62, ср. С. 47.

равно получал хозяин. Проблема здесь в том, что названные исключения охватывают значительное большинство всех известных нам случаев использования рабов в Эрехтейоне, оставляя мало места для правила. В самом деле, из 19–22 рабов, известных из эрехтейоновских документов[22], 15–16 были каменотесами, причем *все* они, за исключением одного сомнительного случая[23], занимались именно каннелированием колонн. К тому же из четырех рабов-плотников двое относятся к нашему «исключению», а еще про одного почти ничего неизвестно, в том числе способ оплаты[24]. Можно назвать еще два случая, когда рабы, возможно, не трудились поденно: работа Лисия по обтесыванию каменного блока и работа Креса, приклеивавшего киматии по краям рам для кессонов, – в обоих случаях сомнение вызывает не характер оплаты, а статус работника[25].

Кузнецов объясняет два вышеназванных исключения тем обстоятельством, что в этих случаях «рабы сдельно работают не в одиночку, а обязательно вместе со свободными ремесленниками, нередко со своими собственными хозяевами... Отсюда следует вывод о том, что сдельно рабы могли трудиться только под контролем свободных мастеров»[26]. Однако работа четырех мастеров над четырьмя рамами, причем каждый получил деньги именно за свою раму, скорее служит контрпримером к данному тезису. Источник не свидетельствует о какой бы то ни было кооперации между нашими столярами. Мы даже не уверены,

---

[22] См. прим. 13.

[23] Спорный случай – каменотес Лисий (475. 112). Он назван Λυσίας Ἀλκίππο Κεφισ[...]. Кузнецов видит в указании дема свидетельство гражданского статуса Лисия (Организация... С. 54. Прим. 146), но это – дем Алкиппа. Вопрос в том, был ли Алкипп отцом или хозяином Лисия. Как известно, «такой-то, сын такого-то, из дема такого-то» – классическая формула афинского имени. Конечно, вне контекста (или в другом контексте) у нас бы не было сомнений. Но в другом контексте и Παρμένων Λαόσσου было бы понято как «сын Лаосса», как и считал Л. Каски, см. выше прим. 16. См. также *Randall.* The Erechtheum Workmen. P. 199–200. В любом случае перед нами исключение: то ли единственный раз, когда в эрехтейоновском документе упомянут дем хозяина раба, то ли единственный раз, когда родительный падеж имени собственного означает отца, а не хозяина. Первый случай может объясняться наличием двух Алкиппов из разных демов, как-то упомянутых в отчетах, второй – присутствием на стройке двух Лисиев из Кефисии (или особым уважением к Лисию?).

[24] Неизвестен способ оплаты труда (а также имя и точное задание) раба Дромона (IG. I³. 475. 186–188). Крес, раб Филокла, в других случаях работает поденно (IG I³. 475. 67, 255–256), но см. прим. 25.

[25] Лисий: прим. 23. Крес: IG I³. 476. 119–123. В надписях имеются два Креса: плотник, раб Филокла (см. прим. 24), и метек из Скамбонид, выполняющий работу чернорабочего в том же году (476. 12–13, 22–23). В интересующей нас записи не указано, какой именно Крес клеил киматии. Рэндол считает его рабом (The Erechtheum Workmen. P. 200), так как речь идет о работе плотника. Кузнецов возражает, ссылаясь на то, что работа сдавалась с подряда, а «раб не имел возможности заключать контракт» (Организация... С. 57. Прим. 157). Однако выражение «приклеившему киматий по дополнительному контракту» (τὸ κυμάτιον περικολλέσαντι *hὰ* προσεμισθόσαμεν) можно интерпретировать по-разному. Мы не можем быть уверены, что перед нами подрядчик, а не исполнитель подряда, взятого его хозяином-архитектором. На вопрос, зачем надо было упоминать имя исполнителя, да еще раба, мы не имеем доказательного ответа, но это относится и ко всем многочисленным случаям упоминания раба, когда деньги, по-видимому, были предназначены хозяину, по крайней мере согласно нашей логике и нашим априорным предположениям. К этому вопросу мы вернемся ниже.

[26] *Кузнецов.* Организация... С. 60.

что все работали одновременно на одной площадке. Это только в отчете было удобно объединить однородные задания. Но даже если наши мастера встречались в процессе работы, какой был смысл свободным контролировать чужих рабов, плохая или медленная работа которых вряд ли помешала бы свободным ремесленникам закончить работу и получить деньги? В этих условиях, что могло побуждать свободных мастеров отвлекаться от своей работы, кроме разве что классовой солидарности, которую – в такой степени – нужно доказывать, а не предполагать? Да, скорее всего, и не было необходимости в особом контроле, большем, чем над свободными: плохую работу не оплатили бы. Что же до возможности затягивать сроки, то, надо полагать, хозяева (одним из которых, напомню, был сам архитектор) наказали бы своих рабов, если бы те чересчур сильно отстали от их свободных коллег, принеся заработанные деньги слишком поздно. С другой стороны, как я писал выше, мы не можем исключить возможности заинтересованности рабов в рамках той или иной договоренности с хозяевами. Также мы не можем исключить и возможности той или иной формы давления на свободных, если бы те запаздывали. О штрафах ничего не сообщается в эрехтейоновских документах, но из отчетов других строительных комплексов мы знаем о наказаниях подрядчикам, не уложившимся в оговоренные сроки, а ведь они тоже, как и два свободных столяра в нашем примере, были заинтересованы сдать работу как можно быстрее[27]. Поскольку в данном случае речь шла о небольших суммах, дело, скорее всего, кончилось бы расторжением устного договора и возвращением ремесленника домой с пустыми руками – со всеми вытекающими отсюда последствиями как для свободного, так и для раба.

По мнению Кузнецова, «рабы не работали сдельно, а были лишь членами бригады свободного мастера, который и работал сдельно или по подряду»[28]. Источник, однако, об этом не свидетельствует. Скорее наоборот: вероятно, что в случае наших четырех столяров не было ни бригады, ни, тем более, подряда. Для бригады не видно технологического оправдания, так как нет коллективной работы. Подряд – редкая птица в Эрехтейоне и должен пользоваться презумпцией несуществования. В данном случае мы не видим разделения на этапы ни работ, ни их оплаты. Наконец, подряд тем и характеризуется, что заказчик имеет дело только с подрядчиком, а не непосредственно с его работниками. Мы не знаем ни одного случая, когда хозяин раба трудится вместе с ним сдельно или по подряду, и при этом раб упомянут по имени. Не исключено, что подрядчики могли объединяться[29], и в этом случае могли быть все упомянуты в надписи, но вряд ли для заказа в 80 драхм объединились бы четыре подрядчика, включая хозяев рабов.

Рабы, каннелировавшие колонны, как правило, трудились вместе со своими хозяевами и, видимо, под их контролем, хотя трудно сказать, например, в какой

---

[27] О штрафовании подрядчиков за опоздание в выполнении работ см. *Кузнецов*. Организация... С. 402–403; *Burford A.* The Greek Temple Builders at Epidauros. Liverpool, 1969. P. 97–98, 106–107, 152, 189.

[28] *Кузнецов*. Организация... С. 60, 415.

[29] См. тегейскую надпись IG V. 2. 6. 21–22, где разрешено объединение не более двух подрядчиков. Ср. *Кузнецов*. Организация... С. 406. Объединение трех подрядчиков на Делосе: IG XI. 2. 161. 52, 59, 62. Объединение двух подрядчиков в Эпидавре: IG IV^2. 103. 58–60, 160–173, 176–177. См. также *Noack F.* Eleusis: die baugeschichtliche Entwicklung des Heiligtumes. B., 1927. S. 305.

степени мог контролировать четверых своих рабов и двух чужих метек Симий, сам работая каменотесом (IG I³. 476. 87–92, 199–205, 236–242, 318–321). С другой стороны, следует предположить, что и свободные работники должны были взаимно контролировать друг друга. Дело в том, что выражение «сдельная оплата» может ввести в заблуждение, поскольку ассоциируется с принципом «больше сделал – больше заработал». На стройке это далеко не всегда так – обычно были конкретные задания и ограниченое количество сырья. Здесь действовал принцип «раньше выполнил задание – раньше освободился». Получив плату за сделанную работу, ремесленник мог искать следующую[30]. Но всегда ли он мог ее сразу найти?[31] И всегда ли он хотел каждый день работать? Известно, что в доиндустриальных обществах люди далеко не всегда стремятся использовать каждую свободную минуту для заработка[32]. В рассматриваемом случае дело осложнялось коллективным характером труда – у иных членов бригады могло возникнуть искушение работать вполсилы, а получить, естественно, как все. Анализ сумм, заработанных каннелировщиками, а также сроков выполнения ими определенных операций, не свидетельствует о напряженном ритме работ во всех бригадах. Так, в восьмой притании выполнялись две операции совместной стоимостью 190 драхм[33]. Другими словами, в половине бригад (где было более пяти работников) получали меньше драхмы на человека в день. При этом, по крайней мере в одной бригаде, обрабатывавшей четвертую колонну, по всей вероятности, не начали следующую операцию в восьмой притании, поскольку ее не завершили и в девятой. Таким образом, в девятой притании бригада из семи человек заработала всего 50 драхм[34]. Если наша семерка работала над своей колонной лишь незначительную часть девятой притании, почему было не завершить заключительную операцию? И почему некоторые бригады наби-

---

[30] Фактически Кузнецов имеет в виду именно этот принцип (Организация... С. 64, 68, 414). Впрочем, иногда работа и впрямь могла быть сдельной: когда работу выполняло несколько человек, а оплата была индивидуальной, тогда тот, кто работал быстрее, перехватывал сырье у коллег. См., например: IG I³. 475. 240–248.

[31] Согласно Плутарху, целью строительства на Акрополе было обеспечение работой максимального числа ремесленников: *Plut.* Per. XII. Кузнецов принимает это объяснение (Организация... С. 59. Впрочем, Плутарх имел в виду эпоху Перикла, а не эпоху Декелейской войны, отраженную в эрехтейоновских документах.

[32] О тенденции наемных работников в древней Греции выходить на работу не каждый день см. *Markle M.M.* Jury Pay and Assembly Pay At Athens // Crux: Essays in Greek History, Presented to G.E.M. de Ste. Croix / Ed. P.A. Cartledge, F.D. Harvey. L., 1985. P. 296–297; *Schaps.* The Invention... P. 153–158. Ср. [*Xen.*] Ath. pol. III. 2. 8; *Thuc.* II. 38 – необычайно большое количество праздников в Афинах.

[33] IG I³. 476.192–218, 223–248.

[34] Бригада Симия: IG I³. 476. 318–321. См. также IG I³. 476. 87–92, 199–205, 236–242; The Erechtheum. P. 412–413. Погода в Греции в восьмой и девятой пританиях (приблизительно апрель–июнь) была благоприятна для строительства. Если 407/6 г. был високосным, то на восьмую пританию приходился праздник Великих Дионисий (см. *Pritchett W.K.* Athenian calendars and Ekklesias. Amsterdam, 2000. P. 131, 145, 197; *Mikalson J.D.* The Sacred and Civil Calendar of the Athenian Year. Princeton, 1975. P. 126–137). Праздник длился 7 дней, в некоторые из них можно было проводить народные собрания (а значит, видимо, и работать) (Ibid. P. 137, 184). В любом случае, праздник – даже если он состоялся в восьмой притании – не объясняет, почему именно бригада Симия, где не было ни одного гражданина (для которых этот праздник и был прежде всего предназначен), работала медленнее других.

рали по 6–7 человек, тогда как другие справлялись впятером?[35] Каковы бы ни были причины, не похоже, чтобы мотивация быстрее завершить данный проект отсутствовала только у рабов.

Так или иначе, с точки зрения оплачивающей стороны форма оплаты труда была одинакова для всех каннелировщиков – свободных, рабов, трудившихся вместе с хозяевами, и рабов, чьи хозяева работали в другой бригаде или вовсе не были заняты каннелированием[36]. Следует полагать, что заработок раба – будь то поденный или сдельный – обычно присваивался хозяином[37], хотя из самой надписи мы этого не видим, и во всяком случае не видим связи между рабским статусом работника и формой оплаты его труда.

Мы можем, однако, вслед за Кузнецовым считать исключением рабов-каннелировщиков, поскольку они все-таки неизменно трудятся вместе со свободными мастерами, чаще всего – собственными хозяевами. Если согласиться, что рабы-каннелировщики фактически не сданы в наем полису, а просто помогают своим хозяевам[38], то, очевидно, данный пример необходимо игнорировать при рассмотрении вопроса о принципах оплаты труда работников различного социального статуса. Сосредоточимся на оставшихся примерах, с тем чтобы вернуться к нашим каннелировщикам позже. Кузнецов убедительно показывает, что граждане в Эрехтейоне не работают поденно, насколько можно судить по

---

[35] Возникает искушение связать медленную работу бригады Симия с тем обстоятельством, что она почти сплошь состояла из рабов. Однако бригада Фалакра, где из пяти работников трое были его рабами (IG I^3. 476. 78–83, 227–231, 310–314), по-видимому, успевала не меньше бригады Тевгена из шести свободных (476. 92–100, 212–218, 321–326). Любопытно, что при обтесывании и укладке каменных блоков Симий тоже заработал гораздо меньше своих коллег, выполняющих ту же работу (IG I^3. 475. 20–28), Фалакр же – больше всех; см. ниже прим. 65.

[36] Утверждение Кузнецова, «если ремесленник-рабовладелец участвовал в каннелировании колонны, то его раб (или рабы) работал вместе с ним», не точно (Организация... С. 47). См. пример Онесима из бригады, работавшей над пятой колонной, раба Никострата, каннелировавшего вторую колонну. Я даю нумерацию колонн, начиная от алтаря Дионы, см. The Erechtheum. P. 412. См. список каменотесов, каннелировавших колонны, согласно Кузнецову (Организация... С. 442), где, однако, порядок перечисления ремесленников соответствует не тексту надписи, а статусу работников – действительному или предполагаемому. В результате Онесим значится третим в списке, тогда как на самом деле он неизменно возглавляет список членов своей бригады и однажды почему-то даже получает больше остальных работников, если верить во многом восстановленной надписи (IG I^3. 476. 242–248), хотя 110 драхм (как и любое целое число драхм), разумеется, можно было разделить на шестерых и поровну.

[37] Так отмечает Кузнецов (Организация... С. 67, 432–433). Ср. *Markle*. Jury Pay... P. 271; *Finley*. The Ancient Economy. P. 80 (в контексте эрехтейоновских надписей). Строго говоря, уверенность в том, что весь заработок раба всегда присваивался его хозяином, основана не на источниках, а на наших общих представлениях о том, что такое рабство. Сдача рабов в аренду на рудники, упомянутая Ксенофонтом и Андокидом (см. прим. 5, ср. *Schaps*. The Invertion... P. 159), не обязательно происходила на тех же условиях, что и в Эрехтейоне, и в любом случае нам не известны многие важные подробности этих условий. Современные исследователи нередко выражают скептицизм по поводу рассказа Ксенофонта. См., например: *Westermann W.L.* Athenaeus and the Slaves of Athens // HSCP. Supp. Vol. 1. 1941. P. 451–470. Что же до «Старого Олигарха», то текст дает основания полагать, что апофора могла составить не весь заработок раба (см. прим. 5, 10).

[38] Так полагает Кузнецов (Организация...), см. прим. 28.

имеющейся информации[39]. Это – бесспорно, важное наблюдение, ускользнувшее от внимания предыдущих исследователей надписей Эрехтейона. Данный факт, вместе с отсутствием граждан среди чернорабочих, отмеченным выше[40], должен заставить нас по-новому взглянуть на отношение афинян к различным формам наемного труда. Верно и то, что поденно в Эрехтейоне оплачивались преимущественно работы, не требовавшие высокого уровня квалификации[41]. Что же касается рабов, то, на мой взгляд, у нас недостаточно примеров, когда бы рабы и свободные выполняли сходные функции, но при этом их труд оплачивался согласно различным принципам. Можно указать лишь на Гериса и Креса – рабов Филокла, – нередко (а в случае первого из них – и всегда) работавших поденно даже как плотники[42]. Впрочем, то же можно сказать о трех метеках, один из которых – Микион – в течение трех дней работал именно с упомянутыми двумя рабами[43]. Скорее уж этот пример опровергает тезис Кузнецова: очевидно, что поденная работа метеков не была связана с отсутствием у них экономических стимулов или с невозможностью им доверять, а между тем метек и рабы трудились на одинаковых условиях. Ясно, что иногда поденная работа была связана не с недостатком квалификации и заинтересованности, а с технической сложностью установления количественных критериев, необходимых для сдельщины[44].

Один из упомянутых метеков, пильщик Редий, работал иногда сдельно, а иногда – поденно. Данный случай послужил Кузнецову в качестве доказательства или иллюстрации нескольких тезисов. Остановимся на них подробнее. По мнению исследователя, при сдельной работе «дается подробное описание задания», тогда как при поденной оплате труда характер выполняемой работы не уточняется[45], что должно свидетельствовать о различии в требованиях к квалификации. Однако перед нами не спецификация, а финансовый отчет, и вместо задания «распилить», как у Кузнецова, в тексте стоит «распилившему» (διαπρίσαντι). Документ предназначен для граждан, перед которыми эпистаты должны отчитаться об уже потраченных деньгах за уже проделанную работу, а не для метека, до которого техническое задание, по-видимому, достаточно простое, несомненно, доводилось устно. Что же до поденной работы, то уточнять в финансовом отчете, выбиваемом на камне, что именно сделано за 12 или 16 дней, не имело особого смысла, тем более, что поденная плата была стандартной – важно было, сколько человеко-дней отработано.

Связь между рабским и поденным трудом иллюстрируется, по мнению Кузнецова, тем фактом, что в одиночку Редий работал сдельно, а вместе с одним

---

[39] Там же. С. 60–61.

[40] См. прим. 19.

[41] *Кузнецов.* Организация… С. 60–62.

[42] См. прим. 24 и 25. Герис – IG I^3. 475. 69, 254–255, 290.

[43] *Кузнецов.* Организация… С. 61–62. Один из этих метеков – единственный работник, получающий почему-то 5 оболов в день: IG I^3. 476. 104–109. См. *Loomis.* Wages… P. 106–107.

[44] В принципе, такая возможность признается Кузнецовым (Организация… см. С. 106. Прим. 266).

[45] Там же. С. 61. Сдельно: IG I^3. 475. 61–63: «Пильщику, распилившему бревно длиной 24 фута, 5 распилов, 1 драхма за каждый распил, 5 др.». Поденно: IG I^3. 475. 54–57; 476. 33–45. См. также прим. 46. Следует уточнить, что не каждый раз при сдельной оплате надпись содержит подробное описание выполненной работы (IG I^3. 475. 63–65).

из напарников (συνεργοί) – всегда поденно[46]. Но, во-первых, мы не можем быть уверены, что συνεργοί были рабами[47]. Их анонимность может подразумевать некоторую несамостоятельность, но они также могли быть, например, родственниками или учениками Редия[48]. Во-вторых же, мы вправе подозревать обратную зависимость между поденной работой и упоминанием помощников: не потому труд Редия оплачивался поденно, что с ним был раб, а наоборот, его помощник, какого бы то ни было статуса, упоминался только при поденной работе, когда было важно, за сколько человеко-дней платить. Когда же платили за сделанную работу, эпистатам было все равно, сколько человек ее делали, лишь бы они не претендовали на отдельную оплату[49]. Таким образом, представляется весьма вероятным, что Редий пользовался двуручной пилой не только при поденной, но и при сдельной работе[50].

Насколько возможно, что кто-то из работников не упомянут в отчете? По-видимому, все дело в том, зачем вообще в строительных отчетах называются имена работников. Разумеется, если имена работников, в том числе рабов, упоминались в отчетах с целью увековечить их вклад в строительство храма[51], то мы должны предполагать, что кто не упомянут, тот не работал. Но такая цель

---

[46] *Кузнецов*. Организация... При указании на источник в книге перепутались строчки сдельной и поденной оплаты: IG I³. 475. 54–57 соответствуют поденной оплате, а cткк. 57–65 – сдельной. Кузнецов упоминает двух помощников Редия (Органиция... С. 441, 452). На самом деле это – минимальное число. В IG I³. 475. 57 они упомянуты во множественном, а не в двойственном числе. См. The Erechtheum. P. 354–356.

[47] Мне не известны эпиграфические источники, в которых συνεργός обозначало бы раба. Этимологически и семантически близкое συνεργαζομένοις в документе из Лебадеи относится к свободным наемным работникам, судя по контексту; Syll³. 972 (= IG VII. 3073).15–22. Συνεργός относится к рабу в *Xen.* Mem. II. 3. 3, но это следует лишь из контекста, само по себе это слово и здесь не носит технического характера и означает просто «помощник». Оно может относиться и к представителям элиты (*Xen.* Mem. II. 6. 25–26).

[48] То же слово применено к помощнику Фалакра (IG I³. 475. 41–42), которого Кузнецов тоже считает рабом (Организация... Прим. 164). Но в этом случае рабский статус менее вероятен, чем для пильщиков, см. ниже. Мы знаем, что у Фалакра были рабы (IG I³. 476. 81–83, 229–231, 313–314), но они как раз названы поименно. По поводу возможности того, что анонимные помощники были членами семьи, см. IG XI. 2. 161. 71: Νίκωνι καὶ τῶι υἱῶι ἐργασαμένοις ἐπὶ τοῦ κίονος ἡμέρας δύο μισθὸς δραχμαὶ...

[49] Это предположение было высказано проф. Шапсом в беседе с автором.

[50] Ср. элевсинские надписи: пильщики тоже работают попарно (IG II². 1672. 66–67, 159–160). В первом случае подрядчик Карион получает заработок «пильщиков». Во втором двое пильщиков получают 3 драхмы в день. Маловероятно, что они работали попеременно, получая по 3 драхмы каждый: такая оплата при поденной работе не известна в Афинах IV в. Ср. *Loomis*. Wages... P. 112.

[51] Так, Грэйем видит в упоминании в отчетах Эрехтейона работников различного статуса идеологическую подоплеку: «citizens, foreigners, metics and slaves are engaged in some common enterprise». См. *Graham A.J.* Thucydides 7.13.2 and the Crews of Athenian Triremes: An Addendum // TAPA. 1998. 128. P. 108. Ср. *Burford A.* The Purpose of Inscribed Building Accounts // Acta of the Fifth International Congress of Greek and Latin Epigraphy. Oxf., 1971. P. 71–76, особенно P. 75. Однако работники подрядчиков ни разу не названы в строительных отчетах Эпидавра, на которые в основном ссылается исследовательница. Ср. *Schaps D.M.* Form and Purposes of Accounting Inscriptions (в печати); см. также http://ciegl.classics.ox.ac.uk/html/Thursday.shtml: 13th International Congress of Greek and Latin Epigraphy. Oxf., 2007, секция 4.5.

плохо согласуется с анонимностью наших троих (как минимум) συνεργοί. По-видимому, имена упоминались, чтобы указать, кому заплатили. Мог ли кто-то из работников не быть упомянут, хотя бы анонимно, если указаны имена рабов-каннелировщиков, а также отмечен безымянный помощник Фалакра, хотя все они тоже работали сдельно или по контракту вместе со своими хозяевами?[52] На мой взгляд, такая возможность имеется, поскольку не было полной симметрии между каннелированием и распиливанием: Редий выполнял задания, весьма скромные по объему и стоимости, не требовавшие предоплаты и письменного договора. Фактически перед нами скрытая форма подряда, где Редий – единственный подрядчик, сотрудники же подрядчика никогда не упоминаются в афинских надписях, к чему мы вернемся ниже[53].

Напротив, каннелирование представляло собой достаточно объемный проект, дорогостоящих же подрядов не знают эрехтейоновские отчеты[54]. Если и не исключено, что мы имеем дело с латентным подрядом[55], единого подрядчика все же не было. В результате в роли подрядчика выступала вся бригада, а она никогда не состояла исключительно из хозяина и его рабов[56]. Соответственно необходимо было уточнить вклад каждого работника или его хозяина, если речь шла о рабе. Что же касается помощника Фалакра, то он не обязательно имел тот же статус, что и помощники Редия (которые, вообще говоря, могли различаться статусом даже между собой). Поэтому упоминание помощника Фалакра не исключает возможности наличия у Редия неупомянутых помощников при сдельной работе. В любом случае я не уверен, что мы можем чересчур полагаться на последовательность составителей наших документов, особенно учитывая редкость упоминания συνεργοί. Как бы то ни было, симптоматично, что мы знаем, сколько заработали помощники Редия (естественно, когда они упомянуты) и за сколько дней, чего нельзя сказать о помощнике Фалакра. Различие, несомненно, связано с характером оплаты их труда: поденная плата в первом случае, сдельная во втором.

Поскольку при сдельной работе Редий получал за один распил столько же, сколько за целый день поденной работы, Кузнецов полагает, что пример нашего метека и его помощников иллюстрирует определенную дискриминацию рабов, «которых не допускали к исполнению дорогостоящих и квалифицированных работ»[57]. Даже предполагая, что συνεργοί Редия были его рабами и что

---

[52] Прим. 48.

[53] В одной делосской надписи упомянут помощник подрядчика (IG XI. 2. 146A. 73–75). Мы узнаем о нем лишь потому, что святилище платило ему отдельно, и не по подряду, а поденно. Таким образом, данный случай скорее подтверждает, чем опровергает правило.

[54] Так отмечает Кузнецов (Организация… С. 59–60, 63).

[55] Ср. мнение Л. Каски: The Erechtheum. P. 411, ср. *Кузнецов*. Организация… С. 57.

[56] Ближе всех к однородности была бригада Симия, которая, однако, кроме него самого и его четырех рабов включала двух рабов Аксиопита; см. выше прим. 34. Если бы не эти два раба, то (в предположении, что среди рабов Симия не было работавших по отдельному договору, см. выше прим. 37) мы могли бы проверить гипотезу о неупоминании рабов, помогавших своему хозяину, который работал сдельно или по подряду. Понятно, что один Симий не мог выполнить работу, которую в других бригадах выполняли минимум пять человек.

[57] *Кузнецов*. Организация… С. 61–62. Несколько отличная формулировка на с. 67: рабы «допускаются к выполнению квалифицированных работ только под контролем свободных мастеров, часто их собственных хозяев». Ясно, что эта оговорка ничего не меняет в случае Редия; см. ниже по тексту и прим. 59.

он обходился без них при сдельной работе, данное утверждение представляется проблематичным по следующим причинам: 1. Если бы Редий захотел взять с собой раба на сдельную работу, ему, по всей видимости, легче было бы контролировать этого одного раба, чем Симию – шестерых, выполнявших более квалифицированную и ответственную работу[58]. Следовательно, если наших рабов-пильщиков не привлекали к сдельной работе, то не потому, что их пришлось бы оставить без контроля. 2. Мы не знаем, насколько в нашем случае задания, оплачиваемые сдельно, требовали большей квалификации, чем при поденной работе, и насколько щедрее они оплачивались[59]. Видимо, существовали факторы, которые могли очень сильно влиять на производительность труда, так как не каждый раз за распил платили драхму – иногда лишь два обола[60]. 3. Если даже верно, что сдельная работа требовала более высокой квалификации, в нашем распоряжении слишком мало материала для далеко идущих выводов: возможно, рабы Редия были просто менее искусны, чем их хозяин. 4. Само понятие «дискриминация» кажется спорным в данной ситуации: если, как полагает Кузнецов, заработок рабов присваивал хозяин, то рабы ничего не теряли из-за того, что им поручали менее оплачиваемую работу. Если же рабы могли что-либо заработать, то нам придется отказаться от утверждения, что рабу нельзя было доверить сложного и ответственного задания именно из-за отсутствия у него материальной заинтересованности.

Выше мы отмечали, что рабы-каннелировщики представляют собой основную проблему для тезисов Кузнецова: они выполняли квалифицированную работу, и форма оплаты их труда была такой же как у свободных, о других же рабах-каменотесах в Эрехтейоне мы не знаем. По мнению Кузнецова, исключительное положение рабов-каннелировщиков скорее не опровергает, а подтверждает его тезис: каменщикам рабского статуса не поручали в Эрехтейоне никаких других камнетесных работ, помимо каннелирования колонн, именно потому, что рабам нельзя было доверить выполнение квалифицированных работ иначе, как под присмотром свободных мастеров[61]. На мой взгляд, здесь уместна осторожность: с каннелированием колонн вообще связана непропорционально большая часть имеющейся у нас информации о строительстве в Эрехтейоне, отчасти из-за случайного характера сохранившегося материала, а отчасти потому, что каннелирование колонн восточного портика было, видимо, одним из основных проектов на том этапе строительства, который отражен в дошедших до нас надписях.

Достаточно отметить, что, с одной стороны, из 46 известных нам эрехтейоновских каменотесов 34 были заняты в этом проекте, а с другой – мы, возможно, находим имена некоторых рабов-каннелировщиков в более поздних, плохо сохранившихся надписях[62]. В любом случае остается неясным, почему рабы не могли помогать своим хозяевам или другим свободным обтесывать блоки на стройплощадке или укладывать их в стену. Для ответа на этот вопрос у нас просто недостаточно информации. В частности, было бы интересно узнать, чем

---

[58] См. IG I^3. 476. 87–92, 199–205, 236–242, 318–321.

[59] См. выше прим. 45.

[60] IG I^3. 475. 57–61. Следует отметить, что, трудясь по высоким расценкам, Редий заработал лишь 5 драхм (возможно, еще 1 драхму 2 обола), тогда как по низким – 28 драхм (соответственно IG I^3. 475. 63–65 и IG I^3. 475. 60–61).

[61] *Кузнецов*. Организация… С. 47.

[62] Онесим, раб Никострата: IG I^3. 476. 443 (восстановлено); Парменон, раб Лаосса: IG I^3. 478. 7 (восстановлено).

были заняты рабы-каменотесы, пока их хозяева обходились без них на строительстве Эрехтейона. Один из возможных ответов: работали вместе со своими хозяевами, но не были упомянуты в отчете из-за сдельного и индивидуального, а не бригадного характера работы. Такая возможность была рассмотрена выше применительно к пильщикам[63]. Что касается каменщиков, то косвенным подтверждением вероятного использования помощников, не упомянутых в надписях, служит сравнение заработков каменотесов при различных операциях. Мы видели, что при каннелировании колонн бригада из пяти–семи человек зарабатывала от 50 до 190 драхм в пританию, причем в последнем случае не оставалось времени на выполнение следующего этапа в той же притании[64]. Между тем уже известный нам Фалакр из Пеании заработал за одну пританию более 117 драхм (из них только 49 совместно с помощником), обтесывая и укладывая каменные блоки. Сумма была бы больше, сохранись надпись лучше[65]. В целом группа из пяти человек заработала за одну пританию более 347 драхм – примерно столько, сколько за каннелирование колонны на протяжении трех пританий, причем, как мы помним, одна из бригад в этот срок не уложилась[66]. Такое различие в заработках легче всего объяснить использованием помощников при обтесывании и укладке блоков. Вероятнее всего, когда помощники не упомянуты, речь идет о рабах, но мы не можем исключить и свободных помощников, не имевших средств для существования в течение притании – ведь при сдельной работе не было предоплаты.

Подводя итоги, можно сказать, что нам не известны примеры работы рабов-каменотесов не по соседству со свободными ремесленниками[67]. С другой стороны, и свободные каменщики в Эрехтейоне крайне редко работали в одиночку[68]. Что касается деревообработчиков, то из четырех рабов-плотников трое трудились без своих хозяев, а про четвертого ничего нельзя сказать из-за плохого состояния текста[69]. Если считать помощников Редия рабами, то в каждый данный момент только один из них мог работать вместе с хозяином, и, конечно, не потому, что на него нельзя было положиться (в отличие от других помощников Редия), а просто потому, что кто-то должен же был держаться за другой конец двуручной пилы. Отсутствие рабов среди скульпторов и резчиков по дереву может объясняться невозможностью поручить рабам квалифицированную работу[70]. С другой стороны, спрос на скульпторов мог быть не настолько велик, чтобы хозяева обучали своих рабов этой профессии. Ясно также, что далеко не каждый способен выучиться на скульптора, поэтому возможность купить на рынке раба соответствующей квалификации или соответствующего потенциала была весьма ограничена.

---

[63] См. прим. 49–56.

[64] Прим. 33–35.

[65] IG I³. 475. 31–50, см. *Кузнецов*. Организация... С. 64.

[66] IG I³. 475. 50–51, ср. выше, прим.16, 21 и 34. Некоторые работы могли быть начаты в предыдущей притании, но это же можно сказать о каннелировании колонн. Теоретически в лакунах могли быть упомянуты дополнительные ремесленники, но на их долю пришлось бы менее 70 драхм.

[67] Не считая спорного случая Лисия; см. выше прим. 23.

[68] Аминиад из Келы (IG I³. 475. 77–90) и Поликл из Лакиад (IG I³. 476. 218–221).

[69] Раб Дромона (IG I³. 475. 186–188).

[70] Впрочем, по квалификации каннелировщик мог не сильно уступать скульптору; см. прим. 17. Об архитекторах-рабах в Риме см., например: *Epict.* Diss. IV. 1. 117; *Cic.* Ad. Att. II. 3; Ad Quintum. II. 2. См. также *Finley*. The Ancient Economy. P. 75–76.

Не исключено, что более полная информация подтвердила бы интуицию Кузнецова, показав рабскую рабочую силу куда менее квалифицированной, чем она предстает в сохранившихся отчетах. Следует помнить, что перед нами завершающий этап строительства храма, когда черновой работы требуется уже немного[71]. К тому же наши документы ничего не сообщают о работах, выполненных общественными рабами – δημόσιοι, которые, если вообще использовались при строительстве Эрехтейона, могли быть и чернорабочими, судя по их функциям в Элевсине[72]. Один из эрехтейоновских отчетов, не сообщая ни имен работников, ни их функций, дает их общее количество по пританиям и выделенные на них суммы (IG I^3. 475.272–285), причем число людей в каждой притании равно сумме в драхмах. Кузнецов полагает, что речь идет о поденных работниках, получавших по драхме в день, и что их можно «довольно уверенно» считать частными или общественными рабами[73]. Однако непонятно, зачем было платить общественным рабам по драхме в день. Для частных же рабов анонимность столь многих поденных работников и отсутствие указаний на характер выполняемых работ выглядят неожиданно на фоне других эрехтейоновских отчетов. К тому же получается, что каждое из этих лиц отработало по одному дню в каждой притании, что тоже кажется странным (впрочем, не исключено, что в каждой притании приведено число человеко-дней, а не работников). Я бы предположил, что речь идет о расходах на питание – по одному, два или три обола в день на человека, так что каждый из трудящихся отработал соответственно от двух до шести дней. В таком случае перед нами не обязательно рабы – свободные наемные работники тоже могли питаться на рабочем месте. И не обязательно все они выполняют неквалифицированную работу. Так или иначе, количество человеко-дней относительно невелико по сравнению, например, с количеством дней, отработанных рабами-каннелировщиками.

Повторим: мы не имеем права распространять данные эрехтейоновских отчетов на весь процесс постройки храма. Вполне возможно, что рабы исполняли весьма значительную часть черновых работ. В то же время те данные, которыми мы располагаем, позволяют говорить об отсутствии неизбежной и тесной связи рабского статуса с низкой квалификацией и поденной работой.

ЭЛЕВСИН

В отличие от эрехтейоновских элевсинские надписи не позволяют формально и однозначно идентифицировать частного раба. Все же, по мнению Кузнецова, следующие косвенные признаки «выдают» рабов: использование в отчетах таких слов, как ἄνδρες, μισθωτοί и οἰκόσιτοι; анонимность или игнорирование

---

[71] См. *Randall*. The Erechtheum Workmen. P. 202. Напротив, Кузнецов полагает картину, вырисовывающуюся из отчетов Эрехтейона, достаточно репрезентативной для древнегреческого общественного строительства (Организация… С. 55).

[72] См. *Кузнецов*. Организация… С. 74, 80, 92. Следует, однако, отметить, что нам ничего неизвестно о характере работ, выполняемых общественными рабами в Элевсине собственно при строительстве (IG II^2. 1672), знаем лишь, что они работали по камню, используя стальные инструменты (сткк. 121–122), а это предполагает определенный уровень квалификации. Чернорабочими некоторые δημόσιοι (не обязательно те же люди, что упомянуты в IG II^2. 1672) были при перевозке камня, где большой квалификации, видимо, и не требовалось (IG II^2. 1673. 50, 62). В любом случае мы не можем определить профессию большинства из 28 δημόσιοι, упомянутых в этом отчете.

[73] *Кузнецов*. Организация… С. 52–53.

(когда ясно, что неупомянутые работники использовались); наконец, поденная и преимущественно черновая работа. За этими признаками стоит, разумеется, то же марксистское предположение об обязательном отсутствии у раба материальных стимулов. Тезис данной части статьи заключается в том, что мы не можем быть уверены ни в одном из перечисленных критериев, а значит, не можем полагаться на выводы, сделанные на их основе.

С точки зрения Кузнецова, указание на то, что работники питаются дома (в сочетании с поденной работой?), «дает основание считать их рабами, причем частными»[74]. Очевидно, использование слова οἰκόσιτοι призвано оттенить контраст с питающимися за счет работодателя[75]. К последним относились, разумеется, общественные рабы, а также некоторые частные[76]. Мы, однако, не можем утверждать, что для свободного работника питание за свой счет было чем-то само собой разумеющимся. Напротив, известно, что за несколько лет до составления обсуждаемого отчета некоторые свободные работники получали определенную сумму εἰς τὰ ἐπιτήδεια («на съестное»)[77]. Редкость употребления слова οἰκόσιτοι свидетельствует, видимо, о том, что оно не стало техническим термином. Помимо IG II^2. 1672 это слово встречается в 1673a (стлк. 5, 13, 19, 32, 35) и в уже упоминавшемся произведении Феофраста (выше, прим. 75), причем все три источника относятся к Афинам и к более или менее одному времени. Обращает на себя внимание отсутствие этого выражения в IG II^2. 1673, что, может быть, связано со скачком цен на зерно в 329/8 г. и с переходом в этой связи с частичной оплаты натурой к полностью денежным расчетам[78]. Если так, то

---

[74] Там же. С. 77, 82; ср. с. 91, 102. Источник: IG II^2. 1672. 26, 29, 32–33, 46, 62, 111, 160, 177–178. Неясно, считает ли исследователь использование слова οἰκόσιτοι достаточным признаком рабского статуса даже без поденной оплаты труда. Впрочем, в имеющихся у нас документах эти признаки всегда совмещены; см. ниже. Кузнецов ссылается на Глускину (Проблемы… С. 63), что объясняет, по-видимому, отсутствие аргументации. Однако Глускина, склоняясь к гипотезе об οἰκόσιτοι как о частновладельческих рабах, переводит это слово как «питающиеся за свой счет» и предполагает, таким образом, заинтересованность этих рабов в результатах своего труда. Как мы видели (и увидим ниже), это противоречит тезису Кузнецова.

[75] Ср. *Theophr.* Char. XXII. 4: τοὺς δὲ διακονοῦντας ἐν τοῖς γάμοις οἰκοσίτους μισθώσασθαι («а прислуживать на свадебной пирушке нанимает слуг на своих харчах»). Статус прислуживающих на свадьбе, нанятых специально для этой цели, неясен и несуществен. Важно, что скупец, чей характер описывается, хочет сэкономить на их питании, по-видимому, вопреки обычаю. О свободных людях в качестве наемных поваров см. *Theophr.* Char. VI. 5; *Ath.* XIV. 658.

[76] Рабы Никия и Гиппоника, приносившие своим хозяевам по оболу в день, вряд ли питались за их счет, работая на рудниках (*Xen.* Vect. IV. 14–16).

[77] IG II^2. 1673. 61. Речь о человеке, выбранном для записи расходов. Его статус не известен. О возможной покупке провизии для работников в Эрехтейоне см. выше прим. 73 и далее. Делос: IG XI. 2. 158. 37–50. В издании IG II^2. 1673 восстановлено ἐπιστάτηι τῶμ μ[ισθωτῶν] («руководителю наемных работников») в строках 58–59, что означало бы, видимо, централизованную закупку провизии для наемных работников; см. *Noack.* Eleusis… S. 305. Not. 1. Однако это место выглядит иначе в новой редакции Клинтона: *Clinton K.* Inscriptions from Eleusis // Ἀρχαιολογικὴ Ἐφημερίς 1971 (1972). P. 81–136. См. также недавнюю работу: *Clinton K.* Eleusis, the Inscriptions on Stone: Documents of the Sanctuary of the Two Goddesses and Public Documents of the Deme. Athens, 2005 (далее – *Clinton.* Documents). № 159.

[78] См. *Loomis.* Wages… P. 111–112. Not. 19. Ср. *Clinton.* Inscriptions… P. 110–111; *Кузнецов.* Организация… С. 99–100. Прим. 258.

имеется в виду противопоставление новой и прежней практики, а не частных и общественных рабов. Тот факт, что οἰκόσιτοι всегда работают поденно, видимо, неслучаен: только в этой ситуации имеет смысл подчеркивать, что работник питается дома: при других формах найма питание за счет работодателя, видимо, не практиковалось, так как оплата производилась только по окончании работы, и была опасность, что работа будет забракована, а работник питался за счет нанимателя, не принеся тому никакого дохода. К тому же преимущество форм оплаты, отличных от поденной, в том и состояло, что работник не был заинтересован попусту тянуть время, а работодатель знал заранее, сколько он заплатит, как бы долго ни продлилась работа. Питание работника за счет работодателя сводило на нет оба преимущества.

Согласно Кузнецову, элевсинские отчеты обозначают словом μισθωτής «свободных ремесленников, в отличие от безымянных работников, обозначаемых термином μισθωτός»[79]. Последнее слово, этимологически связанное с наемным трудом вообще, нередко означало чернорабочего[80]. Конечно, среди них могли быть и рабы, сдаваемые внаем, но мне неясно, почему мы должны предполагать, что это относится ко всем μισθωτοί или хотя бы к большинству. Напомню, что, в эрехтейоновских документах не указан ни один раб-чернорабочий. Все упомянутые там рабы принадлежали людям, так или иначе связанным со строительством. Ни один раб не был нанят через «биржу труда» – Κολονὸς μίσθιος[81]. Зато именно там могли быть наняты чернорабочие-метеки. Конечно, ситуация в Элевсине через 80 лет могла быть другой, да и эрехтейоновские отчеты вряд ли могут быть названы репрезентативными, как уже отмечалось. Но и другие источники вовсе не отождествляют μισθωτοί с рабами. Так, мы находим метеков, чья профессия официально обозначена как μισθωτός, причем в двух случаях речь идет о натурализации[82]. Наконец, элевсинская надпись сообщает, что οἱ μισθωτοί из Мегар «собрались прийти в святилище» (IG II^2. 1673.28–29). По справедливому замечанию самого Кузнецова, они «пришли на строительство по собственной инициативе»[83].

Одним из аргументов, приводимых Кузнецовым в пользу рабского сотояния ἄνδρες οἰκόσιτοι и μισθωτοί, служит их безымянность[84]. Хотя автор не объясняет, почему именно рабы должны быть не названы, имеется в виду, вероятно,

---

[79] *Кузнецов.* Организация... С. 72, ср. С. 104. Автор ссылается на книгу Ноака (Eleusis... S. 304, 305), не отраженную, кстати, в его библиографии (Там же. Прим. 192). Однако в указанном месте Ноак ничего не говорит о несвободном статусе μισθωτοί.

[80] См. прим. 79.

[81] См. *Fuks A.* Κολονὸς μίσθιος: labour exchange in classical Athens // Eranos. 1951. 49. P. 171–173.

[82] IG II^2. 10. Col. II. 8; SEG XII. 84. 71 – предоставление гражданства метекам, помогавшим демократам против «Тридцати тиранов». Теоретически эти метеки могли быть вольноотпущенниками, а слово μισθωτός могло обозначать их профессию еще до освобождения. Однако маловероятно, что, предоставляя гражданство борцам за демократию, афиняне подчеркивали их рабское прошлое. Это делали как раз критики демократии ([*Arist.*] Ath. Pol. XL. 2. IG II^2. 1557. 23; 1561. 19; SEG XVIII. 36. 396) – вольноотпущенники.

[83] *Кузнецов.* Организация... С. 77. В этом случае исследователь, по-видимому, не считает наших μισθωτοί рабами и даже называет «специалистами», что, по-моему, неоправданно.

[84] Так же. С. 83, 91, ср. С. 102.

их низкий социальный статус. Ниже я перейду к альтернативным объяснениям, пока же замечу лишь, что подход Кузнецова приводит к логической ошибке: предположив (без ссылки на источник и вопреки поименному упоминанию рабов в отчетах Эрехтейона), что рабы в элевсинских документах непременно должны остаться анонимными, исследователь автоматически предполагает, что и обратное верно, относя к рабам всех безымянных работников[85]. Между тем статус свободного, особенно негражданина, обычно может быть подтвержден только его именем (включая имя дема). Аналогичное рассуждение мы видим и тогда, когда случайно обнаруживаем работников, не вписанных в отчет, поскольку они трудились в бригадах подрядчика: они считаются рабами, так как в противном случае, по мысли Кузнецова, были бы упомянуты[86]. На самом деле, насколько мне известно, сотрудники подрядчика не упоминаются в элевсинских отчетах никогда, и это не удивительно. Когда мы читаем имена нескольких исполнителей, отсутствует слово μισθωτής. Его могли опустить по небрежности, но в любом случае работа могла быть разбита на несколько подрядов[87]. Таким образом, по логике исследователя, у подрядчиков вообще не могло быть свободных сотрудников, кроме компаньонов. Это, однако, представляется малоправдоподобным в свете данных из Эрехтейона и других городов[88].

Кузнецов подметил очень интересный факт: только безымянные работники получали поденную плату[89]. Объясняет он это рабским статусом поденщиков, всегда безымянных. «Принимая во внимание то, что подрядчики, которые всегда назывались в отчетах по имени, были свободными людьми, мы можем заключить, что безымянные работники были рабами»[90]. Здесь имеет место логическая ошибка: если бы мы были уверены в том, что на строительной площадке не было других действующих лиц, помимо подрядчиков и рабов, то, конечно, нужно было бы считать рабами всех, о ком известно, что они не подрядчики (например, работающих поденно), даже если бы они и были названы по имени. Однако отсутствие свободных поденщиков как раз и подлежит доказательству, возможности же существования сдельной оплаты Кузнецов и сам не отрицает[91],

---

[85] Там же. С. 91: «Другая группа чернорабочих никогда не называется по имени... *Уже только это обстоятельство*, а также то, что они всегда работают поденно, дает твердые основания считать их людьми зависимыми, рабами» (курсив мой. – *С.Э.*). О работниках неизвестного нам статуса с «рабскими» именами см. ниже прим. 100.

[86] Там же, см. особенно с. 83: подрядчик Карион получил деньги за «пильщиков», благодаря чему мы узнаем, что он работал не один (см. выше прим. 50). Кузнецов пишет: «Можно было бы полагать, что напарник (или напарники) Кариона не вписаны в отчет для экономии места, однако в других случаях, когда работу выполняют несколько человек, в отчет вписываются имена всех работников. *Принимая во внимание то, что безымянными в элевсинских отчетах были рабы, нужно видеть в напарнике Кариона также раба*» (курсив мой. – *С.Э.*). Ср. С. 98. Прим. 256.

[87] См., например: IG II^2. 1672. 48–50 и *Кузнецов*. Организация... С. 76, 93.

[88] Лебадея: выше прим. 47. Если бы скрытый подряд, применявшийся, видимо, при каннелировании колонн в Эрехтейоне, был явным, то в каждой бригаде один–два каменотеса стали бы подрядчиками, остальные же работали бы на них, в том числе в той бригаде, где все шестеро были свободными. В другом месте Кузнецов признает, что на подрядчика могли работать не только рабы (Организация... С. 103–104).

[89] Там же. С. 102. Ср. выше прим. 74, 85–86. Это явление характерно не только для Эрехтейона, но и, например, для Делоса: см., например: IG XI. 2. 161. 69, 71.

[90] Кузнецов. Организация...

[91] Там же.

а ведь здесь свободный статус априори вовсе не так очевиден, как при подряде. Следует сказать, что если поденные работники всегда безымянны, обратное в общем неверно: мы имеем примеры безымянных μισθωτοί, о которых не сказано, что они работают поденно, а также неназванных специалистов и даже подрядчика[92].

Если предположение, что рабы не работали сдельно, не говоря уже о подряде, априори выглядит достаточно правдоподобно, то обратное утверждение гораздо более проблематично: мы должны быть готовы объяснить, почему свободные ремесленники не работали на условиях поденной оплаты, весьма распространенной в Эрехтейоне. Что же касается связи между поденной оплатой и безымянностью, то, думается, можно предложить альтернативное объяснение, поменяв задаваемый вопрос. Вместо того, чтобы спрашивать, почему кто-то не назван в надписи по имени, можно спросить, кто и с какой целью назван в ней. Учитывая господствующую роль подряда в элевсинских документах, следует спросить, зачем имена подрядчиков увековечивались в надписи. Ответ содержится в надписи конца IV в., цитируемой и Кузнецовым, «чтобы каждый желающий из афинян мог увидеть и проверить все, что касается стены...»[93].

Разумеется, договор строительной комиссии с подрядчиком, включающий взаимные обязательства сторон, можно было идентифицировать, при наличии многих подрядчиков, единственно по имени того, кто получил контракт. При поденной оплате условия были стандартными, а суммы небольшими, так что имя работника, независимо от его статуса, можно было опустить из экономии места. Сдельная работа в той мере, в какой она применялась в Элевсине, занимала, видимо, промежуточное положение: имя иногда опускается, как мы помним, но чаще называется. Поскольку же среди подрядчиков рабов, как правило, не было (хотя бы из-за юридических проблем, не обязательно предполагать отсутствие стимула), то не удивительно, что в элевсинских отчетах в основном упоминаются имена свободных. Обратное же, как сказано выше, неверно: среди безымянных поденных работников или работников подрядчика (мы не знаем, как оплачивался их труд) должны были быть и свободные. Если даже в Эрехтейоне, где подряд почти не применялся, находились метеки, готовые работать поденно, то при строительстве элевсинских святилищ основной альтернативой работе на подрядчика или поденной работе на полис было участие в конкурсе на взятие подряда, что, конечно, не каждому было доступно (например, требовались гаранты) и где в любом случае не каждый побеждал.

Воспользовавшись двумя пассажами, посвященными строительству из сырцового кирпича (в одном говорится о работе οἰκόσιτοι, в другом – о подрядчике), Кузнецов вычисляет соотношение стоимости работы подрядчика и поденных работников, приходя к выводу, что на работе последних (которых автор счи-

---

[92] IG II^2. 1672. 19–21, 158–159 (*Clinton*. Documents. № 177. 220–221), 176, 184–185, 292–293 (Ibid. № 177. 421–422), 298 (Ibid. № 177. 428); 1673. 44, 54–55. Если мы примем гипотезу Кузнецова о рабском статусе всех (или только безымянных) μισθωτοί, то, по меньшей мере в одном месте (IG II^2. 1672. 292–293), мы видим рабов, которым платят пропорционально проделанной работе – вопреки тезису об их материальной незаинтересованности.

[93] IG II^2. 463. 29–30; см. *Кузнецов*. Организация... С. 400–401.

тает рабами) эпистаты сэкономили 104 драхмы 1 обол[94]. Исследователь видит здесь доказательство относительной дешевизны рабской рабочей силы. Однако даже если мы согласимся, что эти οἰκόσιτοι были рабами, мне неясно, за счет чего труд свободных был бы дороже, учитывая, что зароботок наших οἰκόσιτοι доходил до 2,5 драхм в день – больше, чем у архитектора.

Пример Эрехтейона показывает, что хозяева частных рабов не соглашались отдавать их внаем за плату, меньшую, чем мог бы получить свободный работник равной квалификации. Если услуги подрядчика стоили дороже, то разница, видимо, составляла его прибыль. Мы можем спросить, почему в таком случае эпистаты вообще обращались к подрядчику, вместо того, чтобы, как в Эрехтейоне, нанимать работников напрямую? И что бы они ответили, если этот же вопрос задали бы в собрании и Совете, прочитав отчет?[95] Мы, разумеется, можем дать лишь предположительный ответ на этот вопрос. С одной стороны, эпистаты могли не найти достаточного числа квалифицированных работников – им трудно было конкурировать в этом с подрядчиком, у них были и другие обязанности. С другой, выгода могла быть иллюзорной, особенно в долгосрочной перспективе. За поденными работниками, даже и свободными, нужен был контроль. Если те, кто контролировал, получали определенную плату, ее нужно вычесть из средств, сэкономленных на отказе от подрядчика. В противном случае учитывалось, что должностные лица не проводят на стойплощадке все свое время – им еще нужно заниматься своими частными делами[96]. Таким образом, не исключено, что прямой наем был возможен только в ограниченных масштабах, при любом статусе поденных работников. О том, что сдельная оплата была не всегда возможна, говорилось выше[97].

Кузнецов не отрицает теоретической возможности найма рабов сдельно или даже по подряду, но оговаривается, что «в пользу этого нельзя привести ни одного примера из элевсинских отчетов»[98]. Этот «аргумент от умолчания» представляется мне методологически проблематичным в данном случае. В име-

---

[94] *Кузнецов*. Организация... С. 104–106. Источник: IG II^2. 1672. 26–30, 59–60.

[95] Ответ Кузнецова: отсутствие заинтересованности со стороны рабов «и другие объективные препятствия» (Организация... С. 105). «Другие объективные препятствия» могли относиться и к свободным, что же до отсутствия заинтересованности, то оно должно было бы привести к меньшей, а не к большей, конкурентоспособности рабского труда по сравнению с трудом свободного ремесленника, каким Кузнецов представляет подрядчика. Тем более, что для святилища частновладельческая рабская рабочая сила не была бесплатной. Что до общественных рабов, наиболее выгодных для полиса, по мнению Кузнецова (там же), то их еще надо было купить, а потом содержать, даже если для них не было в данный момент работы. О том, что рабская рабочая сила не всегда в конечном счете дешевле см. *Cohen*. Athenian Economy... P. 72. Not. 53, с библиографией.

[96] Как известно, в исторической литературе не существует консенсуса по вопросу о вознаграждении афинских должностных лиц в IV в. до н.э., и как раз элевсинские отчеты являются одним из аргументов в этой дискуссии. См. *Hansen M.H. Misthos* for Magistrates in Classical Athens // Symbolae Osloenses. 1979. 54. P. 5–22; *Gabrielsen V.* Remuneration of State Officials in Fourth Century B. C. Athens. Odense, 1981; *Lewis D.M.* Rev.: *Gabrielsen V.* Remuneration of State Officials in Fourth Century Athens. Odense, 1981 // Journal of Hellenic Studies. 1982. 102. P. 269; *Rhodes P.J.* A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxf., 1981. P. 695; *Loomis*. Wages... P. 26–27.

[97] Прим. 44.

[98] *Кузнецов*. Организация... С. 106.

нах работников обозначение дема сплошь и рядом отсутствует, и мы даже не можем быть уверены, что статус раба выражался так же, как в эрехтейоновских документах, где, кстати, имя хозяина зачастую опущено. Встречая подрядчика с «рабским» именем, мы справедливо относим его к вольноотпущенникам[99], хотя в принципе нельзя исключить его принадлежности к привилегированным рабам. Когда же мы не уверены, что речь идет о подрядчике, то как раз «подозрительные» имена часто не сопровождаются упоминанием дема[100]. В любом случае у нас мало шансов узнать, таким образом, что-либо новое по сравнению с нашими исходными предположениями. Применительно к подрядчикам свободный статус является естественным априорным предположением, и молчание источников, само по себе ничего не доказывая, оставляет наше предположение не опровергнутым. Это предположение менее очевидно для сдельной работы.

Подводя итоги, можно сказать, что, на мой взгляд, вышерассмотренные признаки не являются не только достаточным, но иногда и необходимым условием для идентификации работника в качестве раба.

Хотя статья посвящена рабскому труду, я хотел бы завершить ее замечанием по поводу труда свободных. Кузнецов дважды сочувственно цитирует высказывание С. Хамфриз, согласно которой с точки зрения греческого гражданина свободный труд был возможен только в общественном строительстве, где человек нанимался государством, а не частным лицом, что расценивалось как рабство[101]. На мой взгляд, исследование Кузнецова как раз позволяет поставить под сомнение этот вывод. Нежелание афинских граждан работать поденно, очевидно, не уменьшилось из-за того, что нанимателем выступало государство. Видимо, поденный труд воспринимался как работа по найму par excellence не потому, что платило частное лицо, но потому, что при этой форме найма осуществлялся наиболее жесткий внеэкономический контроль над работником. Другие же формы оплаты могли быть интерпретированы как продажа продукта труда, а не рабочей силы и времени, что ассоциировалось с продажей в рабство. Но ведь на частном рынке квалифицированный ремесленник и не обязан был обычно наниматься поденно. К тому же заказчик, в отличие от должностного лица, как правило, не мог всерьез руководить квалифицированным мастером, в своей области гораздо более компетентным.

В любом случае, трудно предположить, что ремесленники, согласно из эрехтейоновским и элевсинским документам, жили исключительно за счет общественного строительства, особенно граждане, не всегда готовые переехать туда, где в данный момент велось такое строительство. Кузнецов, безусловно, прав, утверждая, что тон на стройплощадке задавали свободные ремесленники, мастера своего дела[102]. Квалификацию же они приобретали и сохраняли на частном рынке. Строители Эрехтейона не сидели сложа руки на протяжении большей части Пелопонесской войны, когда крупного общественного строительства в Греции не велось.

---

[99] См. Там же. С. 83, 101, 106.

[100] Например, Киприй, Египтий, Сир, Карион, Милак. См. просопографию: Там же. С. 453–457. По поводу работников, вырубавших камень, чьи имена кажутся Р. Осборну похожими на имена рабов, Кузнецов замечает: «Мы вовсе не уверены в том, что рабы имели право самостоятельно наниматься на работу в святилище» (Там же. с. 77). Однако они могли быть сданы внаем своими хозяевами.

[101] Там же. С. 67, 417.

[102] Там же. С. 417–418.

© 2009 г.

В.В. Дементьева, Р.М. Фролов

НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ CONTIONES КАК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Contio (сходка) римского народа – собрание, не принимавшее (в отличие от comitia) решений, имевших юридическую силу (Gell. N.A. XIII. 16. 3[1]). Сходка обладает рядом характеристик, делающих ее, на первый взгляд, «неинтересным» объектом исследования в смысле изучения государственного устройства: собрание не имело явных правовых последствий[2], строгой локализации, организации аудитории, сферы компетенции. Иногда исследователи указывали даже на необязательность статуса полноправного гражданина для фактического участия в сходке[3]. Отличительная черта сходки – проведение собрания без официального решения – обусловила длительное отсутствие должного интереса к ее изучению[4]. Вплоть до последней четверти XX в. проблематика contio ни разу не оказывалась в центре поля зрения исследователей[5],

---

[1] «contionem» autem «habere» est verba facere ad populum sine ulla rogatione.

[2] Кроме выступлений suasio/dissuasio, которые могли привести к отводу rogationes. Тем не менее и в этом случае решение об отводе мог принять только сам rogator – сходка решений не принимала. См. *Моро Ф.* Sublata priore lege. Отвод rogationes как способ внесения поправок к законодательным проектам в конце республики // ВДИ. 2004. № 4. С. 154–165; *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd III. Lpz, 1887. S. 394–396.

[3] *Моммзен Т.* История Рима. В 5 томах. Т. 2. Кн. 4. М., 2001. С. 107.

[4] Поскольку законы на сходке не принимали, исследователи, использовавшие формально-юридический подход, не отмечали самостоятельной роли contio в политической жизни Рима. См., например: *Stavely E.S.* Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca–New York, 1972. P. 148; *Loewenstein K.* The Governance of Rome. La Haya, 1973. P. 113–115, 184. Часто это можно наблюдать и в современных исследованиях: *Cizek E.* Mentalités et Institutions politiques romaines. P., 1990. P. 181; *Mousourakis G.* The Historical and Institutional Context of Roman Law. Ashgate, 2003. P. 105–106 (перечисление можно продолжить).

[5] Сходки очень бегло затрагиваются в классических трудах обобщающего характера и справочной литературе (см. об этом: *Pina Polo F.* Las contiones civiles y militares en Roma. Zaragoza, 1989. P. 1–3; *Flaig E.* L'assemblée du peuple à Rome comme rituel de consensus. Hiérarchie politique et intensité de la volonté populaire // Actes de la recherche en sciences sociales. 2001. № 4. P. 20; *idem.* Ritualisierte Politik. Zeichen, Gesten und Herrschaft im Alten Rom. Göttingen, 2003. S. 194). Замечания Людвига Ланге (*Lange L.* Römische Alterthümer. Bd I. 2. Aufl. B., 1863. S. 342, 486–488, 519, 607, 609, 670, 675–676, 705, 711; Bd II. 1. Aufl. B., 1862. S. 390–394, 416–418, 451, 458, 464, 471, 602–609), Теодора Моммзена (*Моммзен.* История Рима. Т. 1. Кн. 1. С. 81; Т. 2. Кн. 4. С. 107–108; *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd I. Lpz, 1887. S. 191–206; Bd III. Lpz, 1887. S. 374–375, 394–396; *idem.* Römisches Strafrecht. Lpz, 1899. S. 165–166) и Эрнста Херцога

хотя значение сходок признавалось. Н.Н. Трухина писала: «Без этих бурных собраний невозможно представить себе политическую картину Рима»[6].

Основоположником специального изучения римской contio стал испанский исследователь, профессор университета Сарагосы Франциско Пина Поло, активно работающий и в настоящее время[7]. На прозвучавший еще в 1976 г. призыв Клода Николе «систематически изучать многочисленные contiones... чтобы лучше понять римский политический механизм», он откликнулся первым[8]. Наиболее важной, фундаментальной является опубликованная в 1989 г. монография «Гражданские и воинские contiones в Риме»[9]. Результатом дальнейших исследований Ф. Пина Поло стала книга «Contra arma verbis. Оратор перед народом в Поздней Римской республике»[10]. В его трудах рассматриваются сходки почти всех форм (воинские и гражданские, политические и судебные, предкомициальные и самостоятельные, т.е. непосредственно не предшествовавшие комициям) и на всем хронологическом отрезке их функционирования. Лишь в работах этого автора можно найти подробный анализ собственно организации сходок, в то время как в других исследованиях акцент делается на практике функционирования института.

После публикации первой монографии Пина Поло по данной теме появилось немало исследований, где римской contio было уделено заметное место[11].

(*Herzog E.* Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung. Bd I. Königzeit und Republik. Lpz, 1884. S. 634–636, 1057–1059) являются довольно емкими, однако даже у этих исследователей сходка определяется как институт с юридической точки зрения незначительный. Необходимо особо выделить более интересные в данном отношении работы Л. Росс Тейлор (*Ross Taylor L.* Roman Voting Assemblies: From the Hannibalic War to the Dictatorship of Caesar. Ann Arbor, 1966. P. 2–3, 7, 15–23, 25, 28–33, 45, 56–58, 61–62, 71, 74, 81, 101–103, 108, 111–112) и Й. Бляйкена (*Bleicken J.* Lex publica: Gesetz und Recht in der Römischen Republik. B.–N.Y., 1975. S. 53, 262–263. Anm. 50. S. 282, 290–292).

[6] *Трухина Н.Н.* Политика и политики «золотого века» Римской Республики (II в. до н.э.). М., 1986. С. 28.

[7] Авторы, писавшие о contio после испанского романиста, в подавляющем большинстве работают, на наш взгляд, в целом, в русле его концепции.

[8] *Nicolet C.* Le métier de citoyen dans la Rome Républicaine. P., 1976. P. 390.

[9] *Pina Polo.* Las contiones...

[10] Издание на немецком языке: *idem.* Contra arma verbis. Der Redner vor dem Volk in der späten römischen Republik. Stuttgart, 1996 (мы воспользовались этим вариантом). Издание на испанском языке: *Pina Polo F.* Contra Arma Verbis: El Orador Ante El Pueblo En La Roma Tardorrepublicana. Zaragoza, 1997. Мы сердечно благодарим доктора К. Тирш (Claudia Tiersch, Dresden) за неоценимую помощь в получении основных работ Пина Поло. См. также *Колосова О.Г.* Рец.: *Pina Polo F.* Contra arma verbis. Der Redner vor dem Volk in der späten römischen Republik. Stuttgart, 1996 // ВДИ. 1999. № 4. С. 199–205.

[11] Ввиду большого количества специальной литературы (ее анализ – задача отдельного исследования), обозначим только наиболее важную: *Millar F.* Popular Politics at Rome in the Late Republic // Leaders and Masses in the Roman World. Studies in Honor of Zvi Yavetz / Ed. I. Malkin, Z.W. Rubinsohn. Leiden–New York–Köln, 1995. P. 91–113; Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der Römischen Republik / Hrsg. M. von Jehne. Stuttgart, 1995; *Laser G.* Populo et scaenae serviendum est: Die Bedeutung der städtischen Masse in der Späten Römischen Republik. Trier, 1997 (выражаем благодарность автору за предоставленную возможность познакомиться с его работой); *Bell A.J.E.* Cicero and the spectacle of power // JRS. 1997. 87. P. 1–22; *Millar F.* The Crowd in Rome in the Late Republic. Ann Arbor–Michigan, 1998; *Aldrete G.S.* Gestures and Acclamations in

В отечественной историографии работы, посвященные данному институту, немногочисленны[12]. В целом же в качестве важнейшего результата проведенных на сегодняшний день исследований можно с уверенностью констатировать, что восприятие contio как института, игравшего непринципиальную или крайне «неопределенную» роль, выглядит ошибочным. Стало и очевидным, и доказанным, что фактическое принятие решений комициями являлось во многом результатом функционирования именно сходки, не говоря уже о других (агитация, информация и т.п.) аспектах, свидетельствующих в пользу значимости этого института. Самому Пина Поло, бесспорно, удалось доказать, что римская народная сходка – политический институт, регламентировавшийся множеством конституционных традиций, обычаями предков и даже конкретными зафиксированными в источниках законами.

Ancient Rome. Baltimore–London, 1999; *Yakobson A.* Elections and Electioneering in Rome: A Study in the Political System of the Late Republic. Stuttgart, 1999. P. 11, 14, 24, 69, 90, 187; *Mouritsen H.* Plebs and Politics in the Late Roman Republic. Cambr., 2001; *Flaig.* L'assemblée du peuple...; *Millar.* Rome, the Greek World, and the East. Vol. 1: The Roman Republic and the Augustan Revolution / Ed. H.M. Cotton, G.M. Rogers. Chapel Hill–London, 2002; *Flaig E.* Ritualisierte Politik...; *Moreau Ph.* Donner la parole au peuple? Rhétorique et manipulation des contiones à la fin de la République romaine // Argumentation et discours politique. Antiquité grecque et latine, Révolution française, monde contemporain. Actes du colloque intern. de Cerisy-la-Salle / Ed. S. Bonnafous, Chiron P., D. Ducard, C. Lévy. Rennes, 2003. P. 175–189; *Morstein-Marx R.* Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambr., 2004; *Bell A.J.E.* Spectacular Power in the Greek and Roman City. Oxf., 2004; *Mopo.* Sublata priore lege... C. 154–165; *Reese A.* Die Bürger und ihr Kaiser: die plebs urbana zwischen Republik und Prinzipat. PhD Diss. Ruhr-Universität Bochum, 2004. S. 36–40, 46–47, 51–52, 63–64, 133 (http://deposit.ddb.de); *Hölkeskamp K.-J.* Senatus Populusque Romanus. Die politische Kultur der Republik – Dimensionen und Deutungen. Stuttgart, 2004. S. 86, 162, 234–256, 261, 263, 269, 278; *Hiebel D.* Rôles Institutionnel Et Politique De La Contio Sous La République Romaine (287 Avant J.C.–49 Avant J.C.). P., 2004 (эта работа осталась для нас, к сожалению, недоступной); *Sumi J.S.* Ceremony and Power Performing Politics in Rome between Republic and Empire. Ann Arbor, 2005; A Companion to the Roman Republic / Ed. N. Rosenstein, R. Morstein-Marx. Oxf., 2006 (некоторые статьи); *Connolly J.* The State of Speech: Rhetoric and Political Thought in Ancient Rome. Princeton, 2007. P. 31–32, Not. 30. 33–34, 38, 41, 45, 47–48, 60. В современных обобщающих трудах contiones по-прежнему рассматриваются очень скупо (см., например: *Liou-Gille B.* Civis Romanus. Initiation aux institutions et à la vie politique romaines sous la République. Rome, 1991. P. 21, 73; *Lintott A.* The constitution of the Roman Republic. Oxf., 1999. P. 42–43, 60, 196).

[12] Воинской сходке периода Империи уделил значительное внимание А.В. Махлаюк (*Махлаюк А.В.* Воинское товарищество и корпоративность римской императорской армии // ВДИ. 1996. № 1. С. 18–37; *он же.* Воинская сходка в жизни римской армии и политическом механизме римской империи // Власть, человек и общество в античном мире. Докл. конф. 1996 и 1997 гг. М., 1997. С. 131–141; *он же.* Роль ораторского искусства полководца в идеологии и практике военного лидерства в древнем Риме // ВДИ. 2004. № 1. С. 31–48; *он же.* Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. Особ. с. 208–227. О гражданской сходке см. *Смышляев А.Л.* Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (по поводу концепции Ф. Миллара) // ВДИ. 2003. №3. С. 46–50. Недавняя статья А.М. Сморчкова (*Сморчков А.М.* Понтифики и собрания граждан (contiones, concilia, comitia) в эпоху Римской республики // ВДИ. 2007. № 3. С. 47–66), несмотря на то что в ее названии значатся contiones, содержит лишь один абзац, непосредственно посвященный сходкам и касающийся констатации прерогатив жрецов в области созыва сходки.

Однако на этом новом этапе исследований обнаружилась, на наш взгляд, и новая сложность. Пина Поло стремился доказать теперь уже исключительную «официальность», «институциональность» contiones, он весьма скептически отнесся к тем эпизодам, которые противоречили такой интерпретации придя в результате, к выводам, прямо противоположным тем, что превалировали до этого, когда сходка часто определялась только как «неформальное» собрание. Пина Поло искал наиболее четко определенные в формально-юридическом отношении виды contiones, аргументируя их несомненную значимость для изучения республиканской государственно-правовой системы. Это стремление – показать конституционную роль римских сходок – привело его к сознательному «дистанцированию» от менее «надежных» с этой точки зрения вариантов сходки.

Существенным является само определение сходки, данное Пина Поло. Исследователь подчеркивает, что сходка – это элемент республиканской конституции, это собрание «юридически вполне определенное» (jurídicamente bien definido)[13], официально созываемое, где председатель – всегда магистрат[14]. Пина Поло интересует «юридико-институциональное» (jurídico-institucional) содержание contio[15], он ищет термины, отражавшие «конкретную институциональную реальность» (realidad institucional concreta)[16]. Иначе говоря, исследователь считает, что сходка была государственно-политическим институтом. Но, с другой стороны, сходка для него – это важный элемент политической культуры[17], политический инструмент[18], а выступать на ней могли не только магистраты, но и те, кто обладал лишь auctoritas и dignitas[19]. Главное же содержание института народной сходки – это коммуникативная функция[20], обращение к народу без внесения законодательного предложения.

Таким образом, испанский антиковед фокусирует свое внимание на сходках, которые можно определить как «официальные», т.е. созываемые и руководимые должностными лицами[21]. Именно такая сходка наилучшим образом и однозначно может трактоваться как государственно-политический институт, имеющий (хотя и косвенное) отношение к процедурам выработки решений и фиксируемый определенными законами, устойчивыми традициями и обычаями. Пина Поло, однако, видит в источниках описания собраний, не созывавшихся должностным лицом, но имевших схожие с официальной сходкой черты организации, в

---

[13] *Pina Polo.* Las contiones... P. 237.

[14] *Idem.* I rostra come espressione di potere della aristocrazia romana // Popolo e potere nel mondo antico, Cividale del Friuli, 23–25 settembre 2004. Pisa, 2005. P. 142. Термин «магистрат» далее мы используем для краткости, поскольку potestas contionandi обладали также некоторые жрецы и, конечно, плебейские трибуны.

[15] *Idem.* Las contiones... P. 3.

[16] Ibid. P. 2.

[17] *Idem.* I rostra... P. 142.

[18] *Idem.* Contra arma... S. 172.

[19] *Idem.* I rostra... P. 145.

[20] *Idem.* Las contiones... P. 237.

[21] Типологии конций уделено основное внимание в монографии Пина Поло (Las contiones... P. 92–170, 176–181, 206–218, 223–228). Мы применяем другую классификацию, см. *Фролов Р.М.* Типология contiones Римской республики // Государство. Общество. Религия. Проблемы всемирной истории. Сб. науч. тр. Ярославль, 2007. С. 25–33.

частности, возглавлявшихся «председателем», не являвшимся (в обязательном порядке[22]) магистратом или плебейским трибуном (сходки неофициальные, или, – можно их обозначить и так, – «несанкционированные»). Однако Пина Поло каждый раз аргументирует отказ от рассмотрения их в качестве имеющих отношение к институту сходки, исследователь не выделяет как объект изучения такие несанкционированные собрания. Сходка, по его мнению, – всегда официальное собрание, возглавлявшееся магистратом.

Мы считаем необходимым проанализировать информацию источников, где описывается сходка, не возглавлявшаяся магистратами. Остановимся на некоторых таких (наиболее важных) эпизодах.

1. Описание Ливием и Дионисием Галикарнасским обострения долговой проблемы 495–494 гг. до н.э. По сообщению Ливия, во время долгового конфликта «инициативу созвать» несанкционированное собрание «взял на себя» некий старец, недовольный тем, что всю жизнь прослужив в армии, теперь получает удары плетью как раб (Liv. II. 23). Дионисий пишет, что старец встал на место, с которого должен был быть виден большинству (VI. 26). Не только следы ударов, но и сама речь старца вызвала мощный эффект. Следовательно, в передаче традиции, явно произносилась публичная речь частного лица, однако магистраты не пытались воздействовать на ситуацию. Последняя вышла за рамки типичной, видимо, тогда, когда поднялся громкий крик, и волнению (tumultus) стало уже мало места на форуме, оно разливается по всему городу. Таким образом, когда речи были «исчерпаны» и плебеи перешли к действиям, завершается спонтанно возникшее собрание, и начинается, с точки зрения Ливия, «мятеж». В конце концов «мятеж» вновь входит в легитимные (даже с позиции самых консервативных сенаторов) рамки, когда магистрат возглавил собрание, обратившись к толпе с речью. Дионисий пишет, что консул Сервилий был вынужден через глашатая объявить предварительный эдикт, – т.е. пошел на уступки, признал требования толпы и т.д. Когда народ собрался вновь, требуя, видимо, более серьезных мер, сенат сам просил Сервилия исправить положение. Тогда уже лично консул выступил с объяснениями перед самовольно собравшимися, признав их требования, и глашатай объявил более приемлемый для плебеев эдикт (Dionys. VI. 28–29).

В описании Ливием событий 494 г. до н.э. (II. 28–30) отмечается, что плебеи собирались на ночные сходки (coetus) на Авентине и Эсквилине для того, чтобы скоординировать действия уже на форуме. Консулы сочли это опасным и поспешили обратиться в сенат, который, в свою очередь, напомнил, что нужно было вовремя использовать воинский набор для предотвращения возникшей теперь ситуации: «Конечно, говорили они, будь в государстве настоящие правители, не было бы в Риме собраний, кроме общенародного; теперь же по тысяче курий и народных сходок (curias contionesque) рассеяно и разделено общее дело – иные на Эсквилине, а иные на Авентине» (Liv. II. 28. 3; пер. Н.А. Поздняковой). «Как на сходке» (in contionis modum) стала толпа кричать, что не позволит консулу набрать войско. В результате проявленной плебеями солидарности остался только один легитимный выход – отчасти уступить плебсу, назначив угодного ему диктатора. В данном пассаже можно видеть, что сходки плебса без участия магистратов обозначаются и coetus, и in contionis modum, и

[22] «Частные» сходки (см. ниже), которые Пина Поло (Las contiones... P. 6) к официальным не относит (и мы с ним в этом солидаризируемся), тем не менее зачастую возглавлялись должностными лицами (см., например: *Liv.* III. 36. 2).

собственно contio. Собравшиеся in contionis modum плебеи стремились услышать от консула ответ на свои требования и критику, т.е. легализовать собрание. Плебейская масса действовала, в изложении Ливия, как единое целое, таким образом, сходки плебса, несмотря на отсутствие магистратов, в его изложении выглядят весьма хорошо организованными: сначала предварительные совещания, затем общее собрание на форуме. Наличие лидеров и организованности плебеев подтверждается тем, что ни один из новобранцев не отозвался на вызов консулов. Имевшее место насилие в отношении ликтора можно рассматривать как ответ на насилие самого ликтора (новобранец имет право апеллировать к народу, и тот дает свою защиту), но никак не свидетельство нелегальности проведения такого собрания. Следовательно, несанкционированные сходки, возглавлявшиеся плебейскими лидерами, явились в описываемых событиях главным стабилизирующим фактором, действовавшим в пользу общественного интереса.

Из изложения этого эпизода в античной традиции можно также заключить: важное свойство несанкционированной сходки состояло в том, что она отражала чаще всего насущные и самые важные, «опорные» устремления людей: потребность в защите, пище, соблюдении минимума гражданских прав[23]. В том случае, если данный минимум не обеспечивался, по-видимому, и возникало несанкционированное собрание. И если оно имело массовый (но при этом организованный – в плане подчинения «организующему началу» в лице инициаторов, лидеров) характер, то служило лучшим указанием для должностных лиц на действительно волновавшие собравшихся людей вопросы.

2. Описание Ливием (II. 32–33) и более подробно Дионисием (VI. 70–90) первой сецессии плебеев 494 г. до н.э. Согласно этим сведениям, не обладавший никакими официальными полномочиями «вождь» плебса Сициний (Ицилий) инициировал сходку и, более того, руководил ею, подобно магистрату-председателю официального собрания, предоставляя слово, управляя течением сходки и т.д. «Предварительные договоренности» (в том числе по поводу плебейского трибуната), которые были достигнуты плебсом и патрициатом именно на этой несанкционированной сходке, были закреплены в публично-правовой системе. Предложения плебеев принимались и подтверждались постановлением сената, весь процесс (так, как будто перед этим речь шла об официальной предкомициальной contio) завершился голосованием выработанных мер. По рассказу античных авторов произошло признание сенатом правомочности требований, выдвинутых на собрании, а значит, можем мы сделать вывод – и о правомочности самого этого собрания.

В описании Ливия (II. 32) упоминаются тайные сходки (coetus) и заговоры, которые наводят страх на сенаторов. Подчеркивается, что воины удаляются на гору по совету «некоего» Сициния. Там они без всякого предводителя (dux) соорудили лагерь. Учитывая сообщение Дионисия, а также слова самого Ливия о Сицинии, тот факт, что народ действовал совсем безо всякого руководства, выглядит сомнительно.

Кажется неслучайным, что именно сецессия вооруженного плебса, фактически основной части армии, находит наиболее полный аналог с ситуацией провозглашения императора на contio militaris[24]. Этот уникальный пример дает нам возможность предположить, как могла аудитория несакционированной сходки реагировать на председателя, не обладавшего potestas contionandi. Собравшиеся

---

[23] Ср. *Laser.* Op. cit. S. 231–232.

[24] См. соответствующие работы А.В. Махлаюка.

сознательно подчинились руководству вождей, действовавших с этого момента как вполне законные председатели, которым были делегированы права созыва сходки, но не в форме магистратских выборов, а в форме «молчаливого признания» собравшимися.

3. Описание Ливием и Дионисием (Liv. III. 39–41; Dionys. XI. 5) попытки сопротивления некоторых сенаторов всевластию вторых децемвиров (450–449 гг. до н.э.). В их повествовании сенатор Луций Валерий Потит вызвал замешательство децемвиров, объявив о своем намерении обратиться к плебеям. Другой сенатор, Марк Гораций Барбат, говорил, что децемвиры – уже частные лица, и если им дозволено собирать сенаторов, то почему он, сенатор, не может созвать сходку (ad contionem populum uocare)? Античная традиция передает, что сенаторы были готовы обратиться к той стихии, которой всегда опасались, лишь бы лишить власти децемвиров: «В самом деле, что помешает любому желающему из нас созвать народное собрание и выступить против вашей власти, которую вы имеете вопреки законам?» (Dionys. XI. 5. 4; пер. В.Н. Токмакова). И не была ли тогда именно организация сходок без участия магистратов одним из главных способов противостояния общины узурпаторам? В случае нарушения законности несанкционированная магистратами сходка была приемлема даже для сенаторов, ибо если им, сенаторам, «не позволят выступить в сенате, они-де обратятся прямо к народу, ибо частные лица не вправе мешать им ни в курии, ни в собрании» (Liv. III. 41. 1; пер. Г.Ч. Гусейнова). Данный эпизод свидетельствует, на наш взгляд, о том, что частному лицу никто не мог запретить говорить перед народом (т.е. «созывать» contio), кроме тех носителей должностной власти, кто обладал для этого законными полномочиями. Поскольку на втором году после вступления на годичную должность децемвиры ими не обладали, сенаторы грозились использовать последнее средство: обращение частного лица к народу по собственной его, т.е. частного лица (здесь – сенатора), инициативе. Обращение, которому не в силах были помешать другие частные лица, а законных магистратов в это время не было.

4. Описание Ливием (IV. 13–16) и Дионисием (XII. 1–4) «мятежа» Спурия Мелия (440–438 гг. до н.э.). Ливий употребляет выражение contiones domi habere, повествуя о сходке, инициированной частным лицом в собственном доме. Пина Поло полагает, что Ливий, «делая» Мелия частным лицом, хотел подчеркнуть незаконность его действий, его стремление к тирании и монархии, ведь «невозможно» (no es creíble), чтобы частное лицо созывало contiones. По мнению Пина Поло, либо Мелий был плебейским трибуном (он усматривает такую возможность в информации Дионисия) и созывал сходки «легально», либо, согласно утверждению Ливия, имели место «простые частные (домашние) собрания» (simples reuniones privadas), которые «невозможно» (no se puede) квалифицировать как contiones[25]. Следовательно, для Пина Поло важна легальность со-

[25] *Pina Polo.* Las contiones... P. 6. Не ясно, почему Пина Поло полагает, что из сообщения Дионисия можно сделать вывод о том, что Мелий был в это время плебейским трибуном: «Спурий Мелий... в силу же возраста и принадлежности к всадническому сословию не имевший права занимать должности...» (*Dionys.* XII. 1.1; пер. А.М. Сморчкова). Утверждение Пина Поло о том, что существовала традиция, в которой был зафиксирован трибунат Мелия (Las contiones... P. 6. Not. 8; *Liv.* IV. 15. 6; 21. 3), не содержит, на наш взгляд, убедительных аргументов. Таким образом, Мелий был, по сообщению традиции, частным лицом, и речь в этом эпизоде шла о сходках несанкционированных, даже несмотря на то что Дионисий пишет, что Мелий постоянно проводил народные сходки открыто, восседая, подобно магистрату, на возвышении (XII. 5–6).

брания – характеристика, которая позволяет отнести его к сходкам. Но сходки, созывавшиеся частными лицами, согласно исследователю, по определению не могли быть легальными, а значит не являлись и сходками. Но так ли это?

Обратим внимание на то, что когда сенаторы (в описании Ливием этих событий) стали обвинять консулов в попустительстве в организации подобных собраний, те ответили, что связаны законом об апелляции и только диктатор может действовать вопреки этому закону. Иначе говоря, право косвенно защищало подобные сходки. Даже когда диктатор был назначен, он заявил на официальной contio, что Мелия покарали за неявку к диктатору по вызову начальника конницы. Обвинений в «незаконном» созыве сходки (частными лицами) мы в словах Ливия, вложенных в уста диктатора, не находим (Liv. IV. 15. 1). Формулировка же обвинения в «стремлении к царской власти» иллюстрирует тенденцию пропатрицианской историографии, в том числе ее отношение к несанкционированным сходкам. Утверждать это можно, опираясь, в частности, на статью В.Н. Токмакова, где затрагивается и эпизод с Мелием[26]. Исследователь считает, что вообще санкции закона о стремлении к царской власти были направлены исключительно против тех, кто пытался демократизировать общественное и политическое устройство римской цивитас[27]. Ярко это видно и на следующем примере.

5. Описание Ливием (VI. 11–20) «мятежа» Марка Манлия (385–384 гг. до н.э.). По поводу этого события Токмаков отмечает следующее. Характерно, что одним из обвинений было устройство Манлием в своем доме подобия сходок (Liv. VI. 14. 11). Сход плебеев в частный дом сравнивается с сецессией плебеев, только на этот раз в сердце города (Liv. VI. 19. 1). Ливий признает (VI. 19. 5), что для борьбы с Манлием «не имелось никаких правовых норм»[28]. На наш взгляд, эта констатация может свидетельствовать о том, что сам созыв Манлием несанкционированных сходок вовсе не был подвержен санкции закона, если Ливий даже ссылки на стремление к царской власти (в дополнение к обвинению в созыве сходок) называет недостаточно вескими доказательствами. Можно согласиться с тем, что «...волшебным ключом к осуждению выдвигалось обвинение в стремлении к царской власти...»[29]. Действительно, отдельное (не связанное со «стремлением к царской власти») обвинение в организации тайных частных собраний не упоминается в источниках. По точному замечанию Токмакова, отказ народного собрания утвердить приговор (Liv. VI. 20. 5) «вопиет об отсутствии именно сути дела, т.е. состава преступления»[30]. Исследователь резонно отмечает, что патрицианские кандидаты спокойно прибегали к «угождению народу», хотя последнее было «верным» признаком «стремления к царской власти»[31]. Действительно, децемвир Аппий Клавдий собирал у себя в доме и ночные, и тайные собрания, но ему в вину это никоим образом не вменялось (Liv. III. 36. 1–2)[32]. При описании реальных восстаний плебса – пле-

---

[26] *Токмаков В.Н.* Судебный процесс над Манлием Капитолийским // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2002. № 2(10). С. 99–106.

[27] Там же. С. 100.

[28] Там же. С. 105.

[29] Там же.

[30] Там же.

[31] Там же. С. 106.

[32] Схожий пример, относящийся уже к 60 г. до н.э.: «Сенат собирался в доме Бибула, так как никто его не созывал, и нельзя было это сделать только одному из консулов» (*App.* B.C. II. 11; пер. под. ред. С.А. Жебелёва и О.О. Крюгера). Свидетельство Аппиана

бейских сецессий – ни разу не заходит речь об обвинении их вожаков в данном «преступлении»[33]. Отсюда мы делаем вывод об отсутствии реальных правовых оснований для преследования частных лиц, организовывавших «домашние» сходки.

Отмеченные эпизоды уже порождают сомнения в трактовке Пина Поло contiones как собраний, созываемых только и исключительно магистратами. Также, на наш взгляд, не стоит – признавая высокую степень формализованности официальной сходки – преувеличивать тем не менее это ее свойство. Данный тезис мы мотивируем следующим: *1.* Если термин comitia всегда использовался в техническом смысле, то термин contio – нет (Sen. Dial. 2. 18. 2 (in conuiuio, id est in contione); Plin. Pan. 8 (aduocata hominum contione deorumque) и т.д.). *2.* В отличие от комиций и concilia plebis официальная сходка может быть созвана во многих местах, не обязательно имеющих сакральное значение[34]. *3.* Даже во времена создания Дигест не было четко зафиксировано, кто (и из «гражданских» должностных лиц, и из военных чинов) может созывать официальную сходку. *4.* Из пассажа Геллия (N.A. XIII. 16. 1) следует, что одновременный созыв официальных contiones допустим потому, что сходки – это не собрания всего народа, как комиции, а только части его[35], поэтому и одновременные «официально созванные» сходки вполне возможны (кроме случая предкомициальных[36], составлявших с comitia практически единый, в правовом – не обязательно локальном или временном отношении – процесс принятия закона или процесс выборов). *5.* Упорядоченное деление (на трибы и т.п.) не являлось необходимым для официальной сходки, поскольку организация, такая, как для комиций, для contio просто не была нужна (см. Liv. III. 71. 3; 72. 1–2; IV. 5. 2; XXXI. 7. 1; 8. 1). *6.* Возможности контроля аудитории сходки на предмет принадлежности к полноправным гражданам были невелики (если вообще были). Даже для предкомициальной сходки в лучшем случае можно говорить о предложении магистрата (по завершении сходки и переходе к голосованию) удалиться тем, кто не имел права голосовать[37].

Таким образом, все эти характеристики официальной contio вовсе не дают возможности полагать, что ее функционирование было всегда жестко регламентировано законами, скорее существовали определенные рамки, в которых должно было функционировать такое официальное собрание. Существовали ли такие «законодательные рамки» для несанкционированной сходки?

Они упомянуты в описании Ливием (IV. 13–16) дела Спурия Мелия, когда консулы говорили о праве апелляции, мешавшем воспрепятствовать сходкам в частном доме. Важен также пассаж Ливия, где отмечается, что даже консул

подкрепляет мнение, что такого рода собрания и не могли быть запрещены, ибо были важным политическим инструментом, использовавшимся высшими должностными лицами и сенаторами, средством, позволявшим ослабить противодействие, в данном случае, одного из консулов.

[33] *Токмаков.* Судебный процесс... С. 106.

[34] О местах проведения contiones см. *Pina Polo.* Las contiones... P. 182–198; *Ross Taylor.* Roman Voting Assemblies... P. 15–28.

[35] См., например: *Moreau.* Donner la parole... P. 183.

[36] *Mommsen.* Römisches Staatsrecht. Bd I. S. 199.

[37] Ibid. S. 199–200; *Моммзен.* История Рима. Т. 2. Кн. 4. С. 107; *Карпюк С.Г.* Полибий и Тит Ливий: ὄχλος и его римские соответствия // ВДИ. 1996. № 3. С. 46; *Pina Polo.* Las contiones... P. 71, 91.

по обычаям предков (и по закону) не может своей властью разгонять народ, но только предложить разойтись (II. 56. 10–12)[38]. Да и как можно было бы разогнать (любую) народную сходку? Известно, что власть магистратов основывалась не на силе, а на уважении к ним плебеев (Liv. II. 55. 3)[39]. А это означает, что и спонтанная сходка не могла быть распущена другим способом, кроме обращения к ней, т.е. фактически – путем ее санкционирования[40].

Порций Латрон (Declam. in Catil. 19) сообщает: XII tabulis cautum esse cognoscimus, ne quis in urbe coetus nocturnos agitaret, deinde lege Gabinia promulgatum, qui contiones ullas clandestinas in urbe conflaverit, more maiorum capitali supplicio multetur. По этому поводу можно отметить следующее: *1.* Нет оснований считать, что coetus nocturni запрещались до принятия законов XII Таблиц; *2.* Поскольку вторая часть сообщения касается закона времен поздней Республики, то тайные сходки[41] было запрещено организовывать на закате Республики[42]; *3.* Если признать достоверность информации Латрона, то тем не менее следует считать, что несанкционированные сходки запрещались не все, а только ночные (гораздо позднее – возможно, и тайные). Это свидетельствует в пользу того, что остальные такие собрания (хотя магистрату и легче было вмешаться в них) находились в рамках закона, т.е. являлись легальными и в этом отношении – полностью сходными с официальными contiones.

---

[38] Consul Appius negare ius esse tribuno in quemquam nisi in plebeium; non enim populi sed plebis eum magistratum esse; nec illam ipsam submouere pro imperio posse more maiorum, quia ita dicatur: «si uobis uidetur, discedite, Quirites».

[39] См., например: *Nippel W.* Public order in ancient Rome. Cambr., 2003. P. 14. Необходимо только отметить, что со временем ситуация менялась. Авл Геллий (N.A. XIII. 13. 4) цитирует Варрона (I в. до н.э.), который в свою очередь выражает удивление по поводу того, что должностные лица (эдилы и квесторы) «ныне... не только не могут быть взяты под стражу, но даже, сверх того, разгоняют народ (submouent populum)» (пер. И.Л. Маяк). Соответственно, ранее низшие магистраты (а они имели такую же potestas contionandi, что и высшие) разгонять народ не могли, в крайнем случае должны были действовать уговорами, т.е. опять-таки, обращаясь к собранию с речью.

[40] Логично, что плебс боролся именно за формальное санкционирование в 494 г. до н.э. ночных coetus; см. *Mueller H.-F.* Nocturni coetus in 494 BC // Augusto augurio. Rerum Humanarum et Divinarum Commentationes in Honorem Jerzy Linderski / Ed. C.F. Konrad. Stuttgart, 2004. P. 84–88.

[41] Contiones clandestinae, следовательно, речь могла идти и о сходках, созванных магистратах, и о сходках, созванных частными лицами: таким образом, возможно, что и официальные собрания, если были «тайными», запрещались. Если вспомнить описание в традиции многочисленных тайных совещаний должностных лиц, то такое запрещение выглядит весьма сомнительным.

[42] Вильфрид Ниппель, например, вообще сомневается в реальности существования данного закона Габиния, относящегося (вероятно) к 139 г. до н.э. (*Nippel.* Op. cit. P. 27). Его позиция близка мнению Моммзена (*Mommsen.* Römisches Strafrecht... S. 563. Anm. 4). Ср. *Herzog.* Op. cit. S. 1058–1059. Асконий пишет (речь идет о конце Республики): «Frequenter tum etiam coetus factiosorum hominum sine publica auctoritate malo publico fiebant...». Было принято множество законов, запрещавших, однако, не coetus, как можно подумать, а коллегии (кроме некоторых). Возможно, при анализе попыток запретить несанкционированные (sine publica auctoritate, речь идет не о санкции должностных лиц, а о санкции «общественной») сходки-coetus следует обратить внимание на то, как менялось отношение закона к свободе организации коллегий.

Существенное отличие состояло, однако, в том, что несанкционированная сходка, в большей мере отражавшая инициативу «снизу», была далеко не столь удобным политическим инструментом, как официальная. Тот факт[43], что Катилина, не обладая potestas contionandi (и не имея должностных лиц–союзников), не выступал на сходках и потерпел поражение в «информационной войне», свидетельствует только о том, что возможности «созыва» сходки частным лицом были несоизмеримо меньше[44]. Сторонники Катилины могли, как нам представляется, говорить in contione, но долго ли продолжилась бы их речь, и достаточный ли она имела бы резонанс, когда ее произносили те, кто не обладал potestas contionandi?

Potestas contionandi (в исследовательской литературе обычно – ius contionandi[45]) – это «власть» (право) созыва сходки, которым обладал ряд должностных лиц античного Рима. Но всегда ли это право инициировать сходку относилось только к магистратам? В распоряжении исследователей имеется надпись из колонии Александрия (Августа) Троада[46], датируемая примерно первой половиной I в. н.э.[47] Ius contionandi, упомянутое только в этом тексте, понимается Пина Поло как по своему содержанию идентичное potestas, хотя и предоставляется частному лицу[48]. Уникальность этой надписи[49] в том, что в данном случае понадобилось отметить это право специально (возможно, чтобы подчеркнуть приоритет, данный гражданами этому частному лицу в созыве сходки)[50]. Несомненно одно: практическая значимость этого права все же была достаточно заметной, чтобы позволить Юниану упомянуть и о нем[51]. Известно, что в эпоху Республики за-

---

[43] Он отмечен Пина Поло (Contra arma verbis... S. 44–46).

[44] Многие запреты для Катилины, по свидетельству, например, Квинта Цицерона (Comm. pet. 9–10), были пустым звуком. Поэтому Катилине нормы и законы, которые он легко мог нарушить, помешать не могли (таких норм, по всей видимости, и не было). Следовательно, речь идет не о нелегальности спонтанных собраний, а об их неэффективности в данном случае.

[45] Например: *Liebenam.* Op. cit. S. 1150; *Humbert.* Op. cit. P. 1485; *Herzog.* Op. cit. S. 634–636; *Mouritsen.* Op. cit. P. 38. См. также *Thommen L.* Das Volkstribunat der späten römischen Republik. Stuttgart, 1989. S. 171–179.

[46] CIL III. 392 = 12246 = ILS 7192: Gen(io) Populi | C(aius) Iulius C(ai) f(ilius) Ani(ensi) Iunianus | [I]Ivir iter(um) IIvir quinq(ennalis) aed(ilis) | [_____] sacerdotali(bus) et IIviralib(us) | [orna]ment(is) et iure contionan[di | et stat]uis pedestrib(us) et equestr[ib(us) | st]atuis item a civitate Iliensi[um clupeis? | e]t statuis inaurat(is) honor[atus] consacravit. Цит. по ст.: *Pina Polo F.* Ius contionandi y contiones en las colonias romanas de Asia Menor: acerca de CIL III 392 // Gerión. 1989. № 7. P. 97; http://www.manfredclauss.de (Epigraphik-Datenbank Clauss/Slaby EDCS).

[47] *Pina Polo.* Ius contionandi... P. 98.

[48] См. аргументацию: *idem.* Ius contionandi... P. 98–100.

[49] Вызывает сомнение предположение Пина Поло о том, что ius contionandi было предоставлено Юниану для того, чтобы он мог осуществлять патронат над колонией или представлять «центральное правительство» в ней (Ius contionandi... P. 102). Iius contionandi перечисляется в ряду почестей, полученных, видимо, от самих членов колонии (a civitate). Это не вполне соответствует интерпретации испанского исследователя, согласно которой именно «центральное правительство» наделяло этим правом и именно с целью обеспечения своего представителя возможностями беспрепятственно выступать на сходках.

[50] Ср. *Mommsen.* Römisches Straatsrecht. Bd I. S. 201. Anm. 3.

[51] Ср. *Pina Polo.* Ius contionandi... P. 99.

частую обладание, например auctoritas (а не potestas), во многом определяло то, будет ли аудитория contio со вниманием слушать оратора[52]. Данная же надпись, уже эпохи Империи, отражает, возможно, юридическую фиксацию сложившихся взаимоотношений: частному лицу не было предоставлено никаких полномочий, кроме права созыва сходки, аналогичного праву магистрата.

Зададимся вопросом: только ли правовые нормы могут свидетельствовать о признанном общественном значении несанкционированной contio? Здесь можно указать на целый ряд фактов иного, не юридического, характера:

1. Согласно Дионисию, Тарквиний Гордый, многие действия которого трактуются в традиции как противозаконные, запретил созывать не только сходки сельчан, членов курии или соседей для религиозных мероприятий, но и любые сборы большого числа людей, чтобы избежать заговоров (IV. 43). Если бы это запрещение не связывалось с Тарквинием и не упоминалось в ряду других его действий, направленных на установление тирании, то означало бы законодательное запрещение всех несанкционированных сходок. Однако в данном контексте это свидетельство в пользу как раз обратного.

2. Лица, обладавшие властными полномочиями, не только не преследовали, но даже в определенном смысле ценили подобные собрания; на спонтанных contiones можно было ясно увидеть отношение народа к тем или иным событиям, например к военным действиям (Liv. II. 39. 9–12[53]) или долговому вопросу (Dionys. V. 64–65[54]). И только если реакция народа угрожала необ-

---

[52] Показательный пример: *Cic.* Brut. 56. Цицерон отмечал те качества (не potestas), которых ему долго не хватало, чтобы выступить на официальной сходке (Pomp. 1–2; ср. Verr. IV. 173). Согласно К. Хачеру (см. *Дементьева В.В.* «Харизматическое господство»: концепция Макса Вебера в современной романистике» // Tabularium. Т. II. М., 2004. С. 112), хотя auctoritas de iure не имела обязательной силы, однако она была формой институционализированной власти, характеризующейся лишь правом рекомендации, но не правом приказа. Скорее именно auctoritas следует принять как основание для председательства на сходке (поскольку на сходке не принималось решение, а лишь давалась рекомендация), чем potestas contionandi.

[53] «Когда они [консулы] делали смотр легионам... большая толпа народа, требуя мира, даже напугала их мятежными выкриками, а потом принудила созвать сенат и внести предложение отправить к Марцию послов. Видя, что простой народ пал духом, сенаторы согласились» (пер. Н.А. Поздняковой). Здесь может возникнуть вопрос даже не о законности описанного действа, а о характере организации. Это, несомненно, сходка, поскольку: 1) хотя употреблено «толпа» (multitudo), но синонимы multitudo могут обозначать несанкционированную сходку (*Liv.* II. 23: turba esset prope in contionis modum); 2) толпа требует внести одно и то же предложение, толпа появилась моментально, толпа была агрессивная и целеустремленная, не расходилась от внезапной перемены настроения – все это указывает на наличие лидеров, которые могли сформировать у толпы единую позицию (ср.: *Liv.* II. 27. 10–13; *Tac.* Hist. IV. 37. 1: vulgus sine rectore praeceps pavidum socors; редкий случай свидетельствует об уникальной самоорганизованности толпы: *Tac.* Ann. I. 32. 3; см. по этому поводу: *Махлаюк.* Солдаты... С. 237–238).

[54] В этом эпизоде Марк Валерий Попликола советовал уступить в долговом вопросе, ссылаясь на те речи, что вели бедняки, сходясь на форум. Это служило веским аргументом в спорах в сенате. Заметим также, что именно «общественный интерес», консенсус, а вовсе не угрожавший государству мятеж, был результатом этих сходок плебса. Дионисий вкладывает в уста Попликолы предупреждение: «пока это еще слова и угрозы, не перешедшие в злобные действия плебса» (*Dionys.* V. 64. 3; пер. Л.Л. Кофанова). Сложно считать такой эффект результатом «мятежных действий» или

ходимому в сложной ситуации порядку, следовали попытки ограничить эту реакцию (Liv. XXII. 55–56), либо же удовлетворялись желания собравшихся (Liv. XXII. 7. 6–8).

3. Дионисием описывается сходка в частном доме (IV. 70–76), на которой обсуждались возможности свергнуть царя Тарквиния. В интерпретации античного автора, у собравшихся возникли вопросы по поводу законности созыва ими комиций (ἐκκλησία), но не по поводу законности их собственной сходки в частном доме. Частные собрания, о которых мы уже упоминали в связи с делами Мелия и Манлия, играли важную роль непосредственно в политической жизни, являлись средством политической борьбы, давая возможность провести предварительные совещания, причем не только плебейским трибунам (Liv. IV. 25. 9–13; Cic. De leg. agr. II. 12), но и «аристократам», собранным консулами (Dionys. XI. 55–56). Хотя Ливий (II. 27. 13), помимо прилагательного «тайная» (occultus), использует для характеристики частной contio рядовых плебеев эпитет «опасная» (perniciosus), к частной сходке прибегают и сенаторы (Dionys. XI. 55–56; 60–61; Liv. II. 54. 7; IV. 6. 6). Частная contio была реальным инструментом именно для членов Курии уйти от «формальных проволочек, связанных с функционированием сената»[55]. Частные сходки, с одной стороны, не проходили публично[56], с другой – нередко возглавлялись должностными лицами. Возможно поэтому Л. Ланге, хотя и считал domesticae contiones «услужливым инструментом демагогов», все же полагал сообщения о таких собраниях не риторическим преувеличением и не указанием на незаконные собрания, а свидетельством логического результата развития сходок в период их упадка в Позднюю республику[57].

4. Античная традиция рисует несанкционированные contiones, особенно на раннем этапе, когда еще не были созданы плебейский трибунат и эдилитет (до 494 г. до н.э.) главным, практически единственным, средством борьбы плебеев (не имевших доступа к potestas contionandi) за изменение публично-правового устройства. Именно на этих собраниях звучали клятвы плебеев «саботировать» наборы в армию, т.е. проявлялась борьба реальная и весьма острая (Dionys. VI. 34). Четко видно некое общее намерение, план действий, что невозможно без определенной организации. Но если дальше речь шла о толпах, силой отбивавших новобранцев у ликторов – это уже не сходки (хотя, возможно, и их следствие), ибо на сходках только обсуждали, что делать. Нельзя смешивать легальные (хотя и несанкционированные) сходки и нелегальные действия толпы, последовавшие за ними.

5. Отдаленные последствия несанкционированных и частных сходок были весьма серьезными; помимо результатов сецессии, можно указать, например, на введение диктатуры (Liv. II. 28–30).

простых «массовых акций» хотя бы потому, что последние, как правило, заканчиваются кровопролитием и публичные речи во время них служат лишь сигналом к насилию, а не средством обратить внимание элиты на проблемы «бедняков» законными путями (ср. с рассуждениями А.В. Махлаюка о значении солдатских мятежей: Солдаты... С. 228–247).

[55] *Moro.* Sublata priore lege... С. 165. Правда, исследователь называет такие собрания просто «совещаниями», никак их со сходками не связывая.

[56] Однако далеко не всегда частный дом в Риме может рассматриваться в современном смысле частным пространством. См. также *Dionys.* X. 9.

[57] См. *Lange.* Op. cit. Bd II. S. 608–609.

6. На несанкционированных contiones особенно громко и интенсивно звучали чаяния плебеев, их конкретные требования, иногда выполнявшиеся (Liv. II. 39. 9–12; см. также II. 55[58]). Патриции не могли полностью игнорировать это (иногда и их голоса звучали на форуме и «на всех углах»: Liv. VII. 6. 10–12). Во время кризисных ситуаций периода ранней Республики инициатива «снизу» (имеется в виду – в обход трибунов и посредством несанкционированной contio) проявлялась достаточно явно (Dionys. VIII. 87)[59].

7. Показательны слова Ливия, данные им от лица Луция Валерия, выступавшего на стороне матрон, стремившихся к отмене Оппиева закона (215 г. до н.э.): «К тому же консул... даже усомнился в том, что ради дела, столь ему противного, матроны собрались по собственному почину (sua sponte), а не по моему наущению» (Liv. XXXIV. 5. 3; пер. Г.С. Кнабе). Факт собрания матрон «по собственному почину» (причем именно по поводу закона, т.е. по «политическим мотивам») не вызвал обвинений в «незаконности» со стороны консула Катона. Для Катона, в передаче Ливия, собрания sua sponte отнюдь не являлись нелегальными. Предметом споров Луция Валерия и Катона было что угодно, но только не правомерность сходок «sua sponte» – выражение, которое и можно перевести как «несанкционированные» или «спонтанные». Консул критикует само предложение отменить указанный закон, он критикует то, за что женщины активно агитируют, но он не выступает против самого метода агитации, действенного, как можно заключить, учитывая, что Оппиев закон все-таки был отменен (Liv. XXXIV. 8. 1–3)[60].

Итак, источники дают основания не согласиться с Моммзеном в том, что в законном порядке граждане не могли собираться иначе, чем по приказанию магистрата[61]. Собраться народ мог и сам (самовольно), но его сходка, чтобы стать легитимной, должна была быть организованной, т.е. подчиниться руководству председателя, признанного, в первую очередь, самим собранием. Если для официальной сходки председатель – это должностное лицо, обладавшее potestas, то для сходки несанкционированной – это вовсе не обязательно должностное лицо (хотя это мог быть и магистрат), но лицо, обладавшее auctoritas, признававшееся аудиторией[62].

Таким образом, фактор лидерства, столь характерный для римской политической теории и практики, и здесь является существенным[63]. Не подлежит

---

[58] В этом эпизоде нужно отличать организованные сходки плебеев и последовавшие события, связанные с Волероном, когда речь действительно шла уже не о сходках, а о «массовых акциях».

[59] Данная сходка хотя и была вскоре возглавлена трибунами, вначале возникла спонтанно, и речи (λόγοι; не просто крики) произносили рядовые плебеи.

[60] Ср. со способом действий матрон (совещания «в узком кругу») в другом эпизоде: *Dionys.* VIII. 39–55. Здесь инициатива также не осуждается, напротив, легенда говорит о полезности такой инициативы.

[61] *Mommsen.* Römisches Staatsrecht. Bd I. S. 191.

[62] О том, что в Риме вообще было возможно публично выступать, не обладая при этом даже устойчивой auctoritas, не говоря о potestas, см., в частности: *Кнабе Г.С.* Судебный патронат в Риме и некоторые вопросы методологии (По поводу книги Ж.-М. Давида «Судебный патронат в Риме в последнее столетие республики») // ВДИ. 1994. № 3. С. 58–77.

[63] Ливий описывает, как плебеи собрались (сами), ожидая трибуна, но так и не дождались его, и как их «войско рассеивается, потеряв вождя» (II. 54. 9). Плебеи собрались

сомнению, что очень многое зависело – не только для частного лица, но и для председателя-магистрата – от благоволения аудитории. Например, народ мог и на официальной сходке потребовать от председателя вызвать кого-либо на трибуну (App. XIV. 131).

Р. Морстейн-Маркс, автор недавнего крупного исследования contiones, показал, что конции служили каналом движения информации между облеченными властью и аудиторией в обоих направлениях[64]. Источники не только дают нам имена конкретных лидеров, но и предоставляют общие обозначения той группы людей, которая могла претендовать на роль организаторов несанкционированных собраний: например, subrostrani[65] (делившиеся информацией, полученной из «первых рук»), а также влиятельные люди местного масштаба – principes[66]. Посредниками могли быть и члены collegia. Квинт Цицерон понимал коллегии (а также «округа» и «соседства») как важный элемент именно политического успеха (64 г. до н.э.; Comm. pet. 3, 30-32). К потенциальным организаторам несанкционированных сходок можно отнести и duces[67] (Cic. Dom. 12, 89; Sallust. Cat. 50. 1; Comm. pet. 5; Asc. 59–60), которые могли осуществлять роль посредника в передаче информации, а не только помогать в созыве и проведении официальной сходки.

Пина Поло стремится абстрагироваться от «всего спонтанного», что иногда наблюдалось на сходках, не считая спонтанность нормой[68]. Мы ни в коем случае не утверждаем, что значимость выступления на каждой отдельной несанкционированной сходке была сравнима со значимостью речи на сходке официальной. Мы не отрицаем и того, что несанкционированная contio в абсолютном большинстве случаев возникала именно в кризисной ситуации. Но римская община часто укреплялась при чрезвычайных обстоятельствах использованием дополнительных стабилизирующих политических институтов.

самовольно, переговаривались между собой свободно, но именно отсутствие лидера сделало бессмысленным это начинавшееся спонтанное собрание. Хотя здесь на роль лидера претендовал плебейский трибун, имевший potestas contionandi (явись он на собрание, сходку вполне можно было бы определить уже как официальную), до его прихода начиналась именно сходка спонтанная. Возглавить ее мог и не трибун, важно было лишь то, чтобы ее возглавили. Трибун это или вовсе не должностное лицо – для Ливия неважно.

[64] *Morstein-Marx.* Op. cit. P. 127. С ним не соглашается Пина Поло (*Pina Polo F.* Morstein-Marx R. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambr., 2004 // http://www.sehepunkte.de/2005/01/6162.html); см. также *Flaig.* L'assemblée du peuple... P. 20.

[65] Завсегдатаи сходок. См. о них *Pina Polo.* Contra arma verbis... S. 94–113.

[66] См. о них *Laser.* Op. cit. S. 129. Г.С. Кнабе (Ук. соч. С. 60) полагал (имея в виду, правда, судебный патронат), что «представлять интересы римского гражданина в качестве членов его микрогруппы могли не только лица, зависимые от него (колон, клиент или отпущенник), но и, например, его сосед... В общих работах последнего времени микрогрупповая структура также воспринимается (по крайней мере для II–I вв.) скорее как черта римского общества в целом, а не только как характеристика родовой организации аристократии».

[67] Здесь: вожди, вожаки толпы, «главенствующие на народных сходках». По выражению Г. Моритсена, «лидеры среднего звена» (Op. cit. P. 57–58). См. также *Yakobson.* Op. cit. P. 90.

[68] *Pina Polo.* Las contiones... P. 41; *idem.* Contra arma verbis... S. 14–15, 91; *idem.* I rostra come espressione... P. 141.

Концепция Пина Поло дает четкую схему того, каким образом contio была включена в римскую конституцию. Это не означает невозможность дополнять, расширять границы этой схемы (вовсе не отказываться от нее). Отмеченные пассажи источников свидетельствуют, во-первых, о том, что наличие или отсутствие магистрата в качестве председателя, несомненно, меняло характер и результаты сходки. Однако характер этот менялся как угодно, но общая направленность оставалась «политической», официального решения как результата собрания не наблюдается, а главным содержанием contio оставалась речь к народу[69]. Во-вторых, надежной информации о несанкционированных сходках мало[70], но, тем не менее, игнорировать имеющиеся сведения (в совокупности позволяющие уточнить картину), не следует. В-третьих, несанкционированная сходка далеко не всегда обозначается в источниках основным термином – contio, но такая ситуация характерна и для официальных конций (что с успехом доказывает испанский исследователь в своих работах; особенно это касается «судебных» сходок), а потому данное обстоятельство само по себе не может служить основанием рассматривать только те собрания, которые обозначены термином «contio».

На этом моменте необходимо остановиться специально. Испанский антиковед довольно много внимания уделяет анализу дериватов и аналогов слова contio, допуская тем самым саму возможность использования античными авторами не только собственно слова contio как основного terminus technicus для указания на институт народной сходки. В связи с этим исследователь, сообразуясь с некими ориентирами, принимает решение, какие слова принять как указание на сходку «в ее институциональном смысле», а какие – нет. Но почему, например, выражение a(pu)d populum можно считать аналогом contio, а coetus – нет[71]? Ведь, к примеру, Тацит (Ann. I. 43) называет сходки мятежных легионов contiones, а буквально несколькими строками ранее (I. 42) обозначает их же как coetus. Но Пина Поло не относит сходки плебеев к официальным contiones, именно потому, что употреблялся термин coetus, а не contio (coetus plebis in privata domo; Liv. IV. 13. 10). Хотя сам приводит пример употребления по отношению к этой же сходке плебеев в частном доме именно термина contio (contiones domi; Liv. IV. 13. 8, события 494 г. до н.э.). Исследователь объясняет этот не вполне соответствующий его концепции эпизод тем, что в этом случае термин contio употреблен вместо coetus. Пина Поло полагает, что если к этому собранию магистрат не имел отношения, то и термин contio употреблен, видимо, «случайно»[72]. Он вообще не считает coetus аналогом contio,

---

[69] Пина Поло верно определял сущностную функцию института в целом – обращение (кого бы то ни было) к народу (*idem*. Las contiones... P. 7, 28).

[70] Может быть, потому, что античные авторы, как считает Г. Лазер, имели целью лишний раз предостеречь от попыток использовать поддержку «массы», «занижая» сознательно ее роль. (Op. cit. S. 191; см. также *Gruen E.S.* Diaspora: Jews amidst Greeks and Romans. Cambr., 2002. P. 20, 22). Сложно проследить роль спонтанных действий массы (или отдельных ее представителей), организующейся в законную сходку самостоятельно, не столько из-за тенденциозности источников, сколько из-за практики перерастания, трансформации несанкционированной contio в официальную вследствие вполне понятного стремления руководящей элиты к контролю над инициативой толпы (ср. *Laser.* Op. cit. S. 181, 185, 236).

[71] *Pina Polo.* Las contiones... P. 4–40.

[72] Ibid. P. 6.

несмотря на признание им того обстоятельства, что источники иногда дают их как синонимы. На его взгляд, contio, в отличие от coetus, имеет «институциональную организацию», а не является просто собранием «отдельных лиц» («individuos»)[73]. Если под «институциональной организацией» понимать распределение народа по трибам, центуриям и т.п., то, как мы отмечали, даже официальная сходка не имела эту организацию всегда[74]. Почему тогда нельзя отнести coetus к институту сходки? Очевидно, что проблема отнесения к ним связана с частым отсутствии магистратов на таких сходках[75]. В отличие от сходки официальной[76], масштабы несанкционированной действительно давали возможность обойтись без формальной трибуны, поднимаясь на которую (возвышаясь тем самым над согражданами[77]), оратор должен был обладать potestas contionandi или же разрешением ее носителя (но даже в этом отмечено исключение: Dionys. VI. 26).

Попытки Пина Поло в подтверждение своих слов опереться на Цицерона (De or. III. 65)[78] выглядят неубедительно[79]. Оратор использует слово coetus для обозначения собраний, созываемых тайно и под покровом ночи, но плебейскими трибунами (Cic. Leg. agr. II. 12), т.е. носителями potestas contionandi, которые могли созвать вполне официальную сходку. Конечно же, coetus часто отличалось в понимании того же Цицерона от официальной contio, но далеко не всегда[80]. Предположение же о том, что coetus чаще обозначает именно несанкционированную сходку[81], а contio – официальную, может не только объяснить кажущееся

---

[73] Ibid. P. 6–7. И.Л. Маяк полагает, что «...было время когда... contiones являлись собранием не всего народа, а его частей» (*Маяк И.Л.* Римляне ранней Республики. М., 1993. С. 79). На наш взгляд, именно такое положение сохранялось на ранних этапах истории Республики.

[74] Сам Пина Поло утверждает это (Las contiones... P. 122).

[75] Ср. *Lange.* Op. cit. Bd II. S. 392–395.

[76] *Laser.* Op. cit. S. 225, 241.

[77] См. об этом *Кнабе.* Ук. соч. С. 63–65.

[78] Valde autem est absurdum ei contionem aut senatum aut ullum coetum hominum committere, cui nemo illorum, qui adsint, sanus, nemo civis, nemo liber esse videatur. Якобы coetus здесь противопоставляется contio (см. *Pina Polo.* Las contiones... P. 7).

[79] Мы можем воспринимать указанное сообщение двояко: либо как указание на принципиальное отличие contio, senatus, coetus друг от друга, либо как указание на их схожесть в том, что в этих местах произносятся публичные речи, поэтому только достойные люди могут здесь выступать. Какой вариант предпочесть? Цицерон в другом месте этого же трактата (De or. I. 35) точно так же выделяет форум, сходки, суды и сенат. Однако Пина Поло речи перед народом на форуме относит исключительно к официальным сходкам, но тогда форум не должен был упоминаться Цицероном наряду со сходками. Таким образом, необходимо признать и в первом случае (De or. III. 65) более вероятным не противопоставление, а уподобление Цицероном упоминаемых им институтов друг другу по признаку предъявлявшихся на этих собраниях высоких требований к оратору (см. также, например: *Cic.* De or. I. 201; *Quint.* inst. orat. XII. 11. 1).

[80] *Cic.* Phil. II. 63; ср.: *Asc.* Mil. 45C. См. интересный эпизод, где coetus приобретает даже «оттенок» сакрального института – *Cic.* Verr. V. 186, а также пассаж, где coetus употребляется в техническом значении prima accusatio (Пина Поло связывает accusatio именно с contio – Las contiones... P. 104–114): [*Cic.*] Rhet. ad. Herenn. IV. 48. Ср. с использованием coetus в техническом значении, характерном и для contio, в период Империи: *Apul.* Apol. 52; Met. III. 2. 2; VI. 31; XI. 17.

[81] Ср. *Rotondi.* Op. cit. P. 21.

противоречие сведений источников, но и избежать некоторых, на грани курьеза, исследовательских трактовок. Так, Х.-Ф. Мюллер уверен, что в пассаже Ливия (II. 28) contiones употреблено вместо coetus с целью выразить определенный сарказм путем обозначения несанкционированных сборищ «легитимизированными терминами»[82]. А в статье П. О'Нейла, посвященной circuli, говорится, что в этом эпизоде ради сарказма Ливий употребил contio вместо, соответственно, circuli (статья посвящена им, а не coetus)[83]. Это при том, что оба автора повсюду в своих работах стремятся убедить в принципиальной разнице не только между contio, с одной стороны, и, соответственно, coetus и circuli, – с другой, но и между последними[84].

Таким образом, попытки Пина Поло (и некоторых других исследователей) противопоставить contio (как «законное собрание» – la asamblea legal) и coetus (определяемый испанским исследователем как «небольшое, т.е. ограниченное, собрание» (reunión reducida)[85] не выглядят обоснованными. Контраргументом, например, служит то, что сам Цицерон вовсе не обвиняет даже и Катилину в факте участия в тайной coetus, но в том, что «нечестивец» помышлял вместе с другими на этом собрании об «уничтожении» Республики (Cic. Cat. I. 8–10; ср.: Sull. 16; см. также Oros. V. 17. 6; Flor. II. 4. 5).

Тем не менее тенденция источников существует – это прежде всего *отношение* античных историков к несанкционированным сходкам. Это отношение и приводит, на наш взгляд, в частности, к тому, что такая сходка часто получает специфические обозначения: помимо coetus, также contio domestica, contiones privatae, in contionis modum, contionabundus и т.д.[86] То, что это есть выраженная

---

[82] *Mueller.* Op. cit. P. 82–83.

[83] *O'Neill P.* Going Round in Circles: Popular Speech in Ancient Rome // Classical Antiquity. 2003. №1. P. 141 (см. также *idem.* A Culture of Sociability: Popular Speech in Ancient Rome. PhD Diss. University of Southern California, 2001. P. 101–102). Автор противопоставляет circuli конциям, в то же время удивляясь, почему, например, Квинтилиан (VI. 3. 105) упоминает circuli как одно из мест произнесения образованным человеком (urbanus homo; даже не должностным лицом) речей наряду с convivia и contiones (*O'Neill.* Going Round... P. 145–147; *idem.* A Culture of Sociability... P. 111–112). Этот момент требует специального изучения, но нам представляется, что circuli также, вероятно, можно в ряде случаев отнести к спонтанным сходкам, судя по тому, насколько схожей получается наша характеристика последних и описание П. О'Нейлом circuli. Мы склонны, в отличие от О'Нейла, не считать употребление самого термина contio признаком исключительно официального собрания хотя бы потому, что источники недвусмысленно связывают contio с circuli, coetus и даже convivia. Определение одного через другое, подчеркивание общего у этих явлений и т.п. можно нередко найти у античных историков. О'Нейл, противореча своим же тезисам о том, что сходка всегда официальное собрание, все-таки упоминает наряду с официальными еще и неофициальные contiones (A Culture of Sociability... P. 270–272, 274–275).

[84] Если О'Нейл интерпретировал эпизод совершенно иначе, чем Мюллер, но исходя из тех же посылок, то возникает вопрос: верны ли посылки, т.е. верно ли предположение о «сарказме» Ливия?

[85] *Pina Polo.* Las contiones... P. 6; Contra arma... S. 45.

[86] Особенно интересно употребление слова contionabundus. Пина Поло полагает, что этот термин не указывает на официальные сходки, поскольку отсутствовала «законно созванная» (legalmente convocada) contio, хотя тут же замечает, что везде ораторы выступают так, будто (si) они находятся на сходке, торжественно (con tono de arenga), хотя самого собрания «не было» (*Pina Polo.* Las contiones... P. 15–16). Нельзя согласиться и с тем, что contionabundus всегда указывает на отсутствие организованного собрания.

тенденция, подтверждает и эпизод, где Ливий описывает организацию консулом Титом Квинкцием съезда городов Греции (XXXIV. 48). Хотя речь идет об инициативе магистрата, использовано выражение in contionis modum. Собрание лишь уподобляется contio как таковой, но не потому, что эта сходка не имеет «институциональной организации» (ведь ее возглавляет магистрат), а потому, что аудиторию составляют не римские граждане, а греки. Отсюда следует, что употребление in contionis modum вместо contio обозначает что угодно, но только не собрание без организации или нелегальное[87].

Таким образом, филологический (терминологический) подход, хотя и играет немаловажную роль, не дает однозначного толкования «рамок явления». Между тем любой исследователь contio сталкивается с трудностью очерчивания именно этих «рамок». Три условных «границы» у нас есть – это отсутствие официального решения, произнесение речей, обязательно политический характер собрания (если мы ведем речь о политическом институте). Эти «границы» необходимы, но недостаточны, поскольку им могут, в определенном смысле, удовлетворять любые «массовые акции». Критерий присутствия председателя, имеющего статус магистрата или плебейского трибуна, критерий, которому следует Пина Поло, не удовлетворяет ряду сообщений источников о политических собраниях, не принимавших официальных решений, но сыгравших огромную роль в процессе формирования самой публично-правовой системы Республики. Критерий «обеспечения общественного интереса» (в противовес личным интересам участников беспорядков) не может быть использован на практике, поскольку слишком расплывчат, хотя само представление об «общественном благе» в римской традиции существовало[88]. Но как «юридическим путем» (т.е. формализовано, более объективно) оценить соответствие того или иного собрания «публичному интересу»? Очевидно, что в полном смысле государственно-политическим институтом спонтанную сходку назвать, по-видимому, действительно нельзя, но мы полагаем, что ее можно определить как *общественно*-политический институт.

Вполне официальной была та сходка, на которой выступает, хотя и не с трибуны, а просто in praetorio, консул, произнося (contionabundus), в передаче Ливия, довольно пространную речь (*Liv.* XXI. 53; ср. XL. 27. 8). С другой стороны, именно несанкционированной, но не менее (возможно, и более) организованной была сходка, инициированная в военном лагере рядовым воином Перценнием (случай уже эпохи Империи, см. *Tac.* Ann. I. 17, 22), выступавшем velut contionabundus. При этом у Тацита нет ни слова о том, что сам факт созыва таких сходок – мятеж, но именно действия, последовавшие за собраниями, являлись незаконными, не сами сходки. Вооруженные воины, как когда-то плебеи – основа римской армии, – имели шанс добиться легализации своих институтов и вождей. См. также: SHA. Marc. Anton. 13. Ср. с эпизодом из истории Республики: *Dionys.* VIII. 78.

[87] Наконец, нельзя трактовать это выражение с уверенностью как «что-то похожее на сходку, но не сходка». Обратим внимание на пассаж из «Истории» Тацита (I. 55) (речь идет о легатах и трибунах) «Однако никто не решался собрать солдат на сходку и обратиться к ним с трибуны...» (non tamen quisquam in modum contionis aut suggestu locutus; пер. Г.С. Кнабе).

[88] Populus... *coetus* multitudinis iuris consensu et utilitatis communione sociatus (*Cic.* De Rep. I. 39). Ср.: *Cic.* De rep. III. 43: societas *coetus*, quod est populus; VI. 13: concilia *coetus*que hominum iure sociati, quae civitates appellantur (курсив наш. – *В.Д., Р.М.*). См. также *Aug.* De civ. Dei. II. 21; XIX. 21, 23–24. Подчеркнем, что слово coetus часто использовалось как обозначение несанкционированной сходки.

Общественно-политический институт дефинируется рядом черт. Он должен: *1)* быть легитимным. При этом такой институт может быть органом не только официальным, но и неформальным; *2)* эффективно выполнять определенную значимую функцию в политической жизни; *3)* иметь определенную структуру, организацию; *4)* быть общественным институтом, обладать определенным статусом в политической системе, имея устойчивую традицию функционирования, не противоречащую существующим законам; *5)* иметь возможность развиваться как явление общественной жизни и политической практики.

Спонтанная сходка отвечала этим характеристикам:

1. Она была легитимной, основывалась на традициях и обычаях, и легальной, т.е. не противоречила законам[89]. При этом она была институтом неформальным: функционирование спонтанной сходки прямо не регулировалось законами и осуществлялось не по инициативе носителей политической власти.

2. Благодаря неофициальной сходке часто более успешно, чем благодаря официальной, осуществлялась политическая коммуникация, достижение общественного консенсуса.

3. Можно говорить об участии и конкретных лидеров, и целых групп влиятельных людей, организовывавших сходку; в зависимости от ситуации возникали разные по масштабу спонтанные сходки.

4. Существовали законы, ограничивавшие, например, время проведения спонтанного собрания.

5. Несанкционированную сходку можно рассматривать как политический инструмент, использовавшийся, в том числе, и должностными лицами.

Весьма важно соответствие несанкционированной сходки критерию легальности. В случае, когда закон не запрещает (но и специально не разрешает) собрание, вступает в силу критерий признания законности сходки «общественным мнением», в первую очередь, самими участниками собрания[90]. Дело в том, что легитимность несанкционированных сходок исходя из традиций («традицион-

---

[89] Мы опираемся на концепцию легитимности М. Вебера (*Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. 5. Aufl. Tübingen, 1980. S. 19–20).

[90] Легитимность в узком смысле есть результат одобрения народом. Именно (и только) учитывая этот момент, возможно использовать термин «несанкционированная должностным лицом сходка», т.е. не та, которая запрещена законом (нелегальная), но та, которая им не запрещена, но это не означает, что не разрешена, народом она может воспринимается как вполне легитимная. Согласимся,что одно только отсутствие немедленных «репрессий» еще не говорит о законности собрания. Но отсутствие «репрессий» вообще как таковых – уже наводит на мысль об отсутствии законодательной нормы, запрещавшей такие сходки. Если мы не видим применения закона (и указаний на его существование), то как мы должны оценивать, легальная сходка или нет? Именно здесь и приходится прибегать к изучению реакции на сходку ее собственной аудитории и реакции остальной части гражданства. Если сенат, например, негодует по поводу таких собраний, но ничего не может сделать, то не говорит ли это о том, что большинство граждан не проголосовало бы (если бы магистраты по совету сената им предложили) за осуждение той или иной спонтанной сходки, ее участников, организаторов? Ср. с делом об участниках культа Вакха, 186 г. до н.э. Подробно описанный Ливием (XXXIX. 8–19, особ. 14–15), эпизод дает пример публичного осуждения (не поддержки, как в случае с сецессией) конкретных несанкционированных ночных собраний (coetus) последователей культа Вакха. В данном эпизоде речь идет даже не о политических собраниях, а об уголовных преступлениях, совершаемых на религиозных собраниях, которые к сходкам отнести сложно.

ную легитимность») довольно сложно рассматривать из-за тенденции наших источников. В том, что это именно тенденция, сомневаться не приходиться, судя по отмеченному эпизоду со Спурием Мелием в изложении Дионисия (XII. 1–4). О том, что закон не запрещал созывать сходку частным лицам, свидетельствует потребность в специальном запрещении консулами именно Мелию созывать сходки (Dionys. XII. 1. 10; этому запрещению, к тому же, успешно воспрепятствовал народ). Ввиду сложностей, возникающих при оценке наличия или отсутствия у несанкционированной сходки традиционной легитимности, нам приходится в основном обращаться к вопросу о легальной легитимности и о легитимности, возникавшей в результате признания народом.

Однако могут оставаться определенные возражения в связи с имеющимися античными определениями народной сходки. Действительно, дефиниция Феста (P. 38, s.v. contio[91]) недвусмысленно говорит о том, что сходка созывалась магистратами или жрецами. Но жрецы – частные лица. Определение Геллия не содержит упоминания о возможности созыва сходки только магистратами (N.A. XIII. 16. 3)[92]; в другом же месте «Аттических ночей» сходка вообще определяется как coetus populi adsistentis (N.A. XVIII. 7. 5–9). Варрон, когда пишет о том, кто мог созывать сходку, явно имеет в виду сходку предкомициальную (упоминаются аусписции и т.д.), потому, разумеется, «доступную» только магистратам (L.L. VI. 90–94). Наконец, определение Феста вступает в прямое противоречие с теми конкретными примерами, приводимыми античной традицией, которые мы рассматривали выше. К тому же, когда Пина Поло, например, определяет coetus как любое собрание граждан, а contio – как «институциональный субъект (права)» (entidad institucional)[93], он тем самым ставит под сомнение другое определение, данное Мессаллой (Gell. N.A. XVIII. 7. 8; где contio – coetus populi adsistentis). Прямые дефиниции в источниках, таким образом, нельзя все принять безоговорочно, поскольку они могут противоречить друг другу. Значит, необходимо либо путем иной интерпретации разных определений снять это противоречие, либо, путем анализа данных других источников предпочесть только одно из них, либо, наконец, отказаться от точного следования любому из них. Пина Поло фактически следует, в основном, именно определению Феста. Конечно, мы должны задаваться вопросом о том, почему для Феста было важно отметить «монополию» магистратов и жрецов в созыве сходки, но при этом нужно анализировать и другую информацию источников. Гораздо плодотворнее, на наш взгляд, учитывать тенденцию источников, но не соглашаться с ней во всем[94].

Можно ли утверждать, что только концепция Пина Поло, его взгляд на вопросы терминологии и на проблему contiones в целом, нашли развитие в историографии? Стефан Хрисантос, например, пишет о том, что именно «лагерная» contio могла являться важным воплощением libertas: в некоторых случаях, считает он, мнение воинов достигало командования не только официальными

---

[91] contio significat conventum, non tamen alium, quam eum, qui <a> magistratu vel a sacerdote publico per praeconem convocatur.

[92] См. прим. 1.

[93] *Pina Polo.* Las contiones... P. 7.

[94] Конечно (и в этом прав Мюллер) традиция отражает страх перед неконтролируемыми собраниями (*Liv.* XXXIV. 2. 4; ср.: *Val. Max.* IX. 1. 3), с другой, сама же традиция свидетельствует о том, что тенденция элиты – преувеличивать эту опасность в своих интересах (*Liv.* XXXIV. 5. 5).

путями (через ряд инстанций или в contiones, созванных командующим), но и неофициальными. Среди последних исследователь называет не просто несанкционированные собрания, но именно несанкционированные contiones (tumultuous unauthorized contiones) в противовес официальным (official contio; contiones called by a commander). Интересно, что далее С. Хрисантос пишет именно о правах граждан на проведение таких собраний в самом Риме. Причем он считает, что «в лагере они расширились, и солдаты имели больше возможностей, чем невооруженные сограждане в Риме». Солдат были тысячи, они были хорошо организованы и связаны воинской клятвой. И, конечно, они были вооружены[95]. Таким образом, исследователь полагает возможным говорить о том, что это право усиливалось (или обеспечивалось) оружием и организацией солдат, но сам его исток находился в гражданской сфере, а реализация происходила на несанкционированных сходках. Хрисантос никак не развивает этот свой тезис, не исследует собственно исток права на свободу собраний (или слова) в гражданской сфере. Мы же попытались затронуть именно этот вопрос.

В историографии можно иногда обнаружить упоминания о некиех «неформальных собраниях» *наряду* со сходками (соответственно, последние понимались, видимо, только как созывавшиеся должностными лицами)[96]. Вероятно, прав Р. Кэйстер, который, расширяя понятие народной сходки, называет contio высокоорганизованной формой деятельности, которая ежедневно имела место на «открытых площадках публичной жизни»: на улицах, рынках больших и малых городов[97].

Наконец, представляется особенно интересной позиция К. Николе, который одним из первых заявил о необходимости более внимательного изучения сходок. Николе прямо указывает, что были contiones, где председатель – магистрат, и были coetus, где инициатор – немагистрат. Coetus «тяготели» к тому, чтобы восприниматься как «мятеж», «хотя они и не запрещались, и не преследовались» (they were neither forbidden nor repressed)[98]. Единственное, с чем мы не можем согласиться в его трактовке, так это с тем, что необходимо четко различать contio/coetus по признаку председатель – магистрат/немагистрат.

Немногочисленность работ, где предлагается в чем-то иной, чем у Пина Поло, подход, может частично объясняться тем, что в исследуемой римской практике, с развитием политической системы, все меньше оставалось «места» для спонтанной сходки, и это фиксируется многочисленными источниками об эпохе упадка Республики. Но законодательное, прямое и полное запрещение таких сходок, если и было зафиксировано, то только в период Империи[99]. Однако даже Дион

---

[95] *Chrissanthos S.G.* Freedom of Speech and the Roman Republican Army // Free Speech in Classical Antiquity / Ed. I. Sluiter, R.M. Rosen. Leiden, 2004. P. 345–350, 360–365.

[96] *Ward A.M.* How Democratic Was the Roman Republic? // New England Classical Journal. 2004. N 2. P. 115; *Connolly J.* Crowd Politics: The Myth of the «Populus Romanus» // Crowds / Ed. J.T. Schnapp, M. Tiews. Stanford, 2006. P. 92–93; *Gordon S.* Controlling the State. Constitutionalism from Ancient Athens to Today. Cambr.–L., 1999. P. 104–105.

[97] *Kaster R.A.* Emotion, Restraint, and Community in Ancient Rome. Oxf., 2005. P. 97.

[98] *Nicolet C.* The Citizen: The Political Man // The Romans / Ed. A. Giardina. Chicago–London, 1993. P. 42–43.

[99] Действительно, в Дигестах можно встретить определение «смуты» как беспорядка и сходки (coetus) среди множества людей, правда речь идет о совершении посредством такой сходки уголовного преступления, см. XLVII. 8. 4. 3 (ср. 10. 7. 5); XLVIII. 6. 5; 6. 10; 7. 4. Хотя на каком-то этапе несанкционированные сходки (coetus) уже было запрещено организовывать в принципе, без уточнения их направленности, «даже и ветеранам»

Кассий, когда от имени Мецената описывал преимущества монархии (Dio Cass. LII. 30. 2), отмечал, что «прежде всего, простой народ не должен иметь власти ни в каких вопросах и вообще сходиться на какое-либо собрание... нет нужды собираться ни для судебных заседаний, ни для выборов должностных лиц, ни на иные собрания подобного рода, где должны приниматься какие-либо решения» (пер. К.В. Маркова, А.В. Махлаюка). Речь идет о собраниях, принимавших решения. Но на сходках решения не принималось. Не должно ли это свидетельство также учитываться, когда мы говорим и о традиционной легитимности несанкционированной сходки? Даже в период кризиса III в. н.э. наблюдается восстановление в кризисной ситуации механизма делегирования potestas contionandi самими собравшимися на сходку, зафиксированного одним из авторов Historiae Augustae (SHA. Gord. 7–8)[100]. Выступал velut contionabundus Маврикий – представитель сословия декурионов, частное, а не должностное лицо, однако пользовавшийся «большим влиянием». В конечном итоге, следствием стало появление нового императора, т.е. сходка здесь не только не нуждалась в легализации, но сама легализировала нового правителя. Вероятно, именно условия кризиса сделали возможным такое своеобразное возвращение к реалиям более раннего времени в эпоху III в. н.э.[101]

Если возможности для обращения к народу по политическим вопросам в эпоху Империи сократились, то такое обращение в целях «самопрезентации», как назвал эти цели Т. Хабинек, оставались[102]. Исследователь пишет: «хотя речи так называемых софистов не касались политики как таковой, в них все же звучали вопросы взаимоотношения городов, национальной идентичности, ссылки на мощь Империи и пр.»[103]. У Тацита (Ann. I. 72) четко сказано, что Тиберий отошел от принципа, по которому «осуждались дела, слова не влекли за собой наказания» (пер. А.С. Бобовича, ред. Я.М. Боровского). Напротив, правление

(Dig. XLVII. 11. 2 (ср.: XLVIII. 4. 1): Sub praetextu religionis vel sub specie solvendi voti coetus illicitos nec a veteranis temptari oportet). Это, кстати, свидетельствует не только о том, что прямое законодательное запрещение такой сходки относится только к эпохе Империи, но и о том, что такая практика (особенно – среди ветеранов), по-видимому, оставалась даже и тогда весьма распространенной. В военно-уголовном праве были все-таки введены санкции за выкрики и высказывание командирам претензий «в неподобающей форме» (*Махлаюк.* Солдаты... С. 230). Но, с другой стороны, Евсевий (Hist. eccl. VII. 11. 4. 10) сообщает о запрете императором Валерианом собраний христиан. Соответственно, для нехристиан можно допустить существование свободы собраний (по крайней мере, религиозных, но последнее понятие – весьма растяжимое). Таких попыток запретить собрания именно христиан было много и соответствующие законы постоянно повторялись. Следовательно, даже такое запрещение собраний, возможно, не выполнялось в то время.

[100] «Тогда некий декурион по имени Маврикий, пользовавшийся среди африканцев большим влиянием, обратился... к городскому и сельскому народу, словно на сходке (velut contionabundus), с речью...» (пер. С.Н. Кондратьева).

[101] В связи с этим не выглядит совсем противоречащей нашей интерпретации даже та, довольно критическая, оценка, которую дал рассматриваемому сообщению М.И. Ростовцев: «Маврикий и его речь могут быть выдумкой, но то положение, которое ему приписывается, показывает, что биограф точно знал, кто были те люди, которые подняли революцию в Африке» (*Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской Империи. В 2-х томах. Т. 2 / Пер. с нем. И.П. Стребловой. СПб., 2000. С. 376–377. Прим. 28).

[102] *Habinek Th.* Ancient Rhetoric and Oratory. Oxf., 2005. P. 14.

[103] Ibid. P. 15. Хотелось бы в этом месте сослаться на М.И. Ростовцева (Ук. соч. Т. 1. С. 117–118), писавшего о политической и социальной «пропаганде философов».

«хорошего принцепса» обязательно должно было включать формулу примерно такого содержания: «каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает» (Tac. Hist. I. 1; пер. Г.С. Кнабе; речь идет о правлении Траяна). Интересно, что даже в I в. н.э., как заметила Е.М. Штаерман, «личные взгляды и убеждения особым стеснениям по-прежнему не подвергались», в частности, «киники... на перекрестках и площадях выступали перед толпой с речами, обличавшими пороки общества, знатных лиц и самого императора»[104].Очевидно, что свои корни такая традиция должна была иметь в эпоху Республики, хотя по этому поводу имеются разные точки зрения[105].

Действительно, уже в период поздней Республики несанкционированные сходки претендовали максимум на то, чтобы стать официальными, будучи возглавленными должностными лицами. И это, еще раз подчеркнем, проявление кризиса Республики. Но законность несанкционированной сходки косвенно подтверждается как раз тем фактом, что имевшие место в период Поздней республики нарушения конституции (по крайней мере, легитимности или просто республиканской политической традиции)[106] непосредственно приводили к тому, что именно несанкционированная сходка и разгонялась (чего ранее не наблюдалось), и переставала оказывать заметное влияние на res publica. Аппиан сообщает (XIV. 130–132; XV. 3) о двух случаях, наводящих на мысль о несанкционированной contio, но в первом из этих эпизодов одна сторона в происходивших спорах собралась, вероятно, не по своей инициативе, а была куплена за деньги (что и определило ее позицию заранее); а во втором – спонтанно возникшая на форуме сходка была силой оружия разогнана, и именно вследствие этого без суда погибли многие граждане. Даже в условиях второго триумвирата, как нам кажется, «по инерции», несанкционированное собрание иногда все же указывало на наиболее непопулярные действия «властей», позволяя избежать, когда это было возможно, открытого конфликта. Мы можем, в связи с этим, лишь предполагать, насколько более эффективным мог быть этот институт в период ранней и классической Республики. Несанкционированные contiones людей, лишавшихся земли, отдаваемой солдатам Октавиана (41 г. до н. э.), ни к чему не привели, несмотря на сочувствие в среде жителей самого Рима и массовости собраний (App. XVII. 12–13). Возможно также, что в Позднюю республику право частных лиц организовывать сходки все же было ограничено: Цицерон пишет (De leg. agr. II. 91), что капуанцы не могли созывать конции, так как не имели для этого potestas contionandi, потому что у города не было должностных лиц (хотя нужно учитывать особое положение этой общины). Это сообщение (помимо того, что оно уникально) относится к периоду кризиса Республики. Механизм несанкционированных сходок, который, на наш взгляд, означал в первую очередь контроль со стороны граждан действий должност-

---

[104] *Штаерман Е.М.* Эволюция идеи свободы в древнем Риме // ВДИ. 1972. №2. С. 51.

[105] О проблеме свободы слова см., в частности: *Frank T.* Naevius and Free Speech // AJPh. 1927. № 48. P. 105–110; *Robinson L.* Freedom of Speech in the Roman Republic. Johns Hopkins University Diss. Baltimore, 1940; *Wirszubski Ch.* Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republik and Early Principate. Cambr., 2004. P. 18–20; *Raaflaub K.A.* Aristocracy and Freedom of Speech in the Greco-Roman World // Free Speech in Classical Antiquity / Ed. I. Sluiter, R.M. Rosen. Leiden, 2004. P. 54–58.

[106] Это проявлялось и на официальных сходках, оказывавшихся в конце Республики гораздо чаще, чем до этого, неспокойными и опасными, ср. *Nicolet.* Le métier de citoyen... P. 387; *Moreau.* Donner la parole... P. 175–176.

ных лиц, выражавшийся в требовании у последних отчета или определенных действий (законопредложения, созыва сената и т.п.), включался теперь редко и далеко не всегда успешно действовал.

Неслучайно поэтому наиболее показательные примеры относятся ко времени начала Республики: со временем contio, которая, если солидаризироваться с Дж.У. Ботсфордом[107], выросла из собраний *первобытной общины*, все более полно включалась в публично-правовую организацию *государства*. Конечно, при этом, магистраты и сенат стремились контролировать эти собрания, монополизировать право на их созыв и руководство ими. В значительной степени (и все эффективнее с течением времени) им это удавалось: развивалась официальная сходка как государственно-правовой институт. Но именно те случаи, которые мы рассматривали в данной статье, свидетельствуют не только о том, что процесс этот был длительным и монополия эта возникла далеко не сразу, но и о том, что на законодательном уровне и несанкционированная сходка, хотя бы потому что запрещались (если запрещались) лишь конкретные ее формы, долгое время оставалась *легальным общественно-политическим институтом*.

В целом можно выделить ряд факторов, которыми определялось значение несанкционированных сходок и их эволюция; *1)* с развитием Республики несанкционированные сходки ограничивались все сильнее; *2)* в условиях спокойного развития (не кризисного) роль таких собраний была менее существенна; *3)* при вмешательстве магистрата любая сходка, хотя и не могла быть разогнана, должна была подчиниться его руководству; *4)* поскольку республиканский Рим обходился без полиции, не существовало самой возможности разгонять многочисленные несанкционированные собрания (проходившие параллельно), – следовательно, нужно было признавать на практике законность таких собраний. Но за магистратами сохранялось право воздействовать (с опорой на авторитет сената) на «наиболее опасные» сходки угрозой применения санкций (хотя бы против лидеров, а не против массы граждан).

Первая сецессия, когда у патрицианских властей не оказалось средств силой воздействовать на плебс (фактически – армию), дает нам пример не просто легитимной (и легальной) несанкционированной сходки, но и сходки, на которой были впервые озвучены идеи, впоследствии закрепленные в виде важных изменений римского публично-правового устройства. В.Н. Токмаков заметил, что нередко консулы оказывались не в силах запретить тайные (и даже открытые) сходки воинов в лагере[108], и вынуждены были признать их наличие. Но можно ли говорить о легальности, если она вызвана непреодолимым давлением народа (плебейской массы)? Вероятно, да, ведь теоретически суверенитет римского народа признавался в античной традиции. В данном конкретном случае этот суверенитет реализовывался на практике. Государственный суверенитет populus Romanus – прямое и неизбежное проявление полисных основ римской организации. Полис, будучи коллективом граждан, всегда поддерживает в своей идеологии представления о верховенстве народа, о его праве определять судьбу общины, а для этого проводить массовые собрания. Таким образом, мы делаем вывод о том, что несанкционированную сходку следует считать легитимным общественно-политическим институтом Римской Республики.

---

[107] *Botsford.* The Roman Assemblies from their Origin to the End of the Republic. N.Y., 1909. P. 473, а также 153.

[108] *Токмаков В.Н.* К вопросу о военных правомочиях консулов в публичном праве архаического Рима // IVS ANTIQVVM. Древнее право. № 2 (12). 2003. С. 90.

В республиканскую эпоху сходки, как официальные, так и, по нашему мнению, несанкционированные, обеспечивали диалог между правившей элитой и массами, способствовали формированию принципа представительности в римской публично-правовой системе, поскольку заставляли римских политиков в той или иной степени «представлять интересы» гражданского коллектива, имевшего много возможностей, в том числе и посредством такого общественно-политического института, как несанкционированная сходка, по меньшей мере, заявить о своих действительных интересах. Не случайно история римской contio, по всей видимости, тянулась еще из времен первобытной общины и продолжалась в течение всей римской истории и даже, в некотором смысле, за ее хронологическими рамками[109].

UNSANCTIONED *CONTIONES* AS A POLITICAL INSTITUTE OF THE ROMAN REPUBLIC

V.V. Dementyeva, R.M. Frolov

The authors maintain that unsanctioned *contio* of the Roman people (i.e. *contio* not summoned by a magistrate) can be considered an important political institute in Roman public life. Special attention is paid to the fact that unsanctioned (unofficial) *contiones* were held in accordance with customs and laws, to their organization and to their considerable practical importance. E.g., unsanctioned *contiones* headed by private persons (plebeian leaders) were important factors of political stability in the early republic: they helped to establish peaceful dialogue, they did not contradict laws and traditions and served public interest.

Though the authors recognize a high degree of formal organization of official *contiones*, they argue that it should not be exaggerated. On the other hand, unsanctioned *contiones* were legitimate, as may be deduced not only from particular accounts of narrative sources, but also from legal sources. As well as a sanctioned *contio*, an unsanctioned one was well within certain frames of law and tradition. The authors of the paper point out and explain the fact that unsanctioned *contio* could not be dismissed only by appealing to it, which implied its being recognized as sanctioned. The fact that the XII Tables forbid only night-time unsanctioned gatherings (*coetus nocturni*) means that other gatherings were not illegal. The sources do not show any other restrictions concerning unsanctioned (spontaneous or not initiated by a magistrate) gatherings under republic. Though assemblies in question were gradually restricted by the law, the process became intense only in the late Republican period; it was only in the Empire that unsanctioned *contiones* were completely forbidden.

Further attention is focused on the terminology used in the sources. *Contio* was not the only term used to denote official assembly; but the same word was used when an unsanctioned gathering was meant.

The authors conclude that in the republican time unsanctioned *contiones* functioned as an established, important and recognized political institute as well as official *contiones* summoned and headed by a magistrate. They ensured a legal dialogue between the elite and the masses and helped to develop the principle of representation in the system of public law.

---

[109] Весьма интересны параллели, просматривающиеся в употреблении термина contio, между римским временем, временем Бонкомпаньо да Синья (XIII в.) и временем Николло Макиавелли, когда Италия освободилась из-под опеки Империи (XVI в.). В понимании Бонкомпаньо да Синья сходка – это страсти и обман, соединяющиеся с волеизъявлением народа. Для Макиавелли, contio – это уже олицетворение «мудрости народа» и его суверенитета (*Gerbier L.* Parler au peuple: la pratique de la *contio* de l'Antiquité a la Renaissance // http://www.erytheis.net/texte-integral.php3?id_ article=65).

ПУБЛИКАЦИЯ

© 2009 г.

А.В. Сафронов

СТЕЛА ПЕРВОГО ЖРЕЦА АМОНА БАКЕНХОНСУ И НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ НАЧАЛА ПРАВЛЕНИЯ XX ДИНАСТИИ

11 декабря 2006 г. в Луксоре в ходе раскопок на так называемой Аллее сфинксов – древней дороге для ритуальных процессий, связывавшей храмы Амона в Карнаке и Луксоре, – египетской экспедицией под руководством М. Бораика был найден новый памятник – стела из кварцита с надписью первого жреца Амона по имени Бакенхонсу (рис. 1)[1]. Памятник относится к правлению фараона Сетнахта, т.е. к самому началу XII в. до н.э.[2] Текст проливает новый свет на ряд дискуссионных проблем, связанных с периодом перехода власти от XIX к XX династии. К сожалению, в публикации памятника М. Бораик ограничился в основном транслитерацией и переводом текста, которые, к тому же, требуют коррекции. Что же касается исторического комментария, то он столь малосодержателен, что может ввести в заблуждение относительно ценности источника. Ниже представлен новый перевод стелы, снабженный филологическим и историческим комментарием[3].

ОПИСАНИЕ СТЕЛЫ

Плита с закругленной верхней частью. Высота – 132 см, ширина нижней части – 77 см, верхней части – 70,5 см. Толщина у основания – 28 см, верхней части – 14 см[4]. Композиционно стела делится на верхнюю (I) и нижнюю (II) части. В верхней части – изображение коленопреклоненного фараона Сетнахта, подносящего фигурку Маат сидящему на троне Амону-Ра и стоящей за ним Мут, а также несколько столбцов текста. В нижней – 17 строк базового текста и изображение владельца – первого жреца Амона Бакенхонсу (рис. 2), деяниям которого посвящен основной текст стелы.

---

[1] *Boraik M.* Stela of Bakenkhonsu, High Priest of Amun-Re // Memnonia. 2007. 18. P. 119–126. Pl. 24.

[2] Как полагает издатель, первоначально стела находилась в Карнакском храме. К месту ее обнаружения она, вероятно, была перенесена современными грабителями для дальнейшей продажи (Ibid. P. 119).

[3] Выражаю искреннюю признательность своим коллегам А.Г. Сущевскому, М.В. Панову и М.И. Соколовой, которые любезно ознакомились с переводом и высказали ряд ценных замечаний.

[4] *Boraik.* Stela of Bakenkhonsu... P. 119.

Рис. 1. Стала первого жреца Амона Бакенхонсу (Фото по: *Boraik M.* Stela of Bakenkhonsu, High Priest of Amun-Re // Memnonia. 2007. 18. Pl. 24)

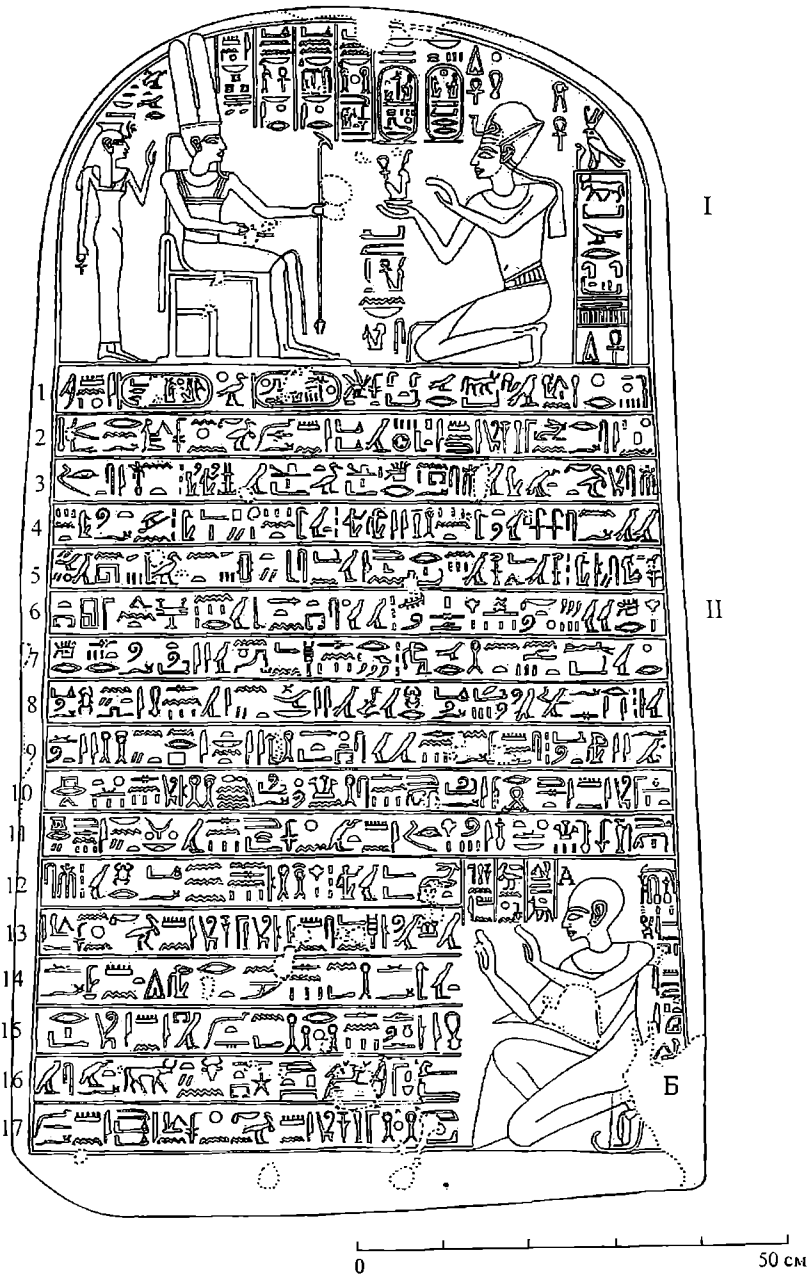

Рис. 2. Стела первого жреца Амона Бакенхонсу (Прорисовка по: *Boraik.* Op. cit. P. 122. Fig. 1)

I. Верхняя часть. *Надписи к изображению Сетнахта:*

Hr [*kȝ nht wr ph.tj dj ꜥnh*] – «Хор, [мощный телец, великий силой, тот, кому дана жизнь]».

sȝ ꜥnḫ – «Защита, жизнь».

nb tȝ.wj (*Wsr-ḫꜥ.w-Rꜥ stp.n-Rꜥ mr(j.j) Ỉmn*)| *nb ḫꜥ.w* (*Stḫ-nḫt(.w) mrr-Ỉmn-Rꜥ*)| *dj ꜥnḫ mj Rꜥ* – «Владыка Обеих Земель (Усер-хау-ра Сетеп-ен-ра Мери-Амон)|, владыка венцов, (Сетнахт Мерер-Амон-Ра)|, тот, кому дана жизнь подобно Ра».

ḥnk m Mȝꜥ.t n nb=s – «Подношение Маат владыке ее».

Надписи к изображению Амона-Ра:

dj.n(=j) n=k nḥḥ m nswt tȝ.wj – «Дал (я) тебе вечность как царю двух Земель».

dj.n(=j) n=k snb nb ḫr=j – «Дал (я) тебе здоровье всякое от меня».

dj.n(=j) n=k ꜥnḫ wȝs nb ḫr=j – «Дал (я) тебе жизнь (и) власть всякую от меня».

Ỉmn-Rꜥ nb ns.w.t tȝ.wj – «Амон-Ра, владыка "Престолов Обеих Земель"» (название храма в Карнаке. – *А.С.*).

Надпись к изображению Мут:

Mw.t wr.t nb(.t) p.t – «Мут великая, владычица неба».

II. Нижняя часть.

1 *ḥȝ.t-sp 4 ḫr Ḥm n Ḥr kȝ nḫt wr ph.tj nswt bi.tj* (*Wsr-ḫꜥ.w-Rꜥ stp.n-Rꜥ* [*mr(j.j) Ỉmn*]) *sȝ Rꜥ* (*Stḫ-nht(.w) mrr-Ỉmn-Rꜥ*) *mr(j.j) Ỉmn-Rꜥ*

2 *ḥrw pn js(t) r=f wn ḥm-nṯr tp(.j) n Ỉmn m Ỉpt-s.w.t m dd Ỉmn ds=f Bȝk-n(.j)-Ḫnsw rn=f mȝꜥ-ḫrw*

3 *ms(j.w).n Bȝk.t-mw.t m ms n pr=f ḏr wꜥ sȝ.t wꜥ m wnḏ.w(t) n(.j.w)t Wȝs.t jst*

4 *mȝȝ.n=f snn.w n.(jw) ḥsy.w twt.w n(j.w) tpj.w-ꜥ ḫn.tj.w n(j.w)*

5 *špss.w nswt ḫȝꜥ(.w) ḫnr(.w) m ḳnj.w.n sbtj.w n(j.w) gbb nhj*

6 *ḥr ḏr.w ktḫ.w ḥr psḏ.w m wsḫ.t ꜥȝ.t n-bnr n(j.w)t ḥw.t-nṯr*

7 *ḫr.w.n dr.w.t n(j.w)t ḥwr.w r fnḏ.w=sn ꜥḥꜥ.n nwj=f s.t r-drw*

8 *jrj=f smȝw(j)=w dj=f ḫpr ṯȝj nb n.tj jm=sn mj n.tj n ḫpr(.w) dj=f*

9 *fȝj.tw=w smn.n=f sn m wsḫ.t ꜥȝ.t ḥby.t n(.j.w)t jnr n.tj wȝḥ=tw*

10 *ḥtp-nṯr n Ỉmn jm=s.t r šn.t=f m-ḫnw =sn shn=f wꜥb wȝḥ n=sn ḫ.w.t pr(j.j.t)*

11 *m-bȝḥ ḳbḥ sw.t rnp.w.t ḫ.t nb(.t) nfr(.t) jw=w ḫr mȝ Ỉmn Mw.t Ḫnsw m ḫꜥ.w=sn m wp nb n.tj jm=sn gr*

12 *jwꜥw.w ḫr wȝḥ n=sn mw dj=f ḫpr=w ms(j.j.w)*

13 *m šȝ.w ꜥḥꜥ.n smn.n ḥm-nṯr tp.j n Ỉmn Bȝk-n(.j)-Ḫnsw mȝꜥ-ḫrw*

14 *twt=f ḫnꜥ=sn n-mrw.t dj.t mn=f*

15 *mj-ḳd=sn r nḥḥ ḫnꜥ ḏ.t m pr Ỉmn jn (j)ṯ(.j)-pꜥ.t*

16 *ḫȝ.tj-ꜥ jt-nṯr mr(j.j)-*[*nṯr*] *ḫr.j-sštȝ m p.t tȝ dwȝ.t smȝty n kȝ-mwt=f sm*

17 *m ȝḫ.t nḥḥ ḥm-nṯr tp(.j) n Ỉmn Bȝk-n(.j)-Ḫnsw mȝꜥ-*[*ḫrw*] *m dd Ỉmn ds=f*

А *ḥm-nṯr tp(.j) n Ỉmn Bȝk-n(.j)-Ḫnsw mȝꜥ-ḫrw sȝ (n) sȝb*

Б *jm.j-rȝ sš(.w) nfr.w n pr Ỉmn Ỉmn-m-ip.t* [*mȝꜥ-ḫrw*]

1 Год 4-й при Величестве Хора, мощного тельца, великого силой, царя Верхнего и Нижнего Египта (Усер-хау-ра Сетеп-ен-ра [Мери-Амона])|, сына Ра (Сетнахта Мерер-Амон-Ра)|, возлюбленного Амоном-Ра.

2 День этот, когда первый жрец Амона в Ипет-Сут стал тем, кого дает сам Амон. Имя его – Бакенхонсу, правогласный,

3 рожденный Бакетмут как чадо храма его (т.е. Амона), (как повелось) со времен непрерывной линии дочерей из народа Фив. И вот

4 увидел он изображения восхваляемых, статуи предков, изваяния

5 царских вельмож, (которые) были ниспровергнуты и разбросаны у границ (храмового?) поля. Одни

6 (лежали) на боку, другие – на спине в большом дворе снаружи храма,

7 опрокинуты руками черни лицом вниз (букв. «на носы их»). Затем он собрал их все без остатка.

8 Он отреставрировал их, (и) повелел он, чтобы стал всякий ущерб в них (т.е. ущерб, причиненный статуям. – *А.С.*), как то, чего не было. Приказал он,

9 чтобы подняли их. Установил он их в большом дворе (и) в праздничном дворе из камня, в котором возлагались

10 жертвы Амону, чтобы окружить его ими (досл. «среди них»). Он обеспечил очищение, положены для них (т.е. статуй) жертвы, вышедшие

11 перед (алтарем): возлияния, мясо (и) зелень, вещи всякие прекрасные. Видят они (статуи предков. – *А.С.*) Амона, Мут, Хонсу в появлениях их в празднестве каждом, в котором они (участвуют).

12 Наследники совершают для них возлияния, (поскольку) дал он (Бакенхонсу. – *А.С.*), чтобы воссуществовали они (т.е. статуи), воссозданные

13 согласно предопределению. Затем установил первый жрец Амона Бакенхонсу, правогласный,

14 статую свою вместе с ними (т.е. с восстановленными статуями) ради дозволения пребывать ему

15 подобно им во веки вечные в храме Амона. Государь-

16 князь, «отец бога», возлюбленный [богом], хранитель тайн на небе, земле и в Дуате, жрец-*семати* Камутефа, жрец-*сем*

17 в «Горизонте Вечности», первый жрец Амона Бакенхонсу, правогласный, тот, кого дает сам Амон.

А Первый жрец Амона Бакенхонсу, правогласный, сын сановника,

Б начальника писцов (и) новобранцев храма Амона Аменемопе, [правогласного].

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Стк. 2:

Перевод М. Бораика (P. 123)[5] крайне неудачен: «Today. Now, there being the high priest of Amun in Karnak, being as the one whom Amun himself appoints, whose name is Bakenkhonsu». Фраза состоит из двух предложений. Первое – сложноподчиненное, в котором главное (*hrw pn*) и подчиненное (*wn ḥm-nṯr tp(j) n Ỉmn m Ỉpt-s.w.t m dd Ỉmn ds=f*) связаны частицей *is*(*t*)[6], усиленной энклитической частицей *rf*. Глагол *wn* не показывает геминации, что указывает на однократность действия[7]. В то же время относительная имперфективная форма *dd* указывает на повторяющееся действие[8]. Речь явно идет об известном факте, а именно

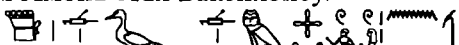
[5] Здесь и далее ссылки на перевод М. Бораика указывают страницу его публикации.

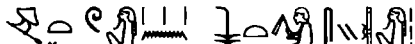
[6] См. *Allen J.* Middle Egyptian. An Introduction to the Language and Culture of Hieroglyphs. Cambr., 2002. P. 139–140. § 12.16.

[7] Ibid. P. 263. § 20.2.

[8] Ibid. P. 348. § 24.3.

выборе первосвященника Амона на основании оракула[9]. Указание на подобную практику встречается как до правления Сетнахта[10], так и после[11]. Второе предложение – неглагольное (*B3k-n(.j)-Ḥnsw rn=f m3ʿ-ḫrw*) – со сказуемым-существительным (здесь – именем собственным[12]), констатирует, что этим первым жрецом Амона стал Бакенхонсу.

Стк. 3: перевод (P. 123) «since (he is) a unique one of the daughter, the unique one from the common folk of Thebes» подразумевает, что после *ḏr* в предложении опущены и подлежащее, и сказуемое, что невозможно. Толкование как «единственный (от) дочери» требует косвенного генитива (*wʿ n s3.t*), так как субъект, выраженный лексемой *wʿ*, не определен[13]. Как убедительно доказал еще в 1991 г. К. Янсен-Винкельн, выражение *wʿ s3 wʿ*, появляющееся в текстах с XVIII династии, следует рассматривать как слитное существительное и переводить «непрерывная линия поколений, поколение за поколением»[14]. Скорее всего, здесь та же конструкция, и предлагаемый перевод – «рожденный Бакетмут, как чадо храма его (т.е. Амона), (*как повелось*) *со времени непрерывной линии дочерей* из народа Фив»). Возможно, фраза указывает на традицию избрания первосвященника Амона из числа детей, рожденных жрицами храма в Карнаке, хотя исключения, естественно, существовали[15].

Сткк. 4–5: Группа переведена издателем (P. 123) как «the august kings». Однако *nswt* выписан в ед. числе, а *spss.w* – во множ. Учитывая графическую перестановку «почета ради»[16], выражение читается как *ḫntj.w n(j.w) špss.w nswt* и имеет значение «статуи вельмож царя/царских вельмож».

---

[9] Ср., например, историю избрания первым жрецом Амона Небуненефа при Рамсесе II (*Стучевский И.А.* Рамсес II и Херихор. Из истории древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1984. С. 92–93).

[10] См., например: KRI. IV. 130–131.

[11] При XXI династии определение для первосвященника Амона *m dd Jmn* появляется, например, уже в хоровом имени фараона Псусеннеса I (*Jansen-Winkeln K.* Inschriften der Spätzeit. Teil I: Die 21. Dynastie. Wiesbaden, 2007. S. 57:75), картуши которого содержат и сам титул *ḥm-nṯr tp(j)n Jmn* (Ibid. S. 54:53, 55:62).

[12] *Петровский Н.С.* Египетский язык. М., 1958. С. 294–295. § 195; *Allen.* Middle Egyptian... P. 71. § 7.8.

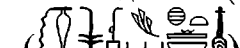
[13] Другой вариант перевода Бораика (P. 125. Not. 2): «being as one who is born in his house through a unique daughter, a unique one from the common folk of Thebes» – где *ḏr* понимается как дефектное написание формы *n-ḏr.t*. Однако значение «in the hand of, through» для последней не зафиксировано.

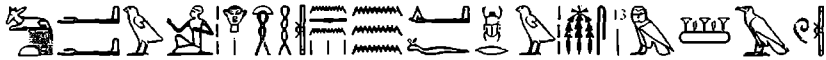
[14] *Jansen-Winkeln K.* Der Ausdruck *wʿ z3 wʿ* // GM. 1991. 123. S. 55–56. На данную статью мне любезно указала М.И. Соколова, которой принадлежит идея приведенного выше перевода.

[15] Ср. историю вышеупомянутого Небуненефа, который до занятия должности первосвященника Амона, не был связан с Карнакским храмом, но фактически был возведен в должность Рамсесом II (*Стучевский.* Рамсес II и Херихор... С. 92–93).

[16] *Gardiner A.* Egyptian Grammar, being an Introduction to the Study of Hieroglyphs. Oxf., 2001. § 57.

Стк. 5: переведено (P. 125) как «...(which have fallen) into a state of destruction in the enclosure gates of the open court». Для лексемы (*gbb*) зафиксировано лишь значение «поле, земля»[17]; для *sbtj.w* – «стены»[18]. Значение «разрушать» для также неизвестно, скорее это *ḳnj* «обнимать, охватывать»[19]. Поскольку перед нами явно перфектная относительная форма, буквально переводить, видимо, следует «в месте, окруженном стенами/оградой поля». Возможно, речь идет о границе храмовых владений. Видимо, Бакенхонсу, упоминая, что статуи были там брошены, хотел подчеркнуть степень запустения, в которой пребывал храм до него.

Сткк. 10–11: М. Бораик переводит как «so that they might place things which are brought before (the god)». Судя по контексту, перед нами пассивная форма *sdm=f* с подлежащим *ḫ.t*. Местоимение-суффикс *=sn* имеет в виду статуи, которые Бакенхонсу восстанавливал. Таким образом, перевод должен быть: «Положены для них (= статуй) жертвы, вышедшие перед (алтарем)». Список жертв () неудачно переведен как «all good cool, fresh and young things». На деле, конечно, это «возливание, мясо[20] (и) зелень, вещи всякие прекрасные».

Сткк. 12–13: перевод издателя «The heirs (of the god) placing water (offerings) so that he might cause that the births happen as fated» (P. 125) принять невозможно, поскольку он приписывает Бакенхонсу роль божества – создателя жизни. Глагол *msj* имел значение «создавать», в том числе и применительно к статуям[21]. Тогда перед нами стандартная конструкция *dj=f ḫpr=w ms(j.j.w) m šȝ.w*, где – вариант написания местоимения-суффикса 3 л. мн. числа[22], который, безусловно, относится к статуям. Соответственно перевод этого фрагмента текста: «Наследники совершают возлияния, (поскольку) дал он (Бакенхонсу), чтобы воссуществовали они (т.е. статуи), воссозданные согласно предопределению».

Стк. 16: Транслитерируя как *bȝty*, Бораик (P. 123, 126) колеблется в переводе («foremost one» или «bati-priest»). Вероятное значение – *smȝtj*. Слово

[17] Wb. V. 164. 12–13.

[18] Wb. IV. 95. 10; 96. 4.

[19] Отсутствие детерминатива в глаголе (Wb. V. 50. 7–12), возможно, объяснимо особенностями палеографии.

[20] Графема – сокращенный вариант написания *swr.t* «отруб/кусок мяса» (Wb. IV. 60. 2–3). Слово регулярно встречается в жертвенных списках Нового царства (*Barta W.* Die altägyptische Opferliste von der Frühzeit bis zur griechisch-römischen Epoche. B., 1963. S. 122, 137, 150).

[21] Wb. II. 138. 12–14.

[22] *Allen.* Middle Egyptian... P. 48. § 5.3.

обозначает жреца, который приносил жертву, и встречается в стандартном жреческом титуле *sm3tj n k3-mwt=f*[23].

Стлб. A: Титул , принадлежащий Аменемопе, отца Бакенхонсу, М. Бораик (там же) переводит как «chief-scribe of recruites». Данные, что первый был писцом, отсутствуют. На известных его памятниках он назван либо *jm.j-r3 nfr.w* «начальник новобранцев»[24], либо *jm.j-r3 mš*ʿ «начальник войска»[25] (см. далее). Титул на данной стеле следует понимать как «начальник писцов и новобранцев» (*jm.j-r3 sš(.w) nfr.w*), поскольку эти писцы могли находиться в составе войска.

Подводя итог филологическому комментарию, отметим, что несмотря на дату создания стелы Бакенхонсу (начало XII в. до н.э.), ее язык – среднеегипетский. Текст стелы не содержит «новоегиптицизмов», отсутствуют артикли и новоегипетские аналитические глагольные формы. Кроме того, в тексте регулярно употребляется форма *sḏm.n=f*, практически исчезающая в новоегипетском языке. Вместе с тем палеография стелы совершенно отлична от классических среднеегипетских образцов и характеризуется большим количеством «лишних» графем. Прилагательное принадлежности, выписанное в женском роде (*nj.t*) не совпадает по роду и числу с предшествующим словом (сткк. 4–5), что не свойственно классическому среднеегипетскому языку. В целом стела Бакенхонсу очень схожа с Элефантинской стелой Сетнахта, текст которой считается примером «позднесреднеегипетского языка»[26].

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Издатель стелы ограничился скупым историческим комментарием, который состоит из трех пунктов[27]: 1. Стела Бакенхонсу фиксирует самый поздний – 4-й – год правления Сетнахта и, таким образом, по крайней мере вдвое увеличивает срок его фактического правления. 2. Текст позволяет сделать вывод, что Сетнахт возвел Бакенхонсу в должность первосвященника Амона как сына своего соратника по оружию Аменемопе, что отражает процессы слияния военного сословия и жречества со второй половины Нового царства. 3. Стилистически текст относится к жанру «царской новеллы», при этом особый интерес представляет заимствование частным лицом традиционных элементов «царской новеллы» (а именно описание в тексте стелы заброшенных монументов предков и их дальнейшее восстановление владельцем стелы).

Что касается первого пункта, то в стеле Бакенхонсу действительно обнаружен самый поздний год правления Сетнахта. До этого им долгое время считали «год 2-й», который упоминается в тексте одного остракона и Элефантинской стелы Сетнахта, и еще до обнаружения стелы Бакенхонсу Ю. фон Бекерат восстано-

---

[23] *Levebvre G.* Inscriptions concernant les grands prêtres d'Amon Romê-Roÿ et Amenhotep. P., 1929. P. 19; *Leitz C.* Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen. Bd 7. Leuven–Paris–Dudley. 2002. S. 259, G (b).

[24] KRI. V. 397:9, 398:16, 399:6.

[25] KRI. V. 7:13.

[26] *Junge F.* Elefantine XI. Funde und Bauteile. 1.–7. Kampagne, 1969–1976 // Archäologische Veröffentlichungen 49. Deutsches Archäologisches Institut. Abteilung Kairo. Mainz am Rhein, 1987. S. 58.

[27] *Boraik.* Stela of Bakenkhonsu... P. 120.

вил дату на стеле из Серабит эль-Хадим как 3-й год его правления[28]. После обнаружения стелы Бакенхонсу его предположение подтвердилось, и теперь, по крайней на первый взгляд, срок правления основателя XX династии увеличивается почти вдвое.

Однако имеем ли мы дело с годами фактического правления основателя XX династии? Вопрос возникает по той причине, что 1-й год правления Сетнахта не засвидетельствован ни одним источником. Вышеупомянутые памятники от 2-го года Сетнахта дают дату «2-й год, 10-й день 2-го месяца (сезона) *шему*» (Элефантинская стела Сетнахта) и «2-й год, 24-й день 3-го месяца (сезона) *шему*» (остракон Университетского колледжа Лондона)[29]. Эти даты подозрительно совпадают с самой поздней из ныне известных дат правления последней царицы XIX династии Таусерт. Текст остракона CGC 25293 сообщает: *1 ḥ3.t-sp 8 3bd 3* [...] *2 T3-wsr.t stp.n Rᶜ* [...] *3 Wsr-m3ᶜ.t-Rᶜ stp.n Rᶜ* [...] *4* [...] *šmw rᶜ* [...] – «1 Год 8-й, 4-й месяц [...] 2 Таусерт [...] 3 Усермаатра Сетепенра [...] 4 [месяц *x*] (сезона) *шему*, день [...]»[30]. Х. Альтенмюллер[31] резонно предположил, что в лакуне в стк. 1 остракона CGC 25293 должно стоять название сезона *перет*, коль скоро в стк. 4 упоминается *шему*. Соответственно последние даты (в месяцах сезонов и днях) правления Таусерт расположены очень близко к первой зафиксированной дате Сетнахта (ср. данные Элефантинской стелы – «2-й год, 24-й день 3-го месяца (сезона) *шему*»), которую, видимо, вообще можно рассматривать как дату восшествия Сетнахта на престол[32]. Это настораживает, если учесть, что Сетнахт боролся за власть, скорее всего, именно с Таусерт. Напомним, что впоследствии он уничтожал ее имена на монументах и узурпировал ее гробницу в Долине царей[33].

Возникают основания предполагать, что 2-й год правления Сетнахта на самом деле является 1-м *фактическим* годом его единоличного правления. Отсутствие же документальных свидетельств о 1-м годе правления в его памятниках может объясняться тем, что впоследствии Сетнахт начал отсчет своего правления с момента начала борьбы против Таусерт[34], причем после победы он мог приписать годы ее правления к собственным. То же самое сделала ранее и сама Таусерт, причислив к своему правлению годы царствования своего предшественника фараона Сиптаха[35].

Как будет показано ниже, возможно есть незамеченное до сих пор свидетельство того, что конец правления Таусерт прямо был связан с приходом к власти

---

[28] *Beckerath J. von.* Zur Regierung Sethnachtes // The Intellectual Heritage of Egypt. Studies presented László Kákosy. Budapest, 1992. S. 66.

[29] KRI. V. 1:15, 672:10.

[30] KRI. IV. 408:3–4.

[31] *Altenmüller H.* Tausret and Setnacht // JEA. 1982. 68. P. 114.

[32] В тексте Элефантинской стелы (стк.15) говорится: *ḥ3.t-sp 2 3bd 2 šmw rᶜ 10 nn rḫy.w* [*n*] *ḥm=f ᶜ.w.s. m ṯ3.w nb.w* – «2-й год, 24-й день 3 месяца сезона *шему*, день десятый. Нет врагов Его Величества, да будет он жив, невредим и здоров, во всех землях». Фраза следует после описания поражения, нанесенного Сетнахтом врагам, и может рассматриваться как свидетельство окончательного объединения Египта под его властью и воцарения этого фараона.

[33] *Altenmüller.* Tausret and Setnacht. P. 110–111.

[34] *Krauss R.* Zur Chronologie des Neuen Reiches // Orientalische Literaturzeitung. B., 1995. Bd 90. Hf 3. S. 248.

[35] *Beckerath.* Zur Regierung Sethnachtes. S. 64.

Сетнахта. Таким образом, вновь найденная стела с датой убеждает лишь в том, что единолично Сетнахт несомненно правил около двух лет, несмотря на 4-й год, упомянутый в стеле Бакенхонсу[36].

Второй тезис М. Бораика, согласно которому Сетнахт установил Бакенхонсу на должность первосвященника Амона как сына своего соратника, кажется беспочвенным. Упоминание отца владельца стелы – «начальника писцов и новобранцев храма Амона» Аменемопе – говорит лишь о том, что последний, перешедший на сторону нового фараона, возглавлял военные подразделения, относящиеся к владениям самого храма Амона. Хотя в иных надписях при имени Аменемопе зафиксирован его другой титул «начальник войска» (*jm.j-r3 mš3*)[37], он также не свидетельствует, что тот происходил из воинского сословия и был соратником Сетнахта. Титул Аменемопе явно является усеченным вариантом титула *jm.j-r3 mš3 n Ỉmn* «начальник войск Амона», который мы встречаем, например, в надписях Рома-Рои (*Rᶜmᶜ-Ry*), первосвященника Амона конца XIX династии[38]. Он свидетельствует, что Аменемопе ведал военными отрядами, которые набирались во владениях храма Амона. На последнее указывает и текст стелы Бакенхонсу, и иные надписи, где Аменемопе носит другой титул – *jm.j-r3 nfr.w* «начальник новобранцев»[39]. Таким образом, нет никаких намеков на то, что сам Аменемопе происходил из воинского сословия и был соратником Сетнахта, а его сын Бакенхонсу вследствие этого был возведен в высокую жреческую должность.

Заметим, что все упомянутые в стеле персонажи – сам Бакенхонсу, его отец Аменемопе и мать Бакетмут – носят теофорные имена в честь фиванской триады – Амона, Хонсу и Мут. Судя по тексту, все они были тесно связаны с храмом Амона в Карнаке. Более того, впоследствии и сын Бакенхонсу Аменемопе также стал его жрецом[40]. Все эти факты свидетельствуют, что перед нами представители фиванского жречества Амона, которые поддержали Сетнахта в его борьбе против Таусерт.

Помимо фиванских жрецов сторону Сетнахта занял и еще один знатный фиванец, Хори. Последний был визирем Верхнего Египта при Сиптахе[41], но, видимо, подвергся опале при Таусерт, поскольку в ее правление его имя в документах не встречается. При Сетнахте его имя с тем же титулом снова «всплывает» в источниках[42]. Вполне резонно было бы объяснить, что он, как и представители фиванского жречества, перешел на сторону Сетнахта[43]. Власть Сетнахта принял также и «царский сын Куша», могущественный наместник Нубии Хори,

---

[36] Если восшествие на трон сына Рамсеса III в 26-й день 1-го месяца сезона *шему* указывает на дату смерти Сетнахта (*Hornung E., Krauss R., Warburton D.A.* Ancient Egyptian Chronology. Leiden–Boston, 2006. P. 214–215), то учитывая «2-й год, 24-й день 3 месяца *шему*» Элефантинской стелы как возможную дату воцарения Сетнахта и «год 4-й» стелы Бакенхонсу, мы получим приблизительно два года единоличного правления основателя XX династии.

[37] См. KRI. V. 7 :13.

[38] *Levebvre.* Inscriptions concernant les grands prêtres d'Amon... P. 44.

[39] KRI. V. 397:9; 398:16.

[40] KRI. V. 398:7.

[41] *Сафронов А.В.* «Безымянный» сановник конца XIX династии и новые титулы «великого начальника казны» Баи // ВДИ. 2008. № 3. С. 125.

[42] KRI. V. 4:14.

[43] *Beckerath.* Zur Regierung Sethnachtes. S. 64.

который занял эту должность еще в правление предпоследнего фараона XIX династии Сиптаха[44]. Таким образом, мы видим, что притязания Сетнахта на престол поддерживала значительная часть южной знати – от Фив до Нубии.

Закономерны вопросы: кем был сам Сетнахт, и какая территория Египта служила базой, откуда он начал борьбу за престол? Достоверных данных, что Сетнахт принадлежал к предыдущей XIX династии, нет[45]. В источниках право Сетнахта на престол обосновывается избранием его по воле богов. В его Элефантинской стеле (стк. 5)[46] говорится: *stp=f Ḥm=f ḥ.w.s. ḫnt ḥḥ.w mkḥ3=f ḥfn.w r-ḥ3.t=f* – «Выбрал он (бог. – *А.С.*) Его Величество из миллионов, пренебрег он сотнями тысяч перед ним». Этому вторит и текст P. Harris I:$_{(75:7)}$ *jw=sn* (*ḥr*) *smn s3=sn pr(j.w) m ḥ3.w=sn r ḥḳ3 ḥ.w.s. n t3 nb r s.t=w wr(.t)* – «$_{(75:7)}$ Они (т.е. боги) утвердили сына их, вышедшего из плоти их, правителем всей земли на троне их великом»[47].

Вместе с тем из текста Элефантинской стелы, описывающей поражение и паническое бегство врагов фараона, следует, что Сетнахт имел в своем распоряжении крупные военные силы и, видимо, был связан с армией. Однако характер этой связи остается неясным. Некоторые исследователи, ссылаясь на его имя («Сет могуч»), предполагали связь Сетнахта с Восточной Дельтой, где культ Сета получил распространение еще с гиксосского времени[48]. Однако доказательная база подобной гипотезы слаба, поскольку культовые места Сета располагались в Новом царстве от 5-го до 19-го верхнеегипетского нома[49], а теофорное имя в честь Сета было чрезвычайно популярным во всем Египте эпохи Нового царства[50]. Другие исследователи указывали на поддержку, которой пользовался Сетнахт у представителей знати юга – таких, например, как визирь Верхнего Египта Хори и его тезка, наместник Нубии. На этом основании они видели в Сетнахте военного, выходца из Верхнего Египта[51]. Однако это в целом правильное предположение все же лишено твердых доказательств.

Впрочем, существует источник, который прежде не привлекался для решения данной проблемы, – P. Turin 1879, verso I–II. Текст, датируемый правлением Рамсеса VI (1155–1147 гг. до н.э.), описывает основание культа статуи

---

[44] *Gnirs M.A.* Militär und Gesellschaft. Ein Beitrag zur Sozialgeschichte des Neuen Reiches. Heidelberg, 1996. S. 138.

[45] Н. Даутценберг предполагал, что Сетнахт мог быть одним из сыновей или внуков Рамсеса II (*Dautzenberg N.* Einige Bemerkungen zu einigen Thronnamen des Neuen Reiches und ihren politischen Aussagen sowie zur Person des Sethnacht // GM. 1997. 156. S. 45–46). Свое предположение он основывал на имени царевича Рамсеса-Сет-ем-нахта, чье имя зафиксировано вместе с хоровым именем Рамсеса II, употреблявшимся не ранее 30-го года его правления. По мнению исследователя, этот царевич мог дожить до начала XII в. до н.э. и, частично изменив свое имя, стать фараоном Сетнахтом (Ibid. S. 46). Однако очевидно, что гипотеза содержит слишком много допущений.

[46] *Seidlmayer S.-J.* Epigraphische Bemerkungen zur Stele des Sethnacht aus Elephantine // Stationen, Beiträge zur Kulturgeschichte Ägyptens Rainer Stadelmann gewidmet. Mainz, 1998. Beilage 3a.

[47] *Ericsen W.* Papyrus Harris I. Bruxelles, 1933. S. 91:14–15.

[48] *Goedicke H.* Comments on the Sethnakhte Stela //MDAIK. 1996. 52. S. 173.

[49] *Velde H. te.* Seth – God of Confusion. A Study of his Role in Egyptian Mythology and Religion. Leiden. P. 131; *Wilkinson R.H.* The Complete Gods and Goddesses of Ancient Egypt. Cairo, 2005. P. 199.

[50] См. сводку имен: *Velde.* Seth... P. 136–138.

[51] *Beckerath.* Zur Regierung Sethnachtes. S. 64.

Рамсеса VI в святилище Хатхор на западном фиванском берегу (скорее всего, в поселке ремесленников в Дейр эль-Медина) и содержит просьбу царю придать статуе служителя для исполнения жертвоприношения[52]. В тексте содержится ссылка на сходный прецедент, связанный с культом статуи Рамсеса II, и кратко рассказывается его история. На наш взгляд, в одном из пассажей прямо говорится о событиях, происходивших при переходе власти от XIX к XX династии[53]:

– $_{(1:18)}$ *s.t ḥr ḫpr jw=w ṯt r ḥ3.w T3-wsr.t jw=<tw>* (*ḥr*) *tm* $_{(1:19)}$ [*dj.t ḥtp.w n*] *p3 nṯr ʿ3 p3j nb nfr r smn.t jy(.t) r rs.j* – «($_{1:18}$) Они (т.е. жертвоприношения статуе Рамсеса II. – *А.С.*) происходили, (после чего) они прекратились во времена Таусерт. Не (1:19) [приносили жертв] старшему богу, этому господину прекрасному (т.е. статуе Рамсеса II. – *А.С.*) вплоть до утверждения, пришедшего с юга»[54].

Обращает на себя внимание конструкция *smn.t jy(.t) r rs.j*. Отглагольное существительное *smn.t* – производное от глагола *smn* «утверждать, устанавливать», который в источниках XIX–XX династий регулярно используется в контекстах, связанных с восшествием царя на престол[55]. По этой причине выражение *r smn.t* P. Turin следует переводить «до утверждения/установления» и трактовать как указание на приход новой власти. Выражения *jy(.t) r rs.j* обычно переводится как «прибытие на Юг»[56]. Однако лучший смысл дает понимание *jy(.t)* как причастия, связанного по смыслу с предшествующим *smn.t*. Что касается предлога

---

[52] *Hovestreydt W.* A Letter to the King relating to the Foundation of a Statue (P. Turin 1879 vso.) // Lingua Aegyptia. 1997. Bd 5. P. 114–115.

[53] Транскрипция К. Китчена, см. KRI. VI. 337: 2–4.

[54] В. Ховестрейдт (A Letter... P. 108) полагал, что в лакуне в стк. 1:19 на месте восстановления К. Китчена [*dj.t ḥtp.w n*] должно стоять тронное имя Рамсеса III [*Wsr-m3ʿ.t-Rʿ Mrj.j Imn*]. При этом он ссылался на неопубликованные результаты исследования Р. Демаре, который идентифицировал два новых фрагмента, позволяющих заполнить в том числе и лакуну в стк. 1:19. К сожалению, работа Р. Демаре мне осталась неизвестной, тем не менее сомнения в новом восстановлении возникают. К. Китчен предложил стандартную новоегипетскую отрицательную форму прошедшего времени: *jw=f(ḥr)* + глагол отрицания *tm* + инфинитив основного глагола (*Junge F.* Einführung in die Grammatik des Neuägyptischen. Wiesbaden, 1999. S. 85–86). При восстановлении имени Рамсеса III после *tm* будет отсутствовать инфинитив основного глагола, что делает фразу лишенной смысла.

[55] См., например: надпись Баи из Гебель эс-Силсиле (*mn nswt r s.t jt=f* – «тот, кто установил царя на трон отца его») (KRI. IV. 364:5; 371:8–9; *Сафронов.* «Безымянный» сановник... С. 114) ; Р. Харрис I о возведении Сетнахта на престол богами (*jw=sn* (*ḥr*) *smn s3=sn pr(j.w) m ḥ3.w=sn r ḥḳ3 ʿ.w.s. n t3 nb r s.t=w wr(.t)* – «Они утвердили сына их, вышедшего из плоти их, правителем всей земли на троне их великом») (*Ericsen.* Papyrus Harris I. S. 91:14–15).

[56] В переводе В. Хелька – «bis zum Zeitpunkt der Ankunft im Süden» (*Helck W.* Materialien zur Wirtschaftsgeschichte des Neuen Reiches. Teil 2. Wiesbaden, 1960. S. 979). В. Ховестрейдт переводит *jy(.t) r rs.j* как «when he came to the South», используя восстановление Дюмаре в лакуне стк. 1:19 и полагая, что речь идет о Рамсесе III (см. обсуждение в прим. 55).

r, то наряду с его основным значением «в» известен также по крайней мере один пример его значения «из»[57].

Таким образом, фразу *r smn.t jy(.t) r rs.j* можно переводить как «до утверждения/установления, пришедшего с юга». Тогда ее смысл становится понятным: автор данного текста говорит о том, что статуе Рамсеса II не приносились жертвы во времена Таусерт, пока не воцарился новый фараон, пришедший с юга. Совершенно очевидно, что речь идет о Сетнахте, который, как уже упоминалось, боролся с Таусерт и которому другие источники также приписывают восстановление храмов и возобновление жертвоприношений[58]. Таким образом, если эта трактовка текста верна, можно ответить на вопрос о происхождении Сетнахта.

«Утверждение/установление, пришедшее с юга» – несомненное свидетельство того, что Сетнахт пришел в Фивы из указанного региона. Это косвенно подтверждает и тот факт, что памятники с именем Таусерт в бытность ее фараоном не встречаются южнее Фив[59], что указывает на неподчинение юга власти последней представительницы XIX династии.

Однако можно ли определить, откуда именно пришел Сетнахт? Можно лишь выдвинуть предположение. Как мы уже видели, и при Сетнахте, и до него (в самом конце XIX династии, при Сиптахе) наместником в Нубии был один и тот же человек, Хори. Вряд ли Сетнахт мог бы самостоятельно проводить столь решительную политику, происходи он из Нубии и будь он подчиненным Хори. Следовательно, территория, на которую он опирался, должна была находиться севернее Нубии, скорее всего это Элефантина. Эта островная крепость всегда была важным военным пунктом Египта, а ее князья – могущественными правителями. Нет ничего невероятного, если предположить, что Сетнахт происходил из военной элиты Элефантины, региона, который и стал базой его победоносного наступления. Следует подчеркнуть, что единственная стела с пространной надписью этого фараона была найдена именно на Элефантине (первоначально, видимо, она стояла в храме Хнума[60]).

Наконец, последний пункт исторического комментария М. Бораика – вероятность создания текста стелы Бакенхонсу под влиянием «царской новеллы». В задачи данной статьи не входит разбор этого специфического жанра египетской литературы[61]. Тем не менее отметим, что описание разрушенных монумен-

---

[57] Речь идет о варианте написания «переселенческой формулы» (название О.Д. Берлева, цит. по: *Шэхаб Эль-Дин Т.М.* Автобиография в Древнем Египте в эпоху IV–VIII династий. Дис... канд. ист. наук. СПб., 1993. С. 76), которая употреблялась с Древнего царства и рассказывала о переселении из дома в мире живых в гробницу. Наряду с написанием *jy(j).n=j m njw.t=j ḫ3(j).n=j m sp3.t=j* («Я пришел (сюда) из своего города, спустился я из своего нома») известны примеры конструкции с предлогом *r*. Например, стела Антефа, современника Сенусерта I (BM № 141 [562]) (*jy(j).n=j r njw.t=j ḫ3(j).n=j m sp3.t=j* (*Kloth N.* Die (auto)-biographischen Inschriften des ägyptischen Alten Reiches: Untersuchungen zu Phraseologie und Entwicklung. Hamburg, 2002. S. 57–60).

[58] P. Harris I, 75:10 (*Ericsen.* Papyrus Harris I. S. 92:2).

[59] См. сводку в: KRI. IV. 351–356.

[60] *Bidoli D., Kaiser W., Grossman P., Haeny G., Jaritz H., Stadelmann R.* Stadt und Tempel von Elefantine. Drittes Grabungsberricht // MDAIK. 1972. 28. S. 193–194.

[61] Из последних работ по жанру «царской новеллы» см. *Hofmann B.* Die Königsnovelle: «Strukturanalyse am Einzelwerk» / Ägypten und Altes Testament. 62. Wiesbaden, 2004. Там содержится наиболее полный перечень историографии по проблеме (Ibid. S. 14–41).

тов, а также их восстановления, воссоздания практики очистительных жертв и т.п. деятельности не является темой исключительно «царской новеллы», как это считает издатель[62]. К примеру, Антеф, казначей царя и начальник жрецов, описывает в своей стеле восстановление часовни князя Нехти и статуй[63]. Этот памятник времени XI династии несомненно относится к жанру «автобиографии», и нет никаких оснований предполагать, что на него оказала влияние «царская новелла». Тот же сюжет мы видим в тексте стелы Бакенхонсу: последний восстанавливает статуи предков, совершает богоугодное дело, за что получает право поставить свою статую среди статуй предков.

Для темы настоящей статьи, однако, гораздо интереснее другое. Текст стелы Бакенхонсу (сткк. 6–7) прямо указывает на *обстоятельства* разрушений статуй в карнакском храме (беспорядки в Фивах) и называет *виновников* этих событий (*ḫwr.w* «простолюдины, чернь»). Это слово уже в «Речении Ипувера» обозначает бунтовщиков, ответственных за анархию в стране[64]. Вполне вероятно, что текст Бакенхонсу (как и другие упомянутые выше источники, описывающие упадок культов в конце XIX династии, – P. Turin 1879, P. Harris I, стела Сетнахта) свидетельствует о реальном историческом событии – беспорядках в Фивах в конце правления Таусерт. Поддержку, которую оказали фиванское жречество и знать Сетнахту в его борьбе за престол, заманчиво объяснить как подавление им восстания.

Учитывая сказанное выше, можно гипотетически воссоздать следующую картину. Столкнувшись с восстанием, фиванское жречество и знать могли обратиться за военной помощью к Сетнахту – предположительно, военачальнику из района Элефантины. Подавив восстание, Сетнахт при поддержке южной знати начал борьбу с царицей Таусерт и, в конце концов, занял престол.

Интересно, что спустя столетие ситуация повторилась. Военачальник Панехси, наместник Нубии, воспользовавшись слабостью последнего фараона XX династии Рамсеса XI и неспокойной обстановкой на юге, захватил Верхний Египет и Фивы, претендуя на верховную власть. Хотя его попытка закрепиться в Верхнем Египте не увенчалась успехом, сам пример показателен. Он свидетельствует об относительной независимости военных правителей юга от центральной власти в конце Нового царства. Ее истоки, по-видимому, следует усматривать в смутных событиях конца XIX династии, когда у обладавших значительными военными силами военачальников юга появляются претензии на верховную власть[65].

Итак, главные выводы настоящей статьи можно суммировать следующим образом:

1. Сетнахт был представителем воинского сословия и происходил с юга, возможно, района Элефантины, на что, как представляется, указывает P. Turin 1879 verso I–II.

---

[62] *Boraik.* Stela of Bakenkhonsu... P. 120.

[63] *Clère J.J., Vandier J.* Textes de la première période intermédiaire et de la XIeme Dynastie. Bruxelles, 1948. P. 44.

[64] *Gardiner A.* The Admonitions of an Egyptian Sage from a Hieratic Papyrus in Leiden. Lpz, 1909. P. 49–50.

[65] К их числу, помимо Сетнахта, следует отнести и наместника Нубии Мессуи, который на два года вытеснил законного фараона Сети II из Верхнего Египта, провозгласив себя фараоном под именем Аменмессу (*Сафронов А.В.* Сети II и Аменмессу: два брата – два фараона – два врага // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2007. 1. С. 27–37).

2. Тот же источник свидетельствует, что правление Сетнахта следовало сразу же за правлением Таусерт: это окончательно доказывает, что предполагаемого interregnum[66] между XIX и XX династией не существовало.

3. Стела Бакенхонсу свидетельствует, что фиванское жречество, заинтересованное в сильной центральной власти, поддерживало Сетнахта. Это, по-видимому, связано с подавлением последним восстания в Фиваиде, вспыхнувшего в самом конце правления Таусерт.

A STELE OF THE HIGH PRIEST OF AMUN BAKENKHONSU AND NEW DATA ON THE BEGINNING OF THE XX DYNASTY

A.V. Safronov

In December 2006 the stele of the High priest of Amun Bakenkhonsu, a contemporary of Pharaoh Setnakht, was found in Luxor. This important monument was first published by M. Boraik with considerable inaccuracies in transliteration and translation. The author of the present paper gives his own translation and philological commentary on the text of the stele.

Analysing and comparing the stele of Berenkhonsw with other sources of the XX dynasty (P. Turin 1879, verso I–II; Elephantine stele of Setnakht; P. Harris I) the author comes to the following conclusions:

1) the 4th year of Setnakht's reign is fictive and in fact corresponds to the 2nd year of his reign;

2) Setnakht began his struggle for the throne moving from the South, probably from Elephantine region where he was a military chief;

3) the Theban priesthood supported Setnakht in his efforts. Probably, the priests of Amun turned to him for help as to the nearest to Thebes military force, because they were afraid of social disorder which manifested itself with the destoying of statues in Thebes.

[66] *Wente E., Siclen Ch. van.* A Chronology of the New Kingdom // Studies in Honor of George R. Hughes. Chicago, 1976. P. 236–237.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

© 2009 г.

Д.Н. Громова

БИТВА С ТРЕХГОЛОВЫМ ДРАКОНОМ: НОВЫЙ ПЕРЕСМОТР ДАТИРОВОК ВЗЯТИЯ ВАВИЛОНА И ХАЛАПА ВОЙСКАМИ МУРСИЛИ I И ВОПРОСЫ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ХРОНОЛОГИИ II тыс. до н.э.

I. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема выяснения даты походов хеттского царя Мурсили I на Вавилон и Халап, будучи на первый взгляд частной хронологической задачей, оказывается ключевой для решения широких хронологических вопросов в целом. Во-первых, датировка похода на Вавилон, при всей своей неоднозначности, является одной из немногочисленных абсолютных датировок, на основе которых строится вся абсолютная хронология II тысячелетия до н.э. Во-вторых, данный комплекс событий эпохален сам по себе, поскольку взятие Вавилона положило конец Старовавилонскому и начало Средневавилонскому периоду в истории Двуречья, а археологическое соотнесение разгрома царства Халап тем же Мурсили I с концом VI слоя Алалаха (Телль-Атчаны) позволяет увязать воедино письменные и археологические данные по истории региона. Несмотря на наличие обширной историографии, датировка падения Вавилона и Халапа до сих пор остается предметом оживленных споров. Основной целью данной работы является обобщение результатов, достигнутых на сегодняшний день в ходе многолетней дискуссии, и обоснование предпочтительности так называемой Ультракороткой хронологии перед всеми другими.

II. КРИТИКА ТРАДИЦИОННЫХ ВЕРСИЙ

Все обилие литературы по вопросу датировки падения Вавилона и Халапа в принципе сводимо к нескольким направлениям. Разногласия между ними во многом порождаются тем, что разные направления отдают приоритет определенным видам источников и пренебрегают другими. С самого начала за основу решения обсуждаемых вопросов была взята астрономическая интерпретация данных таблицы Амми-цадуки (согласно которой в 8-й год правления этого царя наблюдалась определенная фаза Венеры; согласно традиционной интер-

претации таблицы, явление, отраженное в ней, повторялось каждые 64 года)[1], дававшая, благодаря известной продолжительности вавилонских правлений, абсолютную дату падения династии Хаммурапи при взятии Вавилона Мурсили. На эту датировку нанизывались, как бусинки, другие хронологические данные, полученные тремя способами: 1) определением длительности правлений ассирийских царей (на основании двух типов источников: царских списков и так называемых Distanzangaben[2]) и синхронизацией их с вавилонскими правителями[3]; 2) достаточно гипотетическим восстановлением порядка и длительности царствований хеттских правителей; 3) изучением письменного и археологического материала Алалаха, захваченного Мурсили примерно одновременно с Халапом и Вавилоном (что привело к концу слоя Алалах VI).

Практически одновременно были предложены три варианта датировки падения Вавилона, получившие в дальнейшем название Долгой, Средней и Короткой хронологий и основанные на вариативности астрономической интерпретации наблюдения Венеры в таблице Амми-цадуки: Долгая хронология – 1651 г.[4]; Средняя хронология – 1595 г.[5]; Короткая хронология – 1531 г.[6]

---

[1] См. краткую историю изучения таблицы Амми-цадуки в: *Huber P.J.* Astronomical Evidence for the Long and against the Middle and Short Chronologies // High, Middle or Low? Vol. I / Ed. P. Åström. Gothenburg, 1987. P. 5–7.

[2] Distanzangaben – указанные в строительных текстах ассирийских царей промежутки между правлениями их предшественников, а также между правлением какого-либо предшественника и воцарением либо строительным мероприятием правящего царя.

[3] Собственно вавилонские источники, позволяющие заключить о продолжительности правлений отдельных вавилонских царей первой половины Средневавилонского периода, отсутствуют.

[4] *Sidersky D.* Nouvelle étude sur la chronologie de la dynastie hammurapienne // RA. 1940–1941. 37. P. 45–54; *Thureau-Dangin F.* La chronologie de la première dynastie babylonienne// Memoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1942. 43. P. 229–258. В дальнейшем активным сторонником этой датировки (в дискуссии с У. Олбрайтом и Ф. Корнелиусом) являлся А. Гётце (*Goetze A.* The Problem of Chronology and Early Hittite History // BASOR. 1951. 122. P. 18–25; *idem.* The Date of the Hittite Raid on Babylon // BASOR. 1952. 127. P. 21–26; *idem.* Alalah and the Hittite Chronology // BASOR. 1957. 146. P. 20–26; *idem.* On the Chronology of the Second Millenium B. C. // JCS. 1957. 11. P. 53–73; *idem.* The Predecessors of Šuppiluliumaš of Hatti and the Chronology of the Ancient Near East // JCS. 1969. 22. P. 46–50). В относительно недавнее время поборниками Долгой хронологии выступили П. Хубер и К. Эдер (*Huber.* Astronomical Evidence for the Long... P. 5–17; *Eder Ch.* Assyrische Distanzangaben und die absolute Chronologie Vorderasiens // AoF. 2004. 31. P. 191–236).

Следует отметить также полностью отвергнутую ныне Ультрадолгую хронологию (падение Вавилона – *ca.* 1700 г., предложенную Б. Ландсбергером (*Landsberger B.* Assyrische Königsliste und «dunkles Zeitalter» // JCS. 1954. 8. P. 31–73, 106–133).

[5] *Smith S.* Alalah and Chronology. L., 1940. Концепция С. Смита была воспринята Л. Вулли (*Woolley L.* A Forgotten Kingdom: Being a Record of the Results Obtained from the Excavation of Two Mounds Atchana and Al Mina in the Turkish Hatay. Baltimore, 1953; *idem.* Alalakh: An Account of the Excavations at Tell Atchana in the Hatay 1937–1949. Reports of the Research Committee of the Society of Antiquaries of London. Oxf., 1955). Ее же придерживаются авторы монументальных трудов по истории Хатти Х. Кленгель и Т. Брайс (*Klengel H.* Geschichte des hethitischen Reiches. Leiden–Boston–Köln, 1998; *Bryce T.R.* The Kingdom of the Hittites. Oxf., 1998). В целом именно Средняя хронология используется в качестве наиболее популярной, что, впрочем, не означает ее предпочтительности перед другими.

[6] Авторами этой концепции являются У. Олбрайт и Ф. Корнелиус (*Albright W.F.* A Third Revision of the Early Chronology of Western Asia // BASOR. 1942. 88. P. 28–36; *idem.* A Note on the Chronology of the Second Millennium B.C. // BASOR. 1952. 126.

Интересно, что в то же время на основании практически одного только Ассирийского царского списка были предложены и более поздние варианты – 1507 г.[7] и даже 1500 г.[8], однако на тот момент они не прижились в историографии.

После того, как затихла дискуссия между А. Гётце, с одной стороны, и У. Олбрайтом и Ф. Корнелиусом – с другой, завершившаяся негласным поражением сторонника Долгой хронологии, основной выбор производился между Средней и Короткой хронологиями. Причем интересно, что исследователи, ориентирующиеся преимущественно на письменные источники, обычно становились адептами Средней хронологии, а те, кто активно использовал данные археологии, предпочитали Короткую.

С течением времени наметилась тенденция дальнейшего понижения датировки падения Вавилона. Это было связано в первую очередь с накоплением археологических данных по Алалаху и сопредельным территориям, что заставляло постепенно сжимать период, отводимый для «темного века» (т.е. периода от падения Вавилона до рубежа XV/XIV вв. до н.э., когда начинается этап истории Передней Азии, относительно хорошо освещенный источниками, в том числе и с точки зрения хронологии)[9]. Особую важность представляют работы М.-Х. Гейтс, посвященные анализу археологического (в первую очередь керамического) материала Алалаха[10]. Сопоставление его с данными, полученными из регионов с более устойчивой абсолютной и/или относительной хронологией (Египет, Палестина, Крит и Кипр), однозначно свидетельствует против любой хронологии длиннее Короткой. В частности, Гейтс провела аналогию между керамическим комплексом, характерным для окончания фазы Мегиддо IX (соотносимого ей с осадой этого города Тутмосом III, что даже не по Короткой, а по Средней египетской хронологии произошло в 1468 г.) и синхронных палестинских памятников, и керамикой последней фазы слоя Алалах V, что, с учетом вероятной длительности слоя Алалах V не более 60–65 лет, дает максимум *ca.* 1530 г. для окончания слоя Алалах VI[11]. Безусловно, суждения, основанные на анализе эволюции керамического комплекса, не могут претендовать на высокую

P. 24–26; *idem*. Further Observations on the Chronology of the Early Second Millennium B.C. // BASOR. 1952. 127. P. 27–30; *idem*. Stratigraphic Confirmation of the Low Mesopotamian Chronology // BASOR. 1956. 144. P. 26–30; *idem*. Further Observations on the Chronology of Alalah // BASOR. 1957. 146. P. 26–34; *Cornelius F.* Berossos und die altorientalische Chronologie // Klio. 1943. 35. P. 1–16; *idem*. Die Chronologie des Vorderen Orients im 2. Jahrtausend v. Chr. // AfO. 1954–1956. 17. P. 294–309; *idem*. Chronology. Eine Erwiderung // JCS. 1958. 12. P. 101–104). В дальнейшем правильность Короткой хронологии доказывалась также М. Астуром (*Astour M.C.* Hittite History and Absolute Chronology of the Bronze Age. Partille, 1989).

[7] *Weidner E.* Die Königsliste aus Chorsābād // AfO. 1941–1944. 14. P. 362–369; *idem*. Bemerkungen zur Königsliste aus Chorsābād // AfO. 1945–1951. 15. P. 85–102.

[8] *Böhl F.M.T.* King Hammurabi of Babylon in the Setting of His Time (About 1700 BC). Amsterdam, 1946.

[9] Более подробный обзор историографии вопроса см. в: *Zeeb F.* Die Palastwirtschaft in Altsyrien nach den spätbabylonischen Getreidelieferungen von Alalah (Schicht VII). Münster, 2001. P. 73–89.

[10] *Gates M.-H.C.* Alalakh Levels VI and V: A Chronological Reassessment // Syro-Mesopotamian Studies. 1981. 4/2. P. 1–50; *eadem*. Alalakh and Chronology again // High, Middle or Low? Vol. II / Ed. P. Åström. Gothenburg, 1987. P. 60–86.

[11] Сама Гейтс предпочитает датировку *ca.* 1525. См. *Gates*. Alalakh and Chronology again. P. 63–65, 75–76.

степень точности, если же учесть, что в рассматриваемом вопросе речь идет о выборе между датировками, отстоящими друг от друга на 60–120 лет, привлечение к дискуссии подобных данных вполне оправданно и даже необходимо.

Настоящую революцию в историографии вопроса произвела коллективная монография Х. Гаша, Дж. Армстронга, С. Коула и В. Гурзадяна, посягнувшая на самые основы традиционных датировок и выдвинувшая в качестве серьезной альтернативы Ультракороткую хронологию, омолаживающую Короткую хронологию еще на три десятка лет[12]. Основным методологическим принципом этой работы является междисциплинарный подход и совмещение данных всех возможных видов источников: археологических, письменных, астрономических.

Гаш и его коллеги убедительно показали, что сам факт выбора преимущественно из трех вариантов был навязан явным предпочтением, отдававшимся астрономическим свидетельствам перед всеми другими. Однако в их работе выясняется, что единственное свидетельство, которое может дать астрономическая таблица Амми-цадуки – излюбленный источник исследователей падения Вавилона, – это то, что 8-й год его правления совпал с годом, в который наблюдалась определенная фаза Венеры. Согласно астрономической интерпретации таблицы Амми-цадуки в. Гурзадяном, отраженное в ней явление повторяется каждые 8 лет – существенно чаще, чем считалось ранее[13]. То есть имеет смысл привлекать этот текст только тогда, когда мы уже вычислили по другим данным небольшой отрезок времени, в рамках которого нужно определиться с точной датой. И уж тем более, следует оставить в покое трехголового дракона, взращенного на неправильном понимании этого источника: выбор между датировками, отстоящими друг от друга на 64 года, следует признать устаревшим, ибо число вариантов, подходящих под данные таблицы Амми-цадуки, во много раз превышает традиционные три варианта.

Другое астрономическое свидетельство, которым мы располагаем, – это зафиксированные в таблице Enūma ana Enlil 20 и 21 лунные затмения, произошедшие в год (или год до) смерти царя III династии Ура Шульги и в последний (или предпоследний) год правления царя той же династии Ибби-Сина (т.е. оба события разделены 41–44 годами). Они привлекаются значительно реже, чем таблица Амми-цадуки, в силу того, что лунные затмения – довольно частое явление и потому редко рассматриваются в качестве опоры для датировки. Однако надежность этих данных оценивается астрономами как значительно более высокая, нежели в случае таблицы Амми-цадуки, где могла иметь место подгонка ее составителями или переписчиками дат в соответствии с их собственными прогнозами[14].

---

[12] *Gasche H. et al.* Dating the Fall of Babylon. A Reapprisal of Second-Millenium Chronology. Ghent–Chicago, 1998.

[13] Ibid. P. 9–10, 72. Раньше считалось, что указанное в таблице Амми-цадуки положение Венеры повторяется только в цикл 275, 56 и 64 лет. См. *Astour*. Hittite History... P. 2.

[14] Еще в 1987 г. П. Хубер подчеркивал сомнительность данных, предоставляемых этим источником, – от 20% до 40% упомянутых в нем астрономических дат содержат существенные ошибки, что свидетельствует о подмене реальных наблюдений за фазами Венеры «псевдо-наблюдениями», т.е. их искусственным расчетом (см. *Huber*. Astronomical Evidence for the Long... P. 6–7). Дело в том, что на тогдашнем уровне развития астрономических знаний расчет фаз Венеры (хотя бы приблизительный) не представлял труда, тогда как предсказание затмений было выше компетенции месопотамских астрономов, а значит, имела место, очевидно, простая фиксация реальных затмений. См. также *Zeeb*. Die Palastwirtschaft in Altsyrien... P. 87–88.

К тому же в Enūma ana Enlil зафиксирован не только год, но и точная дата (месяц, день и час), и направление обоих затмений, что значительно облегчает их идентификацию. Мы знаем также приблизительный временной промежуток между двумя затмениями (41–44 года). На весь период от 2150 до 1850 г. единственными полностью соответствующими имеющимся данным являются две пары затмений, приходящиеся на 25 июля 2094 г. и 13 апреля 2052 г. (вариант П. Хубера)[15] или 27 июня 1953 г. и 16 марта 1911 г. (вариант В. Гурзадяна)[16]. Первая гипотеза сочетается только с Долгой хронологией, вторая – только с Ультракороткой. Долгая хронология, исходя из данных Ассирийского царского списка и археологических свидетельств, определенно исключается[17]. Соответственно, ориентируясь на нижний вариант и результаты изучения внутренней хронологии Старовавилонского периода, а также принимая во внимание совпадение 8-го года правления Амми-цадуки с определенной фазой в 8-летнем цикле Венеры, В. Гурзадян предлагает в качестве оптимального варианта датировки 1-го года Амми-цадуки 1550 год и, следовательно, 1499 год для датировки падения Вавилона. Есть еще альтернативная возможность датировать 1-й год Амми-цадуки 1558 годом, а падение Вавилона – 1507 годом[18].

Письменные источники также подверглись в книге Гаша и др. довольно радикальному пересмотру. Прежде всего была продемонстрирована крайняя ненадежность и противоречивость такого источника, как ассирийские Distanzangaben. Главная проблема такова: мы не можем быть уверены, что составители этих текстов сами правильно интерпретировали хронологические выкладки, которыми пользовались. По мнению С. Коула, подвергшего Distanzangaben критическому рассмотрению, соответствующие указания Салманасара I могут быть интерпретированы как в пользу Долгой, так и в пользу Ультракороткой хронологии, Тиглатпаласара I – подтверждают Среднюю хронологию, а Distanzangaben Асархаддона говорят в пользу Короткой или Ультракороткой хронологии[19].

Сохранившийся в пяти незначительно расходящихся между собой экземплярах Ассирийский царский список предстает в значительно лучшем свете. Несмотря на то что указанные в них продолжительности правлений до середины XI в. не могут быть точно проверены по другим свидетельствам, этот источник считается относительно надежным. Основными проблемными участками являются следующие:

1. Имеющиеся в разных экземплярах списка расхождения в определении длительности правления Ашшур-дана I (46/36 лет), Нинурта-апиль-Экура (3/13 лет)[20], Ашшур-надин-апли (3/4 года) и Пузур-Ашшура III (14/24 года).

---

[15] *Huber*. Astronomical Evidence for the Long... P. 5–17.

[16] *Gasche et al.* Dating the Fall of Babylon... P. 74–79.

[17] Подробнее см. *Astour*. Hittite History... P. 78–79. Not. 10.

[18] Вариант, предпочтенный Зеебом и Майером. Однако в таком случае должен быть на несколько лет сокращен временной промежуток между падением III династии Ура и воцарением Амми-цадуки – что довольно затруднительно (хотя и не невозможно) в свете современных наработок по внутренней хронологии Старовавилонского периода (см. *Gasche et al.* Dating the Fall of Babylon... P. 81–83).

[19] Ibid. P. 49, 57–61.

[20] Проблема выбора длительности правлений Ашшур-дана I и Нинурта-апиль-Экура была остроумно решена Й. Бёзе и Г. Вильхельмом, предложившими считать общую сумму лет их правления как 36+10+3 – так называемое «понижение ассирийских дат Бёзе–Вильхельма» (*Boese J., Wilhelm G.* Aššur-dān I., Ninurta-apil-Ekur und die mittelassyrische Chronologie // WZKM. 1979. 71. S. 19–38).

2. Неопределенное число лет правления Ашшур-надин-аххе I и Ашшур-раби I[21].

3. Неоднозначность понимания выражения bāb ṭuppīšu, указанного в качестве срока правления целого ряда ассирийских царей[22].

4. Расхождение в разных списках в вопросе продолжительности царствования Ишме-Дагана I (30/40), усугубленное дискуссией по поводу того, все ли указанные в Списке годы Ишме-Даган был уже царем Ассирии или туда входят как годы его самостоятельного правления, так и годы до смерти его отца Шамши-Адада I, в течение которых Ишме-Даган являлся «вице-царем» отца в Экаллатуме[23].

С. Коул также полагает, что во время правления Тиглатпаласара I в Ассирии произошел переход с лунного календаря (354 дня) на солнечный, заимствованный из Вавилонии. Хотя мы не располагаем данными, прямо свидетельствующими о том, что и до воцарения Тиглатпаласара I в Ассирии использовался лунный календарь, однако такое предположение не лишено смысла, иначе нам придется признать, что при Тиглатпаласаре I дважды происходил переход с одного календаря на другой. В связи с этим Коул предложил пересчитать все даты до воцарения Тиглатпаласара I (1114 г.), прибавляя каждые 33 года по одному дополнительному году, что приведет к дополнительному сокращению промежутка от правления Шамши-Адада I до воцарения Тиглатпаласара I на 18 лет (или, если брать не все неоднозначные длительности правлений по максимуму, на 16±x, где x зависит от продолжительности правлений Ашшур-надин-аххе I

---

[21] Согласно расчетам С. Коула, в случае следования Средней хронологии, даже если принять максимальные предложенные варианты для сомнительных длительностей правлений (в том числе не использовать понижение Бёзе–Вильхельма), на правления Ашшур-надин-аххе I и Ашшур-раби I придется 76 лет (и соответственно больше при каждом следующем уменьшении длительности чьего-нибудь еще царствования). С учетом правлений Нур-или, Ашшур-шадуни, Энлиль-нацира II и Ашшур-нерари II (в целом 25 лет) получается, что дети и внуки Энлиль-нацира I правили все вместе на протяжении как минимум 101 года, что в принципе не невозможно, но маловероятно. Нужно учитывать также, что Ашшур-надин-аххе I и Ашшур-раби I находились на престоле в период политической нестабильности: Ашшур-раби I сверг своего племянника Ашшур-шадуни после всего лишь месячного правления последнего, Ашшур-надин-аххе I также был смещен с престола свои братом Энлиль-нациром II. С. Коул предложил условно выделить им по 14,5 лет – число, полученное как среднее арифметическое правлений царей с Шарма-Адада II по Адад-нерари I (*Gasche et al.* Dating the Fall of Babylon... P. 54–56). Представляется, что это число можно еще сократить.

[22] Большинство исследователей понимает bāb ṭuppīšu как промежуток, равный 0, 0–1 или 1 году. Подробнее см. *Boese, Wilhelm.* Aššur-dān I...; *Gasche et al.* Dating the Fall of Babylon... P. 53–54. См. также иные трактовки этого выражения в: *Yamada Sh.* The Editorial History of the Assyrian King List // ZA. 1994. 84. P. 26–27. Not. 48; *Janssen T.* Tuppišu in der AKL – Berechnung, Konzept, Bedeutung // Akkadica. 2007. 128. P. 99–108.

[23] Шамши-Адад умер на 17-м году царствования Хаммурапи Вавилонского (*Charpin D., Durand J.-M.* La prise du pouvoir par Zimri-Lim // MARI. 1985. 4. P. 306–307); наследовавший ему Ишме-Даган на 9-м году Зимри-Лима (= 28-й год Хаммурапи) вынужден был оставить Экаллатум и искать укрытия в Вавилоне, последний раз он упоминается в текстах из Мари на 11-м году Зимри-Лима (= 30-й год Хаммурапи). Соответственно правление Ишме-Дагана должно было длиться всего 11 (или 13) лет (*Gasche et al.* Dating the Fall of Babylon... P. 52–53).

и Ашшур-раби I)[24]. Впрочем, данное предположение Коула остается довольно сомнительным.

Несмотря на возможные возражения по конкретным пунктам, проделанное Коулом исследование важно в первую очередь тем, что оно продемонстрировало, что существует возможность и даже высокая вероятность сокращения всего периода ассирийской (а следовательно, и вавилонской) истории. Не обязательно использовать *все* возможные понижения (тогда дата падения Вавилона окажется даже еще более поздней, чем это предлагают Гаш и др.)[25]. Например, если отказаться от идеи пересчета дат в соответствии с солнечным календарем[26], но использовать понижение Бёзе–Вильхельма, а также идею о 11-летнем царствовании Ишме-Дагана I, 14-летнем – Пузур-Ашшура III и 3-летнем – Ашшур-надин-апли, смерть Шамши-Адада I попадает уже на 1684 г. Для соответствия Ультракороткой хронологии (падение Вавилона – 1499 г.) дата смерти Шамши-Адада должна быть понижена еще на 5 лет (1679 г.), что вполне возможно, учитывая неясность в определении длительности правлений Ашшур-надин-аххе I и Ашшур-раби I, – выделенные им на двоих 29 лет вполне могут подвергнуться сокращению на 5 лет. В случае следования датировке падения Вавилона 1507 годом совместная длительность правлений Ашшур-надин-аххе I и Ашшур-раби I, напротив, должна быть удлинена на 3 года, что также не является препятствием.

В качестве дополнительного обоснования понижения дат правления Шамши-Адада можно привести также недавние достижения дендрохронологии. В результате ряда исследований по дендрохронологии, проведенных в лаборатории Корнеллского университета (США), П. Кунихольм и его коллеги разработали сплошную серию дендродат для Центральной Анатолии за период с 2220 по 718 г. до н.э., привязанную к абсолютной хронологии при помощи ее совмещения с результатами радиоуглеродных анализов (с доверительным интервалом +76/–22 лет при степени вероятности $2\sigma = 95{,}4\%$). Первое обобщение сделанных выводов было представлено в 1996 г.[27] В 2001 г. были опубликованы уточненные калиброванные даты для периода с 2030 по 980 г. до н.э., причем доверительный интервал был сокращен (за счет увеличения количества образцов, исследованных с помощью радиоуглеродного анализа) до +4/–7 ($2\sigma = 95{,}4\%$) и +16/–7 ($3\sigma = 99{,}7\%$), что может считаться очень хорошим уровнем точности[28].

---

[24] *Gasche et al.* Dating the Fall of Babylon... P. 50.

[25] Сам Коул сочетает пересчет дат в соответствии с солнечным календарем (самая экстравагантная из его идей), 11-летнее правление Ишме-Дагана I плюс возможность дополнительного понижения на 10 или 11 лет. В итоге, падение Вавилона, по его расчетам, должно приходиться на промежуток 1507–1491 гг.

[26] Довольно уязвимый пункт рассуждений С. Коула. Ср., например: *Reade J.* Absolute Dates and Assyrian Calendars // Accadica. 2000. 119–120. P. 151–153.

[27] *Kuniholm P.I. et al.* Anatolian Tree rings and the Absolute Chronology of the Eastern Mediterranean, 2220–718 BC // Nature. 1996. 381. P. 780–783.

[28] К 2002 г. в рамках данного проекта П. Кунихольмом и его коллегами было проанализировано 444 дерева (56232 годичных колец) и проведено 58 радиоуглеродных анализов, причем все радиоуглеродные анализы были проведены на сравнимых образцах из Нового и Старого Гордиона. Указанный доверительный интервал является результатом одновременного наложения всех результатов радиоуглеродных анализов на жесткую относительную дендрошкалу с дальнейшим отсечением интервалов, нарушающих строгую последовательность годичных колец.

В частности, для интересующего нас периода имеются следующие даты: 1774 (+4/–7) г. до н.э. и 1766 (+4/–7) г. до н.э. для дворца и так называемого здания Hatipler Tepesi в Аджемхёюке (= Сарикайя)[29]. Более того, эти даты подкрепляются полученными тем же методом датами из других памятников данного и последующих периодов: Кюль-тепе (1771 (+4/–7) г. до н.э.) и Карахёюка (1768 (+4/–7) г. до н.э.), а также ряда памятников хеттского времени, периода нашествия «народов моря» и железного века[30]. Даты из Аджемхёюка представляют важность не только для анатолийской истории, но и для всего переднеазиатского региона, поскольку в здании дворца, фрагментами которого являлись исследованные деревянные колонны, были обнаружены оттиски печати Шамши-Адада I (а также Дуггеду [Ама-дуг-ги?], дочери царя Мари Яхдун-лима, и царя Каркемиша Аплаханды). Стволы, срубленные в 1774 (+4/–7) г., пошли на постройку дворца, стволы, поваленные в 1766 (+4/–7) г., использовались уже при его ремонте. Учитывая, что дата заготовки строительного леса может быть существенно более ранней, нежели дата начала строительства (использовались обычно заранее заготовленные стволы), полученные данные можно использовать только как terminus post quem, однако и это является очень существенным дополнением к свидетельствам источников другого характера. Во-первых, очевидно, что дворец в Сарикайя был обитаем по крайней мере в какой-то период правления Шамши-Адада – печати, изготовленные в одну эпоху, в принципе, могут попасть в более поздние слои, будучи в некотором роде предметом роскоши; но оттиски печати правителя (если речь не идет о печати, ставшей династической) определенно не могут датироваться временем после его смерти. Во-вторых, вычисленные даты указывают на то, что строительство дворца началось не ранее 1774 (+4/–7) г. и он все еще существовал в 1766 (+4/–7) г. Нужно понимать

Подробнее об истории и современном состоянии дендрохронологического проекта лаборатории университета Корнелла см. *Manning S.W., Kromer B., Kuniholm P.I., Newton M.W.* Anatolian Tree Rings and a New Chronology for the East Mediterranean Bronze-Iron Age // Science. 2001. 294. P. 2533; *Manning S.* No Systematic Early Bias to Mediterranean 14C Ages: Radiocarbon Measurements from Tree-ring and Air Provide Tight Limits to Age Offsets // Radiocarbon. 2002. 44. № 3. P. 750–751; *Manning S.W., Kromer B., Kuniholm P.I., Newton M.W.* Confirmation of Near-absolute Dating of East Mediterranean Bronze-Iron Dendrochronology // Antiquity. 2003. Vol. 77. № 295; *Kuniholm P.I. et al.* Dendrochronological Dating in Anatolia: The Second Millennium BC // Anatolian Metal III / Ed. Ü. Yalçin. Bochum, 2005. P. 41–47.

[29] *Newton M.W., Kuniholm P.I.* A Dendrochronological Framework for the Assyrian Colony Period in Asia Minor // TÜBA-AR. 2004. VII. P. 168; *Kuniholm et al.* Dendrochronological Dating in Anatolia... P. 45–46.

[30] *Newton, Kuniholm.* A Dendrochronological Framework... P. 167–169; *Kuniholm P.I.* A Date-List for Bronze Age and Iron Age Monuments Based on Combined Dendrochronological and Radiocarbon Evidence // Studies in Honor of Nimet Özgüç. Ankara, 1993. P. 371–372. Даты из памятников хеттского времени и позднейших периодов, к сожалению, не имеют столь четких корреляций с письменными данными, однако они уверенно попадают в более общие имеющие письменные датировки хронологические периоды (например, период существования среднехеттского Машат-Хёюка, период нашествия «народов моря», уничтоживший ряд восточносредиземноморских поселений периода поздней бронзы). Вообще подобное подкрепление датами из других периодов особенно важно для данной методики датирования, поскольку относительная дендрошкала является жесткой и обоснованный сдвиг хотя бы одной даты предполагает одновременный сдвиг всех остальных дат.

также, что строительство дворца было весьма нескорым предприятием и должно было занять несколько лет.

Соответственно датировка правления Шамши-Адада[31] по Долгой хронологии[32] никоим образом не согласуется с рамками, полученными с помощью дендрохронологии. Даты Средней хронологии (1833–1775 гг.) также вписываются в них с трудом: даже если деревья были срублены в 1778 г., до смерти Шамши-Адада остается лишь 3 года, в которые дворец должен был бы быть достроен и туда должны были бы успеть попасть несколько булл с оттисками печати Шамши-Адада – находка, в общем-то, не очень типичная для Анатолии. Подобная реконструкция представляется сомнительной. Гораздо лучше данные дендрохронологии укладываются в Короткую и Ультракороткую хронологии. Согласно Короткой хронологии, Шамши-Адад правил в 1769–1711 гг., согласно Ультракороткой – в 1737–1679 гг. (или в 1745–1687 гг.). Даты Короткой хронологии вписываются в контекст находок оттисков печати Шамши-Адада в Аджемхёюке просто идеально, даже с учетом того, что появление булл Шамши-Адада в Анатолии следует, вероятно, датировать не ранее его воцарения в Ашшуре (*ca.* 1808 г. по Средней хронологии, *ca.* 1744 г. по Короткой)[33]. Что касается Ультракороткой хронологии, то более чем шестидесятилетнее существование дворца несколько сомнительно, хотя и не невероятно – так называемый «дворец Варсамы» в Кюль-тепе, построенный в 1832 (+4/–7) г., все еще существовал в 1771 (+4/–7) г.[34] Обнаруженные во дворце в Аджемхёюке оттиски могут относиться к самому началу периода контроля Шамши-Адада над ассирийской торговлей в Анатолии. Даже если оттиски приходятся на финальный этап функционирования дворца, конец существования дворца еще не означает конца существования самой колонии[35]. Впрочем, не могу не признать, что дендродаты в том виде, в котором они представляются на настоящий момент, более всех других соответствуют Короткой (а не Ультракороткой) хронологии[36].

---

[31] Шамши-Адад умер на 17-м году правления Хаммурапи (*Charpin, Durand.* La prise du pouvoir par Zimri-Lim. P. 306–307).

[32] И тем более Ультрадолгой хронологии.

[33] См. *Veenhof K.R.* Old Assyrian Chronology // Akkadica. 2000. 119–120. P. 137–140, 147–149.

[34] *Newton, Kuniholm.* A Dendrochronological Framework... P. 169. В промежутке он подвергся дополнительному ремонту в 1810 (+4/–7) г.

[35] Кроме того, следует отметить, что калиброванные радиоуглеродные даты, на которые опирается анатолийская дендрошкала, имеют склонность скорее к удревнению, нежели чем к омолаживанию традиционных дат, так что нельзя исключать и возможности расхождения имеющихся дендро-радиоуглеродных датировок с традиционными (т.е. письменными) в сторону их удревнения, что, опять же, исключает варианты Долгой и Средней хронологии.

[36] Следует отметить, что сами создатели дендрохронологической шкалы придерживаются мнения, что она более всего соответствует Средней хронологии (*Manning et al.* Anatolian Tree Rings... P. 2534). Это утверждение основано на том, что помимо дат из Аджемхёюка они используют при решении вопроса о времени правления Шамши-Адада еще и вышеупомянутые даты из так называемого «дворца Варсамы» в Кюль-тепе (1832 (+4/–7) г. для времени постройки и 1771 (+4/–7) г. для времени ремонта. Дело в том, что ряд документов из слоя Карум-Каниш Ib, с которым синхронизируют и дворец Варсамы, связан с правлением Шамши-Адада в Ашшуре. Однако поскольку дворец стратиграфически напрямую с карумом не связан, утверждать о хронологической близости упомянутых документов времени существования дворца (которое было еще и довольно продолжительным) можно только весьма условно.

Подтверждением правильности понижения дат правления Шамши-Адада может служить также еще одно недавно введенное в литературу астрономическое свидетельство: согласно Эпонимной хронике из Мари, в год после рождения Шамши-Адада наблюдалось солнечное затмение. С. Мишель и П. Роше предложили три варианта идентификации этого затмения: 1833, 1795 и 1765 гг. (соответственно 1834, 1796 или 1766 гг. в качестве даты рождения Шамши-Адада)[37]. Вариант 1795 г. плохо вписывается в любую из предлагаемых хронологий. Вариант 1833 г. предполагает понижение Средней хронологии на 15 лет. Вариант 1765 г. требует понижения Короткой хронологии на 19 лет или повышения Ультракороткой хронологии на 13 лет. На первый взгляд все варианты являются крайне неудачными. Однако если мы последуем более «долгому» субварианту Ультракороткой хронологии (падение Вавилона в 1507 г.), то условие рождения Шамши-Адада в 1766 г. потребует повышения этой хронологической шкалы всего на 5 лет. Эта проблема также имеет возможное решение. Заданная длительность жизни Шамши-Адада в 74 года в реальности является условной и основана на допущении, что Шамши-Адад взошел на престол в возрасте 18 лет (известна лишь длительность его правления). Однако мы можем утверждать лишь то, что на момент воцарения он был еще очень молодым человеком. Ничто не мешает предположить, что его возраст составлял тогда, например, 23 года, а не 18 – тогда, родившись в 1766 г. он должен был умереть в 1687 г. (в возрасте 79 лет), что согласуется с датировкой падения Вавилона 1507 годом.

Итак, становится очевидным, что ориентация исключительно на материал письменных источников оказывается недостаточной для решения поставленного вопроса.

III. НОВЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ

Вплоть до выхода работы Х. Гаша и др. археологический материал собственно из Вавилонии практически не был задействован в дискуссии по поводу хронологии II тысячелетия, в частности из-за недостаточного знания стратиграфии памятников. Однако совершенствование методики раскопок в последние десятилетия позволило лучше фиксировать стратиграфию изучаемых памятников, что дало возможность привлечь эти материалы к решению проблем хронологии. Задачей исследования Гаша и его коллег было создать общерегиональный корпус трех основных закрытых керамических форм и проследить их эволюцию от Позднестаровавилонского периода до так называемого Позднекасситского, имеющего четкую датировку серединой XIII в. Были задействованы материалы из Телль эд-Дэра (Сиппар), Нуффара (Ниппур), Телль эд-Дейлана (Дильбат), Ишан Бахрийята (Исин), Синкары (Ларса), Варки (Урук) и Телль аль-Хиббы (Лагаш), а также из прилегающих к Вавилонии районов: из Хирбет эд-Динийе на Среднем Евфрате, из памятников бассейна Диялы и из Сузианы.

В результате Х. Гаш и Дж. Армстронг пришли к следующим выводам. На всем обследованном временно́м отрезке имело место непрерывное и прогрессивное развитие керамического производства, общерегиональные традиции ремесла преобладали над местными, никакого распада на локальные, обособленные более, чем это было в Старовавилонский период, центры не произошло. Более того, вавилонская керамика проникала на соседние территории и успеш-

[37] Д. Уорбуртон однозначно идентифицирует его с затмением 1765 г. (см. *Warburton D.A.* Eclipses, Venus-Sycle & Chronology // Akkadica. 2002. 123. P. 108–114).

но оказывала влияние на местную индустрию. Подобный достойный уровень ремесла мог поддерживаться лишь в случае очень недолгого периода политической нестабильности[38]. Сравнительный анализ поздне-старовавилонских и раннекасситских форм сосудов[39] показал, что степень различия между ними не столь высока, чтобы предполагать существование *ca.* 200-летнего периода развития, которого потребовала бы Средняя хронология в сочетании с предложенной авторами датировкой «раннекасситских» образцов[40]. Далее, соотнесение форм керамики, найденной в поздней части слоя A XII Сузианы (начало этого слоя надежно синхронизируется с финалом Старовавилонского периода[41]), с «раннекасситскими» образцами побуждает авторов предположительно оценивать временное расстояние между ними не более, чем примерно в полстолетия[42]. Синхронизация развития керамического производства в Вавилонии и в Сузиане, для данного периода истории которой разработана вполне надежная относительная хронология[43], позволяет заключить, что начало слоя Level A XII в Сузиане приблизительно соответствует времени падения Вавилона, а его конец уже попадает на время «раннекасситской» керамики в Вавилонии. Длительность слоя Level A XII исчисляется *ca.* 50 годами, что сообщает еще меньшую длительность периоду между падением Вавилона и началом Касситского периода в Вавилонии, – против традиционных *ca.* 150 лет по Средней хронологии. Средняя хронология оказывается превышающей реальный временной промежуток между взятием хеттами Вавилона и началом Касситского периода *ca.* на 100 лет[44].

Стоит сразу отметить, что сходные выводы были недавно сделаны на основе анализа верхнемесопотамского керамического и глиптического материала (Телль-Брак, Телль-Ашара [Терка], Телль-Римах [Карана], Телль-Хагиб). Все перечисленные памятники, в отличие от нижнемесопотамских, демонстрируют следы непрерывной заселенности на протяжении Старовавилонского и Касситского/Митаннийского периодов. Прослеженная на них эволюция керамического комплекса однозначно указывает на достаточную хронологическую близость между концом Старовавилонского периода и утверждением в регионе хурритской династии[45]. Кроме того, анализ верхнемесопотамской глиптики (печати правителей Терки и Митанни) начала Средневавилонского периода, осуществленный Г. Колбоу, демонстрирует их стилистическую близость к раннекасситским печатям, причем стиль всех этих печатей (и верхнемесопотамских, и касситских) обнаруживает значительные черты сходства с печатями поздней фазы Старовавилонского периода, художественные традиции которого он, очевидно, наследует[46].

---

[38] *Gasche et al.* Dating the Fall of Babylon... P. 30–38, 43–44.

[39] Древнейшие образцы керамики касситского времени (так называемые «раннекасситские») авторы исследования датируют второй половиной – концом XV в. (Ibid. P. 40–41).

[40] Ibid. P. 27–38, 43.

[41] Ibid. P. 20–26.

[42] Ibid. P. 43.

[43] Ibid. P. 20–26.

[44] Ibid. P. 38–42.

[45] *Colbow G.* Middle, Low or Ultra-Low? The State of Research into 2nd Millennium BC Chronology, with Special Reference to Syrian Glyptic Evidence // Accadica. 2000. 119–120. P. 118–121. Там же ссылки на литературу.

[46] Ibid. P. 125–128.

Исходя из предположительной даты 1499 г. для падения Вавилона, команда Гаша попыталась также более точно определить дату вторичного заселения Вавилона (очевидно, после разорения его хеттами) – факта, известного по датировочным формулам на табличках из поселения Телль-Мухаммад на юго-востоке Багдада[47]. Слои VII–II Телль-Мухаммада датируются концом Старовавилонского периода (поселение было оставлено приблизительно за 30 лет до падения Вавилона), после чего жители вернулись сюда только на ранней фазе эпохи касситского владычества (слой I Телль-Мухаммада). Слой I предоставляет находки текстов с датировочными формулами, причем часть датировочных формул оформлена по типу «год X после того, как был заселен / занят Вавилон»[48]. Особенный интерес представляет одна из таких формул, сообщающая, что год 38-й после того, как был заселен / занят Вавилон, был одновременно годом, в который наблюдалось лунное затмение. В. Гурзадян предложил три оптимально подходящих для его хронологической схемы затмения: 15 апреля 1447 г., 27 июня 1451 г. и 16 мая 1458 г., причем последний вариант особенно предпочтителен. В таком случае, оказывается, что Вавилон был (вновь) заселен / занят уже в 1496 (или 1489, или 1485) г., т.е. всего 3, 10 или 14 лет после похода Мурсили по хронологии Гаша–Гурзадяна (или спустя 11, 18, или 22 года, если считать датой взятия Вавилона 1507 г.). К сожалению, проверить все эти данные на материале самого Вавилона невозможно, поскольку его раскопки никогда не производились на достаточной глубине.

Существенным недостатком монографии Гаша и др. является отсутствие параллелей с историей Алалаха (впрочем, использование материалов по Алалаху и не входило в их планы). Важность привлечения данных Алалаха для решения проблем хронологии II тысячелетия до н.э. особенно хорошо обоснована в одной из статей М.-Х. Гейтс. Исследовательница подчеркивает периферийный характер этого памятника, его положение на границе культурно более монолитных регионов Месопотамии, Анатолии и Леванта. «Именно от таких периферийных памятников мы вправе ожидать синхронизации материалов, являющихся маркерами различных культурных зон. В случае столкновения синхронизмов, засвидетельствованных на периферийных памятниках, с абсолютными хронологиями, реконструируемыми по материалам внутренних памятников отдельных культурных зон, предпочтение всегда должно быть отдано первым... Речь идет не только о сугубо археологических данных, но и о письменных источниках и результатах естественнонаучных исследований»[49]. Выражаясь метафорически, периферийные памятники выполняют функцию ребер жесткости, удерживая гибкую, стремящуюся расползтись на отдельные, скользящие относительно друг друга фрагменты, конструкцию в четких рамках единственно возможного взаимного сочетания этих фрагментов.

Телль-Атчана (Алалах) насчитывает 17 слоев, в двух из них обнаружены клинописные таблички (Алалах VII и Алалах IV). Анализ письменных источников слоя Алалах VII на предмет выявления синхронизмов с окружающими странами показывает, что начало этого слоя относится к эпохе Хаммурапи Вавилонского и Зимри-Лима Марийского, а конец связан с правлением Хаттусили I в Хатти[50].

---

[47] *Gasche et al.* Dating the Fall of Babylon... P. 83–89.

[48] MU.X.KÁM.MA *ša* KÁ.DINGIR.RA^{KI} *uš-bu*.

[49] *Gates*. Alalakh and Chronology again. P. 60.

[50] Подробное рассмотрение внутренней истории слоя Алалах VII см. в: *Zeeb*. Die Palastwirtschaft in Altsyrien... P. 89–102.

С археологической точки зрения Алалах VII принадлежит горизонту MB (средняя бронза) II B-C[51]. Длительность этого слоя предположительно определяется в *ca.* 50–75 лет[52]. Слой VI отделен от слоя VII следами пожара и разрушений, вызванных, безусловно, внешним вторжением[53]. После обнаружения и публикации так называемых «Деяний» Хаттусили I[54], в которых ему приписывается взятие и разрушение Алалаха («города Алахха»), конец слоя Алалах VII общепринято связывается с этим событием.

Слой Алалах VI является переходным от MB (средней бронзы) II к LB (поздней бронзе) I[55]. На характере ранней фазы слоя лежит отпечаток относительного запустения, вызванного катаклизмом при переходе от слоя Алалах VII, но к середине слоя VI появляются четкие признаки регенерации, в частности возводится и перестаивается крепость[56]. Характерно отсутствие дворца[57]. Переход к следующему слою выглядит достаточно мирным – нет никаких признаков насильственных разрушений и разрыва в культурной традиции[58]. Начиная с С. Смита этот переход связывают с походами Мурсили I на Халап и Вавилон – «за разрушением Алеппо почти наверняка должно было последовать и падение Алалаха, но совсем необязательно предполагать его разрушение»[59], тем более, что никакие источники и не приписывают Мурсили, в отличие от Хаттусили, разгром Алалаха. Длительность слоя Алалах VI определяется У. Олбрайтом, А. Гётце, М. Астуром и Ф. Зеебом в *ca.* 40 лет, Н. На'аманом, А. Кемпински и М.-Х. Гейтс – в *ca.* 20 лет[60]. Выбор зависит, помимо археологических свидетельств, также от представления о длительности правления Хаттусили I: разгром Алалаха был совершен им в начале его, безусловно, продолжительного царствования[61], а поход Мурсили в Сирию против Халапа (когда, по излагаемому мнению, им и был затронут Алалах) являлся отчасти местью за смерть Хаттусили и исполнением его «политического завещания» и поэтому мог бы быть

---

[51] *Albright.* Stratigraphic Confirmation of the Low Mesopotamian Chronology. P. 27; *Redford D.B.* A Gate Inscription from Karnak and Egyptian Involvement in Western Asia During the Early 18th Dynasty // JAOS. 1979. 99. P. 278; *Gates.* Alalakh and Chronology again. P. 65–67.

[52] *Woolley.* Alalakh... P. 385; *Gates.* Alalakh and Chronology again. P. 65–67. Или *ca.* 80 лет, согласно М. Астуру и Ф. Зеебу (*Astour.* Hittite History... P. 10; *Zeeb.* Die Palastwirtschaft in Altsyrien... P. 103–205; *idem.* The History of Alalah as a Testcase for an Ultrashort Chronology of the Mid-2nd Millennium B.C.E. // Mesopotamian Dark Age Revisited. Proceedings of an International Conference of SCIEM 2000 (Vienna, 8th–9th November 2002) / Ed. H. Hunger, R. Pruzsinszky. Wien, 2004. P. 85–87).

[53] *Woolley.* Alalakh... P. 386.

[54] KBo X 1–3.

[55] *Gates.* Alalakh and Chronology again. P. 63–65.

[56] *Woolley.* Alalakh... P. 386.

[57] М. Астур объясняет отсутствие в Алалахе VI дворца тем, что в этот период Алалах перестал быть столицей отдельного государства и вновь вошел в царский домен Халапа (*Astour.* Hittite History... P. 16).

[58] *Gates.* Alalakh and Chronology again. P. 63–65. Единственное – крепость, возведенная в конце слоя VI, была, очевидно, срыта при переходе к слою V, поскольку в начале слоя V была выстроена новая крепость (*Вулли Л.* Забытое царство. М., 1986. С. 81–82).

[59] *Вулли.* Забытое царство. С. 81.

[60] *Zeeb.* Die Palastwirtschaft in Altsyrien... P. 111. Not. 238; *idem.* The History of Alalah as a Testcase for an Ultrashort Chronology. P. 65.

[61] Но не дольше 30 лет (*Astour.* Hittite History... P. 10–11, 83–84. Not. 57, с библиографией).

гипотетически помещен в начало правления Мурсили; соответственно период, разделяющий эти два события, в целом должен соответствовать длительности правления Хаттусили.

Задачу проверки Ультракороткой хронологии на соответствие данным по Алалаху взял на себя Ф. Зееб[62]. В этих целях исследователь попытался связать хронологию Алалаха с египетской хронологией. Он предположил, что политическая картина, отраженная в надписи на статуе царя Алалаха Идри-ми, может соответствовать периоду после начала самостоятельного правления Тутмоса III и битвы при Мегиддо (1457 г. по Короткой египетской хронологии, использованной Зеебом, 1468 г. по Средней египетской хронологии)[63], причем получение Тутмосом на 38-м году его правления (1441 г. по Короткой хронологии, 1452 г. по Средней) даров из Алалаха Зееб соотносит с возвращением Идри-ми в Алалах и приходу его к власти в этом городе (и, следовательно, со слоем Алалах Vb, на который падает правление Идри-ми в Алалахе[64]). Столь четкое соотнесение

---

[62] *Zeeb*. Die Palastwirtschaft in Altsyrien... P. 67–124; *idem*. The History of Alalah... P. 81–95.

[63] *Zeeb*. Die Palastwirtschaft in Altsyrien... P. 106–108, 113–114; *idem*. The History of Alalah... P. 87–88.

[64] В более ранней работе Зееб относит дворец Идри-ми к слою Vb, в более поздней – (ошибочно) к слою IV.

И в самом деле, определение границ слоев Va, Vb и IV весьма затруднительно. Так называемый дворец Никмепы, со строительства которого Л. Вулли начал отсчитывать слой IV, построен как продолжение более раннего и скромного дворца Идри-ми (которому принадлежат комнаты C1–C9 и D1). Однако не вполне понятно, нужно ли относить дворец Идри-ми к слою Vb или слою IV. Архитектурно он связан с крепостью слоя V, но выстроен позднее. Однако если разграничивать слои на основе стратиграфии крепости (как это сделал Вулли), то дворец Идри-ми следует относить к слою Vb. Данная проблема соотнесения стратиграфии разных участков застройки Алалаха связана с тем, что Л. Вулли копал памятник (кроме, пожалуй, слоев VII и IV) отдельными участками, группирующимися вокруг некоторых значительных архитектурных объектов (дворцы, храмы, цитадели, отдельные участки крепостных стен и жилых кварталов). В результате вертикальная стратиграфия этих отдельных участков неплохо прослежена, однако соотнесение их между собой оказалось затруднительно (см. *Yener K.A.* Alalakh Spatial Organization // The Amuq Valley Regional Projects. Vol. 1. Surveys in the Plain of Antioch and Orontes Delta. Turkey, 1995–2002 / Ed. K.A. Yener. Chicago, 2005. P. 100, 115). М.-Х. Гейтс, исходящая из иных, нежели Вулли, принципов выделения культурных слоев памятника (Вулли ставил во главу угла смену крупных архитектурных комплексов, Гейтс ориентируется на общекультурную динамику), вообще предложила считать Алалах V и Алалах IV единым слоем (*Gates*. Alalakh Levels VI and V... P. 7).

Помимо сложностей со стратиграфией существуют некоторые разногласия и с атрибуцией дворцов Алалаха V–IV его правителям. Часть исследователей придерживается мнения, высказанного еще Вулли, о том, что дворец слоя IV начал строиться при Никмепе (*Woolley*. Alalakh... P. 110, 387; *Gates*. Alalakh Levels VI and V... P. 33–34; *Marchetti N., Nigro L.* Una ricostruzione alternative del dispositivo di ingresso nel Palazzo di Niqmepa al Alalakh // Orient Express. 1993. 2. P. 25–26; *Márquez Rowe I.* Halab in the XVIth and XVth Centuries BC. A New Look at the Alalah Material // WZKM. 1997. 87. P. 178–192). Следовательно, дворец слоя Vb, часть которого была инкорпорирована в новое здание, должен был принадлежать Идри-ми. Однако существует и альтернативная гипотеза, согласно которой первым строителем дворца слоя Алалах IV был не Никмепа, а Идри-ми (*Collon D.* The Seal Impressions from Tell Atchana/Alalakh. Kevelaer–Neukirchen-Vluyn, 1975. P. 167; *Dassow E. von*. Archives of Alalakh IV in Archaeological Context // BASOR. 2005. 338. P. 20). Подобная атрибуция связана с тем, что в надписи на статуе Идри-ми строительству дворца уделено особое внимание, оно предстает как нечто грандиозное и

отправки даров в Египет с датой воцарения Идри-ми имеет некоторые умозрительные основания – практика посылания даров сюзерену или равноправному союзному государю сразу же после воцарения входила в правила дипломатического этикета эпохи[65]. Однако мы не можем с полной уверенностью утверждать, что и в данном случае мы имеем дело с соблюдением этой традиции. Ситуация воцарения Идри-ми носила неординарный характер, вполне возможно, что этот фактор мог иметь следствием задержку традиционного обмена дарами. Более того, в надписи Идри-ми и его воцарение, и правление в Алалахе, и предшествующие 7 лет его жизни связаны с его взаимодействием с Митанни, а не с Египтом (который в самой надписи даже не упоминается); в частности, немедленно после занятия Алалаха он признал митаннийского царя своим сюзереном и был утвержден им на алалахском троне (от этого момента он и отсчитывает свое царствование в Алалахе)[66]. Тем не менее сама идея связи упомянутого Тутмосом получения даров из Алалаха с фигурой Идри-ми выглядит, на мой взгляд, не лишенной привлекательности: конечно, по правилам дипломатии того вре-

---

превзошедшее архитектурные успехи его отца. Из этого делается вывод о том, что дворец слоя Vb не соответствует заявленному в надписи размаху, чего нельзя сказать о дворце слоя IV, который действительно являлся выдающимся архитектурным сооружением. Я не думаю, что подобную аргументацию можно считать убедительной. Мы не знаем, как выглядел дворец отца Идри-ми в Халапе, и не знаем материальных возможностей Идри-ми. Вполне возможно, что дворец слоя Vb, выглядящий довольно скромно и неказисто по сравнению с дворцом слоя IV, для своего времени был не так уж и плох. Главное же, если мы предположим, что дворец слоя Vb принадлежал не Идри-ми, перед нами возникнут сразу два вопроса: кому в таком случае принадлежал этот дворец? И почему, если это не был первый дворец династии Идри-ми, следующий дворец был построен не просто на том же месте, но и как его непосредственное продолжение? Задумывая грандиозное строительство, заказчик дворца слоя IV не снес старое здание, архитектурно не вписывавшееся в новый ансамбль, и не возвел новый дворец в стороне – нет, он специально подчеркнул преемственность своего дворца дворцу своего предшественника. Это совершенно не увязывается с тем, что мы знаем об Идри-ми: столицей его отцов был Халап, никаких корней в Алалахе он не имел, для него Алалах был вчерашней провинцией владения его отца. Так что даже если какой-то правитель в Алалахе и имелся прежде, это был властитель уровня намного ниже, чем Идри-ми – законный наследник халапского престола. Для Идри-ми не было никакой выгоды в подчеркивании своих связей с таким предполагаемым правителем Алалаха. Более того, мы прекрасно знаем, что Идри-ми, напротив, подчеркивал свое происхождение от правителей Халапа. Зато подобное поведение – стремление подчеркнуть свою связь с предшественником на престоле – было бы совершенно естественно для сына Идри-ми Никмепы.

[65] См., например, EA 41.

[66] Отметим, что в надписи Идри-ми вообще нет какого-либо отражения того египетского проникновения в регион и тех митаннийско-египетских столкновений, которые имели место в Северной Сирии в 30-е годы правления Тутмоса III (среди соответствующих событий, возможно, было и изъявление Тутмосу покорности Алалахом в 38-м году его правления). Следуя логике этого соображения, 38-й год правления Тутмоса нужно было бы соотносить уже со временами, наступившими после окончания событий, отраженных в надписи Идри-ми (т.е. он должен прийтись на правления Илим-илиммы в Алалахе и наследников Парраттарны в Митанни). В таком случае период могущества Парраттарны в Сирии, на который пришлось утверждение Идри-ми в Алалахе, останется соотносить с отпадением азиатских владений Египта в правление Хатшепсут, отраженным в анналах Тутмоса III; по итогам этого отпадения, между прочим, в составе азиатского войска, сражавшегося с Тутмосом в битве при Мегиддо, оказался митаннийский военный контингент (данные соображения были сообщены мне в устной беседе А.А. Немировским, за что выражаю ему благодарность).

мени, вассал должен был сохранять безукоризненную верность своему *единственному* сюзерену (в случае Идри-ми таким сюзереном выступает Митанни), однако по другим примерам мы знаем, что подобные правила выполнялись далеко не всегда, достаточно вспомнить такого персонажа переднеазиатской истории периода Амарны как правитель Амурру Азиру, за умелое лавирование между Египтом и Хатти остроумно названного М. Ливерани «слугой двух господ»[67]. Так что гипотетическая возможность поддержания Идри-ми контактов с Египтом наряду с выполнением им вассальных обязанностей по отношению к Митанни не кажется мне чем-то невероятным.

Итак, при принятии трех хронологических допущений – помещении воцарения Идри-ми на 38-й год Тутмоса III, прямом соотнесении конца слоя Алалах VI с походом Мурсили I в Сирию против Халапа и синхронизации последнего похода с нашествием того же Мурсили на Вавилон – в случае следования Короткой египетской хронологии промежуток между концом слоя Алалаха VI (примерно синхронен падению Вавилона, т.е. 1499 г. по Ультракороткой хронологии) и воцарением Идри-ми, т.е. серединой слоя Vb составляет около 60 лет (ок. 1499–1441 гг.), при предпочтении Средней египетской хронологии – около 45–50 лет (ок. 1499–1452 гг.). 60 лет – это, вероятно, слишком много для этого периода[68], тогда как 45–50 лет являются вполне приемлемым расстоянием, что (в контек-

---

[67] *Liverani M.* Aziru, servitore di due padroni // Studi orientalistici in ricordo di Franco Pintore. Pavia, 1983. P. 75–121.

[68] М.-Х. Гейтс выделяет на весь слой V *ca.* 65 лет, из которых *ca.* 25 лет приходится на слой Va и *ca.* 40 лет – на слой Vb (*Gates*. Alalakh and Chronology again. P. 76).

Характерно, что интерпретация длительности культурных слоев Алалаха, предложенная Гейтс, подтверждается также и письменными источниками, а именно данными надписи на статуе Идри-ми. Конец правлению и жизни отца Идри-ми Илим-илиммы I принесло некое событие, названное в надписи *mašiktu*, которое заставило Идри-ми вместе с семьей покинуть Алалах и отправиться во временное изгнание (сначала в Эмар, а затем к Хапиру). Точное значение слова *mašiktu* неизвестно. Предлагается переводить это слово как «зло, грех» (синоним *arnu*) или «несчастье, беда» (см. *Mayer W.* Die historische Einordnung «der Autobiographie» des Idrimi von Alalah // UF. 1995. 27. P. 342; *Márquez Rowe.* Halab in the XVIth and XVth Centuries BC. P. 183–184, 202–203. Not. 32). Историческая интерпретация этого события также затруднительна. Археологическим отражением *mašiktu*, будь это масштабное военное вторжение извне или мятеж (наиболее распространенные версии), может служить переход от слоя Алалах Va к слою Алалах Vb (обращение к материалам Алалаха оправданно, поскольку в это время Алалах был одним из провинциальных центров Халапского государства). Об этом четко свидетельствуют несвойственное другим слоям обилие захоронений под полами внутри цитадели, наличие там же большого зернохранилища, скорая перестройка крепости, возведенной в начале слоя (см. *Вулли.* Забытое царство. С. 82–83; она еще не могла успеть обветшать, следовательно, ее реконструкцию следует объяснять некими повреждениями при вторжении извне). Следовательно, Илим-илимма I правил в Халапе еще в период, синхронный слою Алалах Va, а Идри-ми после возвращения из изгнания – уже в слое Алалах Vb. Далее надпись Идри-ми сообщает, что его изгнание после *mašiktu* длилось 7+x лет (x лет пребывания в Эмаре и 7 лет у Хапиру), после чего он вернулся в Алалах и процарствовал там 30 лет, из которых несколько лет в начале правления были заняты строительством дворца. Царствование его преемника Адад-нерари было очень недолгим, а следующий царь, Никмепа, очевидно, начал перестройку отцовского дворца сразу же после собственного воцарения. Тот факт, что часть дворца Идри-ми была инкорпорирована в новый дворец и продолжала использоваться также после следующей перестройки, осуществленной Илим-илиммой II, указывает на то, что постройка Идри-ми еще не успела обветшать, иначе бы она была снесена если не Никмепой, то Илим-илиммой II.

сте существующего спора о Короткой и Средней египетской хронологиях) еще раз подтверждает правильность выбора Средней египетской хронологии.

Если сдвигать дату падения Вавилона вверх, но при этом оставлять в силе ее синхронизацию с окончанием слоя Алалах VI и не сдвигать с места датировку воцарения Идри-ми (приурочивая его по-прежнему к 38-му году правления Тутмоса III), то промежуток, отводимый для слоя Алалах Va и ранней фазы слоя Алалах Vb, будет увеличиваться, причем уже при Короткой хронологии (падение Вавилона – 1531 г.), он достигнет 79 лет, что не соответствует археологическим данным в оценке М.-Х. Гейтс.

Представляется, что можно выбрать и обратное направление расчетов. В другой работе я уже приводила аргументы в пользу того, что конец слоя Алалах IV следует связывать с сирийскими завоеваниями Суппилулиумы I, причем с первым их этапом, предшествовавшим так называемой Однолетней войне[69]. Абсолютная датировка событий правления Суппилулиумы основывается на синхронизмах с египетской историей, и даже при следовании Средней египетской хронологии (относящей воцарение Тутмоса III к 1490 г.) и синхронизме начала Шестилетней войны Суппилулиумы со смертью Аменхотепа IV (а не Тутанхамона) ранние сирийские походы Суппилулиумы, нашедшие отражение в начальных документах Амарнского архива, следует датировать не ранее второй четверти XIV в. до н.э.[70] Таким образом, если мы будем продолжать ориентироваться на Среднюю хронологию падения Вавилона и при этом оставлять в силе распространенную синхронизацию этого падения с окончанием слоя Алалах VI (см. выше), то мы получим в качестве длительности слоев Алалах V–IV промежуток ~225 лет (1595 г. – ок. 1370 г.), что никак не соответствует оценкам археологов. Если же мы последуем за сторонниками Ультракороткой хронологии, этот промежуток сократится приблизительно вдвое.

Проверка Ультракороткой хронологии стала также одной из основных задач состоявшегося в июле 2000 г. в Генте международного коллоквиума по ближневосточной хронологии. Ряд специалистов по смежным областям выразили согласие с аргументацией, выдвинутой командой Гаша, и подтвердили совместимость Ультракороткой хронологии с материалами других регионов Ближнего Востока. Согласно мнению Ф. Валла, Ультракороткая хронология значительно лучше, нежели Средняя, согласуется с историей Элама II тысячелетия[71]. Д. Уорбуртон также признал совместимость Ультракороткой хронологии с хронологией Египта[72].

IV. СЧЕТ ПО ПОКОЛЕНИЯМ – ЗА ИЛИ ПРОТИВ УЛЬТРАКОРОТКОЙ ХРОНОЛОГИИ?

Главным побуждением к удлинению «темного века» служат расчеты по поколениям, основанные главным образом на хеттском материале (а также отчасти на материале Халапа и Алалаха). Дискуссия о древнехеттских, халапских и алалахских царях является одной из излюбленных тем историографии – само их

---

[69] *Gromova D.* Hittite Role in Political History of Syria in the Amarna Age Reconsidered // UF. 2007. 39. P. 289.

[70] Естественно, что при выборе Короткой египетской хронологии или кандидатуры Тутанхамона, эта дата должна быть подвергнута дальнейшему омоложению.

[71] *Vallat F.* L'Elam du II[e] millйnaire et la chronologie courte // Accadica. 2000. 119–200. P. 7–17.

[72] *Warburton D.* Synchronizing the Chronology of Bronze Age Western Asia with Egypt // Akkadica. 2000. 119–120. P. 34–76.

число, не говоря уже о предполагаемых сроках правления, постоянно варьируется[73]. Конечно, в условиях отсутствия других данных, счет лет по поколениям остается одной из немногочисленных, хотя и шатких, альтернатив, однако при наличии других, более надежных, видов источников, метод счета поколений должен отойти на периферию и остаться лишь в качестве вспомогательного средства[74], и даже наоборот, само восстановление порядка правителей и длины их правлений должно опираться на более достоверные хронологические данные.

Однако даже такой сомнительный и, казалось бы, судя по современной историографии, заведомо «удлиняющий» хронологию метод, как расчет по поколениям, при комплексном подходе может дать результаты в пользу «укорачивания» хронологии. Если соотносить генеалогические данные с археологическим материалом из Алалаха, получается следующая картина.

Идри-ми, правивший в период слоя Алалах Vb, является современником Циданты II, Параттарны Митаннийского и Пиллии Киццуватнийского[75]. Следовательно, в хеттской истории на правления от Мурсили I (после похода на Халап и Вавилон)[76] до Циданты II приходится лишь время слоя Алалах V. Сын Идри-ми Никмепа, чье правление попадает на первую половину – середину слоя Алалах IV (после него на протяжении той же фазы правили еще его сын Илим-илимма II и по крайней мере Итур-Адду[77], а также, возможно, кто-то еще между ними), является уже современником Тудхалии I/II, Сауштатара II Митаннийского и Шунашшуры Киццуватнийского[78]. Однако длительность слоя Алалах IV предположительно оценивается в *ca.* 50–60 лет, а длительность слоя

---

[73] Наиболее значительные работы: *Otten H.* Die hethitischen «Königslisten» und die altorientalische Chronologie // MDOG. 1951. 83. P. 47–71; *Landsberger.* Assyrische Königsliste und «dunkles Zeitalter». S. 31–133; *Goetze.* On the Chronology of the Second Millenium B. C. // JCS. 1954. 8. P. 53–73; *Gurney O.R.* The Hittite Line of Kings and Chronology // Anatolian Studies Presented to H.G. Güterbock on the Occasion of His 65th Birthday. Leiden, 1974. P. 105–111; *Steiner G.* Die Dauer einer «Generation» nach den Vorstellungen des Alten Orients // High, Middle or Low? Vol. III / Ed. P. Åström. Gothenburg, 1989. P. 170–195; *Wilhelm G.* Generation Count in Hittite Chronology // Mesopotamian Dark Age Revisited. Proceedings of the International Conference of SCIEM 2000, Vienna 8th–9th November 2002. Wien, 2004. P. 71–79. Б. Ландсбергер предложил даже относить падение Вавилона еще к более раннему времени, чем предусматривает Долгая хронология, – *ca.* 1700 г. (Сверхдолгая хронология).

[74] Ср. *Cornelius.* Chronology. Eine Erwiderung. P. 102–104; *Zeeb.* Die Palastwirtschaft in Altsyrien... P. 89.

[75] *Beal R.H.* The History of Kizzuwatna and the Date of Šunaššura Treaty // Orientalia. 1986. 55. P. 428–429.

[76] М. Астур обратил внимание на то, что от Мурсили не осталось никаких синхронных ему документов (за исключением, возможно, договора с Хапиру – KUB XXXVI 106 + KBo IX 73 [CTH 27]; впрочем, он довольно убедительно датирует этот договор правлением Хантили I), а также детей (по крайней мере нам о них ничего неизвестно), что, скорее всего, указывает на непродолжительность правления Мурсили и его смерть в молодом возрасте. Астур также отмечает, что в Эдикте Телепину Мурсили посвящен лишь один параграф, тогда как менее прославленное, но, видимо, более продолжительное правление наследовавшего ему Хантили I занимает целых 9 параграфов. А значит, нет никаких оснований приписывать Мурсили правление в течение нескольких десятилетий, как это обычно делается. См. *Astour.* Hittite History... P. 13–14, 86. Not. 80.

[77] *Gromova.* Hittite Role in Political History... P. 289–290.

[78] *Beal.* The History of Kizzuwatna... P. 430–431, 435–445.

Таблица

Египет (даты по Средней хронологии)	Передняя Азия
	1833 г.* – затмение на следующий год после рождения Шамши-Адада I
	1833 г. – воцарение Шамши-Адада I по Средней хронологии
	1795 г.* – затмение на следующий год после рождения Шамши-Адада I
	1775 г. – смерть Шамши-Адада I по Средней хронологии
	*1774 г. (+4/–7) – постройка здания Hatipler Tepesi***
	1769 г. (+4/–7) – воцарение Шамши-Адада I по Короткой хронологии
	*1766 г. (+4/–7) – ремонт здания Hatipler Tepesi***
	1765 г.* – затмение на следующий год после рождения Шамши-Адада I
	1737 г. (или 1745 г.) – воцарение Шамши-Адада I по Ультракороткой хронологии
	1711 г. – смерть Шамши-Адада I по Короткой хронологии
	1679 г. (или 1687 г.) – смерть Шамши-Адада I по Ультракороткой хронологии
	1651 г. – падение Вавилона по Долгой хронологии***
ca. 1550 г. – начало XVIII династии	1595 г. – падение Вавилона по Средней хронологии***
	1531 г. – падение Вавилона по Короткой хронологии***
	1507 г. – падение Вавилона по Ультракороткой хронологии (вариант 2)***
1490 г. – воцарение Тутмоса III	1499 г. – падение Вавилона по Ультракороткой хронологии (вариант 1)***
1469 г. – начало самостоятельного правления Тутмоса III	
1468 г. – битва при Мегиддо	
1452 г. – 38-й год правления Тутмоса III, получение даров от Алалаха	
1439 г. – воцарение Аменхотепа II	
1413 г. – воцарение Тутмоса IV	
1403 г. – воцарение Аменхотепа III	
ca. 1374 г. – начало Амарнского архива, EA 17	
1366 г. – воцарение Аменхотепа IV	конец слоя Алалах IV
1349 г. – смерть Аменхотепа IV, воцарение Семнехкара	Однолетняя война Суппилулиумы I в Сирии
1346 г. – воцарение Тутанхамона	начало Шестилетней войны Суппилулиумы I в Сирии

* В таблице приведены все три возможных варианта отождествления затмения.

** Курсивом даны дендрохронологические датировки здания Hatipler Tepesi в Аджемхёюке, в котором были обнаружены буллы Шамши-Адада I.

*** Падение Вавилона = падение Халапа = конец слоя Алалах VI.

Алалах V – в *ca.* 60–65 лет[79]. Следовательно, на царствования хеттских правителей от Мурсили I до Тудхалии I/II приходится *ca.* 90 лет против традиционно предполагаемых ca. 200 лет. Впрочем данное обстоятельство вовсе не кажется мне значительной проблемой: отведение хеттским правителям от Мурсили I до Тудхалии I/II ca. 200 лет, с моей точки зрения, лишено твердых доказательств и основано исключительно на умозрительных предположениях.

Следует особенно подчеркнуть, что сокращение длительности «темных веков» вовсе не требует обязательного ужимания датировок правления «среднехеттских» правителей (от Тудхалии I/II до Тудхалии III), против чего особенно ополчаются противники Ультракороткой хронологии. Сжатию подлежит скорее древнехеттский период, а именно длительность правлений царей, сроки пребывания которых на престоле Хатти не отражены ни в каких источниках, да и само число которых, а также степень их родства между собой до сих пор остаются дискуссионными. Большинство этих правителей, по всей видимости, не состояли в родстве и являлись узурпаторами трона, так что представление об этом времени как об эпохе постоянных и частых дворцовых переворотов не лишено убедительности.

Безусловно, изложенные выше наблюдения не ставят окончательной точки в многолетнем диспуте о переднеазиатской хронологии II тысячелетия до н.э. Важнейшим выводом, который можно сделать на данный момент, является не столько идея о ложности той или иной хронологической шкалы, сколько мысль о необходимости отказа от узких рамок выбора из нескольких строго заданных вариантов. Одним из возможных вариантов выхода из этого порочного круга и является Ультракороткая хронология. Характерно, что Ультракороткая хронология допускает несколько вариантов датирования падения Вавилона (1499 г. или 1507 г.). На подобный многовариантный подход и комбинирование всех возможных видов источников и должны ориентироваться новейшие разработки проблем хронологии. Таким образом, именно исследование команды Х. Гаша, по моему представлению, должно лечь в основу конструируемой хронологической шкалы в качестве скелета, которому еще предстоит обрасти плотью.

BATTLE AGAINST THREE-HEADED DRAGON: NEW REVISION OF DATES OF BABYLON'S AND HALAP'S CAPTURE BY FORCES OF MURSILI I AND THE PROBLEMS OF NEAR EASTERN CHRONOLOGY (II MILL.ᵓBC)

D.N. Gromova

The paper presents arguments in favor of Ultra-Low Chronology for the end of I Dynasty of Babylon (1507 or 1499 BC) proposed by H. Gasche *et alia* with additional considerations based mainly upon some chronological interpretations of Alalakh archaeological material (Levels V–IV).

[79] См. выше.

© 2009 г.

А.В. Миронова

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЙ ПРАЗДНИК ОПЕТ В ЭПОХУ ХАТШЕПСУТ: РИТУАЛ И СИМВОЛИКА

«Прекрасный праздник Опет» (*ḥb nfr n Ỉpt*) – самый важный, длинный[1] и один из самых долго существовавших[2] праздников древнеегипетского календаря – неоднократно исследовался египтологами[3]. Однако, как правило, его изучение проводилось в основном на базе рельефов храмового комплекса Луксора, изобразительная программа которого сформировалась лишь в правление Тутанхамона (1347–1337 гг. до н.э.[4]). Между тем первые свидетельства о существовании Опета относятся к более ранней эпохе, правлению Хатшепсут (1490–1468 гг. до н.э.)[5]. Этот начальный этап праздника, остающийся практически неизученным, составляет предмет исследования данной статьи. Ее цель – реконструкция программы Опета и его символического значения на этапе сложения.

ПРОГРАММА ПРАЗДНИКА ОПЕТ

Центральная идея праздника Опет, сформулированная Л. Бэллом, заключалась в необходимости восстановления, во-первых, сил бога, слабеющего к концу года, по завершении сезона жатвы[6]. Во-вторых, фараона, нуждавшегося в обновлении власти, подтверждении способности управлять силами природы, в том числе содействуя приходу очередного разлива, что обуславливало проведение праздника незадолго до этого события[7]. Для обновления как сил бога, так и царского *k3* из Карнака в Луксор и обратно совершалось путешествие (рис. 1, 2), которое, по всей видимости, ассоциировалось с ежесуточным движением солнца[8]. Не исключена возможность, что путешествие с севера на юг, с одной стороны, означало также восхождение к истокам Нила, с другой – представляло символическое объединение Обеих Земель.

---

[1] В правление Тутмоса III (1468–1436 гг. до н.э.) Опет начинался в 15-й день второго месяца сезона *axem* («разлива») и длился 11 дней. См. Urk. IV. 742. 1–2 («анналы» царя на VI пилоне Карнака); Urk. IV. 824. 10 (список праздников в храме Элефантины).

[2] Опет продолжал праздноваться в греко-римское время, см. Esna II, 125: inscr. 55, 3; Edfou V, 350; *Junker H., Winter E.* Das Geburtshaus des Tempels der Isis in Philae. Wien, 1965. P. 304–305; *Daumas F.* Les mammisis des temples égyptiens. P., 1958. P. 329.

[3] Особо отметим: *Lacau P., Chevrier H.* Une chapelle d'Hatshepsout a Karnak. Vol. 1–2. Caire, 1977–1979; *Bell L.* The New Kingdom «Divine» Temple: The Example of Luxor // Temples of Ancient Egypt / Ed. B. Shafer, D. Arnold. L.–N.Y., 1997. P. 127–184; *Barguet P.* Le temple d'Amon Ré à Karnak: Essai d'exégése. Cairo, 1962. Две последние работы сыграли важную роль в понимании семантики Опета. Автор данной статьи исходит из предложенной концепции праздника.

[4] PM² II. P. 312–316. Plan XXI; *Wolf W.* Das Schöne Fest von Opet. Lpz, 1931.

[5] Хатшепсут фактически правила Египтом около двух десятилетий, оттеснив на второй план своего пасынка, племянника и соправителя Тутмоса III. Изображения последнего тем не менее включались в памятники, созданные в период ее правления.

[6] *Bell.* The New Kingdom... P. 157.

[7] Ibid. P. 157–158.

[8] *Quirke S.* Le culte de Rê. Londres, 2001. P. 61–62.

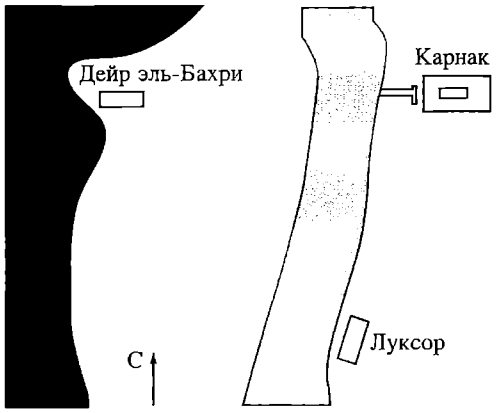

Рис. 1. Схема расположения фиванских храмов (*Fitzenreiter M.* Richtungsbezüge in ägyptischen Sakralanlagen // SAK. 2003. № 31. Abb. 14)

В Луксоре – месте рождения Амона-Ра Карнакского – статуя последнего встречалась со статуей Амона Луксорского (Опетского), «принимая» от него утраченную силу[9]. Там же приносились жертвы перед изображениями Амона-Ра и проводился обряд повторной коронации фараона[10], в результате которого происходило обновление царского *kꜣ*.

Хотя данная концепция изложена Л. Бэллом применительно ко времени Аменхотепа III (1402–1365 гг. до н.э.) и более позднему, схема проведения и содержание Опета при Хатшепсут во многом им соответствовала. Вместе с тем программа празднования Опета этого времени существенно отличалась от программы последующих эпох, что будет нами показано на основании анализа изобразительной программы Опета, составленной в период правления царицы.

Источниками, содержащими сведения об Опете в период его начального формирования, служат рельефы двух памятников времени Хатшепсут: так называемой Красной капеллы в Карнаке (южная стена)[11] (рис. 1, 3) и заупокойного храма царицы в Дейр эль-Бахри (верхняя терраса, южная часть восточной

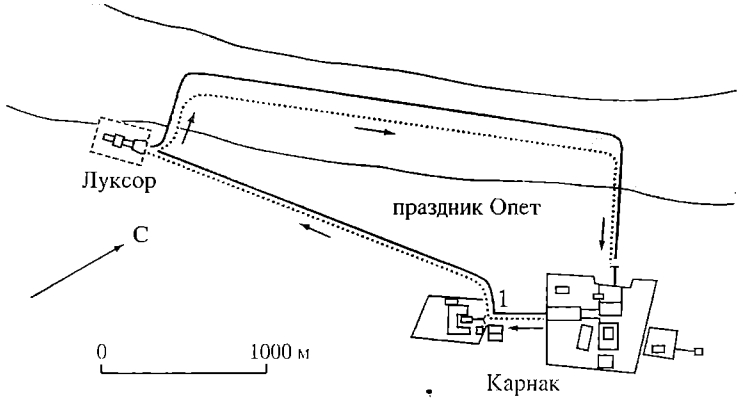

Рис. 2. План расположения Карнака и Луксора и схема маршрута процессии в ходе праздника Опет в эпоху Хатшепсут. *1* – первая путевая часовня Хатшепсут (*Wilkinson R.H.* The Complete Temples of Ancient Egypt. L., 2000. P. 95)

[9] *Bell.* The New Kingdom... P. 157.

[10] Ibid. P. 173. См. рельефы со сценами коронации Аменхотепа III Амоном-Ра в святилище барки в Луксоре.

[11] PM² II. P. 66–68. Вскоре после смерти Хатшепсут Красная капелла (далее в прим. – КК) была демонтирована Тутмосом III, построившим на ее месте VI пилон и новое «гранитное святилище» (PM² II. P. 98). В настоящее время первоначальный облик капеллы воссоздан в Музее под открытым небом в Карнаке (см. *Mathieu B.* La chapelle Rouge d'Hatchepsout à Karnak // La Revue Egypte Afrique et Orient. 2000. 17. P. 13–14; *Larché F.* L'anastylose de la Chapelle Rouge // Ibid. P. 15–22).

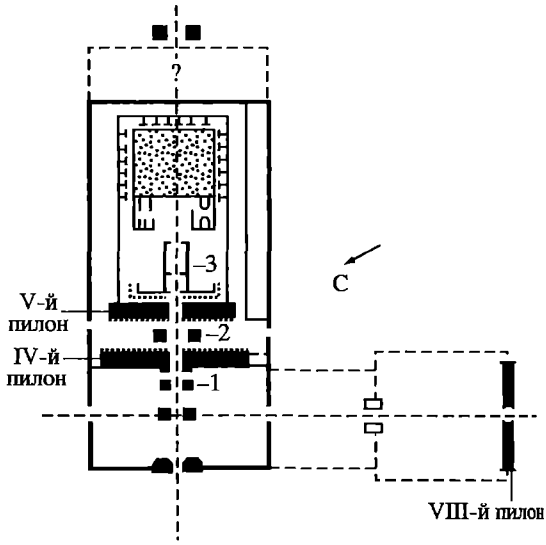

Рис. 3. План-схема храма Амон-Ра в Карнаке в эпоху Хатшепсут. *1* – обелиски Тутмоса I; *2* – обелиски Хатшепсут; *3* – Красная капелла (*Hegazy E-S., Martinez P.* Le «Palais de Maat»... P. 65)

стены)[12] (рис. 1, 4). Иконографический анализ рельефных композиций из Дейр эль-Бахри[13] и Красной капеллы[14] позволяет достаточно полно реконструировать этапы праздничных церемоний.

Сцены в Красной капелле представляют главных участников ритуала (фараона, жрецов, музыкантов), опуская изображение лиц, сопровождавших процессию (вельмож, воинов, гребцов), которые встречаются в Дейр эль-Бахри. Вероятно, эта особенность определялась разным назначением сооружений. Красная капелла – это святилище, расположенное в самом сокровенном месте храма[15]; верхняя терраса храма Дейр эль-Бахри – праздничный двор (*wsḫt-ḥb(y)t)*, куда имели доступ обычные люди[16]. Данное обстоятельство отразилось в различии сцен – в первом случае строго знакового характера, во втором – с выраженным реалистическим началом.

В Дейр эль-Бахри рельефы со сценами праздника размещались в двух регистрах стены (рис. 5)[17]. В верхнем они не сохранились, но, вероятно, воспроизводили движение процессии с севера на юг, из Карнака в Луксор (с позиции зрителя – ориентация слева направо[18]). Сцены нижнего регистра, относительно хорошо сохранившиеся, представляют возвращение процессии по воде в Карнак (ориентация композиции справа налево). Последовательность расположения сцен и их направление (параллельно берегам Нила) соответствует реальному движению процессии.

В Красной капелле, ориентированной по оси восток–запад, рельефы с изображением праздника соотносились, видимо, с выходом божества из святилища

---

[12] PM² II. P. 357 (79–81). Plan XXXV; *Naville E.* The Temple of Deir el Bahari. V. L., 1906. P. 4–5. Pl. CXXIII–CXXVI.

[13] PM² II. P. 357 (79–81). Многие сцены с изображением праздника в Дейр эль-Бахри разрушены Тутмосом III; частично восстановлены Рамсесом II (см. *Naville.* The Temple of Deir de Bahari; *Karkowsky J.* The Question of the Beautiful Feast of the Valley Representation in Hatshepsut's Temple at Deir el-Bahari //Acts 1st ICE. Cairo, 1979. P. 359–364). Реконструкцию композиций южной стены см. *Pawlicki F.* Deir el-Bahari. The Temple of Queen Hatshepsut, 1998/1999 // PAM. 1999. XI. P. 128–129.

[14] PM² II. P. 66–67 (69–121). Цветные фотографии блоков КК см. на авторском сайте К. Лезера (K. Leser): http://www.maat-ka-ra.de/english/ bauwerke/red_chap/ hat_redc. htm.

[15] См. *Carlotti J.-F.* Mise au point sur les dimensions et la localisation de la chapelle d'Hatchepsout à Karnak // Cahiers de Karnak. 1995. X. P. 155–156; *Hegazy E.-S., Martinez P.* Le «Palais de Maat» et la «Place favorite d'Amon» // DAH. 1993. 187. P. 55.

[16] См. *Arnold D.* Wandrelief und raumfunktion in ägyptischen Tempeln des Neuen Reiches. B., 1962.

[17] См. прим. 11; *Karkowsky.* The Question...

[18] Ibid. P. 360.

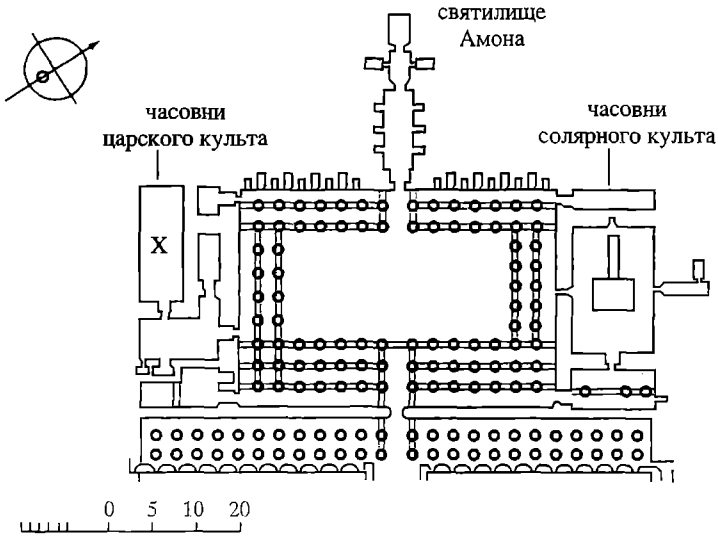

Рис. 4. План-схема верхней террасы заупокойного храма Хатшепсут в Дейр эль-Бахри. X – часовня Хатшепсут (*Pawlicki F.* Deir el-Bahari... P. 154)

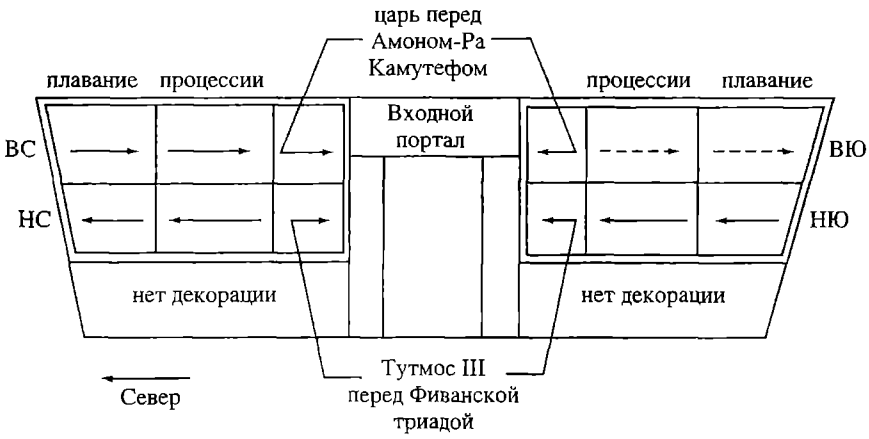

Рис. 5. Схема размещения сцен праздника Опет (правая часть стены) и праздника Долины (левая часть) на верхней террасе храма в Дейр эль-Бахри. В – верх, Н – низ, С –север, Ю – юг (*Karkowsky J.* The Question of the Beautiful Feast... P. 361)

и его путешествием с востока на запад. Сцены движения процессии с баркой Амона-Ра из Карнака в Луксор и обратно включены в общую изобразительную концепцию южной стены капеллы, разделенной на восемь регистров. Семь из них были созданы при Хатшепсут, VIII (верхний) регистр оформлен при Тутмосе III. В I (нижнем) регистре запечатлена процессия номов и храмов, подносящих дары Амону-Ра[19]; во II – оракул о плавании Амона-Ра на север (из Луксора в Карнак?) и повторной коронации Хатшепсут в Карнаке[20]; в III – выход

[19] PM² II. P. 65.

[20] PM² II. P. 66 (69); *Lacau, Chevrier.* Une chapelle... P. 97–129; *Murnane W.* Unpublished fragments of Hatshepsut's historical inscription from her sanctuary at Karnak // Serapis. 1980. 6. P. 91–96.

Рис. 6. Сцена с изображением путевой часовни Хатшепсут. Красная капелла, блок 135. Фото K. Leser. См. прим. 14 настоящей статьи

процессии с баркой из Карнака в Луксор[21]; в IV – сцены подношения даров Амону-Ра[22]; в V – возвращение процессии из Луксора в Карнак[23]; в VI – подношения Амону-Ра и эннеаде[24], в VII – представление обелисков Амону и коронация Хатшепсут Амоном[25].

Результаты исследований Л. Бэлла позволяют нам предположить, что декоративная программа Красной капеллы отражает последовательность этапов проведения Опета. В таком случае его программа выглядит следующим образом.

После явления оракула в Карнаке жрецы в сопровождении Хатшепсут и Тутмоса III выносили священную барку со статуей Амона-Ра из святилища Красной капеллы. Далее процессия направлялась к выходу из главного храма, к IV пилону[26], затем, поворачивая на юг, покидала храмовый комплекс через VIII пилон[27]. Отсюда ее путь шел к храму Луксора[28], где происходила встреча статуй Амона Карнакского и Амона Луксорского и совершались ритуалы, направленные на возрождение сил бога[29].

На пути из Карнака в Луксор Хатшепсут выстроила шесть часовен[30], в которых, по мере продвижения процессии, барка останавливалась. Вход в каждую часовню с западной стороны фланкировали «осирические» статуи Хатшепсут. На каждой остановке Хатшепсут и Тутмос III поочередно совершали воскурение перед баркой божества (рис. 6). Следует подчеркнуть, что ко времени

---

[21] PM² II. P. 66 (70–80).
[22] PM² II. P. 66 (81–89).
[23] PM² II. P. 67 (90–96).
[24] PM² II. P. 67(97–110).
[25] PM² II. P. 67 (111–121).
[26] IV пилон возведен при Тутмосе I (PM² II. Plan X).
[27] VIII пилон возведен при Хатшепсут (PM² II. P. 174. Plan XIV).
[28] PM² II. Plan XXIV.
[29] *Bell L.* Luxor Temple and the Cult of Ka Royal // JNES. 1985. 44. P. 289.
[30] Обнаружены остатки лишь одной из них, см. PM² II. P. 276–277. Plan XXVII (H); *Lacau, Chevrier.* Une chapelle…; *Ricke H.* Das Kamutef-Heiligtum Hatschepsuts und Thutmoses'III. in Karnak // BÄBA. 1954. Bd 3.

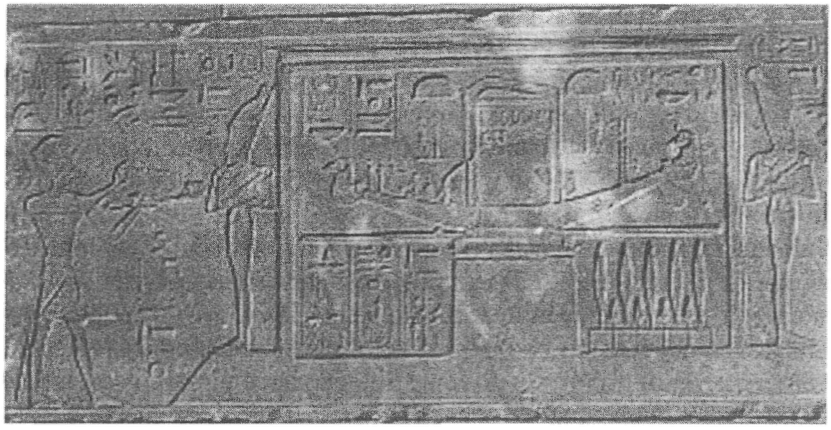

Рис.7. Сцена плавания ладьи Усерхат. Красная капелла, блок 104. Фото K. Leser

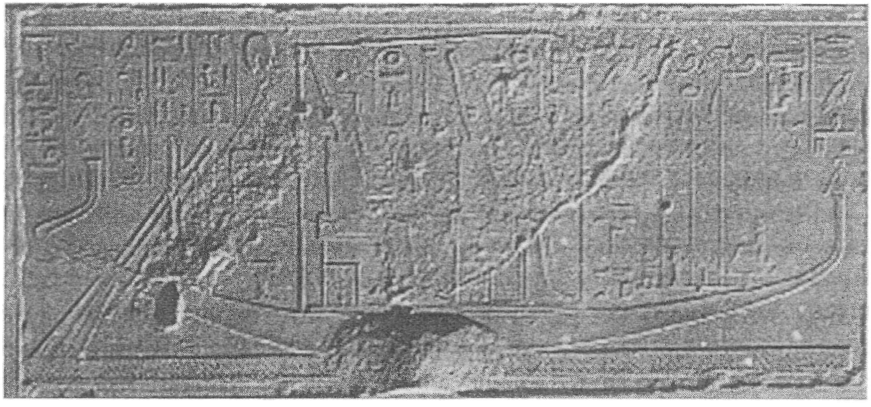

Рис. 8. Сцена плавания ладьи с «хеб-седными» статуями Хатшепсут и Тутмоса III. Красная капелла, блок 171. Фото K. Leser

правления Тутанхамона (1348–1338 гг. до н.э.) уже весь путь процессии Опета проходил по воде[31].

На обратном пути из Луксора в Карнак портативная барка Амона-Ра помещалась на ладью Усерхат (*Wsr-ḥ3t*, досл. «Сильный передом»)[32], где, по сторонам от наоса, стояли Хатшепсут и Тутмос III. Первая совершала поклонение Амону, второй – символическую греблю (рис. 7). Плавание Усерхат в Карнак проходило в сопровождении царской ладьи с «хеб-седными» статуями[33] Хатшепсут и Тутмоса III (рис. 8). Судя по рельефам храма в Дейр эль-Бахри, во главе процессии плыли несколько барок, тянувших за трос обе ладьи, а вдоль реки по берегу шли придворные (*sʿḥw nsw smrw ḥm.f šms(y)w)* – «царские вельможи, друзья Его Величества, сопровождающие»), царские жрецы-*wʿbw*, несущие троны

[31] *Bell.* The New Kingdom… P. 162.

[32] Описание ладьи см. *Foucart G.* Le temple flottant // MonPiot. 25. 1921–1922. P. 143–169.

[33] Описание статуй см. *Lacau, Chevrier.* Une chapelle… Pl. 9; *Naville.* The Temple Deir el-Bahari. Pl. CXXV.

Хатшепсут и Тутмоса III, а также отряды солдат, держащих пальмовые ветви, штандарты, топорики[34].

По возвращении процессии в Карнак жрецы вносили барку в Зал праздников (*wsḫt-ḥb(y)t*), где при участии певцов и танцоров Хатшепсут совершала ряд ритуалов: освящение четырех сундучков *mrt*, «хеб-седный» бег с быком Аписом перед Алебастровой капеллой Аменхотепа I во время обряда «подношения почвы»[35].

Далее жрецы выходили из Зала праздников и вносили барку Амона в Большой дворец (*ḫwt-ʿ3t*)[36], где совершались приношения Амону-Ра и богам эннеады[37]. Завершающий этап – проведение в «Доме великом» (*Pr-wr*)[38] обряда повторной коронации Хатшепсут Амоном-Ра[39]: обряд подтверждал состоявшееся объединение всей территории Египта в результате обхода ее царем и (в очередной раз) его право на управление страной.

СИМВОЛИКА ПРАЗДНИКА

На стене Красной капеллы последовательность сцен процессии из Карнака в Луксор выстроена с востока на запад, что соответствует направлению движения жрецов, несущих барку Амона-Ра из святилища до IV пилона. Это вызывает ассоциации с небесным плаванием Ра, его заходом на западном горизонте и вступлением в загробный мир[40]. В таком случае движение праздничной процессии из Карнака в Луксор может быть соотнесено с ежедневным ночным странствием солнечного бога по подземному Нилу, описанным в Книге Амдуат («Книге о том, что ином мире»)[41]. Напомним, что первые изображения ее сюжетов появились в гробнице самой Хатшепсут (KV20[42]).

В пользу этой гипотезы говорят несколько моментов. Прежде всего, иконография портативной барки, имеющая ряд общих черт с ночной ладьей Ра в Книге Амдуат. В центре ладьи Ра – старое, зашедшее на западе солнце; в числе его спутников, как и на портативной барке Амона-Ра, упомянуты «Владычица ладьи» и стоящий на корме «Управитель барки»[43], место которого на процессионной барке занимала фигурка фараона.

Следует также обратить внимание на форму опахал над баркой Амона-Ра: в сценах путешествия из Карнака в Луксор они состоят из плотно собранных

---

[34] *Naville*. The Temple of Deir de Bahari. P. 4–5. Pl. CXXIII–CXXVI; PM² II. P. 357–358 (79–81).

[35] КК, V регистр, блоки 176, 102, 66, 130. PM² II. P. 67 (92– 95).

[36] О характере сооружения см. *Lacau, Chevrier*. Une chapelle... P. 202–203; *Hegazy, Martinez*. Le «Palais de Maat»... P. 56–58.

[37] КК, VI регистр. PM² II. P. 67 (97–110).

[38] См. *Hegazy, Martinez*. Le «Palais de Maat»... P. 55.

[39] КК, VII регистр. PM² II. P. 67 (111–121).

[40] *Barguet*. Le temple d'Amon Ré... P. 339.

[41] См. *Hornung E*. Das Amduat. Die Schrift des verborgenen Raumes. T. I–II. Wiesbaden, 1963–1967.

[42] PM² I (2). P. 546–547. Plan. P. 542; *Davies T.M. et al*. The Tomb of Hâtshopsîtû. L., 1906. Об атрибуции гробницы KV20 и датировке первой версии Книги Амдуат см. *Mauric-Barberio F*. Le premier exemplaire du Livre de l'Amduat // BIFAO. 2001. 101. P. 315–334.

[43] См. *Hornung*. Das Amduat... I. Pl. 16.

страусовых перьев, напоминая заходящее за горизонт солнце[44], в сценах возвращения – перья опахал расправлены, уподобляясь солнечным лучам. Это вполне отвечает символическому смыслу возвращения, связанному с появлением солнца на востоке, когда бог, после ночного плавания, приобретал снова силу и могущество и освещал своими лучами землю.

Уподобление несения барки плаванию Амона-Ра прямо подтверждается и текстом из Красной капеллы: «Путешествие в мире к Южному Опету [= Луксору] в его [т.е. бога] ежегодном плавании» (*ḏ3(y) m ḥtp r ỉpt rst m ḫnt.f nt tp rnpt*)[45]. Таким образом, праздничная процессия с баркой являет собой *аналог* ночного плавания солнечной ладьи по подземному Нилу.

Вероятно, в этом же ключе следует толковать и символическое значение шести путевых часовен Хатшепсут, выстроенных на пути следования процессии. Они могли символизировать отдельные *этапы* (пространственные и временные) подземного путешествия Ра, соответствуя первым шести его часам, т.е. половине ночного пути. Это предположение вполне согласуется с принципом уподобления ряда египетских храмовых построек часам дневного или ночного пути солнца. Так, помещения Карнакского храма, по-видимому, отождествлялись с часами дневного путешествия солнечного бога. Как отмечает П. Барге, на это указывает сцена на воротах VI пилона храма с изображением Тутмоса III, славящего Амона-Ра «в девятый час дня»[46]. Еще один пример – зал Луксорского храма с двенадцатью колоннами, предположительно соотносившимися с часами дневного и ночного плавания солнца[47]. Выстроенные, видимо, по одному плану, путевые часовни имели вход с западной стороны, выход – с восточной. Скорее всего, внесение жрецами барки в очередную часовню символизировало вступление солнечного бога в ночную долину Дуата. После соответствующих ритуалов внутри или вовне капеллы барка с наосом проносилась через здание, что означало, вероятно, удачное прохождение Ра через подземную долину.

Вместе с тем праздничная процессия должна была иметь отношение также и к посмертной судьбе фараона, его воскресению в новом облике, так как плавание солнечной ладьи в Дуате было связано с загробным путешествием фараона. На это намекает оракул Красной капеллы, адресованный от лица бога царице: «... пребывающие в Дуате сопровождают тебя. Поднимись же в форме его [= бога] солнечного диска. Появившаяся эннеада присоединяется к тебе. Боги следуют за тобой, когда сияешь ты как сила (*sḫm*) Ра» (*imyw dw3t ḥr sšm.ṯ ḥ ʿy rṯ m ḫprw iṯn.f ḫnm.ṯ n ḥ ʿy psḏ.f iw nṯrw m šms.tw.ṯ wbn.ṯ m sḫm n R ʿ*)[48].

Этому отвечает присутствие по сторонам от входа в путевые часовни «осирических» статуй Хатшепсут, представлявших ипостась умершего царя, уподоблявшегося Осирису. Становится объяснимым присутствие сцен праздника Опет на стенах заупокойного храма Хатшепсут, желавшей в будущей жизни совершать плавание вместе с богом. Следовательно, праздник Опет был связан с заупокойным культом царя, так же как Праздник Долины, сцены которого пред-

---

[44] О символике опахал см. *Kees H.* Der Opfertanz der ägyptischen Königs. München, 1912. S. 126–127, 235–236.

[45] КК, 226 (*Lacau, Chevrier.* Une chapelle... P. 158).

[46] PM^2 II. P. 88 (239); *Barguet.* Le temple d'Amon Ré... P. 336–340.

[47] *Brunner H.* Die südlichen Räumer des Tempels von Luxor. Mainz am Rhein, 1977. S. 81; *Bryan B.* Designing the Cosmos: Temples and Temple Decoration // Egypt's Dazzling Sun: Amenhotep III and His World / Ed. A. Kozloff, B. Bryan. Cleveland, 1992. P. 86.

[48] КК, блок 48 (*Lacau, Chevrier.* Une chapelle... P. 122).

ставлены в западной части южной стены и на северной стене верхней террасы храма в Дейр эль-Бахри[49] (рис. 5).

Дополнительным аргументом в пользу данной гипотезы является пространственное соотношение сцен праздника Опет с общим характером оформления верхней террасы Дейр эль-Бахри. Сцены движения процессии из Карнака в Луксор направлены в сторону южной стены террасы, за которой располагались заупокойные царские часовни – самой Хатшепсут и Тутмоса I[50], в то время как сцены возвращения процессии из Луксора в Карнак направлены к северным помещениям, где находились часовни, посвященные солнечным божествам Амону-Ра, Ра-Хорахте[51] (рис. 4, 5). Таким образом, сцены праздника Опет в Дейр эль-Бахри соотносятся с осью юг–север, ассоциировавшейся с посмертным путешествием фараона на север, где находились негаснущие звезды, среди которых покойный желал пребывать вечно. Кроме того, направление сцен в сторону солярных часовен символизировало возрождение самого солнечного бога, возвращавшегося в свое жилище, а соединение во время празднования Опет двух осей – восток–запад и север–юг – означало, на наш взгляд, с одной стороны, сочетание в празднике божественного и царского культов, а с другой – путешествие солнца по миру, освещение им всей земли[52].

Таким образом, сцены процессии из Карнака в Луксор, по-видимому, соотносились как с ночным путешествием Ра в загробном мире, так и с путешествием умершего фараона в свою гробницу, в жилище Осириса, где совершались ритуалы, направленные одновременно на возрождение бога и умершего фараона.

В связи с этим отметим пространственную параллель между реальным ходом праздника, проводившегося на восточном берегу реки (рис. 2), и размещением праздничных сцен на восточной стене верхней террасы заупокойного храма Хатшепсут (рис. 4–5), находящегося на западном берегу. Как отмечалось ранее, рельефные сцены Опета из Дейр эль-Бахри расположены по оси север–юг, соединяющей солярные и заупокойные царские часовни, которые в символическом плане, вероятно, аналогичны храмам Карнака и Луксора соответственно. В целом названные положения можно представить в виде следующей схемы:

Восточный берег	Западный берег
(*направление процессии*)	(*направление храмовых сцен*)
Карнак →Луксор	солярные часовни → заупокойные часовни
Карнак ← Луксор	солярные часовни ← заупокойные часовни

Восточный и западный берега ассоциировались соответственно с миром живых и миром мертвых, что отвечает *двойственному* смыслу праздника, где живой фараон предстает в качестве умершего. Тем самым он исполнял по отношению к себе самому роль Хора, которую тот играл в ситуации с его умершим отцом Осирисом, способствуя его воскрешению. С одной стороны, заложенная изначально в празднике Опет цель возрождения силы *правящего* фараона символически распространялась на *посмертную* судьбу фараона, желавшего воскреснуть в ином мире. Это отразилось в расположении праздничных сцен

---

[49] PM² II. P. 358 (81–83).

[50] PM² II. P. 359–361.

[51] PM² II. P. 362–363.

[52] См. *Bryan.* Designing the Cosmos... P. 104.

на восточной части стены заупокойного храма царицы в Дейр эль-Бахри. С другой стороны, выявленная связь праздника Опет с посмертной судьбой фараона экстраполируется на символику праздника в целом, проводившегося в действительности на противоположном, восточном, берегу.

Таким образом, символический смысл праздничной процессии Опет – обновление земной природы правителя, который, подобно солнечному богу, проходит этапы символической смерти, воскресения в ином мире и возвращения в этот мир. Эта двойственная природа Опета объясняет соотношение реальной программы праздника и его символического смысла, выраженное в системе координат север–юг: Карнак ↔ Луксор, солярные часовни ↔ заупокойные царские часовни. При этом Луксор являл собой своеобразный аналог гробницы, где происходило возрождение бога и фараона.

Ритуалы, совершаемые фараоном в ходе праздничной процессии, способствовали правильному прохождению этапов путешествия бога и умершего правителя. Так, воскурение ладана перед каждой путевой часовней в равной степени относилось как к статуе бога, помещенной на постаменте в капелле, так и к «осирическим» статуям самого фараона (рис. 6)[53]. Тем самым ритуал был направлен на восстановление сил бога и символически умершего царя, а также содействовал их продвижению по загробному миру.

Над каждой из «осирических» статуей в рельефах Красной капеллы помещено личное или тронное имя Хатшепсут. Согласно Текстам пирамид, провозглашение имени умершего фараона перед богами обеспечивало ему доступ сквозь запертые ворота неба[54]. В данном случае, произнося имя умершего «двойника» Хатшепсут перед лицом бога, царь (Хатшепсут или Тутмос III) помогал ему пройти через врата подземной долины.

Во время каждения фараон стоял на каменном блоке с изображением «девяти луков», таким образом символически уничтожая злые силы, не допускавшиеся в потусторонний мир. Победа над врагами позволяла царю подняться на небо и вступить в сонм богов[55], что в контексте празднования Опет подразумевало, по-видимому, осуществление его совместного с богами плавания в Дуате.

Другая сторона праздника – *обновление сил бога* и восстановление его власти над миром. Исходя из гипотезы об аналогии пути из Карнака в Луксор с шестичасовым плаванием Ра по подземному Нилу, можно предположить, что в контексте праздника Луксор ассоциировался с седьмой долиной – одновременно пещерой Осириса и местом борьбы со змеем Апопом, воплощением сил зла и хаоса.

Эта аналогия отражается в принципе размещения композиций в храме Дейр эль-Бахри: сцены путешествия из Карнака в Луксор направлены в сторону царских заупокойных часовен, уподоблявшихся жилищу Осириса. В часовне самой Хатшепсут присутствуют сцены поклонения царицы богам двенадцати часов дня и ночи[56], отмечавших этапы путешествия Ра[57]. Подобные изображения богов со звездами на голове встречаются в нижнем регистре сцены

---

[53] Подробнее о характере «осирических» статуй Хатшепсут см. *Leblanc C.* Le culte rendu aux colosses «osiriques» durant le Nouvel Empire // BIFAO. 1982. 82. P. 299–305.

[54] Pyr. 263. § 340a–b; 264. § 348 (c).

[55] Ibid. 260–262.

[56] PM² II. P. 360–361 (101).

[57] См. *Quirke.* Le culte de Rê. P. 72–73.

седьмого часа в Книге Амдуат[58], с которой могла ассоциироваться часовня Хатшепсут. Тексты гимнов, обращенных к богам ночных часов, включают также выдержки из Книги мертвых[59], что указывает на связь между культами солнца и умершего царя.

Параллели между заупокойной часовней Хатшепсут и святилищем Луксора позволяют предположить, что ряд церемоний, проводившихся в Луксоре во время Опета, воспроизводил сражение богов с Апопом, воплощением зла. В результате одной из них – «отверзание уст и очей», проводимой со статуей Амона Опетского[60], утверждалась победа над смертью, разрушались силы зла, хаоса и вновь устанавливался космос, воплощенный в образе храма.

Таким образом, символика процессии Опета может быть, по-видимому, также соотнесена с праздниками в честь Осириса, которому уподоблялся Амон-Ра во время его плавания по подземному Нилу. Тогда сухопутный путь из Карнака в Луксор следует понимать как знак иссушения Нила и, следовательно, смерти Осириса, а возвращение процессии по воде – как оживление бога[61].

Вероятно, празднование Опета было приурочено к началу разлива реки[62]. На последнее указывает гимн Нейт на рельефе, запечатлевший возвращение процессии в Карнак. В нем богиня обращает к богу Нила слова: «Путь по дорогам прорублен для тебя, Хапи, великий и высокий» (*wȝ.ṯ r wȝ(w)t mr n.k Ḥʿpy wr ḥy*)[63], – в чем К. Зете усматривает намек на обозначение наводнения[64]. Само упоминание Нейт, являвшейся (в том числе) и богиней воды и способствовавшей разливу Нила[65], подчеркивает связь праздника с этим событием.

Таким образом, процессия, отправлявшаяся в путь из Карнака в Луксор по земле, возвращалась по воде – как символ обновления плодородящих сил земли, связанный с наступлением разлива Нила и воскресением Амона-Ра-Осириса. Радостные чувства по этому поводу, отраженные в знаменитом гимне Осирису[66], в рельефах Дейр эль-Бахри выражают ликующие воины с пальмовыми ветвями[67], которые бегут по берегу реки, сопровождая плывущие ладьи.

---

[58] *Hornung*. Das Amduat... I. Pl. 7; *Piankoff A*. The Tomb of Ramses VI. N.Y., 1954. P. 282–283. Fig. 80.

[59] *Barwik M.* The So-called «Stundenritual» from Hatshepsout's Temple at Deir el-Bahari // OLA. 1998. 82. P. 114–115.

[60] *Bell.* The New Kingdom... P. 176.

[61] *Frankfort H.* Kingship and the Gods. Chicago, 1958. P. 190–195.

[62] *Bell.* The New Kingdom... P. 158.

[63] КК, блоки 104, 171 (*Lacau, Chevrier*. Une chapelle... P. 187). Аналогичный текст: в Зале праздников Тутмоса III в Карнаке (*Barguet*. Le temple d'Amon Ré... P. 176) и на западной и восточной стенах колоннады Луксора (*Wolf*. Das Schöne Fest... P. 57). Перевод и комментарий гимна см. *Sethe K*. Die beiden alten Lieder von der Trinkstätte in den Darstellung des Luksorfestzuges // ZÄS. 1929. 64. S. 4–5.

[64] *Sethe*. Die beiden alten Lieder... S. 4.

[65] *Томашевич О.В.* Нейт саисская – богиня воды // Мероэ. 1989. 4. С. 195.

[66] Ste. Louvre C 286 (издание: *Moret A*. La légende d'Osiris à l'epoque Thèbaine d'après l'hymne à Osiris du Louvre // BIFAO. 1931. 30. P. 725–750. Tabl. I–III).

[67] Об интерпретации пальмовой ветви в праздничных сценах см. *Gobeil C*. Le port de la «branche festive» comme signe extérieur de joie? // La revue Egypte Afrique et Orient. 2005. 40. P. 35–44.

Возвращение процессии по Нилу представляет собой, видимо, продолжение ночного странствия бога в Дуате, т.е. вторую половину его пути. Доказательством может служить фрагмент одного из гимнов Ра (P. Ani. Pl. 1), где покойный говорит: «Я поразил Апопа в тот момент, когда он возник... Я видел Хора у рулевого весла и Тота и Маат перед ним. Тянул (я) *переднюю веревку* в *ночной* барке (курсив мой. – *А.М.*), заднюю веревку в дневной барке»[68]. Передняя веревка здесь отнесена именно к ночной ладье бога. В сцене плавания на рельефах Красной капеллы (блок 104, 171; рис. 8) и Дейр эль-Бахри «хеб-седные» статуи царей изображены тянущими именно переднюю веревку барки Усерхат. Это подтверждает предположение о соотнесении плавания по Нилу в Карнак с ночным путешествием солнца, которое становится возможным в результате наполнения иссохшего русла реки водой после поражения змея Апопа, изрыгающего проглоченную воду.

Окончательное возрождение бога происходило в конце плавания по Нилу – по прибытии в Карнак – «горизонт на земле, священный первородный холм» (*3ḫt pw ʾIpt-swt tp t3 ḳ33 šps n sp tp*), как о нем говорится на северном обелиске Хатшепсут, расположенном между IV и V пилонами храма (Urk. IV. 364). Пройдя весь подземный путь, солнечный бог выходил на берег Карнака, где над эгидой ладьи Амона-Ра фараон совершал повторный обряд «отверзания уст и очей» [69]. Тем самым происходило оживление Амона-Ра перед дневным путешествием и освобождение его от оболочки Осириса, которую бог сбрасывал по окончании плавания в Дуате, воскресая в облике Хепри[70].

По-видимому, во время праздника обряд «отверзания уст и очей» проводился также над статуей фараона, символически проходившего ночное странствие вместе с богом. Поскольку в контексте Опета Луксор, вероятно, уподоблялся гробнице фараона, можно представить, что в этом храме совершался указанный обряд, позволявший покойному царю продолжить путешествие на восток.

Подтверждение этому – характер соотношения сцен Книги Амдуат в царской гробнице с декорацией царского саркофага. Так, в гробнице Тутмоса III (KV34) «глаза» (*wḏ3t*) изображены на той стороне саркофага, которая обращена на восточную стену гробницы, где представлены сцены последних часов путешествия бога по подземному миру[71]. Весьма возможно, аналогичное положение занимал саркофаг Хатшепсут в KV20[72]. Таким образом, умерший фараон «смотрел»

---

[68] *Budge E.A W.* The Book of the Dead: the Papyrus of Ani in the British Museum. L., 1895; *Assman J.* Ägyptische Hymnen und Gebete. Zürich, 1975. № 30.

[69] См. сцены в храме Ахмену Тутмоса III (PM² II. P.104 (310). Plan XI. Room XV; *Barguet.* Le temple d'Amon Ré... P. 210. Not. 1. Pl. XXV [c]; *Murnane W.* The Bark of Amun on the Third Pylon of Karnak // JARCE. 1979. 16. P. 19.

[70] См. *Hornung.* Das Amduat... I. Pl. 12.

[71] PM² I (2). P. 553. Plan. P. 552.

[72] О двух саркофагах для Хатшепсут см. *Hayes W.C.* Royal Sarcophagi of the XVIII Dynasty. Princeton, 1935. P. 157–163. Один из них («C») был заново оформлен для погребения Тутмоса I, отца царицы (*Manuelian P., Loeben C.E.* New Light on the Recarved Sarcophagus of Hatschepsut and Thutmosis I. in the Museum of Fine Arts, Boston // JEA. 1993. 79. P. 121–155).

на этапы возрождения бога и продвижения его на восток, желая также возродиться в следующей жизни[73]. Из сказанного следует, что путешествие покойного царя на восток связано с возможностью видеть, получаемой в результате жертвоприношений перед образом усопшего и проведения над ним обряда «отверзания уст и очей».

Наличие на борту ладьи статуй фараона в виде сидящей на престоле мумиобразной фигуры указывает, по-видимому, на новое качество правителя, приобретенное после проведения ряда ритуалов в Луксоре: уподобление Осирису и, следовательно, воскресению в ином мире, воцарению на престоле и обретению возможности передать власть своему преемнику на земле[74].

Итак, сцены плавания из Луксора в Карнак сопоставимы не только с ночным странствием солнечного бога, но и с загробным путешествием фараона. Это подтверждает также сравнение гимна Нейт из Красной капеллы (см. выше прим. 64) с аналогичной надписью из Зала праздников Тутмоса III в Карнаке[75], которая, в свою очередь, перекликается с текстом над изображением *погребальной барки* в мастабе Мererука в Саккаре[76]. Кроме того, изображение Тутмоса III (рис. 7), управляющего веслом на ладье Усерхат, схоже с мотивом управления покойным солнечной ладьей в Книге мертвых (главы 101–102). В одном случае покойный гребет на ладье Ра, защищая его от демонов и одновременно получая от него силу, в другом – просит бога: «Возьми и меня в ладью свою... Позволь мне направлять твое плавание с твоими спутниками, которые являются негаснущими звездами»[77]. Здесь отражено желание усопшего совершать с ним путешествие в область околополюсных звезд северного неба, где он восходит к богам. Из данного контекста становится понятной роль царей (Хатшепсут и Тутмоса III), изображенных стоящими на ладье Усерхат: каждый из них, с одной стороны, представляет сына Осириса Хора, защитника Ра в его плавании, с другой – воскресшего в ином мире царя, получившего возможность вступить на ладью Ра и сопровождать его в ежедневном путешествии.

Применительно к символике Опета рассмотренную сцену можно трактовать таким образом: подобно тому как умерший фараон воскресает в ином мире, получая возможность общаться с богами, так живущий правитель обновляется в земном мире, восстанавливая связь с божествами.

Таким образом, основной смысл Опета – уподобление солнечного бога и фараона Осирису, как необходимое условие возрождения того и другого

---

[73] Визуальное воплощение этого мотива появляется в царских гробницах эпохи Нового царства. Ранее можно встретить лишь косвенное его отражение: так, в погребальной камере пирамиды Аменемхета III «глаза» изображены в северной части *восточной стены* саркофага, как бы смотря в направлении возрождения солнца (см. *Arnold D.* Der Pyramidenbezirk des Königs Amenemhet III. in Dahschur. Mainz, 1987).

[74] Ср. с заклинанием Текстов пирамид, обращенным к умершему царю: «Встань, сядь на трон Осириса» (Pyr. § 1298a), которое следует после совершения ритуалов, в том числе «отверзания уст и очей».

[75] *Barguet.* Le temple d'Amon Ré... P. 176.

[76] *Duell P.* The Mastaba of Mereruka. Chicago, 1938. Pl. 141.

[77] *Barguet P.* Le livre des morts des Anciens Egyptiens. P., 1967. P. 139.

в обновленном образе. На протяжении всего праздника в процессе проведения ритуалов происходил постоянный обмен энергиями между богом и фараоном, помогавшими друг другу на пути к воскресению. Видимо, так же можно трактовать сцену возвращения процессии в Карнак: из загробного мира солнечный бог и фараон снова вступали в земной мир, превращаясь из Осириса соответственно в Хепри и нового фараона.

Итак, программа празднования Опета в эпоху Хатшепсут имела многоплановое символическое значение. Его ядро составляли представления о ночном плавании солнца в Дуате и загробном путешествии фараона, а также их последующем возрождении. Это доказывается как последовательностью праздничных сцен на рельефах храма в Дейр эль-Бахари и в Красной капелле, так и соотношением изображений с принципами организации архитектурного пространства, в котором находится рельефная декорация.

С одной стороны, путь из Карнака в Луксор и обратно отождествляется с ночным плаванием солнца в Дуате и его возвращением к восточному горизонту, где оно вновь восходило. С другой стороны, праздник имел отношение к загробному странствию фараона, проходившего вместе с богом этапы воскресения. Луксор предстает аналогом гробницы, в которой совершался ритуал «отверзания уст и очей» в отношении статуй бога и фараона, которые обретали силу для дальнейшего плавания к восходу на горизонте. Изобразительная программа праздника Опет на стене Красной капеллы акцентирует по преимуществу его солярный аспект, в заупокойном храме Хатшепсут в Дейр эль-Бахри в большей степени отражает представление о связи праздника с посмертной судьбой фараона.

THE OPET FESTIVAL IN ANCIENT EGYPT IN THE EPOCH OF HATSHEPSUT: RITUAL AND SYMBOLISM

A.V. Mironova

The author analyzes the pictorial programme and texts of the Red Chapel and funerary temple of Hatshepsut in Deir el-Bahari trying to reconstruct the order of the Opet Festival in the epoch of Hatshepsut and interpret the religious symbolism of the rites. She comes to the conclusion that the journey from Karnak to Luxor and back refers to the night journey of the solar deity related in the Book of Amduat. The procession of Opet may also be connected with the pharaoh's afterlife journey, as is implied by certain motifs associated with Osiris in the festival scenes and the setting of the Opet episodes in the temple of Deir el-Bahari.

© 2009 г.

Е. В. Илюшечкина

КАТАЛОГ ЮЖНОПОНТИЙСКИХ ПЛЕМЕН У ДИОНИСИЯ ПЕРИЭГЕТА*

В географической поэме Дионисия Периэгета «Описание ойкумены» (II в. н.э.) содержится довольно обширная номенклатура племен Южного Причерноморья. Перечень южнопонтийских народов представлен у Дионисия в виде списка имен, снабженных иногда эпитетами или краткими замечаниями; эта традиционная эпическая форма каталога (от греч. καταλέγειν – «выбирать, рассказывать») встречается в большинстве античных произведений с географическим или этнографическим содержанием, начиная от «Каталога кораблей» (Hom. Il. II. 494–759) и «Каталога троянцев» (Hom. Il. II. 816–877) в «Илиаде» вплоть до эллинистических поэтических каталогов (ср. «Каталог аргонавтов» у Аполлония Родосского – I. 23–233) и орфической «Аргонавтики»[1]. Избранная Дионисием в соответствии с эпической традицией литературная форма каталога помогает поэту обеспечить максимальную плотность информации и расположить этнонимы, топонимы, гидронимы, оронимы таким образом, чтобы облегчить читателю понимание отрывка.

Начиная свой «путь» от колхской реки Фасис, Дионисий мысленно двигается в западном направлении вдоль южного берега Понта и перечисляет в своем каталоге народы, племена, реки, горы вплоть до Боспора Фракийского. Ниже приводятся греческий текст пассажа Дионисия и его перевод.

762 φράζεο δ' ἐκ Κόλχων καὶ Φάσιδος ἐς δύσιν ἤδη,
Εὐξείνου παρὰ χεῖλος, ἐπιλαδὸν ἔθνεα Πόντου
ἄχρι Θρηϊκίου στόματος, τόθι Χαλκὶς ἄρουρα.
765 Βύζηρές τοι πρῶτα καὶ ἀγχόθι φῦλα Βεχείρων,
Μάκρωνες Φίλυρές τε καὶ οἳ μόσσυνας ἔχουσι
δουρατέους· τῶν δ' ἄγχι πολύρρηνες Τιβαρηνοί·
τοῖς δ' ἐπὶ καὶ Χάλυβες στυφελὴν καὶ ἀπηνέα γαῖαν
ναίουσιν, μογεροῦ δεδαηκότες ἔργα σιδήρου,
770 οἵ ῥα, βαρυγδούποισιν ἐπ' ἄκμοσιν ἑστηῶτες,
οὔποτε παύονται καμάτου καὶ ὀΐζύος αἰνῆς.
τοὺς δὲ μετ' Ἀσσυρίης πρόχυσις χθονὸς ἐκτετάνυσται,
ἔνθα δ' Ἀμαζονίδεσσιν ἀπ' οὔρεος Ἀρμενίοιο
λευκὸν ὕδωρ προΐησιν ἐννυάλιος Θερμώδων,

---

* Настоящая работа представляет собой продолжение статьи «Народы Северного Причерноморья и Кавказа в античности (По сведениям Дионисия Периэгета)», опубликованной в ВДИ. 2008. № 2.

[1] Ср. *Kühlmann W.* Katalog und Erzählung. Studien zu Konstanz und Wandel einer literarischen Form in der antiken Epik. Diss. Freiburg i. Breisgau, 1973. S. 23–54; *Krevans N.* Geography and the Literary Tradition in Theocritus 7 // TAPhA. 1983. 113. P. 208 (об эллинистических географических каталогах); *Patsiou P.* Katalog und Katalogdichtung in der *Ilias*. Diss. Wien, 1992. Passim; *Visser E.* Homers Katalog der Schiffe. Stuttgart–Leipzig, 1997. S. 1–15; *Иванчик А.И.* Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Москва–Берлин, 2005. С. 152–153.

ὅς ποτ᾽ ἀλωομένην Ἀσωπίδα δέκτο Σινώπην
καὶ μιν ἀκηχεμένην σφετέρῃ παρενάσσατο χώρῃ
Ζηνὸς ἐφημοσύνῃσιν· ὁ γὰρ φιλότητος ἐραννῆς
ἰσχανόων, πάτρης ἀπενόσφισεν οὐκ ἐθέλουσαν·
ἐκ τῆς καὶ πτολίεθρον ἐπώνυμον ἄνδρες ἔχουσιν.
κείνου δ᾽ ἂν ποταμοῖο περὶ κρυμώδεας ὄχθας
τέμνοις κρυστάλλου καθαρὸν λίθον, οἷά τε πάχνην
χειμερίην· δήεις δὲ καὶ ὑδατόεσσαν ἴασπιν.
Ἶρις δ᾽ ἐξείης καθαρὸν ῥόον εἰς ἅλα βάλλει.
τῷ δ᾽ ἐπὶ μορμύρουσι ῥοαὶ Ἄλυος ποταμοῖο,
ἑλκόμεναι βορέηνδε Καραμβίδος ἐγγύθεν ἄκρης,
ἀρξάμεναι τὸ πρῶτον ἀπ᾽ οὔρεος Ἀρμενίοιο.
Παφλαγόνες δ᾽ ἐπὶ τοῖσιν ἐπ᾽ ἠϊόνεσσι νέμονται,
καὶ Μαριανδυνῶν ἱερὸν πέδον· ἔνθ᾽ ἐνέπουσιν
οὐδαίου Κρονίδαο μέγαν κύνα χαλκεόφωνον,
χερσὶν ἀνελκόμενον μεγαλόφρονος Ἡρακλῆος,
δεινὸν ἀπὸ στομάτων βαλέειν σιαλώδεα χυλόν,
τὸν μὲν ἐδέξατο γαῖα καὶ αὐτόθι πῆμ᾽ ἐφύτευσεν.
ἄγχι δὲ Βιθυνοὶ λιπαρὴν χθόνα ναιετάουσι,
Ῥήβας ἔνθ᾽ ἐρατεινὸν ἐπιπροΐησι ῥέεθρον,
Ῥήβας, ὃς Πόντοιο παρὰ στομάτεσσιν ὀδεύει,
Ῥήβας, οὗ κάλλιστον ἐπὶ χθονὶ σύρεται ὕδωρ.
τόσσοι μὲν Πόντοιο περικτίται ἄνδρες ἔασι·
κεῖνα δέ τοι Σκυθίης προλελεγμένα φῦλα πελέσθω.

«А теперь, [повернув] от колхов и Фасиса на запад [и двигаясь] вдоль берега Евксина, я поведаю о понтийских народах, [живущих] вплоть до Фракийского устья, где [находится] земля Калхедона. (765) Первыми [идут] бизеры, а по соседству – племена бехиров, а также макроны, филиры и те, что живут в деревянных моссинах; рядом с ними – богатые стадами мелкого скота тибарены; за ними населяют неподатливую и суровую землю халибы, искусные в трудоемкой обработке крепкого железа, (770) они, стоя у тяжкозвучных наковален, никогда не прекращают этот тяжкий славный труд.

За ними расстилаются луга Ассирийской земли, где устремляет с Армянской горы к Амазонидам [свои] белые воды шумный Фермодонт, (775) который некогда принял заблудившуюся и опечаленную дочь Асопа Синопу и приютил ее в своих землях по указанию Зевса, когда тот, после сладких объятий воспылав страстью, заставил ее, отвергнувшую притязания [Зевса], бежать с родины; люди в ее честь назвали город. (780) На холодных берегах этой реки ты мог бы добыть прозрачный камень (*sc.* горный) хрусталь, похожий на лед, а также найти голубоватую яшму. Следующим катит в море свой чистый поток [река] Ирида; за ней бурлят воды реки Галис, (785) несясь к северу рядом с мысом Карамбис, беря начало с Армянских гор.

За ними (*sc.* этими реками) живут на побережье пафлагонцы и [находится] священная равнина мариандинов, где, как говорят, огромная медно-голосая собака Подземного Кронида, (790) поднятая руками мужественного Геракла, изрыгнула из своей пасти отвратительную слюну – ее приняла земля и тут же вырастила как отраву [для людей]. Рядом вифиняне населяют плодородную землю, где Реба, – посылает свое прелестное течение, Реба, (795) которая протекает около устья Понта, Реба, чьи воды самые прекрасные из всех на земле.

Столько людей проживает вокруг Понта; вышеназванные племена являются скифскими».

Перечисление южнопонтийских племен и народов Дионисий начинает условным обращением к воображаемому адресату φράζεο δ' – «я поведаю» (Dion. Per. 762); подобные формулы, привычные для раннеэпической традиции, Периэгет использует в качестве лексического сигнала, который обозначает начало пространного рассказа, в данном случае – в форме каталога[2].

Перенимая традиционный прием античных периплов, Дионисий указывает исходный и конечный пункты своего «пути» по побережью Южного Понта: от колхов и кавказской реки Фасис (ἐκ Κόλχων καὶ Φάσιδος ἐς δύσιν, ст. 762) вдоль берега Черного моря (Εὐξείνου παρὰ χεῖλος, ст. 763) вплоть до Калхедона на азиатском берегу Боспора Фракийского (τόθι Χαλκὶς ἄρουρα, ст. 764)[3]. Устье Фасиса и пролив Боспора, как, впрочем, и устья остальных рек – Фермодонта, Ириды, Галиса, Ребы – и мыс Карамбис, играют важную для Дионисия роль маркирующих пунктов и структурируют географическое пространство «пути». При этом вспомогательную функцию выполняют употребляемые Дионисием предлоги и наречия, которые, уточняя местоположение географических и этнических объектов, подчеркивают «годологический» (от греч. ὁδός) характер восприятия пространства: ἀγχόθι (ст. 765), τῶν δ' ἄγχι (767), τοῖς δ' ἐπί (768), τοὺς δὲ μετ' (772), ἔνθα δ' (773), ἐξείης (783), τῷ δ' ἐπί (784), δ' ἐπὶ τοῖσιν (787), ἄγχι δέ (793), ἔνθα (794)[4].

Наряду с выражением παρὰ χεῖλος – «у/ вдоль берега (sc. моря)» (ст. 763)[5] для метафорического обозначения морского побережья Дионисий прибегает к стилистическому приему опущения – ведь собственно имя «море» в стихе отсутствует (ср. тот же прием опущения в ст. 681: Εὐξείνοιο в конце стиха). Вместе с тем слову Εὐξείνου в начале ст. 763 соответствует Πόντου в конце того же стиха (формально относящееся к другой лексеме – ἔθνεα), что дополнительно создает зримую игру слов. Из этого примера видно также, что текст поэмы пред-

---

[2] См. *Hom.* Il. XVI. 446; XVII. 144; XXIV. 354 и др.; Od. IV. 71; XV. 167; ср. *Apoll. Rhod.* III. 1026; IV. 411; *Dion.* Per. 130, 331, 894, 1089, 1128 – всегда в начале стиха.

[3] По поводу написания топонима Калхедон см., например, *Ctes.* FGrH 688 F 13 = *Phot.* Bibl. 72, p. 38 b: Χαλκηδόνιοι; *Strabo.* XII. 3, 2 C 541: Χαλκηδόνος; ср. *Dion.* Per. 803: χαλκιδέες; однако: *Herod.* VI. 33; *Ps.-Scymn.* 741 Marcotte – καλχεδόνιοι. Евстафий Солунский пересказывает пассаж Геродота (IV. 144) о том, что халкедоняне основали свой полис в этом месте на 17 лет раньше, чем был основан Византий на противоположном берегу пролива, и цитирует другие стихи Дионисия, в которых слышится «эхо» сообщения Геродота (Per. 803–804) (*Eust.* ad Dion. Per. 764). По поводу пассажа Геродота см., например, *Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 136–140; о дополнительном свидетельстве Евстафия о Византии и Калхедоне, передающем независимую от Геродотовой традицию (*Eust.* ad Dion. Per. 803), см. *Boshnakov K.* Pseudo-Skymnos (Semos von Delos?). Τὰ ἀριστερὰ τοῦ Πόντου. Zeugnisse griechischer Schriftsteller über den westlichen Pontosraum. Stuttgart, 2004. S. 152.

[4] Ср. *Mommsen Tycho.* Beiträge zu der Lehre von den griechischen Präpositionen. B., 1895. S. 201–202, 806–824; *Gehrke H.-J.* Die Geburt der Erdkunde aus dem Geiste der Geometrie. Überlegungen zur Entstehung und zur Frühgeschichte der wissenschaftlichen Geographie bei den Griechen // Gattungen wissenschaftlicher Literatur in der Antike / Hrsg. von W. Kullmann u.a. Tübingen, 1998. S. 178.

[5] Ср. *Herod.* II. 70: ἐπὶ τοῦ χειλέος τοῦ ποταμοῦ – «на берегу реки»; *Apoll. Rhod.* III. 1277: παρὰ χεῖλος ἑλισσομένου ποταμοῖο – «у берега реки».

назначен для чтения глазами, а не вслух, что предполагает культурный уровень и эстетический вкус читателей, способных оценить стилистические эксперименты Дионисия. Аналогичным образом выражение ἄχρι Θρηϊκίου στόματος – «вплоть до Фракийского устья» (ст. 764) является еще одним стилистическим приемом опущения – в данном случае подразумевается «Боспор Фракийский» (как, например, в ст. 140: ἐπὶ Θρηϊκίου στόμα Βοσπόρου). Перифрастическое упоминание города Калхедон (совр. Стамбул–Кадикой), расположенного на азиатском берегу пролива напротив Византия (ср. Strabo. XII. 3, 2 C 541 и др.), передано у Дионисия выражением τόθι Χαλκὶς ἄρουρα – «там, где Калхедонская земля» (ст. 764)[6]. Скорее всего, словосочетание Χαλκὶς ἄρουρα – по аналогии с Λοκρὶς ἄρουρα (ст. 426) и Φωκὶς ἄρουρα (ст. 437) – представляет собой стилистическую игру, основанную на соединении раннеэпической лексики (ср. Hom. Il. II. 537, 640; Od. XV. 295 – ἄρουρα, под которым подразумеваются полисы Эллады) с конкретной локализацией географических объектов. Название ἔθνεα Πόντου – «понтийские народы» (ст. 764) употреблено Дионисием в качестве обобщенного имени[7].

Уже неоднократно отмечалось, что в основе этногеографического описания Южного Понта у Дионисия Периэгета (ст. 761–808) лежит пассаж из «Аргонавтики» Аполлония Родосского (II. 317–401), в котором один из персонажей эпоса, прорицатель Финей, подробно рассказывает о предстоящем путешествии аргонавтов по Черному морю от Боспора Фракийского до кавказской Колхиды[8]. Этот отрывок «Аргонавтики» представляет собой стилизованный перипл Южного Понта, в котором содержатся сведения о населявших побережье народах, а также о прилегающих островах, реках и горных системах[9]. При описании плавания аргонавтов вдоль южнопонтийского побережья

---

[6] Подробнее см. *Merle H.* Die Geschichte der Städte Byzantion und Kalchedon von ihrer Gründung bis zum Eingreifen der Römer in die Verhältnisse des Ostens. Diss. Kiel, 1916.

[7] Ср. *Mela.* I. 13: Circa Pontum aliquot populi alio alioque fine uno omnes nomine Pontici. Ad lacum Maeotici – в данном случае Pontici и Maeotici использованы не как этнические, а как исключительно географические определения для живущих на берегу Понта народов. Подробнее о контактах греков и варваров в историческое время в Понте см. *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье.. М., 1996.

[8] *Göthe A.* De fontibus Dionysii Periegetae. Diss. Göttingen, 1875. S. 36–37; см. также *Schneider M.* De Dionysii Periegetae arte metrica et grammatica capita selecta. Diss. Lpz, 1882. S. 21–24; *Bernays U.* Studien zu Dionysius Periegetes. Diss. Heidelberg, 1905. S. 34–46; *Vian F.* Echoes and imitations of Apollonius Rhodius in late Greek epic // A Companion to Apollonius Rhodius / Ed. T.D. Papanghelis, A. Rengakos. Leiden, 2001. P. 285–308; *Greaves D.D.* Dionysius Periegetes and the Hellenistic Poetic and Geographical Traditions. Diss. Stanford, 1994. P. 115–121; *Hunter R.* Aspects of technique and style in the *Periegesis* of Dionysius // De Géants à Dionysos. Mélanges de mythologie et de poésie greques offerts à Francis Vian / Ed. D. Accorinti, P. Chuvin. Alessandria, 2003. P. 343–356, особ. 343.

[9] См. *Fränkel H.* Noten zu den Argonautika des Apollonios. München, 1968. S. 178 ff.: о речи Финея; *Meyer D.* Apollonius as a Hellenistic Geographer // A Companion to Apollonius Rhodius / Ed. by Th. D. Papanghelis, A. Rengakos. London–Boston–Köln, 2001. P. 217–235; *eadem.* Hellenistische Geographie zwischen Wissenschaft und Literatur: Timosthenes von Rhodos und der griechische Periplus // Gattungen wissenschaftlicher Literatur in der Antike... S. 214.

Аполлоний Родосский привлек – помимо источников мифопоэтической традиции – разнообразный этнографический и географический материал более ранних источников[10].

В текстах Аполлония Родосского и Дионисия Периэгета обнаруживается сходство этнонимов, топонимов и гидронимов побережья Южного Понта[11]. Однако последовательность их перечисления у Дионисия противоположна той, что дается в эпосе Аполлония Родосского: аргонавты Аполлония двигаются в направлении с запада на восток – от Боспора Фракийского (Apoll. Rhod. II. 1–2) до кавказской Колхиды и реки Фасис (Apoll. Rhod. II 1277) (ср. перечень южнопонтийских племен у Страбона против часовой стрелки – Strabo. XII. 3, 2 C 541), в то время, как у Дионисия южнопонтийские племена и народы описаны в направлении с востока на запад, т.е. «по часовой стрелке» (Dion. Per. 762–764), что характерно для периплов (или периплической литературы) более раннего времени[12].

В перечень племен и народов Южного Понта у Дионисия входят бизеры (ст. 765) (ср. Apoll. Rhod. II. 396, 1244), бехиры (ст. 765) (ср. idem. II. 394, 1242), макроны (ст. 766) (ср. idem. II. 394, 1242), филиры (ст. 766) (ср. idem. II. 393), моссиники (ст. 766) (ср. idem. II. 379, 1016), тибарены (ст. 767) (ср. idem. II. 377, 1010), халибы (ст. 768) (ср. idem. II. 375, 1001), амазониды (ст. 773) (ср. idem. II. 374, 965), пафлагонцы (ст. 787) (ср. idem. II. 358, 790), мариандины (ст. 788) (ср. idem. II. 352, 723), вифины (ст. 793) (ср. idem. II. 347, 619). Использование текста Аполлония Родосского и заимствования из «Аргонавтики» предоставляют Дионисию возможность продемонстрировать мастерство ученого поэта и стилистические эксперименты. При сопоставлении текстов Дионисия и Аполлония видно, что изложенную Аполлонием в рассказе Финея этногеографиче-

---

[10] Подробнее об разновременных источниках «Аргонавтики» Аполлония Родосского, в частности, Гекатее Милетском, Ферекиде, Эфоре, Пс.-Скилаке, Нимфодоре Гераклейском, Нимфиде Гераклейском, см. *Höfer U.* Pontosvölker, Ephorus und Apollonios von Rhodos // RhM. 1904. 59. S. 542–564 (об Эфоре из Ким как источнике Аполлония Родосского); *Delage E.* La géographie dans les Argonautiques d'Apollonios de Rhodes. Bordeaux–Paris, 1930. P. 277–280; *Pearson L.* Apollonius of Rhodes and the Old Geographers // AJPh. 1938. 59. P. 443–459 (особ., с. 448–450, где говорится о том, что Аполлоний Родосский в своем географическом пассаже основывался на сведениях произведения Гекатея Милетского); *Schneider J.* De Periegetarum Graecorum reliquiis. Lodz, 1950. P. 42–43; *Desideri P.* Studi di storiografia eracleota. I. Promatis e Nymphis // Studi Classici e Orientali. 1967. 16. P. 366–416; *Hunter R.* The *Periegesis* of Dionysius and the Tradition of Hellenistic Poetry // REA. 2004. 106. 1. P. 223.

[11] При сопоставлении текстов Аполлония и Дионисия можно обнаружить лишь незначительные расхождения. Например, Дионисий не включает в свою периэгезу упоминаемые у Аполлония племя сапиров (= саспиров) (*Apoll. Rhod.* II. 395), остров Ареса (*idem.* II. 384), мыс Генетов (*idem.* II. 377, 1009), Дойантскую долину (*idem.* II. 373, 988), Длинный Берег (*idem.* II. 364–365, 944–945), реку Ахеронт (*idem.* II. 355), Ахерузийский мыс (*idem.* II. 354), остров Тинеиду (*idem.* II. 350), Черный мыс (*idem.* II. 651).

[12] Хотя перечень племен и народов побережья Евксинского Понта у Дионисия (ст. 650–880) в основном соответствует аналогичному перечню периплa Псевдо-Скилака (ст. 70–104), нельзя с уверенностью утверждать, что свидетельства периплa Псевдо-Скилака послужили источником для Дионисия: несмотря на бросающееся в глаза сходство ряда особенностей, оба произведения обладают собственной спецификой, выраженной, в частности, в вербальных несоответствиях. Подробнее см. *Marcotte D.* Introduction générale. Typologie des genres de la géographie classique // Les géographes grecs. T. 1. Pseudo-Scymnos / Par D. Marcotte. P., 2002. P. LV–LXXI.

скую информацию Дионисий Периэгет дополнил данными перипла аргонавтов (Apoll. Rhod. II. 549–1280).

Ниже предполагается исследовать информацию Дионисия о народах и племенах Южного Понта, с одной стороны, в сравнении с предшествующей географической традицией, с другой – в сопоставлении с соответствующими пассажами из «Аргонавтики» Аполлония Родосского.

Перечень южнопонтийских народов Дионисия открывают **бизеры** (Βύζηρές τοι πρώτα, ст. 765), одно из кавказских племен, которых греческая географическая традиция локализует между колхами и бехирами на побережье Черного моря (Ps.-Scyl. 82: в форме Βούσηρες; Apoll. Rhod. II. 396; II. 1244; Strabo. XII. 3, 18 C 549)[13]. В римской традиции этноним встречается у Валерия Флакка (V. 157, 175: Buxeri / Buxedi), Помпония Мелы (I. 107: Buxeri / Buxedi), Плиния Старшего (NH. VI. 11: Buxeri), Аммиана Марцеллина (XXII. 8, 21: Byzares), а также в латинских переводах Дионисия у Авиена (Descr. 946) и Присциана (Per. 739). В комментарии к «Периэгезе» Дионисия Евстафий Солунский, повторяя сведения Стефана Византийского (s. Βύζηρες), говорит о Бизерской гавани (Βυζηρικὸς λιμήν), получившей свое название от племени бизеров (Eust. ad Dion. Per. 762). С бизерами иногда отождествляют Δίζηρες Гекатея Милетского, которых тот помещает к востоку от бехиров и хоев (FGrH 1 F 207 = Steph. Byz. s. Χοί)[14]. Современник Дионисия Арриан, описавший побережье Черного моря по результатам своей морской экспедиции, называет вслед за Ксенофонтом (Anab. IV. 8, 22–24) все племена на отрезке пути от Трапезунта до Апсара общим названием «колхи», среди которых, в частности, упоминает махелонов, гениохов и зидритов; о бизерах речи нет (Arr. PPE 11, 2: Μαχελόνων καὶ Ἡνιόχων ἐχόμενοι Ζυδρεῖται).

Аполлоний Родосский упоминает бизеров дважды (II. 396: Βύζηρες; II. 1244: Βύζηρας), оба раза в начале стиха, как у Дионисия; единственная характеристика племени бизеров в тексте «Аргонавтики» – это их местоположение между сапирами (к западу от бизеров) и колхами (к востоку от бизеров)[15].

По соседству с бизерами располагаются **бехиры** (φῦλα Βεχείρων, ст. 765), о стране которых говорится уже у Гекатея Милетского (ἡ Βεχειρική, FGrH 1 F 207), что связывает свидетельство Дионисия с раннеионийской географической традицией. Пс.-Скилак не только упоминает народ бехиров, но также сообщает о Бехирской гавани и о греческом полисе Бехириада (Βεχειρικὸς Λιμήν, Βεχειρὰς πόλις Ἑλληνίς, Ps.-Scyl. 84)[16]. Очевидно, бехиры населяли прибрежную полосу Южного Понта и, по-видимому, внутренние области в предгорьях Малого Кавказа[17]. В латинской традиции пяемя бехиров упоминается у Помпония Мелы (I. 107: Bechiri/ Discheri), Плиния Старшего (NH. VI. 11: gentes Bechires), в латинских переводах Дионисия (Avien. Descr. 946; Prisc. Per. 739;

---

[13] См. *Tomaschek W.* Byzeres // RE. V. Hlbd. 1897. Sp. 1159; подробнее о свидетельстве Пс.-Скилака см. *Counillon P.* Pseudo-Skylax : Le périple du Pont-Euxin. Texte, traduction, commentaire philologique et historique. Bordeaux, 2004 (Ausonius éditions. Scripta Antiqua 8).P. 97–99.

[14] *Tomaschek.* Byzeres. Sp. 1159.

[15] *Delage.* La géographie... P. 181; *Fränkel.* Noten... S. 178 ff.; Apollonios de Rhodes. Argonautiques. T. I. Ch. I–II. Texte établi et commenté par F. Vian, traduit par É. Delage. P., 2002³. P. 235.

[16] Подробнее о свидетельстве Пс.-Скилака см. *Counillon.* Ps.-Scylax... P. 97–99.

[17] *Tomaschek W.* Becheires // RE. V. Hlbd. 1897. Sp. 181.

ср. Tab. Peut.: Becheirice)[18]. В свою очередь, Евстафий замечает, что «бехиры – племя понтийское и скифское» (Eust. ad Dion. Per. 762).

Аполлоний Родосский в прорицании Финея о плавании аргонавтов помещает этноконы «бехиры» и «бизеры» соответственно в начале одного стиха (φῦλα Βεχείρων, Apoll. Rhod. II. 394; ср. II. 1242: Βεχείρων также в конце стиха) и в конце другого (Βύζηρες, Apoll. Rhod. II. 396). Явно подражая приему Аполлония и демонстрируя поэтическую технику, Дионисий начинает свой стих с упоминания этникона «бизеры» и завершает этот же стих упоминанием этникона «бехиры» в форме, буквально повторяющей фразеологию Аполлония Родосского (Βύζηρές τοι πρώτα καὶ ἀγχόθι φῦλα Βεχείρων, Dion. Per. 765; ср. Orph. Arg. 744)[19].

Следующее племя – **макроны** (Μάκρωνες, 766) – встречается уже у Гекатея Милетского (FGrH 1 F 206 = Steph. Byz. s. Μάκρωνες)[20]. Греческой традиции макроны известны прежде всего как воинственное варварское племя на юго-восточном побережье Причерноморья: Геродот (VII. 78) сообщает, что макроны соседствуют с левкосирийцами, проживающими на реках Фермодонт и Парфений (II. 104), и, наряду с другими понтийскими племенами, участвуют в военных походах Ксеркса (ср. Xen. Anab. IV. 8, 3; V. 5, 18: варвары макроны – союзники греков Синопы). Порой греческие авторы идентифицируют макронов с макрокефалами (Ps.-Scyl. 85: Μετὰ δὲ Βέχειρας, Μακροκέφαλοι ἔθνος; Ps.-Scymn. F 21 Marcotte: ἔθνος οἱ λεγόμενοι Μάκρωνες ἤτοι Μακροκέφαλοι), а в Гиппократовском корпусе рассказывается об обычае макронов бинтовать головы новорожденным, из-за чего этот народ получил прозвище «макрокефалы» (Ps.-Hipp. De aere. 14, 1–2)[21]. Страбон (VII. 3, 18 C 548) упоминает саннов, которые «в древности носили имя макроны»; подобное утверждение находим в комментарии Евстафия, который, вероятно, вслед за Страбоном и Стефаном Византийским (s. Μάκρωνες) отождествляет макронов с саннами или цанами (τούτους νῦν Σάννους φάμεν, ἰδιωτικώτερον δὲ Τζάνους–Eust. ad Dion. Per. 765)[22].

У Аполлония Родосского макроны также локализуются между филирами и бехирами (II. 394 1242)[23], причем имя народа у Аполлония Родосского (II. 394: Μάκρωνες в начале стиха) буквально повторяется у Дионисия (ст. 766: Μάκρωνες в начале стиха). Нельзя исключать того, что Дионисий использует подряд два экзотических для грека этнонима (ст. 766: Μάκρωνες Φίλυρές τε) исключительно ради метрического удобства.

---

[18] О сведениях на Певтингеровой карте см. *Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 365.

[19] *Dionysiou Alexandreos Oikumenes periegesis* (ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ ΑΛΕΞΑΝΔΡΕΩΣ ΟΙΚΟΥΜΕΝΗΣ ΠΕΡΙΗΓΗΣΙΣ. Κριτική ἔκδοση) / Ed. Is. O. Tsavari. Ioannina, 1994. P. 90; *Greaves.* Dionysius Periegetes... P. 118; Dionigi d'Alessandria, il Periegeta. Guida delle terre abitate / A cura di A. A. Raschieri. Alessandria [Italia], 2004. P. 29–31.

[20] *Herrmann* [*A.*] Makrones // RE. 27. Hlbd. 1928. Sp. 815; *Danoff Chr.* Makrones // DKP. 1979. 3. Sp. 923; *Bredow I. von.* Makrones // DNP. 1999. 7. Sp. 761.

[21] Д. Маркотте полагает, что имя «макрокефалы» является прозвищем, а не этноконом (Ps.- Scymnus. P. 144. Not. 21).

[22] Ср. в латинской традиции: *Plin.* NH. VI. 11: Machorones; *Val. Flac.* V. 151; *Amm. Marc.* XXII. 8, 21; *Avien.* Descr. 946; *Prisc.* Per. 740.

[23] В примечаниях к этому стиху в издании: Apollonios de Rhodes... / Par *Vian, Delage* (P. 165) племя макронов локализовано в регионе Трапезунта; см. также *Delage.* La géographie... P. 180.

Название соседнего с макронами племени – **филиры** (Φίλυρές τε, ст. 766) – впервые встречается в «Аргонавтике» Аполлония Родосского (II. 393: Φίλυρες· Φιλύρων в середине стиха)[24]; таким образом, упоминание этого племени в каталоге Дионисия лишний раз указывает на зависимость Периэгета от текста Аполлония Родосского. Филиры локализуются на южнопонтийском побережье в районе мыса Зефирион, восточнее священной горы (ср. Apoll. Rhod. II 1015 sqq.). Племя филиров, вероятно, получило свое название от океаниды Филиры, матери кентавра Херона (Pherekydes FGrH 3 F 50 = Schol. Apoll. Rhod. II. 1231–1241 a) – по аналогии с островом Филириада, лежащем напротив их территории (Apoll. Rhod. II. 1231–1241)[25].

Название следующего племени – **моссиники** – Дионисий передает перифрастически: вместо общеупотребительного Μοσσύνοικοι поэт говорит οἳ μόσσυνας ἔχουσι δουρατέους – «живущие в деревянных моссинах» (sc. башнях) (Dion. Per. 766–767). Эпоним племени Μοσσύνοικοι античная традиция возводит к слову μόσ(σ)υν, возможно, иранского происхождения и по значению равнозначному греческому πυργός – «башня»[26]. Моссиники известны античным авторам еще со времени Гекатея Милетского (FGrH 1 F 204–205 = Steph. Byz. s.v. Χοιράδες, Μάρες), который помещает их рядом с марами и тибаренами[27]. Согласно сообщению Пс.-Скилака (86), моссиники являются горным народом и проживают по соседству с тибаренами[28]. О варварских и «далеких от греческих» обычаях и образе жизни моссиников подробно рассказывает Ксенофонт Афинский (Anab. V. 4, 1–30), свидетельства которого дополняют сведения Геродота (III. 94; VII. 78), Эфора (FGrH 70 F 43 = Steph. Byz. *s.v.* Τιβαρηνία; Ephor. FGrH 70 F 161 b = Ps.-Scymn. F 22 Marcotte)[29], Страбона (XI. 14, 5 C 528; XII. 3, 18 C 549) и парадоксографов Пс.-Аристотеля (Arist. Mir. 62 Giannini) и Николая Дамасского (F 8 Giannini: Μόσυνοι)[30].

Содержание экскурса Аполлония Родосского о моссиниках (II. 1016–1029) включает в себя много сведений из Ксенофонта Афинского, однако автор «Аргонавтики» в особенности подчеркивает этнографические курьезы моссиников в духе «перевернутого мира, или мира наоборот»[31]. Дионисий опускает подробности образа жизни племени, а также характеристику моссиников как горного народа, дважды переданную в «Аргонавтике» (II. 379–380, 1016). Аполлоний Родосский рассказывает о необычных жилищах моссиников, укреп-

---

[24] В латинской традиции о филирах см. *Val. Flac.* V. 152 (ср. Orph. Arg. 756 sqq.); *Avien.* Descr. 946; *Prisc.* Per. 740; *Amm. Marc.* XXII. 8, 21. См. также *Ruge W.* Philyres // RE. 39. Hlbd. 1941. Sp. 214.

[25] *Delage.* La géographie... P. 179. О Нимфодоре как одном из раннеэллинистических источников Аполлония Родосского см. *Höfer.* Pontosvölker... S. 558–560.

[26] *Apoll. Rhod.* II. 381 a–381 b; II. 1016–1017; *Dion. Hal.* I. 26, 2; *Strabo.* XII. 3, 18 C 549: ἀπὸ μοσύνων; *Eust.* ad Dion. Per. 765.

[27] См. также *Schachermeyer F.* Mossynoikoi // RE. 31. Hlbd. 1933. Sp. 377–379; *Danoff Chr.* Mossinoikoi // DKP. Bd 3. 1979. Sp. 1439; *Olshausen E.* Mossynoikoi // DNP. 2000. 8. Sp. 419.

[28] Подробнее о сообщении Пс.-Скилака см. *Counillon.* Ps.-Scylax... P. 100–103.

[29] *Marcotte.* Ps.-Scymnus... P. 256.

[30] *Höfer.* Pontosvölker... S. 544–546. Племя моссиников известно и в латинской традиции: Плинию Старшему (NH. V. 126: Mossyni), Курцию Руфу (VI. 4, 17), Валерию Флакку (V. 151), Помпонию Меле (I. 19), Аммиану Марцеллину (XXII. 8, 21: Mossynoeci).

[31] *Fränkel.* Noten... S. 177, 262.

ленных на «деревянных столбах» (δουρατέοις στύλοισιν – Apoll. Rhod. II. 381) и использует при этом гомеровское определение δουράτεος – «деревянный» (Hom. Od. VIII. 492–493: ἵππου... δουρατέου; Od. VIII. 512: δουράτεον... ἵππον). Дионисий, подражая Аполлонию, заимствует прилагательное δουράτεος и помещает его, как и Аполлоний, в начале стиха, однако применяет гомеровское определение в отношении собственно жилищ, а не их строительных частей: μόσσυνας... δουρατέους – «деревянные моссины» (ср. Eust. ad Dion. Per. 765), т.е. применяет в данном случае стилистический прием переноса эпитета.

Тибаренов (πολύρρηνες Τιβαρηνοί, ст. 767), которые упоминаются уже у Гекатея Милетского (FGrH 1 F 204) и Пс.-Скилака (87)[32], предположительно относят к скифам (Schol. Apoll. Rhod. II. 1010) и обычно локализуют на понтийском побережье по соседству с моссинниками (на востоке) и халибами (на западе)[33]. Геродот кратко описывает вооружение тибаренов – маленькие щиты и копья с длинными наконечниками (Herod. VII. 78; ср. III. 94). Ксенофонт Афинский пишет о греческом городе Котиора, колонии Синопы, в стране тибаренов, и даже идентифицирует тибаренов с котиоритами (= с местным населением Котиоры) (Xen. Anab. V. 5, 4–5). Более или менее достоверные сведения о тибаренах передают Эфор (FGrH 70 F 43 = Steph. Byz. s.v. Τιβαρηνία), Пс.-Скимн (F 24 Marcotte)[34], Страбон (XII. 3, 18 C 549), а в римской традиции – Помпоний Мела (I. 106: Tibarani) и Плиний Старший (NH. VI 11). Евстафий Солунский, опираясь на Страбона, помещает тибаренов рядом с халдеями (= халибами), саннами (= макронами) около Малой Армении и отмечает, что теперь их зовут тибраны (Eust. ad Dion. Per. 767).

Выражение Дионисия ἄγχι πολύρρηνες Τιβαρηνοί (в конце ст. 767) почти дословно повторяет словоупотребление из «Аргонавтики» Аполлония Родосского ἄγχι δέ ναιετάουσιν πολύρρηνες Τιβαρηνοί (Apoll. Rhod. II. 376, также в конце стиха)[35]. При этом оба поэта вновь использовали гомеровское прилагательное: πολύρρηνες – «богатые овцами» (Hom. Il. IX. 154, 296 – ἄνδρες πολύρρηνες; Od. XI. 257 – о Пелее); на основании одного гомеровского эпитета трудно судить о реальном характере сельскохозяйственных занятий тибаренов, хотя по свидетельствам древних местные условия способствовали развитию скотоводства (ср., например: «страна тибаренов обширная и более равнинная, а городки в ней лежат у моря...» – Xen. Anab. V. 5, 2).

Наиболее ранние сведения о **халибах** (Χάλυβες, ст. 768–770) приводят Гекатей Милетский (FGrH 1 F 203 = Steph. Byz. s.v. χάλυβες) и Пс.-Скилак (88: Μετὰ δὲ Τιβαρηνούς, χάλυβές εἰσιν ἔθνος)[36]. Халибов принято локализовать либо на побережье Южного Понта от русла Галиса на западе (Herod. I. 28) и до внутренних областей горного региона вблизи греческих городов Фарнакии и Трапезунда на востоке (Ephor. FGrH 70 F 162 = Strabo XIV. 5, 24 C 679; XII. 3, 19 sqq. C 549 sqq.), либо – как и у Дионисия – между рекой Фермодонт и греческим городом Котиора, западнее соседнего народа тибаренов (Xen. Anab. IV. 5, 34; 6, 5; 7, 15 etc.; Plin. NH. VI. 11; ср., однако, ibid. VI. 12: armenochalybes в районе Трапезунда; Mela I. 105 помещает в стране халибов греческие города Синопу и

---

[32] *Counillon.* Ps.-Scylax... P. 103.

[33] *Herrmann A.* Tibarenoi // RE. 2. Reihe. 11. Hlbd. 1936. Sp. 764; *Danoff Chr.* Tibarenoi // DKP. 1979. 5. Sp. 811; *Olshausen E.* Tibarenoi // DNP. 2002. 12/1. Sp. 528–529.

[34] *Marcotte.* Ps.-Scymnus... P. 257.

[35] *Raschieri.* Dionigi d'Alessandria... P. 31.

[36] *Counillon.* Ps.-Scylax... P. 104–106.

Амис)[37]. Важные свидетельства Эсхила, однако, не столько проясняют проблему, сколько порождают противоречия: из контекста и стихов (λαιᾶς δὲ χειρὸς οἱ σιδηροτέκτονες/ οἰκοῦσι Χάλυβες, οὓς φυλάξεσθαί σε χρή·/ ἀνήμεροι γὰρ οὐδὲ πρόσπλατοι ξένοις – «живут по левую руку от этих мест (sc. от места обитания кочевых скифов) / Железа кузнецы халибы. Берегись их! / Они свирепы и к гостям неласковы» (Aesch. Prom. 714–716, пер. А. И. Пиотровского) остается неясным, где трагик локализует халибов – на черноморском побережье Скифии или в Южном Понте (далее в ст. 717: ὑβριστὴν ποταμον – букв. «шумная река», где ὑβριστὴν является апеллативом, и, соответственно, реку при желании можно идентифицировать с любой понтийской рекой, например с кавказским Фасисом). Следующее свидетельство Эсхила также не привносит ясности – Aesch. Sept. 728: χάλυβος Σκυθῶν ἄποικος – «привезенная из Скифии сталь» (см. также: Val. Flacc. IV. 600 sq., V 105 sq.), однако позволяет некоторым ученым установить родство халибов со скифами и называть халибов скифским народом[38]. Возможно, название племени «халибы» не является этноним, но прозвищем для тех, кто занимался выплавкой металла или обработкой железных изделий (ср. Eudox. F 282 Lasserre и аналогичные соображения по поводу приведенных выше этноним моссиников и макронов)[39].

Уже в античности возникла дискуссия о возможной идентификации гализонов (ἀλιζῶνες), упомянутых в гомеровском «Каталоге кораблей» (Il. II. 856–857) с халибами (или даже амазонками) и, соответственно, о месте их обитания (Hecat. FGrH 1 F 217 = Strabo. XII. 3, 22 C 551; Ephor. FGrH 70 F 114 a = Strabo. XII. 3, 21 C 550, F 114 b = Steph. Byz. s. ἀλιζῶνες; подробности дискуссии см.: Strabo. XII. 3, 19–27; XIV. 5, 22–29; Eust. ad Dion. Per. 767)[40]. Однако античная традиция приписывала халибам не только добычу и выплавку железа, но и серебра (как у Гомера –Il. II. 857: ἔξ Ἀλύβης, ὅθεν ἀργύρου ἐστὶ γενέθλη), которым в древности была богата Малая Армения (Strabo. XII. 3, 19 C 549: «в стране халдеев, в древности халибов <...> теперь железные рудники, а прежде были даже серебряные»; ср. Hecat. FGrH 1 F 203: Χαλύβοισι πρὸς νότον Αρμένιοι ὁμουρέουσι – «к югу от халибов проживают армяне»; Arist. Mir. 26 Giannini: о необычном происхождении халибского железа (γένεσιν σιδήρου τοῦ Χαλυβικοῦ), внешне напоминавшем серебро[41].

При упоминании племени халибов Дионисий ориентировался на текст «Аргонавтики»: ἀλλὰ σιδηροφόρον στυφελὴν χθόνα γατομέοντες /ὦνον ἀμείβονται βιοτήσιον, Οὐδέ ποτέ σφιν /ἠὼς ἀντέλλει καμάτων ἄτερ, ἀλλὰ

---

[37] *Ruge W.* Chalybes // RE. 6. Hlbd. 1899. Sp. 2099–2100; *Danoff Chr.* Chalybes // DKP. Bd 1. 1979. Sp. 1127; *Olshausen E.* Chalybes // DNP. 1997/1999. 2. Sp. 1091–1092.

[38] *Lupaş L., Petre Z.* Commantaire aux «Sept. contre Thebes» d' Eschyle. Bucureşti–Paris, 1981. P. 234; *Иванчик.* Накануне колонизации... С. 32.

[39] *Planhol X.* De Geographica Pontica I–II: 1. Les 'noix' des Mossynèques. 2. Les Khalybes: Nom de people ou qualificatif professionell? // Journal asiatique. 1963. 251. P. 300–309.

[40] См., например, *Hope Simpson R.M., Lazenby J.F.* The Catalogue of ships in Homer's Iliad. Oxf., 1970. P. 177–178, 180; *Гиндин Л.А.* Население гомеровской Трои. Историко-филологические исследования по этногенезу древней Анатолии. М., 1993. Passim.

[41] Подробнее см. *Bryer A.* The Question of Byzantine Mines in the Pontos: Chalybian Iron, Chaldian Silver, Koloneian Alum and the Mummy of Cheriana // Anatolian Studies. 1982. 32. P. 133–150; *Camassa G.* Dov' è la fonte dell' argento. Strabone, Alybe e i Chalybes // Strabone. Contributo allo studio della personalità e dell'opera / A cura di F. Prontera. Perugia, 1984. P. 157–186.

κελαινῇ /λιγνύι καὶ καπνῷ κάματον βαρὺν ὀτλεύουσι (Apoll. Rhod. II. 1005–1008) и искусно обыгрывал словоупотребления Аполлония в стихах: στυφελὴν καὶ ἀπηνέα γαῖαν / ναίουσιν... δεδαηκότες ἔργα σιδήρου / ...βαρυγδούποισιν ἐπ' ἄκμοσιν... / καμάτου... αἰνής (Dion. Per. 768–769)[42]. Бросается в глаза, что словосочетание δεδαηκότες ἔργα σιδήρου находит параллель в той же метрической позиции у Каллимаха (F 701, 1 Pf.: δέδαεν δὲ λαχαινέμεν ἔργα σιδήρου) и у Аполлония Родосского (II. 376: σιδήρεα ἔργα), ср. οἱ σιδηροτέκτονες... Χάλυβες (Aesch. Prom. 714–715)[43]. Следует отметить, что естественно-парадоксографический характер сообщений о халибском железе, которое якобы произрастает из земли, также нашел отражение в греческой нарративной традиции (ср. Call. F 110, 49–50 Pf. Χάλυβες σίδηρον; Arist. Mir. 26 Giannini).

В ст. 770 βαρυγδούποισιν ἐπ' ἄκμοσιν Дионисий заимствовал редкое прилагательное-композит βαρύγδουπος, которое встречается в предшествующей традиции лишь у Пиндара (Ol. VI. 81: σὺν βαρυγδούπῳ πάτρι; Ol. VIII. 44: βαρυγδούπου Διός; Pyth. IV. 210: βαρυγδούπων ἀνέμων στίχες. По-видимому, подражая словоупотреблению Пиндара (Dion. Per. 770: ἐπ' ἄκμοσιν, ср. Pind. Pyth. I. 86: πρὸς ἄκμονι χάλκευε γλῶσσαν), Дионисий одновременно использует гомеровскую лексему ἄκμων (Il. XV. 19; XVIII. 410, 476; Od. III. 434; VIII. 274).

Далее, в окрестностях реки Фермодонт (в Каппадокии) Дионисий помещает **амазонидов** ('Αμαζονίδεσσιν, 773), а саму территорию у реки Фермодонт (ст. 774; ср. ст. 657, 975) называет понтийской Ассирией (ст. 772; ср. 975: 'Ασσύριοι δ' αλὸς ἄγχι παρὰ στόμα Θερμώδοντος). Евстафий Солунский в своем комментарии обращает внимание на то, что используемая Дионисием форма 'Αμαζονίδες (в ст. 655 и 773) вместо традиционной 'Αμαζόνες (как у Гомера – Il. III. 189; VI. 186)[44] свидетельствует о том, что речь идет об исторических потомках (Eust. ad Dion. Per. 653); сама форма 'Αμαζονίδεσσιν заимствована Дионисием из пассажей об амазонках в «Аргонавтике», ср. Apoll. Rhod. II. 374: 'Αμαζονίδων или II. 965: 'Αμαζονίδων. Существует мифологическая традиция, по которой одна из амазонок по имени Синопа стала прародительницей племени сирийцев/левкосирийцев[45]. Следует отметить, что подобные мифы о ним-

---

[42] *Greaves.* Dionysius Periegetes... P. 119; *Raschieri.* Dionigi d'Alessandria... P. 110–111.

[43] О халибах у Аполлония Родосского см. *Delage.* La géographie... P. 173–175; о заимствовании Дионисия Периэгета см. *Bernays.* Studien... S. 42–43; *Raschieri.* Dionigi d'Alessandria... P. 24, 111.

[44] Амазонки известны еще от Гомера (Il. III. 189; VI. 186, ср. II. 814), у которого они связаны только с Азией и не имеют отношения к скифам (см. *Huxley G.L.* Homerica I. Homeric Syrie // GRBS. 1960. 14. P. 122–124; *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. С. 285–301). По-видимому, амазонок стали связывать со скифами не ранее V в. до н.э. (Herod. IV. 110–117); подробнее см. *Geisau H. von.* Amazones // DKP. 1979. 1. Sp. 291–293; *Tyrell W.B.* Amazons. A Study in Athenian Mythmaking. Baltimore–London, 1984; *Blok J.H.* The Early Amazons. Modern and Ancient Perspectives of a Persistent Myth. Leiden–New York–Köln, 1995. P. 410–419; *Иванчик.* Накануне колонизации... С. 222.

[45] Этот миф с некоторыми вариациями встречается у следующих античных авторов: *Corinna.* F 654 II. 39 Page; *Philosteph.* F 3 Müller; *Diod.* IV. 72; *Plut.* Luc. 23, 5; ср. *Pind.* F 173 = *Strabo.* XII. 3, 9 C 544: об амазонках, управляющих левкосирийцами; *Ps.-Scymn.* F 27 Marcotte: упоминаются в одной связи сирийцы и амазонка Синопа.

фах-прародительницах, как правило, связывались с происхождением местных варварских народов и лишь иногда в позднее время – с основанием колоний[46]. Таким образом, под перифрастическим обозначением этнонима «амазониды» на территории понтийской Ассирии у Дионисия следует понимать сирийцев/левкосирийцев как «исторических потомков амазонок». В античной традиции «левкосирийцы» (обитавшие на побережье) известны и как «каппадокийцы» (во внутренних областях Ассирии/Левкосирии): по словам Геродота, «эллины называют каппадокийцев сирийцами» (I. 72, также V. 49; ср. III. 90, где упоминаются только сирийцы)[47]. Καππαδοκία представляет собой грецизированную форму древнеиранского *Katpatuka*, сохранившегося в ахеменидских надписях[48]. В другом пассаже Дионисий называет понтийскую Ассирию/Левкосирию/Сирию «другой Сирией» и локализует ее на побережье Понта на восток от горы Ливан по направлению к Синопе (Dion. Per. 970–973); далее Периэгет уточняет, что в этой стране живут ассирийцы (ст. 975), т.е. сирийцы/левкосирийцы, названные также каппадокийцами (Καππαδόκαι, ст. 974). Дионисий приводит также другую версию мифа о нимфе Синопе, дочери Асопа, поселившейся на берегах реки Фермодонт, после того как она получила от Зевса в дар девство, и давшей свое имя городу: таким образом Дионисий перифрастически обозначает греческую колонию Синопу в понтийской Ассирии, одну из ранних колоний в Южном Понте (ст. 775–779).

Поэтическая форма Ἀσσυρίης πρόχυσις χθονός – «наносные почвы Ассирийской земли» (Dion. Per. 772), повторяющая буквально стихи Аполлония Родосского (Ἀσσυρίης πρόχυσις χθονός – Apoll. Rhod. II. 964)[49], означает, собственно, Левкосирию, или срединную часть побережья Южного Понта от устья Фермодонта и до внутренних областей горной Каппадокии или истоков Фермодонта, берущего начало с Армянской горы (ἀπ' οὔρεος Ἀρμενίοιο – Dion. Per. 773). Употребленное Дионисием слово πρόχυσις (Dion. Per. 772) означает «наносная земля, речной ил», однако если рассматривать это словоупотребление не изолированно и на фоне контекста Аполлония Родосского (Ἀσσυρίης πρόχυσις χθονός – Apoll. Rhod. II. 964 ~ Dion. Per. 772), то можно предположить, что Дионисий в поэтической форме, копирующей словоупотребление Аполлония (πρόχυσις), все же имеет в виду «выступ или излучину» дельты Фермодонта, о которой говорится в другом месте «Аргонавтики» (κεῖθεν δὲ πρωτέροσε μέγας καὶ ὑπείροχος ἀγκών, Apoll. Rhod. II. 369) и которая имеет параллели у Гомера, Пиндара и др.[50] Замена ἀγκών на πρόχυσις мотивирована у Аполлония Родосского (II. 369: «выступ, наносная земля дельты Фермодонта»; II. 964: «наносная земля Ассирии»), а вслед за ним и у Дионисия (ст. 772) (ср. Eust. ad Dion. Per. 775).

---

[46] *Miller Th.* Die griechische Kolonisation im Spiegel literarischer Zeugnisse. Tübingen, 1997. C. 87; *Иванчик.* Накануне колонизации... С. 138.

[47] Ср. *Meandr.* FGrH 491 F 4 = *Strabo.* XII. 3, 25 C 552; *Ps.-Scyl.* 89: Μετὰ δὲ Χάλυβας, Ἀσσυρία ἐστίν ἔθνος καὶ ποταμὸς Θερμώδων; *Strabo.* XII 3, 9 C 544; XVI. 1, 2 C 737; *Ptol.* Geogr. V. 6, 2. См. также: *Nöldeke T.* Ἀσσύριος, Σύριος, Σύρος // Hermes. 1871. 5. S. 443.

[48] *Kent R.G.* Old Persian. New Haven, 1953. P. 178, s.v.; *Marcotte.* Ps.-Scymnus... P. 68.

[49] *Delage.* La géographie... P. 166–170; о заимствовании Дионисия Периэгета из текста Аполлония Родосского см. *Greaves.* Dionysius Periegetes... P. 119; *Raschieri.* Dionigi d'Alessandria... P. 31.

[50] Ср. *Fränkel.* Noten... S. 251 f.; иначе: *Delage.* La géographie... P. 166–170; Apollonios de Rhodes.... par Vian, Delage. P. 281.

С племенами Ассирийской земли граничат, по Дионисию, **пафлагонцы** (Παφλαγόνες, ст. 787), жители прибрежной Пафлагонии (местоположение на побережье подчеркнуто Дионисием выражением ἐπ' ἠϊόνεσσι, ст. 787), в отличие от горных областей Пафлагонии[51]. Этническая принадлежность пафлагонцев неясна; по легенде, эпонимом пафлагонцев был некий эолиец Пафлагон, сын Финея (Eust. ad Dion. Per. 787). Пафлагонцев от соседних левкосирийцев отделяла в своем нижнем течении пограничная река Галис (Herod. I. 6. 72; Ps.-Scymn. 389, F 25, 26 Marcotte; Dion. Per. 784)[52]. Впервые пафлагонцы упоминаются в «Каталоге кораблей» в «Илиаде» (Il. 853–855, где перечислены четыре топонима на побережье Пафлагонии – Китор (Κύτωρος), Сесам (Σήσαμος), Кромна (Κρῶμνα), Эгиал (Αἰγιαλός), однако этот пассаж принято считать поздней интерполяцией (posthomerische Interpolation), поскольку сторонникам этой идеи представляется маловероятным, что греческие колонии в Пафлагонии уже существовали во второй пололовине VIII – начале VII в. до н.э.[53] Пафлагония и пафлагонцы связаны с проблемой ранних контактов греков с побережьем Южного Понта. Согласно мнению Аполлодора, Гомер узнал о пафлагонцах от тех, кто доходил до них по суше (Apollod. 244 FGrH F 157 b = Strabo. XII. 3, 26 C 553); Эфор упоминает пафлагонцев среди южнопонтийских народов (Ephor. FGrH 70 F 162 = Strabo. XIV. 5, 23 C 678)[54].

Аполлоний Родосский, скорее всего, заимствует из «Каталога кораблей» гомеровские топонимы (Σήσαμος, Κρωμβίαλος / Αἰγιαλός, Κρῶμνα, Κύτωρος – Apoll. Rhod. II. 941–942)[55] и написание племени пафлагонцев, помещая его в той же метрической позиции (ср. Παφλαγόνων – Hom. Il. II. 853; Παφλαγόνων – Apoll. Rhod. II. 358). Дионисий демонстрирует свою эрудицию и помещает этноним Παφλαγόνες в начале стиха, как Гомер и Аполлоний Родосский; однако Периэгет опускает сведения Аполлония о прародителе пафлагонцев Пелопсе Энетском (Apoll. Rhod. II. 358–359, 790) и о пограничной реке Биллее (Apoll. Rhod. II. 791), достаточно четко определяя местоположение племени: «за реками (Иридой и Галис) на побережье (моря)» (Dion. Per. 787).

Следом за пафлагонцами идут **мариандины** (Μαριανδυνῶν ἱερὸν πέδον, ст. 788), которые, согласно нарративной традиции, населяли в глубокой древности

---

[51] О Пафлагонии см. *Ruge W., Bittel.* Paphlagonia // RE. Bd XVIII. 1. 1949. Sp. 2486–2550; *Dörner F.K.* Paphlagonia // DKP. 1979. 4. Sp. 1585–1586; см. также *Leonhard R.* Paphlagonia, Reisen und Forschungen in nördlichen Klein-Asien. B., 1915. S. 288–308.

[52] Подробнее комментарии к Пс.-Скимну см. *Marcotte.* Ps.-Scymnus... P. 199, 257–259.

[53] *Kirk G.S.* The Iliad. Commentary. Vol. I. Books 1–4. Cambr., 1985. ad loc.; см. также *Counillon P.* Hellénisation de l'espace et appropriation historique // Mythes et hellénisme. Colloque des 24–25 Nov. 1995, Université Michel de Montaigne. Bordeaux III. P., 1997. P. 127–128, где автор датирует эти греческие поселения на южном Понте не ранее V в. до н.э. или более поздним временем и даже полагает, что их названия были заимствованы из гомеровского пассажа (Il. II. 853–855), чтобы ради престижа включить эти города в «гомеровскую» историю.

[54] *Counillon P.* Homère et l'hellénisation de la Paphlagonie // History and Myth, the legendary Past as Source of Authority / Éd. J. Candau Morón, F.J. González Ponce. Seville, 2004. P. 1–15.

[55] О Пафлагонии в описании Аполлония Родосского и проблеме идентификации Кромбиала и Эгиала см. *Delage.* La géographie... P. 155–166.

окрестности Гераклеи Понтийской неподалеку от входа в Аид (Herod. VII. 72; Ps.-Scyl. 91; Ps.-Scymn. F 31–32: о Геракле; Ephor. 70 FGrH F 162 = Strabo. XIV. 5, 23 C 678; Xen. Anab. VI. 2. 1; Strabo. XII. 3, 4 C 544)[56]. Судя по свидетельствам Домиция Каллистрата и схолиям к «Аргонавтике» Аполлония Родосского, легендарный предок Мариандин считался сыном Киммерия и, стало быть, являлся киммерийцем (Callist. FGrH 430 F 1 = 433 F 2 = Schol. Apoll. Rhod. I. 1126–1131 a; II. 140 a, 723, 780–783 a)[57]. Таким образом, потомков Киммерия (т.е. киммерийцев, живущих у входа в Аид, о которых сообщает еще Гомер, – Od. XI. 13–22) сменили пришлые мариандины.

Пяти стихам в «Аргонавтике» о земле мариандинов (Apoll. Rhod. II. 353–357)[58] соответствуют пять стихов Дионисия, в которых он упоминает миф о Геракле и Кербере и тем самым вновь перифрастически обозначает еще одну важнейшую греческую колонию на берегу Южного Понта – Гераклею Понтийскую (ст. 788–792). Согласно версии мифа, приведенной у Дионисия, когда Геракл вытащил Кербера из Аида, из пасти чудовища вытекла на землю слюна, из которой впоследствии выросла ядовитая трава аконит[59]. Дионисий обозначает землю мариандинов как ἱερὸν πέδον («священная равнина»), что, вероятно, является косвенным указанием на находящийся здесь вход в подземное царство Аида (который перифрастически упоминается уже в следующей строке: «<огромная медноголосая собака> Подземного Кронида»). Выражение ἱερὸν πέδον встречается также у Аполлония Родосского при описании «священной равнины» Ладона – огромного змея, охранявшего на краю ойкумены яблоки Гесперид и убитого Гераклом отравленными стрелами (Apoll. Rhod. IV. 1396); упоминание хтонических существ (подземного стража Кербера у Дионисия ~ змея-стража Ладона у Аполлония Родосского) и ядов (слюны Кербера / ядовитого растения аконит ~ стрел, пропитанных ядом Лернейской гидры), а также причастность обоих пассажей к циклу мифов о Геракле, возможно, говорят не только о лексической, но и о смысловой связи отрывка Дионисия с текстом «Аргонавтики».

---

[56] *Ruge W.* Mariandynoi // RE. Bd. 14. 1930. Sp. 1744–1749; *Ziegler K.* Maryandinoi // DKP. 1979. 3. Sp. 1024–1025; *Asheri D.* Über die Frühgeschichte von Herakleia Pontike // Forschungen an der Nordküste Kleinasiens. Bd I. Herakleia Pontike. Forschungen zur Geschichte und Topographie. Wien, 1972. S. 9–34; *Burstein S.M.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Heracleia on the Black Sea. Berkley–Los Angeles–London, 1976. P. 6–11 (о мариандинах); *Фролов Э.Д.* Гераклейские мариандины (К проблеме взаимоотношений греческих колонистов и местных племен в зоне дорийской колонизации // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1979). Тбилиси, 1981. С. 22–33; *Сапрыкин С.Ю.* Полисы и местное население Южного Причерноморья в архаическую и классическую эпохи: Гераклея и мариандины // Там же. С. 9–22; *он же.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI – I вв. до н.э. М., 1986; *Фролов Э.Д.* Гераклейские мариандины (К проблеме взаимоотношений греческих колонистов и местных племен в зоне дорийской колонизации) // Демографическая ситуация... Тбилиси, 1981. С. 22–33.

[57] См. *Иванчик.* Накануне колонизации... С. 130.

[58] *Delage.* La géographie... P. 140–155; Apollonios de Rhodes... par Vian, Delage. P. 156–163 (традиция о Гераклее).

[59] *Plin.* NH. XXVII. 4; *Ovid.* Met. VII. 408–419; *Mela.* I. 103; Schol. Nicandr. Alex. 13; Schol. Apoll. Rhod. II. 353–356 b; Serv. Georg. II. 152.

Завершают каталог южнопонтийских племен Дионисия **вифины** (Βιθυνοί, ст. 793), которые населяют побережье Южного Понта от реки Ребы (на востоке их земель – Dion. Per. 794–796) до Фракийского Боспора (у их западной границы)[60]. Согласно свидетельству Арриана, эпоним вифинов – Вифин, приемный сын Финея, царя Боспора, сводный брат Пафлагона (Arr. FGrH 156 F 77 = Eust. ad Dion. Per. 793). Тот же Арриан отождествляет вифинов с гомеровскими гализонами (Arr. FGrH 156 F 97), тем самым относя переселение вифинов в Малую Азию ко времени до Троянской войны[61]. По легендарной традиции вифинам родственны фины, также пришедшие из Фракии (Herod. I. 28: Θρήικης Θυνοί τε καὶ Βιθυνοί, ср. VII. 75; Eust. ad Dion. Per. 793)[62]. Ксенофонт упоминает о враждебном отношении вифинских фракийцев к грекам (Anab. VI. 4, 2). В эллинистическую эпоху племена финов и вифинов были объединены в составе Вифинского царства (Mela II. 98; Plin. V. 151)[63]. Пс.-Скилак называет три реки в Вифинии (Σαγάριος, 'Αρτώνης, 'Ρῆβας – 92)[64]. У Аполлония Родосского вифины и занимаемая ими территория упоминаются несколько раз (Βιθυνῶν...γαῖα – II. 347, 788; Βιθυνὶς γαῖα – II. 619; ср. Βιθυνὶς ἅλς – II. 730) в связи с рекой Ребой[65]. В ответ Дионисий трижды повторяет название пограничной реки Ребы, используя стилистический прием анафоры (ст. 794–796).

Таким образом, в результате сопоставления сведений каталога Дионисия с соответствующими пассажами из «Аргонавтики» Аполлония Родосского и с предшествующей географической традицией обращают на себя внимание следующие моменты.

Несмотря на очевидную зависимость Периэгета от текста «Аргонавтики», сведения Аполлония Родосского переосмысляются Дионисием и подвергаются характерному для его стиля прагматичному отбору. Дионисий исключил обширные части из пассажей Аполлония, содержащие пространные и полусказочные характеристики варварских племен, акцентируя внимание на фактических сведениях. Произведенный Дионисием Периэгетом отбор был обусловлен двумя требованиями: с одной стороны, в соответствии с раннесионийской географической традицией поэт должен был обозначить начальные и конечные пункты «пути» и, по возможности, расположение народов относительно местного ландшафта (мысы, горы, реки и т.п.). С другой стороны, избранная Дионисием в соответствии с эпической традицией литературная форма каталога заставляет поэта обеспечить максимальную плотность информации и расположить

---

[60] *Brandis.* Bithynia // RE. 5. Hlbd. 1897. Sp. 507–539; *Meyer Ed.* Bythinia // RE. Bd III. 1898. Sp. 512–514; *Dörner F.K.* Bythinia // DKP. 1979. 1. Sp. 908–911; *Counillon.* Ps.-Scylax... P. 133.

[61] *Burstein.* Outpost of Hellenism... P. 102. Not. 81; *Иванчик.* Накануне колонизации... С. 133.

[62] *Lenk B.* Thynoi // RE. 2. Reihe. XI. Hlbd. 1936. Sp. 734. Не следует путать фракийских финов со скифскими Θῦνοι, которые населяли побережье Каспийского моря (*Dion.* Per. 730); ср. *Bernays.* Studien... S. 66–67.

[63] Подробнее см. *Габелко О.Л.* Гераклея Понтийская и Вифиния в раннеэллинистический период: политико-географический аспект // ВДИ. 1999. № 2. С. 114–126; *он же.* История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 55–92.

[64] *Counillon.* Ps.-Scylax... P. 133.

[65] *Delage.* La géographie... P. 136–140.

этнонимы, топонимы, гидронимы, оронимы таким образом, чтобы подчеркнуть дидактические цели своего отрывка. Дионисий использует текст Аполлония не только в качестве своего источника, но и в качестве поэтического образца, что дает ему дополнительную возможность продемонстрировать интертекстуальный характер своего отрывка. Так, например, употребляя лексику Аполлония Родосского (например эпитет δουράτεος – «деревянный»), поэт добивается собственной образности; иногда Дионисий помещает этнонимы в той же метрической позиции, что и Аполлоний (Παφλαγόνες в начале стиха, πολύρρηνες Τιβαρηνοί в конце стиха, Βύζηρές... φῦλα Βεχείρων в начале и конце стиха), намеренно обыгрывая текст «Аргонавтики». Перифрастически используя заимствованную из текста Аполлония лексему «амазониды», Дионисий обозначает этим именем исторических левкосирийцев, населявших понтийскую Ассирию. Дионисий приводит местные мифы и легенды (о нимфе Синопе и Зевсе, Геракле и Кербере), которые традиция связывает с местоположением греческих апойкий (Синопа, Гераклея).

При всем этом нельзя исключать знакомства Дионисия с другими географическими и/или историческими источниками, из которых он мог почерпнуть свои знания о регионе Южного Понта. Схожую номенклатуру племен прибрежной зоны Южного Понта встречаем у Гекатея Милетского (колхи, дизеры, хои, бехиры, макроны, мары, моссиники, тибарены, халибы, сирии – Hecat. FGrH 1 F 202–208), Пс.-Скилака (колхи, бизеры, эхехириды, бехиры, макрокефалы, моссиники, тибарены, халибы, Ассирия, Пафлагония, мариандины, вифины – Ps.-Scyl. 81–92), Страбона (вифины, мариандины, пафлагонцы, каппадокийцы – XII. 3, 2 C 541), Помпония Мелы и Плиния Старшего (колхи, буксеры, бехиры, макрокефалы, моссины, тибараны, халибы, левкосиры – Mela I. 105–108; Plin. NH. VI. 9–12)[66], и это свидетельствует о том, что Дионисий в данном случае примыкает именно к этой ветви географической традиции.

THE CATALOGUE OF SOUTH-PONTIC TRIBES IN DIONYSIUS PERIEGETES

E.V. Ilyushechkina

The paper is a continuation of the publication in VDI 2 (2008). The author focuses her attention on Dionysius' account of the peoples and tribes that inhabited the southern Pontic coast in the ancient times. Dionysius' data is compared with passages of Apollonius of Rhodes, his main geographical source and poetical model. The names which Dionysius uses referring to the area in question come from both the witnesses of early Ionian tradition (Hecataeus of Miles, Herodotus, Ps.-Skylakas) and to the epic tradition of catalogues (Homer, Callimachus, Apollonius of Rhodes, etc.).

[66] *Counillon.* Ps.-Scylax... P. 97.

© 2009 г.

С.В. Смирнов

ПЕРВЫЙ ОПЫТ СОПРАВИТЕЛЬСТВА В ГОСУДАРСТВЕ СЕЛЕВКИДОВ

Соправительство – один из важнейших институтов передачи власти, в различных проявлениях весьма распространенный в истории. Со времен глубокой древности и непосредственно до наших дней этот феномен является существенным элементом формирования власти. В эллинистической практике соправительство появляется практически повсеместно. Цари новых династий: Птолемеи, Антигониды, Селевкиды – все они в той или иной степени приобщали наследников к управлению страной.

Первое упоминание о соправительстве в государстве Селевкидов относится к периоду правления основателя династии Селевка I, объявившего в 293 г. до н.э. своего сына Антиоха царем «верхних сатрапий». Появление такой практики в условиях формирования новой династии кажется не случайным, а скорее закономерным явлением. Этот институт был принят эллинистическими правителями во многом для создания незыблемой и универсальной системы престолонаследия, согласно которой очередным правителем становился обозначенный заранее старший сын-преемник[1]. У Селевкидов этот процесс имел ряд характерных особенностей.

Каждому исследователю данного вопроса неизбежно приходится сталкиваться с двумя основными источниками – это изложения одной и той же легенды о несчастной любви пасынка к мачехе и отце-царе, благородно уступившем жену своему наследнику, а также о придворном докторе, который благодаря своему опыту сумел избежать напрасных жертв и добиться благоприятного для всех исхода[2]. Итак, интересующий нас вариант легенды представлен в сочинениях двух античных авторов: Аппиана (Syr. 308–327) и Плутарха (Dem. 38). Вкратце напомним ее содержание. Антиох, сын и наследник царя Селевка, заболел неизвестной болезнью. Придворный врач Эрасистрат сумел определить, что это болезнь более душевная, нежели телесная и что юный Антиох влюблен во вторую жену своего отца – Стратонику. Врач в оригинальной манере поведал Селевку о состоянии дел и тот решил отдать жену своему сыну. Собрав войско, Селевк публично соединил браком Антиоха и Стратонику и сделал их царями «верх-

[1] *Walbank F.W.* Monarchies and Monarchic Ideas // CAH². Vol. VII. Pt 1. P. 66–67. Подобными видами защиты царской власти Ф. Волбанк считает также кросскузенные и междинастические браки.

[2] Мы нарочно игнорируем принятый А. Мелем (*Mehl A.* Seleukos Nikator und sein Reich. I. Seleukos' Leben und die Entwiklung seiner Machtposition. Leuven, 1986. S. 236–237) в качестве третьего источника по данному вопросу отрывок из Лукиановой «de Dea Syria» (17–18), так как в нем хотя и воспроизводится та же легенда, что у Аппиана и Плутарха, но вряд ли она имеет отношение к интересующим нас историческим событиям. Научная ценность ее, однако, от этого нисколько не уменьшается, ведь благодаря этому отрывку можно заключить, что представленная история имела широкое распространение на Востоке еще до возникновения государства Селевкидов.

них» сатрапий. Так, по легенде, в государстве Селевкидов появился институт соправительства. Однако за красивой историей любви, созданной, видимо, уже после смерти Селевка, безусловно в пропагандистских целях[3], стоят реальные исторические факты.

Брак Селевка и Стратоники, дочери Деметрия Полиоркета и Филы, дочери Антипатра, состоявшийся примерно в 298 г. до н.э., имел исключительно политическую мотивировку. Плутарх отмечает, что Селевку было необходимо породниться с Антигонидами (Dem. 31), по всей видимости, для получения Киликии. Бракосочетание стало составной частью мирного договора, заключенного между царями. Спустя немного времени Деметрий, заключая мир с Птолемеем, возьмет в супруги его дочь Птолемаиду (Plut. Dem. 32). Трудно сказать, была ли жива Апама, первая жена Селевка Никатора, к моменту его второй женитьбы[4]. Тем не менее свадьба Антиоха и Стратоники тоже представляется явлением политическим. По мнению А. Бребаарта, она могла состояться только в контексте двух реалий: во-первых, Селевк строил свое государство для македонян, возводя их в ранг элиты, во-вторых, армия должна была испытывать чувство глубокого долга перед царем, чтобы разрешить ему этот брак[5]. Можно предположить, что в свадьбе Антиоха и Стратоники в определенном смысле были заинтересованы македоняне, в первую очередь войско и особенно φίλοι. Безусловно в их интересах было и рождение наследника, но принять теорию А. Бребаарта полностью невозможно. В данный период грань между македонянами и греками становилась все более и более прозрачной[6]. Этот греко-македонский этнос обладал самыми большими привилегиями как в городах, так и в войске. Однако не стоит забывать, что войско у Селевка, как и у Александра, было многонациональным (Paus. I. 16), а любому местному жителю могли быть дарованы гражданские права (Ios. Ant. XII. 119).

Как кажется, в описанной истории не было никакой любви пасынка к мачехе. И Плутарх и Аппиан свидетельствуют, что Селевку пришлось уговаривать сына взять в супруги Стратонику. А для уговаривания Стратоники даже были привлечены φίλοι Селевка[7]. С одной стороны, этим «внутрисемейным» браком

---

[3] В версии Аппиана (Syr. 308–327) трижды упоминается, что Селевк, его власть и государство являются преемниками Александра. О том, что такая легенда была создана уже во времена Антиоха, говорят следующие строки: «...войско воздало ему хвалу как величайшему после Александра царю и как лучшему отцу». Типичная формулировка для *progonoi* Александра и Селевка. Из историографии по этому вопросу см. *Billows R.* Kings and Colonists (Aspects of Macedonian Imperialism). L., 1995. P. 33–44; *Hadley R.A.* Royal Propaganda of Seleukos and Lysimachos // JHS. 1974. 94. P. 50–65; *Brodersen K.* Der Liebeskranke Königssohn und die Seleukidische Herrschaftsauffassung // Athenaeum. 1985. 63. S. 159–169; *Rostovzeff M.* ΠΡΟΓΟΝΟΙ // JHS. 1935. 55. 1. P. 56–66.

[4] По мнению Дж. Грейнджера, Апама умерла в период между 300 и 298 годами до н.э. Ведь нельзя допустить, что она была отодвинута Селевком на второй план, так как царь мог потерять популярность среди иранцев и в первую очередь бактрийцев (*Grainger J.D.* Seleukos Nikator: Constructing a Hellenistic Kingdom. L.–N.Y., 1990. P. 152). Однако Стратоника получила титул *basilissa*, только выйдя замуж за Антиоха. Это наводит на мысль, что в 298 г. до н.э. Апама была еще жива.

[5] *Breebaart A.T.* King Seleucus I, Antiochus and Stratonice // Mnemosyne. 1967. 20. P. 159.

[6] *Briant P.* Colonisation hellénistique et population indigenes // Klio. 1978. 60. P. 91; *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 222–223.

[7] О роле φίλοι в этой истории см. *Mehl.* Op. cit. S. 259–260.

Селевк, по всей видимости, замыкал линию наследников, отсекал ненужные молодой династии родственные связи[8]. С другой стороны, Селевк дорожил родством с Деметрием и Филой, в честь которой назвал родившуюся от Стратоники дочь. Он хотел иметь от нее сыновей, но ввиду своего возраста уже не мог. Даже после пленения Деметрия Селевк не прекращает ценить его родство. Он пишет Антиоху, чтобы тот как можно лучше обращался с пленным (Diod. XXI. 20), ждет прибытия Антиоха и Стратоники, чтобы они освободили Деметрия и стали его благодетелями[9]. Деметрий, оставаясь царем Македонии, был крайне нужен Селевку живым, что сильно не устраивало Лисимаха, домогавшегося власти в Македонии. Связь с Македонией и ее правителями, так или иначе, поддерживали все диадохи. Селевк же, скорее всего, был заинтересован в притоке человеческих ресурсов[10].

Впрочем, для возникновения такого серьезного института у Селевка должен был быть и серьезный повод, так сказать, некий негативный пример. В таком качестве могли служить события, происходившие с наследниками Кассандра. В 298 г. до н.э. Кассандр умер. Через год скончался его преемник, старший сын Филипп, после чего вспыхнула борьба между двумя другими сыновьями Кассандра – Антипатром и Александром (Plut. Dem. 36; Paus. IX. 7; Iust. XVI. 1). В итоге власть в Македонии перешла в руки Антигонидов; часть ее была захвачена Пирром, а династия Кассандра была уничтожена. Необходимо заметить, что Кассандр не пользовался особой популярностью как среди македонян, так и у древних авторов. Те злодеяния, которые он в свое время учинил над семьей Александра, не делали ему чести в Македонии. Из всех диадохов, пожалуй, только Кассандр не старался связать легитимность своей власти с образом Александра, а скорее наоборот, испытывал к нему ненависть. Безусловно, Селевк не мог не знать об этих происшествиях и извлек из них очень важный урок, хотя диадохам был прекрасно известен и другой пример крушения династии, во много раз могущественней, чем Кассандрова, ведь еще относительно недавно они сами делили на части царство Александра Великого.

Для чего же был создан этот институт соправительства? Какими же полномочиями был наделен соправитель Антиох? Какое место занимал новый институт власти в формировавшейся системе должностей? Ответы на эти вопросы стоило бы рассмотреть подробнее.

Свое видение по этому поводу высказали две исследовательницы, А. Курт и С. Шервин-Уайт. По их мнению, соправительство было учреждено Селевком из-за сложностей в управлении страной, вызванных ее огромными пространствами. Таким образом, для того, чтобы упростить задачу управления отдаленными сатрапиями, царь и создал себе «помощника». В этом заключается

---

[8] Предположим, что Антиох взял бы в жены не Стратонику, а другую женщину. В таком случае после смерти Селевка оставалась линия Стратоники, у которой уже была дочь от Селевка. Не стоит также забывать, чьей дочерью была Стратоника и каким могуществом обладал в то время ее отец. Заметим, что Плутарх представляет мощь армии Деметрия этого времени как первую после Александра (Dem. 44).

[9] Кажется не случайным то, что Диодор (XXI. 20) упоминает уже родившихся детей от брака Стратоники и Антиоха. Ср. *Plut.* Dem. 51. «Коварные» же планы Селевка восстановить Деметрия на царском престоле кажутся не более чем фантазией Иеронима из Кардии, к которому восходят фрагменты как Диодора, так и Плутарха. Ведь в противном случае Селевку пришлось бы воевать со всеми оставшимися в живых диадохами.

[10] *Breebaart.* Op. cit. P. 160.

особенность института соправительства в государстве Селевкидов[11]. Однако с такой трактовкой проблемы нельзя согласиться. Дж. Грейнджер справедливо заметил, что нельзя объяснять появление института сорегентства неспособностью Селевка управлять огромной страной в одиночку, так как к моменту назначения Антиоха «царем верхних сатрапий» (293 г.) Селевк владел и успешно руководил своей державой после победы в битве на Ипсе (301 г.) уже восемь лет[12].

Если представить институт соправительства так, как его позиционируют А. Курт и С. Шервин-Уайт, то в таком случае можно предположить, что у Селевкидов должен был бы сложиться универсальный принцип управления. Одной частью государства (скорее всего, западной) управлял бы сам царь, другой (соответственно, восточной) его старший сын-соправитель. Однако такой принцип Селевкидами выработан не был. Более того, долгое отсутствие наследника при дворе становилось потенциально опасным для него. Самому Антиоху после убийства Селевка пришлось победоносно возвращаться в Сирию[13]. Но от практики соправительства Селевкиды не отказались. Ими только варьировалось место пребывания очередного соправителя: и это была не обязательно восточная часть державы. Другим следствием принятия вышеупомянутой версии стала бы бессмысленность института «Восточных походов», которые были уникальным, присущим только Селевкидам, явлением. Трудно переоценить роль «Восточных походов» в истории государства Селевкидов и особенно в вопросах, касающихся царской власти. Ведь каждый царь, совершавший «Восточный поход», не просто пополнял казну и подтверждал свою власть над территориями восточнее Евфрата, он как бы повторял подвиг Александра. Таким образом, версию А. Курт и С. Шервин-Уайт если и можно принять, то с большими оговорками.

Сама по себе восточная часть державы была отдана Селевком своему сыну не случайно. Во-первых, первая жена Селевка и мать Антиоха – Апама, дочь Спитамена из Бактрии, бывшего персидского чиновника, была иранкой. По поводу происхождения Апамы существуют две точки зрения. Согласно первой, основанной на свидетельстве Страбона (XII. 8. 15), она была дочерью Артабаза, внука Артаксеркса II[14]. Вторая точка зрения более учитывает сообщение Арриана (Anab. VII. 4. 6; ср. Phot. 91. 68b), который утверждает, что первой женой Селевка была дочь Спитамена[15]. Необходимо отметить, что в указанном отрывке Арриан не называет имени супруги Селевка, но четко определяет ее отца: Πτολεμαίῳ δὲ τῷ σωματοφύλακι καὶ Εὐμενεῖ τῷ γραμματεῖ τῷ βασιλικῷ τὰς Ἀρταβάζου παῖδας τῷ μὲν Ἀρτακάμαν, τῷ δὲ Ἄρτωνιν· Σελεύκῳ δὲ τὴν Σπιταμένους τοῦ Βακτρίου παῖδα· – «Птолемею же, телохранителю, и Эвмену, царскому писарю, дочерей Артабаза: одному Артакаму, другому Артонину. Селевку же дочь Спитамена из Бактрии». Мы же более склонны согласиться с

---

[11] *Sherwin-White S., Kuhrt A.* From Samarkhand to Sardis. Berkeley–Los Angeles, 1993. P. 24–26. Насколько нам известно, эту версию выдвигал еще А. Бребаарт (Op. cit. P. 164).

[12] *Grainger.* Seleukos Nikator... P. 155.

[13] *Memnon* // FGrH. 434. Fr. 15.

[14] *Молчанов А.А.* Апама: женское династическое имя в антропонимии наследников Александра Великого // Вспомогательные исторические дисциплины. Материалы XVIII науч. конф. М., 2006. С. 313.

[15] См., например, *Holt F.* Alexander the Great and Bactria: the Formation of a Greek Frontier in Central Asia. Leiden, 1988. P. 100; *Wilcken.* Apama (1) // RE. Hlbd 1. 1894. Sp. 2659.

мнением А. Меля, что Апама, дочь Артабаза, и Апама, дочь Спитамена, – два разных персонажа. Первая из них действительно была женой Птолемея Сотера (Plut. Eumen. 1), а вторая – Селевка Никатора[16]. Таким образом, возможно предположить, что Селевк не мог не сыграть на том, что в жилах его сына и наследника течет восточная кровь[17]. Как это неоднократно подчеркивалось в литературе, Апама для Селевка играла такую же роль, какую в свое время играла Роксана для Александра: она была как бы «мостиком» между Западом и Востоком[18]. Во-вторых, около 293 г. до н.э. севернее Бактрии наблюдалась активность кочевых племен, а так же волнения как кочевников, так и оседлых жителей самой Бактрии. Необходимо заметить, что авторитет селевкидской власти в этой части державы был довольно слабым, что создавало опасность отложения сатрапии[19]. Отметим, что присоединение Селевком Бактрии и Согдианы в 307–306 годах проходило достаточно мирно, посредством дипломатии, а не путем военной экспансии[20]. На тот момент союз Селевка и местной знати казался достаточно прочным, однако впоследствии, по всей видимости, в этих отношениях появились некие противоречия. Как видно, утверждение авторитета Селевка в Бактрии продолжалось до конца жизни царя и миссия Антиоха – лишь один из этапов этой долгосрочной политики.

Таким образом для защиты Бактрии и других сатрапий, а также укрепления центральной власти Селевк послал своего сына Антиоха именно на Восток[21], и вместе с ним отправил опытного полководца Демодама, сына Аристида из Милета, упомянутого в милетских декретах 299 г. до н.э. (IDidyma 479 = OGIS 213; IDidyma 480). Демодам совершил военную экспедицию в земли кочевников, пересек Яксарт, где установил алтарь Аполлону Дидимейскому (Plin. NH. VI. 49).

---

[16] *Mehl.* Op. cit. S. 17–19. Версия Страбона, что Селевк взял в жены брошенную Птолемеем Апаму, кажется весьма странной.

[17] Да и самому Антиоху помогало то, что он был родственен бактрийской знати (*Wilcken.* Antiochos I // RE. Hlbd 1. 1894. Sp. 2451).

[18] *Holt.* Op. cit. P. 100. Ср. *Bielman Sanchez A.* Régner au feminine. Réflexion sur les reines Attalides et Séleucides // L'Orient méditerranéen de la mort d'Alexandre aux campagnes de Pompée (Actes du colloque intern. de la SOPHAU). 2003. P. 45–46.

[19] История таджикского народа. Т. 1. Древнейшая и древняя история / Под ред. Б.А. Литвинского и В.А. Ранова. Душанбе, 1998. С. 327–330.

[20] *Capdetrey L.* Le pouvoir séleucid. Territoire, administration, finances d'un royaume hellénistique (312–126 avant J.–C.). Rennes, 2007. P. 43.

[21] *Grainger.* Seleukos Nikator... P. 156–157. Теория У. Тарна (*Tarn W.W.* The Greks in Bactria and India. Cambr., 1951. P. 525) о повторном завоевании Антиохом Бактрии и изгнании якобы уже вторгшихся туда племен кочевников, была опровергнута Дж. Грейнджером (Seleukos Nikator... P. 155–157). Восстановление Антиохом трех македонских колоний (Александрия в Маргиане, Александрия Эсхата и Александрия Оксианская), которое У. Тарн представлял как главный аргумент этой Антиоховой реконкисты, является процедурой достройки и переименования, а не полного восстановления разрушенного поселения. Исключение составляет только Александрия в Маргиане (Мерв), которая действительно была серьезно перестроена, что наводит на мысль о ее предварительном разрушении. После восстановления ее Антиохом она была переименована в Антиохию в Маргиане. Ср. *Кошеленко Г.А., Гаибов В.А.* В защиту Александрии Маргианской // ПИФК. 2006. XVI. 1. С. 18–23; *Mehl.* Op. cit. S. 267; *Grainger J.D.* A Seleukid Prosopography and Gazetteer. Leiden–New York–Köln, 1997. P. 680; *Zeimal E.V.* The Political History of Transoxiana // CHI. Vol. 3. Pt 1. P. 237.

Безусловно, в подчинении Антиоха находилось войско. Этот факт чрезвычайно интересен тем, что, в сущности, он определяет основу власти соправителя. Дело в том, что хотя Антиох и стал basileus волей своего отца, навсегда установившего универсальный принцип: слово царя – закон, все же подтвердить право на обладание этим титулом Антиох должен был военной победой. Именно военная победа являлась определяющим фактором власти царя, той власти, о которой М.И. Ростовцев и позднее Э. Бикерман писали как о власти, всецело основанной на личном превосходстве[22]. Особенно любопытно в этом смысле замечание Э. Бикермана, что «...власть, созданная победой, может исчезнуть в случае поражения»[23]. Таким образом, Антиох должен был на практике показать, что он достоин носить царский титул, ведь и Деметрий Полиоркет стал царем только после морской победы над Птолемеем (Plut. Dem. 18).

Для назначения Антиоха соправителем, у Селевка были и некоторые экономические причины. После 301 г. до н.э. царь занимался в основном западными территориями своего государства. В 300 г. до н.э. он основал Антиохию на Оронте, ставшую новой столицей, и готовился к военным действиям против Лисимаха. Несмотря на новые территориальные приобретения, экономический потенциал Селевкидов все же состоял, в основном, из ресурсов восточных сатрапий. По всей видимости, необходимое реформирование налоговой системы в них царь Селевк так и не успел провести. Таким образом, одной из задач Антиоха становилось регулирование в налоговой сфере.

Из вавилонских хроник периода совместного правления Селевка и Антиоха мы узнаем, что «...[наследный принц] наложил на Вавилон тяжелый налог...» (BCHP 5). По всей видимости, это был налог на урожай (δεκάτη). Однако можно предположить, что в городах Месопотамии существовали некоторые иные сборы, среди которых логично предположить налог за вход в порт (ἐλλιμένιον), а также налог на торговлю рабами. Ко времени соправительства относится также и появление в Селевкии на Тигре соляного налога (ἁλικῆ)[24].

Как часть экономической политики Антиоха в Вавилонии необходимо отметить взаимоотношение с местными храмами, которые являлись вторыми, после царя, земельными собственниками. Первые контакты с ними, безусловно, носили скорее политический характер. Так, к примеру, Антиох щедро одаривал храмы Сина (BCHP 5) и Бела-Мардука (BCHP 6) в Вавилоне, а также храм Набу – Эзиду в Борсиппе[25]. Но впоследствии земли храмов были также обложены налогом. Так же Антиох осуществил некоторые изменения в монетной чеканке на Востоке. В Селевкии на Тигре, затем в Сузах и много позже в Бактрии, он санкционировал новый выпуск серебряной монеты типа «слоновая колесница». Антиоху нужны были деньги для выплат войску, но возможно часть из них пошла на нужды администрации, на содержание гарнизонов, а также для укрепления монетного обращения внутри сатрапий в целом.

---

[22] *Ростовцев М.И.* Сирия и Восток (Русский вариант главы «Кембриджской древней истории»). Публикация В.А. Гаибова и Г.А. Кошеленко // ВДИ. 2000. №4. С. 168–169; *Бикерман*. Ук. соч. С. 14–15.

[23] *Бикерман*. Ук. соч. С. 15.

[24] Подробнее об этом см. *Aperghis G.* The Royal Seleukid Economy. Cambr., 2004. P. 154–155, 293–294.

[25] *Sherwin-White S.* Aspects of Seleucid Royal Ideology: The Cylinder of Antiochus I from Borsippa // JHS. 1991. P. 71–86.

Однако самым важным, с экономической точки зрения, объектом для Антиоха была Бактрия. Ресурсы этого региона были весьма многочисленны. Особенно Селевкиды были заинтересованы в добыче драгоценных металлов, которыми была так богата Бактрия. В этой сфере ей не было равных во всем государстве Селевкидов, более того, Бактрия давала больше серебра и золота, чем все остальные сатрапии вместе взятые[26]. Бактрию Селевкиды рассматривали и как плацдарм для торговли с Индией. Через сатрапию проходили важные торговые пути, а контакты с Индией здесь были традиционны. Для осуществления этих торговых отношений в Бактрии были выпущены монеты, соответствующие индийским весовым стандартам (ESM 665, 672).

А. Мель полагает, что соправительство Антиоха было полноценным институтом власти в государственно-правовом смысле[27]. Доказывает он это довольно широким кругом источников. К примеру, на монетах Антиох имел титул basileus. В связи с этим мы категорически не согласны с прочтением легенды монет Антиоха I, выпущенных в Бактрии в период его соргентства[28] – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ΑΝΤΙΟΧΟΥ как «царя Селевка и Антиоха»[29]. Хотя еще Э. Бабелон предлагал понимать эту легенду как «монета царей Селевка и Антиоха»[30]. Э. Ньюилл доказал этот вариант чтения наличием общего образца для так называемой серии II, в которую вошли и монеты данного типа[31]. Грамматическое разногласие в легенде нельзя объяснить вариантом чтения – «царя Селевка, сына Антиоха».

Интересны и сами монетные типы, использовавшиеся Антиохом для его соправительских монет. Даже не предаваясь глубокому анализу, становится понятно, что соправитель Антиох использовал «отцовские» монетные типы, которые имели обращение на востоке его державы. Одним из наиболее распространенных монетных типов Селевка на Востоке была монета с изображением головы Зевса в лавровом венке на аверсе и Афины, управляющей колесницей, запряженной парой или четверкой слонов на реверсе[32]. Сам по себе сюжет, изображенный на реверсе, был заимствован с золотых статеров Птолемея I с некоторыми изменениями. Во-первых, вместо Афины у Селевка колесницей у Птолемея руководил сам Александр, а во-вторых, отличаются направления дви-

---

[26] *Aperghis*. Op. cit. P. 64–65.

[27] *Mehl*. Op. cit. S. 266.

[28] *Babelon E.* Catalogue des monnais grecques de la Biblothèque Nationale. Les rois de Syrie, d'Arménie et de Commagène. P., 1890. 99. (далее – Babelon.); *Newell E.T.* The Coinage of the Eastern Seleucid Mints: from Seleucus I to Antiochus III. N.Y., 1938. P. 234–235 (далее – ESM) 665–667, 672–675; *Houghton A., Lorbêr C.* Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. Lancaster–London, 2002 (далее –SC.) 279, 281–282.

[29] *Бикерман*. Ук. соч. С. 24.

[30] *Babelon*. P. XL. Современные исследователи принимают исключительно этот вариант. См., например, *Bopearachchi O.* La politique monétaire de la Bactiane sous les Séleucides // Topoi. Orient-Occident. Suppl. 6. 2004. P. 356.

[31] ESM. P. 234–235, № 664 – ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ΚΑΙ ΑΝΤΙΟΧΟΥ (SC. 280). Не представляется возможным считать монеты с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ, указанные А. Хоутоном, как соправительские (SC. 132, 136). Происхождение многих из них сомнительно (SC. 64–65, 120, 226–228), а большинства – вовсе неизвестно (SC. 241–243, 245–255). Тем не менее все эти монеты можно классифицировать как первые, начеканенные Антиохом как полноправным царем (280 г. до н.э.).

[32] Такие монеты чеканились в Селевкии на Тигре, Сузах и Бактрии.

жения этих колесниц: у Селевка – вправо, у Птолемея – влево. Это изображение как на монетах Птолемея, так и на монетах Селевка является воспроизведением сцены торжественного въезда Александра в Вавилон после индийского похода и символизирует, в каком-то смысле, власть над Востоком. Естественно, что для Селевка, равно как и впоследствии для Антиоха, данный монетный реверс имел огромное значение. Однако полностью скопировать изображение с монеты Птолемея они не могли, так как это было не характерно для эллинистического монетного дела. Оптимальным решением было заменить Александра одним из богов-воителей. Примерно полтора века спустя такие же слоновые колесницы появятся в торжествах, устроенных Антиохом IV в Дафне как раз накануне его Восточного похода (Polyb. XXXI. 3. 11).

Эпиграфические источники подтверждают, что еще при жизни Селевка Антиох стал царем. В надписи из Дидим (IDidyma 424 = OGIS 214) читаем: βασιλεῖς Σέλευκος καὶ Ἀντίοχος. Подобное можно обнаружить и в приенском декрете 285 г. до н.э. (OGIS 215), а также в вавилонских хрониках этого времени (ADRTB 288–287, 283, 281)[33]. О сорегентстве упоминают и некоторые античные авторы[34].

Тем не менее при первом же знакомстве с материалом нетрудно обнаружить, что имя Антиоха никогда не употребляется без имени Селевка, в то время как уже привычное basileus Seleukou продолжает фигурировать как на монетах[35], так и в официальной документации вполне независимо (RC 9). Тем самым создается впечатление именно соправления Антиоха, а ни в коем случае не его независимости. В вавилонских хрониках Антиох так же не называется царем, если в документе не упоминается его отец – царь Селевк (ABC 13a). Однако в Вавилоне еще до того как стать соправителем Антиох носил титул *mār šarri* – «сын царя», т.е. «коронованный наследник» (ABC 11 = BCHP 5, 6)[36]. Нечто похожее можно обнаружить и в милетских декретах 299 г. до н.э. – Ἀντίοχος ὁ πρεσβύτατος τοῦ βασιλέως Σελεύκου υἱὸς (IDidyma 479 = OGIS 213; IDidyma 480), а также в надписи на архитраве булевтериона в Милете, сделанной примерно в то же время (IMilet 193a). Возможно, в этом качестве Антиох-соправитель исполнял какие-то культовые функции[37].

Заметим, что у македонян вообще не существовало исторического опыта в вопросах соправительства. Как известно, царь избирался представителями

---

[33] Впервые формула «Селевк и Антиох цари» была упомянута в 292 г. до н.э. (*Olmstead A.T.* Cuneiform Texts and Hellenistic Chronology // CPh. 1937. 32. P. 6). Подробнее об этом см. *Mehl.* Op. cit. S. 266; *Boiy T.* Late Achaemenid and Hellenistic Babylon. Leuven, 2004. P. 138–140.

[34] *Plin.* NH. II. 167; *Memnon* // FGrH. 434. Fr. 12; *Paus.* I. 16.

[35] Почти все монетные дворы государства продолжают чеканить легенду – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ. К примеру, Селевкия на Тигре – ESM. 74–79; Сузы – ESM. 324– 326, 331; Экбатаны – ESM. 500–505; Бактра – ESM. 668; Антиохия на Оронте – *Newell E.T.* The Coinage of the Western Seleucid Mints: from Seleucus I to Antiochus III. N.Y., 1941 (далее – WSM). 890; Сарды – WSM. 1352, 1356; Селевкия в Пиерии – WSM. 895.

[36] Все материалы из книги, готовящейся к публикации: *Finkel I., Spek R.J. van der.* Babylonian Chronicles of the Hellenistic Period взяты с сайта www.livius.org.

[37] *Sherwin-White S.M.* Babylonian Chronicle Fragments as a Source for Seleucid History // JNES. 1983. 42. P. 265–266.

знати. Подобным образом стал царем Александр[38]. Однако практику присутствия наследника в армии и командования им частью войска можно рассматривать как нечто вроде прототипа соправительства. Именно на поле боя будущий царь показывал свои качества полководца, столь важные для македонян. Именно здесь он доказывал свое личное превосходство, которое лежало в основе царской власти. Эта важная традиция была сохранена диадохами, в том числе и Селевкидами.

Но в отличие от македонян некоторые формы соправительства существовали у персов. Здесь практику объявления наследника еще при жизни царя ввел Камбиз, сделав Кира «царем Вавилона», однако вскоре она была отвергнута[39]. Говорить о функциях сына-соправителя в этом случае довольно трудно, скорее это был набор привилегий, заметно возвышавший его над остальными членами семьи. П. Бриан полагает, что такой наследник не располагал большим объемом полномочий[40]. И все же в Вавилоне Антиох получает древний аккадский титул *mār šarri* – «сын царя» (до 293 г.) и его предполагаемый персидский аналог – *maθišta* – «первый после царя», который носили персидские наследники[41]. Возможно, *maθišta* иногда занимал должность сатрапа Бактрии. Имя сына Дария и сатрапа Бактрии Масиста из рассказа Геродота (IX. 113), по всей видимости, является греческим прочтением персидского *maθišta*, что может стать подтверждением намеченной выше теории. Как кажется, смысл *maθišta* состоял не просто в привилегированности обладателя этого титула, а в наследственных функциях его носителя. Именно такой вариант *maθišta* представлен в «гаремной надписи» Ксеркса (XPf. 28–43). Безусловно, в действиях Селевка мы обнаруживаем некоторое следование персидской традиции. Очевидно, он не хотел менять устоявшийся на Востоке порядок представления наследника.

Как полагал Э. Бикерман, у Ахеменидов Селевкиды заимствовали еще одну важную традицию – представление нового официального лица (в данном случае наследника-соправителя) народу[42]. Этой практике следовали и последующие Селевкиды. Так, последний царь династии, провозгласивший своего сына соправителем, – Антиох IV, обратился к народу, объявляя свое решение (II Macc. 9. 25). И все же утверждать, что Селевк в своем начинании всецело опирался на персидский опыт, не приходится. Возможно, для жителей восточной части державы династическая политика Селевка представлялась продолжением персидской (как кажется, Селевк этого и добивался), но для македонян соправительство было новаторством и Селевк боялся, что новый институт будет воспринят ими негативно. Поэтому, представляя своему войску наследника, Селевк нарочно подчеркнул, что не вводит тем самым персидского обычая. И все же институт соправительства является детищем диадохов, создавших его в процессе формирования своих династий.

---

[38] Подробнее об этом см. *Hammond N.G.L., Walbank F.W.* A history of Macedonia. Vol. III. Oxf., 1988. P. 3–12; *Hatzopoulos M.B.* Macedonian Institution under the Kings. T. 1. Athens, 1996. P. 276–279.

[39] *Briant P.* Histoire de l'emperie Perse. P., 1996. P. 104; *Coock J.* The Persian Empire. L., 1983. P. 133.

[40] *Briant.* Histoire de l'emperie... P. 536–537.

[41] Ср. ibid. P. 537–540.

[42] *Бикерман.* Ук. соч. С. 24.

Антиох не становился царем отдельного государства. О разделении державы не могло идти и речи. Но даже если допустить, что объем полномочий Антиоха I на Востоке был равен полномочиям Селевка I на территории всей державы, то, безусловно, мы должны учитывать характер отношений между сыном и отцом. Конечно, образ отца-царя, к тому времени уже прославленного полководца, вслед за Александром Великим буквально своими руками создавшего гигантскую державу, был для Антиоха выше любых земных авторитетов. И, по всей видимости, должность соправителя изначально создавалась как «второе лицо» государства[43]. Интересно заметить, что например, в вавилонских дневниках в официальной формуле имя царя-отца стоит на первом месте, а уже затем имя сына-соправителя (ADRTB 283). Такая практика существовала и при наследниках Селевка (ADRTB 277, 273, 270). Можно предположить, что соправитель мог занять место царя, если тот покидал державу, уходя в поход, как это было у Ахеменидов (Herod. VII. 4). Так или иначе, основной целью соправителя было приобретение политического опыта, который помог бы ему в дальнейшем управлять страной.

Итак, подводя итог, выделим несколько особенностей первого соправительства у Селевкидов. Во-первых, сам по себе институт был создан как некая система престолонаследия, призванная укрепить формирующуюся династию. Во-вторых, Селевк опирался на персидскую практику. Отправка Антиоха в Бактрию, столь отдаленную сатрапию, могла показаться македонянам весьма странным шагом, но, как видно, это было продолжение персидской традиции. В-третьих, для укрепления центральной власти соправитель был наделен значительным объемом полномочий на территории восточнее Евфрата. И все же, даже именуясь царем и на Западе, Антиох был вторым после своего отца, никогда не был равен ему. Важным элементом соправительства был фактор военной победы, так сказать, доказательство возможности в будущем стать царем. Все перечисленные особенности сформировали собой первый в истории государства Селевкидов опыт соправительства.

THE FIRST EXPERIENCE OF CO-REGENCY IN THE SELEUCID KINGDOM

S.V. Smirnov

The main subject of this article is an investigation of the origin of the co-regency institution in the Seleucid kingdom. Taking as a source some works of ancient writers (Appian and Plutarch), Babylonian documents (chronicles and astronomical diaries), epigraphical and numismatical data, special importance of this institution during the early period of Seleucid kingdom formation could be evidently observed. The processes in social, economical, ideological sphere, and the condition of domestic and foreign policy in the Seleucus state (from the end of IV BCE till the beginning of III BCE) could be regarded as the reasons for the origination of co-regency.

---

[43] На наш взгляд, Дж. Грэйнджер весьма точно употребил слово vicegoy, характеризуя Антиоха-соправителя (Seleukos Nikator... P. 152). Собственно об этом писал еще Э. Бикерман (Ук. соч. С. 24).

© 2009 г.

Г.М. Кессель

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПЕРЕАТРИБУЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РАННЕСИРИЙСКОЙ МОНАШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Переатрибуция произведений – распространенное явление как в истории поздней античной, так и средневековой литературы. К сожалению, проблема изменения авторства и на сегодняшний день остается неизученной систематически на материале сирийской христианской письменности. О необходимости и важности такого исследования свидетельствует тот факт, что большая часть издателей, изучая рукописную традицию определенного сирийского текста, непременно имеют дело с переатрибуцией и вынуждены заниматься проблемой аутентичности. Одна из важных особенностей специфики проблемы переатрибуции на материале сирийской письменности состоит в том, что сохранившаяся часть сирийской литературы представляет собой всего лишь «вершину айсберга», тогда как большая часть погибла с уничтожением тысяч рукописей на протяжение Средних веков, что для современного исследователя означает практически полное отсутствие сведений касательно рецепции и интерпретации текстов в позднейшей традиции. Настоящая статья на примере трех текстов IV–V вв. показывает возможные пути истории сирийских текстов и наряду с привлечением известной информации о переатрибуции добавляет также новые сведения, что должно способствовать формулировке проблемы и выявлению ее значимости.

В сирийской аскетической традиции[1] не раз встречаются случаи, когда то или иное сочинение (частично или целиком) было приписано в рукописях какому-либо другому автору[2]. Известны также случаи, когда текст, написанный западносирийским писателем[3], входил в состав произведений восточносирийского автора[4]. Часто такая переатрибуция происходила при составлении аскетических флорилегиев[5], когда из-за ряда возможных причин, текст (или его часть) и приписывался иному автору. Их изучение уже дало значительные результаты:

---

[1] См. библиографию основных публикаций по сирийской аскетической традиции: *Муравьев А.В.* «Древнесирийский исихазм» // Исихазм. Аннотированная библиография / Под общей редакцией С.С. Хоружего. Москва, 2004. С. 267–298.

[2] Так, например, произошло со многими сочинениями Маркиана, которые были приписаны Марку Монаху (см. издание: *Lebon J.* (†), *Roey A.* van. Le moine saint Marcien. Étude critique des sources, édition de ses écrits. Louvain, 1968.

[3] Следуя установившейся практике, восточносирийской традицией в настоящей статье обозначается традиция Церкви Востока (иначе: несторианская), западносирийской – традиция Сирийской Православной церкви (иначе монофизитская).

[4] Так, например, «Послание о трех этапах духовной жизни» восточно-сирийского автора VII в. Иосифа Хаззайи было приписано Филоксену Маббугскому и стало весьма популярным (текст известен как в полной, так и в сокращенной редакции) среди западносирийских монахов (см. издание: *Joseph Hazzâyâ*. Lettre sur les trois étapes de la vie monastique / Ed. P. Harb, F. Graffin. Turnout, 1992 (Patrologia Orientalis. 45/2)).

[5] О них см. *Teule H.* Les compilations monastiques syriaques // Symposium Syriacum VII / Ed. R. Lavenant. Roma, 1998. P. 249–264 (Orientalia Christiana Analecta. 256).

были обнаружены не только те тексты, о которых ранее имелись определенные сведения[6], но также ранее неизвестные[7]. Однако рассматриваемые ниже тексты (за исключением Иоанна Отшельника) представляют собой особый случай, поскольку они относятся к раннему периоду истории сирийского аскетизма, который характеризуется развитием автохтонных (т.е. возникших не в результате влияния египетского монашества) форм аскетизма, которые были забыты в последующий период[8]. Тем интереснее проследить, что и как было воспринято поздней традицией из этих раннесирийских произведений.

I. АФРААТ – ПЕРСИДСКИЙ МУДРЕЦ (ок. 270–345 гг.)[9]

Ж. Паризо, издатель editio princeps корпуса Афраата[10], использовал всего три рукописи (датируемые V–VI вв.), содержащие целиком весь корпус[11]. Древность этих рукописей, а также тот факт, что помимо них издатель смог найти всего одну более позднюю рукопись (содержащую только одну «тахвиту»), убедительно свидетельствует о том, что творчество Афраата, равно как и сам автор, было практически полностью забыто. Эти обстоятельства объясняют то, что в современных исследованиях, посвященных его творчеству, рассматриваются только различные аспекты учения Афраата, а также его соотношение с другими раннесирийскими авторами, и почти никогда нельзя найти обращения к рецепции его корпуса, равно как и истории самого текста[12]. Поэтому очень

---

[6] Именно во флорилегиях были обнаружены сочинения Нила, некоторые из них не имеют соответствия в греческом корпусе Нила Анкирского (*Bettiolo P.* Gli scritti siriaci di Nilo Solitario. Louvain-la-Neuve, 1983 (Publication de l'institute orientaliste de Louvain. 30)).

[7] Так, например, Р. Драге был найден анонимный комментарий на Аскетикон аввы Исаии (*Drauget R.* Commentaire anonyme du livre d'Abba Isaie (fragments). Louvain, 1973 (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. 150–151, Scriptores Syri. 336–337)), а Х. Тойле – фрагменты сочинений Иоанна Накара (*Teule H.* Jean Naqar, auteur ascetique syro-occidental // Parole de l'Orient. 1998. 23. С. 61–78).

[8] *Griffith S.* Asceticism in the Church of Syria: The Hermeneutics of Early Syrian Monasticism // Asceticism / Ed. V. Wimbush, R. Valantasis. N.Y.–Oxf., 1995. P. 220–245; *Кессель Г.М.* Учение о духовной жизни Афраата Персидского Мудреца // Богословские труды. 2003. 38. С. 356–375.

[9] См. о нем: *Муравьев А.В.* Афраат // Православная энциклопедия. Т. IV. М., 2002. С. 184–185; *Пигулевская Н.В.* Культура сирийцев в средние века. М., 1979. С. 124–129; совместно с прот. Леонидом Грилихесом нами был выполнен перевод первых семи «тахвит» (Афраат. Тахвита о кающихся // Богословские труды. 2005. 40. С. 11–30; Афраат. Тахвита о войнах // Богословские труды. 2004. 39. С. 61–78; Афраат. Тахвиты о посте и молитве // Богословский вестник. 2004. 4. С. 28–68; Афраат. Тахвиты о любви и вере // Богословский вестник. 2003. 3. С. 31–69; Афраат. Тахвита о сынах Завета // Богословские труды. 2003. 38. С. 120–146).

[10] Сохранившийся корпус состоит из 23 слов-«тахвит», что в переводе с сирийского означает «демонстрация, представление, показ».

[11] British Library Add. 14619 (VI в.) and Add. 17182 (474, 510 гг.).

[12] См. наши наблюдения относительно использования сочинения Афраата в восточносирийской экзегетической традиции, а также информацию о двух новых рукописях: *Kessel G.* A Note on One Borrowing from Aphrahat: St. Petersburg, Institute of Oriental Studies, Diettrich 2 // Parole de l'Orient. 2006. 31. P. 295–307.

важно наблюдение С. Брока, сделанное им en passant в статье 1979 г.[13] Броку удалось установить, что произведение Авраама Натпарского[14] «Заповеди и наставления» состоит из нескольких фрагментов, заимствованных из «Тахвиты о сынах Завета» Афраата (§ 8–9, 19). Данный текст был найден Броком в следующих рукописях: Mingana syr. 601, л. 56r–57r[15] и British Library Or. 6714, л. 97v–99r[16]. Таким образом, мы видим, как фрагмент из одной из центральных «тахвит» Афраата вошел в восточносирийскую традицию под именем Авраама Натпарского, оригинальные произведения которого имели авторитетный статус. Однако это же произведение (с небольшими текстуальными отличиями) под названием «Законы и заповеди для любящих добродетели» вошло также и в западносирийскую традицию, будучи приписано уже Иоанну Отшельнику (начало V в.)[17], и находится в следующих рукописях: British Library Add. 17170, л. 49v–51r (774–775 гг.)[18], Berlin 198, л. 105v–106r (XII в.)[19] и в Šarfeh, The Patriarchal Library, Soni 212 (Rahmani 38), л. 94v–95r[20]. Брок также идентифицировал в небольшом тексте «О молитве», приписываемого тому же Аврааму Натпарскому[21]

---

[13] *Brock S.P.* John the Solitary. On Prayer // Journal of Theological Studies. 1979. 30. P. 85.

[14] Авраам является восточносирийским писателем конца VI – начала VII в. Я следую утвердившейся форме написания имение Авраама, хотя Шахин приводит аргументы в пользу того, что только вариант «Нетпар» соответствует оригинальному чтению, тогда как «Натпар» является арабизмом (*Chahine Ch.C.* Abraham de Bēṯ-Neṯprā: Discours (Mēmrē). Introduction, texte critique et traduction. Roma, 2004 (докторская диссертация). P. 32). Корпус сочинений Авраама был издан в диссертации Ш. Шахина. Об Аврааме см. также *Del Rio Sanchez F.* Abraham de Natpar // Studia Monastica. 2000. 42. P. 53–63; *Penna A.* Abramo di Nathpar // Rivista di Srudi orientali. 1957. 32. P. 415–431.

[15] В этой рукописи, являющейся одной из трех копий (наряду с Vat. Syr. 509 и Baghdad, Chaldean Monastery 681), сделанных в первой половине XX в. с уникальной рукописи 1289 г. (сейчас хранится в библиотеке халдейского монастыря в Багдаде под номером Baghdad, Chaldean Monastery 680 (*Haddad P., Isaac J.* Makhtutat al-Suryaniyah wa-l-Arabiyah fi Khizanat al-Rahbaniyah al-Kaldaniyah fi Baghdad. I. Baghdad, 1988. S. 324)), также содержатся сочинения таких аскетических авторов как Дадишо Катарский, Иосиф Хаззайя, Авраам бар Дашандад и др. Некоторые произведения были изданы по этой рукописи А. Минганой: *Mingana A.* Early Christian Mystics. Cambr., 1934 (Woodbrooke Studies. 7).

[16] Шахин обнаружил, что текст рукописи BL Or. 6714 довольно значительно отличается от Mingana syr. 601, поскольку содержит помимо текста еще четыре дополнительных фрагмента: два – из той же «Тахвиты о сынах Завета» (§ 19, 7), один – из мемры 29 «Книги степеней» (о нем см. ниже), последний фрагмент остался неидентифицированным (*Chahine.* Abraham de Bēṯ-Neṯprā... S. 46).

[17] О нем см. ниже.

[18] *Wright W.* Catalogue of Syriac Manuscripts in the British Museum, Acquired Since the Year 1838. Vol. II. L., 1871. P. 456.

[19] *Sachau E.* Verzeichniss der Syrischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin. Bd 2. B., 1899. S. 642.

[20] *Soni B.* Fihris al-makhtûtât al-batriyarkîya fî Dair al-Sharfa. Beirut, 1993. S. 66–67; *Teule H.* A Fifteenth-century Spiritual Anthology from the Monastery of Mar Hannanya // Het Christelijk Oosten. 1997. 49. P. 79–102.

[21] Об этом тексте см. ниже.

(British Library Or. 6714), выдержки из «Тахвиты о молитве» Афраата (§ 16–17)[22].

Под именем Иоанна Отшельника сохранилось еще одно произведение, которое состоит из заимствований из Афраата. В сочинение «О любви» вошли фрагменты из § 2 и 6 «Тахвиты о сынах Завета» Афраата (British Library Add. 14738, л. 85r–85v (западносирийский флорилегий, XIII–XIV вв.)[23], и в упоминавшейся выше рукописи British Library Add. 17170, л. 48v–49v). Древность последней рукописи послужила основанием для В. Штротмана, составившего перечень всех известных сочинений Иоанна Отшельника, поместить два рассмотренных сочинения, приписываемых Иоанну Отшельнику, – «Законы и заповеди для любящих добродетели» и «О любви» – в группу аутентичных сочинений[24]. Однако приведенные выше данные об использовании в этих двух произведениях фрагментов творений Афраата свидетельствуют об их неаутентичности. Помимо этого трудно предположить, чтобы Иоанн, чьи подлинные сочинения отличаются своеобразностью стиля и учения, стал составлять свои сочинения из «тахвит» Афраата, поскольку эпоха составления компилятивных сочинений началась не менее, чем три–четыре столетия спустя[25] после смерти Иоанна.

На основании приведенных данных можно проследить отчетливую тенденцию в истории переатрибуции фрагментов из корпуса Афраата, которая имела своей целью сохранить и использовать актуальные и для поздних читателей фрагменты «тахвит». Можно наблюдать, как в восточносирийской традиции фрагменты из корпуса Афраата приписываются Аврааму Натпарскому, тогда как в западносирийской – Иоанну Отшельнику. Чем можно объяснить такую переатрибуцию? К сожалению, на сегодняшний день мы располагаем только незначительными сведениями, и поэтому окончательный ответ на поставленный вопрос остается делом будущего, однако нельзя не сделать важное наблюдение. Как было упомянуто выше, корпус сочинений Афраата представлен только двумя рукописями V–VI вв., и его «тахвиты» были забыты. И поэтому весьма понятно желание переписчика приписать заимствованные им фрагменты из Афраата авторитетному автору своей церковной традиции. Одним из таких авторов в восточносирийской традиции был Авраам Натпарский, а в западносирийской – Иоанн Отшельник.

---

[22] *Brock*. John the Solitary. On Prayer. P. 85. Ш. Шахин не добавляет к данным Брока ничего нового (*Chahine*. Abraham de Bēṯ-Neṯprā… S. 48).

[23] *Wright*. Catalogue of Syriac Manuscripts… P. 890.

[24] *Johannes von Apamea*. Sechs Gespräche mit Thomasios. Der Briefwechsel zwischen Thomasios und Johannes und Drei an Thomasios gerichtete Abhandlungen / Hrsg. von W. Strothmann. B., 1972 (Patristische Texte und Studien. 11). S. 30 (Abt. 2).

[25] Так, например, в VII в. восточносирийским монахом Ананишо был составлен сборник под названием «Рай Отцов», в который был включен «Лавсаик» Палладия, «История монахов в Египте», апофтегматы, а также дополнительный материал сирийского происхождения; в VIII в. – первый известный компилятивный экзегетический сборник, анонимный комментарий на Бытие и Исход 9, 32, преимущественно зависящий от толкований Феодора Мопсуэстийского, к которым были добавлены толкования других греческих и сирийских авторов (*Rompay L. van*. Le commentaire sur Génèse–Exode 9, 32 du manuscrit (olim) Diyarbakir 22. Louvain, 1986 (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. 483–484, Scriptores Syri. 205–206)).

II. «КНИГА СТЕПЕНЕЙ» (ок. 400 г.)[26]

Основной рукописью в издании М. Кмоско был список Paris Syr. 201, датированный издателем XII в.[27] Данная рукопись является одной из самых поздних списков, использованных Кмоско, однако единственной, в которой текст «Книги степеней» представлен полностью[28]. Помимо парижской рукописи издателем были привлечены 13 рукописей (датированных VI/VII–XIII вв.), в каждой из которых текст «Книги степеней» представлен фрагментарно: в среднем от одной до двух, и только в одном списке имеется 17 мемр[29].

---

[26] «Книга степеней» является раннесирийским (конец IV – начало V в.) анонимным литературным памятником, состоящим из тридцати слов (мемр) аскетического содержания. Исследователи уже давно отказались от тезиса, высказанного в 1926 г. издателем «Книги степеней» Михаилом Кмоско, считавшего учение «Книги степеней» мессалианским, а саму книгу как один из немногих сохранившихся памятников этого еретического движения.

[27] Однако в каталоге сирийских рукописей Французской национальной библиотеки, составленном Зотенбергом, рукопись датирована XIII в. (см. *Zotenberg H.* Catalogues des manuscrits syriaques et sabéens (mandaïtes) de la Bibliothèque Nationale. P., 1874. P. 152). Ни Зотенберг, ни Кмоско не приводят аргументов в пользу выбранной атрибуции, что несомненно указывает на необходимость датировать данную рукопись.

Помимо полного текста «Книги степеней» рукопись Paris Syr. 201 содержит также «Аскетические беседы» Филоксена Маббугского (текст «Аскетических бесед» был издан Баджем (*Budge E.A.W.* The Discourses of Philoxenus. Vol. 1–2. L., 1894)), однако издатель не использовал парижскую рукопись и, видимо, даже не знал о ее существовании, хотя каталог Зотенберга был издан 20-ю годами ранее (см. описание использованных Баджем рукописей: Ibid. Vol. 1. P. lxvi–lxxiii, xciv–xcv [Pl.]). Данная рукопись не упоминается также в указателе рукописей де Аллё, содержащих как полный корпус, так и отдельные мемры «Аскетических бесед» (*Halleux A. de.* Philoxène de Mabbog, sa vie, ses écrits, sa theologie. Louvain, 1963. P. 280–283); одно послание Аммония [Зотенберг, следуя указанию рукописи, утверждает, что это «шестое послание», однако поскольку традиция посланий Аммония не унифицирована, в издании Кмоско это послание представлено под номером 11 (Ammonii Eremitae Epistolae / Ed. M. Kmoskó (Patrologia Orientalis X, 6; P., 1915. P. 46–51); рукопись Paris syr. 201 не была известна издателю (описание рукописей см. Ibid. P. 3–8)]; послание Василия Великого его брату Григорию [остается на сегодняшний день неизданным; о нем см. *Brock S.* Traduzioni siriache degli scritti di Basilio // *Baudry E., Brock S., Cortesi M. et al.* Basilio tra Oriente e Occidente (Convegno Internazionale Basilio il Grande e il Monachesimo Orientale, Cappadocia, 5–7 ottobre 1999). Magnano, 2001. P. 175; *Fedwick P.J.* Basilius Caesariensis. The Letters. Turnhout, 1993. P. 451–452 (Paris syr. 201 не упоминается ни в одном их этих исследований); *Grand'henry J.* La réponse de S. Basile à S. Grégoire. Édition critique de la lettre 2 en version arabe // Le Muséon. 1989. 102. P. 321–359 (помимо издания арабской версии содержит сравнение последней с сирийской версией)]; несколько изречений Ксиста (*Zotenberg.* Catalogues des manuscrits syriaques... P. 150), послание Антония [издание и франц. перевод: *Nau F.* La version syriaque de la première lettre de Saint Antoine // Revue de l'Orient Chrétien. 1909. 14. P. 282–297 (но использовал данную рукопись, но не датировал ее)] и несколько небольших отрывков.

[28] Издатель с сожалением отмечает, что ему слишком поздно удалось ознакомиться с рукописью библиотеки сиро-яковитсякого монастыря ап. Марка (Иерусалим), в которой текст «"Книги степеней" представлен полностью», чтобы внести результаты колляции в текст издания. см. Liber Graduum / Ed. M. Kmosko (Patrologia Syriaca. Vol. III). P., 1926. P. viii–ix, ccxciv–ccxcvi.

[29] См. описание состава рукописей: Ibid. P. v–viii, а также подробную сопоставительную таблицу: Ibid. P. ix.

Все рукописи, использованные Кмоско для издания «Книги степеней», имеют аскетическое содержание и состоят из оригинальных сирийских или переведенных с греческого произведений; помимо этого, обращает на себя внимание то, что все рукописи, содержащие одну или несколько мемр являются аскетическими флорилегиями. Уже в самых ранних списках «Книги степеней» (British Library Add. 14578 и Add. 14612), датируемых VI–VII вв., мемры располагаются среди сочинений Евагрия, Иоанна Отшельника и Иоанна Златоуста. И если такой аскетический контекст в достаточной степени предсказуем и понятен, то гораздо сложнее поддается объяснению то, что за исключением одной рукописи все списки имеют западносирийское происхождение. Единственное исключение – мелькитский аскетический флорилегий VIII–IX вв.[30], который является нашим единственным свидетелем присутствия текста «Книги степеней» в православной сирийской традиции[31].

Упомянутая рукопись BL Add. 14578 важна еще в одном аспекте. В этом древнейшем свидетеле текста «Книги степеней» мемра 14 приписана Евагрию. Такая атрибуция не случайна, поскольку – как можно узнать из предисловия Кмоско – определенные мемры присутствуют в рукописной традиции с атрибуцией Евагрию (мемра 14) и Иоанну Отшельнику (мемры 16 и 19), оригинальные произведения которых лежат в основе сирийской аскетической и мистической традиции.

К нескольким переаттрибуированным мемрам Кмоско добавляет свидетельство иного рода. В соответствии с описанием Райта рукописи BL Add. 17193 на листах 3a–3b находится «An extract from the Κλίμαξ, the "Ladder", or "Book of Steps" here ascribed to Eusebius the monk, on 1st Corinthians, ch. V. 5»[32]. Кмоско изучил фрагмент[33] и показал, что он содержит короткий комментарий на 1 Кор. 5:5, в который был вставлен фрагмент из мемры 29 без указания на источник[34].

Таким образом, сведения, приводимые Кмоско, позволяют выделить несколько разнородных ветвей текстуальной передачи текста «Книги степеней» в течение VI/VII–XIII вв. Прежде всего корпус продолжал копироваться целиком (причем в нескольких редакциях)[35]. Некоторые мемры использовались при написании аскетических флорилегиев (среди которых встречаются и переат-

---

[30] Баумштарк датировал ее IX в. ([*Baumstark A.*]. Karl W. Hiersemann's Katalog 500. Orientalische Manuskripte. Arabische, syrische, griechische, armenische, persische Handschriften des 7.-18. Jahrhdrts. Lpz, 1922. S. 3.

[31] Рукопись была уничтожена в мае 1940 г., находясь в то время в библиотеке университета г. Лёвен (Бельгия) с шифром G. 197. Об истории рукописи см. *Strothmann W.* Die orientalischen Handschriften der Sammlung Mettler (Katalog Hiersemann 500) // XIX. Deutscher Orientalistentag vom 28. September bis 4. Oktober 1975 in Freiburg im Breisgau. Vorträge, Sektion IV / Ed. W. Voigt (Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Supplement 3, 1; Wiesbaden, 1977). S. 292. Anm. 30, 33; *Outtier B.* Le sort des manuscrits du «Katalog Hiersemann 500» // Analecta Bollandiana. 1975. 93. P. 377.

[32] *Wright.* Catalogue of Syriac Manuscripts... P. 989.

[33] Liber Graduum. P. xii.

[34] Этот случай показывает, что текст «Книги степеней» имел не только аскетическую интерпретацию, но и экзегетическую (подобное произошло с произведениями другого раннесирийского автора, Афраата (IV в.), см. ниже).

[35] Известно, что текст иерусалимского списка значительно отличается от парижского.

рибутированные). И наконец, мы видим, что один фрагмент был выбран для включения в экзегетический комментарий.

Несмотря на то что после издания Кмоско не было предпринято работы по систематическому поиску новых свидетелей текста «Книги степеней» ученые, изучая наследие определенных сирийских (или греческих, но переведенных на сирийский) авторов, обнаружили новые тексты и рукописи подобного рода. При изучении коротких сочинений, приписанных Евагрию, Мюльдерманс нашел еще одну рукопись, содержащую мемру 14 с атрибуцией Евагрию[36]. Штротман, изучая наследие Иоанна Отшельника, обнаружил фрагменты из мемры 29, инкорпорированные в сочинение, приписываемое в рукописях как Иоанну Отшельнику, так и Макарию Великому[37]. И наконец, Шахин идентифицировал фрагмент из «Книги степеней» в тексте, приписанном Аврааму Натпарскому (VI–VII вв.)[38].

Рассмотрим результаты этих исследований, сведенные воедино (сведения, обнаруженные после издания Кмоско, подчеркнуты):

	Евагрий Понтийский	Иоанн Отшельник	Макарий Великий	Авраам Натпарский
мемра 14	BL Add. 14578 (6/7 в.), Add. 14621 (802 г.), Add. 17217 (9–10 вв.), Add. 7190 (XII в.)			
мемра 16		BL Add. 18814 (VII–VIII вв.)		
мемра 19		BL Add. 18814 (VII–VIII вв.)		
мемра 29		§ 9, 16, 17–18, 19: Berlin syr. 198 (XIII в.), Šarfeh 212 (1466 г.)	§ 9, 16, 17–18, 19: Vat. sir. 122 (769 г.), BL Add. 14582 (816 г.), Add. 18814 (IX в.)[39], Add. 14637 (X в.), Vat. sir. 126 (1223 г.), Mingana syr. 330 (XIII в.), Vat. sir. 121 (1576 г.)	§ 1, 2: BL Or. 6714 (IX–X вв.)

[36] *Muyldermans J.* Evagriana Syriaca. Textes inédits du British Museum et de la Vaticane. Louvain, 1952 (Bibliothèque du Muséon. 31). P. 81–82, 105–109 (издание), 143–146 (франц. перевод). К сожалению, Мюльдерманс не узнал в изданном им тексте соответствующую мемру «Книги степеней», считая, что этот текст действительно подлинное произведение Евагрия; на оригинальную идентификацию было впервые указано Выбусом: *Vööbus A.* Liber Graduum: Some Aspects of its Significance for the History of Early Syrian Asceticism // Charisteria Iohanni Kopp octogenario oblato. Stockholm, 1954. P. 113. Эта рукопись упоминается также в: The Book of Steps: The Syriac Liber Graduum / Translated with an Introduction and Notes by R.A. Kitchen, M.F.G. Parmentier (Cistercian Studies Series. 196). Kalamazoo (Michigan), 2004. P. xxviii.

[37] *Johannes von Apamea.* Sechs Gespräche mit Thomasios... S. 37–38 [Not. 3. 6]; Die syrische Überlieferung der Schriften des Makarios. I. Syrischer Text / Hrsg. von W. Strothmann (Göttinger Orientforschungen. I. Reihe. Syriaca. Bd 21). Wiesbaden, 1981. S. 213–220.

[38] *Chahine.* Abraham de Bēṯ-Neṯprā... S. 46.

[39] Видно, что эта рукопись содержит две мемры «Книги степеней», при чем одна приписана Иоанну Отшельнику, а другая – Макарию Великому!

Мы видим, что одиннадцать новых рукописей по своему содержанию аскетические и датируются IX в. – 1576 г.; только в одной рукописи есть целый текст мемры (мемра 14 под именем Евагрия), тогда как в большинстве рукописей имеются определенные фрагменты из мемры 29, соединенные вместе с фрагментами из «Истории египетских монахов» (глава 1, § 19–24) и приписанные либо Иоанну Отшельнику, либо Макарию Великому. Девять рукописей являются аскетическими флорилегиями, Vat. syr. 121 состоит из корпусов сочинений Макария и Марка Монаха, а рукопись BL Or. 6714, IX–X вв. представляет сочинения Шубхалмарана, Авраама Натпарского, Бархадбшаббы, Феодора Мопсуестийского, Григория Монаха и Григория Богослова[40]. Последняя рукопись – единственная восточносирийская рукопись[41] и, следовательно, единственный свидетель того, что «Книга степеней» была известна в восточносирийской традиции (по крайней мере ко времени ее инкорпорирования в текст, приписанный Аврааму Натпарскому).

Итак, имеющиеся данные свидетельствуют, что начиная с VI–VII вв. текст мемр 14 и 16 начал переписываться с атрибуцией Евагрию и Иоанну Отшельнику. Несколькими столетиями позже выборочные фрагменты из мемры 29 вместе с фрагментами из «Истории египетских монахов» были приписаны Макарию и – немного позже – Иоанну Отшельнику. И два фрагмента из мемры 29 вошли в состав текста, приписанного Аврааму Натпарскому.

Точные причины выделения фрагментов из «Книги степеней» еще предстоит определить, но уже сейчас можно предположить, что это могло происходить вследствие практической необходимости сохранять и переписывать наиболее актуальные и востребованные тексты. Как было показано Кмоско, наибольшее количество списков имеется для мемр 14, 19 и 20[42]. Новые данные переатрибуированных и переработанных мемр в целом соответствуют общей тенденции (за исключением мемры 20, для которой не было обнаружено ни одного нового свидетельства).

Фрагмент из мемры 16 «Книги степеней» в составе «Послания» монаха Фомы

Пятнадцать западносирийских рукописей, написанных в период с XIII по XX в., содержат короткое послание, приписанное неизвестному монаху Фоме. Наше исследование данного произведения и его рукописной традиции позволило сделать вывод, что «Послание» было написано приблизительно в XII в. в западносирийской монашеской общине в районе совр. Юго-Восточной Турции[43]. В одной из выделенных нами редакций содержится фрагмент, который был идентифицирован нами как соответствующий § 11 мемры 16 «Книги степеней».

---

[40] См. описание рукописи: *Šubḥalmaran.* The Book of Gifts / D.J. Lane. Louvain, 2004. (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. 612, Scriptores Syri. 236). P. 5–8.

[41] См. о ней выше в связи с переатрибутированными произведениями Афраата.

[42] См. также замечание Р. Китчена: «Together these three *mēmrē* could readily have served as a digest of the themes of the "*Liber Graduum*" – as was probably the intention of some of the scribes – for in the majority of cases these were included as sole representatives of the "*Liber Graduum*" in a larger manuscripts» – The Book of Steps... P. xxviii–xxix.

[43] *Kessel G.* Letter of Thomas the Monk. A Study of the Syriac Text and its Author // The Journal of Eastern Christian Studies (в печати).

Текст фрагмента представлен в восьми рукописях: Berlin, Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz syr. 198 (Sachau 352; XIII в.)[44]; Paris, Bibliothèque Nationale, syr. 195 (1781 A.G. [= 1469/70 г.])[45]; Mardin, Church of Forty Martyrs 420 (*olim* Dayr al-Za'faran/Dolabani 110; 1783 A.G. [= 1472 г.])[46]; Mardin, Church of Forty Martyrs 422 (*olim* Dayr al-Za'faran/Dolabani 109; 1785 A.G. [= 1473/4 г.])[47]; Mardin, Church of Forty Martyrs 417 (*olim* Dayr al-Za'faran/Dolabani 108; 1785 A.G. [= 1474 г.])[48]; Mardin, Church of Forty Martyrs 157 (*olim* Dayr al-Za'faran/ Dolabani 75; XVI–XVII вв.)[49]; Šarfeh, The Patriarchal Library, Soni 235 (Rahmani 302; 2010 A.G. [= 1698/9 г.])[50]; Cambridge – Massachusetts, Harvard Houghton Library syr. 48 (2108 A.G. [= 1796/7 г.])[51].

Все рукописи – западносирийские аскетические флорилегии, переписанные в районе Тур Абдин в период с XIII в. по 1796/7 гг. В них текст «Послания» монаха Фомы разделен на две части, расположенные в обратном порядке, между которыми был помещен дополнительный фрагмент, соответствующий § 11 мемры 16 «Книги степеней»[52].

Фрагмент начинается либо с атрибуции Фоме (Paris syr. 195), либо с выражения «того же» (Mardin Orth. 420, Šarfeh 235, Houghton syr. 48). Атрибуция Фоме объясняется тем, что фрагмент располагается рядом с оригинальными частями «Послания» Фомы.

Каким же образом фрагмент из «Книги степеней» был приписан монаху Фоме и закрепился в рукописной традиции среди двух оригинальных частей его «Послания»? Представляется, что ключ к ответу на поставленный вопрос находится в рукописи Berlin syr. 198, так как это единственная рукопись, в которой фрагмент из «Книги степеней» не только не приписан Фоме, но – что еще более показательно – он расположен за оригинальным текстом Фомы. Являясь самым ранним свидетелем фрагмента из «Книги степеней» (XIII в.), рукопись Berlin syr. 198 принадлежит тому периоду, когда этот фрагмент еще не был приписан Фоме и следовал за текстом Фомы со своей отличительной рубрикой. Позднее в процессе рукописной передачи, возможно, вследствие порчи рукописи, он был помещен переписчиком с использованием выражения ܗܘ ܕܗܘ ܗܘ («его же») среди двух частей оригинального текста Фомы.

Если согласиться с предложенной гипотезой Барсаумы, идентифицировавшего автора «Послания» с монахом Фомой, жившем в XII в.[53], то на основании имеющихся данных можно утверждать, что фрагмент мемры 16 вошел в состав «Послания» приблизительно в течение столетия после его написания.

---

[44] *Sachau*. Verzeichniss der Syrischen Handschriften... S. 638–646.

[45] *Zotenberg*. Catalogues des manuscrits syriaques... S. 138–140.

[46] *Dolobani Ph.Y.* Catalogue of Syriac Manuscripts in Za'faran Monastery. Damascus, 1994. P. 67–76.

[47] Ibid. P. 62–67.

[48] Ibid. P. 52–62.

[49] Ibid. P. 292–295.

[50] *Soni*. Fihris al-makhtûtât al-batriyarkîya fî Dair al-Sharfa. S. 78–80.

[51] *Goshen-Gottstein M.H.* Syriac Manuscripts in the Harvard College Library. A Catalogue. Missoula, 1979. P. 57; более подробное описание может быть найдено в электронном каталоге библиотеки Гарвардского университета: http://lms01.harvard.edu.

[52] Liber Graduum. P. 408, l. 25 – P. 409, l. 23.

[53] *Ignatius Aphram I Barsoum*. The Scattered Pearls. A History of Syriac Literature and Sciences / Trans. by M. Moosa. Piscataway, 2003. P. 138, 171.

Первоначально текст Фомы определенно передавался без фрагмента мемры[54], однако в рукописи XIII в. (Berlin Syr. 198) мы уже встречаем свидетельство об установившемся порядке данной редакции, в которой фрагмент располагается между двумя частями «Послания» Фомы. Следующий по древности список «Послания» датируется 1470 г. (Paris Syr. 195), и в нем мы уже встречаем закончившийся процесс интеграции фрагмента мемры «Книги степеней», так как в нем автором фрагмента указан Фома.

Несмотря на то что переатрибутированный фрагмент не содержит новых сведений касательно авторства, происхождения и даты написания «Книги степеней» (что было бы очень желательно), тем не менее он отражает определенные аспекты истории восприятия этого текста[55]. Большая часть свидетелей текста «Книги степеней» является западносирийской по своему происхождению; и два свидетеля указывают на присутствие «Книги степеней» в восточносирийской и мелькитской традициях. Все рукописи имеют аскетическое содержание и принадлежат преимущественно к группе аскетических флорилегиев. Рассматриваемые рукописи были переписаны в период с VI–VII вв. по 1576 г. Начиная с VI–VII вв. некоторые мемры из «Книги степеней» были приписаны Евагрию и Иоанну Отшельнику. К VIII в. относится появление сочинения, в котором были использованы фрагменты из мемры 29 и который был очень популярен в течение восьми веков и приписан Макарию Великому и Иоанну Отшельнику; другие фрагменты из той же мемры 29 были присоединены к произведению, приписанному Аврааму Натпарскому. И один фрагмент из «Книги степеней» может быть найден в составе западносирийского экзегетического компендия как часть комментария на 1 Кор 5:5.

III. ИОАНН ОТШЕЛЬНИК[56] «О МОЛИТВЕ»[57]

В 1979 г. С. Броком был издан сирийский текст произведения Иоанна Отшельника «О молитве»[58]. Для своего издания С. Брок привлек не только уже

---

[54] Так текст представлен в ркп. British Library Add. 14738.

[55] Хорошо известно, что отсутствие каких бы то ни было цитат из «Книги степеней» в сирийской литературе стало причиной оценки этого текста как идиосикратичного и не оставившего следа в истории (мы не касаемся вопроса относительно знакомства с «Книгой степеней» Филоксеном, о котором см. The Book of Steps… P. lxxxii–lxxxiii).

[56] Сочинения раннесирийского аскетического писателя Иоанна Отшельника – подвизавшегося в первой половине V в. в районе города Апамея и также называемого в рукописной традиции Иоанном Хаззаией и Иоанном Фиваидским – были неизвестны европейской науке до 1936 г., когда шведский ученый Свен Дедерин издал «Диалог о душе и страстях людей» (*Dedering S.* Johannes von Lykopolis. Ein Dialog über ber die Seele und die Affekte des Menschen. Uppsala, 1936). Следуя указанию рукописи, исследователь приписал его знаменитому египетскому подвижнику Иоанну Ликопольскому. Подлинное же авторство Иоанна Отшельника было несколькими годами позже определено Иренеем Осэром, назвавшим его «великим духовным писателем» (*Hausherr I.* Un grand auteur spirituel retrouvé: Jean d'Apamée // Orientalia Christiana Periodica. 1948. 14. P. 3–42). Затем последовал ряд изданий сочинений Иоанна Отшельника, нашедших живой отклик среди исследователей, начавших изучать не только его аскетическое и мистическое учение, но и христологию, экзегетический метод, а также влияние на последующую сирийскую монашескую традицию.

[57] См. русский перевод: *Кессель Г.М.* Иоанн Отшельник, сирийский писатель IV в.: Аннотированная библиография // Богословский вестник. 2005–2006. 5–6. С. 642–649.

[58] *Brock.* John the Solitary. On Prayer. P. 84–101.

известные к тому времени списки[59], содержащие данное произведение, но также восточносирийскую рукопись British Library Or. 6714 (IX–X вв.)[60], в которой находится сочинение «О молитве» Авраама Натпарского (VI–VII вв.)[61]. С. Брок установил, что это произведение является ни чем иным, как незначительно переработанным вариантом текста «О молитве» Иоанна Отшельника, который Авраам расширил, поместив во вступление несколько коротких фрагментов из «Тахвиты о молитве» Афраата (§ 16–17) и дополнив сам текст Иоанна несколькими незначительными вставками.

Два года спустя после публикации С. Брока итальянский сиролог Паоло Беттиоло издал с незначительными разночтениями тот же самый текст Иоанна Отшельника[62], обнаруженный им в западносирийском флорилегии British Library Add. 12167 (875–876 гг.), где он приписан Филоксену Маббугскому (ум. в 523 г.)[63] и располагается рядом с двумя другими короткими текстами, также приписанными Филоксену. Такая атрибуция данного произведения поставила перед исследователем вопрос об авторстве. Беттиоло удалось на основе внутреннего анализа этого произведения и сравнения его с другими аутентичными текстами Иоанна Отшельника привести убедительные доводы в пользу авторства Иоанна.

Однако перипетии существования слова «О молитве» могут быть прослежены и далее. Как это было отмечено еще Беттиоло, на полях рукописи British Library Add. 12167 находится приписка, в которой утверждается, что этот текст был написан Василием Великим[64]. В качестве объяснения происхождения такой приписки Беттиоло ссылается на монографию о творчестве Филоксена Маббугского А. де Аллё, который, не найдя ни одного из трех фрагментов среди «Аскетикона» Василия Великого, был вынужден заключить, что «быть может, не назвавший себя читатель ссылается на некое сочинение псевдо-Василия, ведь темы александрийского мистицизма, содержащиеся в этих фрагментах послания о молитве полностью соответствуют духовному учению Филоксена; представляется, что ничто не противоречит их аутентичности»[65]. Таким образом, де Аллё видел в этих трех текстах фрагменты подлинного послания о молитве Филоксена, тогда как Беттиоло с привлечением аргументативной базы отстаивал авторство Иоанна Отшельника; вопрос же о происхождении приписки остался

---

[59] Два западносирийских флорилегия, British Library Add. 17172 (819–830 гг.) и 18817 (IX в.) и два сборника сочинений Иоанна Отшельника, Vat. Syr. 126 (1223 г.) и Mingana 14 (1898 г.).

[60] Эта рукопись уникальна тем, что в ней находится произведение «Книга даров» восточносирийского аскетического писателя начала VII в. Шубхалмарана, епископа Карки д-бет Слох (*Šubḥalmaran*. The Book of Gifts).

[61] См. полный английский перевод этого произведения Авраама: The Syriac Fathers on Prayer and the Spiritual Life / Introduced and Translated by S. Brock. Kalamazoo, 1987. P. 187–196. Сирийский текст пока не издан; дополнения Авраама к тексту Иоанна приводятся Броком как разночтения в критическом издании «О молитве» Иоанна Отшельника.

[62] *Bettiolo P.* Sulla preghiera: Filosseno o Giovanni? // Le Muséon. 1981. 94. P. 75–89.

[63] Филоксен Маббугский является одним из важнейших западносирийских богословов. См. о нем: Dictionnaire de la Spiritualité. 1984. 2. P. 1392–1397 (F. Graffin).

[64] *Bettiolo.* Sulla preghiera... P. 75. См. текст в каталоге Райта: *Wright.* Catalogue of Syriac Manuscripts... P. 772.

[65] *Halleux.* Philoxène de Mabbog... P. 269.

нерешенным. Действительно, в недавних исследованиях сирийских версий сочинений Василия Великого Федвика и Брока[66] нельзя найти сочинения, которое можно было бы идентифицировать с рассматриваемым здесь текстом. Следовательно, автор приписки ссылается не на подлинное, а на приписанное Василию Великому произведение, имеющее сирийское происхождение. Наш поиск такого текста показывает, что внимательный читатель рукописи British Library Add. 12167, приписывая текст Василию Великому, ссылался на еще одну ветвь рукописной традиции сочинения «О молитве» Иоанна Отшельника, представленную списками Houghton Library Syr. 48, л. 4r–6r (1796/7 г.) и Mardin Orth. 157, л. 104r–107v (XVI–XVII вв.), оба они содержат те же три фрагмента, но уже с атрибуцией Василию Великому.

В рукописи Mingana 601 (1932 г.), одной из немногих известных восточносирийских аскетических флорилегиев, содержится ряд работ уже упоминавшегося выше Авраама Натпарского. Одна из них (л. 70r–70v) начинается следующими словами: «Его же. Есть молчание языка, есть молчание всего тела, есть молчание души, есть молчание ума и есть молчание духа». Изучение данного произведения[67] показывает, что оно является переработанным вариантом пятого и шестого параграфов слова «О молитве» Иоанна Отшельника. Фрагмент имеет значительные разночтения по сравнению с полной версией, использованной Броком; это указывает на то, что данный текст представляет собой не просто эксцерпт из полного текста Авраама Натпарского, как считает Шахин[68], а является самостоятельной ветвью текстуальной традиции, восходящей к западносирийскому прототипу. Этот отрывок известнее в следующих рукописях: Baghdad Chald. Monast. syr. 680 (*olim* Alqoš/Vosté 237, 1289 A.D; Baghdad Chald. Monast. syr. 681 (*olim* Alqoš/Vosté 238; 1909 г.), Vatican sir. 509 (1928 г.). К нему следует добавить еще два списка, которые не были известны исследователям: Greek Orthodox Patriarchate Syr. 21, л. 173v–174r (1593 г.)[69], Metropolitan Library of the Church of the East in Baghdad 145. P. 455–456 (1742 г.)[70].

Популярность сочинения «О молитве» Иоанна Отшельника может быть прослежена и далее. В рукописях Cambridge Add. 2019[71], л. 138r–140v, Šarfeh/Soni 212 (Rahmani 38)[72], л. 131r–132r, Šarfeh/Soni 260 (Rahmani 310),

---

[66] *Fedwick P.J.* Basilius Caesariensis. The Ascetica, Contra Eunomium 1–3, Ad Amphilochium de spiritu sancto, dubia et spuria, with supplements to volumes I–II. Turnhout, 1997; *Brock.* Traduzioni siriache degli scritti di Basilio. P. 165–180.

[67] См. французский перевод этого и некоторых других коротких сочинений, приписанных Аврааму, а также жития: *Tonneau R.* Abraham de Natpar / L'orient syrien. 1957. 2. P. 337–350 (перевод рассматриваемого текста см. на P. 337–338). Тонно не указывает в статье, какую рукопись (рукописи) он использовал. Вероятно, это была рукопись Vat. Syr. 509 (см. прим. 21).

[68] *Chahine.* Abraham de Bēṯ-Neṯprā... P. 47.

[69] *Chabot J.B.* Notice sur les manuscrits syriaques conservés dans la bibliothèque du patriarcat grec orthodoxe de Jérusalem // Journal Asiatique. 1894. 3. P. 114–115.

[70] *Sliwa G.* Fihrist makhṭūṭāt maktaba muṭrāniyya kanīsat al-mašriq fi Baghdād. [Baghdad, 2005]. C. 145. Эти две рукописи не упомянуты в исследовании Шахина (*Chahine.* Abraham de Bēṯ-Neṯprā... P. 47).

[71] *Wright W., Cook S.A.* A Catalogue of the Syriac Manuscripts Preserved in the Library of the University of Cambridge. Vol. II. Camb., 1901. P. 570–583.

[72] *Soni.* Fihris al-makhtûtât al-batriyarkîya fî Dair al-Sharfa. S. 66–67.

с. 199–200, представляющих собой западносирийские флорилегии, находится «Послание Сергия Отшельника», которое начинается следующими словами: «Нет ничего иного, что могло бы сохранить все добродетели так, как [это делает] молчание. Молчание же бывает нескольких видов. Есть молчание языка и молчание души, есть молчание ума и молчание духа, благодаря которому человек уходит глубже слов и превыше мира». Этот инципит является заимствованием из пятого параграфа слова «О молитве» Иоанна Отшельника. За ним следует интересный трактат, посвященный теме безмолвия и молитвы. Поскольку этот текст пока не изучен, вопрос о его датировке не может быть решен в настоящее время[73]. Но даже беглое знакомство с его содержанием показывает, что западносирийский текст и был написан не ранее VI–VII вв., так как содержит цитаты из Василия Великого, Григория Назианзина и Apophtegmata patrum[74].

Еще одно заимствование подобного рода содержится в упоминавшемся выше «Послании» монаха Фомы (написанном приблизительно в XII в.). Хотя автор «Послания» не ссылается ни на один источник, общий характер текста указывает на то, что его идеи в значительной степени являются результатом знакомства автора с нормативными аскетическими текстами, циркулировавшими в монашеской среде. Один из таких текстов может быть идентифицирован достаточно просто. Описание поведения праведника, который должен стать совершенным, в значительной степени является заимствованием определенной части сочинения «О молитве» Иоанна Отшельника. Для демонстрации зависимости здесь приводится сравнение соответствующих частей двух текстов в параллельных столбцах (точные соответствия подчеркнуты)[75].

---

[73] О Сергие Отшельнике в истории сирийской литературы ничего неизвестно, не сохранились и какие-либо иные сочинения этого автора. Справедливости ради следует добавить, что многочисленные библиотеки Ближнего Востока до сих пор хранят практически совершенно неизученные рукописные собрания, поэтому изучение жизни и творчества Сергия Отшельника (как и многих других сирийских писателей, известных только по именам) остается делом будущего. Также необходимо добавить, что в книге сирийского патриарха Игнатия Афрама I Барсаумы «Рассеянные жемчужины», являющейся энциклопедией западносирийской литературы, упоминается рукопись библиотеки монастыря мар Маттай за номером 16 (западносирийский флорилегий); среди авторов, чьи сочинения были использованы при составлении этого флорилегия, упоминается и Сергий Отшельник, однако является ли он автором рассматриваемого нами фрагмента остается пока неизвестным (*Ignatius Aphram I Barsoum*. The Scattered Pearls... P. 138. Not. 6).

[74] Именно в VI–VII вв. были переведена на сирийский большая часть сочинений Василия Великого и Григория Назианзина (см. *Schmidt A.B.* The Literary Tradition of Gregory of Nazianzus in Syriac Literature and its Historical Context // The Harp. 1998–1999. 11–12. P. 127–134; *Halleux A. de.* La version syriaque des Discours de Grégoire de Nazianze // II. Symposium Nazianzenum. Louvain-la-Neuve, 25–28 aout 1981 / Ed. J. Mossay. Paderborn, 1983. P. 75–111; *Fedwick P.J.* The Translations of the Works of Basil Before 1400 // Basil of Caesarea: Christian, Humanist, Ascetic. A Sixteen-Hundredth Anniversary Symposium. Part Two / Ed. P.J. Fedwick. Toronto, 1981. P. 439–512).

[75] Разночтения в целях удобства чтения не приводятся.

«Послание» Фомы, § 11–12	«О молитве» Иоанна Отшельника, § 3[76]
Тот, кто молится и воспевает языком и постоянно день и ночь трудится – тот праведен, а затем он становится духовным.	Кто подобным образом воспевает языком плотски, не прекращая свой труд ни днем, ни ночью – тот праведный. Тот же, кто сподобился ступить глубже этого и воспевать в уме и в духе – духовный. Духовный выше праведного, но [только] праведник может стать духовным. Ибо пока в течение длительного времени трудится человек таким внешним образом – [пребывая] в посте и псалмопении, в многочисленных коленопреклонениях и непрестанном бодрствовании, в чтении псалмов и в тяжелых работах, в молении и воздержании, в ограничении еды и всем подобном – его душа исполняется памятования о Боге, и он с благоговением трепещет пред Его Именем праведно. Он смиряется перед каждым человеком, почитая его выше себя, даже зная его [дурные] поступки. И будь то перед ним блудник, прелюбодей, насильник или пьяница он смиряется, полагая в глубине своих помышлений, что тот лучше его. Он приближается без лицемерия к тому, кого видит во всех грехах и, смиряясь перед ним, говорит ему, умоляя: «Помолись обо мне, ибо я грешен перед Богом, я много должен, но ничего не отдал». Когда же человек достигнет того, о чем я сказал, или еще более великого, то тогда он сможет воспевать Бога тем песнопением, которым духовные существа прославляют Его.
12. Он трудится над этим внешним поведением в длительном посте и воспевании голосом, постоянных коленопреклонениях и в продолжительном бдении, и в длительном [произношении] псалмов, в трудных работах, воздержании, лишении еды, пока его душа не наполнится памятью Бога, и он будет бояться и трепетать, [ожидая грядущего] суда и мучения.	
13. И душа его смиряется перед каждым, и он считает, что все лучше его. И если он увидит блудника, прелюбодея, насильника или пьяницу, то он смиряется перед ними и, считая, что они лучше его, приближается, кланяется им, и, держа их ноги, убеждает их: «Помолитесь обо мне, ибо я грешник и много должен Богу, но ничего не воздал ни за одно из моих прегрешений». Когда же человек совершит это, то он достигает духовного [состояния] ума, [обладая] которым, служат духовные [существа].	

Сопоставление двух текстов показывает, что Фома в данной части «Послания» в значительной степени зависит от сочинения «О молитве» Иоанна Отшельника. Тем не менее следует отметить, что подход Фомы состоял не в простом заимствовании, так как Фома использовал интерпретацию с целью сделать идеи Иоанна более ясными и понятными. Например: «он с благоговением трепещет пред Его Именем праведно» > «он будет бояться и трепетать, [ожидая грядущего] суда и мучения», «я грешен перед Богом, я много должен, но ничего не отдал» > «я грешник и много должен Богу, но ничего не воздал ни за одно из моих прегрешений». Сокращения текста Иоанна также говорят о том, что Фома стремился передать идеи Иоанна в более доступной форме.

Итак, разнообразие атрибуций сочинения «О молитве» показывает, что оно было очень популярно среди как западносирийских, так и восточносирийских монахов. В полной редакции текст приписывался помимо Иоанна Отшельника Филоксену Маббугскому и Василию Великому в западносирийской традиции, а Аврааму Натпарскому – в восточносирийской. Этому же Аврааму в восточносирийской традиции приписывается также небольшой фрагмент из произведения, появление которого, вероятно, заключается в желании выделить наиболее значимую и яркую часть сочинения Иоанна, посвященную объяснению многогранной сущности практики безмолвия.

Итак, рассмотренные примеры из истории текстуальной традиции таких раннесирийских монашеских произведений, как «тахвиты» Афраата, анонимная «Книга степеней» и сочинение «О молитве» Иоанна Отшельника, показывают,

[76] *Brock.* John the Solitary. On Prayer. P. 89–90.

что тексты, принадлежащие раннему периоду истории сирийского аскетизма, продолжали быть востребованы и в более позднем периоде, а определенные аскетические произведения переходили церковно-канонические границы и становились важными текстами для монахов и западносирийской, и восточносирийской традиций.

NEW DATA FOR RE-ATTRIBUTION OF EARLY SYRIAC MONASTIC LIRERATURE

G.M. Kessel

Turning to works by Aphraates (ca. 270–345), John of Apamea or the Elder (the 1st half of the 5th c.) and the anonymous *Liber Graduum*, the author considers various possibilities of attributing early Syriac texts. New data are added to the well-known facts summed up in the article. Some fragments of Aphraates' works were ascribed to Abraham of Nathpar (6th–7th c.) by the Eastern Syriac tradition and to John the Elder in the Western Syriac tradition. Some parts of the *Liber Graduum* are found attributed to Evagrius Ponticus, John the Elder, Macarius the Great, Abraham of Nathpar (the only known example of citation from the *Liber Graduum* in the east-Syrian tradition) and included in the Epistle of monk Thomas (ca. 12th c.). John the Elder's work *On Prayer* was ascribed in the Western Syriac tradition to Philoxenus of Mabbug (d. 523) and Basil the Great, while in the Eastern Syriac tradition its abridged version was ascribed to Abraham of Nathpar. Popularity of this work in the Western Syriac tradition is attested by the citations in the Epistles of Sergius the Anchorite (not before 6th–7th c.) and monk Thomas (12th c.).

The examples quoted prove that early Syriac ascetic writings were still in demand later, transcended the borders of ecclesiastical jurisdictions and became important both for the Western and Eastern Syriac tradition. Most editors studying the manuscript tradition of Syriac texts come across the facts of reattribution and problems of authenticity. The situation is especially difficult with the Syriac literature because thousands of manuscripts were destroyed in the Middle Ages. As a result, the information concerning reception and interpretation of earlier text in the later tradition is extremely scarce.

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 2009 г.

Ж.-Ш. Балти

БОЛЬШАЯ КОЛОННАДА АПАМЕИ: ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ, ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА И ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИИ. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛАВНОГО ПАМЯТНИКА

В городском пейзаже древней Апамеи-на-Оронте, или Апамеи Сирийской (под такими названиями город фигурирует в античных источниках), особенно поражает главная улица, пересекающая город с севера на юг на протяжении около 2 км (рис. 1). Ширина этой центральной магистрали в целом (проезжая часть вместе с портиками) достигает 37 м. Конечно, в Антиохии главная улица была еще длиннее, и Либаний постарался прославить ее великолепие на века. При этом он не упустил случая подчеркнуть исключительно важную социальную роль ее портиков, благодаря которым жители, как бы далеко ни селились они от центра города, никогда не чувствовали себя отрезанными от центров его общественной жизни: в других городах, «поскольку люди оказываются разлучены, общественная жизнь затухает, у нас же непрерывное общение ведет к расцвету дружеских связей, и насколько там они ослабевают, настолько здесь крепнут» (Liban. Or. XI. 217). Уточняя, что «никакие перемены погоды не вредят повседневному общению», Либаний высказывается весьма образно:

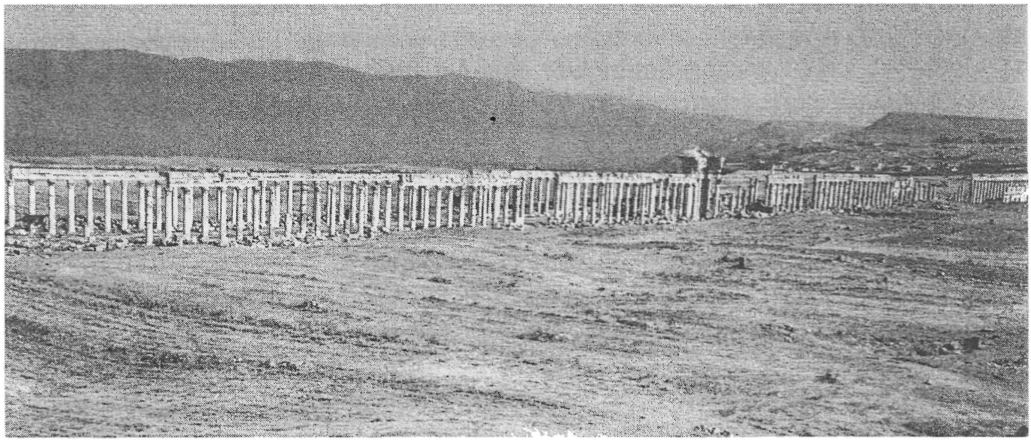

Рис. 1. Апамея. Общий вид Большой колоннады, пересекающей городище. Фото В. Ван Ренгена

«Дождь беспокоит только кровли» (ibid. 216). А вот подтвердить правоту оратора, уверявшего, что эти портики, если сложить их в длину один за другим, по его подсчетам, растянулись бы на один статмос (ibid. 211; σταθμός – дневной переход между стоянками, т.е. чуть более 26 км), теперь нелегко. Еще Р. Мартен в археологическом комментарии к «Антиохийской речи» отмечал, что «цифра эта принадлежит к ораторским преувеличениям»[1]. Кроме того, глубокие шурфы, заложенные Ж. Лассю в разных точках города во время американских раскопок 1932–1938 годов, показали, что в императорское время улица никогда не была шире 28,25 м (9,25 м – проезжая часть и самое большее по 9,50 м для каждого из портиков)[2], и одного этого достаточно для того, чтобы подчеркнуть внушительные размеры Большой колоннады Апамеи, особенно ее проезжей части, достигающей 20,80 м в ширину. Оттого что эта улица не столь стиснута портиками, она бесконечно выигрывает в монументальности. Как писал преподобный У.М. Томсон, посетивший Апамею 4 сентября 1846 г., это «одна из самых протяженных и самых величественных колоннад в мире»[3]. Так что же говорить теперь, когда на некоторых участках портики восстановлены по обеим сторонам улицы! Впечатление остается и в самом деле захватывающее.

Напрашивается сравнение этой главной оси, хребта всей городской планировки, с улицей, которая таким же образом по всей длине (от Северных, так называемых Дамасских, ворот до Южных) разделяет «святой город Иерусалим» (ἡ ἁγία πόλις Ἱερουσα[λήμ]) на знаменитой карте из Мадабы[4]; но протяженность портиков – менее 1 км – в Иерусалиме заметно меньше, чем в Апамее. Что же касается Аркадианы в Эфесе[5], то сколь бы впечатляющей ни казалась эта улица посетителю, идущему по ней из гавани к театру и к агоре, длина ее едва превышает 500 м, ширина же – всего 11 м... Такого рода сравнения можно было бы умножить без труда. Следовательно, пример Апамеи с присущими ей поистине исключительными масштабами, заслуживает внимания, тем более что уже более трех четвертей века он находится в центре оживленных дискуссий среди археологов и историков античной архитектуры, выясняющих, был ли сам принцип этой осевой главной улицы – и всей прямоугольной планировки города – по происхождению эллинистическим[6] или же он датируется только римской эпохой[7].

---

[1] См. *Festugière A.J.* Antioche païenne et chrétienne. Libanius, Chrysostome et les moines de Syrie. P., 1959. P. 48.

[2] *Lassus J.* Les portiques d'Antioche (=Antioch-on-the-Orontes. V). Princeton, 1972. P. 34–35, 80, 146. Plan LXIX. 5.

[3] *Thomson W.M.* Journey from Aleppo to Mount Lebanon by Jeble, el-Aala, Apamia, Ribla, etc. // Bibliotheca Sacra. Vol. 5. Dallas, 1848. P. 685.

[4] Ср. превосходные фотографии: *Piccirillo M.* The Mosaics of Jordan. Amman, 1993. Pl. 63; *idem.* L'Arabie chrétienne. P., 2002. P. 114, 170.

[5] *Bauer Fr.A.* Stadt, Platz und Denkmal in der Spätantike. Untersuchungen zur Ausstattung des öffentlichen Raums in den spätantiken Städten Rom, Konstantinopel und Ephesos. Mainz, 1996. S. 271–275. Abb. 80–81. Taf. 29, *1*.

[6] Этой точки зрения придерживаются, в частности: *Lauffray J.* L'urbanisme antique en Proche Orient // Acta Congressus Madvigiani. IV. Urbanism and Town Planning. Copenhagen, 1958. P. 24; *Martin R.* L'urbanisme dans la Grèce antique. 2e éd. P., 1974. P. 169–171, 175; *Ward-Perkins J.B.* Cities of Ancient Greece and Italy. Planning in Classical Antiquity. N.Y., 1974. P. 20.

[7] Так считают, напротив: *Gerkan A. von.* Griechische Städteanlagen. Untersuchungen zur Entwicklung des Städtebaues im Altertum. B.–Lpz, 1924. S. 82–85, 134–135; *Frézouls E.* Observations sur l'urbanisme dans l'Orient syrien // IXe Congrès international d'archéologie classique = Annales archéologiques arabes syriennes. 1971. 21. P. 223–234.

Для воссоздания истории этой Большой колоннады необходимо было систематическое исследование, которое учитывало бы всю совокупность имеющихся в нашем распоряжении данных. В некотором смысле это и история урбанизма определенного типа, и история города в целом. Поскольку разведочный шурф 1968 г. оказался недостаточным для получения удовлетворительного ответа[8], потребовалось рассмотреть весь материал в гораздо более широкой перспективе, принимая во внимание и компаративный метод (т.е. сопоставление с Антиохией, где в 1930-е годы шурфы, заложенные Ж. Лассю на главной улице, дали впечатляющие результаты[9]), и историю землетрясений в этом регионе[10], – как известно, весьма разрушительных и периодически повторяющихся, и некоторые эпиграфические ориентиры[11], и систематическое архитектурно-археологическое изучение сохранившихся остатков, весьма оперативно восстанавливаемых архитектурными службами Генерального управления древностей и музеев Сирии[12], и результаты разведочных раскопок, которые мы проводим вот уже более десяти лет для прояснения ряда конкретных вопросов[13]. Вследствие развития полевой археологии и соответствующих технических приемов – разумеется, совершенно необходимого – понемногу стали упускать из виду то, что классическая археология связана с *историческими* обществами, которые были прекрасно знакомы с письменностью и обладали богатой литературой, а значит оставили нам, несмотря на потери, немало официальных письменных свидетельств, так что невозможно все в их истории реконструировать на основе лишь материальных остатков, которые надлежит методично подвергать археологической критике, не менее строгой, чем филологическая или историческая критика для письменных источников. Поэтому представляя результаты разведочных раскопок возле Северных ворот Апамеи, я в своем изложении не забуду ни о сведениях нескольких текстов – литературных или исторических источников, ни о данных эпиграфики, которые придают им совершенно особое звучание.

Портики Большой колоннады, обрушившиеся в результате землетрясений 1157 и 1170 годов[14], в действительности представляют собой конструкции II в. н.э., которые впервые были разрушены другими землетрясениями – 526 и 528 гг.:

---

[8] *Mertens J.* Sondages dans la Grande Colonnade et sur l'enceinte // Colloque Apamée de Syrie. I. Bilan des recherches archéologiques 1965–1968 / Ed. J. Balty. Bruxelles, 1969. P. 61–72.

[9] *Lassus*. Op. cit.

[10] *Kallner-Amiran D.H.* A Revised Earthquake-Catalogue of Palestine // Israel Exploration Journal. 1950–1951. Vol. 1. P. 223–246.

[11] К двум консолям под статуи, случайно найденным в ходе раскопок 1930–1938 гг. (IGLS. 1312–1313), с годами добавились еще и другие свидетельства, которым ниже будет уделено особое внимание.

[12] Реставрационные работы, к которым с 1967 г. приступили архитекторы Генерального управления древностей и музеев (А. Муфти, Н. Салиби, Й. Джебели, Р. Думан), продолжаются из года в год благодаря усилиям А. Закзука, а также (с 1990 г.) при поддержке фонда Османа Аиди.

[13] Подробнее см. *Balty J.Ch.* La Porte Nord et la Grande Colonnade. Jalons pour une histoire édilitaire d'Apamée // Colloque Apamée de Syrie. IV / Ed. D. Viviers. Bruxelles (в печати).

[14] Сводка сообщений основных арабских источников об этих землетрясениях приведена в публикации раскопок Хамы: *Riis P.J., Poulsen V., Hammershaimb E.* Les verreries et poteries meìdiévales (=Hama. Fouilles et recherches de la Fondation Carlsberg 1931–1938. Vol. IV. 2). Copenhagen, 1957. P. 302–303, 306 (E. Hammershaimb).

Рис. 2. Большая колоннада. Полигональная мостовая римского периода

бросающиеся в глаза кое-где, например на уровне блоков фриза, нестыковки объясняются не ошибками современной реставрации, а восстановительными работами, наспех производившимися в VI в., чтобы как можно быстрее вернуть городу часть его былого великолепия. На самом красивом участке, там, где стояли колонны с витыми каннелюрами, некоторые из колонн установлены на фрагменты ствола, а не на базы, которые, возможно, не выдержали нагрузки и были раздавлены в момент землетрясения. Там же один из блоков карниза украшен византийским крестом, вырезанным скорее всего тогда, когда блоки еще лежали на земле. Так что факт реконструкции очевиден. Но уровень дневной поверхности остался почти тем же. Сегодня посетитель удивляется: то ему приходится ступать по видавшей виды полигональной вымостке с глубокими колеями от бесчисленных повозок (рис. 2), то по прямоугольным плитам красивой мостовой, куда менее прочным и совсем не истертым (рис. 3). Шурф, заложенный в 1968 г. на уровне церкви с атриумом, позволил установить, что эта вторая мостовая была уложена поверх первой: их разделяет всего около 20 см (рис. 4). Нескольких фрагментов тарелок светлой terra sigillata (Late Roman C Ware), обнаруженных в тонком слое земли, на который укладывались плиты второй вымостки, достаточно, чтобы датировать ее VI веком[15]. Относится она ко времени после 526 и 528 гг. и связана с упомянутой реставрацией Большой колоннады. Там, где сегодня на поверхность выходит нижележащая полигональная вымостка, византийская мостовая была демонтирована для дальнейшего использования: в частности, в месте пересечения с главной улицей, идущей с запада на восток, т.е. поблизости от средневековой и современной деревни,

[15] *Mertens*. Op. cit. P. 61–64. Fig. 2–4. Pl. 19–20, *2–3*.

Рис. 3. Большая колоннада. Вымостка прямоугольными плитами византийского периода

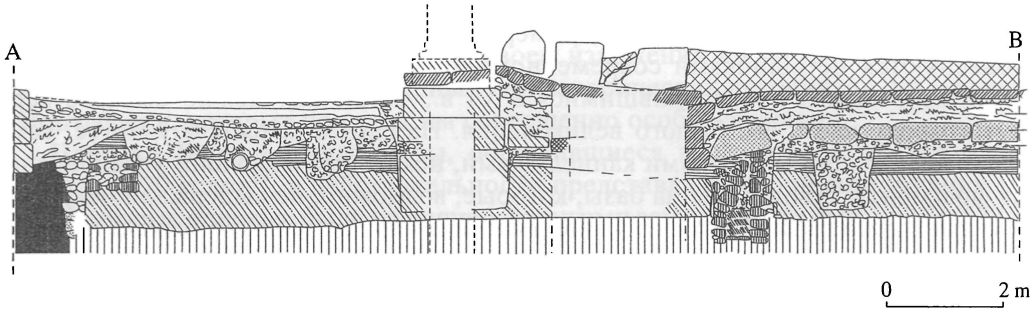

Рис. 4. Большая колоннада. Разрез по линии восток–запад на уровне церкви с атриумом. Чертеж Ж. Мертенса, 1968 г.

где, должно быть, и нашли применение ее плиты. «Тетрапил» из 4 × 4 колонн (tetrakionia) украшал улицу недалеко от центра[16], он явно связан с укладкой этой второй мостовой. Кроме того, новый, также византийский, фасад со стороны, обращенной к городу, получила римская триумфальная арка, стоящая перед Северными воротами[17]. Все эти реставрационные работы связаны с украшением города, которое можно датировать правлением Юстиниана. Во II книге De aedificiis Прокопия перечислены некоторые здания, восстановленные или построенные в Сирии при этом императоре.

---

[16] *Balty J.Ch. Tetrakionia* de l'époque de Justinien sur la Grande Colonnade d'Apamée // Syria. 2000. 77. P. 227–237.

[17] *Idem*. Apamée au VIe siècle. Témoignages archéologiques de la richesse d'une ville // Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. I. IVe–VIIe siècle. P., 1989. P. 83. Pl. XIIIa.

Разрушительные землетрясения служат одним из основных ориентиров для истории строительства в Северной Сирии, где они случались довольно часто: долина Оронта расположена на одной из главных линий разломов земной коры, идущей от Эфиопии через впадины Мертвого моря и реки Иордан до Малой Азии и Анатолии. И не приходится удивляться тому, что в некоторых больших городах велся счет землетрясениям, которые задавали тем самым ритм их истории. Именно так обстояло дело с самыми значительными землетрясениями в Антиохии – Иоанн Малала сообщает, что случившееся вечером 29 мая 526 г. землетрясение, унесшее от 250 до 300 тысяч жизней, было в антиохийской истории пятым[18], а то, что произошло утром 29 ноября 528 г., шестым[19]. Их разделяло всего восемнадцать месяцев... Апамея, расположенная в долине Оронта, примерно в 90 км по прямой к югу от Антиохии, переживала те же самые катастрофы, и восстановительные работы в ней велись тогда же, когда и те, о которых говорится в текстах об Антиохии. Это подтвердили глубокие шурфы Ж. Лассю, давшие результаты, в целом похожие на наши. Материалы обоих городов удачно дополняют друг друга. Поэтому мы не раз будем ссылаться на данные письменных источников об Антиохии, которые в точности совпадают с тем, что обнаружили наши археологические исследования в Апамее.

Еще одно землетрясение представляет особый интерес для истории Апамеи: оно произошло на рассвете 13 декабря 115 г. (для Антиохии Малала отмечает его как третье[20]). Близкое к апокалиптическому его описание имеется у Диона Кассия (68. 24–25). А в одной апамейской надписи[21], помещавшейся над входом в Северные термы в портике Большой колоннады, указано, что эта часть колоннады – галерея и здание бани в глубине, вместе со служебными помещениями и всем скульптурным убранством, среди которого были бронзовые копии знаменитых скульптурных групп Тесея и Минотавра, а также Аполлона, Марсия и скифского раба, – обязана своим существованием щедрости некоего Луция Юлия Агриппы, проявленной им, когда наместником был легат Гай Юлий Квадрат Басс, т.е. в 116 г. (рис. 5). Сопоставление обеих дат показательно. Стоит также отметить, что этот участок Большой колоннады находится поблизости от Северных ворот. Несколько дальше по направлению к центру города расположены три консоли под статуи с посвятительными надписями в честь Антонина Пия, Марка Аврелия и Луция Вера[22]: здесь мы оказываемся примерно в 166 г. (в титулатуре Марка Аврелия читается Parthicus Maximus), т.е. на пятьдесят лет позже, чем в окрестностях Северных ворот. Между этими двумя точками на агоре находятся две консоли с посвящениями[23] в честь Гая Юлия Севера, наместника провинции со 132 г. Реконструкция (ибо в данном случае, как мы увидим,

---

[18] *Ioan. Malal.* Chron. P. 419.5–422.8; ср. *Downey Gl.* A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961. P. 521. Not. 79.

[19] *Ioan. Malal.* Chron. P. 442.18–443.7; ср. *Downey.* Op. cit. P. 528. Not. 111.

[20] *Ioan. Malal.* Chron. P. 275.3–8.

[21] *Rey-Coquais J.-P.* Inscriptions grecques d'Apamée // Annales archéologiques arabes syriennes. 1973. 23. P. 40–41. № 1. Pl. I, *1*; хорошую фотографию этой надписи см. *Balty J. Ch.* Guide d'Apamée. Bruxelles, 1981. P. 206. Fig. 230.

[22] IGLS. 1312–1313; *Van Rengen W.* Inscriptions grecques et latines // Colloque Apamée de Syrie. I. P. 96–97. Pl. XXXV, 1–2.

[23] *Van Rengen W.* Nouvelles inscriptions grecques et latines // Colloque Apamée de Syrie. II. Bilan des recherches archéologiques 1969–1971 / Ed. J. et J.Ch. Balty. Bruxelles, 1972. P. 104–106. № 4–5. Pl. XXIX, *2*, XXX, *1–2*, XXXII, *2*.

Рис. 5. Посвятительная надпись терм. Фото Генерального управления древностей и музеев, Дамаск

речь шла не просто о реставрации), должно быть, началась у северного въезда в город, куда вела дорога из Антиохии, затем продвигалась с севера на юг, судя по приведенной последовательности эпиграфических данных, и затянулась на большую часть II века: в 166 г. была проделана только половина пути вдоль главной улицы; южный сектор и театр скорее всего датируются лишь концом столетия, возможно, периодом Северов.

Однако вопросы вызывает именно этот великолепный памятник – Большая колоннада II в. Ныне это самый прекрасный пример широких улиц античного Востока, самими своими размерами превосходящий, как мы видели, все остальные известные на данный момент колоннады. Так может быть, это чисто римское творение, как утверждают некоторые?

По поводу Антиохии в важном тексте Иосифа Флавия указывается, что главная улица и ее портики датируются царствованием Ирода: «Антиохийцы сирийские живут в большом городе, который разделяет надвое в длину большая улица. Он украсил ее портиками с обеих сторон, покрыв шлифованными плитами проезжую часть для большего украшения города и удобства жителей» (Ios. Flav. Ant. Iud. XVI. 148). Это сообщение подтверждается двумя замечаниями Малалы – о том, что Ирод «велел вымостить плитами улицу за пределами города»[24], а Тиберий «выстроил вне города два больших портика [...] крытых и великолепных[25]». Сказано точно: ἔξω τῆς πόλεως – «за пределами города», «вне го-

[24] *Ioan. Malal.* Chron. P. 223.17–19.

[25] Ibid. P. 232.16–19.

Рис. 6. Апамея. Большая колоннада. Вид с севера. Фото Ж.-Ш. Балти

рода»; и мы к этому обстоятельству еще вернемся, так как, на мой взгляд, ему не уделялось достаточно внимания. Обычно из приведенных текстов делают вывод, что «изобретение» главной улицы, украшенной колоннадами, датируется римской эпохой – концом I в. до н.э. (Ирод умер в 4 г. до н.э.) или началом I в. н.э.[26] Кроме того, отсюда чаще всего заключают (как, например, недавно Дж. Бехор[27]), что если в Антиохии, главном городе провинции, улица с колоннадой

[26] Работы были начаты при Августе, а при Тиберии завершены. В таком сроке нет ничего необычного при строительстве протяженностью в 4 мили (эту величину указывает Малала), даже если эти 4 мили представляют собой суммарную длину портиков по обе стороны улицы.

[27] *Bejor G.* Vie colonnate. Paesaggi urbani del mondo antico (Rivista di archeologia. Suppl. 22). Roma, 1999. P. 20.

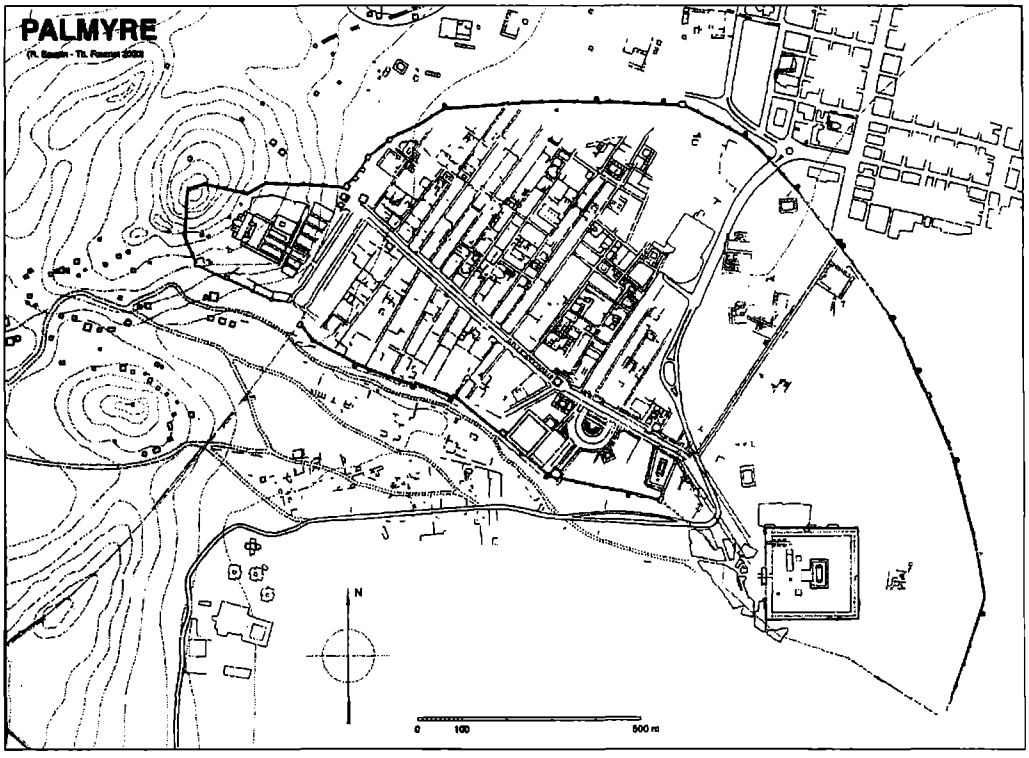

Рис. 7. Пальмира. Общий план. Р. Сопен – Т. Фурне, 2000 г.

появилась лишь во времена Августа, в Апамее ее не могло быть раньше... Однако мне представляется, что факты говорят об обратном.

Следует заметить прежде всего, что главная улица (с колоннадами или без таковых – не в этом только дело) бесспорно является частью изначальной планировки города, и трудно представить себе, будто в I или II в. н.э. в большом и очень густо населенном городе, основанном в конце IV в. до н.э., можно было прорезать по живому улицу почти в 40 м в ширину и 2 км в длину с севера на юг (рис. 6), пусть даже и сразу после мощного землетрясения. В Париже в XIX в. «просеки» новых улиц и бульваров, проложенных бароном Османом, уничтожили ткань прежней городской застройки; но это видно еще и теперь. В Пальмире во II–III вв. н.э. монументальную колоннаду вписали в уже существующий план города, не предполагавший ее наличия; но это тоже заметно (рис. 7). В Апамее же Большая колоннада задает структуру всей городской планировки; именно к этой оси привязаны иерархически организованные помещения храма Зевса Бела и агора, а две широкие улицы пересекают ее под прямым углом[28], образуя в плане «лотарингский крест» (рис. 8), что столь характерно для многих городов с ортогональной планировкой, возникновение которых относится к эллинистическому периоду (Лаодикея Приморская или Дура Европос). Я всегда считал и продолжаю настаивать, что план Апамеи не менялся с самого момента основания города на плато.

Либаний в «Антиохийской речи» упоминал, что планировка Антиохии также восходила к Селевку; независимо от степени достоверности этого рассказа в

[28] Это пресловутая проблема «Achsenkreuzen» в книге А. фон Геркана (Op. cit.).

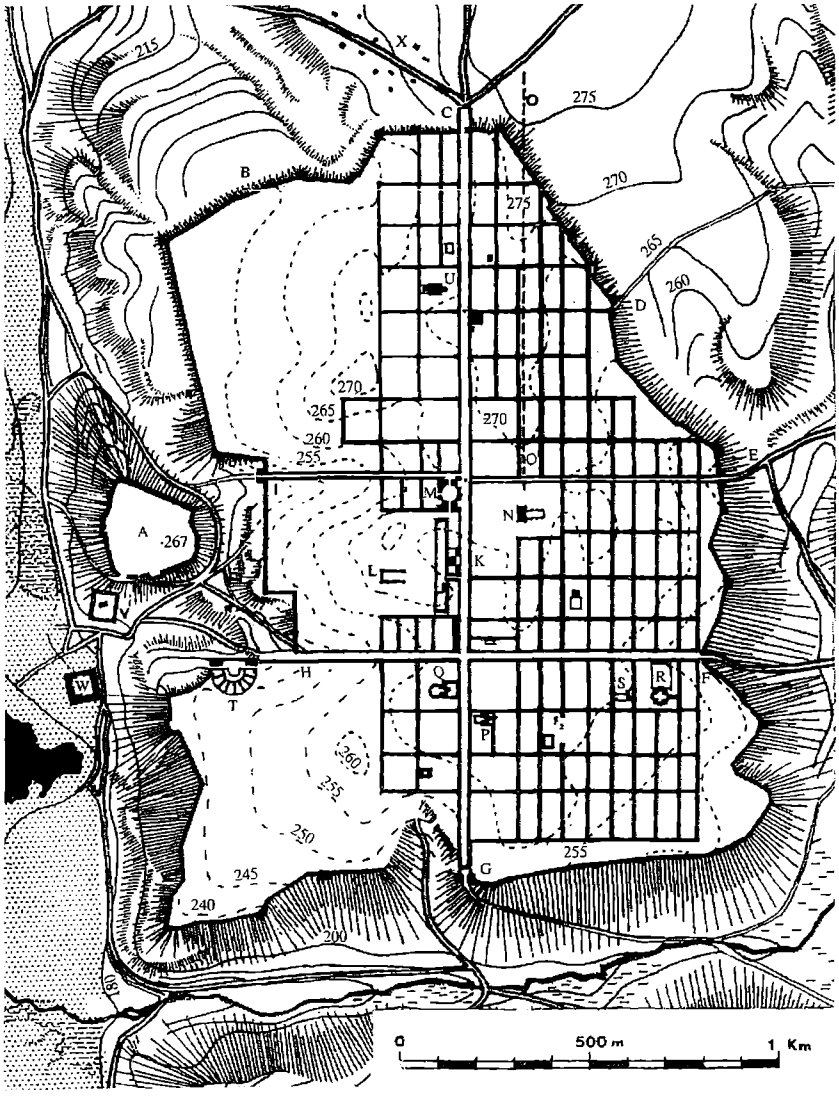

Рис. 8. Апамея. Схематический план. Чертеж П. Миньо

отдельных деталях, несомненно, его стоит перечитать: «Чтобы начертить город, [Селевк] расставил слонов там, где должны были находиться башни; затем, *чтобы обозначить длину и ширину портиков и боковых улиц* (курсив мой. – *Ж.-Ш.Б.*), нарезал вдоль них борозды и посадил зерно, доставленное на кораблях, стоявших на реке»[29]. Стало быть, в Антиохии прямоугольная планировка была изначально. Кроме того, Р.А. Штуки напомнил, что данный тип планировки с расположением кварталов вокруг оси главной улицы в определенном иерархическом порядке существовал также и в городе Ай Ханум[30], который был основан в период эллинизма на Оксе в Центральной Азии и уже около 145 г.

[29] *Liban.* Or. XI. 90; ср. *Lassus.* Op. cit. P. 130–131 (№ 1).

[30] *Stucky R.A.* L'urbanisme des colonies grecques aux époques archaïque et hellénistique // La ville dans le Proche-Orient ancien. Louvain,1983. P. 148–149.

до н.э. исчез с карты, так что о римском городе речь не идет, – а главная улица там уже достигала 20 м в ширину... Наконец, Селевкия-на-Тигре, план которой нам теперь известен лучше[31], также служит примером города, основанного Селевкидами и целиком организованного вокруг большого центрального канала шириной 36,15 м. Таким образом, прямоугольная планировка с главной осевой улицей и пересекающими ее другими осями не была открытием римского периода; и это важно подчеркнуть. Тогда могли самое большее расширить проезжую часть и обрамлявшие ее галереи, чтобы придать больше великолепия городам, пострадавшим от разрушительного землетрясения[32].

Но каким же образом в городе, столь плотно застроенном даже в VI в., подобраться к более древним слоям, не потревожив при этом мозаики или плиты, которыми устланы полы зачастую довольно неплохо сохранившихся памятников? Случай распорядился так, что нам удалось открыть эти слои там, где мы этого не ожидали, – возле Северных ворот, и даже, собственно говоря, за их пределами... Серия глубоких разведочных шурфов, заложенных там для стратиграфической датировки двух длинных стен, соединяющих расположенную extra muros триумфальную арку с оборонительной стеной и воротами, выявили в этом месте на протяжении более 70 м, на выходе из города, остатки прилегавшего к улице с западной стороны длинного портика шириной 5,60 м (рис. 9)[33], дававшего доступ к ряду лавок. Очень аккуратная кладка фасадной стены и дверных проемов этих помещений по рисунку своему, технике обтески и качеству камня аналогична использовавшейся в один из периодов строительства оборонительной стены эллинистической эпохи, который датируется скорее всего II в. до н.э. В слое обломков от землетрясения, после которого вся эта зона была засыпана и выровнена, так что кладка стены лавок сохранилась примерно на 1 м в высоту, с регулярными промежутками было обнаружено несколько опрокинутых капителей, очевидно, принадлежавших колоннам упомянутого портика. Как и кладка стены, эти капители изготовлены из мягкого камня; они выполнены в довольно своеобразном композитном дорическом ордере, некоторые параллели которому встречаются в эллинистической Малой Азии во II в. до н.э. Использование этого ордера (в Большой колоннаде в нынешнем ее состоянии он систематически заменен на коринфский), строительные материалы, происходящие из верхних, наиболее мягких и влажных, т.е. разрабатывавшихся ранее всего пластов каме-

---

[31] *Gullini G.* Un contributo alla storia dell'urbanistica: Seleucia sul Tigri // Mesopotamia. 1967. 2. P. 141–145. Fig. 284–286.

[32] Именно это и наблюдается в Апамее, в чем можно убедиться, измерив длину и ширину кварталов, непосредственно прилегающих к Большой колоннаде в ее нынешнем состоянии или к южной поперечной улице: по сравнению с другими кварталами все они на 2–3 м меньше. Следовательно, в какой-то момент произошло расширение этих городских артерий, однако они явно отличались по размерам от остальных улиц уже при первоначальной планировке: по оси север–юг ширина улицы между фасадами лавок в проемах портиков составляла 31 м (против нынешних 37 м и 16 м в Антиохии, по данным Ж. Лассю), по оси запад–восток ширина поперечной улицы – примерно 16 м (против нынешних 22 м); ср. *Balty J.Ch.* L'urbanisme de la Tétrapolis syrienne // Ο Ελληνισμός στην Ανατολή. International meeting of history and archaeology, Delphi, 6–9 november 1986. Athens, 1991. P. 223. Not. 70.

[33] Пока развернутый отчет (*Balty.* La Porte Nord et la Grande Colonnade...) еще находится в печати, ср. *Balty J.Ch.* Grande Colonnade et quartiers nord d'Apamée à la fin de l'époque hellénistique // CRAI. 1994. P. 79–89. Fig. 4–5.

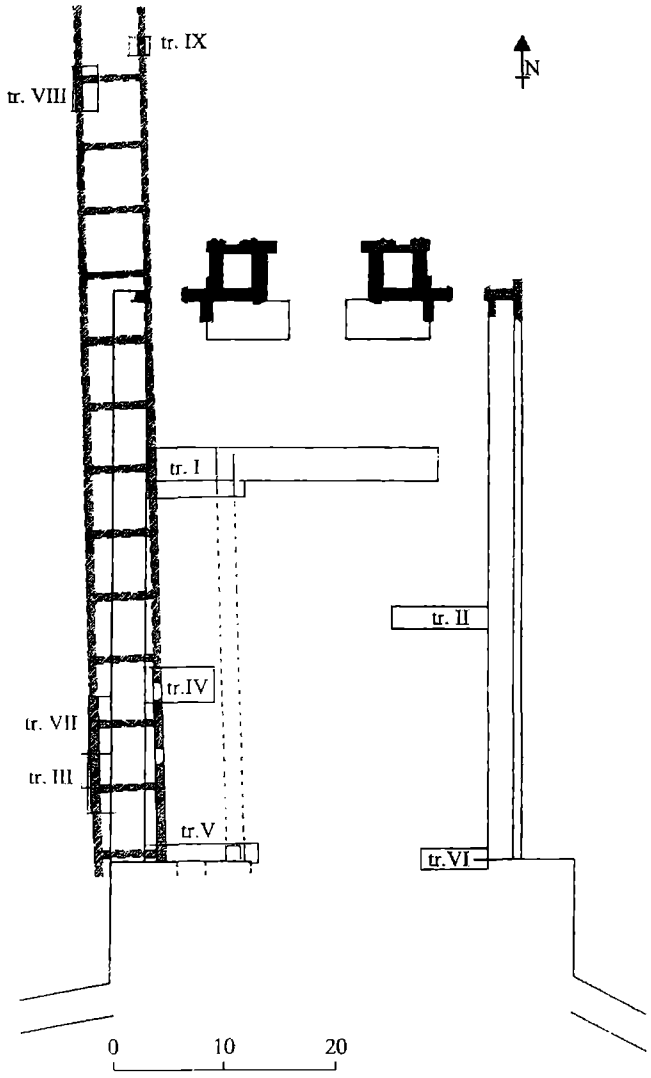

Рис. 9. Реконструкция западного портика с лавками эллинистического периода. Чертеж Ж.-Ш. Балти

ноломни, а также стратиграфическое расположение этих стен ниже ставших уже привычными для нас уровней II в. н.э. явно указывали на то, что перед нами колоннада эллинистического периода, но находится она у выхода из города.

Ни на мгновение я не могу представить себе, что она была только в этом месте, а внутри города ее не было. Совсем наоборот: по-моему, здесь мы имеем дело с колоннадой, служившей для пригородных кварталов, к возникновению которых привело бурное развитие города, продолжением extra muros внутригородской колоннады, которую мы не обнаруживали – и не могли, впрочем, с такой легкостью обнаружить – intra muros. Стоит вспомнить, что в 6 г. н.э. при проведении Квиринием в Сирии ценза, известного нам по Евангелию от Луки, civitas Апамеи (город вместе с его территорией) насчитывала, согласно

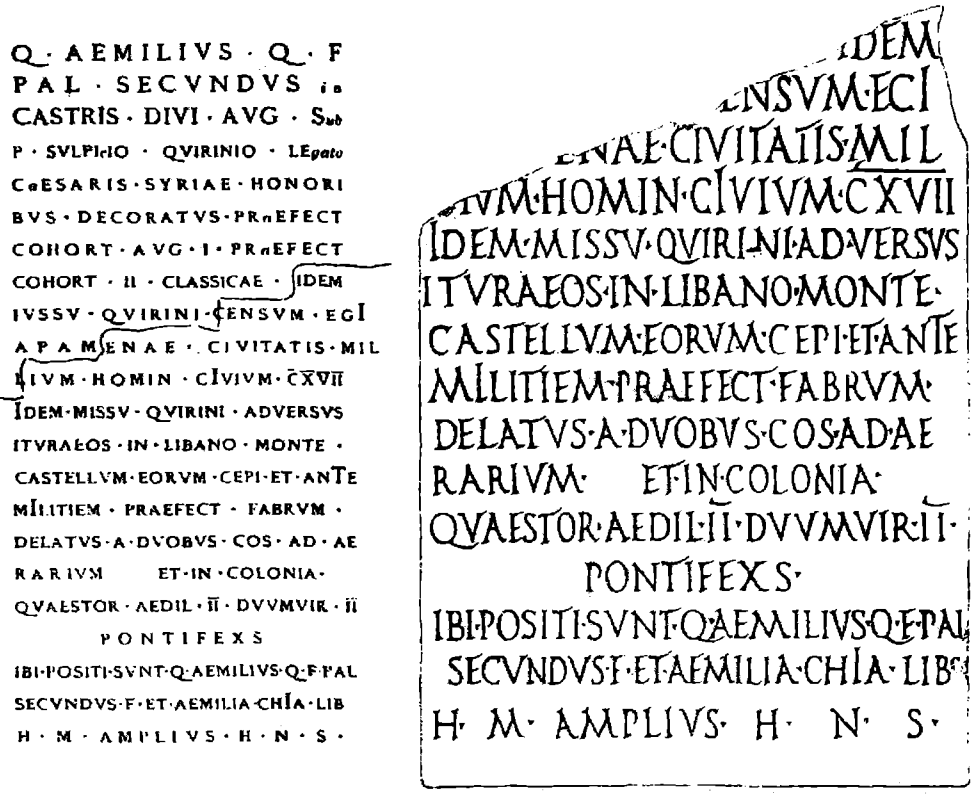

Рис. 10. Надпись, относящаяся к проведению Квиринием ценза в Апамее (CIL III. 6687). Полный текст и сохранившаяся часть

надписи CIL. III. 6687 (рис. 10), 117 тысяч граждан, что соответствует общей численности населения порядка 400–500 тысяч[34]. Теперь пора напомнить, что текст Малалы приписывал Ироду мощение улицы «за пределами города», а Тиберию сооружение двух портиков «вне города». Эти две детали представляются мне немаловажными. Разве это не та же ситуация, с которой мы сталкиваемся в Апамее, но, возможно, уже столетием раньше? В конце II или в начале I в. (скажем, приблизительно около 100 г. до н.э.) город, основанный в конце IV в., выплеснулся за свои границы; возникли пригородные кварталы, их нужно было благоустроить, связать с остальным городом осевой артерией, служившей продолжением той, которая уже структурировала внутренние кварталы с момента основания города.

Конечно, до поры до времени мы имели дело только с одной стороной этой главной улицы; но один из последних шурфов (2004 г.), который предстоит продолжить и расширить, уже теперь позволяет увидеть под прямым углом к большой восточной стене, связывающей арку с Северными воротами, остатки внутренней поперечной стены из блоков мягкого известняка, расположение которой в точности соответствует расположению южной стены первой лавки

[34] Удачная фотография этой надписи приведена в кн.: *Balty*. Guide d'Apamée. P. 32. Fig. 27. С недавним комментарием, в котором эти цифры пересматриваются в меньшую сторону (*Kennedy D.* Demography, the Population of Syria and the Census of Q. Aemilius Secundus // Levant. 2006. 38. P. 109–124), я полностью согласиться не могу.

западного портика. Внутренняя стена восточных лавок должна была находиться, таким образом, точно на линии, служащей продолжением восточной стены башни I городской стены, где и нужно теперь ее искать. Два портика по сторонам улицы extra muros продолжают к северу от ворот линию портиков intra muros с незначительным отклонением в направлении, возможно, отражающим изменение в положении северного магнитного полюса, произошедшее между эллинистическим и римским периодом. Внешняя колоннада, проложенная по пути к новым городским кварталам, была, следовательно, продолжением колоннады внутри города, которая известна нам только для более позднего периода истории Апамеи (II в. н.э.) и на совсем другом уровне.

В стратиграфическом плане тщательное изучение внутренней стены лавок этого портика позволило отметить в разных местах повышение уровня примерно на 50 см, что соответствует повышению на две ступеньки, отмеченному у входа в некоторые лавки. Еще в 1994 г. я предположил, что речь могла идти о следах перестройки, последовавшей за каким-то землетрясением, в результате которой уровень пола этих лавок поднялся[35], а в качестве причины я предлагал рассматривать либо землетрясение, поразившее Антиохию 9 апреля 37 г., в правление Калигулы (по подсчетам Малалы, второе в истории этого города[36]), либо еще одно, случившееся в правление Клавдия[37] (точная дата неизвестна) и разрушившее многие города Малой Азии и Сирии, от Эфеса до Антиохии. Некоторое предпочтение отдавалось последней возможности, так как известно, что Апамея тогда стала называться Claudia Apamea[38], и это наименование сохранялось по меньшей мере до середины III в., что свидетельствует, вероятно, о заботе, проявленной этим императором в исключительных обстоятельствах. Теперь я могу подтвердить эту датировку с помощью целого ряда замечательных находок, сделанных в последние годы у Северных ворот[39].

Раскопки полукруглого двора Северных ворот выявили с западной стороны остатки небольшого памятника (рис. 11), кладку которого обжигальщики извести разбирали ряд за рядом для отправки в печь[40], когда новое землетрясение (скорее всего 1170 г.) погребло их под обрушившимися блоками. Это была экседра, так называемая «отдельно стоящая экседра» – тип памятника, распространенный в период эллинизма на агорах и в святилищах Греции и Малой Азии[41]. В последующую эпоху он нередко использовался для того, чтобы воздавать почести высокопоставленным римским чиновникам в этих восточных провинциях империи[42]. Верхний ряд кладки высокого профилированного цоколя, на котором возвышалась небольшая эдикула в форме ниши для статуи почитаемого лица, исчез почти полностью; именно там было высечено его имя, от которого найдено всего пять букв в фрагментированном состоянии на нескольких обломках разбитых блоков, которые, однако, удалось

---

[35] *Balty*. Grande Colonnade et quartiers nord d'Apamée... P. 89–90.

[36] *Ioan. Malal.* Chron. P. 243.11–14; ср. *Downey*. Op. cit. P. 190. Not. 122.

[37] *Ioan. Malal.* Chron. P. 246.10–19; ср. *Downey*. Op. cit. P. 196. Not. 142.

[38] *Balty J.Ch. Claudia Apamea*. Données nouvelles sur la topographie et l'histoire d'Apamée // CRAI. 2000. P. 468–469.

[39] Ibid. P. 459–481.

[40] Печь для обжига извести находится в 5 м оттуда, с другой стороны закругленной стены двора башни.

[41] *Thüngen S.* von. Die frei stehende griechische Exedra. Mainz, 1994.

[42] Ср. *Tuchelt Kl.* Frühe Denkmäler Roms in Kleinasien. I. Roma und Promagistrate (Istanbuler Mitteilungen. Beiheft 23). Tübingen, 1979. Taf. 6–7.

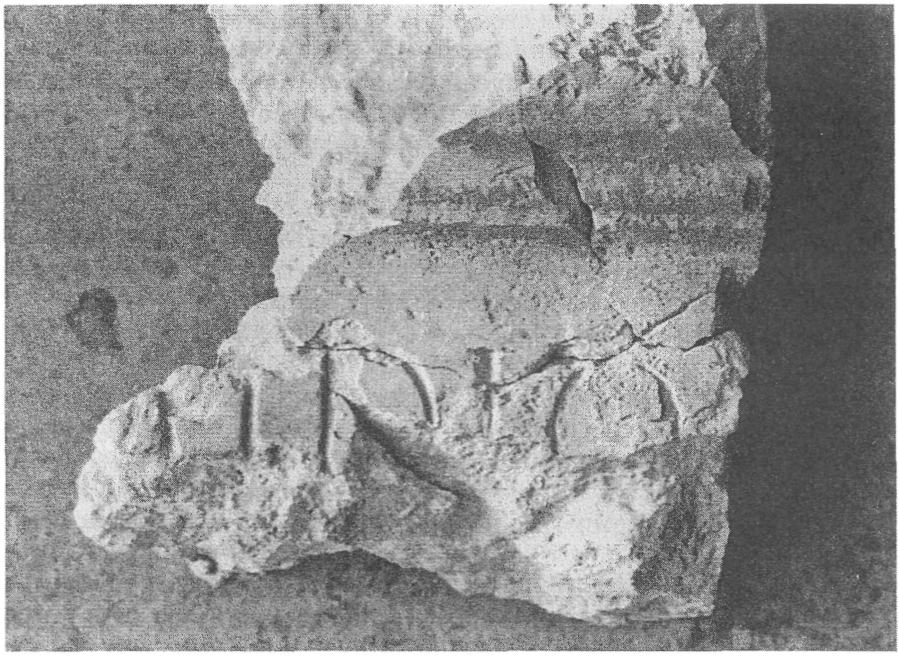

Рис. 11. Экседра Гая Уммидия Квадрата у Северных ворот

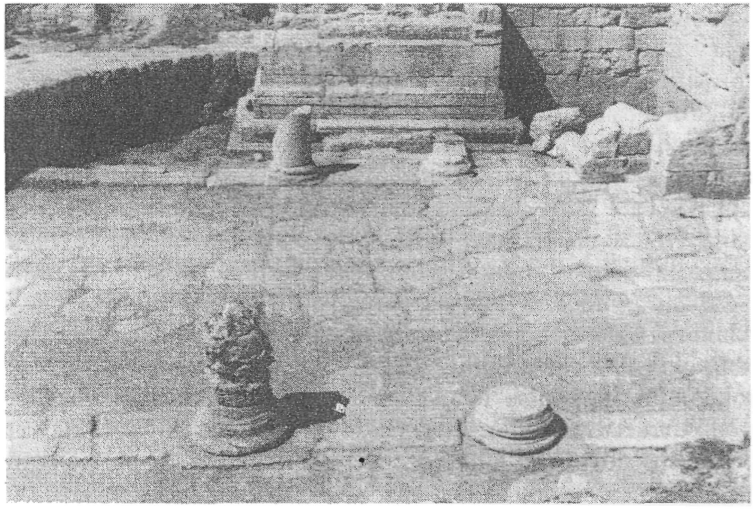

Рис. 12. Фрагмент посвящения Гаю Уммидию Квадрату

соединить: [...]MIDIO (рис. 12). Cursus honorum едва читается в верхней части двух первых ортостатов памятника. К счастью, этого оказалось достаточно для бесспорной идентификации того, кому был посвящен памятник: речь идет о Гае Уммидии (отсюда окончание родового имени на камне – [Um]midio) Дурмии Квадрате, который был легатом провинции Сирии на протяжении десяти лет – случай совершенно исключительный – в годы правления Клавдия, с 51 по 60 г. Он занимал должность XVvir sacr(is) fac(iundis), входя в одну из высших жреческих коллегий Рима, служил легатом Тиберия в Лузитании, затем – легатом Клавдия в Иллирике. Его карьера известна нам по нескольким

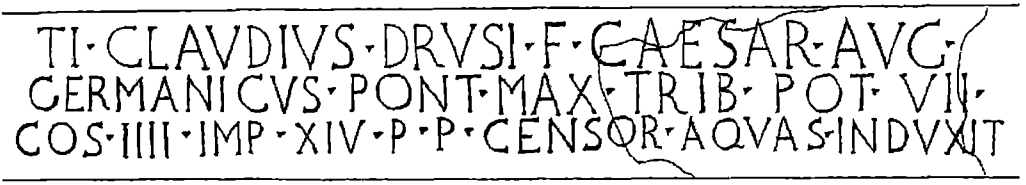

Рис. 13. Восстановление надписи на акведуке. Рис. Ж.-Ш. Балти

надписям[43] из его родного города Кассино в Кампании, а также по ряду упоминаний в «Анналах» Тацита (в XII–XIV книгах): одно из них связано с неким Курцием Севером, который выступил из Сирии во главе конного отряда на помощь жителям Анемурия (в Киликии), страдавшим от набегов взбунтовавшихся племен (Tac. Ann. XII. 55. 1–2). Произошло это в 52 г., во время наместничества Уммидия Квадрата. Памятник в Апамее – еще один необыкновенный случай – поставил некий Гней Курций Север, praefectus alae, который мог быть только тем, о котором писал Тацит. Так что экседра оказывается очень точно датированной.

В нескольких метрах еще одна надпись, сильно фрагментированная, снова возвращает нас к императору Клавдию; несмотря на лакуны (сохранилось всего около одной трети) она сравнительно легко поддается восстановлению (рис. 13). Предлагаю следующее ее прочтение[44]:

[Ti. Claudius Drusi f(ilius)] Caesar Aug(ustus)
[Germanicus pont(ifex) max(imus)] trib(unicia) pot(estate) VI[I]
[co(n)s(ul) IIII imp(erator) XIIII p(ater) p(atriae) cens]or aquas indux[it].

Следовательно, именно Клавдий соорудил акведук (или один из акведуков), снабжавший Апамею водой, и было это в 47/48 г., на что указывает, к счастью, сохранившаяся цифра при упоминании трибунских полномочий. Небольшая водоразборная башня возле Северных ворот, с западной стороны Большой колоннады, раскопки которой не доведены до конца, сложена из блоков такого же камня, того же размера и с той же профилировкой, что и фрагмент надписи; этому памятнику и принадлежало посвящение, тем более что основание стен этой водоразборной башни лежит ниже уровня стилобата Большой колоннады, а значит предшествует ему по времени, а стойка, которой начинается колоннада, явно опирается на эту башню. Напротив же водоразборной башни, по другую сторону Большой колоннады, расположен монументальный нимфей. Выступающий вперед профилированный угол его цоколя также заходит под стилобат колоннады, для установки первой опоры которой пришлось врезаться в его стену[45]; и профилировка эта точно такая же, как и в экседре Уммидия Квадрата. В обоих памятниках использованы один и тот же камень и одинаковая техника строительства. Не приходится сомневаться в том, что они одновременны.

Таким образом, три сооружения возле Северных ворот относятся к периоду правления Клавдия, уровень основания у них один и тот же – ниже колоннады II в. – и совпадает с уровнем, на котором в некоторых лавках extra muros находится порог и отмечены изменения в стенах. Теперь не осталось сомнений, что эту значительную фазу градостроительства следует датировать периодом Клавдия. Уже отец Луи Жалабер отмечал, что Баланея (Банияс), расположенная

[43] В частности, CIL X. 5180 и особенно 5182.
[44] Ср. *Balty. Claudia Apamea.* Données nouvelles... P. 473–475. Fig. 10–11.
[45] Ibid. P. 478. Fig. 15.

на побережье несколько южнее Апамеи, была переименована в Claudia Leucas между 47/48 и 53/54 г., а Акко-Птолемаида также в 47 г. получила имя Colonia Claudia Ptolemais[46]. И при том же императоре в Апамее была введена новая эра – наверняка, в тот же момент и при тех же обстоятельствах – и город отчеканил две бронзовых монеты и серебряную тетрадрахму, датированные первым и вторым годом этой эры[47]. Картина из этих данных складывается совершенно ясная. Но до сих пор обычно упускали из вида еще одну, последнюю надпись (на сей раз с Самоса), в которой императора Клавдия опять-таки в 47 г. чествуют за то, что он восстановил храм Диониса (Liber Pater), обрушившийся от ветхости вследствие землетрясения: uetustate et terrae motu[48]. Разумеется, это могло быть только то землетрясение, о разрушительных последствиях которого для очень обширной зоны от Эфеса до Антиохии упоминал Малала (Chron. P. 246.11–13). Можно без колебаний датировать его 47 годом, потому что именно в том году Клавдий, имя которого приняла Апамея, провел туда воду. Надежно датированным оказывается важный градостроительный период, служащий мостиком между эллинистической эпохой, все еще слишком мало известной, и систематическими восстановительными работами, которые в широком масштабе производились после землетрясения в декабре 115 г.

Рассмотрение в сочетании – ибо именно это, по-моему, самое важное – данных литературных источников, эпиграфики, сейсмологии, нумизматики, архитектурного анализа и стратиграфии позволяет сегодня реконструировать ранние фазы истории Апамеи с той степенью точности, какой нельзя было бы достичь при одном лишь археологическом прочтении памятников*.

THE GREAT COLONNADE OF APAMEA: WRITTEN SOURCES, EPIGRAPHIC EVIDENCE AND ARCHAEOLOGICAL DATA. CHRONOLOGICAL LANDMARKS FOR THE RESEARCH OF THE MAJOR MONUMENT

J.-Ch. Balty

Combining various data, applying comparative method (in particular, comparison with Antioch) and taking into consideration the history of earthquakes in this region the author reconstructs earlier periods of the history of Apamea.

The plan of the city did not change since the foundation in the late 4th c. BC and was orthogonal, being organized around the north-south oriented street surrounded with columns. A series of exploration shafts *extra muros* discovered remains of a colonnaded street dated to ca. 100 BC, which must have been the continuation of the colonnade inside the city, known only for the later period of the considerable urban renewal that followed the disastrous earthquake of 115 AD.

Recent research near the North Gate has shown that three constructions discovered there beneath the level of the 2nd c. AD colonnade (the exedra in honour of C. Ummidius Durmius, governor of Syria in 51–60; the water tower with a fragmented inscription telling of the construction of aqueduct by Emperor Claudius in 46/47; the monumental Nymphaeum) belong to the same period of construction which followed the earthquake of 47, when the city began to be called *Claudia Apamea*.

---

[46] *Jalabert L.* Claudia Apameia // Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France. 1909. P. 344–346.

[47] *Burnett A., Amandry M., Ripollès P.P.* Roman Provincial Coinage. I. From the Death of Caesar to the Death of Vitellius (44 BC – AD 69). L.– P., 1992. P. 634. № 4376–4378. Pl. 165.

[48] *Balty. Claudia Apamea.* Données nouvelles... P. 471. Not. 40.

* Перевод с французского Е.В. Ляпустиной.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 2009 г.

Ассиро-вавилонский эпос. Переводы с шумерского и аккадского языков В.К. Шилейко. Издание подготовил В.В. Емельянов. Санкт-Петербург: «Наука», серия «Литературные памятники», 2007. 641 с.*

Владимир (Вольдемар) Казимирович Шилейко (1891–1930) – известный поэт Серебряного века, первый русский ассириолог широкого профиля (блестящий шумеролог, аккадист, хеттолог), замечательный издатель клинописных текстов, талантливый поэт-переводчик шумерских и аккадских поэтических произведений.

В.К. Шилейко (далее – Ш.) создал антологию переводов шумерских и аккадских текстов, которую назвал «Ассиро-вавилонский эпос» (далее – «А.-В. Э.»). Первоначальный вариант «А.-В. Э.» был подготовлен в 1918–1920 годах для основанного А.М. Горьким издательства «Всемирная литература» и – по сохранившимся свидетельствам – был записан рукой А.А. Ахматовой, но остался неизданным. В течение 1920-х годов, по всей видимости, «А.-В. Э.» неоднократно частично изменялся по составу, а к 1931 г. был переведен в машинопись. Местонахождение оригинала «А.-В. Э.» неизвестно. Машинописная копия «А.-В. Э.» долгие годы хранилась в семье Ш., а с 2004 г. находится в Российской национальной библиотеке (С.-Петербург). Эту копию В.В. Емельянов (далее «издатель» или сокращенно Ем.) обозначает как «рукопись «А.-В. Э.» (с. 514–519, 571–572). В полном объеме она опубликована впервые в рецензируемой книге[1].

Издание фактически состоит из двух частей:

I.Тексты Ш.: 1. «А.-В. Э.»; 2. «Введение к переводу Н. Гумилева»[2]; 3. Статья Ш. «Паломничество Гильгамеша»; 4. Три пьесы Ш.

II. Приложения: 1. Переписка по поводу издания книги В.К. Шилейко «Ассиро-вавилонский эпос»; 2. Статья В.В. Емельянова «В.К. Шилейко и его "Ассиро-вавилонский эпос"»; 3. Раздел «Основные даты жизни и творчества В.К. Шилейко», составленный Т.И. Шилейко и А.В. Шилейко; 4. Библиография В.К. Шилейко; 5. Примечания; 6. Список сокращений; 7. Список иллюстраций; 8. Указатель имен собственных и географических названий.

К достоинствам издания стоит отнести:

I. Описание состава архива Ш., к сожалению, очень краткое (с. 468–469, прим. 2)

II. Дополнительные публикации:

1. Ранее не издававшиеся работы Ш.: статья «Паломничество Гильгамеша» (с. 368–373); его предисловие к переводу «Хождение Иштар», предназначавшегося для литературного журнала

---

* Рецензия с учетом замечаний была рекомендована к печати 4 июня 2008 г. на заседании сектора Древнего Востока СПбФ ИВ РАН с участием М.А. Дандамаева, И.Т. Каневой, И.Н. Медведской, В.А. Якобсона и Н.О. Чехович, при участии сотрудника Гос. Эрмитажа В.К. Афанасьевой, а также сотрудников кафедры истории стран Древнего Востока восточного факультета СПбГУ Н.В. Козыревой, И.В. Богословской, И.С. Клочкова и А.В. Немировской.

[1] В архиве СПбФ ИВ РАН хранится еще одна машинописная копия «А.-В. Э.» (с. 513, 515, 577). Она значительно меньше копии, хранящейся в РНБ, но в ней сохранились некоторые тексты, отсутствующие в последней. При публикации Ем. использовал и эту копию.

[2] *Гильгамеш. Вавилонский эпос* / Перевод Н. Гумилева. Введение В. Шилейко. СПб., 1919.

«Аполлон» (с. 591–592); три пьесы Ш. (пьесы «Лугальбанда и Зу» и «Адапа» представляют собой композиции из отдельных переводов Ш., а третья – «Иеремия» – это собственно подробный план трагедии, написанной на библейский сюжет, с. 401–439).

2. Переписка по поводу издания книги В.К. Шилейко «Ассиро-вавилонский эпос».

3. Раздел «Основные даты жизни и творчества В.К. Шилейко», составленный Т.И. Шилейко и А.В. Шилейко.

4. Подробная библиография В.К. Шилейко.

III. Сведения об изданиях текстов, переводы которых включены в «А.-В. Э.» (даны в комментариях к переводам Ш.)[3].

IV. Приятное впечатление оставляют иллюстрации, некоторые из них публикуются впервые.

Основной целью издания была, очевидно, публикация рукописи «А.-В. Э.». Издатель дает ей такую общую характеристику: «Содержание рукописи не соответствует ее заглавию. Помимо эпических произведений, составляющих меньшую часть корпуса, в ее составе также есть предсказания (бóльшая часть рукописи), гимны, заклинания, молитвы, колыбельная песня, фрагменты плачей, погребальные песнопения, ритуальные тексты и царские надписи. В состав рукописи также входит средневековый мандейский текст. Возможно, что отказ издательств от ее публикации при жизни переводчика был обусловлен хаотическим состоянием самого предлагаемого текста, в котором все смешивалось со всем, где-то давался комментарий, а где-то он вовсе отсутствовал» (с. 572).

При публикации рукописи издателем был изменен авторский порядок следования текстов: «В настоящем издании тексты расположены по языку (шумерские и аккадские) и по хронологии. За основу рубрикации взяты немецкие и французские антологии 1910–1920-х годах, в которых тексты распределены по четырем основным рубрикам: исторические надписи, литературные тексты, магические тексты, записи ритуалов и предсказаний. В нашем издании тексты выделены в три рубрики "Царские надписи", "Литературные тексты", "Религиозные тексты"» (с. 578). Однако предложенная издателем рубрикация не всегда удачна. Так, в шумерские «Царские надписи» без необходимого для читателя-неспециалиста комментария включены надписи правителей, носящих два разных титула: *lugal* (этот титул Ем. сходу переводит как «царь») и *ensi* (этот титул Ем. оставляет без перевода). Одни псалмы рассматриваются как литературные тексты (с. 79–83), другие – как религиозные (с. 136–144).

Издатель позволил себе внести изменения и в сам авторский текст Ш.: «Особую проблему представляют устаревшие чтения имен собственных и топонимов. В случаях, когда исправление не влияет на ритмику стихотворного перевода, они заменяются на современные. Во всех других случаях оставляются устаревшие чтения, а современные оговариваются в примечаниях. Шумерские имена собственные приводятся в соответствии с современными чтениями, но без учета назализации (Утухегаль, а не Утухенгаль)» (с. 578).

Более того, издатель в ряде случаев заменил авторское прочтение и перевод отдельных слов на свое собственное. Так, чтение Ш. (фактически познаковое чтение) «патеси» – на «энси» (с. 580, прим. 1), «король» – на «царь» (с. 582, прим. 3), «маллур» – на его перевод «помещение для стрижки овец» (с. 582, прим. 4), выражение «предводитель страны» – на «глашатай» (с. 584, прим. 26), выражение «Таблица судеб» – на «Божьи Книги Судьбы» (с. 596, прим. 1) и др.

Такое отношение к авторскому тексту противоречит позиции самого Ш., которая приводится издателем. Когда после смерти Н.С. Гумилева в связи с намечавшимся переизданием его перевода «Эпоса о Гильгамеше» Ш. предложили переделать перевод, он отказался, «...сказав, что в книге мертвого человека ничего менять нельзя» (с. 507).

На с. 572–576 дается «Таблица соответствий между страницами рукописи и современными публикациями ее фрагментов». К сожалению, в ней не указаны соответствующие страницы по данному изданию, а ведь в нем не только изменен порядок следования текстов, но иногда изменены авторские названия текстов. Так, «Конусы Урукагины» и «Плач по Лагашу» в «А.-В. Э.» объединены у Ем. под названием «Надписи Урукагины, энси Лагаша» (с. 18–25), «Нинив» в «А.-В. Э.» – «Нинурта» в издании Ем. (с. 373–377) и др.

Если изменение порядка следования текстов еще может быть как-то оправдано, то вторжение в сам авторский текст Ш., по нашему мнению, не оправдано вовсе. Это противоречит самой

---

[3] В рукописи «А.-В. Э.» нет библиографии (с. 515). Доподлинно известны издания текстов, переводы которых Ш. успел опубликовать. И.М. Дьяконов отмечал, что трудно установить, откуда взял Ш. гимны и заклинания: их «...издана тысяча, издания разбросаны по журналам и т.п., и найти их очень трудно» (с. 512). Возможно, атрибуция Ем. верна.

цели данного издания, коль скоро его автором указан В.К. Шилейко, труды которого отражают определенный период в истории ассириологии и являются важнейшей вехой в науке. Современные чтения и переводы, предлагаемые издателем, надлежало бы дать только в примечаниях еще и потому, что, возможно, через какое-то время и они устареют. Вот уже в шумерских именах собственных Ем., например, не учитывает назализацию.

Как уже отмечалось, издание содержит большую статью Ем. «В.К. Шилейко и его "Ассировавилонский эпос"» объемом в 88 с. (с. 468–555), т.е. это фактически маленькая монография. В ней 11 разделов. Основные сюжеты статьи: 1. Биографические сведения о Ш.: семья; учеба; служба; взаимоотношения с А.А. Ахматовой и В.К. Андреевой-Шилейко, последней женой ученого; сведения о сыне Ш., который помог Ем. перевести рукопись «А.-В. Э.» в электронную форму (с. 515) (разделы I–VII). 2. Научно-педагогическая деятельность Ш. (разделы I, III, IV, VI, VIII, XI). 3. Ш. – поэт; Ш. – переводчик (разделы I, IX, X, XI). 4. История и судьба рукописи «А.-В. Э.» (раздел VI). 5. Ш. в воспоминаниях современников; место Ш. в русской культуре (разделы I, IV, VII, VIII, XI).

В статье есть, по нашему мнению, следующие существенные недочеты. Во-первых, отсутствует четкая композиция: один и тот же сюжет часто затрагивается в нескольких разделах. Это затрудняет формирование целостного представления о той или иной стороне жизни и деятельности Ш. Пафосность и многословие, характерные для стиля статьи, порой затемняют мысль автора. Вот некоторые примеры.

«Шилейко в своем посмертии оказывает все возрастающее влияние – нет, не на идеи и не на формы культуры, но на тончайшие вибрации российской духовности» (с. 468). (Что это значит?) «И если в современном массовом сознании ученый-поэт Вольдемар Шилейко по-прежнему продолжает пребывать в тени Ахматовой, то в сознании творцов культуры он не перестает быть совершенно самобытным явлением, оказавшим значительное влияние как на развитие исторической науки, так и на поэтику своих товарищей – акмеистов (А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштама, Н.С. Гумилева) и М.Л. Лозинского» (с. 469). (Кто подразумевается под носителями массового сознания и под творцами культуры?) «Последние годы он (Ш. – *Г.К.*) приберег для себя, желая оторваться от всеобщего бытия. Уехал в Москву, женился, в 1927 г. родился сын» (с. 471). (Вряд ли перечисленные события жизни Ш. можно назвать «отрывом от всеобщего бытия».)

Во-вторых, совершенно недостаточное внимание уделено научной деятельности Ш.: из имеющихся 36 работ Ш.[4] издатель по неясной причине рассматривает с разной степенью подробности и не всегда в основном тексте только 9 (с. 482, 490–491, 528–534). Думается, что обзор всех научных трудов Ш.[5] был бы в данном издании гораздо полезнее[6], чем пространные рассуждения Ем. о Серебряном веке русской культуры, о развитии гуманитарной науки в России и т.п. (с. 468–474), а также многочисленные перепечатки из вполне доступных изданий[7] воспоминаний о Ш. или же материалов о его взаимоотношениях с А.А. Ахматовой и В.К. Андреевой-Шилейко (с. 491–506, 521–526). Совершенно надуманной проблеме посвящен раздел XI (с. 553–555), в котором издатель пространно обсуждает вопрос, почему Ш. можно называть гением. Выдающиеся работы ученого-клинописника говорят о нем гораздо красноречивее, взять, например, инвентарь глиняных

---

[4] В это число входят 33 прижизненные публикации (перечень на с. 564–566), две статьи, опубликованные в данном издании (с. 368–373, 591–593), и инвентарь глиняных табличек из ГМИИ им. А.С. Пушкина, составленный Ш.

[5] Есть хорошие образцы такого обзора: *Грибов Р.А.* Из истории русской ассириологии. В.К. Шилейко (1891–1930) // Очерки по истории Ленинградского университета. 1968. Вып. II. С. 94–99; *Постовская Н.М.* Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917–1959 гг.). М., 1961. С. 54–58, 61, 66, 75. Но эти обзоры охватывают не все публикации Ш., так как Постовская была ограничена временными рамками, а Грибов, по-видимому, – листажом.

[6] В примечаниях к мандейскому тексту, переведенному Ш., издатель пишет: «По мнению консультанта данного раздела М.В. Тарелко (Минск), перевод сделан не с мандейского оригинала, а с немецкого перевода». Обоснования не приводятся (с. 613). Если бы Ем. сделал полный обзор работ Ш., он осторожнее относился бы к таким утверждениям. Ш. прекрасно разбирался во многих семитских языках, в том числе и в мандейском; см. *Шилейко В.К.* Заметки по семитической эпиграфике // Известия Российской академии истории материальной культуры. 1921. Т. I. С. 103–110.

[7] См. *Шилейко В.* Пометки на полях. СПб., 1999; Владимир Шилейко. Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой и другие материалы. М., 2003; и др.

табличек ГМИИ, составленный Ш., о котором Ем. упоминает лишь вскользь (с. 470, 495, 526). Этот инвентарь включает 1352 клинописных документа, предварительно прочитанных, переведенных и откомментированных Ш.[8] А.П. Рифтин считал, что «...инвентарь В.К. Шилейко – это часто не инвентарь, а образцовое издание трудно читаемых текстов»[9].

В-третьих, в архиве Ш. сохранилось 18 писем крупнейших зарубежных ассириологов: Ф. Тюро-Данжен (6), А. де ла Фюи (5), Э. Вейднер (1), К. Бецольд (3), А. Гетце (1), Ааге Шмидт (2)[10]. Эта переписка – ценное свидетельство важнейшего этапа становления отечественной ассириологии, указывающее на место Ш. среди его зарубежных коллег. Издатель опубликовал с купюрами лишь четыре письма Тюро-Данжена (с. 480–482) и четыре письма А. де ла Фюи (с. 482–486), вместо того чтобы опубликовать целиком все письма вместе с черновиками писем Ш. к Вейднеру, которые также хранятся в архиве (с. 478, прим. 6). Публикация этого нового, актуального для данного издания материала была бы несомненно обоснованнее, чем почти дословное повторение в разделе X (с. 539–552) другой статьи Ем., которая во время подготовки издания «А.-В. Э.» была уже отослана в ВДИ[11].

В-четвертых, приступая к характеристике переводов Ш., Ем. приводит слова Вяч. Вс. Иванова: Шилейко «первому удалось найти способ ритмически точной передачи аккадского стиха с помощью русского дольника, в котором ведется счет числу ударений, но допускается значительное разнообразие в числе безударных слогов между ударениями. Такой стих выработан в русской поэзии начала XX в., и здесь Шилейко принадлежит значительное открытие: он первым (а за ним – все последующие переводчики) использовал этот новый в русской поэзии размер в переводах с аккадского, что придало им ритмическую новизну при максимальном приближении к ритмам подлинников» (с. 535; цит. по работе Иванова). Издатель вторит Иванову: «В области художественного перевода Шилейко совершил подвиг, равный подвигу Н.И. Гнедича, когда стал переводить шумеро-аккадские литературные тексты в близком метрическом соответствии с оригиналом» (с. 553). К сожалению, Ем. никак не продемонстрировал это достижение наглядно. Один раз он попытался сравнить перевод Ш. с оригиналом, сопоставив неоднократно публиковавшийся стихотворный перевод Ш. «Скорбь, как воды речные...» с его аккадским эквивалентом (текст написан на шумерском и аккадском языках, с. 541–543), и пришел к выводу, что в данном переводе используется четырехстопный анапест, а аккадский текст «состоит из строк разной длины, количество ударных слогов в строках весьма различно, и при всем желании здесь нельзя выявить какого-либо размера» (с. 547–548). Этот текст относится к специфическому жанру заговора, а для сравнения имело смысл взять литературный (эпический) текст, причем Ш. сам подсказал, какой: «Хождение Иштар» (с. 101) или «Эпос о Гильгамеше» (с. 357–358).

В-пятых, по существу отсутствует оценка «А.-В. Э.». Издатель провозглашает, что «переводы Шилейко живут и будут живы всегда» (с. 472), но освещает только формальную сторону дела, как то: история рукописи, рубрикация, степень подготовки к печати (с. 507–519, 571–572). В результате не очень понятна собственно мотивация предпринятого издания. Можно было, например, привести емкое и содержательное заключение Вяч. Вс. Иванова: «Замечательный русский ученый В.К. Шилейко был первым, кто перевел всю ему известную совокупность древнемесопотамских поэтических текстов с оригинала на русский язык. Тогда, в 20-е годы, аналогичных собраний переводов на новых европейских языках не было. Они появились ближе к нашему времени. Но ни одному из подобных европейских изданий не удалось воплотить такого соединения одаренности переводчика с научным проникновением исследователя, которое было уникальным свойством Шилейко. Поэтому, несмотря на значительные собственно филологические достижения переводчиков новейшего времени, поэтические результаты В.К. Шилейко остались непревзойденными»[12].

---

[8] *Грибов.* Ук. соч. С. 99; *Иванов Вяч. Вс.* В.К. Шилейко. Очерк творчества // Памятники и люди. М., 2003. С. 76–77.

[9] *Дьяконов И.М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 366.

[10] *Шилейко Т.И., Шилейко А.В.* «Основные даты жизни и творчества В.К. Шилейко» (с. 556–563).

[11] *Емельянов В.В.* «Скорбь, как воды речные...»: текст и перевод // ВДИ. М., 2007. № 3. С. 67–86. Здесь Ем. пишет: «В настоящее время рукопись («А.-В. Э.» – *Г. К.*) подготавливается автором этой статьи к изданию в серии "Литературные памятники"» (с. 69, прим. 6).

[12] *Иванов Вяч. Вс.* О поэзии древнего Двуречья // Всходы вечности. Ассиро-вавилонская поэзия в переводах В.К. Шилейко. М., 1987. С. 14–15.

К сожалению, в статье Ем. немало недостоверных сведений, необоснованных утверждений, противоречивых оценок. Приведем лишь некоторые примеры.

Ем. пишет: «С 26 августа 1909 г. он (Ш. – *Г.К.*) уже числится студентом по этому экзотическому отделению, которое <...> официально называлось "еврейско-арабско-сирийским разрядом" <...> Основал эту специальность еврей Д.А. Хвольсон – блестящий знаток библейской экзегезы и арамейских надписей, прославившийся своей монографией о жизни североиракской секты сабиев (...) К сожалению, до нас не дошли студенческие конспекты Шилейко, зато дошел перечень курсов и спецкурсов, из которого можно узнать о программе еврейско-арабско-сирийского разряда в 1909–1914 гг. (...) В перечне спецкурсов отсутствует арамейский язык (с сирийским как его разновидностью), так что остается неизвестным, читал ли его Коковцов[13] в эти годы» (с. 475–476). Ссылок у Ем. нет, а между тем здесь – ряд неточностей. На самом деле в 1909–1914 годах Коковцов преподавал сирийский язык[14]. В 1911–1912 уч. г. он читал курс «Семитическая эпиграфика», в котором изучались и арамейские надписи[15].

Что касается Даниила Абрамовича Хвольсона (1819–1911), то он, сын бедного еврея-торговца, при рождении получил имя Иосиф, которым и подписан его первый печатный труд. При крещении Хвольсон был назван Даниилом. В 1855 г. уже известный семитолог, доказавший, что «сабии» Корана – это вавилонские гностики (мандеи), Д.А. Хвольсон занял кафедру еврейской, сирийской и халдейской словесности на факультете восточных языков Императорского С.-Петербургского университета. Среди его учеников был и П.К. Коковцов. Хвольсон принимал самое деятельное участие в переводе на русский язык библейских ветхозаветных книг, тем самым содействуя подготовке Синодального перевода Библии. В своей известной книге[16] он, профессор университета и Духовной Академии, чл.-кор. Императорской Академии наук, «... счел нравственным долгом возвысить свой авторитетный голос в защиту еврейского народа от нелепого обвинения в употреблении христианской крови для ритуальных целей». Это обвинение (так называемый «кровавый навет») не раз служило поводом для еврейских погромов в России[17].

Ем. сообщает: «Студент (Ш. – *Г.К.*) влюбился в шумерский язык, но П.К. Коковцов никакого шумерского языка не признавал, вслед за И. Галеви считая его тайнописью вавилонских жрецов. Коковцов был одинокий человек строгих правил, убежденный филолог и никаких занятий, кроме лингвистики и описания рукописей не одобрял». При этом издатель ссылается на работы о Коковцове И.Ю. Крачковского и В.В. Струве (с. 476)[18], но трактует их, мягко говоря, вольно.

Вот что пишет Крачковский о научных интересах и человеческом облике Коковцова в статье, на которую ссылается Ем.: «В своей области – области семитологии (...) он более полвека являлся у нас достойным и единственным представителем всех ее отраслей (...) История и археология были близки ему не менее, чем язык, литература и философия (...) Будучи типичным кабинетным ученым, П.К. Коковцов чувствовал себя всегда и общественным деятелем. Многие из студентов бывшего факультета восточных языков могли поселиться в Петербурге и получить специальное образование только благодаря его энергичному заступничеству. История нашего общественного

---

[13] Акад. Павел Константинович Коковцов (1861–1942), крупнейший русский семитолог, преподавал Ш. различные семитские языки, в том числе аккадский; см. *Грибов.* Ук. соч. С. 94.

[14] Обозрение преподавания наук по факультету восточных языков Императорского С.-Петербургского университета в осеннем полугодии 1909 года и в весеннем полугодии 1910 года. СПб., 1909. С. 11. Те же сведения см.: Обозрения, опубликованные в 1910 г. (с. 12), 1911 г. (с. 13), 1912 г. (с. 16), 1913 г. (с. 16).

[15] Обозрение преподавания наук по факультету восточных языков... СПб., 1911. С. 13.

[16] *Хвольсон Д.А.* О некоторых средневековых обвинениях против евреев. Историческое исследование по источникам. Второе, совершенно переработанное издание. СПб., 1880.

[17] *Коковцов П.К.* Д.А. Хвольсон. 1819–1911. Некролог // Известия Императорской Академии Наук. СПб., 1911. С. 741–750 (цит. с. 746).

[18] *Крачковский И.Ю.* П.К. Коковцов в истории русского востоковедения (1861–1942) // *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. М.–Л., 1958. Т. V. С. 416–427; *Струве В.В.* П.К. Коковцов как ассириолог // Эпиграфика Востока. 1953. VIII. С. 3–9.

развития не должна забывать его полных гражданского мужества слов на печальной памяти процессе Бейлиса[19] в 1913 г.»[20].

Действительно, существование шумерского языка Коковцов долго не признавал, спорил с первым русским шумерологом М.В. Никольским и с Ш., но с течением времени, еще при жизни Ш., изменил свою точку зрения. В некрологе И. Галеви, который Коковцов написал с большим запозданием для того, чтобы «...уделить в нем место ближайшему рассмотрению аргументации Галеви ⟨...⟩ и по так называемому "сумерийскому" вопросу», Коковцов приходит к выводу, что «...в вопросе о реальном существовании сумерийского языка и сумерийского народа Галеви не удалось отстоять своего мнения и убедить противников в том, что язык так называемых сумерийских текстов представляет в действительности только иной, аллографический способ передачи семитического ассиро-вавилонского языка»[21]. Струве в упомянутой статье особо подчеркивает этот вывод Коковцова[22].

Имея, вероятно, только самые общие представления о круге интересов Александра Павловича Рифтина (1900–1945), издатель позволяет себе весьма поверхностно и небрежно судить о научном потенциале виднейшего отечественного ассириолога и педагога. Рассуждая о том, что Ш., не привлекая никого из коллег, не мог справиться с текстологией и реальным комментарием к переведенному им корпусу текстов, Ем. замечает: «Никого из коллег в России и не было. Ученик Шилейко А.П. Рифтин не мог быть помощником в этом деле, поскольку занимался юридическими текстами и сравнительным языкознанием» (с. 519, прим. 34). При этом какие-либо ссылки отсутствуют.

Между тем Крачковский писал о Рифтине: «Уже в первые годы здесь (в студенческой аудитории. – *Г.К.*) сказалась вся его оригинальность как ученого, широта кругозора, позволившая быстро ориентироваться на пролагаемом по целине пути ⟨...⟩ Работу над коллекцией Н.П. Лихачева А.П. начал на студенческой скамье и с неустанным терпением и настойчивостью продолжал до последних дней, постепенно расширяя свои исследования и на другие наши коллекции, главным образом Государственного Эрмитажа и Московского музея изящных искусств ⟨...⟩ Вводя в обиход науки новый материал, он всегда старается в немногословном комментарии анализировать его всесторонне, не только в лингвистическом, но и в культурно-историческом отношении»[23]. Образцовая монография Рифтина «Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР» (М.–Л., 1937) давно вошла в круг источников основных аккадских словарей[24]. Его интересовали как вопросы общего и сравнительного языкознания, так и отдельные проблемы шумерского и аккадского языков[25]. Рифтин приложил немало усилий для создания в ЛГУ кафедры семитских языков и литератур и возглавил ее. На впервые созданном ассириологическом отделении этой кафедры он читал введение в ассиро-вавилонскую филологию, курсы шумерского, аккадского и хеттского языков, вавилонскую литературу и спецкурс по вавилонскому праву. Именно из ассириологической школы Рифтина вышли И.М. Дьяконов (1915–1999) и Л.А. Липин (1908–1970), непосредственные учителя большинства ныне действующих отечественных ассириологов. Несколько лет Рифтин был деканом филологического факультета ЛГУ[26].

---

[19] В 1911–1913 годах в Киеве проходил получивший широкий резонанс в России и за рубежом, сфабрикованный судебный процесс по обвинению мещанина Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве мальчика-христианина А. Ющинского и закончившийся оправдательным приговором суда присяжных. На процессе Коковцов был одним из экспертов и, как говорилось в полицейской депеше, дал заключение «...исключительно благоприятное для защиты, восхваляя догматы еврейской религии, не допуская даже возможности совершения ими религиозных убийств» (Дело Бейлиса: исследования и материалы. Москва–Иерусалим, 1995. С. 267).

[20] *Крачковский.* П.К. Коковцов в истории русского востоковедения... С. 416–417.

[21] *Коковцов П.К.* Иосиф Галеви. 1827–1917. Некролог // Известия Академии Наук СССР. 1926. Т. XX. VI сер. № 15–16. С. 1417–1444 (цит. с. 1417, прим. 1 и с. 1442).

[22] *Струве.* Ук. соч. С. 7.

[23] *Крачковский И.Ю.* Памяти ученика // Уч. зап. ЛГУ. №. 69. Сер. филол. наук. Вып. 10. Л., 1946. С. 3–7.

[24] *Soden W. von.* Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1965–1981 (AHw); The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago, 1956- (CAD).

[25] *Берков П.Н.* Аннотированный список печатных трудов А.П. Рифтина (1900–1945) // Уч. зап. ЛГУ. № 69. Сер. филол. наук. Вып. 10. Л., 1946. С. 12–14.

[26] *Берлев О.Д., Грибов Р.А.* Египтология и ассириология в Ленинградском университете // Востоковедение в Ленинградском университете. Уч. зап. ЛГУ. № 296. Сер. востоковедческих наук. Вып. 13. 1960. С. 170–171.

Весьма противоречивые оценки дает Ем. самому Ш. С одной стороны, нередко называет гением (с. 472 и др.), относит к «плеяде титанических фигур» (с. 473), правда, иногда несколько фамильярно называет его «наш герой» (с. 487 и др.), отмечает, что Ш. «помнят и чтут ассириологи всего мира, его не забыли потомки русских эмигрантов» (с. 468–469, к сожалению, отсутствуют какие-либо ссылки). С другой стороны, утверждает, что современники Ш. оценивали его заслуги несколько иначе. По мнению Ем., письма французских ассириологов к Ш. показывают, что «...западные коллеги проявляли интерес не к концепциям и гипотезам российского специалиста (нередко представавшим в виде "изобретенного велосипеда" (?! – *Г.К.*)), а к памятникам древней культуры, хранившимся в российских частных собраниях» (с. 487). Далее в примечании читаем: «Обращение к текстам этих писем позволяет опровергнуть легенду, вышедшую из уст Ахматовой (...): "Он был очень талантлив, еще студентом он получил открытку от выдающегося французского ученого: "...нам скоро придется изучать русский язык в связи с Вашими работами" (...) В семье Шилейко также было принято рассказывать о восторженных отзывах Тюро-Данжена по поводу познаний В.К. Шилейко (...) Что же касается слов о том, что французы будут изучать русский язык для чтения работ Шилейко, то (...) все обстояло прямо противоположным образом: чтобы быть понятым коллегами, Шилейко должен был печататься только на европейских языках. Никаких восторгов по поводу познаний Шилейко его французские корреспонденты не высказывали (...) Даже в соболезновании, присланном В.К. Андреевой-Шилейко, Тюро-Данжен отзывается о заслугах ее супруга беспафосно и скупо...» (с. 487, прим. 9).

Поводом для всех этих рассуждений Ем. явилось то, что, судя по письмам французского ассириолога А. де ла Фюи, гипотеза относительно последовательности правителей шумерского г. Лагаша от Энентарзи до Урукагины была одновременно выдвинута как Ш., так и самим А. де ла Фюи, а последовательность правления царей от Лугальзагеси до Шаркалишарри была установлена Тюро-Данженом раньше, чем это сделал Ш. (с. 482). Но из этого необязательно делать вывод, что западные ученые не проявляли интерес к концепциям и гипотезам Ш. Зная, как плохо поступает в Россию литература по ассириологии (с. 482–484), у них, скорее, могло вызвать удивление то, что Ш. сумел прийти к аналогичным выводам. Ем. сам писал, что Тюро-Данжен «высоко оценивает шумерологические познания Шилейко» (с. 479). Соболезнование Тюро-Данжена действительно беспафосно и немногословно, но оно небанально и искренне: «Мы испытывали глубокое уважение к работам Вашего оплакиваемого супруга, который с честью представлял в области ассириологии русскую науку, – его уход оставил пробел, который мы все живо ощущаем» (с. 487, прим. 9). Фр. Делич, выдающийся немецкий ассириолог, современник Ш., в одном из писем к русскому египтологу О. Лемму писал, что надеется найти время для изучения русского языка, чтобы самостоятельно читать русские работы (письмо находится в печати. – *Г.К.*). Возможно, и корреспондент Ш., о котором рассказывала Ахматова, желал того же.

Издатель неоднократно отмечает большие заслуги Ш. перед наукой и культурой: «Он (Ш. – *Г.К.*) не перестает быть совершенно самобытным явлением, оказавшим значительное влияние как на развитие исторической науки, так и на поэтику своих товарищей – акмеистов...» (с. 469). «Шилейко-филолог дал множество образцовых изданий древних памятников, позволивших коллегам на их основе делать точные переводы и историко-теоретические обобщения. Шилейко-культуролог обогатил своими идеями сравнительное литературоведение и историю культуры, существенно повлияв на русских структуралистов. Шилейко-поэт повлиял своим присутствием, своими спорами и консультациями на поэтику и лексику больших мастеров литературы Серебряного века. Шилейко-переводчик изобрел язык и стиль русских переводов с клинописных языков, совершив подвиг, подобный подвигу Н.И. Гнедича, давшего образец русскоязычного Гомера. Все эти аспекты его влияния многократно анализировались специалистами в каждой области» (с. 528; жаль, что нет никаких ссылок). «Шилейко читал шумерские тексты в ту "детскую" пору ассириологии, когда не существовало ни словарей, ни грамматик шумерского языка[27] (...) в условиях той эпохи максимально правильные чтения и переводы могли давать только истинные гении филологии» (с. 553).

С этими восторженными высказываниями явно диссонирует неожиданно нелестное мнение Ем. о научных возможностях Ш.: «Можно с большой долей вероятности полагать, что комментарий к данному корпусу («А.-В. Э.» – *Г.К.*) был неподъемен для Шилейко как в силу его нежелания обращаться к сложным текстологическим материям, так и вследствие недостаточной подготовки

[27] Справедливости ради отметим, что был словарь: *Delitzsch Fr.* Sumerisches Glossar. Lpz, 1914; были и грамматики, см. *Канева И.Т.* Шумерский язык. СПб., 2006. С. 9.

в области послешумерской истории Месопотамии. Впрочем, есть и третье объяснение – поэтическая натура переводчика, его интерес ко множеству мелких тем и нежелание сосредоточиться на одной большой работе» (с. 519).

Факты свидетельствуют об обратном. Во-первых, Ш. живо интересовали вопросы текстологии. Например, в предисловии к поэме «Хождение Иштар» Ш. пишет об истории текста. Он сообщает, что известны две редакции поэмы, и высказывает предположение, что они восходят к более раннему подлиннику (с. 99). После смерти Ш. это подтвердилось[28]. Во-вторых, еще в начале своей научной деятельности Ш. написал большую энциклопедическую статью «Вавилония», в которой достаточно подробно описал историю Южной Месопотамии от шумерского периода до первых веков н.э.[29] В-третьих, ко времени создания «А.-В. Э.» Ш. уже написал замечательную монографию «Вотивные надписи шумерийских правителей» (Пг., 1915), за которую был награжден большой серебряной медалью Русского Археологического общества и которую сам Ем. высоко оценивает (с. 528–530). Эта работа – образцовое издание 35 шумерских надписей. Им предшествует обширное введение, которое, по мнению, И.М. Дьяконова, было одним из лучших исследований по истории Шумера, сохранявшим свое значение многие десятилетия[30]. Об одной из последних работ ученого, инвентаре глиняных табличек ГМИИ, впечатляющем и по объему, и по содержанию, уже говорилось выше.

Если бы от Ш. потребовался комментарий к «А.-В. Э.», а здоровье и жизненные обстоятельства позволили бы ему сделать это, то нет никаких оснований сомневаться в том, что ученый такого масштаба справился бы с этой задачей.

Пустившись в крайне странные рассуждения о том, что Ш. вовремя умер, Ем. утверждает: «Не было в нем веры Лосева, духовной стойкости Проппа и Бахтина, не было и изворотливости Шкловского. Озадачить себя большой работой на долгие годы, как Лозинский, Шилейко также не смог бы. По складу ума он был аналитик и миниатюрист, широкие полотна создавать не умел, методично и долго работать над большой вещью не мог. Нужно признать, что смерть тоже имеет свою логику» (с. 526).

Причем тут логика смерти?! От холода, голода и чахотки (с. 522, 524) в 39 лет умер «талантливейший и лучший»[31] отечественный ассириолог, осталась одна в трудное время его жена с четырехлетним сыном. К чему все эти досужие рассуждения и обидные бездоказательные утверждения?!

Ем. считает, что «...после 1917 г. Шилейко перестает интересоваться вопросами социальной истории (хотя продолжает публиковать тексты политико-экономической тематики до середины 20-х гг.)». С этих пор, по мнению Ем., Ш. перестает быть «...исследователем, потому что глубоко не интересовался социальной действительностью, стоящей за текстом» (с. 530–531).

Чтобы сделать такое заявление, необходим был анализ соответствующих публикаций Ш., но издатель даже не дает их обзора! А ведь в этих своих работах Ш. приводит транслитерации, переводы, часто автографии текстов на шумерском, аккадском, хеттском, древнеперсидском языках, написанных разными видами клинописи. Некоторые из текстов фрагментированные, т.е. особенно трудные для прочтения и интерпретации. Палеографическая и филологическая работа со всеми этими текстами – уже глубокое исследование[32]; недаром статья с публикациями староассирийских табличек[33] вошла в круг источников CAD (см. прим. 24).

Большое внимание издатель уделяет обсуждению вопроса о том, почему рукопись «А.-В. Э.» не была опубликована ранее, причем и в этом случае рассуждения Ем. оказываются и противоречивыми, и надуманными. В то время как на одной странице издатель пишет: «Что происходит с ней (рукописью «А.-В. Э.» – *Г.К.*) в 1920–1930 гг. – совершенно неизвестно» (с. 514), на следующей странице он резюмирует: «В разные годы рукопись нельзя было печатать по разным причинам. В 20-е гг. ее могли не принять из-за плохой подготовки к печати (отсутствие четкой композиции, предисловия, комментариев и библиографии). В материалистические 30-е гг. она

---

[28] *Грибов.* Ук. соч. С. 99.

[29] *Шилейко В.К.* Вавилония // Новый энциклопедический словарь. СПб. Т. 9. Столбцы 186–217 (выходил после 1910 г.).

[30] *Дьяконов И.М.* Изучение клинописи в СССР за 30 лет // ВДИ. 1947. № 3. С. 43.

[31] *Рифтин А.* В. К. Шилейко. 2(14)–II–1891–5–X–1930 // Сборник египтологического кружка при Ленинградском Государственном университете. Л., 1930. С. 1.

[32] *Иванов.* В.К. Шилейко. Очерк творчества... С. 75–76.

[33] *Шилейко В.К.* Документы из Гюль-тепе // Известия Российской Академии истории материальной культуры. 1921. Т. I. С. 356–364.

была идеологически неактуальна. В 40-е шла война. В послевоенные годы не нашлось специалиста, который смог бы определить источники переводов, указать время и место их публикации и дать хотя бы минимальный ассириологический комментарий к каждой части книги. Камнем преткновения был и спор между семьей Шилейко и любым потенциальным редактором: следовало издавать рукопись в том виде, как она есть, не делая никаких подчисток и подновлений в тексте. Это было неприемлемо для ассириологов младших поколений, которые хотели издать не каноническую рукопись переводчика Шилейко, а корректный перевод клинописного текста, интересный современному читателю» (с. 515–516).

Между тем Ем. приводит только один официальный документ, где излагаются издательские требования к «А.-В. Э.»: «В.М. Алексеев пишет в "Годовом отчете о деятельности коллегии экспертов Восточного отдела "Всемирной литературы" (28 апреля 1919 – 28 апреля 1920 г.)": В отделе "Вавилоняне и ассирийцы" В.К. Шилейко изготовлен том переводов "Ассиро-вавилонский эпос", к отдельным частям которого в ближайшем будущем ожидается несколько предисловий» (с. 509; цит. по работе Алексеева). Из документа видно, что после сдачи первоначальной рукописи «А.-В. Э.» ничего, кроме предисловий[34], от Ш. не требовали.

Напомним, что в послевоенные годы развернулась деятельность И.М. Дьяконова, одного из крупнейших ассириологов второй половины XX в. Следуя логике Ем., Дьяконов, видимо, тоже не смог бы дать минимальный ассириологический комментарий к «А.-В. Э.»! Каких «ассириологов младших поколений» имеет в виду Ем., не ясно. Но вот как оценивал переводы Ш. Дьяконов: «Мне очень не хотелось бы самому проделывать заново труд (т.е. перевод «Эпоса о Гильгамеше» и поэмы «Энума Элиш». – *Г.К.*), уже исполненный таким мастером в области как ассириологии, так и стихотворного перевода, как покойный проф. Шилейко. Не имеется ли в оставшихся бумагах его полного перевода этих поэм?» (Из письма к Т.Н. Савельевой, с. 465). «Имело бы смысл хотя бы до них (студентов-ассириологов. – *Г.К.*) довести содержание замечательной работы Владимира Казимировича» (из письма к В.К. Андреевой-Шилейко, с. 461).

Не могут не удивлять и рассуждения издателя о публикациях европейских ученых: «Можно предположить, что переводчик (Ш. – *Г.К.*) хотел сделать русскоязычный вариант свода клинописной литературы, подобный двухтомному корпусу П. Йензена или однотомнику П. Дорма ⟨...⟩ В те времена были известны лишь немногие фрагменты больших эпических поэм, поэтому нагнать достаточный книжный объем только за счет литературных текстов было невозможно. Европейские исследователи прибегали к двум способам увеличения объема: во-первых, они помещали перевод вместе с транслитерацией клинописного текста (слева транслитерация, справа – перевод, внизу – построчный комментарий); во-вторых, они разбавляли литературные тексты записями ритуалов и помесячных предсказаний» (с. 517).

Европейские исследователи, конечно, меньше всего думали об увеличении книжного объема, когда работали над транслитерацией и построчным комментарием, так как в научном издании клинописных текстов эти вещи наряду с автографией гораздо ценнее перевода. Наглядным примером этому может послужить строка 66 из заговора, приводимого в статье, которую Ем. переводит следующим образом: «внутри него огонь разжег, рыб его подпалил» (с. 541). Этот перевод неверен, как показывает приводимая самим Ем. транслитерация аккадского варианта заговора: *ina lìb-bi-šú i-šá-tu i-šar-rap nu-ni-šú ú-šab-šal.* 1) *bašālu(m)* в породе Š означает «варить», а не «подпалить», см. AHw 111a, где есть сноска на этот текст; 2) глаголы стоят в форме презенса, а основное значение презенса в прошедшем времени – длительное действие, а не однократное (пунктив), GAG[35] § 78 e, f; 3) если позволяет контекст, то формы презенса предпочтительнее переводить настоящим временем, GAG §78 c. Таким образом, возможны варианты перевода: а) «внутри него огонь разжигал, рыб его варил»; б) «внутри него огонь разжигает, рыб его варит»[36].

---

[34] В отчете есть некоторые разъяснения по поводу предисловий: «Приходилось рассматривать предисловия и с научной стороны, и со стороны эмоциональной, привлекающей читателя к книге ⟨...⟩ Вместе с тем приходилось оценивать предисловие со стороны его понятности среднему читателю, особенно в народном издании» (см. *Алексеев В.М.* Наука о Востоке: статьи и документы. М., 1982. С. 254).

[35] *Soden W. von.* Grundriss der Akkadischen Grammatik. 3. erg. Aufl. Analecta Orientalia. 33. Roma, 1995.

[36] Издатели этого текста переводят настоящим временем: *Fossey C.* La Magie Assyrienne. P., 1902. P. 438–439. L. 41 (*dans ses profondeurs il allume le feu, ses poissons il les fait cuire*); *Schollmeyer A.* Sumerisch-babylonische Hymnen und Gebete an Šamaš // Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums I. Paderborn, 1912. S. 33, 39. Z. 44 (*In seiner Mitte entzündet er ein Feuer, seine Fische kocht*

Примечания к текстам Ш. занимают 43 страницы (с. 571–613), т.е. вдвое меньше (!), чем статья самого Ем. Издатель без всякой аргументации заявляет: «В переводах В.К. Шилейко встречаются ошибки (особенно в шумерской части корпуса), а зачастую и примеры поэтической фантазии переводчика. Указывать на такие ошибки в каждом случае не представляется возможным, иначе нужно было бы дать в примечаниях множество новых переводов. Поэтому наиболее спорные и интересные случаи интерпретации оговариваются отдельно, а современные переводы текстов и развернутые комментарии к ним читатель сможет найти в рекомендованных научных публикациях» (с. 578).

Создается впечатление, что Ем. нередко называет ошибками устаревшие чтения и переводы тех или иных слов и выражений. Например, бог-покровитель диких зверей Шаккан у Ш. назван Гирра, в своей статье Ем. это чтение называет «устаревшим» (с. 541, прим. 59), а в примечаниях к «А.-В. Э.» – «ошибочным» (с. 600, прим. 1; с. 602, прим. 2). Устаревшие к настоящему моменту чтения и переводы у Ш. – это не ошибки, а дань времени. А вот использование устаревшего перевода в современной работе, как делает сам издатель, – это действительно ошибка. Например, к слову «душа» в строке Шилейко «душу в гортани ему повяжи ты» (из книги «Злые болезни», с. 208) Ем. делает несколько странное примечание: «Душа (*напишту*)[37] помещалась в области рта и в случае смерти выходила оттуда. Чтобы она не вышла, горло следовало перевязать» (с. 603, прим. 3). В современных словарях аккадского языка значение *napištu(m)* определяется как «горло, жизнь, живое существо, средства к существованию, дыхание» и др., но не «душа» (AHw 738; CAD N1 296).

По нашим подсчетам, к текстам Ш. издатель сделал всего 387 примечаний (маловато для работы в 13 559 строк (с. 528) плюс разные дополнения), новые переводы даны в 134 примечаниях, при этом в 72 – даже не приводятся переводимые заново слова или словосочетания древнего текста (с. 583–584, прим. 2–4, 7, 9, 10, 13, 16–20, 22–26, 28–29 и др.), т.е. нет никаких обоснований нового перевода[38].

В архиве семьи Лозинских издатель обнаружил еще один вариант перевода поэмы «Хождение Иштар», предназначавшийся для журнала «Аполлон». В комментарии к «Хождению Иштар» Ем. опубликовал только предисловие и примечания Ш. к этому варианту (с. 591–593), а из самого перевода зачем-то сделал 80 примечаний (с. 594–596, прим. 2–81) к варианту, содержащемуся в «А.-В. Э.» (с. 101–105), например:

В «А.-В. Э.»	В примечаниях у Емельянова
Дочерь Сина (с. 101)	Дочь Сина (с. 594, прим. 3)
В темноте (с. 101)	Во тьме (с. 594, прим. 7)
Как птицы (с. 101)	Будто бы птицы (с. 594, прим. 8)
Чтобы вошла я (с. 101)	Чтобы войти мне (с. 594, прим. 13)
Возлей (с. 105)	Полей (с. 595, прим. 69)
Помажь (с. 105)	Умасти (с. 595, прим. 70)

Думается, что публикация полного текста найденного перевода была бы гораздо полезнее, а места заняла бы, вероятно, не намного больше, чем эти примечания.

Неприятное впечатление оставляют такого рода оценки переводов Ш.: «неверное чтение»/«неверный перевод»/«неверное понимание» (с. 579, прим. 12; с. 582, прим. 8; с. 589, прим. 1 и др.); «перевод изобилует ошибками и неверными интерпретациями множества строк» (с. 608, прим. 2); «нелогичный домысел переводчика» (с. 590, прим. 3); «фантазия переводчика» (с. 608, прим. 3). Неужели нельзя было выразиться более уважительно и академично, и к тому же более обоснованно?!

---

er); *Borger R.* Das dritte «Haus» der Serie Bīt Rimki (VR 50–51, Schollmeyer HGŠ NR. 1) // Journal of Cuneiform Studies. 1967. 21. P. 8, 14. L. 66 (*darin zündet er Feuer an und kocht ihre Fische*).

[37] При транскрибировании клинописных текстов Ем. бессистемно прибегает то к латинице, то к кириллице, хотя в мировой ассириологии существует общепринятая система транскрибирования на базе латиницы.

[38] Даже при приведении текста нередко нужно доказывать свой перевод. Например, Ем. пишет: «Через семьдесят пять лет после ухода он (Ш. – *Г.К.*) оказался близок и необходим всем, в ком не угасло чувство сопричастности человечеству и человеческому – тому, что в языке шумеров передавалось сложным существительным *нам-лу-улу* "судьба человеческого рода"» (с. 469). Шумерское слово *nam-lú-ulù* в примерах из грамматики И.Т. Каневой означает «люди» (с. 57, 83, 117, 127, 170, 197), «население» (с. 98), «жители» (с. 114, 151) (*Канева.* Ук. соч.). Откуда взял Ем. приводимое им значение, не известно, поскольку ссылки отсутствуют.

В отношении современных, в том числе и собственных переводов Ем. нередко замечает: «правильно»/«правильный перевод» (с. 582, прим. 5; с. 585, прим. 4, 8–11 и др.), «нужно переводить» (с. 580, прим. 9), «должно понимать» (с. 581, прим. 15). Почему «правильно» и «должно», читателю обычно остается неясно.

Издатель не всегда отмечает значительные расхождения между переводами, опубликованными при жизни Ш. и содержащимися в «А.-В. Э.». Например, в надписи Варад-Сина в прижизненном издании: «в этой чистой стене», «годы изобилия»[39], а в «А.-В. Э.»: «в этой чистой стране», «воды изобилие» (с. 65, строки 31, 36). В примечаниях к этому тексту никаких пояснений нет (с. 587).

Некоторые специфические тексты, мало вразумительные для неспециалиста, требовали дополнительных комментариев. Например, о «Предсказаниях по рождениям» типа «Если у женщины родится лев... бык... рыба...» (с. 276–277) можно было сообщить, что в древности при описании аномалий у новорожденных использовали сравнение с животными[40], как это практикуется и в современной медицине[41]. В примечаниях к мандейскому тексту (с. 613) уместно было дать справку о мандеях, тем более что есть литература на русском языке[42].

Наиболее существенным упущением является отсутствие раздела, в котором сообщались бы необходимые сведения по истории, религии и культуре древней Месопотамии с тем, чтобы «А.-В. Э.» был понятен не только ассириологам, но и широкому кругу читателей авторитетной серии «Литературные памятники».

В указателе имен собственных и географических названий (с. 619–638) нередки случаи недостаточной или неточной информации, например: «Гетце А. – востоковед-хеттолог». (В действительности это был выдающийся ассириолог широкого профиля, в частности, замечательный аккадист, а не только хеттолог.) «Иванов Вяч.Вс. – лингвист, историк культуры». (Кроме того еще и крупнейший востоковед-хеттолог, что и позволяет ему самым квалифицированным образом судить о научных работах Ш.) «Ишуллану – в аккадской мифологии садовник, соблазнивший Иштар». (Наоборот: богиня Иштар соблазняла Ишуллану – с. 362.) «Пиотровский Б.Б. – археолог». (Широко известно, что это был, прежде всего, видный востоковед-египтолог, выдающийся урартолог.) «Струве В.В. – востоковед-египтолог, историк древнего мира». (В действительности еще и крупный ассириолог, шумеролог. Можно предположить, что в своих шумерологических занятиях Ем. не раз имел дело с трудами акад. Струве.)

В заключение следует признать, что долгожданная публикация труда В.К. Шилейко «Ассиро-вавилонский эпос», к сожалению, не стала событием в отечественной ассириологии, и вот почему.

1. Авторский текст «Ассиро-вавилонского эпоса» В. К. Шилейко опубликован с подновлениями В.В. Емельянова. Это неприемлемо с точки зрения научной текстологии, не соответствует статусу серии «Литературные памятники» и грифу «Научное издание».

2. «Ассиро-вавилонский эпос» снабжен минимальным комментарием, в котором нет главного – раздела с изложением нужных сведений по истории, религии и культуре древней Месопотамии, чтобы труд В.К. Шилейко был понятен не только узким специалистам, но и широкому кругу читателей, которому он был адресован в первую очередь.

3. Статья В.В. Емельянова «В.К. Шилейко и его "Ассиро-вавилонский эпос"» представляет собой беллетризированную биографию В.К. Шилейко, в которой слабо освещена его научная деятельность. В ней нет сколько-нибудь полного обзора научных работ В.К. Шилейко, не продемонстрированы выдающиеся достижения В.К. Шилейко в переводах древних литературных (эпических) текстов в сопоставлении с оригиналом, нет содержательной оценки «Ассиро-вавилонского эпоса». Статья содержит целый ряд недостоверных сведений и необоснованных утверждений.

4. Большое сожаление вызывает и то, что В.В. Емельянов не проявил, по нашему мнению, должного уважения к нашим учителям и предшественникам, в том числе и к самому В.К. Шилейко.

Г.Х. Каплан

---

[39] *Шилейко В.К.* Вотивные надписи шумерийских правителей. Пг., 1915. С. 22. Строки 11, 16. Перевод полностью соответствует тексту, опубликованному в транслитерации.

[40] *Leichty E.* The Omen Series šumma izbu // Texts from Cuneiform Sources. Vol. IV. Locust Valley–New York, 1970. P. 16–19.

[41] Ср. «губа заячья», «рот рыбий» (вид аномалии в сердце), см.: Большой словарь медицинских терминов. М., 2007. С. 261, 731.

[42] Мандеи: история, литература, религия / Под ред. А.С. Четверухина. СПб., 2002.

Еще один перевод в том же духе «исправления» Валерия Максима: «*Рассказывают, что какой-то необыкновенный ребенок родился на голове слона...*» (I. 6. 5). Роды на голове слона – это действительно необычно. На самом деле переводчик объединил здесь две фразы, перевод которых звучит так: «Поверили, что шестимесячный ребенок на Бычьем форуме крикнул "триумф", а другой родился с головой слона...» (credita sunt, puerum infantem semenstrem in foro Boario triumphum clamasse, alium cum elephantino capite natum...).

Просто поразителен перевод конца параграфа о гибели консула Г. Фламиния (I. 6. 6): «*и похоронили все, что от него осталось, предав земле таким образом и римское государство*» (ad funerandum... qui, quantum in ipso fuerat, Romanum sepelierat imperium). Смысл же фразы весьма прост: Ганнибал приказал разыскать для захоронения тело Г. Фламиния, «который, насколько от него зависело, похоронил (погубил) римское государство». Здесь единственная проблема – кого понимать под относительным местоимением qui, Ганнибала или Фламиния.

Меня, довольно давно занимающегося коллегией авгуров, весьма заинтересовало, где переводчик нашел следующую информацию: Октавий «*вырезал на статуе знак ð – печальный знак авгуров*» (I. 6. 10). Речь здесь идет о «зловещем предзнаменовании» (maestum augurium), а знак ð ни в одном источнике вообще не упоминается, являясь чистым домыслом.

Грубейшие ошибки имеются и в комментариях. Назову лишь одну, свидетельствующую о незнании элементарных фактов римской истории: переводчик решил, что в истории, рассказывавшей о консуле 215 г. до н.э. Тиб. Гракхе, погибшем от рук карфагенян, речь идет о знаменитом плебейском трибуне 133 г. до н.э.: «*Не совсем ясно, что имеет в виду Максим. Тиберий Гракх, как известно, погиб в вооруженном столкновении на римском Форуме*» (с. 262–263). После чего идет невероятно странная попытка связать этого плебейского трибуна с Магоном, карфагенским полководцем во II Пунической войне.

Думаю, вполне достаточно анализа и части данного перевода. Даже одна подобная ошибка может поставить под вопрос компетенцию переводчика, но при таком их количестве я не могу даже определить, что представлено российскому читателю под видом перевода, тем более фактически первого на русском языке. Даже гораздо более безобидные неточности перевода и меньшие вольности при передаче смысла сказанного древними авторами вызывали у читателей обманчивое впечатление о противоречивости и недостоверности нарративной традиции. В рецензируемом же переводе абсурдность понимания римских реалий фактически приписывается Валерию Максиму. Ситуация усугубляется до крайности неряшливым стилем, что затрудняет понимание смысла напечатанного текста. Опасность таких публикаций ни в коей мере нельзя недооценивать, ибо они подпитывают нигилизм и дилетантизм в области истории, столь широко распространившиеся в последнее время. Не может не удивлять также то обстоятельство, что откровенная халтура вышла в издательстве солидного и уважаемого университета, чье имя априорно должно давать «гарантию качества».

А.М. Сморчков

© 2009 г.

T. BOIY. Late Achaemenid and Hellenistic Babylon (Orientalia Lovaniensia Analecta 136). Leuven, etc., 2004. XX, 385 p. + XI plates

Цель настоящей рецензии – привлечь внимание к прекрасно изданному труду, в котором впервые обстоятельно рассмотрены социально-экономические, политические и культурные аспекты истории города Вавилона позднеахеменидского, эллинистического и парфянского периодов. Автор книги Т. Бой рассматривает клинописные, древнегреческие и арамейские тексты, астрономические дневники, содержащие информацию о лунных затмениях, уровне Евфрата в разное время и о ценах на некоторые товары, а также привлекает для своего исследования археологические и нумизматические источники. Среди этих источников особый интерес представляют глиняная табличка парфянского времени, содержащая список победителей на спортивных соревнованиях, и так называемые тексты Graeco-Babyloniaca – глиняные таблички I в. до нашей эры и начала н.э., на одной стороне которых содержится шумерский и/или аккадский клинописный текст, а на другой – его транслитерация греческим алфавитом. Подробно исследованы также топография Вавилона в эллинистическое и более позднее время, когда этот город из одного из мировых центров превратился в провинциальный город, передав свой административный аппарат и доминирую-

щее положение Селевкии-на-Тигре, изучены его политическая история, социальные институты, экономика и религия его обитателей.

Оживленная деятельность города и его роль в международной торговле сохранялись до первых десятилетий I в. н.э., но сам город существовал до III в. н.э. По предположению автора книги, максимальное число жителей Вавилона в VII–V вв. до н.э. составляло около 180 000 жителей, но в позднеахеменидский и эллинистический периоды там обитало приблизительно 50 000 человек (с. 233). Как известно, в исторической литературе высказывались различные мнения относительно достоверности сообщаемых Геродотом сведений в его логосе о Вавилоне. До недавнего времени большинство исследователей считали эти сведения достоверными и полагали, что отец истории сам посетил Вавилон и, несмотря на отдельные неточности, дал его верное описание. Но известный австрийский ученый Р. Роллингер высказал мнение, что нет оснований для такого предположения, поскольку имеющиеся археологические свидетельства и данные Геродота значительно расходятся, и поэтому сомнительно, что отец истории был в Вавилоне. Такое мнение в настоящее время поддерживается многими историками, и по-видимому, Бой также склоняется к тому, чтобы принять его (с. 68–69, там же даны ссылки на литературу).

Особое внимание автор уделяет проблеме греческого влияния на Вавилон эллинистического времени и приходит к заключению, что это влияние заметно главным образом в архитектуре (включая здание греческого театра в городе), утвари и письме. Однако вавилонская религия, литература и наука не испытали какого-либо заметного влияния греческой культуры, и продолжение местных традиций заметно во всех аспектах повседневной жизни до II в. н.э., когда еще были живы люди, интересовавшиеся традиционной вавилонской наукой и умевшие читать и писать клинописные тексты. Кроме того, вавилонская астрономия оказала большое влияние на греческую науку. В книге на основе обильного документального материала прослежена также профессиональная деятельность и экономическая активность вавилонских предпринимателей.

В составе Селевкидской и Парфянской империй Вавилон до I в. до н.э. продолжал оставаться храмовым городом, и там находилось 43 святилища. Главным из них был Эсагил, храм верховного вавилонского бога Мардука (которого в рассматриваемое время величали Бел – «владыка»), функционировавший до III в. н.э.

Одна из глав книги посвящена сопоставлению военных, гражданских и судебных организаций храмовых городов Вавилона и Иерусалима, которые, несмотря на большие различия в исторических судьбах, в период селевкидского правления имели сходное устройство.

Читатель обычно ожидает от рецензента и критических замечаний. По мнению автора книги, управитель (šatammu) святилища Эсагил выполнял одновременно обязанности верховного жреца и был «традиционным религиозным лидером» и главой храмовой администрации Вавилона (с. 194, 319). Насколько я могу судить по вавилонским текстам I в. до н.э., указанный управитель был лишь главным администратором храма[1] и не выполнял религиозных функций, которые находились в ведении жрецов. По мнению Т. Бой, существование храма Эсагил в I в. до н.э. является «доказательством религиозной терпимости Селевкидской династии» (с. 78). С таким мнением трудно согласиться, поскольку древние религии до возникновения единобожия были политеистическими, и поэтому религиозная нетерпимость, как правило, вообще не проявлялась.

Трудно также согласиться с утверждением, что самое раннее восстание вавилонян против персидского владычества произошло после «убийства» (murder) царя Камбиза и во время правления самозванца Гауматы (с. 101). Если верить Геродоту (3. 66), Камбиз умер от болезни, что не противоречит и сообщению Бехистунской надписи, согласно которой он «умер своей смертью». Кроме того, насколько можно судить по источникам, в период правления Гауматы не было восстаний, и вавилоняне выступили против персидского владычества лишь после захвата власти Дарием I.

По подсчетам Бой, архив хорошо известного предпринимательского дома Мурашу в Ниппуре содержит приблизительно 500 табличек (с.102). Однако в действительности в этом архиве насчитывается, по меньшей мере, 879 документов (включая фрагментарно сохранившиеся)[2].

В заключение приятно отметить, что рецензируемый труд, который снабжен обстоятельной библиографией и необходимыми указателями, а также автографическим изданием нескольких ранее неизвестных клинописных текстов, представляет важный вклад в изучение истории и культуры Вавилона в последний период его существования.

---

[1] Ср.: The Assyrian Dictionary. Vol. 17 (Š, pt II. Chicago, 1992). P. 185, 188: «Chief temple administrator».

[2] См. *Stolper M.W.* Murašû. Archive of the Anchor Bible Dictionary. Vol. 4. N.Y. etc., 1992. P. 927.

* * *

O. PEDERSÉN. Archive und Bibliotheken in Babylon. Die Tontafeln der Grabung Robert Koldeweys 1899–1917 (Abhandlungen des Deutschen Orient-Gesellschaft. Bd 25). Berlin, 2005. XVIII, 349 S.

Появления рецензируемой книги ассириологи ждали почти целое столетие. Она содержит обзор и исследование результатов эпохальных раскопок руин Вавилона, которые были проведены немецкими археологами в 1899–1917 годах под руководством архитектора Роберта Колдевея. Нет надобности говорить о важности данной темы, поскольку Вавилон в II тыс. до н.э. был столицей Месопотамии, в новоассирийский период – ведущим культурным центром того же региона, а затем, при халдейских царях, столицей Нововавилонской империи и, по словам библейского пророка Исайи, «красой царств и гордостью халдеев». Кроме того, в ахеменидское время он стал важнейшим экономическим центром Персидской державы.

Для ориентации читателя необходимо отметить, что центральная часть Вавилона, расположенная на восточном берегу Евфрата, находилась внутри городской стены, высота которой была около 1,7 × 1,6 км. Другая часть города располагалась на западном берегу той же реки, внутри городских стен протяженностью 5 × 4 × 3,5 км. Колдевей сосредоточил свои усилия на центральной части, состоявшей из ряда холмов: Каср (арабское слово для обозначения замка), в северо-западной части которого находились дворцы; Меркес в центре города с частными домами; Амран и Исхин-Асвад к юго-западу, где были расположены храмы и частные дома. В городе было восемь ворот, однако при археологических раскопках обнаружены лишь остатки Ворот Иштар, глазурованные кирпичами и рельефами. Пройдя эти ворота, можно было попасть на Дорогу процессий, которая вела к храму Мардука Эсагил у комплекса с зиккуратом под названием Этеменанки («Вавилонская башня»).

Книга посвящена 150-летию со дня рождения Колдевея. Сам автор рецензируемой книги хорошо известен ассириологам благодаря его двухтомному труду об архивах и библиотеках столицы Ассирии Ашшура и другим ассириологическим работам[3]. Темой рассматриваемого здесь труда является изучение многочисленных архивов и библиотек, которые остались от жителей Вавилона после того, как он был разрушен по повелению царя Ксеркса в отместку за восстание против персидского господства в 485–484 годах до н.э. Педерсен поставил перед собой цель по возможности полностью охватить все архивы и библиотеки Вавилона, дать краткое описание всего документального материала с указанием формата и величины клинописных табличек, а также с прорисовками печатей. Кроме того, в отдельную группу выделены литературные тексты, найденные как в руинах государственных зданий, так и в жилых домах частных лиц. Под архивом Педерсен имеет в виду собрание документов в самом широком смысле слова, включая правовые и административные тексты и письма. Библиотеки охватывают литературные тексты, включая также, наряду с ними, религиозные и научные произведения, найденные во многих экземплярах в разных городах. Однако нередко в архивах обнаруживаются также библиотечные тексты и, наоборот в библиотеках – архивные документы. Большие архивы охватывают периоды до двухсот лет.

Лишь немногие из групп текстов, раскопанных Колдевеем, пока опубликованы. Из приблизительно 35 000 клинописных табличек и некоторого количества остраконов из Вавилона автор инвентаризировал 5225 табличек и часть остраконов. В указанные цифры не включены несколько тысяч табличек, которые сохранились в очень фрагментарном виде. Из этого количества табличек 5161 найдена в самом городе, остальные вне его городской черты. 2300 единиц из этого документального материала хранятся в Переднеазиатском музее в Берлине и около 130 в Археологическом музее Стамбула. Остальные таблички находятся в Иракском музее в Багдаде и в других крупных собраниях. Но многие таблички попали также в частные коллекции по всему миру. Попутно отметим, что раскопки британских археологов в середине XIX в. и сравнительно недавние находки иракских ученых также дали некоторое количество текстов.

Педерсен распределил упомянутые выше таблички на 47 групп, из которых 8 принадлежат старовавилонскому периоду, 13 – средневавилонскому, а остальные 26 – нововавилонскому времени. В книге рассматриваются отдельные типичные тексты с воспроизведением их фотогра-

---

[3] *Pedersen O.* Archives and Libraries in the City of Assur. A Survey of the Material from German Excavations. Parts 1–2. Uppsala, 1985, 1986; *idem.* Archives and Libraries in the Ancient Near East 1500–300 B.C. Bethesda, 1998.

фий, а остальные таблички даны в очень кратком описании. При этом в конце каждого раздела дается краткая информация о содержании табличек, времени их составления и их владельцах и т.д. Однако материал, относящийся к двум первым периодам, представлен скудно, поскольку из-за высокого уровня грунтовых вод лишь в районе Меркес удалось добраться до архивов ранних периодов. От старовавилонского времени сохранилось 859 табличек, которые относятся к 1800–1600 годам до н.э. и составляют пять архивов и частных библиотек. Нередко библиотечные произведения и архивные тексты хранились в одних и тех же зданиях.

Архивные документы являются контрактами, отражающими различные стороны деловой активности, а библиотечная часть состоит из литературных текстов, среди которых имеются заклинания, эпические произведения, царские надписи и т.д. Например, в архиве некоего Мардук-нацира, который назван надзирателем над учениками школы (edubba), сохранились 452 таблички, из которых 251 составляет библиотечную часть. Другой архив – торговца (tamkârru) по имени Куру – относится к 1600/1599 г. до н.э. и состоит из 251 таблички. Большинство текстов этого архива является контрактами о продаже земли, приобретении рабов и т.д. с указанием имен свидетелей и приложением их печатей. Остальные 46 табличек этого собрания содержат культовые песни и литературные тексты (с. 17–68).

Средневавилонский период охватывает время около 1600–900 гг. до н.э., для которого исследовано лишь 10% всего ареала. При этом ни один дом полностью не раскопан. Поэтому нет уверенности, что архивы и библиотеки в этом районе известны в полном объеме (с. 69–108 и 309–312). Большинство текстов этого времени найдено в тех же слоях района Меркес и состоят из девяти архивов и библиотек, обнаруженных в различных частных домах. Среди этих табличек много гадательных текстов. Особый интерес для изучения экономической жизни представляют документы о совместной торговой деятельности различных лиц (обычно от четырех до восьми). Масштабы этой торговли доходили до шести мин золота. Среди предметов торговли часто упоминаются металлы, ячмень и текстильные изделия, а в ряде случаев также квасцы, шерсть, различные одежды, слоновая кость, овцы и коровы. Отличительной чертой этих табличек является то, что в них первыми свидетелями названы боги Шамаш и Мардук. От этого времени сохранилось также крупное собрание ученических упражнений (см. с. 85–92).

Последняя и самая значительная группа текстов (с. 109–396) включает, кроме собственно нововавилонского документального материала, также новоассирийские, ахеменидские и эллинистические тексты (ок. 900–100 гг. до н.э.). Но прежде чем перейти к рассмотрению этой части данного тома, уместно будет упомянуть две работы, которые проливают дополнительный свет на вавилонские архивы I тыс. до н.э. К. Верзеггерс еще до появления рецензируемой книги высказала мнение, что подавление восстания в Вавилоне в 484 г. (2-й год правления Ксеркса) привело к уничтожению части архивов города. Эта же тема рассмотрена также в статье Г. Бейкер, которая по существу является рецензией на книгу Педерсена в той мере, в какой это касается I тысячелетия до н.э. В обеих статьях делается вывод, что подавление восстания имело плачевные последствия для традиционных прав и интересов вавилонской элиты, обитавшей в районе Меркеса, и привело к уничтожению части ее архивов. Потеря могущества и влияния этой элиты в храмовой и гражданской сферах сопровождалась радикальными изменениями в экономике[4]. Наша информация о периоде после подавления восстания в Вавилоне и разрушения домов в Меркесе в основном ограничивается ареалом юго-западной части города на восточном берегу Евфрата, особенно на холме Амран.

Большой комплекс царских дворцов и других правительственных зданий был расположен в Касре. В одном из обнаруженных там архивов найдено около 290 табличек 595–570 годов, которые являются административными документами о распределении растительного масла, зерна и фиников знатным военнопленным, среди которых был и царь Иудеи Иоаким, уведенный в плен Навуходоносором. Всего в этих слоях найдено 3498 табличек и некоторое количество остраконов. В Касре в дворцах и храме обнаружено шесть архивов, в Меркесе – пять, в Исхин-Асваде – четыре архива и библиотеки. В Амране в частных домах и храме Мардука также найдены архивы и библиотеки. Всего из Касра происходят 1664 таблички и 21 остракон. В южной части Касра был раскопан большой комплекс, включавший 600 комнат и 5 больших и 50 маленьких внутренних дворов, а также царские апартаменты и большой тронный зал в середине. Это был дворец, построенный Навуходоносором II из обожженных кирпичей с крышей из кедровых балок. В северной части города найдены фундаменты со сводчатыми помещениями, которые Кол-

[4] *Waerzeggers C.* The Babylonian Revolts against Xerxes and the 'End of Archives'// AfO. 2003/4. 50. P. 150–173; *Baker H.D.* Babylon in 484 BC: the Excavated Archival Tablets as a Source for Urban History // ZA. 2008. 98. P. 100–116.

девей ошибочно принял за висячие сады Семирамиды, упоминаемые античными авторами. Это трехэтажное здание, в нижней части которого находились кладовые помещения. Большинство найденных здесь табличек датируется временем Навуходоносора II и по своему содержанию относится к административному жанру. В них упоминается и много царских чиновников высших рангов. В табличках, в частности, есть информация о доставленных во дворец ячмене, финиках и других сельскохозяйственных продуктах для хранения на складах. Во многих текстах речь идет о доставке около 10 000 *кур* (1 *кур* = 180 л) ячменя. В одной табличке говорится о выдаче пивоварам 2000 кур ячменя. Главными доставщиками были «дворецкий» (rab bîti») и наместник (bêl pihāti – «областеначальник») по имени Зерия. В некоторых текстах упоминаются тюрьма и надзиратели в ней. В качестве получателей ячменя выступают также женщины и дети. В ряде документов отмечается этническое происхождение тех или иных лиц и их профессии. В среднем один человек получал 1 *ка* (= 1 литр) ячменя или фиников в день, но некоторые – существенно больше. Упоминаются также знатные люди чужеземного происхождения (например послы). Среди получателей продовольствия есть и выходцы из Лидии, Карии, Ионии, Киликии, Библа, Тира, Иудеи, Аскалона, Египта, Мидии, Элама, Персии и т.д.

Среди архивов Касра заслуживают внимания и документы наместника Вавилона Белшуну (с. 144–184). Всего в этом архиве найдено 1022 таблички, из которых к настоящему времени идентифицировано 718. Среди них имеются 34 контракта о продаже рабов. Основная часть этих табличек относится ко времени Дария II (423–404) и Артаксеркса I (404–359). В табличках раннего времени Белшуну обозначен «наместником Вавилона», а в более поздних – «наместником Заречья» (т.е. Сирии). Как известно, он упоминается у Ксенофонта под именем Велесия как сатрап Сирии. Попутно упомянем, что один документ из этого архива хранится в рукописном фонде СПбФ Института востоковедения РАН; он был исследован мною совместно с Н.О. Чехович[5]. В том же архиве упоминается также Эрибая (полное имя его было Мардук-эриба), сын Белшуну, который выступает в качестве главного действующего лица. После того как его отец отправился в Сирию, он занял место последнего в Вавилоне. Документы с его упоминанием относятся ко 2 г. Артаксеркса II (403 г.). В табличках этого архива персы часто выступают собственниками крупных имений. Как видно из текстов, Белшуну через своих подчиненных управлял их имениями и платил им долю «царского дара» (nidintu šarri). Эти лица носят иранские имена (Гобрий, Митрапан и др.). По меньшей мере, в 21 табличке наряду с клинописными текстами имеются еще арамейские приписки, суммирующие содержание документов. Педерсен считает, что, вообще говоря, этот архив не принадлежал Белшуну, а лишь находился в сфере его деловых интересов в Вавилоне и Борсиппе с их округами. Собственность знатных персов и самого Белшуну во многих табличках обозначена словами «царский дар» (nidintu šarri), а один раз и «царская собственность» (makkur šarri).

К юго-востоку от Меркеса среди частных домов располагался храм Иштар. Здесь, а также и в частных домах этого района нашли 665 табличек. Среди них – два перечня, которые содержат имена храмовых рабов (širku), принадлежавших различным богам, а также список нескольких рабов частных лиц (qallu). Часть текстов свидетельствует о заключении воров и расхитителей (sartu) в тюрьму (bit killi). Среди библиотечных текстов выделяется большая табличка с описанием всех частей Вавилона. Там же сохранились религиозные тексты о возвышении богини Инанны, молитвы, гадательные таблички, лексические перечни и т.д. Многие таблички с библиотечными текстами заканчиваются колофонами (информацией о содержании текста с упоминанием имени писца).

К востоку от храма Иштар сохранилось 113 табличек, которые датированы временем правления Шамаш-шум-укина до Ксеркса (667–485 гг.). Например, архив и библиотека Мардук-шум-уцура из рода Шигуа охватывают время от 663 до 580 г. Одним из главных лиц в этом архиве выступает Силим-Бел, который был наместником Вавилона. Во многих текстах упоминаются поля и сады; в одном документе фиксируется приобретение поля за 26 мин серебра, что было исключительно высокой ценой. Это поле прежде было собственностью бога Набу (т.е. храма Эзида) в Борсиппе, близ Вавилона. До этого оно было конфисковано у одного государственного преступника, замыслившего заговор против царя, и подарено Навуходоносором II Эзиде. Архив некоего Бел-ушаллима состоит из 49 документов, которые хранились в двух глиняных горшках. Из этих табличек 47 являются контрактами о приобретении различного имущества, включая поля. Поразительно, что многие таблички сохранились в нескольких экземплярах. Из упомянутых 49 текстов 21 – дубликаты, среди которых попадаются даже по два и три экземпляра. Обычно

[5] См. *Stolper M.W.* The Babylonian Enterprise of Belesys // Dans les pas des Dix-Mille (Pallas 43, 1995). P. 218.

причиной составления контрактов о недвижимости в нескольких экземплярах было стремление обеспечить сохранность самых важных документов. Но трудно понять, почему, например, необходимо было изготовить пять долговых документов в двух копиях и при этом хранить их вместе в одном и том же горшке.

Архив Иддин-Набу из известной предпринимательской семьи Эгиби, состоящий из 163 табличек, найден в частном доме персидского времени в 50 м от храма богини Иштар. Среди них имеются два брачных контракта. Кроме одного документа, относящегося к 5-му г. царствования Камбиза (525 г. до н.э.), остальные тексты составлены в 514–484 годах до н.э. Относительно ранних нелегальных раскопок архива Эгиби сообщалось, что в Вавилоне было найдено от 3000 до 4000 табличек, которые хранились в нескольких горшках, и каждый из них имел печать. Они были обнаружены к юго-востоку от храма Нинурты в Ишин-Асване.

Другой архив, принадлежащий предпринимателю Табия, по неизвестной нам причине хранился в храме бога Нинурты (Эхурсагила). Это 360 табличек, которые являются остатками архива с библиотекой. Всего в этом собрании найдено около 550 табличек, включая и библиотечные экземпляры. Около 90 % из них – архивные документы, остальные – библиотечные или школьные таблички. В частности, там хранились 11 писем, 278 контрактов, из которых 59 – долговые документы, принадлежавшие Табия, его сыну Мардук-шум-ибни и жене Баба-шаррат. Остальные тексты фиксируют приобретение различных участков земли, пальмовых садов, а также рабов. Среди библиотечных экземпляров имеются 4 гадательных текста, 5 заклинаний, 1 список богов, 17 школьных упражнений. Возникает вопрос, почему семейный архив хранился в храме, однако ответить на него трудно. Можно высказать предположение, что владельцы архива оказались несостоятельными должниками, и их активы перешли к храму Нинурты, который, по-видимому, играл роль кредитора. Необходимо отметить, что часть табличек из этого архива еще до раскопок Колдевея поступила на продажу на парижский антикварный рынок. Из этого следует, что еще до начала раскопок Колдевея археологические материалы данной территории подверглись расхищению. Этим объясняется тот факт, что раскопанные Колдевеем таблички в большинстве случаев фрагментарны, в то время как купленные в Париже таблички с того же раскопа сохранились лучше. Другими словами, грабители брали лучшие образцы, оставляя на месте остальное.

К северо-востоку от храма Нинурты найдены 457 табличек ахеменидского времени. Среди них имеются контракты, школьные таблички, перечни растений, 57 табличек с литературными текстами, 27 гадательных текстов, а также тексты различных ритуалов, списки богов, храмов, городов, гимны (иногда и двуязычные), миф о сотворении людей. Кроме того таблички содержат медицинскую и религиозную информацию, а также рецепты по лечению глазных болезней. Документы относятся к 565–519 гг. до н.э. Библиотечная часть содержит 49 текстов, при этом некоторые из них – на шумерском или двуязычные. В частности, сохранился пространный текст из трех столбцов с названиями растений, гимн богу Шамашу, 21 экземпляр ученических упражнений.

В Эсагиле, храме верховного государственного бога Мардука, который находился в северной части района Амран, сохранилось мало документации. Однако из-за глубоких фундаментов раскопки там были ограниченными. Само храмовое здание расположено около 100 м к югу от зиккурата. Как известно, храм был разрушен ассирийским царем Синаххерибом, восстановлен его сыном Асархаддоном и реставрирован Ашшурбанаралом. Строительные работы продолжались также при Навуходоносоре II, Нериглиссаре и Антиохе I. От главного здания Колдевеем полностью была раскопана лишь небольшая часть. Эти раскопки дали только восемь табличек, еще восемь табличек были найдены в упаковках кирпичей и в туннеле. Надо полагать, что поиски архивов и библиотеки на этой территории – дело будущих раскопок. Что же касается здания громадного зиккурата размером более 400 × 400 м, то там велись лишь ограниченные раскопки.

По политическим причинам в Европе и на Ближнем Востоке к настоящему времени опубликовано лишь 6% табличек, найденных на территории Вавилона, лишь 2897 из общего числа 5161 сфотографированны сотрудниками археологической экспедиции. В ходе работы над рецензируемой здесь книгой Педерсен обнаружил в музеях всего 2500 табличек, и значительная часть их все еще не сфотографирована. Всего с помощью оригиналов и фото известно содержание 4047 табличек. Лишь треть табличек из Вавилона зарегистрированы при раскопках как обожженные. В самом большом архиве найдено более 1000 табличек, которые во время пожара частично разрушились. Из остальных 560 обожженных табличек лишь немногие происходят из архивов и библиотек, которые трудно достоверно идентифицировать. В хорошо изученных архивах пока выявлено небольшое количество обожженных табличек. В каждый период регулярно обжигались лишь специфические типы документов. Например, в нововавилонское время так поступали с табличками о купле-продаже недвижимости. Часто подвергались обжигу также литературные тексты.

На 4944 табличках из Вавилона имеются оттиски печатей или отпечатки пальцев. Печати ставили на свободном пространстве лицевой или оборотной стороны или по бокам. Большая часть документов с печатями (450 единиц) являются контрактами. От I тысячелетия зафиксировано 156 табличек с оттисками печатей и 83 с отпечатками ногтей. Особо следует отметить, что в отличие от более ранних периодов среди 400 контрактов времени от Навуходоносора II до Ксеркса (604–465 гг.) не имеется почти никаких документов в конвертах из глины. Известны лишь только пять конвертов с оттисками печатей и столько же с отпечатками ногтей. Педерсен высказывает предположение, что в этот период юридически действительные оригиналы хранились не в частных архивах, а в официальных канцеляриях. Однако, как отмечает автор, такие учреждения до сих пор не раскопаны ни в Вавилоне, ни в других местах. К настоящему времени из Вавилона более или менее известны 4067 табличек, из которых около половины (2204 единицы) являются контрактами о продаже земли, домов, полей и пребенд, 687 табличек представляют собой административные документы и 173 – письма. Среди 956 текстов литературного и научного характера имеются аккадские, шумерские и двуязычные. Большая группа идентифицированных к настоящему времени текстов являются гадательными (111 единиц), которые касаются предсказаний судьбы. Среди остальных табличек имеются заговоры, астрономические, математические, грамматические, медицинские, ритуальные и другие тексты. Почти 300 табличек являются школьными текстами. Многие таблички имеют рисунки с разными обозначениями, а некоторые – также планы полей.

Книга завершается пространными указателями с информацией о местах находок надписей, перечнями музейных номеров, ссылками на публикации текстов и именами их древних владельцев и планом города (с. 338–349).

В заключение остается сказать, что фундаментальное исследование О. Педерсена и ценные статьи К. Верзеггер и Г. Бейкер существенно расширяют наши знания о клинописной культуре и социальной структуре древней Месопотамии. Вместе с тем становится очевидным, что эта информация является лишь предварительной и основная работа по анализу, группированию и изучению нескольких десятков тысяч пока не изданных клинописных текстов еще впереди.

М.А. Дандамаев

© 2009 г.

НОВАЯ КНИГА О КУЛЬТЕ АХИЛЛА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

(Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung. Hrsg. von Joachim Hupe. Rahden/Westfalen: Leidorf, 2006. Internationale Archäologie. Bd 94)

История изучения культа Ахилла на северном побережье Черного моря насчитывает уже без малого двести лет[1]. Рецензируемая книга подводит итоги многолетних исследований этой темы. Том, предваряемый предисловиями Хайнца Хайнена, председателя проекта «Formen und Wege

[1] Вот лишь краткий список работ о культе Ахилла в Северном Причерноморье: *Köhler H.K.E.* Mémoire sur les îles et les courses consacrées à Achille dans le Pont Euxin // Mémoires de l'Acad. des sciences de St.-Petersbourg. T. X. 1826; *Толстой И.И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918; *Ростовцев М.И.* Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. 1918. 65; *Diehl E.* Pez.: И.И. Толстой. Остров Белый... // Gnomon. 1927. 3. S. 633 ff.; *Diehl E.* Pontarches 2 // RE. 1953. 22 Supplbd 2; *Русяева А.С.* Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье // Скифский мир. 1975. С. 174–185 и другие работы; *Лейтуньска Н.О.* Про культ Ахилла в Північному Причерномор'і // Археологія. 1970. 23. С. 60–73; *Хомлель Х.* Ахилл-бог // ВДИ. 1981. № 1. С. 52–76 (= *Hommel H.* Der Gott Achilles // Sitzungsber. d. Heidelberger Akad. d. Wiss. Phil.-hist. Kl. 1980. S. 7–52); *Курбатов А.А.* Культ Ахилла в Северном Причерноморье: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1981; *Hedreen G.* The Cult of Achilles in the Euxine // Hesperia. 1991. 60. P. 313–330; *Охотников С.Б., Островерхов А.С.* Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993; *Шауб И.Ю.* Ахилл – бог древнего Причерноморья // Новый часовой. 2002. №13–14. С. 356–367; *Иванчик А.И.* Накануне колонизации. М., 2005. С. 68–82.

der Akkulturation im östlichen Mittelmeerraum und Schwarzmeergebiet in der Antike» Германского исследовательского общества (Deutsche Forschungsgemeinschaft (DFG) и издателя Йоахима Хупе, состоит вместе с Введением из девяти глав. Последняя глава содержит итоговые выводы, полученные Й. Хупе на основании обзора археологических и эпиграфических свидетельств, составляющего содержание III–VIII глав.

Глава II «История исследования культа Ахилла в русской и украинской науке» (с. 19–48), написанная известным киевским археологом А.С. Русяевой, как и следует из названия, представляет собой историографический обзор исследований культа Ахилла в Причерноморье с начала XX в. по сегодняшний день. В этой истории исследования А.С. Русяева выделяет четыре ключевые фазы: с начала XIX в. до 1917 г., И.И. Толстой и М.И. Ростовцев, советское время, новейший период с 1991 г.

Глава III «Ахилл на острове Левке» (с. 49–87) написана одесским археологом С.Б. Охотниковым, производившим в 1988–1994[2] и 1998–2003 годах археологические исследования на острове Змеином, в древности носившем название «Белый» (Λεύκη) и бывшим главным центром почитания Ахилла на Северном Понте. В главе представлены результаты археологических обследований Ахиллова острова и ряд интерпретаций обнаруженных на острове находок. Интересно, однако, что в этом своем очерке, столь похожим на краткий конспект его (в соавторстве с А.С. Островерховым) книги, он не столь категоричен в утверждении местных влияний на культ Ахилла.

Статья петербургской исследовательницы И.В. Тункиной «Архивные материалы первой трети XIX в. о святилище Ахилла на Тендровской косе» (с. 89–109) составляет содержание IV главы книги и посвящена судьбе археологических и монетных находок, найденных на Тендровской косе в 1824 г., обсуждению их в переписке И.А. Стемпковского, И. де Бларамберга и Г. Келера.

Глава V «Мыс Бейкуш – мыс Ахилла: святилище божественного *heros* в районе устья Буга» (с. 111–153) принадлежит перу киевского археолога С.Б. Буйских[3] и является очерком археологических исследований на мысе Бейкуш с начала XX в. до конца 90-х годов. На мой взгляд, это наиболее интересная глава в книге, вводящая в научный оборот в высшей степени примечательные относительно недавние находки, позволяющие составить картину об этом, по словам автора, «типично греческом святилище типа *extra-urban*».

VI глава «Культ Ахилла в Тире» написана издателем тома Йоахимом Хупе (с. 155–160). Автор предлагает читателю обзор эпиграфических и археологических памятников, свидетельствующих культовом почитании Ахилла и в районе Днестровского лимана. Это, в первую очередь, найденное в 2001 г. совместной Украинско-румынской экспедицией граффито на фрагменте чернолакового сосуда последней четверти V в. до н.э. [– – –]ΛΕΙ/ΣΚΥ[– – –], которое убедительно восстанавливается первым издателем В. Кожокару[4] как [Ἀχιλ]λεῖ / Σκυ[θίας μεδέοντι], а также фрагмент стенки ойнохои с клеймом Ἀχιλ]λέω и штемпельным изображением головы героя (*sive* бога)[5].

В VII главе «Воздвижение статуи Посидеем из Неаполя Скифского» (с. 161–164) Й. Хупе разбирает эпиграфический памятник из Неаполя Скифского, опубликованный В.В. Латышевым в IOSPE I[2]. 672 с текстом Ἀχιλλεῖ νήσου [μεδέοντι] / Ποσίδεος Ποσι[δέου τοὺς] / Σαταρχαίους [νικήσας] / πειρατεύσαντ[ας ἀνέθηκεν?][6]. Еще Ю.Г. Виноградовым было высказано предположе-

---

[2] См. *Охотников С.Б., Островерхов А.С.* Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993.

[3] См. также *Bujskikh S.B.* Das Achilleus-Heiligtum in der Chora von Olbia Pontica aus archaischer Zeit // Problemi della chora coloniale dall' Occidente al Mar Nero. Atti dell quarantesimo convegno di studi sulla Magna Grecia, Taranto 29 sett.–3 ott. 2000. Taranto, 2000. P. 317–332; *Буйских С.Б.* К истории открытия Бейкушского святилища // Северное Причерноморье в античное время. Сб. научн. тр. к 70-летию С.Д. Крыжицкого. Киев, 2002. С. 21–32; *он же.* Культ Ахилла и греческая колонизация Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной конф. 12–16 сент. 2004 г. Киев–Судак, 2004. С. 27–31 и другие работы.

[4] *Cojocaru V.* Din nou despre «Ahile in Tyras» // Thraco-Dacia. 2001. 22 (1–2). S. 211.

[5] *Idem.* Achilleus in Tyras // Tyche. 2000. 15. S. 55–62. Taf. 2; *idem.* Neues über den Achilleuskult im nordwestlichen Schwarzmeerraum // Tyras–Cetatea Albă / Belhorod-Dnistros'kyj I. Săpături, 1996–1999. Bukarest, 2002. Taf. I, *1–4*.

[6] Э.И. Соломоник в работе «Эпиграфические памятники Неаполя Скифского» (НЭ. 1962. 3. С. 39) на том основании, что глагол πειρατεύω является (см. LSJ. P. 1355, s.v. πειρατεύω) транзитивным, предложила эмендацию πειρατεύσαντ[ας τὴν ἀκτήν]. Однако Й. Хупе указывает на место у Страбона (14. 3. 2), которое может служить доказательством того, что глагол πειρατεύω может иметь и непереходное значение.

ние о том, что Посидей, сын Посидея, исполнял, возможно, при дворе скифского царя (возможно Скилура) в Неаполе Скифском обязанности наварха. Иные посвящения Посидея сына Посидея из того же Неаполя Скифского Зевсу Атабирию (IOSPE I². 670), Афине Линдийской (IOSPE I². 671) и богине Родос[7], божествам вообще пантеона о-ва Родос, указывают, может быть, на то, что Посидей этот был гражданином о-ва Родос[8]. Однако некоторые исследователи, например Луи Робер[9] и Ю.Г. Виноградов[10], полагали, что Посидей мог быть и гражданином Ольвии с родосскими связями, поскольку такое имя представлено в ономастиконе Ольвии эллинистической эпохи. Таким образом, ничего нового по существу статья Й. Хупе не дает, но представляет собою довольно хороший обзор мнений по данной теме.

Одной из наиболее интересных в книге является следующая, VIII глава «Почитание Ахилла в Ольвии в эпоху Римской империи» (с. 165–234). Вкратце – содержанием этой главы является анализ свидетельства Диона из Прусы в XXXVI «Борисфенитской» речи о почитании Ахилла в Ольвии в конце I в. н.э. (с. 165–172) и ольвийских χαριστήρια Ахиллу Понтарху I – III вв. н.э. (с. 172–234) с таблицей просопографии посвящений (с. 202–206), с каталогом надписей (с. 215–233) и очерком об ольвийских агонах в честь Ахилла Понтарха (с. 209–215).

Несмотря на то что Йоахим Хупе, сознательно ограничиваясь ольвийским материалом, не рассматривает античную литературную традицию римской эпохи об острове Белом, заслуживают, по нашему мнению, самого пристального внимания некоторые умозаключения автора относительно «Борисфенитской» речи Диона Хризостома. А именно, в первую очередь та мысль, что Дион передавая вифинцам (а именно к ним обращена речь) слова ольвиополита, сказанные Диону, – «Тебя же, кажется, сам Ахилл прислал сюда со своего острова» (XXXVI. 25: Σὲ δὲ αὐτὸς ἡμῖν ὁ Ἀχιλλεὺς ἔοικε δεῦρο ἀπὸ τῆς νήσου διαπέμψαι) – имел в виду именно Левку, а не Березань, которая, по мнению ряда исследователей (еще со времен Келера), в послегетскую эпоху истории Ольвии стала для жителей города «островом Ахилла». По нашему мнению, совершенно естественно полагать, что слова ἀπὸ τῆς νήσου относятся именно к о-ву Левке, а не к Березани, поскольку вряд ли рядовой житель Вифинии имел точные представления о современных произнесению речи географических особенностях района Днепро-Бугского лимана. В конце концов, мы даже точно не знаем, была ли Березань ко времени Диона уже островом, или была все еще частью полуострова[11]. Между тем достоверно известно, что на Березани почитали Ахилла, причем расцвет березанского почитания приходится как раз на послегетский период истории Ольвии. О культе Ахилла на Березани в это время свидетельствуют найденные здесь лапидарные надписи (десять)[12] ольвийских должностных коллегий Ахиллу Понтарху и ряд граффити. Однако самого святилища археологи на Березани пока не обнаружили, и полагать, что жители Ольвии римского времени действительно, потеряв контроль над Левкой, стали почитать за Ахиллов остров Березань, серьезных оснований, нет. Совсем недавно, осенью 2007 г., тезис Й. Хупе о том, что Дион говорит в своей речи о Левке, а не о Березани попытался оспорить А.В. Подосинов[13], утверждая, что Ахилл не мог послать Диона «со своего острова» в Ольвию, если за его священный остров принимать Левку. Действительно, Подосинов совершенно справедливо полагает, что путь Диона в Ольвию не мог проходить вдоль западного побережья Черного моря, поскольку в этой же речи Хризостом говорит, что очутился в Ольвии, «имея в виду, если можно будет, пробраться через Скифию к гетам» (XXXVI. 1), и, следовательно, он не мог попасть в Борисфен с западной стороны. Убедительно обосновывая этот свой тезис на материале данной речи и прочих, По-

---

[7] См. *Дашевская О.Д.* Четвертая надпись Посидея из Неаполя Скифского // СА. 1960. № 1. С. 261–265.

[8] *Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С.133. Прим. 16.

[9] *Robert J. et L. Robert* // Bulletin épigraphique. 1965. P. 135–137.

[10] *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 241–244.

[11] По мнению палеогеографа К.К. Шилика (Эволюция топографии Березанского побережья в голоцене // Археологические исследования на Украине. Ужгород, 1976–1977. С. 77–78), Березань становится островом к III–IV вв. н.э. См. также *Соловьев С.Л.* Историческая география и топография Березани // Борисфен – Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб., 2005. С. 17.

[12] По каталогу Й. Хупе. См. также *Новоселова Н.Ю.* Святилище Ахилла на острове Березань в первые века н.э. // Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы Международной науч. конф. Ч. 2. СПб., 2007. С. 31–35. Автор отмечает, что на Березани найдено всего 13 надписей.

[13] См. *Подосинов А.В.* К вопросу о локализации острова Ахилла // Там же. С. 5–12.

досинов делает вывод, что Дион мог быть послан Ахиллом в Ольвию только с Березани, которая якобы как раз в это время была священным островом героя, что, по мнению исследователя, доказывает так называемый «березанский гимн Ахиллу и острову», опубликованный в 1990 г. В.Ф. Шеловым-Коведяевым[14]. Однако из текста самой надписи очевидно не следует, что речь в ней идет о Березани, воспевается просто «остров Ахилла» и, кроме того, не известно точно, была ли Березань к концу I в. до н.э. островом (см. выше).

Затем Й. Хупе переходит к ольвийским лапидарным посвящениям Ахиллу. Обрисовав, на мой взгляд не очень убедительно[15], картину распространения ольвийских χαριστήρια Ахиллу (с. 173–176), немецкий исследователь обращается к вопросам датировки надписей на основе их палеографии и просопографии. Вообще говоря, с момента публикации статьи Т.Н. Книпович об ольвийском лапидарном письме[16] заметки Хупе по палеографии надписей послегетской Ольвии представляют, по нашему мнению, наиболее ценный вклад в изучение этой области. Автор последовательно и скрупулезно описывает историю ольвийского лапидарного письма от эпохи Флавиев до раннеантониновского времени (с. 176–180), от раннеантониновской эпохи до позднеантониновского времени (с. 180–182) и отдельно особенности ольвийского шрифта раннесеверовской эпохи (с. 182–187)[17].

Далее следует анализ особенностей формулы посвящений Ахиллу (с. 187–201). В общем, формула этих посвящений имеет следующий вид. Обычно надпись начинается словами Ἀγαθῇι τύχηι, а за ними непосредственно следует имя Ахилла Понтарха в dat. sing.: Ἀχιλλεῖ Ποντάρχηι[18]. Затем – имя посвятителя, а если посвящение принадлежит магистратуре, то перечисляются имена ее членов с председателем во главе: οἱ περὶ τὸν (имя и отчество) ἄρχοντες, στρατεγοί (имена и отчества коллегии). В заключительной части обыкновенно сообщается цель посвящения: ὑπὲρ εὐσταθίας τῆς πόλεως, διαμονῆς, εἰρήνης, ἀνδραγαθίας, πολυκαρπίας и εὐποσίας. Часто также добавляется ὑπέρ τῆς ἑαυτοῦ/ἑαυτῶν ὑγείας. В отличие от посвящений Аполлону Простату и Гермесу Агорею в посвящениях Ахиллу Понтарху почти всегда присутствуют слова χαριστήριον или εὐχαριστήριον с глаголом ἀνέθεκαν, ἀνέθεκε или ἀνέστεσεν. Иногда заключительная формула сводится вовсе к одному лишь слову εὐχαριστήριον (IOSPE I². №155[19]) или χαριστήριον (как в IOSPE I². № 133, 135; Болтенко М.Ф. Новая надпись в честь Ахилла Понтарха. ВДИ. 1953. №4). В надписи IOSPE I² № 139 обычная формула заключительной части совершенно отсутствует, имя Ахилла Понтарха отнесено в самый конец; Ἀγαθῇ τύχηι / ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ Πισσιστράτον / Δαδάγου Ἀγρώτας / Στεφάνου ἱεράτευσας τὸ δεύτερον / [Ἀχιλλ]εῖ Ποντάρχηι[20]. Датировка именем эпонимного магистрата встречается в надписях IOSPE I². № 134, 139, 142, 332; IO № 87, 90. Разумеется, в это число мы не включаем посвящения архонтов, председатель коллегии которых был сам магистратом-эпонимом. Архонт–эпоним встречается в посвящениях жреца Скартана (IOSPE I². № 142): ἐπὶ ἀρχόντος Σατύρου Ἀρτ[ε]μιδώρου; жреца Агрота (№ 139): ἐπὶ ἀρχόντων τῶν περὶ Πισσιστράτον/Δαδάγου; в посвящении стратегов (IO № 87): ἐπὶ ἀ[ρχόντων τῶν περὶ] Ἱεροσῶσντα Ἐπικράτους и в надписи коллегии астиномов Ахиллу Герою (IO № 90): ἐπὶ ἀρχόντος Εὐρισιβίου

---

[14] *Шелов-Коведяев В.Ф.* Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ. 1990. № 3 С. 49–62; SEG. XL. 1990 (1993), 610. К этой надписи, изданной В.Ф. Шеловым-Коведяевым, как совершенно справедливо утверждает С.Р. Тохтасьев (см. Борисфен – Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на острове Березань. Каталог выставки. СПб., 2005. С. 145), «неудовлетворительно», мы еще вернемся.

[15] Й. Хупе учитывает не все лапидарные памятники, найденные в регионе. См. ниже.

[16] *Книпович Т.Н.* Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии // НЭ. 1966. 6. С. 3–30.

[17] Заслуживает внимания исправление ошибочной датировки надписи IO № 86 (№ 34 по каталогу Й. Хупе) первой половиной II в., предложенной издателями «Надписей Ольвии (1917 – 1965)» (Л., 1968). Надпись следует отнести к концу II – первой половине III в., но никак ко времени «не позднее первой половины II в.». Ее характерные черты – форма *альфы*, *сигмы*, *омеги* и др. – не позволяют отнести ее датировку к первой половине II в. (см. *Книпович Т.Н.* Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии // НЭ. 1966. 6. С. 11–12. Табл. X). Эти палеографические особенности характерны для ольвийской эпиграфики именно конца II – первой половины III в. н.э. Й. Хупе археолог относит это посвящение ко второй или даже к последней четверти II в. (см. с. 180, прим. 58; с. 231–232).

[18] В надписи жреца Скартана (IOSPE I². № 142) кроме имени Ахилла Понтарха стоит и имя его матери Фетиды: Ἀχιλλεῖ Ποντάρχηι καὶ Θέτιδι.

[19] Мы приводим надписи по основным изданиям, а не по каталогу Хупе.

[20] См. *Dzikovski.* The Olbian inscription CIG 2080 rediscovered // JHS. 1939. 59. P. 85–86. Fig. 1–2.

Ἀναξιμένους τὸ β′. Жрец встречается в трех надписях: IOSPE I². № 134 (ἱερατεύοντος Μουκουνα Κύρου[21] τὸ δ′), в № 332 (Ἐπὶ [ἱερέως Ἰ]εροσῶ[ντος]) и в № 155. Благодарственные приношения Ахиллу от коллегий иногда содержат в конце надписи агонистическую приписку. Такие приписки имеют: IOSPE I². № 130, 138, 155, 157–158, 685. В них указывается, во-первых, *кто* из членов коллегии, совершающей Ахиллу данное приношение, одержал победу в состязаниях и, во-вторых, в *каком* именно состязании указанное лицо одержало победу: *такой-то* (имя), *будучи архонтом* (ἀρχοντεύων), *одержал победу* (ἐνείκα sive ἐνείκησεν) *в том-то* (δρόμωι, ἄλητι, λόγχαι, παιδήματι, δίσκωι). Примером подобного рода приписок может служить, например, текст приписки IOSPE I². № 130: Πουρθ[αἰ]ος Πο[υρθαί]ου ἀρχον[τ]εύων ἐ[νείκα/λ]όγχαι, δίσκ[ωι. Ε]ὑρησ[ίβιος] Ἀ/δού ἀρχον[τ]εύων ἐ[νείκα] δρόμ[ωι], π[α]ιδήμ[ατι]. На основании подобных приписок мы видим, что в состав состязаний входил весь пентатл: прыжки, бег, метание диска, копья и борьба. Таким образом, схема текста посвящения четко делится на смысловые части и представляет собой законченную композицию, стандартную формулу: приветствие, имя Ахилла, имя посвятителя (посвятителей), благодарение и агонистическая приписка и/или указание эпонима[22].

Анализ общей структуры формулы у Хупе фактически отсутствует. Он практически сразу переходит к интерпретации эпиклезы Понтάρχης (с. 187–188) верно отмечая особое значение моря в ольвийском культе[23]. Затем он разбирает слова χαριστήριον (с. 188–189), εὐσταθία (с. 189), εὐποσία (с. 189–190), εἰρήνη (с. 191), πολυκαρπία (с. 191) и ἀνδραγαθία (с. 191–192)[24].

Обращаясь к формуляру и стихотворному тексту березанского «гимна», Й. Хупе не отмечает каких-либо отличительных его особенностей (с. 192), не рискуя, видимо, увязать в обсуждении проблемных восстановлений, предложенных еще ее первым издателем В.Ф. Шеловым-Коведяевым (см. выше)[25].

Заслуживает внимания предложение Хупе (по догадке П. Дрегера) понимать слово ΑΚΕΙΣ березанской надписи № 9 (по его каталогу)[26], которое С.Р. Тохтасьев прежде интерпретировал как личное имя Акий[27], как praesens ind. activi глагола ἀκέομαι, т.е. ἀκεῖς, в смысле «ты по-

---

[21] О таком чтении имени В.В. Латышевым как Μουκουνακύρου см. *Tokhtas'ev S.R.* Epigraphical Notes // ACSS. 2005. 11. № 1–2. P. 4–5; *Иванчик А.И.* Первые шаги ольвийской эпиграфики: неизвестная рукопись Егора Кёлера в Берлине // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сб. памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб., 2007. С. 195–196.

[22] Впрочем, указание магистрата-эпонима может быть в начале (IO № 90).

[23] Мы полагаем, что титул Ахилла «Понтάρχης» вовсе не связан напрямую именно с самим морем, как это может показаться на первый взгляд. Ахилл в первую очередь – не «владыка моря», а «владыка Понта», т.е. правитель всего того географического, политического и духовного пространства, которое называлась Понтом.

[24] Благодарения за εἰρήνη, εὐσταθία и еще ὑγεία, кроме посвящений Ахиллу Понтарху встречаются в Ольвии регулярно в надписях Аполлону Простату и Гермесу Агорею, а также и другим богам, например, в IOSPE I². № 184: Σαράπι καὶ Εἴσι Ἀσκλήπιῷ καὶ Ὑγείᾳ κ[α]ὶ Ποσειδ(ῶ) νι. Особенностью ольвийского употребления слова ἀνδραγαθία является то, что оно относится здесь к не каким-либо частным чествуемым лицам, а ко всему городу (IOSPE I². № 130; IO № 80, 81– τῆς πόλεως). Особое значение для понимания величия божества Ахилла Понтарха, возможно, имеет просьба/благодарение о πολυκαρπία τῆς πόλεως. Это слово и еще εὐποσία являются, как мне кажется, очень важными в материале посвятительных надписей для понимания культовой семантики Ахилла в Ольвии и на Понте вообще. К слову сказать, в Малой Скифии известна, к примеру, такая эпиклеза Диониса – Καρποφόρος. €См. об этом, например: Pippidi D.M. La fin du paganisme en Scythie Mineure // Studii de istorie a religior antice. Bucureşti, 1969. P. 284–297 = = *Pippidi D.M.* Scythica minora. Recherches sur les colonies greques du littoral roumain de la Mer Noire. Bucureşti–Amsterdam, 1975. P. 281–297, особ. 285.

[25] К этой надписи см. также: *Dubois L.* Bulletin epigraphique. Pont // REG. 1991. 104. P. 505 suiv. № 419; *Vinogradov Ju.G.* // Pontische Studien. S. 395 ff.; *Тохтасьев С.Р.* // Борисфен – Березань... Каталог выставки. С. 145.

[26] См. предыдущие публикации надписи: *Solovyov S.L.* Ancient Berezan. The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea. Colloquia Pontica 4. Leiden–Boston–Köln, 1999. P. 117 ff. Fig. 107; *idem.* The Archaeological Excavation of the Berezan Settlement (1987–1991) // Ed. G.R. Tsetskhladze. Recent Discoveries and Studies. Colloquia Pontica 6. Leiden–Boston–Köln, 1999. P. 137 ff. Fig. 12; P. 140. Not. 18; SEG 1999 (2002). XLIX. № 1028 A.

[27] С.Р. Тохтасьев предполагал, что ΑΚΕΙΣ – случайно пропущенное имя (притом без отчества) одного из агораномов, посвятивших Ахиллу эту надпись (см. Борисфен – Березань... Каталог выставки. С. 148). См. *он же.* Из ономастики Северного Причерноморья XX. Заметки по морфологии // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. СПб., 2007. С. 104. Прим. 142.

даешь нам исцеление» (с. 193, прим. 148–150), что, будь это действительно так, служило бы хорошим свидетельством о врачебных, целительных свойствах в семантике причерноморского Ахилла.

Впервые в ученой литературе очень подробно рассмотрен ольвийский почетный декрет IOSPE I². № 53 с посвящением Ахиллу от архонтов как их «вечному отцу» πατρί (α)ἰων[ίῳ] (с. 194–201).

Агонистические приписки к посвящениям Ахиллу Понтарху Й. Хупе разбирает вкупе с вопросом об ольвийском агоне в честь Ахилла (с. 209–214). Однако вызывает недоумение, что Хупе не учитывает ни здесь, ни в своем каталоге надписи IOSPE I². № 157 с текстом агонистической приписки: [. . . ἀρχοντεύ]ων ἐνείκα λόν/χαι, δίσκ/ωι, очевидно, бывшим частью посвящения Ахиллу.

«Каталог посвятительных надписей Ахиллу Понтарху» (с. 215–233, рис. 44–58) состоит из 37 памятников с 40 надписями. Впервые ольвийские лапидарные посвящения опубликованы все (почти!) вместе в одном месте по принципу географическому: *а)* надписи с о. Березань (10)[28]; *б)* надписи с мыса Бейкуш (9); *в)* надписи из района между Тилигульским и Березанским лиманами (7); *г) надписи найденные в Ольвии* (4) и *д) надписи неизвестного происхождения* (9). Как уже отмечалось выше, отсутствует надпись IOSPE I². № 157. Нет в каталоге Хупе и надписей IOSPE I². № 328, 329, 330, 331, найденных на Тендровской косе, месте ольвийских агонов в честь Ахилла, причем если в отношении № 328 и 331 может возникнуть сомнение, относить ли их к категории посвящений Ахиллу, то насчет № 329 и 330 сомневаться не приходится. Таким образом, в каталоге Хупе не представлены по крайней мере пять ольвийских посвящений Ахиллу Понтарху и одно посвящение от боспорского моряка с Тендровской косы – IOSPE I². № 332: ἐπὶ [ἱερέως Ἰ]- / ερσσῶ[ντος Ἀχιλλεῖ?] / [ε]ὐχαριστήριον [ὁ δεῖνα τοῦ] / [δεῖνος] ἀπὸ Βοσπ[όρου – – –] / [– – – να]- ύτης [– – – – – –], относящееся к тому же времени и воспроизводящее ту же формульную структуру, что и ольвийские χαριστήρια.

Наконец, глава IX «*Синтез: процессы аккультурации в зеркале Ахиллова культа*» (с. 235–239), написанная Й. Хупе, дает краткий очерк истории взаимовлияния культа Ахилла и местных причерноморских религиозных традиций. В эпоху поздней архаики и классики, отмечает Хупе, влияние местных религиозных представлений на культ Ахилла и обратное влияние греческого культа на туземное варварское население весьма незначительно. Автор указывает лишь на наконечники скифских стрел (т.е. стрел «скифского типа») и бронзовое изображение головы грифона вотивного характера среди находок на Змеином острове. На чисто греческий характер культа указывает, по его мнению, и доминирование исконно греческой ономастики в граффити.

Немного иную картину взаимопроникновения греческих и варварских элементов в культе Ахилла дает ольвийская хора. Находки на Бейкушском мысу – жертвенные ямы, пещеры и ниши – вкупе с изображениями на остраконах с именем Ахилла, очевидно, свидетельствуют о хтонической семантике почитавшегося здесь Ахилла. С.Б. Буйских настаивает на чисто греческом характере культа Ахилла на Бейкуше, однако Хупе полагает, что для такого умозаключения необходимо более систематическое исследование. На наш взгляд, Хупе прав, ведь в «традиционном», по словам Буйских, для греческих героических святилищ составе находок присутствуют и весьма «нетрадиционные» для греческой культовой традиции вещи, например: железные ножи, кусочки серы, охры, мела, наконечники стрел (и их изображение в граффити), обломки лепной посуды, а также наиболее удивительное – жертвоприношение собак, свойственное вообще варварским культам Северного Причерноморья[29]. Далее, найденное на Березани граффити 490–470-х годов до н.э. с текстом ΣΠΟΚΗΣ ΤΩΧΙΛΛΙ, свидетельствует, по мнению Хупе, очевидно, о том, что уже в эту эпоху, принесенный ионийскими колонистами, культ Ахилла оказывал влияние на местное, в данном случае фракийское, население. В эпоху эллинизма взаимопереплетение греческих и варварских культовых практик на побережье Черного моря возрастает. Свидетельства

---

[28] Относительно новые надписи: № 8 (см. *Solovyov.* Ancient Berezan... P. 117, 119. Fig. 108; *idem.* The Archaeological Excavation... P. 138. Fig. 13; P. 140. Not. 18; SEG. 1999 (2002). XLIX. № 1028 B), № 9 (см. прим. 25) и № 10 (см. *Назаров В.В.* // Археологія. 1996 (1). С. 138–140; *Nazarov V.V.* Archäologische Untersuchungen auf Berezan' // Hrsg. von K. Stähler. Zur graeco-skythischen Kunst. Archäologisches Kolloquium. Münster 24–26. Nov. 1995. Eikon 4. Münster, 1997. S. 18 ff.).

[29] См. *Молева Н.В.* Собака в религиозных представлениях боспорян // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб., 1998. С. 60–62; *Шауб И.Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб., 2007. С. 104–108.

о почитании Ахилла имеются в Неаполе Скифском, а также в Херсонессе и на херсонесской хоре. Очень интересны находки в Западном Крыму, на мысе Джангул, в греко-варварском святилище II в. до н.э., где имя Ахилла встречается на граффити рядом с именем почитавшегося в этом святилище явно негреческого божества, Тарги[30]. В эпоху римской империи культ Ахилла в Ольвии становится главным религиозным культом города, тесно связанным с коллегией архонтов.

Вопрос о местной основе культа Ахилла в книге разбирается очень мало, поэтому считаем необходимым сказать следующее. Еще Е. Кёлер высказывал мнение, что Ахилл Северного Причерноморья являлся местным божеством[31]. За ним этого же мнения придерживался и граф А.С. Уваров, который писал: «Милетяне, чтобы умилостивить *местное божество* (курсив мой. – *А.Б.*), т.е. Ахилла, властителя земли, на которой они поселились, выстроили в честь его храм, который, вероятно, стоял на месте первого их поселения, т.е. в акрополе»[32]. В 1918 г. М.И. Ростовцев писал, что культ Ахилла связан «...с культом верховного фракийского божества, одновременно божества небесного и божества хтонического, победителя зла, которого в эллинистическое и римское время чтили во Фракии и как героя, и как бога, изображая его чаще всего как героя-всадника»[33]. В советское время идею о местной основе поддерживали В.Д. Блаватский[34] и Н.В. Пятышева, которая первая обратила внимание на слепок с найденной на Левке бронзовой печати с изображением змея, извивающегося в наиске храма, и интерпретировала это изображение как образчик «иконографии местных догреческих божеств»[35]. М.Ф. Болтенко писал, что в Северном Причерноморье Ахилл «стає прямим замісником Посейдона... місцевого скіфського Посейдона називали Тагімасадом»[36]. В.В. Лапин полагал, что «не Геракл, а именно Ахилл» являлся героем Геродотовых легенд о происхождении скифов[37]. Из работ недавнего времени следует указать еще на работы И.Ю. Шауба, в которых особенно рельефно обрисованы негреческие черты причерноморского бога Ахилла[38]. Ныне начинает преобладать, большей частью, другая точка зрения, согласно которой культ причерноморского Ахилла имеет исключительно греческую основу. Так, еще Л.Р. Фарнелл, например, полагал, что именно милетяне основали культ Ахилла, ведь

---

[30] См. *Щеглов А.Н.* Большой кастель и святилище II в. до н.э. в урочище Джангул // Проблемы античной культуры. Тез. докл. науч. конф. Ч. 3. Симферополь, 1988. С. 273–275.

[31] *Köhler*: Mémoire sur les îles...P. 106.

[32] *Уваров А.С.* Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. Вып. 1. СПб., 1851. С. 51.

[33] *Ростовцев.* Новая книга ... С. 182 и позднее в книге «Skythien und der Bosporus» (B., 1931. S. 4) он повторил эту свою мысль: «Achilles auf der Insel Leuke wird kaum zu verstehen sein ohne den Zusammenhang mit thrakischen Lokalkulten...». В посвящениях фракийскому всаднику сохранилось множество его эпиклез: θεὸς σῴζων, σωτήρ, ἀγαθοποιός, κατοικάδιος и προπύλαιος. Обращались к нему и с эпиклезой Ἥρωι Ἐπηκόῳ – «благосклонно внемлющему герою». В Ольвии известны два таких памятника: IO № 72 (Ἥρωι Ἐπηκόῳ) и IO 74 (Ἐπηκόῳ), которые уже первый издатель, А.А. Белецкий, относил к разряду посвящений Ахиллу (*Белецкий А.А.* Греческая надпись на базе статуи из Ольвии // ВДИ. 1955. №2; *он же.* «Благосклонно внемлющий герой» в Ольвии // ВДИ. 1969. №1).

[34] *Блаватский В.Д.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья // СА. 1964. № 2. С.13–27; № 4. С. 25–36.

[35] *Пятышева Н.В.* Археологическое обследование острова Левке (о-в Змеиный) осенью 1964 г. // Труды ГИМ. 1966. Вып. 40. С. 68; *она же.* К вопросу об интерпретации группы скульптур из Том // Тез. докл. авт.-чит. конф. «Вестника древней истории». М., 1972. С. 54–56.

[36] *Болтенко М.Ф.* Herodoteanea // МАСП. 1962. С.17–19. Впрочем, до Болтенко эту мысль высказывал уже А.И. Соболевский (Русско-скифские этюды VII // Известия Отделения русского языка и словесности АН. Т. XXVI. Л., 1924. С. 38). Ср., однако: *Жебелев С.А.* Геродот и скифские божества // Северное Причерноморье. М.–Л., 1953. С. 36; *Раевский Д.С.* Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства // Искусство и археология Ирана. М., 1971. С. 271 сл.

[37] *Охотников, Островерхов.* Ук. соч. С. 172. «"Эквивалентность"» Геракла и Ахилла с функциональной точки зрения (особенно в сюжетах поединка) неоднократно зафиксирована, – пишет И.Ю. Шауб. – Однако рассматриваемый миф явно осложнен присутствием в нем негреческих элементов, на что, в отличие от Болтенко, не обратил внимания Лапин» (Ахилл... С. 357).

[38] *Шауб.* Ахилл... С. 356–367. См. *он же.* Миф, культ, ритуал... С. 182–198.

когда-то, мол, на заре истории этого города, тот захватил его, согласно некой темной милетской легенде[39]. Милетскую версию происхождения Ахилла Понтарха так или иначе поддерживают также Х. Хоммель, А.А. Курбатов, Н. Эрхардт, А.С. Русяева, П.Д. Диатроптов, а также и авторы рецензируемого нами труда[40]. Впрочем, уже Ф. Билабель считал, что культ Ахилла в Милете есть явление обратного влияния Ольвии на Милет[41]. Можно еще добавить: то, что Й. Хупе пишет о просопографии ольвийских посвящений, принимая во внимание тот факт, что он учитывает далеко не все надписи, не может считаться надежным. По моим подсчетам процент греческих имен никак не 60 (как утверждает Хупе), он по крайней мере равен варварскому, а в некоторые периоды даже меньше варварского.

Между тем несмотря на название – «Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit», которое, как кажется, претендует на максимально возможный охват свидетельств, книга под редакцией Й. Хупе не только не принимает во внимание боспорские данные о культе Ахилла[42], но даже не учитывает всех свидетельств Северо-Западного Причерноморья, – например, кроме перечисленных выше надписей, надписей с Кинбурнской косы! К прочим недостаткам книги можно причислить практически полное отсутствие анализа античной литературной традиции о культе Ахилла[43], а также сравнительного исследования культа Ахилла в Причерноморье, Малой Азии, Балканской и Великой Греции. Все этого снижает, к сожалению, общую ценность работы для будущих исследователей религиозной жизни древнего Причерноморья. К счастью, опечаток, кажется, в книге нет и общий стиль книги благодаря переводам Йоахима Хупе достаточно ровен. Книга, несомненно, несмотря на некоторые спорные моменты, станет значительной вехой в изучении культа Ахилла в Северном Причерноморье.

А.В. Белоусов

---

[39] *Farnell L.R.* Greek Hero-Cults and Ideas of Immortality. Oxf., 1921. P. 286–287. Можно задать вопрос: почему же культ Ахилла был распространен только в одной северопонтийской колонии Милета?

[40] См. *Хоммель*. Ахилл-бог... С. 59. Прим. 54; *Курбатов*. Культ Ахилла...; *Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main–Bern–New York–Paris, 1983; *Русяева*. Вопросы развития... С. 174–185 и другие работы; *Диатроптов П.Д.* Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001. С. 16. Кстати говоря, Ю.Г. Виноградов в работе «Милет и Ольвия» (Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья, Тбилиси, 1979. С. 49) высказывался осторожно: «...наряду с копированием (т.е. милетских установлений. – *А.Б.*) мы встречаемся в Ольвии и с оригинальным религиозно-мифологическим творчеством». К таковому он относит: 1) цикл легенд об Ахилле на о-ве Левка и 2) совмещение отдельных греческих и местных культов, например, «хтонический и водный аспект культа Ахилла».

[41] *Bilabel F.* Die ionische Kolonisation // Philologus. 1920. XIV. 1. S. 104.

[42] См., например: *Емец И.А.* Граффити и дипинти как источник по сакральным представлениям населения Боспора // Эпиграфический вестник. 1995. 3. С. 34–35; *Емец И.А., Петерс Б.Г.* Граффити из поселения у с. Михайловка // РА. 1994. № 2. С. 77–89 (особ. с. 116, рис. 1, *27*; с. 167, рис. 2, *1*; с. 174, рис. 5, *9*). О культе Ахилла на Боспоре см. *Шауб.* Ахилл на Боспоре // Боспорский феномен. СПб., 2003; *Белоусов А.В.* Нереиды и культ Ахилла на Боспоре // Боспорский феномен... Ч. 1. СПб., 2007. С. 30–35.

[43] Литературная традиция исследовалась частично в работах: *Толстой.* Остров Белый... ; *Хоммель.* Ахилл-бог... ; *Топоров В.Н.* Об архаическом слое в образе Ахилла (проблема реконструкции элементов прототекста) // Образ-смысл в античной культуре. М., 1990. С. 69–70; *Шауб.* Ахилл...; *Иванчик.* Накануне колонизации. С. 68–82; *Белоусов А.В.* Ахилл и амазонки на Белом острове // // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Чтения памяти И.М. Тронского. СПб., 2007. С. 15–20; *Шауб.* Миф, культ, ритуал... С. 182–198; *Белоусов.* Нереиды и культ Ахилла... С. 30–35.

GRÉGORY BONGARD-LEVIN, CORINNE BONNET, YURI LITVINENKO, ARNALDO MARCONE. Mongolus Syrio salutem optimam dat. La correspondance entre Mikhaïl Rostovtzeff et Franz Cumont (Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Letters, 36). Paris, 2007. XVI, 364 p., ill.

Книга, о которой пойдет речь, посвящена М.И. Ростовцеву и носит во многом итоговый характер: во-первых, в ней представлены результаты многолетних исследований; во-вторых, ее публикацией, очевидно, завершается определенный период в изучении личности и наследия великого русского историка. Увы, это мое утверждение имеет и еще один, печальный смысл: с нами больше нет Г.М. Бонгард-Левина и Ю.Н. Литвиненко, без которых не было бы не только этого издания, но и многого другого – прежде всего, двух посвященных Ростовцеву томов, получивших широкое признание и в России и за рубежом[1]. В память о коллегах и друзьях позволю себе начать данную рецензию цитатой из их предисловия ко второму из упомянутых томов, обыгрывающей его название: «Искания и открытия Ростовцева были своего рода ответом выдающейся личности на вызовы и удары судьбы, "*выстрелом*" который потряс научный мир и эхо которого все еще доносится до нас»[2].

Публикация переписки М.И. Ростовцева и Ф. Кюмона в престижной серии «Записки Академии надписей и изящной словесности», осуществленная при поддержке Российской академии наук, Бельгийской академии в Риме и парижского Дома наук о человеке, сама по себе говорит о признании важности этого международного проекта, что и отметил в кратком предисловии Ж. Леклан (с. VIII). Книга включает в себя полную публикацию 164 писем, которыми два выдающихся антиковеда обменивались на протяжении почти полувека (первое письмо датировано 21 октября 1897 г., последнее – 15 февраля 1941 г.): всего публикуется 97 писем Ростовцева и 67 Кюмона. Оба писали на французском языке, и издатели старались держаться как можно ближе к оригиналу. Каждая единица этой богатейшей по содержанию переписки снабжена развернутыми научными комментариями в виде постраничных сносок со сплошной нумерацией, что обеспечивает их удобное использование. В сочетании с «Введением» (с. 3–53) эти комментарии представляют собой полноценное глубокое научное исследование, в котором освещаются не только жизнь и творчество двух главных героев на широком историческом фоне, но и многообразные темы их научных занятий с точки зрения современного состояния их изучения.

Центральное место в публикуемой переписке занимает Дура-Европос – город в Сирии, американо-французскими раскопками которого в 1928–1937 гг. руководили главные герои книги. Именно этому посвящено большинство писем, комментариев и значительная часть «Введения» (с. 10–48). Кроме того, в книге имеется специальное приложение, в котором собраны документы, имеющие отношение к истории раскопок и изучения Дура, призванные прояснить и дополнить содержание переписки Ростовцева и Кюмона (с. 279–341). Речь идет о переписке каждого из них с иными адресатами, отчетах с места раскопок, докладах, меморандумах и других официальных документах. Бóльшая часть этих материалов уже публиковалась ранее[3], однако воспроизведение их в рецензируемом томе, пусть и без комментариев, поскольку речь идет о приложении вспомогательного характера, имеет самостоятельную ценность: все 22 документа впервые приводятся на языке оригинала, т.е. по-французски или по-английски.

Отдельного упоминания заслуживают иллюстрации книги: 22 листа таблиц с прекрасно подобранными фотографиями, на которых читатель может видеть самих М.И. Ростовцева и Ф. Кюмона, С.М. Ростовцеву, А. Сейрига, Р.Дж. Энджелла, К. Годкинса и других; виды древних городов Сирии и, конечно, немало изображений городища Дура и материалов раскопок. В нескольких случаях фотографии приводятся попарно: например, общий вид цитадели Дура-Европос представлен фотографией начала 1920-х годов из книги Ф. Кюмона и новым снимком, который с той же точки сделал Ю.Н. Литвиненко в апреле 2006 г. (табл. XIV; ср. табл. XI). Воспроизведены несколько писем Ростовцева Кюмону и знаменитая телеграмма от 10 февраля 1934 г. («Митреум

---

[1] Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997; Парфянский выстрел / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина и Ю.Н. Литвиненко. М., 2003.

[2] Парфянский выстрел. С. 7.

[3] См. Скифский роман. С. 534–536, 539–541, 544–547, 568; Парфянский выстрел. С. 27–28, 31–35,45–48, 126–127, 161–164, 168–169, 203–206.

с росписями найден возле Вашей палатки, приезжайте. Хопкинс, Ростовцев»)[4], на цветную фотографию которой трудно смотреть без волнения (табл. VI).

Единственное замечание, которое можно высказать к оформлению книги, касается заголовков писем: хотелось бы, чтобы их последовательная нумерация сопровождалась кратким указанием на автора и адресата (Ростовцев – Кюмону, Кюмон – Ростовцеву). Конечно, в каждом случае это нетрудно установить, к тому же в конце тома имеется сводная хронологическая таблица (с. 343–346), где приводятся все необходимые данные: автор и получатель, дата, тип (письмо, открытка или телеграмма), место отправления и, если известно, назначения. Но все же более информативный заголовок каждого письма не помешал бы, тем более что материалы, помещенные в приложении, оформлены именно так, например: «Письмо Дж. Брестеда Ф. Кюмону (1928)» или «Копия письма М.И. Ростовцева Дж.Р. Энджелу (1931)».

Итак, перед нами замечательное издание, которое может служить образцом научной публикации историографического характера. О том, сколь много нового принесла эта книга, свидетельствует хотя бы то, что в опубликованной в 1992 г. статье, специально посвященной раскопкам Дура-Европос, о переписке Ростовцева и Кюмона не было и речи[5], а теперь никакая работа об этом городе без использования рецензируемого издания невозможна. Высокий уровень, на котором оно выполнено, обеспечен не только квалификацией авторов, но и огромной предварительной работой, результаты которой публиковались и становились предметом заинтересованного обсуждения коллег на протяжении многих лет.

Работа группы в составе Г.М. Бонгард-Левина, К. Бонне, Ю.Н. Литвиненко и А. Марконе над проектом полного издания переписки Ростовцева и Кюмона началась в 1997 г., когда были опубликованы, с одной стороны, «Скифский роман», с другой стороны, первый том, посвященный научной переписке Ф. Кюмона, хранящейся в Риме и ставшей предметом специального изучения К. Бонне[6]. За тем, как развивался проект, можно было следить по выступлениям его участников на научных конференциях и заседаниях академий, по регулярно появлявшимся публикациям статей и подборок писем. А итогом их дружных усилий стал превосходно изданный том, которым может гордиться международное сообщество антиковедов.

Е.В. Ляпустина

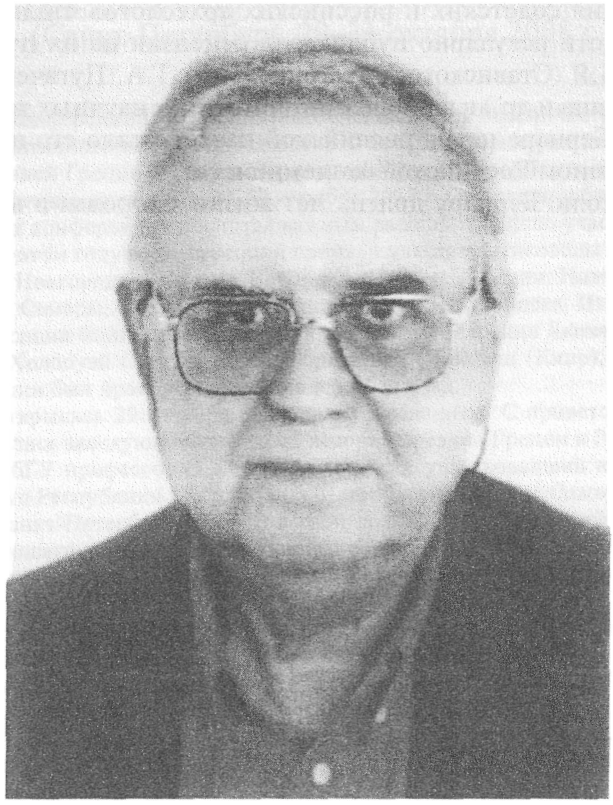
---

[4] Подробнее см. *Бонгард-Левин Г.М., Гаибов В.А., Кошеленко Г.А.* Открытие митреума в Дура-Европос и современная митраистика // ВДИ. 2004. №1. С. 125–157.

[5] *Мэтесон С.Б.* М.И. Ростовцев и Дура-Эвропос // ВДИ. 1992. № 4. С. 130–139.

[6] La correspondance scientifique de Franz cumont conservée à l'Academia Belgica de Rome / Ed. C. Bonnet. Bruxelles–Rome, 1997. Результаты обработки обширного архива Ф. Кюмона представлены на сайте в виде базы данных, насчитывающей около 17 000 единиц.

К 80-ЛЕТИЮ ПОЛЯ БЕРНАРА

Редакционный совет и Редакционная коллегия журнала «Вестник древней истории», а также коллектив сотрудников Центра сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН поздравляют выдающегося французского исследователя античной цивилизации, действительного члена Академии надписей и изящной словесности Франции и иностранного члена РАН Поля Эжена Бернара с его восьмидесятилетием.

Исследования Поля Бернара посвящены в первую очередь эллинистическому Востоку. Осуществленные им раскопки городища Ай Ханум (Северный Афганистан) и интерпретация полученных материалов кардинальным образом изменили картину исторического прошлого всего Центрально-Азиатского региона в древности и раннем средневековье. На место легенд и миражей пришло твердое научное знание, открывшее новые перспективы исследований. Поль Бернар – образец настоящего антиковеда-энциклопедиста, который в равной степени яв-

ляется крупнейшим специалистом в области археологии, истории, нумизматики, эпиграфики, истории искусства, исторической географии.

В течение долгих лет Поль Бернар тесно связан с российской наукой. С 1965 по 1980 г. он руководил Французским археологическим представительством в Афганистане (Délégation archéologique française en Afghanistan) и вел раскопки в Ай Хануме. По его инициативе в этих раскопках приняли участие и советские археологи (Р.М. Мунчаев, Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, Б.А. Литвинский). Его сотрудничество с советскими коллегами продолжалось и позже, а в 1989 г. он стал содиректором советско-французской (позднее французско-узбекской) экспедиции в Афрасиабе (древний Самарканд). Организованная им экспедиция успешно продолжает работать и сейчас. П. Бернар много сделал для того, чтобы достижения советских и российских археологов стали известны за рубежом, в частности регулярно публиковал рецензии на их публикации (книги М.Е. Массона, Б.Я. Ставиского, Г.А. Кошеленко, Г.А. Пугаченковой, Б.Д. Кочнева, И.Р. Пичикяна и др.) в наиболее авторитетных научных журналах. Признанием заслуг П. Бернара перед российской наукой стало его избрание в 2003 г. иностранным членом Российской академии наук.

Мы желаем Полю Бернару долгих лет жизни, здоровья и новых творческих достижений.

© 2009 г.

ДЕСЯТЫЕ ЖЕБЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (Санкт-Петербург, 29–31 октября 2008 г.)

Среди научных конференций, объединяющих специалистов России и стран СНГ в области истории и культуры античного мира, «Жебелёвские чтения», которые уже десять лет проводит кафедра истории древней Греции и Рима исторического факультета, без сомнения, заняли важное место. Очередные чтения состоялись 29–31 октября 2008 г. Они стали юбилейными – десятыми, поэтому оргкомитет конференции посчитал важным расширить число участников и круг обсуждаемых проблем. В этом году в конференции приняли участие антиковеды из Санкт-Петербурга, Москвы, Великого Новгорода, Вологды, Воронежа, Иванова, Казани, Нижнего Новгорода, Перми, Петрозаводска, Самары, Саратова, Ставрополя, Твери, Челябинска. Из зарубежных научных центров на конференции были представлены университеты Мартина Лютера (Галле-Виттенберг, Германия), Ройял Холлоуэй (Лондон, Великобритания), Никосии (Кипр), Хельсинки (Финляндия). На конференции был прослушан и обсужден 71 доклад.

Конференция открылась 29 октября пленарным заседанием. С приветственным словом к ее участникам обратились заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима, директор Центра антиковедения СПбГУ профессор *Э.Д. Фролов*, а также участвовавший в работе конференции Генеральный консул Республики Кипр в Санкт-Петербурге *Антонис Саммутис*.

Э.Д. Фролов (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад 150-летнему юбилею В.П. Бузескула (1858–1931), выдающегося представителя нового социально-политического направления в русской науке об античности. Его главный научный вклад заключался в исследовании генезиса и развития демократии в древних Афинах. Вместе с тем он был крупным историографом, разрабатывавшим в своих трудах многие сюжеты античной исторической мысли и современного антиковедения. Насколько творчество этого ученого значимо и для современной науки истории, показывает тот факт, что только что вышел в свет в полном виде главный историографический труд В.П. Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» (первое, неполное издание, без части, посвященной византинистике и славяноведению, было опубликовано в 1929–1931 гг.). Новое издание этого капитального труда осуществлено стараниями известного петербургского специалиста по истории науки, директора Санкт-Петербургского филиала Архива РАН И.В. Тункиной.

В докладе «Античные театры Кипра» *Антонис Саммутис* (Antonis Sammoutis) подчеркнул, что Кипр развивался в русле общегреческой исторической и культурной традиции: на острове возник ряд греческих полисов, сформировались типичные для древней Эллады институты управления и формы общественной жизни. Докладчик отметил, что каменные театры стали строиться на Кипре позже, чем в материковой Греции – в эпоху эллинизма и в римское время. *В.М. Строгецкий* (Нижний Новгород) в докладе «Особенности мировоззрения Геродота» раскрыл важнейшие черты философско-религиозных представлений «отца истории», которые в значительной степени определили характер его знаменитого произведения. В целом взгляд Геродота на мир сформировался под сильным влиянием религии и мифологии, но при этом мировоззрение знаменитого историка подверглось влиянию набиравшего силы рационализма: Геродот испытал сильное воздействие ионийской философии и науки и идей Аристагора. Автор доклада опроверг бытующее среди некоторых ученых представление о том, что Геродот не искал подлинных причин событий, а руководствовался объяснениями религиозного характера.

К. Милета (Christian Mileta) (Галле-Виттенберг, Германия) представил доклад на тему «Полисы – туземные города – военные колонии. Размышления по поводу городской системы в эллинис-

тической Малой Азии». Автор подчеркнул, что в эпоху Александра произошло принципиальное изменение политической и административной системы малоазийского региона по сравнению с предшествовавшим периодом персидского господства. В Малой Азии и эллинистическом мире в целом выделялись, с одной стороны, греческие города (πόλεις), с другой – населенные преимущественно коренными народами внутренние сельские районы (χώρα). В этой иерархии старые и вновь основанные полисы Малой Азии имели привилегированный статус. К. Милета отметил наиболее важные, на его взгляд, черты полисов эллинистического периода. Прежде всего, это более сложный состав населения, которое состояло из туземцев, прежних военных колонистов, греков и македонян, а также эмигрантов из других частей эллинистического мира. Также важными чертами эллинистической эпохи стало распространение полисной модели вплоть до Египта и Средней Азии и сохранение полисами традиционной конституционной и политической структуры, греческого языка и культуры. Несомненно, сделал вывод К. Милета, эллинизм был эпохой не падения, а динамичного распространения полисной модели. Доклад *Ю.Б. Циркина* (Великий Новгород / Санкт-Петербург) «Раннее средневековье или поздняя древность?» был посвящен дискуссионному вопросу – хронологии перехода в Европе от древности к средневековью. Автор указал, что понятие «поздняя древность» появилось в науке еще в 1889 г. После Второй мировой войны теория «поздней древности» стала все более распространяться и в настоящее время приобрела все «права гражданства». Под «поздней древностью» понимается период, когда античные механизмы еще не исчезли и в значительной степени сохранили свою работоспособность. Этот период обычно начинают со времени кризиса III в. н.э. или его преодоления императором Диоклетианом, верхняя же граница периода «поздней древности» спорна. Ю.Б. Циркин отметил, что существуют и другие концепции позднеантичного и раннесредневекового периода, в частности «теория кризиса», в соответствии с которой время распада и крушения Римской империи и сложения варварских королевств является периодом второго общеисторического кризиса.

Во второй половине дня 29 октября начали работу секционные заседания. На конференции успешно работали секции по истории древней Греции, истории эллинизма, истории Рима, истории античной культуры, истории раннего христианства и историографии. На первом заседании *секции по истории древней Греции* (председатель – О.В. Кулишова), посвященном преимущественно проблемам греческой архаики, были обсуждены семь докладов. *А.Г. Курилов* (Санкт-Петербург) в докладе «О роли института царской власти в военной деятельности дорийских общин архаической эпохи» подчеркнул, что достоинство басилея было неразрывно связано с его функциями военачальника. Однако, по мнению докладчика, закрепление этой функции за басилеями следует объяснять прежде всего религиозными, а не сугубо военными факторами. Война – экстремальный вид общественной деятельности, направленной на обеспечение условий существования социума; священная фигура царя была призвана мерами сакрального характера гарантировать поддержание или достижение этих условий. В докладе «Имя последнего лидийского царя из династии Гераклидов» *С.М. Жестоканов* (Санкт-Петербург) указал, что в античной традиции последний лидийский правитель известен под несколькими именами. Геродот сообщает, что лидийцы называли его Кандавлом, а греки – Мирсилом. Докладчик заключил, что имя Мирсил, содержащее поссессивный суффикс -li, является патронимом и означает «сын Мирсила», что подтверждается и сведениями из Николая Дамасского. С другой стороны, имя Кандавла, по-видимому, было эпитетом или титулом лидийского царя. Гесихий считал его именем или эпитетом Гермеса или Геракла со значением «душитель собак». В соответствии с мифологической традицией именно Геракл был родоначальником дома Мирсила. Личным же именем лидийского царя было имя Садиатт, которое упоминает Николай Дамасский. Таким образом, три различных имени лидийского царя, по мнению С.М. Жестоканова, не представляют собой противоречащие варианты традиции: лидийский царь Садиатт (личное имя) был известен также под патронимом Мирсил и почетным родовым прозвищем-эпитетом Кандавл.

В докладе *О.Ю. Владимирской* (Санкт-Петербург) «Алкмеониды и Писистрат: к вопросу о борьбе аристократов и тиранов» было показано значение конфликта в аристократической среде для становления афинского государства в период архаики. По мнению автора, и аристократы, и тираны не придерживались принципиальных политических программ, а умело использовали сложившуюся ситуацию для достижения и сохранения своего влияния в Аттике. Тирания Писистрата, положив конец соперничеству аристократов внутри страны, позволила аттическому демосу развиваться без внутренних смут, так что к концу VI в. до н.э. Клисфен обращается к народу как к сложившейся силе. Введенный в завершение его реформ остракизм стал тем механизмом, который должен был защитить общество от политических амбиций сильной личности. В докладе *Е.А. Венидиктовой* (Казань) «О тирании в Аргосе в VII–VI вв. до н.э.» были проанализированы сообщения античных авторов, касавшихся этого значимого момента архаической истории

Аргоса и упоминавших аргосских тиранов. Особое внимание автор уделила вопросу о статусе аргосского правителя Фидона, который, по ее мнению, сначала занимал выборную должность царя, но впоследствии утвердил свою тираническую власть.

Л.А. Пальцева (Санкт-Петербург) в докладе «Судебные институты архаической Греции» поставила целью проанализировать свидетельства традиции, способные пролить свет на способ организации и структуру судебной власти в раннегреческом обществе. Автор отметила, что в VIII–VII вв. до н.э. в этой сфере происходят изменения, тесно связанные с введением письменных законов. В наиболее ранних источниках (Гомер, Гесиод, Гомеровские гимны Деметре и Гермесу) суд вели басилеи («цари»), которые составляли совет из числа людей наиболее высокого социального ранга. Новый тип суда появился в конце VII в. до н.э. в Катане (в результате реформ Харонда) и в Афинах (вследствие реформ Драконта и Солона). Судьи избирались из числа граждан разных классов, а сам состав суда стал более многочисленным. *Е.В. Макарова* (Великий Новгород) посвятила свой доклад теме «Ликурговы традиции и пифагорейская политическая практика (на примере Кротона)». Анализируя свидетельства традиции о посещении Пифагором Спарты и Крита до его приезда в Кротон, Е.В. Макарова заключила, что Пифагор в период своей деятельности в Кротоне использовал Ликурговы традиции организации политической жизни в Спарте, имевшей в конце VI в. до н.э. славу «идеального полиса». Это заимствование, по мнению автора, проявилось среди прочего и в некотором совпадении государственных форм. Заседание завершилось обсуждением доклада *П.В. Ковалева* (Москва) «Война Кротона и Сибариса: столкновение полисов или коалиций?», посвященного анализу особенностей политической жизни греческих полисов Южной Италии и Сицилии.

На первом заседании *секции по истории эллинизма* (председатель – В.П. Никоноров) было представлено пять докладов, вызвавших активную дискуссию. *М.М. Холод* (Санкт-Петербург) в докладе «Хиос при Александре Великом» рассмотрел политику Александра Македонского в отношении греческих полисов островов Эгейского моря и Малой Азии на основе интерпретации сохранившихся надписей – двух писем Александра Хиосу, а также относительно недавно открытого декрета о возвращении политических изгнанников. По мнению автора, новая надпись наиболее вероятно может быть датирована именно 332 годом до н.э., когда в связи с победами Александра над персами в городе окончательно установилась власть демократической группировки и встал вопрос о гражданском примирении и возвращении изгнанников. *А.К. Нефёдкин* (Санкт-Петербург / Фрайбург, Германия) посвятил свое выступление «Индийская кампания Александра Македонского в освещении историографии нового времени» анализу трудов ученых XIX–XX веков, в которых рассматривались события 327–325 годов до н.э. – войны Александра против индийских племен и, главным образом, битва при Гидаспе. *С.К. Сизов* (Нижний Новгород) в докладе «Федеральное собрание в Союзе акарнанов (III–II вв. до н.э.)» отметил, что союз акарнанов представлял собой одну из тех полисных федераций, которые выросли из племенных союзов и в эллинистический период занимали основную часть территории континентальной Греции. В докладе на основе анализа отрывочных сведений об устройстве этого союза были сделаны предположения относительно состава, периодичности созыва, места и порядка заседаний и объема полномочий верховного органа федерации – собрания, именуемого в различных источниках то «общей экклесией», то «тысячью».

В докладе «Проблемы македонской государственности эллинистической эпохи и некоторые научные мифы» *Ю.Н. Кузьмин* (Самара) подчеркнул, что в связи со значительным расширением в последние два десятилетия числа источников (особенно эпиграфических) появилась возможность по-новому осветить целый ряд вопросов. Обратившись к титулатуре македонских правителей, автор пришел к выводу, что устоявшееся в науке мнение А. Эймара об официальном именовании правителя в Македонии со времени Александра Великого – βασιλεὺς Μακεδόνων – не может быть признано корректным. Подобная титулатура эпизодически засвидетельствована только в связи с Кассандром и Филиппом V, и ее появление было связано с вполне конкретными политическими ситуациями. Ю.Н. Кузьмин указал, что нет никаких оснований говорить о необходимости санкционирования важнейших решений царя собранием воинов. Такой же вывод должен быть сделан и в связи с распространенной точкой зрения об утверждении нового царя войсковым собранием; корректнее говорить лишь о формальном представлении царя македонянам. В докладе *О.Ю. Климова* (Санкт-Петербург) «Проблема типологии государственной власти в Малой Азии эпохи эллинизма» была предпринята попытка рассмотреть варианты формирования эллинистических государств в областях Переднего Востока. Автор подчеркнул, что эллинистическая государственность складывалась в малоазийском регионе на основе давних традиций и сложившихся институтов. По его мнению, один вариант представляли собой монархии, образовавшие в результате естественного развития родоплеменных структур – Вифиния, Галатия. Другой вари-

ант являют собой государства, сохранившие сильную иранскую традицию – традицию империи Ахеменидов; к этой категории относятся Каппадокия, Понтийское царство. Особым вариантом можно считать Пергамское царство, которое образовалось на основе власти правителя – тирана, утвердившегося в одном городе, создавшего династию, которая постепенно превратила свое первоначально незначительное владение в территориальное государство.

На заседании *секции по истории Рима* (председатель В.Н. Парфенов) были заслушаны шесть докладов. *А.В. Коптев* (Хельсинки, Финляндия) в докладе «Rex sacrorum и возникновение Римской республики» указал, что реформа царской власти, датируемая концом VI в. до н.э., совпадает по времени с освящением храма Юпитера Капитолийского. Согласно гипотезе Кр. Хенелла, с новым культом Juppiter Optimus Maximus был введен новый гражданский календарь с началом года 1 сентября. В результате, rex sacrorum, исполнявший главную роль в ритуалах прежнего календарного цикла, начинавшегося с 1 марта, был оттеснен на второй план жречеством, связанным с новым культом. В докладе была рассмотрена позиция Великого Понтифика в новом раскладе жреческих полномочий. Кроме того, автор обсудил гипотезу военно-жреческого (ритуального) происхождения консулата. Особенностям религиозной жизни архаического Рима был посвящен также и доклад *А.Н. Грешных* (Москва) «Ранние римские культы».

О.В. Кармазина (Воронеж) в докладе «Этрусский период в истории Капуи» отметила, что новейшие открытия итальянских археологов позволили внести коррективы в наше представление о времени и характере пребывания этрусков в Капуе. Если ранее основание города связывалось непосредственно с проникновением этрусков в Кампанию, то теперь мы можем вести речь о формировании условий для возникновения городского поселения на месте будущей Капуи задолго до этого события, а именно в начале VIII в. до н.э. О.В. Кармазина подчеркнула, что этруски, несомненно, оказали большое влияние на строительство, экономическую и религиозную жизнь Капуи, однако ясно, что значение осков в развитии города было более значительным, чем представлялось прежде.

В докладе «Проблема основания римских колоний в Северной Африке в конце II в. до н.э.» *Д.А. Кирюшов* (Санкт-Петербург) выделил два этапа римской колонизации. Первый опыт колонизации, осуществленный Гаем Гракхом, представлял собой скорее компромиссный вариант: колония (Юнония) как таковая основана не была или просуществовала очень недолго, но земельные ассигнации в районе Карфагена проводились и после падения младшего Гракха, а уже выделенные участки не конфисковались (последнее подтверждается данными аграрного закона 111 г. до н.э.). Второй этап отмечен основанием по крайней мере двух колоний ветеранов Гая Мария (ок. 103 г.). И в гракханской Юнонии, и в поселениях марианских ветеранов колонистам предоставлялись очень большие (в сравнении с италийскими) наделы площадью от 100 до 200 югеров. Обработка таких участков силами одной семьи была практически невозможна, поэтому выходом из затруднительной ситуации стала сдача земли в аренду. Собственники участков становились отныне господствующим классом в Северной Африке, в то время как местное население переводилось на уровень мелких арендаторов.

А.Б. Егоров (Санкт-Петербург) в докладе «Римские популяры: терминология, идеологическая модель и политическая практика» отметил, что еще со времен Т. Моммзена в науке утвердилась теория борьбы в Риме двух больших партий, оптиматов и популяров, конфронтация которых прослеживается во времена от Гракхов до Цезаря. В 20–30-е годы XX в. эта теория была опровергнута в исследованиях ряда ведущих зарубежных ученых (М. Гельцер, Ф. Мюнцер, Г. Штрассбургер, Л.Э. Тейлор и др.), считавших, что в условиях древнего Рима речь могла идти только о «личных партиях» и разного рода клановых объединениях. Однако начиная с 60–70-х годов намечается известного рода компромисс между новыми теориями и концепцией Т. Моммзена (Хр. Мейер, Э. Линтотт, С.Л. Утченко и др.). Рассматривая данные о популярах, автор сделал вывод, что хотя это политическое течение не имеет ряда организационных характеристик, свойственных более поздним объединениям, все же обнаруживает четкие признаки единства. Это была оппозиция сенату, точнее, наиболее активная и идеологизированная ее часть. По мнению А.Б. Егорова, судьба популяров разрушает миф о «свободе» Римской республики. Из 38 известных нам популяров свыше половины стали жертвами репрессий, судебных преследований и внесудебных расправ и только в 50-е годы популяры нашли защиту в лице Цезаря и его галльской армии. Завершил заседание доклад *Анара Нуру оглы Нуруллаева* (Санкт-Петербург) «К вопросу об образе Марка Юния Брута в античной традиции». Автор проследил основные этапы отличающейся крайней противоречивостью жизни и деятельности Марка Юния Брута.

На утреннем заседании 30 октября продолжила свою работу *секция по истории древней Греции* (председатель – В.М. Строгецкий), было прослушано и обсуждено семь докладов. *В.Р. Гущин* (Пермь) в докладе «"В эту пору... партия благородных не имела даже вождя". Афинская

аристократия в середине V в. до н.э.» обратился к вопросу о роли аристократии как значимой социальной группы, а также отдельных лидеров знатного происхождения в политической борьбе в древних Афинах. По мнению автора, персональный фактор имел огромное значение в политической практике древних Афин, особенно для аристократии. Важной чертой политического процесса в Афинах в середине V в. до н.э. было то, что афинская аристократия время от времени лишалась лидеров, а вместе с ними и своего лидирующего положения в обществе. В докладе «Темы морали и справедливости в речах Фукидида» *М.С. Абаимов* (Нижний Новгород) привел общие соображения о системе моральных ценностей в Греции классического периода, которые в условиях такого обширного конфликта, как Пелопоннесская война, не могли остаться прежними. Эти изменения нашли свое выражение в речах ораторов, идеологов политических событий того времени. Проанализировав ряд речей (речь афинян в Спарте [I,73–78], митиленский диалог [III, 37–48], речь Гермократа в Геле [IV, 59–64], речь Евфема в Камарине [VI, 82–87] и др.), автор заключил, что этот материал свидетельствует о формировании новой своеобразной системы моральных норм, в которой возникает отличное от традиционного понятие о справедливости, а основной вопрос внешнеполитической этики того времени – уместность и моральная оценка имперских устремлений – получает новую трактовку.

Доклад *Т.В. Кудрявцевой* (Санкт-Петербург) «Судебные проклятия как источник по афинскому судопроизводству» был посвящен анализу табличек с судебными проклятиями. По ее мнению, ряд примеров свидетельствует о том, что агрессивная «черная магия» использовалась не только простыми афинскими обывателями в делах по частным искам, но и определенными политическими группировками, преследующими политические цели в «государственных» процессах. *О.В. Кулишова* (Санкт-Петербург) в докладе «Дельфийские реминисценции в греческой драме: театр в контексте полиса» рассмотрела вопрос о том, было ли демократическое устройство Афин необходимым и определяющим условием для расцвета театра. Автору более обоснованным представляется связывать театр со становлением и развитием полиса в целом, а не с какой-либо его формой, в частности демократической. О.В. Кулишова подчеркнула, что эта фундаметальная связь проявляется среди прочего и в изменении традиционных религиозных установок, отчетливо отразившихся в аттической драме. Изменения эти автор доклада проследила, исследуя тему Дельф (воплощавших религиозную традицию) у Эсхила, Софокла и Еврипида.

С.Г. Карпюк (Москва) в докладе «Афинские писцы/секретари как социокультурная группа» на основе анализа данных антропонимики пришел к выводу о существенном отличии афинских писцов/секретарей от основной массы афинских граждан, в частности об очень значительном отличии их от наиболее социально активных сторонников демократии. Если судить по собственным именам, афинские писцы/секретари близки к членам фиасов (религиозных объединений). Это, по мнению автора, означает, что они сформировали особую социальную группу, отгороженную некими культурными рамками. Афинская демократия не препятствовала образованию и функционированию обслуживающих ее «элитарных» социальных групп: система контроля их деятельности народным собранием или другими демократическими институтами позволяла держать «слуг народа» под постоянным присмотром.

Д.В. Бубнов (Пермь) в докладе «Филист, Гелорис и формирование союза италиотов в начале IV в. до н.э.» указал, что одной из центральных фигур в главах «Исторической библиотеки» Диодора, посвященных событиям начала IV в. до н.э. в Южной Италии, является сиракузский изгнанник Гелорис. В докладе была предпринята попытка показать роль этого исторического лица в складывании военно-политического объединения италиотов и усилении конфронтации союза с сиракузским тираном Дионисием Старшим. Кроме того, автор рассмотрел вопрос об отношении к этим событиям Филиста и влиянии его оценок на изложение Диодора. В докладе «Скифы и Боспор от Агаэта до Савмака» *Е.А. Молев* (Нижний Новгород) охарактеризовал взаимоотношения античных государств Северного Причерноморья, прежде всего Боспорского царства, и окрестных варварских племен, главным образом скифов. По мнению автора, источники по данной проблеме свидетельствуют о тесных дружественных взаимосвязях этих двух этнополитических объединений во все времена, что привело в итоге к попытке образовавшейся на Боспоре скифской элиты взять власть в Боспорском царстве в свои руки во время восстания Савмака в конце II в. до н.э.

Одновременно с секцией древнегреческой истории также состоялось второе заседание *секции по истории эллинизма* (председатель – С.К. Сизов), на котором было заслушано четыре доклада. В докладе «Попытки государственного регулирования экономики в монархии Селевкидов» *А.Г. Грушевой* (Санкт-Петербург) остановился на анализе малоазийских надписей, датируемых рубежом III–II веков до н.э. Надписи из Сард, Иаса и Гераклеи на Латмосе, относящиеся ко времени правления Антиоха III, показывают, что вмешательство верховной власти в хозяйствен-

ную жизнь городов происходило в случае значительного уменьшения количества полноправных граждан, а также при отсутствии в городской казне средств для осуществления принципиально важных для городской жизни мероприятий. При этом верховная власть была готова идти на значительное облегчение налогового бремени и предлагала городской администрации целую серию мер, направленных на то, чтобы город мог сам заработать требуемые денежные средства. *С.В. Смирнов* (Москва) в докладе «Слоновые колесницы Антиоха IV» предпринял попытку объяснить появление на праздниках в Дафне (166 г. до н.э.) двух колесниц, запряженных парой и четверкой слонов (Polyb. XXX. 25.11. Ed. Büttner-Wobst). Данный сюжет имеет глубокие эллинистические корни – слоновую колесницу можно обнаружить на монетах Селевка I, а также на тетрадрахмах, выпущенных во время сорегентства его сына Антиоха I. По мнению автора, в целом для Селевкидов символ «слоновая колесница» означал власть над Востоком. Таким образом, появление их на праздниках в Дафне можно рассматривать как элемент пропаганды царской власти в преддверии предстоящего Восточного похода, начавшегося в 165 г. до н.э.

В.П. Никоноров (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад «Римляне в Бактрии? К вопросу о западных элементах в вооружении эллинистической Бактрии» анализу терракоты с изображением пешего воина с мечом и в доспехах, которая была найдена в крепости античного времени Кампыр-тепе в Северной Бактрии (ныне в Сурхандарьинской обл. Республики Узбекистан). Терракота датируется второй четвертью II в. до н.э. Анализ вооружения воина позволил автору утверждать, что оно сочетает в себе греческие и кельтские элементы и вовсе не является македонским или римским, как полагают некоторые исследователи. *А.П. Беликов* (Ставрополь) в докладе «Завещания эллинистических царей в пользу Рима: к постановке проблемы» обратился к уникальной в мировой истории практике, когда в период республиканского Рима разные эллинистические цари пять раз оставляли завещания, по которым после их смерти государства их должны были перейти к «сенату и народу римскому». Определяя причины появления столь странных «завещаний», автор доклада заключил, что все они появились в результате целенаправленной работы римского сената.

Утром 30 октября также продолжила свою работу *секция по истории Рима* (председатель – А.Б. Егоров). Вниманию слушателей было предложено пять докладов, посвященных преимущественно истории Рима в эпоху Поздней республики и Ранней империи. В докладе «Цицерон – путешественник поневоле» *М.В. Белкин* (Санкт-Петербург) отметил, что Цицерон не любил путешествовать, однако восемь лет жизни провел вдали от Рима и Италии, хотя и против своей воли. Доклад *С.М. Адамского* (Санкт-Петербург) «Интерпретация Цицероном событий политической жизни Рима после убийства Цезаря (по «Филиппикам»)» был посвящен реконструкции и анализу столкновения в сенате взглядов Цицерона и его оппонентов. Аргументацию Цицерона С.М. Адамский сравнил с трактовкой сторонников Антония и интерпретацией событий данного периода, закрепившейся в официальной историографии эпохи Августа.

И.П. Портнягина (Тверь) в докладе «Юлия Старшая в системе династической политики Августа» отметила, что «Дело Юлии» едва ли было только процессом о супружеской измене, за ним крылось крупное политическое дело, вероятно, реально существовавший (или мнимый) заговор, факт которого и хотел скрыть Август. В докладе «Причины британского похода Клавдия» *Н.С. Широкова* (Санкт-Петербург) отметила в числе таковых во-первых, наличие свободных римских войск, стоявших на Дунае, Рейне и в Испании, во-вторых, незавершенность завоевательной политики в отношении Британии, начатой Калигулой, в-третьих, стремление овладеть богатствами Британии, о которых римлянам стало известно. Наконец, успеху предприятия должна была способствовать нестабильная политическая ситуация в самой Британии. В докладе «Молитва, гимн и мученичество в ранней христианской традиции» *В.В. Василик* (Санкт-Петербург) рассмотрел специфику христианского обращения к Богу, а также феномен христианского мученичества.

Во второй половине дня 30 октября секции возобновили свою работу. На третьем заседании *секции по истории древней Греции* (председатель – С.М. Жестоканов) вниманию слушателей было предложено семь докладов. В докладе «Тирания Тридцати в Афинах в 404/3 г. до н.э.: обзор источников и литературы» *Е.В. Никитюк* (Санкт-Петербург) отметила, что несмотря на наличие хорошей источниковой базы, все попытки исследователей детально восстановить последовательность событий в Афинах в 404/403 г. наталкиваются на расхождение источников в освещении отдельных этапов этого процесса. Что касается новейшей историографии, то в русскоязычной литературе теме правления Тридцати тиранов и их свержения уделялось очень мало внимания. Иностранные авторы гораздо чаще обращались к этому сюжету. В докладе *А.А. Синицына* (Саратов) «Брасид и Пердикка II: к истории одного союза в освещении Фукидида» были рассмотрены обстоятельства халкидикско-фракийской кампании пелопоннесцев. Предметом обсуждения стал

союз Македонии и Спарты в 424–423 годах до н.э. и попытки совместных военных акций македонского царя Пердикки II и спартанского военачальника Брасида. Фукидид стремится показать, что вопреки эгоистичному и изменчивому поведению македонского царя именно самостоятельность Брасида обусловила успех спартанцев на севере Греции. Докладчик проследил динамику взаимоотношений союзников, их явные и скрытые намерения и то, в какой мере были оправданы расчеты каждой из сторон, составивших этот кратковременный и непрочный альянс.

Два следущих доклада – *М.Н. Химина* (Санкт-Петербург) «Союз Зевса и Фетиды в системе теогонических представлений древних греков» и *А.Б. Шарниной* (Санкт-Петербург) «Эллинские обычаи и религиозные празднества» – были посвящены исследованию различных аспектов античной религии и мифологии. В частности, А.Б. Шарнина подчеркнула, что праздники, сопровождающиеся состязаниями, победа в которых отмечалась наградами (символическими или весьма ценными), стали важной частью общественной жизни эллинов и одной из форм связей между общинами в период становления полиса. Однако, по ее мнению, как общегреческие, так и местные игры восходят к древним традициям, прежде всего к обычаю гостеприимства, дававшему гостю защиту и сопровождавшемуся обменом подарками и угощением. Кроме того, важную роль в становлении панэллинских центров и праздников сыграла также неприкосновенность личности на территории святилища. Большое значение имел также образ жизни греческой элиты, неотъемлемой частью которого были пиры и занятия спортом.

В докладе «Сценические функции хора аттической трагедии V в. до н.э.». *Н.С. Крылова* (Санкт-Петербург), сосредоточившись на эстетической проблематике, обозначила в этой связи важнейшие функции хора, который выступал и камертоном, сонастраивающим орхестру и театрон, и носителем ритмического начала, и словесной декорацией, и пространственно-временным континуумом спектакля, и его музыкальным оформлением. Автор положила в основу доклада положение аристотелевской «Поэтики» (18. 1456a 25–26), согласно которому хор – один из актеров в системе аттической трагедии. По мнению Н.С. Крыловой, вся эволюция аттической трагедии – не столько редукция хора, сколько наращивание его сценических функций.

Два заключительных доклада – *А.А. Земсковой* (Москва) «Религиозные представления населения европейского Боспора по данным погребальных памятников в I–III вв. н.э.» и *А.Б. Давыдовой* (Москва) «Некоторые аспекты культа Сераписа в римском Египте» – были посвящены особенностям религиозной жизни на периферии античного мира. А.Б. Давыдова отметила, что, несмотря на отрывочность сохранившихся сведений, они дают возможность реконструировать практику поклонения Серапису. Она включала в себя мистерии, что характерно и для других восточных культов. В то же время для культа Сераписа, видимо, были характерны ежегодные празднества со священным пиршеством и культовыми шествиями, что в целом напоминает поклонение эллинским богам. Таким образом, культ Сераписа имел черты, сходные с различными восточными и греческими культами, которые имели распространение в римскую эпоху; в то же время ему был присущ и целый ряд отличающих его особенностей.

На дневном заседании 30 октября завершила работу *секция по истории Рима* (председатель – М.В. Белкин). На третьем заседании было заслушано пять докладов. В докладе *Е.Л. Смирновой* (Петрозаводск) «Сенаторская оппозиция при Флавиях: опыт типологической характеристики» были исследованы структура сенатской оппозиции, ее мотивы и цели, особенности проявления недовольства сенаторов, а также последующая судьба и роль сенатской оппозиции в развитии системы принципата. Е.Л. Смирнова указала, что сенатская оппозиция, несмотря на трагическую судьбу большинства ее участников, в немалой степени способствовала смягчению режима принципата во II в. н.э. *В.Н. Парфенов* (Саратов) в докладе «Καῖσαρ ὁ τότε. Энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод?» обратился к анализу текста уцелевшего фрагмента большой надписи-энкомия (ἐγκώμιον, *laudatio funebris*), найденной в Керчи и опубликованной в 2005 г. В тексте среди прочих заслуг покойного названа и его победа над аланами, которую сочли в Риме настолько важной, что победитель был удостоен аудиенции у императора, именуемого в надписи «тогдашним цезарем» (Καῖσαρ ὁ τότε). Таковым мог быть либо Домициан, либо Коммод, память о которых сенат постановил предать забвению (*damnatio memoriae*). Проанализировав аргументы *pro* и *contra*, а также принимая во внимание стратегическую ситуацию в Причерноморье и бассейне Дуная, наконец, личностные особенности обоих императоров, автор пришел к выводу, что под выражением Καῖσαρ ὁ τότε подразумевается именно Домициан.

В докладе «Лелиан и некоторые спорные аспекты хронологии Галльской империи» *Ю.В. Куликова* (Москва) показала, как на основании нумизматических данных восстанавливается последовательность правления галльских императоров – Постума, Мария, Викторина, Тетрика. Особенное внимание в докладе Ю.В. Куликова уделила дискуссионному вопросу о том, являлся ли Лелиан, который поднял мятеж в Могонтиаке (совр. Майнц), императором или был лишь

мятежником. Заседание завершилось докладами *Д.Ф. Шипилова* (Великий Новгород) – «Вестготы Аларихa: к оценке системы политических отношений» и *А.С. Волчкова* (Санкт-Петербург) – «Рабы в религиозных союзах Римской империи».

Утром 31 октября на заседании *секции по истории античной культуры* (председатель – И.В. Пьянков) выступило шесть докладчиков. Первым был заслушан доклад *А.В. Гороховой* (Москва) «К вопросу о роли пророчеств в Греции и Риме». В Греции в архаическую эпоху авторитетные религиозные центры, составлявшие пророчества, принимали участие в колонизации, в становлении греческого права. В эпоху классики предсказания оракулов нередко служили орудием политической борьбы. В Риме на первый план вышли оракулы знаков: интерпретация знамений была делом государственной важности и имела ярко выраженную политическую направленность. Поэтому в Риме важную роль играли коллегии авгуров, а вся римская общественная жизнь была связана с ауспициями. *А.В. Мосолкин* (Саратов) в докладе «Tabula Iliaca Capitolina: мог ли Стесихор знать миф о путешествии Энея к берегам Италии?» отметил, что содержание надписи, которую называют Tabula Iliaca Capitolina и датируют, вероятно, концом I в. до н.э. – I в. н.э., в некотором отношении безусловно связано с мифологическим сюжетом о падении Трои и бегстве Энея вместе с домочадцами в Италию. Надпись имеет заглавие: ΙΛΙΟΥ ΠΕΡΣΙΣ ΚΑΤΑ ΣΤΗΣΙΧΟΡΟΝ и примечательную строку: ΑΙΝΕΑΣ ΣΥΝ ΤΟΙΣ ΙΔΙΟΙΣ ΑΠΑΙΡΟΝ ΕΙΣ ΤΗΝ ΕΣΠΕΡΙΑΝ. Многие современные исследователи полагают, что эта надпись является позднейшей подделкой в угоду роду Юлиев. Однако автору представляется вполне вероятным, что Стесихору (ок. 580 г. до н.э.) был известен сюжет о путешествии Энея.

В докладе «Фортуна и Марий в Bellum Iugurthinum Саллюстия» *А.В. Короленков* (Москва) подчеркнул, что оценка действий Мария зависит от его отношения к fors-fortuna. Как говорится во введении к сочинению, истинно доблестный человек не нуждается в помощи фортуны (1.3). Марий же, поверив оракулу, советовавшему ему чаще испытывать судьбу (63.1), совершает неблаговидыне или опрометчивые поступки: борется за консулат, клевеща на Метелла и втягиваясь в борьбу «партий», необдуманно нападает на мулуккскую цитадель, осада которой увенчивается успехом только благодаря случайности. Но в тех случаях, когда полководец не полагается на удачу, а действует предусмотрительно и разумно, его поступки оцениваются положительно. Согласно учению стоиков, которому в данном случае следует Саллюстий, важен не успех, а то, в каком состоянии духа совершен поступок. Отказ от надежд на fors-fortuna и позволяет Марию обрести состояние духа, достойное доблестного мужа. В докладе *Д.А. Щеглова* (Санкт-Петербург) «Географическая работа Марка Випсания Агриппы» были затронуты дискуссионные вопросы, касающиеся реконструкции работы Агриппы и оценки ее роли в развитии географии античной эпохи. Автор рассмотрел историю изучения этой темы и особо отметил «тупиковые» направления в уже осуществленных исследованиях.

В докладе *В.М. Александровой* (Великий Новгород) «Признаки зороастризма в религии древних персов (по данным античных авторов)» рассматривалась степень проникновения зороастризма в комплекс религиозных верований древних персов и были сделаны некоторые выводы относительно характера их религиозности. В докладе *К.А. Мурсалимова* (Воронеж) «Рецепция античных представлений о естественном праве в британской политической мысли раннего нового времени» было показано повышенное внимание британской политической мысли раннего нового времени к так называемой концепции естественного права, а также к имеющим с ней много общего теориям общественного договора и сопротивления тиранам. Теории эти в своей основе следовали в русле преимущественно аристотелевской традиции и стоицизма. Гуманистическая традиция, доминировавшая на заре нового времени, апеллировала большей частью не к современным ей реалиям и авторитетам, а непосредственно к классическим текстам античности. Гуманизм вслед за античной традицией видел в человеке прежде всего гражданина, а не подданного, положение которого обусловливалось не столько преданностью властям, сколько активным участием в политической жизни общества или совещательной деятельностью при правителе, заботящемся об общем благе, причем последнее интерпретировалось в соответствии с теорией «естественного права».

31 октября работала также *секция по истории раннего христианства*, на которой было прослушано и обсуждено пять докладов. Тема доклада *А.Д. Пантелеева* – «Семья и брак в валентинианском гнозисе». Автор показал, что валентиниане не проповедовали строгое воздержание, обязательное для всех членов их общины; наоборот, они учили, что брак играет важную роль в спасении всего мира, а «рождение» способствует восстановлению целостности высшего духовного мира – Плеромы. Для «совершенных» пневматиков и «несовершенных» психиков идеологами валентинианского учения предлагалось две различные модели поведения. В отличие от психиков, чей брак был «нечистым», «плотским», брак пневматиков был «духовным», подражая

сизигиям духовных эонов. В результате такого сочетания образовывалась новая душа, способная воспринять зерно высшего света. Это составляло основное содержание таинства «брачного чертога». *Е.В. Сергеева* (Великий Новгород) в докладе «"Истина сильнее обычая": к дискуссии о женском покрывале в трактатах Тертуллиана и Киприана» отметила, что для Тертуллиана главная причина использования женщинами покрывала заключается в скромности и стремлении следовать лучшим примерам Писания. Обычай покрывать голову женщин трактуется Тертуллианом в контексте христианского требования к женской чистоте. По мнению Киприана, женщина должна покрывать голову не только в знак признания власти мужа, но также в знак ее вины в грехопадении, в знак стыда и греховной природы. Как заключила автор, обе концепции оказали влияние на формирование христианского мировоззрения.

В докладе «Зависимость христианских воззрений от политической обстановки в Римской империи во II–IV вв. (по материалам Римской Африки)» *А.В. Каргальцев* (Санкт-Петербург) указал, что политическая обстановка в Римской империи самым серьезным образом влияла на формирование христианской церкви и ее догматики. В условиях постоянных нападок со стороны римского общества и государства христианские группы начали мимикрировать под традиционные античные объединения. Их структура с ярко выраженной вертикалью управления стала характерной и для ранней церкви. Вместе с этим христиане оставались людьми своего времени, и образ Империи и господствующая в тот или иной момент модель власти нередко воспринимались как единственно возможнве, как отражение небесного порядка на земле. Фиксируя это в практике и догматике, верующие тем самым создавали христианский канон в непосредственной зависимости от политической системы. В докладе *И.А. Копылова* (Москва) «Этнический облик арианской церкви вандалов в Римской Африке (V–VI вв.)» был отмечен неоднородный этнический состав членов арианской церкви: ее костяк составляли по преимуществу германцы, но основным контингентом было романизованное население – клирики и миряне, отступившие от никейской веры. В отличие от ортодоксальной церкви Африки, где епархии были тесно связаны с городом, арианские епархии у вандалов (как и у других германцев) были привязаны не к муниципиям, а к народам (*gentes*) или областям (*regiones*). Однако в скором времени арианская церковь вандалов стала приобретать структуру, характерную для ортодоксальной церкви Африки, что было обусловлено значительной романизацией варваров. *А.Б. Ванькова* (Москва) в докладе «Монастыри и монахи: предоставление убежища и защита преследуемых (конец IV–VI в.)» на основе анализа данных позднеримского законодательства и агиографии рассмотрела две взаимосвязанные проблемы, касающиеся восприятия монахов в восточночноримской империи как заступников и патронов в случае конфликта с властями или судебного преследования. Был исследован вопрос о том, имели ли монастыри право предоставления убежища, а также рассмотрены свидетельства агиографии и римских законов (в первую очередь CTh. 11. 30.57) о попытках монахов повлиять на ход судопроизводства или же воспрепятствовать отправлению правосудия.

Утром 31 октября состоялось заседание *секции по историографии античной истории* (председатель – К.В. Вержбицкий), на котором было прослушано пять докладов. В докладе «М.С. Куторга как личность и педагог (к проблеме формирования первой отечественной школы антиковедения)» *А.М. Скворцов* (Челябинск) охарактеризовал замечательные свойства личности М.С. Куторги, благодаря которым он стал создателем научной школы, чему способствовали также его исследовательский талант, либеральные политические воззрения, приверженность к критическому методу в исторических исследованиях. Большой интерес аудитории вызвал доклад *Е.Б. Сосниной* (Иваново) «Возникновение Немецкого Археологического института в Риме, его практическое значение в процессе интернационализации науки об античности в XIX веке». Автор отметила, что Немецкий Археологический институт в Риме имел интернациональный состав сотрудников, объединил ученых многих стран и оказал существенное влияние на изучение и преподавание истории и археологии в немецких и других европейских университетах, где работали его сотрудники и корреспонденты. Научные командировки в Италию молодых российских ученых-антиковедов в 1840-х, затем, после перерыва, в 1860-х и последующих годах XIX в. способствовали развитию прочных контактов с европейскими исследователями (преимущественно немецкими, итальянскими и французскими).

Одному из аспектов изучения наследия выдающегося российского ученого М.И. Ростовцева был посвящен доклад *С.Ю. Завельской* (Санкт-Петербург) «Книжное собрание профессора М.И. Ростовцева в фондах Научной библиотеки им. М. Горького в Санкт-Петербургском университете». Доклад *П.С. Александрова* (Великий Новгород) «И.М. Дьяконов и его научное наследие» был посвящен жизненному и научному пути крупнейшего отечественного востоковеда Игоря Михайловича Дьяконова (1915–1999). Его имя широко известно не только в отечественной науке, но и за рубежом. Его отличала необычайная широта научных интересов, он был выдающим-

ся исследователем языков, истории и культуры Древнего Востока. Всего им было опубликовано около 30 монографий и более 500 статей, большая часть из которых по-прежнему сохраняют свою научную значимость. Его кандидатская диссертация «Развитие земельных отношений в Ассирии» заложила фундамент для развития отечественной ассириологии. Вместе с В.А. Лившицем он проделал сложнейшую работу по дешифровке и публикации парфянских документов из древней Нисы, за что ученые были удостоены звания членов Британской академии. В докладе *В.Т. Бериашвили* (Валдай) «Влияние политической идеологии на исторические исследования в рамках формационного и цивилизационного подходов» особое внимание было уделено состоянию отечественной исторической науки в связи с изменениями политической системы и идеологии. Автор затронул также более общий вопрос о том, может ли история быть наукой, независимой от политических влияний.

Во второй половине дня 31 октября состоялось заключительное пленарное заседание конференции. Его открыл своим докладом «Парадокс Гомера» профессор Лондонского университета (Royal Holloway, Великобритания) *Ахувиа Кахане* (Ahuvia Kahane). Он отметил, что и личность, и творчество Гомера связаны с множеством парадоксов: Гомер безусловно является наиболее известным древнегреческим поэтом, но при этом о нем достоверно ничего не известно; поэмы Гомера, прежде всего «Илиада», – это поэмы о войне и героях, соответственно и настоящими героями в «Илиаде» являются мужчины, но «мужская» поэма заканчивается тремя длинными речами женщин – Гекубы, Андромахи и, наконец, Елены, явившейся причиной войны и многих страданий мужчин в гомеровском мире; поэмы, считающиеся произведениями устного творчества, должны были исполняться устно, но во всех наших источниках, по мнению автора, нет ни одного свидетельства устного исполнения полного текста «Илиады» или «Одиссеи». Ключ к решению этих парадоксов, по мнению автора, лежит в характере знания, передаваемого в поэмах в парадоксальной и иносказательной форме. Оно, подобно предсказаниям, пророчествам оракула, является высшим, трансцендентным знанием, что и делает Гомера тем, кем он является – уникальным поэтом в литературной традиции Запада. *И.В. Пьянков* (Великий Новгород) в докладе «Скифский рассказ Геродота в трактовке С.А. Жебелёва» обратился к анализу творческого наследия академика С.А. Жебелёва, в частности, предложенного им объяснения некоторых географических и исторических реалий в рассказе Геродота о Северном Причерноморье. С.А. Жебелёвым была написана большая статья «Скифский рассказ Геродота», в которой автор высказал свои соображения по поводу спорного вопроса о скифском торговом пути от Танаиса к аргиппеям и исседонам, или, иначе говоря, от Северного Причерноморья к Уральскому региону. И.В. Пьянков обратился к этому сюжету на основе не только античной литературной традиции, но также с привлечением археологических материалов. Важным выводом автора доклада стало заключение о том, что трактовка скифского пути, предложенная в свое время С.А. Жебелёвым, в основном подтверждается и новыми данными.

В докладе «Риторика и политический деятель в классических Афинах (некоторые примеры из Фукидида)» профессор университета Никосии (Кипр) *Антонис Тсакмакис* (Antonis Tsakmakis) отметил, что зачатки политической риторики можно усмотреть еще в «Илиаде» Гомера, где Ахилл и Агамемнон обсуждали вопрос о праве на власть и об обязанностях правителя перед его подданными. В классический период риторику в своей «Истории» использовал Геродот, а софисты считали риторику главным орудием убеждения. Затем сложившуюся традицию продолжил Фукидид. Прежде всего выдающимся оратором представлен в его историческом труде Перикл. Многочисленные речи, с которыми выступают другие политические деятели, демонстрируют тонкую стилизацию, выраженную в содержании, форме, словоупотреблении и др. Например, речи Архидама, Брасида и других спартанцев отличаются краткостью и предельной ясностью мысли, построены короткими фразами, четкими и емкими. Речи же афинских политических деятелей более изощренные, несут на себе печать тщательных риторических упражнений. Кроме того, речи политиков имеют и индивидуальные характеристики. Например, Клеон, которого Фукидид знал лично, на основе речей предстает перед читателем эгоистичным и агрессивным политиком, обладающим недюжинной энергией и напором. Автор доклада подчеркнул, что особенное использование риторики в политической жизни Афин классического периода было стимулировано самими демократическими институтами.

Профессор Лондонского университета (Ройал Холлоуэй, Лондон, Великобритания) *Эдит Холл* (Edith Hall) в докладе «Античная пантомима в культуре Римской империи» отметила, что пантомима представляет собой утраченный вид искусства, имевший широкое распространение, обладавший глубоким общественным влиянием и с самого начала игравший определенную роль в римской политической жизни. Так, например, римские молодые аристократы всаднического сословия нередко были в близких отношениях с танцорами пантомимы и благодаря этому

находили способы через них выражать свою неудовлетворенность императорской властью. Кроме того, искусство пантомимы с его разработанными жестами и детальной имитацией страстей отражало также и другие типы культурной практики: от риторической декламации до эпической поэзии, от изобразительных и декоративных искусств до философии и любовной лирики. По мнению Э. Холл, пантомима играла большую роль в воспитании у жителей Римской империи любви к мифологии и знания мифологической традиции. Наконец, пантомима как вид сценического искусства стала одним из способов сохранения в Римской империи традиции классической греческой трагедии, поскольку по существу она была наследницей греческой драматургии.

Завершая обозрение десятых «Жебелёвских чтений», можно признать, что работа конференции оказалась вполне достойной своего юбилея: она прошла на редкость интересно и плодотворно. Надо отметить высокий уровень большинства докладов, их активное обсуждение на секционных заседаниях, удачную подборку выступлений на пленарных заседаниях. Порадовало участие в работе конференции не только коллег из многих городов России, но и специалистов из ряда зарубежных научных центров, что вселяет надежду на дальнейшее плодотворное развитие контактов и сотрудничества представителей разных школ, всех, кто вовлечен в изучение истории и культуры античного мира.

О.В. Кулишова, Э.Д. Фролов

© 2009 г.

XVI СЕРГЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА (28–30 января 2009 г.)

28–30 января 2009 г. кафедра истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова провела очередные XVI Сергеевские чтения – традиционная конференция исследователей из России и стран СНГ по истории, археологии и культуре практически всех регионов древнего мира, которая проводится в честь основателя кафедры профессора В.С. Сергеева. Нынешние Сергеевские чтения собрали представителей вузов, музеев и научных центров Москвы, Санкт-Петербурга и еще 17 городов России; в конференции участвовали также коллеги из Украины и Белоруссии. Всего на XVI Сергеевских чтениях было сделано 156 докладов. Состоялось два пленарных заседания и 21 заседание девяти секций: истории древнего Востока (с подсекциями истории древней Азии и истории древнего Египта), истории древней Греции (с подсекциями истории и культуры классической Греции и истории эллинизма), истории древнего Рима (с подсекциями истории Республики и истории Империи), древнего права, истории Мезоамерики, истории и археологии античного Причерноморья и историографии античной истории. Многообразие заявленных докладов позволило впервые за годы проведения Сергеевских чтений сформировать отдельные секции исторической географии античности и истории античного христианства.

XVI Сергеевские чтения были открыты утром 28 января председателем их Оргкомитета, заведующим кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ проф. *В.И. Кузищиным*. Собравшиеся почтили память ушедшего в 2008 г. главного редактора журнала «Вестник древней истории» академика РАН Г.М. Бонгард-Левина – выдающегося ученого и организатора науки, долгие годы бывшего неизменным гостем Сергеевских чтений. С приветственными словами, включавшими рассказ о деятельности «эпонима» конференции – основателя кафедры истории древнего мира В.С. Сергеева, а также о работе кафедры на нынешнем этапе выступили зам. декана исторического факультета МГУ проф. *Л.С. Леонова* и проф. *В.И. Кузищин*.

На первом пленарном заседании XVI Сергеевских чтений (председатели *В.И. Кузищин, В.М. Строгецкий*) прозвучало четыре доклада. *О.В. Кулишова* (Санкт-Петербург) в докладе «Театр и афинская демократия» отметила, что вряд ли возникновение театра в Афинах и его институциональные формы обязаны исключительно демократическому устройству этого крупнейшего

полиса; агон, в том числе и театральный, восходил к аристократической системе ценностей, универсальной для греческого полисного мира, хотя, безусловно, приспосабливался афинской демократией к своим нуждам. В докладе *И.Л. Маяк* (Москва) «Ранние римские колонии: царское время и начало Республики» была показана специфичность колонизационного процесса в царское время, когда покоренное население переселялось в Рим, и при ранней Республике, когда колонистами становились плебеи и колонии получали лишь усеченные права гражданства, что предопределяло возможность их вступления в антиримские комбинации с местными обитателями. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва) в докладе «Римский флот на Боспоре» познакомил участников конференции с небольшим фрагментом латинской надписи, случайно обнаруженным в 2008 г. в Керчи в районе акрополя древнего Пантикапея. В этой надписи впервые в причерноморской эпиграфике упоминается фрументарий римского флота по имени «Аврелий» и, по мнению докладчика, присутствует фрагмент имени или титула римского императора; видимо, она являлась посвятительной «за здравие римского императора» и была поставлена в Пантикапее при Каракалле. Размещенный в Пантикапее отряд римских военных кораблей, офицер которого, видимо, упоминается в надписи, должен был принадлежать к римскому Понтийскому флоту, базировавшемуся в Трапезунте и патрулировавшему восточный сектор Черного моря. Доклад *В.Н. Парфенова* (Саратов) «Рим и Германия при Домициане: проблемы и поиск их решения» был посвящен последнему крупному наступлению Рима за Рейн, предпринятому уже после установления баланса сил на этом рубеже и выявления невозможности масштабной экспансии за ним, – войне против хаттов в начале царствования Домициана. Результатом этой войны стал принципиальный поворот в германской политике Рима, обеспечивший более столетия спокойствия на рейнской границе Империи.

На заседании *секции истории древнего Востока (подсекция истории древней Азии)* вечером 28 января, посвященном истории Южной и Восточной Азии (председатели *С.И. Кучера, М.Ю. Ульянов*), было сделано пять докладов. *С.И. Кучера* (Москва) в докладе «Роль женщины в древнем Китае» показал четкую женскую иерархию при западночжоуском дворе, существовавшую параллельно с мужской. Были выявлены функции каждой ступени этой иерархии, среди которых основной являлось соблюдение и поддержание морали во внутренних делах дворца. Доклад *С.В. Дмитриева* (Москва) «Организация ханьских императорских мавзолеев как важный источник по идеологическим воззрениям эпохи Западная Хань» был посвящен сведениям о 13 памятниках этой категории, известных по письменным источникам и данным археологии (эталонным среди них является курган императора Цзин-ди, раскопанный в 1990-е годы). Были охарактеризованы взгляды китайских ученых, согласно которым эти памятники представляют по своей структуре модель Поднебесной. В докладе *М.Е. Кузнецовой-Фетисовой* (Москва) «80-летие организованных археологических раскопок Иньской столицы династии Шан (XVI–XI вв. до н.э.)» была предложена периодизация этой эпохи исследований (в том числе в связи с политической историей Китая в XX веке) и охарактеризованы особенности и достижения каждого из ее этапов. *Е.А. Прессман* (Москва) в докладе «Южные компоненты в формировании японской нации, государства и культуры» рассмотрела проблему соотношения между легендарными сведениями о генезисе японской государственности и его картине по современным археологическим данным и роль в формировании японского языка и культуры индонезийско-полинезийского субстрата, на который наложилось появление из Кореи племен *ва* (протояпонцев). *А.А. Семененко* (Воронеж) в докладе «К вопросу о датировке Ригведы» охарактеризовал гипотезу Н. Казанаса (Греция) о возникновении этого памятника еще ок. 3100 г. до н.э., в условиях зарождающейся Индской цивилизации (на основании высокой роли в Ригведе реки Сарасвати).

Работа секции истории древнего Востока продолжилась 29–30 января в двух подсекциях – истории древнего Египта и истории древней Азии. *Подсекция истории древнего Египта* начала работу утренним заседанием 29 января (председатели *М.А. Чегодаев, А.В. Сафронов*), на котором прозвучало семь докладов. *М.А. Чегодаев* (Москва) в докладе «Пирамида Синухета, или Почему кладовщик не расписывает гробницу?» рассмотрел ряд отличий новоегипетской редакции «Повести о Синухете» от изначального текста Среднего царства. *А.А. Ильин-Томич* (Москва) в докладе «Возможное значение слова *ḏḥ*ˁt в летописи Аменемхета II» показал, что принятый перевод этого слова «шестиспицевое колесо» расходится с данными археологии, и предложил отождествить его с псалием – элементом ослиной упряжи, косвенно засвидетельствованным на Ближнем Востоке с конца III тыс. до н.э. В докладе *Д.В. Ванюковой* (Москва) «"Оживлены мной имена моих отцов". К вопросу о скульптурных группах эпохи XII династии» были выделены два типа изображений членов одной семьи – сообразно тому, является ли «смысловым центром» изображения усопший глава семьи или акцент делается на последовательность нескольких поколений. Как пример последнего типа была проанализирована скульптурная группа жрецов Птаха Схотепибраанх-недже-

ма и Небпу (Louvre A 47). *А.В. Миронова* (Москва) в докладе «Характер коронации фараона и ее соотношение с праздниками древнего Египта» на материале коронационных сцен Хатшепсут из Красной капеллы в Карнаке, текстов Тутмоса III и оформления его храма Ахмену рассмотрела взаимосвязь трех видов царской коронации – коронации наследника престола, коронации фараона при воцарении и повторной коронации в ходе праздничных ритуалов. Была показана связь первого и третьего вида коронации с *хеб-седом*, Новым годом, Опетом и рядом других праздников.

Н.В. Лаврентьева (Москва) в докладе «"Химерический грифон", или история одной мифографемы» проанализировала образ фантастического существа, встречающегося в росписях гробниц и известного под обозначением *tštš*. По мнению докладчика, это божество солнечного ряда, которое карает врагов Осириса (возможно, Хор иного мира, защищающий своего отца Осириса), что объясняет его внешнюю схожесть со сфинксом. *В.А. Большаков* (Москва) в докладе «Царевна Нефрура – наследница Хатшепсут?» на материале иконографии царевны исходя из ряда ее инсигний выдвинул предположение, что Хатшепсут имела замысел ввести новую модель династического наследования власти, позволяющую передавать трон от матери к дочери. *А.В. Сафронов* (Москва) в докладе «Об одном незамеченном свидетельстве о происхождении основателя XX династии» указал на данные (pTurin 1879 vso I–II) о начале борьбы Сетнахта за египетский престол в районе южнее Фив. Их сопоставление с надписями XX династии и свидетельствами Манефона приводит к заключению, что базой Сетнахта была Элефантина.

Вечером 29 января на заседании подсекции истории древнего Египта (председатели *О.И. Зубова*, *О.В. Томашевич*) были прочитаны восемь докладов. *О.И. Зубова* (Москва) в докладе «Воцарение Унаса на престоле Атума (по материалам текстов западной стены притвора пирамиды Унаса)» было показано, что парадигмой речений 254–258 и 260 Текстов Пирамид является предание о споре Гора и Сета. Получив престол Атума в поединке с Сетом, Унас завоевывает Небо и становится бессмертным Владыкой всего сущего (*nb tm*). *Э.Е. Кормышева* (Москва) в докладе «Восточное плато Гизы: результаты исследований Российской археологической экспедиции сезонов 2006–2008 гг.» охарактеризовала нынешнее состояние исследований одного из участков некрополя Гизы. *С.Е. Малых* (Москва) в докладе «Новые данные об инвентаре погребений V–VI династий в Гизе» представила недавние находки Российской археологической экспедицией в Гизе сосудов, связанных с погребальным ритуалом, – известняковых канов (гробница Хуфухотепа) и керамики, предназначенной для пищевых жертв (гробница Ченти II).

О.В. Томашевич в докладе (Москва) «Двойная мастаба жен Униса, последнего царя V династии, в Саккара» отметила, что это была единственная гробница Древнего царства, где супруги Униса, Небет и Хенут были похоронены, видимо, в одинаковых частях двойной мастабы. Изображения на стенах гробницы схожи со сценами гробниц вельмож: в отличие от цариц следующей, VI, династии, супруги Униса не показаны вместе с богинями. *Е.А. Кокина* (Москва) в докладе «Мир живых и мертвых в египетских частноправовых документах Древнего царства» показала, что некоторые правовые акты данного периода (в частности о праве владения гробницей) могли распространять свое действие не только на земной, но фактически и на загробный мир. *А.А. Дербасова* (Москва) в докладе «Жертвенные формулы V династии» проследила эволюцию данного типа надписей, связанных с заупокойным культом, на протяжении этой эпохи и предложила новую трактовку египетского выражения *sḫ-nṯr* как «ковчег для статуи». *Е.А. Романова* (Киев) в докладе «Местные культы почитаемых людей в конце Древнего царства и в эпоху I Переходного периода» рассмотрела культы мудреца Хорджедефа, визирей Птаххотепа и Кагемни, визиря и номарха Иси в Эдфу, номарха Пепинахта Хекаиба в Элефантине, визиря и номарха Аханахта в эль-Берше. Было показано, что формированию их культовых образов содействовали высокий статус в государстве, прижизненная слава праведника и создание специальной автобиографии. *М.А. Лебедев* (Москва) в докладе «Корабельные титулы в древнеегипетских надписях Древнего и Среднего царств из Восточной пустыни» показал различия в употреблении этих титулов применительно к участникам экспедиций за материалами и проследил развитие некоторых из них.

Заключительное заседание подсекции истории древнего Египта состоялось утром 30 января (председатели *О.А. Васильева*, *И.А. Ладынин*); на нем прозвучало семь докладов. *Н.А. Тарасенко* (Киев) в докладе «Иконография божества *Mḏḏ* в III Переходном периоде» рассмотрел ряд папирусов Книги мертвых, изображающих коническое туловище без головы или же, возможно, коническое покрывало, скрывающее внешний вид находящегося под ним существа. По его мнению, свойство этого «демона» Книги мертвых, передаваемое подобными изобразительными средствами, – это его невидимость. В докладе *О.А. Васильевой* (Москва) «Осирис в мешке. Мотив расчленения и возрождения» было отмечено, что в некоторых мифологических источниках перенос останков Осириса и их помещение в некую емкость (небрида-имиут, шкура быка, пантеры) или обертывание его изображения в шкуру барана изображают процесс мумификации. Очевидна

связь этого мотива с погребальным обрядом заворачивания в шкуры в додинастических погребениях, возрождающимся в ритуале текену при XVIII династии. *Е.А. Яцук* (Санкт-Петербург) в докладе «О литературоведческом подходе в египтологии: постановка проблемы» остановилась на таких проблемах исследования древнеегипетских литературных текстов, как их жанровое своеобразие, авторство и взаимодействие между ними. *М.В. Курочкин* (Самара) в докладе «Особенности тактики применения боевых колесниц на классическом Востоке (вторая половина II тыс. до н.э.): попытка сравнительного анализа» исследовал значение композитного лука для развития колесничного боя во II тыс. до н.э. и различия в технике колесничного боя у египтян и других народов древнего Ближнего Востока.

И.А. Ладынин (Москва) в докладе «"Отплатят за наосы богов ей, Ниневии, в стране *Iš*ʿr...": Об исходе бедствий Египта в "Пророчестве ягненка"» привел основания к тому, чтобы связать благоприятный исход эпохи бедствий, описанных в этом демотическом тексте, с завоеванием Египта Александром Великим (вероятные аллюзии в тексте на его победу при Гавгамелах и иконографию «рогов Амона»). *А.А. Банщикова* (Москва) в докладе «"Но пораженье от победы...": поражение своей страны в египетских историко-литературных нарративах» осветила способы психологической компенсации, применявшейся египтянами при нарративной фиксации тяжкого поражения своей страны (в частности изображение его как беды, постигшей страну без боя, вопреки превосходству египтян перед врагами в чисто боевых качествах). *С.В. Литвиненко* (Москва) сделал доклад «Иалтобаоф в коптских гностических рукописях».

Работа *подсекции истории древней Азии* секции истории древнего Востока 29 января открылась утренним заседанием (председатели *А.А. Немировский, С.С. Соловьева*), на котором были прочитаны восемь докладов. Доклад *Н.В. Козыревой* (Санкт-Петербург) «Политическая история ранней Месопотамии и этнокультурные процессы» был посвящен новым моделям реконструкции политических событий, связанных с вторжениями на территорию Южной Месопотамии в III–II тыс. до н.э. таких этнических групп, как аккадцы, кутии и амореи. *Т.В. Корниенко* (Воронеж) в докладе «Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита: предварительный обзор» рассмотрела ряд памятников как Северной Месопотамии, так и Юго-Восточной Анатолии, явно имеющих культовое значение и часто несущих рельефы антропо- и зооморфного содержания, и предприняла попытку обобщения этого материала. *В.В. Емельянов* (Санкт-Петербург) сделал доклад «Проблема датировки "Шумерского мифа о потопе" (PBS V 1)», в котором привел аргументы в пользу датировки данного текста эпохой I династии Исина. По его мнению, сюжеты «Мифа о потопе», «Плача по Ниппуру» и текста «Смерть Гильгамеша» пересекаются до такой степени, что можно предположить в основе образа Гильгамеша, идущего к спасшемуся от потопа праведнику Зиусудре, образ царя Ишме-Дагана, восстанавливающего жизнь в пострадавших от войны шумерских городах.

С.С. Соловьева (Москва) в докладе «Харран (Карры): эволюция типа и функций города в условиях войн на древнем Ближнем Востоке» отметила, что развитие этого города шло от сельскохозяйственного поселения к крупнейшему торгово-ремесленному центру, чему способствовали его выгодное географическое положение, международные связи, притяжение культа Сина Харранского, культурные традиции и препятствовали почти постоянные войны в регионе Северо-Западной Месопотамии. *А.А. Немировский* в докладе «К вопросу о социоэтнической норме в древней Месопотамии» постарался показать, что месопотамцы осознанно разделяли свои нормы поведения на определенные обязательствами перед людьми и вмененные волей богов, причем лишь первым приписывали не только силовой, но и этический авторитет. *А.В. Немировская* (Санкт-Петербург) сделала доклад «Передача аккадской просодии на письме», в котором показала, что в тех случаях, когда аккадское письмо является фонографическим, оно «нацелено» на весьма четкую звуковую (фонетическую) передачу не только сегментной характеристики речи, но и просодии, путем фиксации на письме фразовых акцентов (не всегда совпадающих со словесным ударением). *Г.Ю. Колганова* (Москва) выступила с докладом «Ассирийская царская титулатура как исторический источник». *А.О. Москалёва* (Санкт-Петербург) в докладе «Некоторые термины в новоассирийских международных соглашениях» уточнила значение термина *adû*, обозначавшего присягу на верность Ашшурбанипалу вождей подвластных ему мидийских племен при его вступлении на престол.

На вечернем заседании подсекции истории древней Азии секции истории древнего Востока 29 января (председатели *Н.В. Козырева, И.В. Пьянков*) было представлено шесть докладов. *Д.Н. Громова* (Москва) в докладе «Солнечный омен Мурсили II, фараон Нипхуррурия и хронология XVIII династии» отметила, что при признании «знака бога Солнца», полученного хеттским царем Мурсили II на 10-м году правления, солнечным затмением в распоряжении исследователей появляется еще одна абсолютная дата переднеазиатской истории, согласующаяся лишь с

так называемой «средней хронологией» египетского Нового царства. *В.Ю. Шелестин* (Москва) в докладе «Письмо из Тикунани: возможные интерпретации» показал значение этого источника времени Хаттусили I для исследования хеттской военной стратегии и выяснения некоторых деталей политической истории Древнехеттского царства. *А.Ю. Алексеев* (Санкт-Петербург) в докладе «Хеттские династические браки при Хаттусили III» затронул важный аспект внешнеполитической практики Новохеттского царства на последнем этапе его военного могущества.

И.В. Пьянков (Великий Новгород) в докладе «По поводу "киммерийской проблемы"» высказал мнение, что источники, характеризующие киммерийцев как предшественников скифов в степях Северного Причерноморья, вытесненных их миграцией, не дают серьезных оснований для сомнений в их достоверности. Различие между киммерийскими и скифскими памятниками может быть установлено на основе такого безусловно этноопределяющего признака, как погребальный обряд. *Т.Н. Кузнецова* (Москва) сделала доклад «Скифы и хронология Вавилона», в котором попыталась обосновать датировку падения Ниневии и 14-го года правления Набопаласара в Вавилоне 608-м году до н.э., согласно хронологической схеме, в которой мидийско-лидийская война предшествовала бы вторжению скифов царя Мадия и входила бы в 28-летний срок скифского присутствия на Ближнем Востоке. Представленный *А.В. Вертиенко* (Киев) доклад «Некоторые замечания к семантике сахновской пластины» был посвящен интерпретации памятника, найденного в скифском кургане IV в. до н.э. Было высказано предположение о связи изображений на сахновской пластине с представлениями скифов о посмертном существовании.

Вечером 28 января на заседании *секции истории древней Греции* (председатели *О.М. Савельева, А.В. Стрелков*) было сделано семь докладов. *Е.И. Соломатина* (Москва) в докладе «Античная традиция о высших магистратурах архаического Милета» рассматрела сведения литературной традиции (Николай Дамасский, Конон) и эпиграфических источников о замене царской власти в Милете выборными магистратами. Основное внимание уделялось вопросу о том, какая именно магистратура (тирания, эпимения, эсимнетия или притания) унаследовала политическую власть от царей. *П.А. Евдокимов* (Москва) в докладе «Архаическая Элида и Египет: к проблеме контактов» предпринял попытку связать эпиграфическую фиксацию в Элиде VI в. до н.э. имени «Амасис» со сведениями об элейском посольстве к египетскому фараону (Псамметиху II или Амасису) в связи с утверждением новых правил проведения Олимпийских состязаний. *Э.В. Рунг* (Казань) выступил с докладом «Проблема периодизации греко-персидских войн: Античная традиция и современные подходы». В нем было показано, что греко-персидские («персидские», или «мидийские») войны в эллинском восприятии в узком смысле сводились к войне с Ксерксом в 480/79 г. до н.э., в широком – включали также войну с Дарием I в 490 г. до н.э. и не включали завоевание персами Ионии в 546 г., Ионийское восстание и боевые действия после основания Делосской симмахии в 478 г.

О.М. Макарова (Самара) в докладе «Унификация культовых обязательств афинских союзников в середине 420-х годов до н.э.» показала, что предписание афинским союзникам присылать дары на Великие Панафинеи, относящееся ко времени Архидамовой войны, явилось важным средством формального закрепления статуса Афин в качестве владыки *архэ*. *Е.В. Никитюк* (Санкт-Петербург) сделала доклад «403 г. до н.э. в Афинах: гражданское примирение или политическое противостояние?». По ее мнению, тщательность отработки формы соглашения между сторонниками демократии и олигархии в 403/402 г. и Тридцатью и демократической партией в 401/400 г. показывает дуалистичность афинского общества, вынужденного искать компромиссы между олигархией и демократией во имя гражданской сплоченности. *С.В. Смирнов* (Москва) в докладе «Политическая биография Демодама из Милета» на примере одного из современников Селевка I отметил роль в становлении его власти института «друзей» царя: несмотря на то что совет полководцев как совещательный орган при царе уходил в прошлое, Селевк Никатор предпочитал доверять ответственные поручения своим приближенным – «друзьям». В докладе *Е.А. Венидиктовой* (Казань) «К вопросу о реконструкции династической истории аргосских Темендов» на основании анализа источников был установлен тот факт, что Аргосом на протяжении XII–VI веков до н.э. правила данная династия, в которой соблюдалась преемственность власти.

29 января секция истории древней Греции работала в *двух подсекциях – истории и культуры классической Греции* и *истории эллинизма*. Утреннее заседание первой из них (председатели *О.В. Кулишова, Т.Ф. Теперик*), на котором прозвучало семь докладов, открылось докладом *В.М. Строгецкого* (Нижний Новгород) «Творчество Дионисия Галикарнасского в оценке исторической науки». Докладчик проследил тенденцию отказа от гиперкритики в отношении сведений этого автора и признания высокого значения его литературно-критических трактатов и «Римских древностей» в историографии 1960–1970-х годов. Этому автору был посвящен и доклад *О.В. Осиповой* (Москва) «Древнегреческие историки в риторических сочинениях Дионисия Га-

ликарнасского», в котором были рассмотрены принципы анализа древнегреческих исторических сочинений V–II веков до н.э., считавшихся Дионисием эталонными, в его трактатах об ораторах, «О Фукидиде» и в так называемых «литературных письмах». *В.Г. Мостовая* (Москва) в докладе «Сентенции в речах гомеровских басилевсов» показала, что в речах действующих лиц «Илиады» и «Одиссеи» функции сентенций не только варьируются в зависимости от типа речи и ситуации их употребления, но и отражают характер говорящего, а также служат способом создания дистанции между миром эпических героев и миром поэта и его аудитории.

А.В. Стрелков (Москва) сделал доклад «Аристофан, "Лягушки", сткк. 718–730: некоторые проблемы интерпретации текста». *Т.Ф. Теперик* (Москва) в докладе «Сновидение в историческом эпосе: поэтика времени и пространства» проанализировала описание сновидений в поэме Лукана «Фарсалия». И в снах Помпея и Цезаря, и в снах солдат-цезарианцев наблюдается связь как с прошлым, так и с будущим, не имеющая аналогов в предшествующей эпике, в онейротопике которой главным образом реализовывалось либо прошлое, либо будущее. *А.В. Мосолкин* (Саратов) в докладе «Эней, Энея, Энос» исследовал традицию о странствованиях Энея после гибели Трои и пришел к выводу, что в исходной версии Гелланика началом этих странствований был основанный им Энос в районе Геллеспонта, при том что в дальнейшем в этом качестве выступала Энея на Халкидике. *О.М. Савельева* (Москва) сделала доклад «Изображение божества в пьесах М. Цветаевой "Ариадна" и "Федра"», в котором проанализировала роль в этих произведениях, посвященных любовной линии мифологического сюжета о Тесее, образов Афродиты, Вакха и Артемиды, а также используемые для их создания выразительные средства.

На вечернем заседании подсекции истории и культуры классической Греции (председатели *Т.Б. Гвоздева*, *В.В. Ставнюк*) прозвучало семь докладов. *Т.Б. Гвоздева* (Москва) выступила с докладом «Агоны на Малых Панафинеях», в котором отметила, что их программа для данного празднества малоизвестна. Можно с уверенностью говорить, что в конце V–IV веков до н.э. она включала состязания в пиррихе и в исполнении дифирамба киклических хоров; спортивная программа Малых Панафиней предположительно включала в себя факельную эстафету и состязание мужчин в красоте (эвандрию). *Л.Ю. Герасимова* (Москва) в докладе «Топография Олимпии в текстах Пиндара» показала, что природные ориентиры Элиды используются поэтом для описания центра Олимпийских состязаний чаще, чем храмы, архитектурные сооружения и т.п. Все объекты, упоминаемые поэтом, имеют отношение к древней культовой практике – к различным ритуалам и агону. *Я.Л. Забудская* (Москва) в докладе «"Сценическая вертикаль" в греческой трагедии: "подземный" уровень» обратила внимание на ряд свидетельств вазописи и, возможно, архитектуры, которые позволяют предположить наличие в афинской классической сценографии многоуровневой вертикали и появление ее нижнего, «подземного», уровня (так называемые «ступени Харона») уже в середине V в. до н.э.

О.Ю. Самар (Москва) в докладе «Сюжеты Троянского цикла в аттической вазописи второй половины VI века до н.э. как возможный источник по истории текста» отметила популярность сюжетов, акцентирующих психологическое состояние героя, что позволяет говорить о влиянии на вазопись театрального искусства и одновременно подтверждает известную версию о так называемой писистратовой редакции поэм Гомера (при том что в вазописи используется более широкий круг сюжетов киклических поэм). *Л.Л. Селиванова* (Москва) в докладе «Миф об амазонках в свете археологии» рассказала о новейших раскопках в Волжско-Уральском регионе, на Нижнем и Среднему Дону и в Казахстане, которые в целом подтверждают сведения классических авторов об амазонках (в плане их территории, типа хозяйства, основы войска, вооружения, одежды). По мнению докладчицы, само обозначение «амазонки» восходит к самоназванию народа, при том что греческие мифы о них представляют собой карикатуру на непривычную для их создателей модель общества гендерного равенства.

Ю.Н. Кузьмина (Москва) в докладе «Дискуссии по поводу культового изображения Артемиды Эфесской» привела ряд версий трактовки облика богини, чей культ, несомненно, восходит к малоазиатскому образу Великой матери. Она отметила, что эти трактовки в основном не имеют опоры в надежных письменных источниках, а версия о ее «многогрудости» (главным образом у христианских авторов) могла иметь цель «дискредитировать» этот культ. *А.Б. Шарнина* (Санкт-Петербург) в докладе «Религиозно-культурные связи Дельф и Афин в конце II в. до н.э. (по данным надписей)» обратила внимание на возобновление в это время древней традиции Пифаид – торжественных шествия представителей полиса в Дельфы – и на поддержку в решениях Дельф и амфиктионов афинского союза технитов; подобные связи были, видимо, актуальны в условиях появления Рима на политической сцене Эллады.

Подсекция истории эллинизма секции истории древней Греции начала свою работу утренним заседанием 29 января (председатели *О.Ю. Климов*, *С.Ю. Сапрыкин*), на котором были рассмотре-

ны семь докладов. *И.Н. Тюряхин* (Чебоксары) в докладе «К вопросу о времени заключения союза между Мегалополем и Македонией» высказался в пользу того, что союз между Мегалополем и Македонией был заключен в 334/3 г. до н.э., в связи с ослаблением прежнего союзника этого полиса – Фив. *Д.В. Бубнов* (Пермь) сделал доклад «Александр Молосский и полисы италиотов 334–330 годов до н.э.». *Ю.Н. Кузьмин* (Самара) в докладе «Птолемей, сын Лисимаха и кельтский щит» высказал мнение, что всаднический щит (θυρεόν), упомянутый в инвентаре Делосского храма (ID 1417, col. I, l. 24–25) как приношение «царя» Птолемея, сына Лисимаха, является не македонским щитом, а трофейным кельтским. В докладе *А.С. Балахванцева* (Москва) «"Новый" рескрипт Зиела Вифинского» была обоснована принадлежность последнему надписи с острова Кос (SEG. XII. 370) и предложена новая хронология его правления: в 255–253 годах до н.э. Зиел при помощи Антиоха II захватывает часть Вифинии, а в 250–249 годах до н.э., после похода Антиоха II во Фракию и против Византия, овладевает уже всей страной и дарует столице Вифинии – Никомедии – статус полиса.

О.Ю. Климов (Санкт-Петербург) в докладе «Политика Атталидов в отношении местного населения» отметил, что местное население было организовано в общины, контролировавшиеся царскими чиновниками и иногда получавшие от царей полисный статус. Атталиды благожелательно относились к местным храмам, предоставляя им налоговые льготы, и привлекали местное население в пергамскую армию; вместе с тем труднодоступные области слабо контролировались царской властью. *А.П. Беликов* (Ставрополь) в докладе «"Кто оставил страну, будут лишены гражданских прав" (OGIS. I. 338. v. 27–30): к причинам миграции из Пергама в 133 г. до н.э.» высказал мнение о двух причинах активной эмиграции из Пергама в 133 г. до н.э. – страхе местных аристократов перед преследованиями еще Аттала III и, после его смерти, опасениях по поводу злоупотреблений римлян после установления их власти. *К.Л. Гуленков* (Москва) в докладе «Митридат и полисы Малой Азии» отметил, что полисы Малой Азии в соперничестве Рима и Митридата во время I Митридатовой войны старались держаться нейтралитета и по возможности не присоединяться ни к одной из сторон. Помощь, которую они оказали в этой войне Митридату, не была значительной.

На вечернем заседании подсекции истории эллинизма (председатели *Г.А. Кошеленко*, *О.Л. Габелко*) было сделано восемь докладов. *Г.А. Кошеленко* (Москва) и *В.А. Гаибов* (Москва) в докладе «Нумизматические данные по проблеме царского культа в Парфии» показали, что впервые эпитет θεός появляется на монетах Аршака II. В дальнейшем большинство царей помещали на своих монетах эпитеты θεός или θεοπάτωρ; Митридат I и Митридат II, опиравшиеся на поддержку той части знати, которая стояла за дальнейшие активные завоевания и сохранение исконно парфянских традиций, избегали этого делать, а окончательно данная практика исчезает в I в. до н.э. *О.Л. Габелко* (Казань) в докладе «Некоторые соображения о династических эрах эпохи эллинизма» попытался выявить особенности учреждения и функционирования "царских" эр в государствах Селевкидов, Птолемеев, Вифинии, Понтийском и Парфянском царствах, а также предложил объяснение того факта, что подобные системы летоисчисления не были введены в антигонидской Македонии, Пергаме и Каппадокии.

С.В. Новиков (Москва) и *Н.А. Маккавеев* (Москва) в докладе «Селевкидская катойкия: организация и взаимоотношения с местным населением (по материалам раскопок на о. Файлака (Кувейт)» показали, что греческие воины жили в этой колонии-крепости обособленно от местных островитян, первоначально на жалованье из казны, но после «войны Лаодики» получили от правительства Селевка II земельные участки. Чтобы минимизировать конфликты с местным населением, право неограниченной оккупации земли было предоставлено при этом не только грекам, но всем нуждающимся. *Н.В. Журавлева* (Москва) в докладе «Селевкиды и Аполлон» проследила ранние этапы становления легенды о том, что Аполлон являлся божественным прародителем династии Селевкидов. Базируясь на нумизматических данных, докладчица сочла возможным, что основа этих представлений сформировалась уже при самом Селевке I. *К.С. Телешева* (Москва) в докладе «Маргиана по данным Клавдия Птолемея» сравнила данные Клавдия Птолемея о физической географии Маргианы, а также ее городах и поселениях с современными данными по физической географии области и археологией ее поселений. *А.С. Анохин* (Москва) сделал доклад «Показатели номиналов на бронзовых монетах Селевкидов: к вопросу о причинах появления», в котором связал данное нумизматическое явление с реформой бронзового обращения при Антиохе IV и показал, что эта реформа была призвана напоминать населению систему номиналов и указывать на изменения в их весе. *Я.И. Зверев* (Москва) в докладе «Эллинистические гоплиты в литературных источниках» отметил, что для греческих авторов, начиная с III в. до н.э. гоплит – это любой тяжеловооруженный пехотинец, который может действовать в сомкнутом строю. Это представление о гоплите отличается от того, которое сложилось в европейской науке начиная

с Нового времени. Доклад *Н.А. Маккавеева* (Москва) «Аренда общественной земли в Миласе III в. до н.э.–I в. н.э.» был посвящен одной из форм предпринимательского землепользования, получившей распространение в течение довольно краткого периода. Характерно, что одной из форм социального продвижения, распространившейся в Миласе синхронно, было, видимо, усыновление представителями полисной элиты.

Работа *секции истории древнего Рима* проходила 29 января в двух подсекциях – *истории Республики* и *истории Империи*. На утреннем заседании первой из них (председатели *И.Л. Маяк*, *А.М. Сморчков*) прозвучало семь докладов. *Т.А. Бобровникова* (Москва) в докладе «Образ Нумы в исторической памяти римлян II в. до н.э.» реконструировала образ Нумы, сложившийся в кругах эллинизированной римской аристократии после Ганнибаловой войны. Его искажения включали, в частности, превращение его в ученика жившего на полтора столетия позднее Пифагора и создателя новой римской религии; их предпосылкой были эллинофильские тенденции круга Сципиона Африканского. *А.Н. Жаровская* (Ярославль) в докладе «Нумизматические данные о политической деятельности Марка Юния Брута» показала, каким образом внесение в монетный чекан по инициативе этого деятеля – одного из *tres viri monetales* – раннереспубликанских мотивов (изображений Луция Юния Брута и Сервилия Ахалы) содействовало пропаганде противостояния авторитарным тенденциям. *О.В. Кармазина* (Воронеж) в докладе «Сражение под Капуей 211 г. до н.э.» сопоставила данные по этому эпизоду Ливия и Полибия. Сведения первого автора были признаны более достоверными (ввиду наличия у Полибия ряда противоречий и явной антиримской тенденциозности) и позволяющими счесть военные действия под Капуей в 211 г. не осадой, а настоящим сражением. *Н.В. Бугаева* (Москва) в докладе «Суд 73 г. до н.э. над Катилиной в "Истории против язычников" Орозия» отметила, что сведения этого христианского автора хорошо согласуются с данными греко-римской традиции, где, однако, нет сведений о помощи Катилине Кв. Лутация Катула. По ее мнению, эта информация достоверна и восходит к «Historiae» Саллюстия через посредство Тита Ливия. *В.А. Гончаров* (Воронеж) в докладе «Пик – древнейший авгур Рима», указал, что предание об этом древнейшем царе Лация позволяет по ряду черт отождествить его образ со священнослужителем, руководившим посвятительными обрядами и применявшим экстатические практики, сходные с шаманизмом. *Я.В. Мельничук* (Москва) в докладе «Цицероновы "законы" о цензуре и платоновская политическая традиция» показал, что в диалоге «О законах» Цицерон не указал весь объем полномочий римских цензоров, даже тот, что нам известен по другим источникам. Видимо, вдохновившись учением Платона, римский политик старался сблизить образы римских должностных лиц и деятелей «идеального» греческого государства. *А.М. Сморчков* (Москва) сделал доклад «Сакральное значение первой ауспикации магистратов (казус 215 г. до н.э.)», посвященный единственному случаю отказа магистрата – консула-суффекта М. Клавдия Марцелла – от должности в свой первый день из-за неблагоприятного знамения. Экстраординарность этой ситуации не позволяет использовать ее как аргумент в пользу того, что при первой ауспикации магистрата испрашивалось согласие богов на уже состоявшееся избрание или подтверждалось уже полученное право на ауспиции.

На вечернем заседании подсекции истории Республики (председатели *М.Г. Абрамзон*, *Т.А. Бобровникова*) состоялось восемь докладов. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск) в докладе «Претор Цезарь, легат Сура и квестор Эзиллас: последние серебряные монеты провинции Македонии» рассмотрел группу тетрадрахм, выпущенных от имени квестора Эзилласа. По мнению докладчика, этот очень значительный по объему чекан был нужен римлянам, чтобы заручиться дружбой и поддержкой фракийских племен, которые контролировали продвижение римских войск на восток (*via Egnatia*), к Эгеиде и Азии. *Е.В. Шицына* (Киев) сделала доклад «К вопросу о проскрипциях Луция Корнелия Суллы». По ее мнению, репрессии Суллы 88–82 годов до н.э. не были экстраординарным явлением в политической жизни этого времени, но выделялись на фоне прочих из-за стремления Суллы оформить их согласно букве закона. *Ю.А. Бибарсова* (Магнитогорск) в докладе «Малоазийские клиенты Цезаря в гражданской войне 49–47 годов до н.э.» показала, что многообразие политической структуры Малой Азии, с ее системой царств, полисов, храмовых общин и племенных объединений, придавало особую значимость отношениям клиентелы при обеспечении Цезарем поддержки себе в этом регионе в ходе противостояния с Помпеем.

Е.С. Данилов (Ярославль) в докладе «Римская военная разведка: *speculatores*» рассмотрел функции данных «спецподразделений» римской армии, согласно источникам времени Поздней республики и Принципата. В докладе «Первая виктория Сципиона Африканского Старшего в отображении историографии» *А.Б. Никольский* (Астрахань) рассмотрел данные античной традиции (прежде всего, Полибия и Тита Ливия) о взятии Нового Карфагена. *А.В. Короленков* (Москва) сделал доклад «Легенда о братьях Филенах у Саллюстия». Автор обратил внимание на противо-

поставление родственной солидарности Филенов, благородной, ибо служащей Риму, солидарности Югурты и Бокха, которые поступают безнравственно, ибо Риму враждебны. По его мнению, истоки этой легенды не греческие, а пунийские. В докладе *В.О. Никишина* (Москва) «Катон Утический: хранитель устоев и нарушитель традиций» было констатировано, что своим ригоризмом и негибкостью Катон Младший невольно вредил собственному делу. Парадокс его деятельности состоит в том, что, будучи убежденным консерватором и блюстителем mores maiorum, он сплошь и рядом нарушал нормы римского гражданского коллектива. *А.Л. Пилькевич* (Киев) в докладе «Роль армии в формировании социально-экономической политики II триумвирата» отметил процесс профессионализации армии и ее превращения в особую силу, а также повышения роли в ней контингентов, вербуемых из неграждан и жителей провинций. *Л.П. Гороховская* (Санкт-Петербург) представила доклад «Религиозное развитие в годы гражданских войн в Риме», в котором проследила некоторые особенности политико-идеологического использования религиозных представлений (выдвижение на заметное место культа Венеры, как покровительницы военных лидеров, стремившихся к трансформации римского государства; апелляция их противников к традиционным ценностям религии Республики).

На утреннем заседании *подсекции истории Империи* (председатель *Ю.Б. Циркин*), было сделано шесть докладов. *Н.Н. Трухина* (Москва) в докладе «Императорский культ в эпоху Империи» обратила внимание на неравнозначность прижизненного обоготворения императоров на Востоке, прижизненного же почитания божественного гения императора и посмертного культа обожествленных императоров (*divi*). Такая структура императорского культа засвидетельствована надежно по правление Северов включительно, но существовала и при Поздней империи. В докладе *Е.Н. Великановой* (Ярославль) «Карьера римского политика эпохи Принципата» были показаны изменения в *cursus honorum* и самом принципе замещения магистратур в связи с установлением определяющего влияния на этот процесс со стороны принцепсов. *И.О. Князький* (Москва) в докладе «Нерон в Греции. Роковые решения» отметил, что пребывание Нерона в Греции в 67 г. н.э. ознаменовалось не только выступлениями на Олимпийских, Пифийских, Немейских и Истмийских играх, но и казнями командующего на Востоке Корбулона и командующих легионами Верхней и Нижней Германии братьев Скрибониев. По мнению докладчика, только после этого в оппозицию Нерону перешли его военачальники, и конец его принципата стал предопределен. *А.Н. Нуруллаев* (Санкт-Петербург) в докладе «Финансовый кризис правления Гая Калигулы – волюнтаризм или неизбежность?» показал, что негативные финансовые явления данного принципата были предопределены системой финансирования римской армии, в особенности в части организации выплат ветеранского вознаграждения, которая предполагала резкие значительные скачки объема денежной массы в обращении и нарушение стабильности цен. Молодой Гай оказался неспособен скомпенсировать своими усилиями эти трудности.

К.В. Марков (Нижний Новгород) в докладе «Φύσις ἀνθρώπων как фактор истории в труде Диона Кассия» рассмотрел ряд пассажей из «Римской истории», посвященных причинам перехода от одной формы правления к другой. Как показывает их анализ, для Диона ход исторических событий обусловлен внутренними универсальными закономерностями развития общества, но отнюдь не волей провидения и не субъективными устремлениями отдельных вождей. *Ю.Б. Циркин* (Великий Новгород – Санкт-Петербург) в докладе «Сенатская реакция в 238 г. н.э.» обратил внимание на попытку организации власти после провозглашения императорами в Африке Гордианов особой «комиссией двадцати». Шаги этой комиссии к созданию своеобразной системы «конституционной монархии» (временному избранию для осуществления верховной власти сенаторов, а затем императоров Пупиена и Бальбина) вызвали недовольство монархически настроенной толпы и армии и провал этих попыток.

На вечернем заседании подсекции истории Империи (председатели *В.Н. Парфенов, С.М. Перевалов*) состоялось восемь докладов. *С.В. Телепень* (Мозырь, Белоруссия) в докладе «Римская армейская действительность в отражении Плиния Младшего» классифицировал соответствующий материал в произведениях этого автора и констатировал, что прославлению воинских доблестей у Плиния отводится особое место в силу как его приверженности римской старине, неотделимой от духа милитаризма, так и пропагандистских задач начала правления Антонинов. *А.В. Колобов* (Пермь) в докладе «Проблема снабжения гарнизонов императорской армии на римском Западе» показал, что если в I–II веках н.э. легионы решали данную проблему самостоятельно, заготавливая припасы на территории их размещения, то позднее складывается система централизованного снабжения армии. Структурой, выполнявшей эту задачу в общеимперском масштабе, была префектура анноны. *Ю.В. Куликова* (Москва) сделала доклад «Характерные черты архитектуры и строительства в Галльской империи»,

в котором показала, что архитектурные памятники этого государственного образования не характеризуются какими-либо принципиальными новациями. Поскольку основной акцент строительства галльских императоров приходился на военно-стратегические объекты, в частных и общественных зданиях сохраняли бытование обычные «провинциальные версии классической архитектуры» (Р. Риз).

С.М. Перевалов (Владикавказ) в докладе «Сарматская Артуриана сегодня» уделил внимание популярной версии, возводящей легенду о короле Артуре к пребыванию на стене Адриана в Британии ок. 175 г. отряда сарматской кавалерии под началом Луция Артория Каста или к деятельности аланского короля V века в Галлии Гоара. Главный аргумент против этой версии – позднее, не ранее XII века, формирование ядра «Артурианы» и ее элементов, связываемых с сармато-аланским вкладом (образом и именем самого Артура, темами рыцарей Круглого Стола, замка Камелот, поиска Грааля, меча в камне). *Т.В. Григорюк* (Ярославль) в докладе «Внутриполитическая борьба в Римской империи в правление Иовиана» отметил поддержку имперским чиновничеством Иовиана в силу его несамостоятельности. *С.Ю. Колбин* (Екатеринбург) в докладе «Сведения "Церковной истории" Филосторгия о распространении христианства у готов» охарактеризовал специфику этого арианского и соответственным образом ангажированного источника в показе просветительской деятельности Ульфилы. *Д.Ф. Шипилов* (Великий Новгород) в докладе «Готское восстание 395 г. (социально-политический аспект)» сделал вывод, что восстание было поднято не из-за личных амбиций Алариха, а из-за институционально-правового противоречия в положении готов по договору с Римом 382 г. *И.Е. Ермолова* (Москва) в докладе «Tributarii и dediticii в Поздней Римской империи» рассмотрела проблемы взаимоотношений империи в IV – начале V в. н.э. с двумя категориями чужеземных переселенцев на территорию провинций и сопоставила их правовой и социальный статусы.

Секция древнего права работала 29 января. На ее утреннем заседании (председатель *И.А. Гвоздева*) состоялось четыре доклада. В докладе «Становление законодательной и судебной системы в древней Ионии» *М.Ю. Лаптева* (Тобольск) рассмотрела наиболее ранние источники по законодательству и судопроизводству архаической Ионии: Хиосскую ретру, «законодательство» Гераклита и Гермодора, а также сведения о судебной деятельности Бианта из Приены. Было отмечено возросшее понимание ценности законов и обеспечиваемого ими гражданского мира в сознании не только аристократической элиты, но и демократических масс Ионии. *Е.В. Булычева* (Москва) посвятила свой доклад «Эйсфора в договорах об аренде общественной земли из Аттики середины IV в. до н.э.» ряду аспектов хозяйственного права классических Афин. *И.А. Гвоздева* (Москва) в докладе «*Controversia de itineribus* в *Corpus agrimensorum Romanorum*» отметила, что ученые землемеры рассматривали этот важнейший среди исков *ius in re aliena* в области земельных отношений преимущественно на полях типа Arcifinius. На подвергшихся центуриации площадях римских поселений эти иски проходили на фрагментах *ager publicus* в границах кадастров колоний и муниципиев; агрименсоры подчеркивали, что этим иском всегда защищались общественные интересы от произвола частных владельцев. *М.В. Дурново* (Москва) в докладе «*Magister navis*: сфера деятельности и особенности правового статуса» показал, что в текстах классических юристов так назывался коммерческий *управляющий* кораблем: поэтому нельзя переводить этот термин как «капитан». Круг обязанностей этого лица определял его правовой статус, во многом сходный со статусом институра.

На вечернем заседании секции древнего права (председатели *В.В. Дементьева*, *Л.Л. Кофанов*) было заслушано семь докладов. *Л.Л. Кофанов* (Москва) выступил с докладом «Право природы в концепции римских юристов и Цицерона», в котором остановился на проблеме связи человеческих отношений с законами природы (в *servitus aquae pluviae*, в других сервитутах и во всем римском праве). Докладчик отметил, что Цицерон, понимая право природы как божественную волю, утверждает, что разум позволяет людям ради их пользы имитировать природу, которая, в свою очередь, объективно оказывает влияние на человеческие установления. *Б.С. Ляпустин* (Москва) в докладе «Новое и традиционное в хозяйственной жизни городской фамилии Ливии» на материале письменных источников и надписей из колумбария фамилии Ливии показал, что число ремесленников в ее штате было невелико, причем заняты они были не в производстве, а в обслуживании. Причина этого кроется в незаинтересованности супруги принцепса в развитии производства, рассчитанного на получение прибыли. *Е.В. Ляпустина* (Москва) в докладе «Доносчики по делам, затрагивающим интересы фиска (*delatores legis Papiae*)» отметила, что защита интересов фиска в начале принципата при слабости его государственного аппарата была невозможна без участия доносчиков. В докладе рассматривались многочисленные правовые нормы, регулировавшие деятельность *delatores* в делах по поводу имущества, отходящего фиску как выморочное или бесхозяйное (*bona vacantia* или *caduca*) в силу брачного законодательства

Августа. *О.А. Власова* (Ярославль) в докладе «Эволюция римской претуры в III веке до н.э.» затронула исторические и политико-правовые аспекты развития важнейшей магистратуры Римской республики. *В.А. Квашнин* (Вологда) сделал доклад «"Столовые законы" в Риме: К вопросу о соотношении терминов *leges sumptuariae* и *leges cibariae*». К проблемам семейного права в республиканском Риме обратилась в докладе «Ритуал признания ребенка в римской семье» *Н.Д. Кленышева* (Липецк). *Н.Н. Чернова* (Уфа) в докладе «Достоинство личности и гражданина в римском праве» рассмотрела предпосылки разработки этих категорий в концепциях Аристотеля и стоиков и некоторые аспекты их эволюции в римском праве от законов XII Таблиц до его классического этапа.

Секция историографии античной истории (председатели *Н.С. Алмазова*, *А.В. Махлаюк*) работала в первый день конференции, 28 января; на ее заседании состоялось пять докладов. *Н.С. Алмазова* (Казань) в докладе «Д.И. Нагуевский и российская *Juvenaliana*» обратилась к полемике вокруг работы русского филолога-классика «Римская сатира и Ювенал. Литературно-критическое исследование» (1879 г.). Обращение к выступлениям в этой полемике Ф.Е. Корша и Н.М. Благовещенского показывает, что она была не менее острой и обличительной, чем сатиры самого Ювенала. *А.В. Заморяхин* (Пермь) в докладе «Ранняя церковная история крымских готов (III–VI вв.) в отечественной историографии» обозначил основные этапы изучения этой проблемы и ее важнейшие составляющие (вопросы о путях проникновения христианства к готам, времени возникновения готской епархии в Крыму, местонахождение кафедры готского иерарха и др.). *Л.М. Коротких* (Воронеж) сделала доклад «Формирование научного антиковедения в Испании. Антонио Гарсия и Беллидо (1903–1972)», в котором охарактеризовала биографию этого ученого и его научную и в особенности научно-организационную деятельность (создание Института древней истории и археологии имени Родриго Каро, журнала «Archivo Espanol de Arqueologia» и др.). *А.В. Махлаюк* (Нижний Новгород) в докладе «Социокультурные аспекты античной военной истории в новейшей историографии» рассмотрел работы американских историков Дж. Лендона и С.Е. Фанг, исследующих роль культурно-исторических факторов, ценностей, идеологий, традиций и исторической памяти в эволюции и функционировании вооруженных сил Древней Греции и Рима. *М.П. Самойлова* (Нижний Новгород) в докладе «Античное наследие в творчестве русских консервативных мыслителей XIX века» показала, как сомнения в европейской идентичности России в рамках славянофильской доктрины 1840–50-х годов параллельно с утратой «римским» католическим христианством роли главного духовного стержня Запада Европы содействовали переосмыслению значения античности и ее наследия в трудах русских консервативных мыслителей (И. Киреевского, К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского и др.).

На заседании *секции исторической географии античности* (председатели *А.В. Подосинов*, *И.Е. Суриков*), прошедшем вечером 29 января, состоялось три доклада, сопровождавшихся большой дискуссией. *А.В. Подосинов* (Москва) в докладе «Великие проливы в античном мире: космологический и мифологический аспекты» отметил, что античные авторы часто рассматривали их (в особенности Босфорский и Керченский проливы) как рубежи ойкумены, выход во Внешний океан, а значит в потусторонний мир; эти представления оставались живы в античном сознании и с накоплением позитивных географических знаний по мере освоения Ойкумены. *И.Е. Суриков* (Москва) в докладе «Путь как принцип жизни и мысли (Кое-что об основаниях географических представлений Геродота)» сделал акцент на том, что в труде «отца истории», как и в целом в античности, преобладает не картографический, а скорее, годологический способ описания пространства. Описываемые Геродотом ранние карты – это по сути дела начерченные итинерарии; соответственно, пространство в таком восприятии оказывается семантически неоднородным. *Н.Е. Самохвалова* (Москва) в докладе «Оценка римского влияния на покоренные территории в "Географии" Страбона» рассмотрела вопрос о влиянии на Страбона стоической традиции идеализации варваров, связанной с кругом идей о «естественном состоянии» (Платон), а также концепции о «золотом веке». Эти идеи присутствуют в «Географии» в меньшей мере, чем ожидалось бы: будучи современником переворота в географическом сознании на рубеже эр, Страбон неоднократно говорит о положительном воздействии принесенной римлянами цивилизации на варваров.

В *секции истории и археологии античного Причерноморья* (председатели *Е.А. Молев*, *С.Ю. Сапрыкин*), работавшей утром 30 января, состоялось девять докладов. В докладе «Статус греческих колоний европейского Боспора в период архаики: Мирмекий» *А.М. Бутягин* (Санкт-Петербург) пришел к выводу, что для раннего этапа существования поселения в VI в. до н.э. о существовании гражданского коллектива говорить нельзя; с конца VI в. идет строительство городских кварталов, и в это время поселение находится под влиянием Пантикапея.

Во второй четверти V в. до н.э. поселение является якорной стоянкой, в конце V–IV веков до н.э. – выселками Пантикапея. *Е.А. Молев* (Нижний Новгород) в докладе «Боспор и Ахемениды (по данным нарративных источников)», рассмотрев сведения Диодора в сопоставлении с данными других авторов о политических событиях на Боспоре VI–V веков н.э., отметил, что достаточных оснований настаивать на том, что Боспор являлся ахеменидским протекторатом, нет.

Н.В. Молева (Нижний Новгород) сделала доклад «К вопросу о культе Аполлона в Китейском святилище». На основании анализа археологических находок был сделан вывод, что Аполлон в китейском святилище не почитался в ипостаси Врача, а степень распространения этого культа была незначительна. В докладе *Д.В. Журавлева* (Москва) и *У. Шлотцауера* (Берлин) «Позднеархаическое поселение Голубицкая 2 на Таманском полуострове: новые открытия» были представлены материалы новейших российско-германских раскопок. Установлено, что поселение было окружено рвом и имело площадь более 6,3 га; основанное во второй четверти VI в. до н.э. у впадения р. Кубань в Азовское море, оно спустя четверть века было окружено оборонительными сооружениями. Обилие керамического импорта указывает на его активные торговые связи. *Т.А. Кузьмина* (Нижний Новгород) в докладе «Положение женщины на Боспоре в свете варварского влияния», разобрав вопрос о женских погребениях с оружием и рассмотрев ряд изображений женщин на надгробиях первых веков н.э. отметила большую роль варварского населения в городах. *М.Е. Бондаренко* (Москва) выступил с докладом «Религиозные представления тавров». *Е.В. Захаров* (Москва) в докладе «Вопрос о возникновении денежного обращения в Северном Причерноморье в свете находок архаических иностранных монет» пришел к выводу, что в Северо-Западном Причерноморье на древнейшем этапе денежного обращения, в VI в. до н.э., обращались монеты малоазийских полисов, а с конца VI в. до н.э. – кизикины. При сходной картине на Боспоре обращение иностранных монет фиксируется ограниченно, что может объясняться собственной серебряной чеканкой со второй половины этого столетия. *А.А. Строков* (Воронеж) в докладе «Позднеантичный некрополь Фанагории (вопросы хронологии и топографии)» сделал подробный обзор находок позднеантичного некрополя Фанагории (в основном гуннской эпохи – второй половины IV – первой половины V в. н.э.).

На заседании секции истории Мезоамерики (председатели *Д.Д. Беляев, А.В. Сафронов*), которое состоялось вечером 29 января, было представлено девять докладов. Доклад *А.В. Сафронова* (Москва) «Царства Средней Усумасинты в период гегемонии Каану'льской державы» был посвящен подробному исследованию политической географии одной из областей майя, занимавшей ключевую позицию в борьбе могущественного Каану'льского государства в VI—VII веках за влияние над западными царствами майя. Области майя коснулся и *Д.Д. Беляев* (Москва), представив в докладе «Династическая история царства Вакаам (Ним-Ли-Пунит) в позднеклассический период», анализ письменных памятников городища Ним-Ли-Пунит в Южном Белизе и изложив новые факты из событийной истории данного политического образования. В докладе *И.Ю. Демичевой* (Москва) «Атрибутивные предметы майяской коропластики классического периода: место и значение» была предпринята попытка анализа и типологизации керамических антропоморфных статуэток классического периода, происходящих из различных областей майя. *Э.Г. Александренков* (Москва) прочитал доклад «Признаки, знаки и символы социального неравенства у обитателей Больших Антильских островов на рубеже XV–XVI веков», посвященный социальной организации индейцев Карибского бассейна, на основе данных археологических исследований и письменных свидетельств европейских колонизаторов.

В докладе «Организация сакрального пространства в инкской империи: этноастрономический подход» *Д.В. Носкова* (Пермь) рассматривалось исследование важных аспектов общественной и духовной жизни государства инков, и связанных с ними астрономических явлений. *В.А. Рубель* (Киев) в докладе «Стабилизационные факторы доколумбовых обществ Мезоамерики» выдвинул концепцию о существовании в культурах Мезоамерики определенных явлений, выполняющих роль социальных стабилизаторов. *С.В. Вепрецкий* (Москва) в докладе «Панель 1 из Ла-Короны: новые данные о княжеской династии» проанализировал один из недавно найденных монументальных памятников майя позднеклассического периода. Доклад «Варианты "Птичьего божества" в мифологической традиции майя» *Ф.С. Галеева* (Москва) был посвящен исследованию одного из ключевых персонажей в религиозно-мифологической традиции майя по эпиграфическим и иконографическим памятникам. Наконец, *А.В. Пакин* (Москва) в докладе «Ah Kit – редкоупотребимый юкатекский эпитет» затронул проблему использования одного из редких аристократических титулов в обществе майя-юкатеков, а также его назначения и места в социальной структуре.

На заседании *секции истории античного христианства* (председатели *А.Д. Пантелеев, Н.Н. Трухина*) утром 30 января прозвучало семь докладов. *С.М. Прокопьев* (Москва) выступил с докладом «Мелитон Сардийский – апологет?», в котором показал, что в творениях этого автора II в. н.э. вина за гонения на христиан снимается с императора и перекладывается на людей, наделенных дурными качествами (прежде всего завистью); фигуре императора при этом придается особая роль в разрешении вопроса о жизни и смерти христианина, что может содержать намек на его богоставленность. *Ю.Е. Краснобаева* (Москва) в докладе «Терминология "служения" в "Постановлениях Апостольских"» уделила внимание употреблению в этом тексте IV в. н.э. терминов διακονία, διάκονος, διακονέω: помимо обозначения церковного сана диакона или епископа, этот термин имеет отношение к людям, занимающимся благотворительной деятельностью и помощью различным категориям нуждающихся (вдовам, сиротам). *А.Д. Пантелеев* (Санкт-Петербург) в докладе «Организация христианской общины во II в.: опыт гностиков» обратил внимание на концепцию организации общины верующих, отличную от доктрины монархического епископата Климента Римского и Игнатия Антиохийского; ее изложение обнаруживается в гностическом тексте «Истолкование знания» (NHC IX, 3), адресованном общине, единству которой угрожают «зависть», «ненависть» и «споры».

Е.В. Сергеева (Великий Новгород) в докладе «"Как будешь ты крестить свою постель?" Христианские писатели II–III веков о проблеме организации сна» показала, что, рассматривая сон как время бодрствования души и наилучшее состояние для общения с богом, христиане выработали собственную практику организации сна, тесно связанную с проблемой сохранения ритуальной чистоты. *И.А. Копылов* (Москва) в докладе «Христианство и язычество в позднеантичной и вандальской Африке по данным проповедей» показал, что в Римской Африке рубежа IV–V веков язычество (прежде всего синкретические пуническо-римские культы) долго сохраняло свою позицию (вплоть до участия христиан в языческих торжествах). Однако после вандальского нашествия именно церковь стала главной силой, сплачивающей романизованное население Африки.

Д.С. Пуховец (Киев) в докладе «Крещение и катехуменат Константина Великого» обратил внимание на то, что несмотря на позднее крещение император имел статус *катехумена*, т.е. человека, который желает принять крещение и наставляется христианским догматам; без этого было бы невозможно его активное вмешательство в церковные дела, в частности, участие в Никейском соборе. *Л.А. Самуткина* (Иваново) в докладе «Идеальный правитель в "Хронографии" Иоанна Малалы» показала, что для хронографа данное понятие определяется «стандартом» добродетелей, свойственных как людям языческого мира вообще, так и императорам. Идеальный император христианской Римской империи представляет собой христианского гуманиста, обладающего достоинствами образованного щедрого правителя, законодателя и военного миротворца.

На заключительном пленарном заседании XV Сергеевских чтений 30 января (председатели *И.А. Гвоздева, В.Н. Парфенов*) было сделано два доклада. В докладе *Д.В. Деопика* (Москва) и *М.Ю. Ульянова* (Москва) «Основные этапы исторического процесса Восточной Азии IX–I тыс. до н.э.» были охарактеризованы новейшие данные по археологическому изучению центров генезиса цивилизации в Восточной Азии, особенности становления здесь культур развитого производящего хозяйства, проблемы возникновения древнекитайской письменности. Доклад *В.В. Ставнюка* (Киев) «Изучение истории древнего мира в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко: состояние и перспективы» был посвящен актуальным проблемам развития исследований древней истории и образовательной деятельности по данному направлению не только в Киевском университете, но и в поддерживающих с ним контакты научных центрах Украины.

Итоги XVI Сергеевских чтений подвели в заключительных выступлениях председатель заседания *И.А. Гвоздева* и ответственный секретарь Оргкомитета *И.А. Ладынин*. Была высказана уверенность в том, что регулярный и плодотворный обмен научными достижениями в области древней истории между специалистами, по сути дела, со всего «постсоветского пространства», связанными давними контактами, будет продолжаться на традиционных Сергеевских чтениях и в дальнейшем.

Оргкомитет XVI Сергеевских чтений

© 2009 г.

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА (Москва, 21 апреля 2009 г.)

21 апреля 2009 г. на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова состоялась ежегодная научная конференция «Ломоносовские чтения», в которой приняли участие сотрудники кафедры – специалисты по истории древнего Востока, древней Греции и древнего Рима.

Конференция открылась докладом *С. Кучеры* «Ономастика древнекитайской бюрократии: некоторые особенности». Проанализировав названия чиновничьих должностей, существовавших в Китае во второй половине I тыс. до н.э., докладчик пришел к выводу, что их можно разделить на две категории. Первую составляют термины, указывающие на сферу деятельности их носителя, это «реальные» названия: например, *цзючжэн* (вино + заведующий), т.е. главный надзиратель за изготовлением и распределением вина, или *сыма* (управлять + лошадь), главный военный чин государства. Вторая категория связана с терминами, которые либо очень далеки, либо вовсе не отражают род занятий соответствующего чиновника, это «фантазийные» названия: например, *тяньпу* (поле + слуга), т.е. ответственный за повозки правителя, или *хубэньши* (господин, который мчит, как тигр) – офицер охраны правителя. В докладе был поставлен вопрос: можно ли найти истоки «фантазийных» названий в далеком прошлом Китая? В поисках ответа С. Кучера обратил внимание, в частности, на ряд стихотворений Ши цзина (начало I тыс. до н.э.), где моральные качества людей сравниваются с такими же качествами животных (человеколюбие, добродетель и т.д.). В других источниках (например в авторитетной хронике Цзо чжуань) говорится, что в III тыс. до н.э. для обозначения должностей чиновников использовались названия облаков, разновидностей огня, воды, драконов и птиц. Для последних приводится расшифровка сферы чиновничьей деятельности в сопоставлении с известной хронистам системой второй половины I тыс. до н.э. Согласно последней, «феникс» заведовал составлением календаря, «орел» занимался военными делами, «ястреб» ловил и наказывал преступников и т.п. Докладчик указал на мифологический в целом характер подобных сообщений, однако подчеркнул присутствие в китайских мифах рационального зерна, что подтверждается современной наукой, особенно археологией. По его мнению, необходимо также учитывать использование вплоть до наших дней образов растений, животных и птиц в геральдике, а также для характеристики политических деятелей. С. Кучера допускает, что на этапе становления племенной администрации древние обитатели Китая использовали представления об окружающей природе для выражения особого положения в племени людей, наделенных некоторой властью. Вероятно, столь необычная, с точки зрения последующих поколений, практика и легла в основу «фантазийных» терминов.

В докладе «Современное развитие источниковедения истории раннего Рима» *И.Л. Маяк* подчеркнула, что изучение ранних стадий римской истории вышло за последние 10–20 лет на новые рубежи. Это произошло благодаря новейшим археологическим открытиям и применению современных методов обработки полученных материалов в совокупности с привлечением античной традиции и художественных памятников эпохи. Наибольшую важность представляет открытие А. Карандини оборонительных укреплений Рима VIII в. до н.э. на южном склоне Палатина, что подтвердило сообщения древних авторов о Ромуловом померии. Большое значение также имеют работы по идентификации пещеры Луперкал, проведенные А. Карандини и Д. Бруно. И.Л. Маяк выделяет два направления этих исследований. На Палатине был раскопан известный еще в XVI в. круглый нимфей с богато декорированным куполом. Анализ памятника позволил А. Карандини вернуться к высказанной еще в конце XIX в. гипотезе о тождественности этого здания Луперкалу. Кроме того, были приняты во внимание результаты новых археологических исследований дворца Августа: как выяснилось, он стоит на месте преднамеренно разрушенного другого здания. Уточнить расположение последнего напротив Circus Maximus помогла аналогия с константинопольским дворцом Константина Великого напротив ипподрома, поскольку создатель новой столицы стремился позиционировать себя как продолжатель великой империи. А. Карандини высказался в пользу намеренного возведения дворца Августа в древнейшем районе города в соответствии с идеей принцепса о предопределенности римского величия и своих родственных связях с Ромулом. Использование новейших геофизических методов позволило итальянским археологам

восстановить облик сложного комплекса помещений императорского дома, в подземной части которого на месте древнего Луперкала находился нимфей. И.Л. Маяк особо отметила, что значение всех этих открытий выходит за пределы обогащения источниковой базы новыми свидетельствами. Подобным образом утверждается важность новых подходов к изучению римских древностей и наносится решительный удар по гиперкритическим хитросплетениям, зачеркивающим подлинную историю раннего Рима.

В докладе *С.Ю. Сапрыкина* «"Малые" эллинистические государства Причерноморья» рассмотрены ключевые проблемы развития Фракии, Гетики, Таврической Скифии, Понта и Боспора в эпоху эллинизма. Автор отметил неоднородность этих государств, а также проследил закономерности развития их политической и социально-экономической истории. Особенностью становления государственности у фракийцев, гето-даков и скифов Добруджи и Таврики было длительное сохранение пережитков племенных отношений. Поэтому государственные институты, административное деление и царская власть отличались у них нестабильностью, а сами государства быстро распадались. Римляне, укрепившись на Балканах, стремились усилить власть дружественных им царей, способствуя созданию во Фракии прочного государства на основе эллинистических форм управления. Но им это не удавалось в полной мере, так как даже на рубеже нашей эры, когда государство у фракийцев превратилось в более-менее централизованное, этноплеменные противоречия, парадинастия, троичность фракийского общества постоянно давали о себе знать. Это препятствовало усилению власти вассальных Риму правителей и подвигло Империю ускорить завоевание данных территорий с целью включить их в состав провинций. Как полагает С.Ю. Сапрыкин, в отличие от северобалканского региона, эллинистические формы правления достаточно уверенно закрепились на севере Малой Азии и на Боспоре. Это было связано с политикой Митридата Евпатора и других эллинистических монархов, способствовавших превращению больших земельных наделов в царскую земельную собственность и во многих местах сохранивших полисную хору. Политика Рима, распространившего свою власть и влияние на эти земли, строилась с расчетом усилить полисную или муниципальную собственность, храмовые владения и ager publicus за счет перераспределения царской земли. Но затем политика в отношении Боспора изменилась: римские власти содействовали становлению этого государства как эллинистического с сохранением полисной и царской земельной собственности, что открывало возможность для некоторых кочевых скифо-сарматских племен переходить к оседлому земледелию подобно эллинистическим катойкам. Это усиливало боспорские войска, закрепляло эллинистические формы правления и эллинистические по характеру земельные отношения, когда царь, вассал Римской империи, становился верховным собственником земли и мог проводить успешную политику по защите ее интересов. В результате Боспор сохранил эллинистическую государственность вплоть до конца античной эпохи.

И.А. Гвоздева в докладе «Иски о "священных участках" в земельном праве древнего Рима» проанализировала сведения Corpus agrimensorum Romanorum по одному из самых сложных типов контроверсий – de locis sacris et religiosis, которую специалисты по межеванию перевели в практику земельного права. В классический период развития ius civile все священные участки в границах римских колоний и муниципиев рассматривались как loci publici, имеющие границей arcifinius, т.е. границу по признакам рельефа. Поэтому основой для аргументации в споре являлись нормы местного обычая, на которые опирался претор при составлении формулы иска в формулярном процессе. Практика земельного права располагала для данного случая двумя типами исков: controversia de loco (уточняющая местоположение священного участка) или controversia de fine (восстанавливающая его природную границу). Хотя агрименсоры объединили в один вид иска споры о священных участках и местах захоронения (loci religiosi), для последних в земельном праве выделение места производилось согласно измерениям; таким образом, этот иск включал и разбирательство о размере участка (de modo). Из сообщения Агеннии Урбика (IV в. н.э.) следует, что в постклассический период истории права, когда господствовал экстраординарный процесс, главным аргументом служили сведения земельного кадастра. Происходило некоторое упрощение процедуры при рассмотрении подобных исков в провинциях, если легат располагал сведениями о loci publici, sacri, religiosi. Эти участки становились объектами контроверсий между провинциальными муниципиями, на suburbana которых восстанавливались границы священных участков, проверялись размеры площадей древних захоронений с учетом обычаев областей по ius gentium. Как показала И.А. Гвоздева, запутанность посессорских отношений на территории Италии привела к тому, что arcifinius священных участков не препятствовал их захвату. В таких случаях в классический период именно на италийских землях часто применялась преторская защита – interdictum ne quid in loco sacro fiat. В постклассический период неприкосновенность res divinae iuris обеспечивало обращение к земельному кадастру.

Доклад *И.А. Ладынина* «Клеомен из Навкратиса: наместник македонского царя в топосах древнеегипетской пропаганды» был посвящен сведениям античной традиции об одной из фигур царствования Александра – греке из Навкратиса, занявшем в сложной системе администрации Египта, сложившейся после македонского завоевания, место фактически единоличного наместника страны. Вопрос о том, имел ли Клеомен формальный титул сатрапа, по мнению докладчика, при имеющихся данных необходимо решить отрицательно; по-видимому, «трамплином» для возвышения Клеомена послужило предоставление ему общеегипетских полномочий в финансовой сфере и поручение возглавить работы по строительству Александрии. И.А. Ладынин подробно рассмотрел свидетельства Псевдо-Аристотелевой «Экономики», которые относятся к Клеомену из Навкратиса. Согласно одному из них, Клеомен хотел открыть охоту на священных крокодилов как возмездие за похищение одним из них своего слуги; другое связывает с ним переселение в Александрию египтян – жителей одного из старых портов Канопского русла Нила, чтобы у вновь создаваемого центра морской торговли не было конкурентов; третье приписывает ему намерение закрыть египетские храмы, чтобы сэкономить на их обеспечении. При этом Клеомен всякий раз отступался или как минимум проявлял готовность отступиться от своей «стратагемы» за денежный выкуп. Докладчик показал, что «стратагемы» Клеомена формально не носят характер полного произвола и не своекорыстны (взимаемый им выкуп шел скорее в пользу казны, нежели персонально ему); тем самым они характеризуют его именно как агента греко-македонской власти. При этом в них можно выявить два базовых топоса древнеегипетской пропаганды – приписывание правителю кощунств против священных животных (что наиболее ярко проявилось в связи с персидскими царями Камбисом и Артаксерксом III) и намерение ущемить доходы храмов (этот мотив можно найти в античной традиции о фараоне Хеопсе). Учитывая, что обычным «пунктом приложения» этих топосов должен был быть царь, а не его чиновник, можно полагать, что они метили не только в Клеомена, но и выше и могли служить для обоснования преимуществ правления Птолемея I по сравнению с порядками, установленными в Египте Александром Великим.

В докладе *С.С. Соловьевой* «Киш: от гегемона до среднестатистического месопотамского города» на основе мифологической традиции, документальных источников и археологических материалов были прослежены этапы истории этого центра древней месопотамской цивилизаций. В качестве первого этапа рассматривается период, когда Киш был неоспоримым гегемоном, – гипотетически предполагаемый исследователями период политического и торгового лидерства в эпоху Джемдет-Наср (3200–3000 гг. до н.э.) и время правления I династии Киша в I Раннединастический период (3000–2750 гг. до н.э.). Во II Раннединастический период гегемония Киша потерпела крушение, однако в III Раннединастический период (2600–2350 гг. до н.э.) он вновь вступил в борьбу за лидерство. Поражение от правителя Уммы и Урука Лугальзагеси положило конец этому этапу истории Киша, после чего наступил период «отказа от амбиций», когда город вошел в состав Аккадского царства и царства III династии Ура. Со времени установления «вечной царственности» в Вавилоне при Хаммурапи и до конца существования державы Селевкидов (II в. до н.э.) Киш находился на положении среднестатистического месопотамского города. Материалы раскопок показывают, что при парфянах Киш являлся военной крепостью, продолжив свое существование при Сасанидах (на его территории были обнаружены руины дворца и манихейского святилища). Археологические исследования позволяют также сделать вывод, что «центр тяжести» городских строений Киша смещался в восточном направлении, вслед за уходящим руслом Евфрата. Изменение природной среды, выразившееся в отступлении реки и наступлении пустыни, было, по мнению С.С. Соловьевой, главной причиной упадка и исчезновения города в VII в. н.э. Кроме того, приход новых народов (персов, греков, македонян, парфян, арабов), давление их культурных традиций, религий и, конечно, войны способствовали угасанию древней, исконно месопотамской цивилизации, и ее детища – Киша.

Доклад *О.В. Томашевич* был посвящен интерпретации сцены на росписях вельможеских гробниц эпохи Древнего царства. Она сводится к тому, что покойный представлен стоящим на лодке в нильских заводях с метелками папируса в руках. В настоящее время таких гробниц известно 20: 11 из них находятся в Гизе, 6 – в Саккаре, остальные на территории Верхнего Египта. Различия в иконографии позволили автору доклада выделить 3 варианта изображения. Древнейший пример, которому в докладе уделялось особое внимание, сохранился на восточной стене часовни в уникальной скальной гробнице царицы Мерисанх III, внучки Хуфу, в Гизе (G 7530 sub). Сцена снабжена надписью: «Она делает *zšš wꜣḏ* для Хатхор вместе с матерью ее в заводях, (так что) они видят всякие прекрасные вещи в зарослях папируса (в Дельте)». По мнению автора доклада, неслучайно, что именно эта древнейшая сцена из трех ее известных вариантов зафиксирована в четырех часовнях царских жен: кроме Мерисанх III в Гизе, это рельефы в Саккаре – в двойной мастабе Небет и Хенут, жен фараона Униса, и царицы Анхнеспепи II. Кратко рассмотрев богатую

историографию проблемы, О.В. Томашевич акцентировала внимание на идее Х. Бальца (1939 г.) о первоначальном названии систра: *zšš(t* и возможном переводе *zšš* как «трясти, создавать шум». Как известно, два предмета, которые фигурируют в рассматриваемой сцене, настолько тесно связаны с богиней, что иногда представляются как ее воплощения: систр и ожерелье-менат. Оба предмета являются трещотками, которые использовались в ритуалах в честь богини Хатхор для сопровождения танцев и пения, а также для задабривания богини, которая могла быть очень опасной. Литературной иллюстрацией этого сюжета может быть «История пастуха и богини»; параллели имеются также в «Странствии Синухета». Подводя итог, О.В. Томашевич высказалась в пользу гипотезы, что шум, создаваемый с помощью метелок папируса, помогал покойному преодолеть опасную пограничную зону между миром живых и мертвых. Таким образом умерший оказывался под покровительством богини Хатхор.

Н.В. Бугаева

© 2009 г.

«МИУССКИЕ АНТИЧНЫЕ ПОСИДЕЛКИ» В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (Москва, 3–4 апреля 2009 г.)

Научный семинар «Миусские античные посиделки» состоялся на кафедре истории древнего мира Института восточных культур и античности РГГУ 3–4 апреля 2009 г. и был посвящен истории древней Греции архаического и классического периодов. Тема семинара: «Традиции и новации в изучении архаической и классической Греции в современной России». Участники представили доклады по теме своих исследований по истории древней Греции архаического и классического периодов. Организатором семинара выступил *С.Г. Карпюк*. Открыли научный семинар *И.С. Смирнов*, директор Института восточных культур и античности, и *П.П. Шкаренков*, заведующий кафедрой истории древнего мира.

На утреннем «сидении» 3 апреля были выслушаны источниковедческие доклады И.Е. Сурикова, С.Г. Карпюка и Э.В. Рунга.

В докладе *И.Е. Сурикова* (Москва) «Парадоксы “отца истории”: Геродот – исследователь архаической и классической Греции» были подведены итоги проводившейся автором на протяжении последних лет работы над темами, связанными с творчеством первого античного историка, чей труд сохранился полностью. В докладе характеризуется историографическое место Геродота в связи с «греческими» частями его сочинения (хотя, как известно, не меньшее место в «Истории» занимают восточные сюжеты). Преимущественное внимание было уделено проблемам исследовательских методов Геродота (как историка, опирающегося в первую очередь на устные традиции), но в связи с этим оказывается необходимым затронуть также и ряд вопросов его мировоззрения (историософии, религиозных взглядов, политической позиции). Была поставлена задача заострить внимание на тех чертах произведения «Отца истории», которые могут выглядеть парадоксальными, непривычными в свете сегодняшних представлений о специфике историографии как формы научного знания. Геродот характеризуется как представитель архаической традиции историописания.

В докладе *С.Г. Карпюка* (Москва) «Два патриотизма в “Истории” Фукидида» подверглась рассмотрению дискуссия о патриотизме в сочинении Фукидида. Фукидид выдвинул немало аргументов в пользу традиционного полисного патриотизма, когда гражданин обязан при любых обстоятельствах сохранять верность своему отечеству. Очевидно, что сам Фукидид, как показывает и его поведение в изгнании, и детали текста его сочинения, сохранял верность Афинам и оставался лояльным афинским гражданином. Однако историк не мог не представить аргументы нового, «софистического», подхода к патриотизму, который нашел яркое выражение и в речи, и в самом поведении Алкивиада.

Доклад *Э.В. Рунга* (Казань) «Подходы к обозначению и периодизации исторических событий в греческой историографии классического периода» был посвящен анализу представлений греческих историков V–IV вв. до н.э. об обозначении и периодизации исторических событий. Особое внимание уделяется разнообразным «дефинициям войны»: Персидские войны / Мидий-

ские войны; Пелопоннесская война; Аттическая война / Архидамова война; Декелейская война и др. В этой связи исследуются подходы греческих авторов (Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Оксиринхского историка) к установлению относительной хронологии, когда известное событие принимается за своеобразную «точку отсчета», а все прочие события рассматриваются по отношению к нему. Делается вывод, что стереотипные представления греков об обозначении и периодизации исторических событий возникали вследствие осмысления и переосмысления эллинами своего прошлого.

После перерыва была представлена выставка научных изданий последних десятилетий по теме семинара из фондов Научной библиотеки РГГУ[1]. Книги были сгруппированы по следующим разделам: «Античные авторы», «Архаическая Греция», «Классическая Греция», «Религия и идеология», «Справочные издания», «Участники семинара». Был представлен также хранящийся в библиотеке экземпляр русского перевода Фукидида (издание 1888 г.) с дарственной надписью Ф.Г. Мищенко С.А. Муромцеву.

На вечернем «сидении» был заслушан доклад *С.Ю. Сапрыкина* (Москва) о тирании на Боспоре.

4 апреля вниманию слушателей были представлены доклады О.В. Кулишовой и Т.В. Кудрявцевой, посвященные религии и магии в древней Греции.

В докладе *Т.В. Кудрявцевой* (Санкт-Петербург) «Судебная магия в классической Греции» показано, как тяжущиеся в классической Греции в целях обеспечения успешного исхода судебного процесса нередко прибегали к магии и ворожбе. Магические обращения такого рода представлены свинцовыми табличками с проклятиями (defixiones), а также особыми фигурками, так называемыми «куклами вуду», или «куклами мести»; изготовление проклятия против потенциальных соперников по тяжбе стало общей практикой во всем греко-римском мире и охватывает период от конца VI в. до н.э. до V в. н.э. Однако больше всего подобных источников – из позднеклассических Афин, что позволяют прояснить некоторые детали и особенности афинского судебного процесса. Ряд примеров свидетельствует о том, что агрессивная черная магия использовалась не только простыми афинскими обывателями в делах по частным искам, но и определенными политическими группировками, преследующими свои цели в «государственных» процессах. Спрос на магические услуги привел к появлению профессионалов – изготовителей проклятий. В эллинистических Афинах с деградацией народного суда судебная магия постепенно сходит на нет, но этот «классический опыт» успешно перенимают эллинистический мир и Римская империя.

В докладе *О.В. Кулишовой* (Санкт-Петербург) «Военная мантика в архаической и классической Греции» были рассмотрены засвидетельствованные античной традицией основные компоненты военной мантики у древних греков, а также вопрос о толковании божественных знаков и оракулов эллинами и связанная с этим проблема роли знамений и прорицаний в жизни древнего общества и их влияния на военно-политическую сферу. Автор пришел к выводу, что военная мантика, как и в целом религиозное сознание древних греков в эпоху военных катаклизмов, демонстрирует сосуществование двух тенденций: с одной стороны, процесс актуализации наиболее архаических пластов традиционных верований, который выливается в рост мистических настроений, слепую веру в знамения и предсказания, с другой – разрушение традиционных полисных религиозных представлений как результат растущего скептицизма интеллектуальной и политической элиты.

Все доклады сопровождались оживленным обсуждением.

В заключение участники семинара приняли участие в дискуссии, посвященной насущным проблемам изучения истории древней Греции в России. Во время дискуссии поднимались самые разнообразные проблемы, как то: снижение интереса к античности и трудности привлечения студентов на античные кафедры; преобладание исследований по политической истории и определенный методологический негативизм современной российской историографии; особое место исследований по истории и археологии Северного Причерноморья в российском антиковедении; соотношение публикаций российских ученых на русском и иностранных языках и роль русского языка как регионального языка науки в Восточной Европе; развитие центров изучения античности в России, помимо Москвы и Санкт-Петербурга, и опасности этого, безусловно позитивного, процесса; необходимость поддержания достойного научного уровня публикаций и диссертаций по античности в России; желательность появления обобщающих трудов по архаической и классической Греции на русском языке. Дискуссия получилась крайне заинтересованной; было

---

[1] «Меню к посиделкам». Библиографический указатель новых работ по архаической и классической Греции из библиотеки РГГУ к научному семинару «Миусские античные посиделки» (3–4 апреля 2009 г.) / Авторы-составители: С.Г. Карпюк, Н.Ю. Костенко, О.Л. Шенягина, М., 2009 (электронная версия: http://liber.rsuh.ru/binary/79776_72.1239094955.21223.htm).

высказано предложение превратить «Кентавр» («Вестник РГГУ») в одно из наиболее авторитетных периодических изданий по античной истории и классической филологии в России. Научный семинар «Миусские античные посиделки» планируется сделать ежегодным.

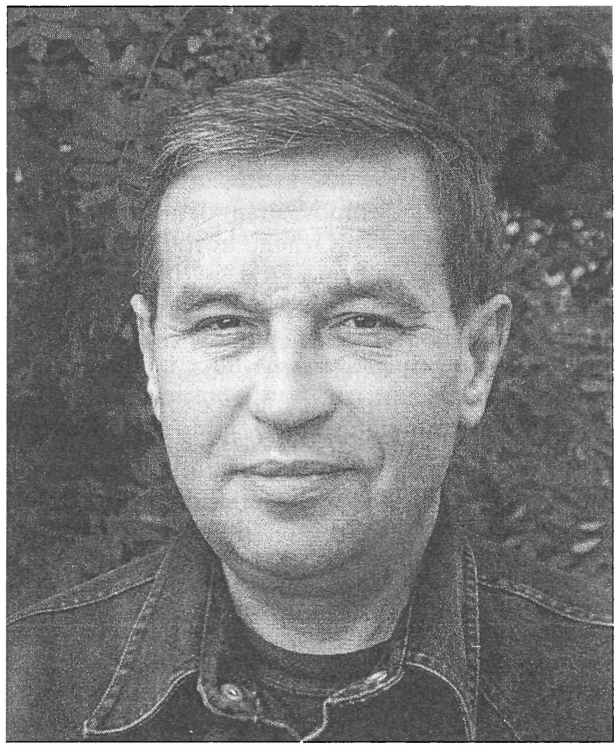
С.Г. Карпюк

Редакционный совет и Редакционная коллегия журнала «Вестник древней истории», сотрудники Центра сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН поздравляют постоянного автора нашего журнала Владимира Федоровича Столба с избранием действительным членом Королевской Датской академии наук (Kongelige Danske Videnskabernes Selskab).

В.Ф. Столба – крупный специалист в области археологии и нумизматики Причерноморья, в особенности Северо-Западного Крыма и Херсонеса. С 1991 г. по настоящее время он работает в Отделе истории античной культуры Института истории материальной культуры РАН, в 2002 г. стал одним из инициаторов создания Центра черноморских исследований Датского национального исследовательского фонда (Орхус), сотрудником которого (Associate professor) остается и в настоящее время. В.Ф. Столба много сделал как для налаживания сотрудничества между отечественными и зарубежными исследователями античной истории и археологии Причерноморья, так и для развития самой научной дисциплины, в том числе благодаря использованию новых для нее научных методов ландшафтной археологии, палеоклиматологии и др. Мы рады, что научные заслуги В.Ф. Столбы нашли достойное признание в одной из старейших и авторитетнейших Академий Европы.

© 2009 г.

ВИТАЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЗУБАРЬ

(1950–2009)

20 марта 2009 г. на 60-м году жизни преждевременно, в расцвете творческих сил ушел из жизни известный украинский ученый – археолог и историк-антиковед, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела античной археологии Института археологии НАН Украины, ответственный секретарь журнала «Археологія», профессор Национального университета «Киево-Могилянская академия», признанный исследователь античных древностей Северного Причерноморья и особенно истории и археологии Херсонеса Таврического, великий труженик Виталий Михайлович Зубарь. В общем за 32 года научной деятельности он издал, в том числе в соавторстве, почти 30 научных и научно-популярных монографий, а также свыше 350 статей, включая разделы в коллективных работах и публикации.

В.М. Зубарь родился 5 февраля 1950 г. в семье педагогов в г. Харьков. Еще во время обучения в школе он заинтересовался археологией и во время летних каникул принимал участие в раскопках Боспорской экспедиции под руководством В.Ф. Гайдукевича, а в студенческие годы в раскопках Херсонеса. В 1972 г. Виталий Михайлович с отличием закончил исторический факультет Харьковского государственного университета и сразу был назначен на должность заведующего отделом Харьковского исторического

музея. Однако он стремился заниматься научной работой, поэтому в следующем году поступил в аспирантуру Института археологии АН Украины. После ее окончания стал постоянно работать в этом Институте: с 1976 г. – младшим научным сотрудником, с 1983 г. – старшим научным сотрудником, а с 1993 г. в должности ведущего научного сотрудника.

В 1978 г. В.М. Зубарь защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э.» и в 1991 г. докторскую диссертацию по теме: «Херсонес Таврический и Римская империя». Уже в 1982 г. вышла в свет его первая монография, основу которой составила кандидатская диссертация. По материалам некрополя Херсонеса первых столетий новой эры им были сделаны важные выводы об экономическом и культурном развитии этого города, этническом и социальном составе населения, тесных взаимоотношениях с Римом.

Именно эти в то время еще малоизученные проблемы легли в основу дальнейших исторических и археологических исследований Виталия Михайловича. Всестороннему изучению экономического и социального развития Херсонесского государства на протяжении периода конца от V в. до н.э. до V в. н.э. была посвящена его вторая монография «Херсонес Таврический в античную эпоху» (1993 г.). Анализ многочисленных источников и разбор дискуссионных взглядов многих исследователей дали возможность исследователю рассмотреть и сложный комплекс проблем херсонесско-римских контактов и значительное влияние Римской империи на население Херсонеса и всей Таврики. Этим проблемам он посвятил докторскую диссертацию (позднее она была издана как отдельная монография «Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории» (1994 г.). Проблема тесных и чрезвычайно сложных взаимоотношений античных государств Северного Причерноморья (Тиры, Ольвии, Херсонеса, Боспорского царства) с Римской империей, с одной стороны, и населением степной зоны, с другой, была подробно разработана В.М. Зубарем в монографии «Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в. н.э.)» (1998 г.).

Однако в значительно большей степени внимание Виталия Михайловича всегда привлекала история Херсонеса Таврического, особенно его взаимоотношения с таврами и позднескифским государственным образованием в Крыму, а также сарматами, германцами и, конечно же, римской администрацией и римскими гарнизонами. Эти вопросы неоднократно рассматривались В.М. Зубарем в специальных статьях, что нашло отражение в монографии «Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху» (2004 г.). В ней автор последовательно отстаивал концепцию отсутствия тавров в составе граждан этого полиса и отрицал их влияние на культуру и религию херсонеситов.

В последние годы круг научных интересов В.М. Зубаря значительно расширился. В 2007 г. им была издана книга «Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове», где впервые была рассмотрена история археологического изучения античных памятников в этом регионе на протяжении XIX–XX веков, поставлен ряд принципиальных вопросов в аспекте современной методики и публикации всех материалов с херсонесской хоры. Обращение к этой теме стимулировало написание последней фундаментальной монографии «Летопись археологических исследований Херсонеса – Херсона» (2009 г.), в которой впервые были собраны и подробно охарактеризованы археологические открытия в Херсонесе и его округе многих исследователей, их научные работы и достижения от конца XIX до начала XXI в. Автор уже не увидел эту книгу, но он успел прочитать ее верстку.

Благодаря инициативе, энергичной и организаторской деятельности В.М. Зубаря, вопреки всем финансовым и издательским трудностям, впервые под его редакцией издано два первых тома академического четырехтомного издания, написанных в сотрудничестве с другими авторами: «Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I в. до н.э. Очерки истории и культуры» (2005 г.) и «Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры» (2004 г.), которые получили благоприятные отзывы в России и в Украине. В этих работах В.М. Зубарю принадлежит большая часть

разделов об этапах исторического развития Херсонесского государства, отношениях с варварским населением Таврики, основных тенденциях экономического развития, а также о социальном и этническом составе населения, религиозных воззрениях и погребальном культах, проникновении и утверждении христианства и т.д. Следует отметить, что проблема христианского религиозного мировоззрения населения Херсонеса и Боспорского царства, основные литературные, эпиграфические и археологические источники его изучения также составляли одно из направлений научной деятельности В.М. Зубаря, о чем свидетельствуют научные и научно-популярные книги: «Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси» (1988 г., совместно с Ю.В. Павленко); «От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.)» (2000 г., совместно с А.И. Хворостяным); «У истоков христианства в Юго-Западной Таврике: эпоха и вера» (2005, совместно с С.Б. Сорочаном), а также статьи и отдельные разделы в коллективных монографиях.

Ни об одном из античных городов Причерноморья не опубликовано столько научно-популярных книг, сколько их появилось о Херсонесе за последнее десятилетие. И одним из главных авторов и инициаторов их издания был В.М. Зубарь. Среди них такие книги, как «Жизнь и гибель Херсонеса» (2000 г., соавторы С.Б. Сорочан и Л.В. Марченко); «Херсонес – Херсон – Корсунь» (2003 г., соавторы те же); «Таврика и Римская империя» (2004 г.); «Боги и герои античного Херсонеса» (2005 г.).

Значительное внимание уделял В.М. Зубарь рассмотрению разных аспектов истории Боспорского царства, Ольвии и Тиры, чему посвящены его монографии: «Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории» (2006 г., соавтор В.Н. Зинько) и «Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Основные тенденции социально-экономического развития» (2007 г., соавтор Н.А. Сон), а также статьи и научно-популярные книги. Им написаны важные разделы в коллективных фундаментальных трудах Института археологии НАН Украины «Давня історія України» (т. 2, 1998 г.,) и «Історія культури давнього населення України» (т. 1, 2001 г.). Одновременно В.М. Зубарь публиковал новые латинские надписи из Ольвии и Херсонеса, активно участвовал в подготовке нового свода латинских надписей Северного Причерноморья.

Для всех научных работ Виталия Михайловича характерен чрезвычайно большой объем использованной литературы – и это свидетельствует о том, что ему важно было знать и откликнуться на все известные исследования по тому или иному вопросу, а вместе с тем учесть точки зрения других ученых, которые он либо принимал, либо, наоборот, решительно отвергал, высказывая собственные взгляды и гипотезы. История, экономика, социально-этническая структура античных северопонтийских государств рассматривались им не изолированно от античной цивилизации, а в широкой взаимосвязи с многочисленными древнегреческими полисами и центрами Римской империи, а также во взаимодействии с варварским миром.

Научная деятельность Виталия Михайловича Зубаря была направлена и на изучение проблемных исторических вопросов, однако он уделял не меньшее внимание и археологическим исследованиям. В 1976–1980 годах он принимал участие в работе новостроечных археологических экспедиций на юге Украины, в 1975, 1980–1989, 1999 годах руководил раскопками некрополя Херсонеса первых веков нашей эры и проводил разведки в Юго-Западном Крыму, позднее принимал участие в раскопках римской цитадели Херсонеса. В марте 2009 г. он был назначен начальником Керченской комплексной археологической экспедиции, организацией которой начал активно заниматься.

В.М. Зубарь неоднократно представлял украинскую античную археологию на международных конференциях, публиковал свои статьи в многочисленных зарубежных журналах и сборниках научных работ, поддерживал обширные научные контакты с иностранными учеными. С 1988 г. он был ответственным секретарем журнала «Археологія» – основного научного издания Института археологии НАН Украины, входил в редакционные коллегии разных научных журналов и изданий. Длительное время он был членом Ученого совета и специализированного совета по защите докторских дис-

сертаций ИА НАНУ. Последние пять лет он являлся экспертом ВАК по специальности «археология».

Последнее десятилетие своей жизни Виталий Михайлович занимался педагогической деятельностью. Он работал в должности профессора в Национальном университете «Киево-Могилянская академия» на кафедре истории магистерской программы «Археология и древняя история Украины», где читал несколько учебных курсов, главным из которых был «Античная цивилизация Северного Причерноморья». В.М. Зубарь является соавтором курса лекций «Археологія України» (2003 г.) и других учебных пособий. Он был научным руководителем трех диссертантов, которые успешно защитились.

Научное наследие В.М. Зубаря само по себе заслуживает отдельного историографического исследования. Он принадлежал к когорте тех ученых, которые были наделены большим трудолюбием, имели разносторонние научные интересы, отличались исключительной добросовестностью и требовательностью к работам коллег и учеников, а его девизом было известное латинское выражение: «Labor est etiam ipse voluptas» – «Труд уже сам по себе – наслаждение». Светлая память о Виталии Михайловиче Зубаре останется у всех, кто его знал, учился у него, общался с ним и работал.

Институт археологии
Национальной академии наук Украины

Редакционный совет, редакционная коллегия
и редакция журнала «Вестник древней истории»

Отдел сравнительного изучения древних цивилизаций
Института всеобщей истории РАН

© 2009 г.

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛИТВИНЕНКО

(1957–2009)

10 мая 2009 г. ушел из жизни наш коллега и друг Юрий Николаевич Литвиненко, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, заместитель главного редактора «Вестника древней истории», блестящий специалист по истории эллинистического Египта.

Ю.Н. Литвиненко родился 18 июня 1957 г. в городе Ставрополе, детство провел на хуторе и до 9-го класса учился в сельской школе. Его мать Вера Мефодьевна, школьная учительница, привила сыну любовь и тягу к знаниям. Юриной мечтой была учеба в МГУ, но после двух попыток стать студентом ведущего советского вуза он в 1979 г. поступил в Ставропольский педагогический институт. Судя по воспоминаниям его однокурсников, студентом он был выдающимся. Большое влияние на формирование его научных интересов оказала профессор пединститута Валентина Павловна Невская, его первый научный руководитель. Чувство глубокой признательности к своему учителю он пронес через всю жизнь. Есть нечто символическое в том, что последним материалом, который Юрий Николаевич успел подготовить к печати в ВДИ, был некролог В.П. Невской.

В 1982 г. мечта Юрия Николаевича сбылась: он добился перевода на исторический факультет МГУ. Началась новая жизнь в аудиториях 1-го гуманитарного корпуса МГУ, в студенческом общежитии на улице Кравченко, а главное – на кафедре истории древнего мира, где он выбрал свою специализацию. Там же он познакомился с М.А. Зиновиной, студенткой кафедры, которая стала женой, другом и опорой до конца его жизни.

Главной областью профессиональных интересов Юрий Николаевич избрал историю эллинистического Египта и связанную с ней папирологию. Его дипломная работа, как и блестяще защищенная в 1991 г. кандидатская диссертация (научный руководитель В.И. Кузищин), были

основаны на исследовании знаменитого папирусного «архива Зенона». И в дальнейшем в своей исследовательской работе он постоянно опирался на данные папирусов, участвовал в папирологических конгрессах, был членом Международной ассоциации папирологов.

Большую роль в жизни молодого ученого сыграла встреча с Пьером Видаль-Наке (руководителем парижского Центра сравнительного изучения древних обществ, более известного как Центр Луи Жерне), посетившим Москву осенью 1990 г. по приглашению Г.М. Бонгард-Левина, главного редактора ВДИ. При содействии этого выдающегося французского ученого Юрий Николаевич получил стипендию Дидро для стажировки во Франции (1993–1994 гг.), которая открыла ему доступ к крупнейшим библиотекам и тесному общению с зарубежными коллегами. Личные и научные контакты между Ю.Н. Литвиненко и П. Видаль-Наке сохранялись и в дальнейшем. Когда готовилось издание всемирно известного «Черного охотника» П. Видаль-Наке на русском языке (М., 2001), именно Юрий Николаевич взял на себя основную часть работы: ему принадлежит значительная часть перевода и содержательное предисловие. Он также был вдохновителем и одним из организаторов заметного научного события последних лет – Международной конференции «Античность и современность», посвященной памяти Ж.-П. Вернана и П. Видаль-Наке (Москва, сентябрь 2007 г.). На участников этой конференции глубокое впечатление произвел доклад Юрия Николаевича «Атлантида и нации: Россия», в котором в русле исследований П. Видаль-Наке, посвященных национальным интерпретациям знаменитого платоновского мифа, рассматривались исторические и культурные истоки русского «национал-атлантизма», возникшего на рубеже XVIII–XIX вв., и его последующие метаморфозы вплоть до постперестроечного времени.

Парижская стажировка окончательно сформировала область научных интересов молодого ученого (история птолемеевского Египта, папирология и культурное взаимодействие Востока и Запада в целом). После возвращения Юрия Николаевича из Парижа Г.М. Бонгард-Левин пригласил его в 1994 г. на работу в Центр сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН. Его блестящая научная подготовка, компетентность, добросовестность и интеллигентность были сразу оценены коллегами.

В те же годы еще одной областью научных интересов Юрия Николаевича, как и многих сотрудников Центра, становится история отечественного антиковедения. Он принял самое деятельное участие в изучении наследия выдающегося российского ученого М.И. Ростовцева. В течение нескольких лет в результате работы над огромным архивным материалом Юрий Николаевич опубликовал ряд статей в отечественных и зарубежных журналах, принял участие в качестве автора и соредактора в издании двух коллективных фундаментальных трудов, посвященных наследию великого историка, – «Скифский роман» (М., 1997) и «Парфянский выстрел» (М., 2003). Обе работы получили большой резонанс в отечественной и зарубежной науке, а «Скифский роман» был удостоен Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники за 2000 г.

Научная деятельность Юрия Николаевича была широко известна в России и за рубежом. Он принимал активное участие в международных конгрессах. Он был также одним из авторов книги, посвященной переписке М.И. Ростовцева и Ф. Кюмона (Париж, 2007). Благодаря тематике и уровню исследований, а также, несомненно, человеческим качествам Юрий Николаевич вошел в число тех немногих ученых, которые являют собой связующее звено между российским и французским антиковедением.

Юрий Николаевич придавал большое значение своей работе в ВДИ: он был не только одним из ведущих авторов, но также и членом редколлегии, а впоследствии одним из заместителей главного редактора журнала. Он был всегда очень доброжелательным, но требовательным экспертом, давал ценные советы и рекомендации молодым авторам. Даже неизлечимая болезнь не прервала его научной и редакторской деятельности: на страницах ВДИ успели увидеть свет несколько рецензий, написанных им в последний год жизни, а в «портфеле» ВДИ остались материалы с его последней редакторской правкой...

Особой сферой профессиональной деятельности Юрия Николаевича было преподавание. Студентам он всегда стремился передать не только знания, но и свою увлеченность древней историей. В 1990–1993 годах он преподавал в Ставропольском педагогическом институте (впоследствии – университете), где подготовил несколько талантливых учеников. Многих из них он продолжал опекать и после окончания университета. Его незаурядный преподавательский дар проявился и впоследствии: курс «Введение в папирологию» в РГГУ слушатели продолжали вспоминать по прошествии многих лет. К сожалению, лекции по истории эллинизма, внесенные в программу РГГУ на 2008/9 учебный год и вызвавшие у студентов интерес, он прочитать уже не успел... Не успел он осуществить и свой главный замысел: написать большой труд о культурном взаимодействии Востока и Запада на эллинистическом материале.

Юрий Николаевич был необычайно мягким, добрым, отзывчивым и щедрым человеком, всегда готовым прийти на помощь другу и коллеге. Его высшими и неизменными принципами в жизни и науке были честность, объективность, высокая требовательность к себе. Его интеллигентность, артистизм, тонкая ирония и мягкий юмор всегда помогали преодолевать самые сложные ситуации. Эти качества, столь ценимые его коллегами и друзьями, как и его исключительное мужество, не изменили ему и в самые страшные, последние месяцы его жизни...

Память о Юрии Николаевиче Литвиненко, нашем Юре, останется в его трудах, его добрых делах и в наших сердцах.

Сотрудники Центра сравнительного изучения
древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН
и журнала «Вестник древней истории»

Из стихов Ю.Н. Литвиненко

...С песнею нильской, пением чистым,
Тонкой тростинки Осириса свистом
Было уйти суждено.
Так я ушел, вы меня не ищите,
Вниз по течению дальше плывите...

Юрий

Юрий принадлежит к тому роду друзей, которых, кажется, знал всю жизнь. В действительности я встретил его впервые на папирологическом конгрессе в Берлине в августе 1995 г., где оказался, сопровождая Изабеллу, мою жену. Тогда он и познакомился с нами обоими. Симпатия возникла сразу, потому что с первой же минуты нашлись темы для обсуждения. Потом мы виделись довольно регулярно, по разным поводам, в том числе и потому что Юрий пару раз приезжал во Флоренцию для работы в Папирологическом институте. Узнав от нас, что этот институт, к сожалению, перестал подписываться на ВДИ, он, чтобы доставить нам удовольствие, постоянно присылал туда новые номера журнала по мере их выхода в свет.

Отношения настоящей дружбы, связывавшие нас, в научном плане увенчались изданием переписки Ф. Кюмона и М.И. Ростовцева, которого энергично добивался Г.М. Бонгард-Левин, также безвременно ушедший. Юрий трудился над этой публикацией с аккуратностью и абсолютной самоотдачей – в Париже, в Москве и, вместе со мной и Коринной Бонне, в Тулузе. Как коллега по совместной работе он был безупречен, обсуждать с ним какие-то вопросы, делясь сомнениями и сопоставляя точки зрения, доставляло удовольствие. Из своей весенней поездки в Пальмиру и Дура Европос он привез нам свежие впечатления, дополненные множеством великолепных фотографий. Живо вспоминаются вечера, которые мы проводили вместе за разговорами понемногу обо всем, подшучивая над типичным тулузским блюдом – кассуле. Меня всегда поражала его глубокая и сдержанная любовь к семье, особенно к недавно родившейся дочке. Так как я хотел посетить Бордо, где никогда не был, Юрий, неплохо знавший этот город, вызвался поехать вместе и показать мне его. И вот в один прекрасный октябрьский воскресный день мы обедали под открытым небом на Биржевой площади...

Из Москвы Юрий с готовностью присылал мне ксерокопии работ русских историков конца XIX в., которыми я интересовался. Мы планировали вскоре увидеться в Москве: он приглашал меня к себе домой, зная о моем желании как следует выучить русский язык. Я же надеялся, что смогу принять и Юрия и Коринну в Риме, в университете, где год назад начал преподавать.

Друзья вечно строят планы новых встреч, особенно когда живут далеко друг от друга. Но Юрий был одним из тех редких людей, которые благодаря своим достоинствам всегда остаются рядом с теми, кому повезло их знать.

Арнальдо Марконе

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2009 г.

ΒΙΟΣ ΚΑΙ ΜΑΡΤΥΡΙΟΝ ΤΩΝ ΑΓΙΩΝ ΜΑΡΤΥΡΩΝ ΓΑΛΑΚΤΙΩΝΟΣ ΚΑΙ ΕΠΙΣΤΗΜΗΣ

ЖИЗНЬ И МУЧЕНИЧЕСТВО СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ ГАЛАКТИОНА И ЭПИСТИМЫ

Вступительная статья, перевод с древнегреческого, комментарий, критическое издание греческого текста и исследование «Галактион и Эпистима: Роман-Житие-Passio» *Анонима Миусского*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ КРИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ ГРЕЧЕСКОГО ТЕКСТА «ЖИТИЯ ГАЛАКТИОНА И ЭПИСТИМЫ»[1]

Предлагаемое ниже читателю издание является предварительным по нескольким причинам.

Во-первых, при работе с рукописями жития мы опирались на их список из рукописной картотеки Общества болландистов (Брюссель)[2] – однако опыт работы с этим фондом показывает, что она далеко не всегда полна, так что не исключена возможность открытия новых списков текста.

[1] Настоящее издание подготовлено А.Ю. Виноградовым. Колляция греческих рукописей была выполнена также С.А. Дорогиной, Т.А. Михайловой, М.И. Касьяновой, Д.С. Пенской, В.О. Поповой, Н.Е. Самохваловой. Изучение славянской традиции, набор и колляция славянского текста для сравнения с греческим произведены И.Е. Юсовым. Результаты реконструкции греческого текста обсуждались совместно с Н.В. Брагинской.

[2] Приносим свою глубокую благодарность К. Лекё (Общество болландистов, Брюссель) за любезно предоставленную им копию этого списка. Также мы благодарим П. Жеена (Париж), Ю. Дресвину (Оксфорд) и Д.Е. Афиногенова (Москва) за помощь в получении копий с рукописей.

Во-вторых, нам остался недоступен один из 18 списков Жития – Hier. Patr. 280 (XVII в., лл. 25–?): он, вероятнее всего, вместе с остальными поздними списками входит в одну группу, и потому разночтения его предсказуемы, но все же нельзя исключать его принадлежность к какой-то иной семье.

В-третьих, разночтения в рукописях, использованных И. Деле, мы давали по его изданию – между тем даже поверхностное сличение воочию показало, что первоиздатель допускал ошибки при колляции, особенно в отношении рукописи Marc. gr. 349. В-четвертых, при работе с рукописями славянского перевода мы также пользовались лишь списками, составленными предшественниками[3], – хотя весьма вероятно, что славянских списков много больше. Наконец, в силу последнего обстоятельства не до конца выясненным остается соотношение различных версий славянского текста Жития (см. ниже). Все эти обстоятельства предполагают, что в будущем издание греческого текста жития может, пусть и незначительно, но улучшиться.

Единственное издание Жития было сделано И. Деле[4] по шести рукописям (наши сиглы[5] – FVUGMP), без учета славянского перевода. На сегодня благодаря деятельности болландистов существует собранный ими инвентарь списков этого жития, который насчитывает 18 позиций. В большинстве своем они являются агиографическими сборниками того или иного типа: минологии на четверть года (AP); минологий на два месяца (U); минологий на один месяц, ноябрь (DRV)[6]; минологий на полмесяца, первую половину ноября (FM); панигирикон (собрание похвальных слов на праздники) на полгода (S); так называемый «смешанный Метафраст» (K); неминологические собрания (GHO). Все вышеперечисленные рукописи относятся к XI–XII вв. Отдельно следует выделить группу монашеских собраний XVI–XVII вв. (EJXYZ).

Однако при сравнении разночтений между рукописями, за исключением последней группы, выявляется иное родство, не связанное с типами собраний. Деле совершенно верно выделил в отдельную семью рукописи FV (к ним частично примыкает также O), однако ошибочно положил их в основу своего издания, в то время как в действительности они характеризуются большим числом дополнений, прежде всего эпитетов, украшающих и драматизирующих действие[7]. Эта семья α восходит к протографу всех греческих рукописей (χ) независимо от других греческих списков.

Все остальные древние греческие списки объединяются в родственные друг другу пары: DM, HK (подвергшаяся также некоторой редакторской правке на основе другого списка, восходящего к протографу семьи α), PR, SU; к последней рукописи восходит группа поздних монашеских сборников (EZGXY; еще одна поздняя рукопись J осталась

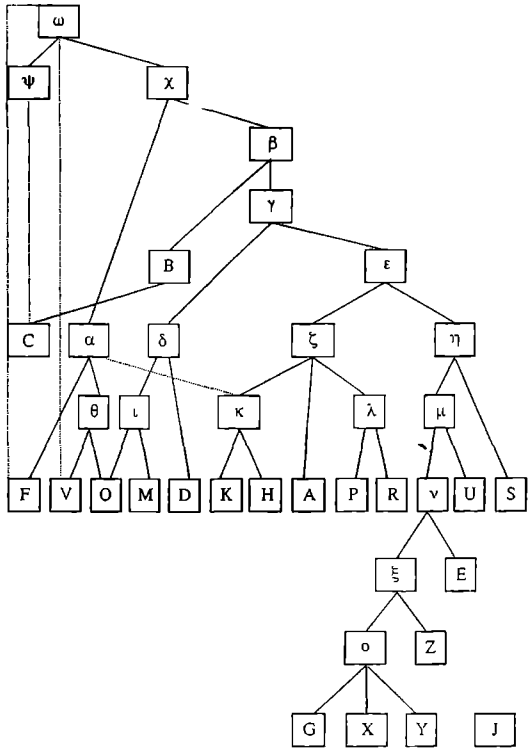
[3] См. *Коробейникова Л.Н.* Житие Галактиона и Епистимии в составе четьих сборников // Макариевские чтения. Можайск, 1998. Вып. VI. С. 374–383; *она же.* Житие Галактиона и Епистимии в древлехранилищах РГАДА и ГИМ // Материалы научной конференции «Культ раннехристианских святых Центральной и Юго-Восточной Европы». Софийский университет им. Св. Климента Охридского. София, 1999. *Творогов О.В.* Переводные жития в русской книжности XI–XV веков.: Каталог. М.–СПб., 2008. С. 36–37.

[4] Acta SS, Novembris, III. Bruxelles, 1910. P. 35–45.

[5] Расшифровку сигл см. перед изданием текста.

[6] Попутно отметим, что издаваемого нами жития нет в древнейшем полном ноябрьском минологии Vat. gr. 1669 (конец IX – начало X в.). См. *Ehrhard. A.* Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche // Texte und Untersuchungen, 49. Bd II. Lpz, 1937. S. 488–491.

[7] В качестве примеров наиболее существенного изменения текста по сравнению с изданием Деле можно привести следующие места: мучеников вм. преподобномучеников (заглавие), опуск. и худший (гл. 1), жестоко уничтожали вм. по одному виду жестоко без допроса уничтожали (гл. 2), стенаешь вм. горько стенаешь (гл. 3), старец вм. честной старец (гл. 3), Можешь мне дать крещение? вм. Можешь мне дать крещении втайне? (гл. 4), рассказывает все случившееся с ней вм. рассказывает все случившееся с ней в деталях (гл. 5), крестил вм. совершив все обычное, крестил во имя Свято Живоначальной Троицы (гл. 6), дитя вм. честное и священное дитя (гл. 6).

Стемма рукописной традиции Жития

нам недоступна); список A занимает промежуточное положение между семьями HK и PR; рукопись O в своих чтениях родственна то V, то M. При этом рукописи HKAPR восходят к общему протографу, а он, в свою очередь, родственен протографу SUEZGXY; наконец, их общий архетип имеет общее происхождение с протографом рукописей DMO и восходит к некоему архетипу γ. Все греческие рукописи восходят к одному единому протографу (по всей вероятности, минускульному, т.е. не раньше IX в.), который состоит из двух греческих семей: α и γ (об архетипе β см. ниже). Рукопись O чередует разночтения семей α и γ (а точнее, своего общего с M протографа).

Важные поправки в реконструкцию рукописной традиции памятника и, что самое главное, в восстановление текста жития позволяет внести сравнение греческих списков со славянским переводом. У того, в свою очередь, также довольно сложная история. Хотя он сохранился только на русской почве, но, по всей видимости, был сделан южными славянами в X–XII вв.: в пользу этого говорит и его вхождение в состав древних Миней-четьих, и архаичные языковые черты (повсеместное употребление дуалиса, датив вместо генетива и др.), роднящие его с другими переводами того времени. Наиболее близкий к греческому текст Жития сохранился в сравнительно поздней рукописи РНБ Соф. 1459, начало XVII в.; чуть более испорченный текст дает список РНБ Кир.-Бел. 44/1121, конец XV в.; еще дальше от греческого стоит древнейший славянский список ГИМ Чуд. 23, конец XIV в., и более поздние: РНБ гр. Обол. 53, ГИМ Син. 799 и РГБ Троицк. 670. При этом очевидно, что греческий оригинал славянского перевода был родственен семье γ, но превосходит его качеством в ряде мест – вместе они образуют семью β.

Этот древний славянский перевод (сигл B) лег в основу редакции Жития (сигл C), помещенной в Великих минеях-четьях митр. Макария Московского[8] и встречающейся также в более поздних списках. Однако в ней видны следы правки, осуществленной по какой-то греческой рукописи (или славянскому переводу с такого списка), превосходящей по качеству χ – протограф всех греческих рукописей (и древнего славянского перевода). Это видно, например, в гл. 1, где уже Деле предполагал лакуну: лишь C дает здесь утраченное слово «послушаться». Кроме того, в восьми случаях обнаружилось неслучайное совпадение чтений C и греческого списка V, что говорит в пользу правки последнего по тому же протографу, что и в случае C (стемму всей рукописной традиции см. на рис.).

Таким образом, при выборе между разночтениями для реконструкции текста Жития мы руководствовались совпадением чтений α или β с C, а также — V с C. В тех крайне редких случаях, когда необходимость этого была очевидна, мы брали уникальные чтения C, помещая восстановленный греческий текст в угловых скобках.

Conspectus siglorum

A – Pantokr. 40, s. XI, ff. 165–171v
B – versio palaeoslavica vetus (e codd. Mosq. GIM Chud. 23, s. XIV ex., ff. 137–142; Petropol. RNB Cyr.-Bel. 44/1121, s. XV ex., ff. 52v–56v; Petropol. RNB Soph. 23, s. XVII in., ff. 42–57)
C – versio palaeoslavica retractata (e Menologio magno metropolitis Macarii)
D – Duac., s. XI, ff. 73–79
E – Oxon. Bodl. Holkh. gr. 9, a. 1519, ff. 204–213v
F – Par. 1519, s. XI, ff. 150–164 [A1 apud Delehaye]
G – Dresd. F87, a. 1600, ff. 23–38 [B2]
H – Mosq. GIM 380 (Syn. 162), a. 1021/22, ff. 97–104
K – Prot. 2, s. XI, ff. 139–143v
M – Marc. 349, s. XI–XII, ff. 65–70 [B3]
O – Oxon. Magd. 4, a. 1064, ff. 276v–283v
P – Par. 1468, s. XI, ff. 206v–211v [B4]
R – Vat. Pal. 9, s. XI, ff. 54v–61
S – Sin. 504, s. XI, ff. 50–56v
U – Vat. 803, s. XI, ff. 18v–22v [B1]
V – Vat. 808, s. XI, ff. 54–62 [A2]
X – Sin. 467, s. XV–XVI, ff. 132v–155
Y – Sin. 529, a. 1555, ff. 333–348
Z – Sin. 534, a. 1629, ff. 163–171v
α – consensus codicum FV(O)
β – consensus recensionum γ et B
γ – consensus codicum (O)MDHKAPRSUZ**EGXY**

[8] Великие минеи четьи. Ноябрь. Дни 1–12. СПб., 1897. Стб. 149–160.

Βίος καὶ μαρτύριον τῶν ἁγίων μαρτύρων Γαλακτίωνος καὶ Ἐπιστήμης

1. Διήγησιν ξένην καὶ παράδοξον ἀκούσατε σήμερον παρ' ἐμοῦ, ἀγαπητοί, ἥτις ἐστὶ χρήσιμος ταῖς ὑμετέραις ψυχαῖς. Καὶ γὰρ ὑπάρχει λίαν ὠφέλιμος, ἐάν τις οὐ μόνον ἀκροατὴς γένηται, ἀλλὰ καὶ ποιητής, ὡς ὁ ἀπόστολος Παῦλος νουθετῶν διαλέγεται· οὐ γὰρ οἱ ἀκροαταὶ τοῦ νόμου δίκαιοι παρὰ τῷ Θεῷ, ἀλλ' οἱ ποιηταὶ τοῦ νόμου δικαιωθήσονται. Ἐὰν γὰρ τις ὑποδείξῃ ὑμῖν θησαυρὸν κεκρυμμένον, μὴ δύνασθε πλουτῆσαι ἐκ τοῦ ὑποδείγματος, εἰ μήτιγε κόπῳ πολλῷ καὶ μόχθῳ διορύξαντες τοῦτον καρπώσησθε. Οὐμενοῦν τούτου χάριν παραινῶ ὑμᾶς, πεποθημένοι μου ἀδελφοί, ἵνα μὴ ἐν παρέργῳ δέξησθε, ἥνπερ ὑμῖν μέλλω διηγήσασθαι πολιτείαν καὶ μαρτυρίαν, ἀλλὰ ταύτην ἐν ταῖς ὑμετέραις ψυχαῖς ἀκριβῶς ἱστορήσαντες καὶ ἀληθινῷ πόθῳ ἐγγράψαντες σπεύσητε τῷ ταύτης ζήλῳ ποιηταὶ γενέσθαι καὶ οὐκ ἀκροαταί. Κἀγὼ γὰρ ὁ ταπεινὸς Εὐτόλμιος, ὁ ταύτην ὑμῖν τὴν ψυχωφελῆ ἱστορίαν προθέμενος, εἰ καὶ αὐτόπτης γέγονα καὶ ὑπηρέτης τῶν τῶν ἐμῶν δεσποτῶν ἀγωνισμάτων καὶ ἀθλημάτων, ἀλλ' οὐκ ἐζήλωσα τούτων τὸν ἀγγελικὸν καὶ ἀσώματον βίον, ἐμπαθῶς πολιτευσάμενος καὶ τὴν σάρκα μᾶλλον ποθήσας ὑπὲρ τὸ πνεῦμα. Ἀλλὰ μὴ γένοιτο ὑμᾶς ζηλωτὰς γενέσθαι ἀμελοῦς καὶ ῥᾳθύμου καρδίας· ἐμοὶ μὲν γὰρ τὸ λέγειν οὐκ ὀκνηρόν, ὑμῖν δὲ τὸ

3–4 οὐ μόνον ... ποιητής] Iac. 1, 22
4–5 οὐ γὰρ ... δικαιωθήσονται] Rom. 2, 13
14 τὴν σάρκα ... πνεῦμα] cf. Gal. 5, 17

1 Βίος καὶ] om. GYZPX 1 καὶ] ἤτοι U; πολιτεία καὶ SE 1 μαρτύριον] ἆθλησις U 1 ἁγίων] καὶ ἐνδόξων add. OU; καὶ ἐνδόξων τοῦ Χριστοῦ add. V; καὶ E 1 μαρτύρων] ὁσιομαρτύρων FVDel.; ὁσίων μαρτύρων E; τοῦ Χριστοῦ δούλων K; великихъ мучениковъ C; om. DMHAR 1 Γαλακτίωνος] Γαλακτήονος G 2 παράδοξον] преславно B 2 σήμερον] om. C 2 παρ' ἐμοῦ, ἀγαπητοί] α. ἀπ' ε. G 3 χρήσιμος] и потребно зѣло add. C 3 ὑμετέραις] ἡμετέραις EZGXYBC 3 Καὶ γὰρ] не бо но B 3 γὰρ ὑπάρχει] om. C 3 λίαν] om. Z 3 ὠφέλιμος] тышащимся послушати add. C 3 ἐάν] бо add. C 3 οὐ] μὴ H 3 μόνον] ταύτης add. MUEGXY 3–4 ἀκροατὴς] ταύτης add. DZ 4 ποιητής] словеси add. C 4 ὁ] om. M; ἅγιος add. HK 4 Παῦλος] ἡμῖν add. HKAPRSUEGXYC; ἡμᾶς Z; о насъ C 5 τοῦ νόμου] om. BC 5 δίκαιοι] δικαιωθήσονται EG 5 δικαιωθήσονται] om. EG 5–6 Ἐὰν γὰρ] Καὶ γ. ε. FVODel.; Καὶ ε. E 6 ὑποδείξῃ ὑμῖν] υμ. υπ. DHAKRV; υ. ἐπιδείξῃ FDel. 6 ὑποδείξῃ] скажетъ BC 6 μὴ] еда BC 6 δύνασθε] δύνασθαι VMOPSUZ 6 ὑποδείγματος] единаго точію add. C 7 μήτιγε] μή γε UEZGXY 7 μόχθῳ] велыкимъ add. C 7 τοῦτον] абіе add. C 8 παραινῶ] παρακαλῶ D 8 μου] om. C 8 μὴ] точью B 8 ἥνπερ ὑμῖν] аще B 9 πολιτείαν] дивно add. C 9 μαρτυρίαν] μαρτύριον S; преславно add. C 9 ψυχαῖς] ἀκοαῖς EGYZX 10 καὶ ἀληθινῷ πόθῳ ἐγγράψαντες] om. BC 10 ἀληθινῷ πόθῳ] ἀληθινῶς DMO 10 ἐγγράψαντες] ὑπογράψαντες O 10 σπεύσητε] σπεύσατε OGX; σπεύδητε E 10 τῷ] om. R 10 ζήλῳ] словѣ BC 11 οὐκ] οὐ (μὴ H) μόνον HKC; om. FO 11 γὰρ] om. A 11 ταπεινὸς] καὶ ἐλάχιστος add. FVDel. 11 ὁ] om. E 11 ὑμῖν] ἡμῖν YX; om. ABC 11 τὴν] θείαν καὶ add. V 11 ψυχωφελῆ] ψυχωφελὴν G; и успѣшную add. C 11–12 προθέμενος, εἰ] παραθέμενος ἦς (om. O) DMO 12 καὶ ὑπηρέτης τῶν] om. O 12 τῶν ἐμῶν δεσποτῶν] τοῦ ἐμοῦ δεσπότου HKAPRSUEZGXY 12 τῶν alt.] om. D 12–13 καὶ ἀθλημάτων] om. HA 13 ἀλλ'] убо add. C 13 τούτων] τούτου HKAPRSUEGXYZB 13 καὶ ἀσώματον] om. R 13 ἐμπαθῶς] вреднѣ же B; душевредно C; καὶ ῥαθυμῶς add. V 13–14 πολιτευσάμενος] жихъ B 14 καὶ] унылый азъ C; om. B 14 μᾶλλον ποθήσας] π. μ. HA 14 Ἀλλὰ] убо молю васъ, любимици add. C 14 γένοιτο] καὶ add. O 14 ὑμᾶς] ἡμᾶς S 15 ῥᾳθύμου] ῥαθύμους GP 15 γὰρ] οὖν HK; om. MAPRUEGXY 15 τὸ] τοῦ R 1.15–2.1 ὑμῖν δὲ τὸ (πείθεσθαι) ἀσφαλές] om. B

(πείθεσθαι) ἀσφαλές. Οὐ γὰρ κατακρύπτω τὸ τάλαντον, ὅπερ ἀναξίως πιστευθῆναι ὑπὸ τοῦ Κυρίου ἠξίωμαι, πρὸς περισσοτέραν ἄμυναν τῆς ἐμῆς ἀκερδείας καὶ ἀεργίας, ἀλλ' ὑμῖν αὐτὸ ἀκριβῶς παρατίθημι, ὀφειλέτας ποιῶν ὑμᾶς τοῦ Θεοῦ, τοῦ εἰρηκότος τῷ πονηροτάτῳ κατ' ἐμὲ δούλῳ· «Διὰ τί τὸ τάλαντόν μου οὐ παρέθου τοῖς τραπεζίταις; Κἀγὼ ἐλθὼν σὺν τόκῳ ἀνειλόμην αὐτό». Παρακαλῶ οὖν ὑμᾶς, ἀγαπητοί, μήπως εἰς τὴν τοῦ λόγου μου βλέψητε βεβηλότητα, ἀμαθὴς γάρ εἰμι καὶ εἰκότως οὐκ ἰσχύσω τὴν διήγησιν ὑμῖν ἐν πείρᾳ ποιήσασθαι· ἀλλ' οἶδα ὑμᾶς, ὅτι οὐ πρὸς τὸ ἀκριβὲς τοῦ λόγου βλέποντες ἀναβάλλεσθε τὴν διήγησιν, ἀλλὰ πρὸς τὸ τῆς πίστεως ταπεινόν μου ἀπόφθεγμα εὐπειθήσαντες τὸν παρ' ἐμοῦ ἱστορεῖσθαι μέλλοντα ἀκούσετε βίον σὺν μαρτυρίῳ.

2. Ἦν τις ἀνὴρ ἐν τῇ πόλει Ἐμέσῃ εὐγενὴς καὶ ἔνδοξος, ὡς οὐκ ἄλλος τις ἦν κατοικῶν ἐν αὐτῇ, ὃς ἐκόμα πλούτῳ πολλῷ καὶ περιφανὴς ἦν εἰς τὰς πέριξ πόλεις καὶ χώρας, ὀνόματι Κλειτοφῶν. Ἐκέκτητο δὲ γυναῖκα ὡραιοτάτην, θυγατέρα γεγονυῖαν Μέμνονος τοῦ τοπάρχου, ὀνόματι Γλευκίππην. Ἦν δὲ ἡ Γλευκίππη στεῖρα καὶ οὐκ ἔτικτεν, ὡς ἐκ τού-

1 Οὐ γὰρ ... τάλαντον] Matth. 25, 25
4–5 Διὰ τί ... αὐτό] Luc. 19, 23

1 (πείθεσθαι)] послушати C; om. alii; aliquid deesse putavit Del. 1 κατακρύπτω] ἀποκρύπτω KA; ἀποκρύψω H; καθὰ κρύπτω Z 1 ἀναξίως πιστευθῆναι] π. α. V 1 ἀναξίως] ἀξίως ZGXY; недостойный C 1–2 πισθευθῆναι ... ἠξίωμαι] ἠπιστεύθην Z 1–2 πιστευθῆναι ὑπὸ τοῦ Κυρίου] υ. τ. Κ. π. A 1 ὑπὸ] ἀπὸ S 2 Κυρίου] своего add. C 2 ἠξίωμαι] om. BC 2 πρὸς] многое и add. C 2 ἐμῆς] ἐμου V, DMO 2 ἀκερδείας καὶ ἀεργίας] дѣля бес прибытка B(C) 2 ἀκερδείας] καρδίας S 2 ἀεργίας] ἀερίας P; ἀνεργίας O 2 ἀλλ'] и убо C 2 αὐτὸ] вся BC 2 τὸ] s.l. U 3 παρατίθημι] ἀνατίθημι DMO; παραθήσομαι H 3 ποιῶν ὑμᾶς] υ. π. D 3 ὑμᾶς] ἡμᾶς P 3 τοῦ] om. VDMOSUEGXYZ 3–4 πονηροτάτῳ κατ' ἐμὲ] κ. ε. π. H 4 τί] οὖν add. HKA 4 Κἀγὼ] Да азъ BC 5 ἀνειλόμην] ἀνειλάμην DMPR 5 αὐτό] om. BC 5 ὑμᾶς] ἡμᾶς O; om. DHKPREGYZ 5 ἀγαπητοί] ἅγιοι μου ἀδελφοὶ G; братіе BC; моя add. C 5 μήπως] ὅπως μὴ FVDel. 5–6 βεβηλότητα] βεβληκότα X; ἀκαλλές HK; καὶ εὐτέλειαν 5–6 βεβηλότητα] add. FVDel.; и ненаученнаго add. C 6 εἰμι καὶ] ὢν HK 6 εἰμι] всякыа мудрости add. C 6 καὶ εἰκότως] ε. κ. M 6 εἰκότως] убо C; om. B 6 ἰσχύσω τὴν διήγησιν ὑμῖν] ἠδυνήθην υ. τ. τοιαύτην H 6 ὑμῖν] om. BC 6 ὑμῖν ἐν πείρᾳ ποιήσασθαι] ε. πε. πο. υ. Z 6 ἐν πείρᾳ] ἐμπείρα FV; в пѣпоту BC ,7 οἶδα ὑμᾶς, ὅτι οὐ] οὐκ οι. υ. οτ. M 7 ὑμᾶς] азъ C 7 τὸ ἀκριβὲς] неудобрену BC 7 βλέποντες] зрите BC 7 ἀναβάλλεσθε] ἀναβάλλεσθαι GMPU 7–8 τὴν διήγησιν, ἀλλὰ] еже подражати BC 7 διήγησιν] ἀκροάσιν τῆς διηγήσεως H 8 τὸ] τὸν O 8 πίστεως] ἀρχηγὸν τὸ add. O 8 ταπεινόν μου] силѣ моей и BC 8 μου] μοι G 8 εὐπειθήσαντες] възревше BC 8 τὸν] τὸ O 9 ἀκούσετε βίον] β. ἀκούσατε EGYZUX; β. φιλικῶς ἀκούσεσθε H 9 ἀκούσετε] ἀκούσατε OV; δείξησθε D; om. MKAPRS 9 σὺν μαρτυρίῳ] om. DMOAPRUEZGXYBC; νουνεχῶς καὶ εὐπροθύμως add. V; ἄρχομαι γὲ ἤδη add. H 10 ἀνὴρ] om. BC 10 ἔνδοξος] περίδοξος P 10–11 ὡς ... αὐτῇ] om. Z 10–11 ἦν κατοικῶν ἐν αὐτῇ] τῶν ε. α. κατοκούντων HK 10 ἦν] ὁ E 11 ὃς] καὶ add. XY 11 ἐκόμα] ἐκόμπα A 11 πλούτῳ πολλῷ] πλοῦτον πολὺν G; имениемъ безчисленнымъ add. C 11 εἰς τὰς πέριξ πόλεις καὶ χώρας] ἐν ταῖς πε. πο. τε κα. κώμαις Z 11 πόλεις καὶ χώρας] κώμας τε κ. κομοπόλεις P 11 καὶ χώρας] τε om. S κ. κώμας HKARSUEGXY 12 ὀνόματι] ὄνομα δὲ αὐτῷ HK 12 Κλειτοφῶν] Κλητοφῶν DMAR; Κλητόφων P 12 Ἐκέκτητο] Εἶχε HK; Приведе BC 12 δὲ] om. B; καὶ add. HKU 12 ὡραιοτάτην] ὡραιωτάτη G; πάνυ add. V 12 θυγατέρα] θυγατέραν RUEZGXY 12 γεγονυῖαν] om. U; γεγονῶσαν DPR; γεγονῶσα O; γεγονὼς M 12 Μέμνονος] Μεμηνῶς M; Μέμονος EXYZ 13 τοπάρχου] епарха BC 13 Γλευκίππην] Γλευκήππην P; Γλευκίππη ARUEZGXY; Γλευκίπη O; Λευκίππην M, Met; Леукиппия B; Елевкипи C 13 Ἦν δὲ ἡ Γλευκίππη στεῖρα καὶ] Ἦτις σ. οὖσα HK 13 δὲ] γὰρ E 13 δὲ] Καὶ η. R; om. UGXY 13 ἡ Γλευκίππη] om. FODKHPRSUEZGXYBDel. 13 ἡ] αὐτὴ add. V 13 στεῖρα] ἦν add. GXY 13 ἔτικτεν] ἔτι ἔτεκεν O; παιδίον add. V

του μεγίστην λύπην καὶ ἀλγηδόνα ἔχειν. Ὠνειδίζετο γὰρ ὑπὸ τοῦ ἰδίου ἀνδρὸς καθ' ἡμέραν. Ἐγένετο δὲ ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις ἡγεμονεύειν Σεκοῦνδόν τινα ἄνδρα ἀπηνῆ καὶ ὠμότατον καὶ ἀντικείμενον τῇ τοῦ Χριστοῦ ποίμνῃ. Ὅστις τοσοῦτον τοὺς χριστιανοὺς ἐλεηλάτει πληρῶν τὰς ἀμφόδους ἤδη βασάνων καὶ παντοίων κολαστηρίων ὀργάνων, ὥστε εὑρισκομένων τινῶν χριστιανῶν, παραυτὰ κακιγκάκως ἀναλωθῶσιν. Ἕκαστος τοίνυν τῶν εὐσεβῶν τὴν ἑαυτοῦ σωτηρίαν ἐπραγματεύετο· οἱ μὲν τῷ φόβῳ κρατούμενοι ἔφευγον, ἄλλοι δὲ ἑαυτοὺς προεδίδοσαν, ἕτεροι δὲ δειλαινόμενοι ἐκρύπτοντο. Ἐξ ὧν μοναχός τις τοὔνομα Ὀνούφριος τὸ ἑαυτοῦ σχῆμα μὴ ἀποβαλλόμενος, ἀλλ' ἔνδοθεν αὐτὸ ἠμφιεσμένος περιεβέβλητο ἔξωθεν ἱμάτια λευκὰ παλαιὰ καὶ πολύρραφα. Καὶ ἦν περιερχόμενος ἐκ τόπου εἰς τόπον καὶ ἐξ οἰκίας εἰς οἰκίαν δίκην πένητος αἰτῶν ἐλεημοσύνην· ὃς ἐκ ταύτης τῆς πολιτείας πέφθακέ ποτε καὶ ἐν τῷ τοῦ δεσπότου μου οἴκῳ. Ἦν δὲ τυφθεῖσα ἡ κυρία μου τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ σφοδρῶς, πάνυ γὰρ ἐχθρωδῶς διέκειτο πρὸς αὐτὴν ὁ ἀνὴρ αὐτῆς διὰ τὴν στείρωσιν αὐτῆς. Ἐγγίσας οὖν ὁ μοναχὸς τῷ πυλῶνι, ᾔτησεν ἐλεημοσύνην.

---

1 λύπην] θλῖψιν HK 1 ἔχειν] εἶχεν MOAPRUEGXY; αὐτήν add. ℵHKC; Καὶ μάλιστα add. HK; ἐν τῇ ψυχῇ add. Z 1 Ὠνειδίζετο] Ὀνειδιζομένη K; и уничижаема add. C 1 ἰδίου] αὐτῆς add. APR 1 ἡμέραν] καὶ ἐθλίβετο ὑπ' αὐτοῦ πάνυ add. V; ἕνεκεν τῆς ἀπαιδίας add. K 2 ἡγεμονεύειν] τῶν ἐκεισε add. K; именемъ add. C 2 Σεκοῦνδόν] Σέκουνδον G 2-3 καὶ ὠμότατον] om. DMOSUEZGXY 3 ἀντικείμενον] зѣло add. C 3 ποίμνῃ] πίστει HKAPRSUEZGXY 3 Ὅστις] ὃς M 3 τοσοῦτον] πολλὰ K; χρόνον add. ZGXY 3 ἐλεηλάτει] ἐλεηλάκει MO 4 τὰς ἀμφόδους] градныа add. C 4 ἤδη] εἴδη VDUEZGXY; εἰδῶν O; сосудъ BC; om. K 4 βασάνων καὶ παντοίων κολαστηρίων ὀργάνων] βασανιστηρίων π. K 4 καὶ παντοίων κολαστηρίων ὀργάνων] om. BC 4 κολαστηρίων] κολάσεων DMOSUEZGXY 4 ὀργάνων] ὄργανα DMSUEZGXY 4 ὥστε] ἵνα DMKPRSUEZGXY 5 τινῶν] τγ B(C); om. HKAPR 5 παραυτὰ] παρὰ τὰ GXY; δι' αὐτῶν Z; ἐκ μόνης τῆς θέας add. FVODel. 5 κακιγκάκως] κακηνκάκως Del.; абіе C; om. OB; ἄνευ ἐρωτήσεως add. FVDel. 5 ἀναλωθῶσιν] ἐκ τοῦ φόβου add. V 5 τοίνυν] οὖν KA; om. B 5 εὐσεβῶν] εὐσεβούντων K 6 ἑαυτοῦ] ἑαυτῶν M; ἰδίαν K 6 σωτηρίαν ἐπραγματεύετο] ε. σ. K 6 ἐπραγματεύετο] καὶ add. FKDel. 6 μὲν] γὰρ V; γὰρ add. D 6 φόβῳ] великымъ add. C 6 ἔφευγον] ἔφυγον OAR; в дальнпа страны add. C 6 ἄλλοι] ἕτεροι G 6 ἑαυτοὺς] ἑαυτοῖς O 7 προεδίδοσαν] προδιδόντες ἐτιμοροῦντό τε καὶ ἀναιροῦντο δι' αὐτὴν εἰς Χριστὸν εὐσέβειαν K; παρεδίδουν τοῖς βασάνοις Z 7 ἕτεροι] ἄλλοι G 7 δειλαινόμενοι] δειλιοῦντες Z; om. BC; τοὺς βασάνους add. K 7 ἐκρύπτοντο] тврѣдо add. C 7 ὧν] καὶ add. V 7 μοναχός τις] τ. μ. OA 7 τοὔνομα] om. S 7 Ὀνούφριος] и add. B 8 ἑαυτοῦ] убо add. C 8 αὐτὸ] ризами монашескыми C; om. APRB 8 ἠμφιεσμένος] ἀμφιασάμενος DMSUEZGXY 8 περιεβέβλητο ἔξωθεν] ε. π. O 8 περιεβέβλητο] περιεβάλλετο DMAKPRSUEZGXY; же add. C 8 ἔξωθεν] ἔξω D 9 ἱμάτια λευκὰ παλαιὰ καὶ πολύρραφα] κ. πο. ι. πα. D; λευκὴν στολὴν παλαιὰν κ, πολύρραφον R 9 ἱμάτια] рубы C; om. MAPHUEZGXY 9 λευκὰ παλαιὰ] π. λ. FODel. 9 παλαιὰ καὶ] om. BC 10 αἰτῶν] παρὰ πάντων add. KHAPR 10 ἐλεημοσύνην] оукруха B; уломка хлѣбнаго C 10 ὃς ἐκ ταύτης τῆς πολιτείας] καὶ οὕτως περιάγων ὧδε κἀκεῖσε Z 10 ὃς] ὡς ὁ UEGXY; ὡς καὶ M; ὥστε D 10 πολιτείας] διαγωγῆς H 10 ποτε] om. BC 10 καὶ] om. B 11 οἴκῳ] λέγω δὴ τοῦ προρηθέντος Κλητοφῶντος add. KH 11 δὲ] δο BC 11 τυφθεῖσα ἡ κυρία μου τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ σφοδρῶς] τ. ἡ. ε. σ. (σφόδρα M) ἡ κ. μ. DMOSUEGXY; σ. τ. ἡ. ε. ἡ κ. μ. Z 11 ἡ κυρία μου τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ] τ. ἡ. ε. ἡ. κ. μ. KHBC; Γλευκίππη add. K; Λευκίππη add. H 11 κυρία μου] ἐμὴ κ. D; Γλευκίππη add. V 11 σφοδρῶς] σφόδρα D; παρὰ τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς (Κλειτοφῶντος add. V) add. FVUDel. 12 γὰρ] ὡς προέφην add. KH 12 ἐχθρωδῶς] ἐπαχθῶς H 12 πρὸς αὐτὴν ὁ ἀνὴρ αὐτῆς] ο αν. αυτης π. αυτην OV 12 πρὸς αὐτὴν] om. VDBC 12 διὰ τὴν στείρωσιν αὐτῆς] om. APR 12 διὰ τὴν στείρωσιν] χάριν τῆς στειρώσεως KH; καὶ ἀπαιδίας add. H 12 αὐτῆς] om. B 12 οὖν] om. BC 13 ᾔτησεν] ᾔτει K 13 ἐλεημοσύνην] хлѣба BC

3. Ὀργισθεῖσα δὲ ἡ γυνὴ ἀπέστειλέ τινα τῶν παιδισκῶν αὐτῆς κλεῖσαι κατ' αὐτοῦ τὴν πύλην. Ὁ δὲ μοναχὸς μακροθυμήσας μικρὸν καὶ ὡς ἔθος πένησι πάλιν αἰτήσας, ἐκάμφθη πρὸς ἔλεον ἡ τῆς κυρίας μου ψυχή. Καὶ ἀποστείλασα εἰσήγαγε τὸν γέροντα εἰς τὴν οἰκίαν. Οὐ μέντοι γε ᾔδει, ὅτι χριστιανὸς ἦν καὶ μονάζων τῷ σχήματι· καὶ γὰρ καὶ αὐτή, καὶ ὁ ἀνὴρ αὐτῆς ὑπῆρχον εἰδωλομανεῖς, πεποίθησιν οὐ τὴν τυχοῦσαν ἔχοντες εἰς τὸ τῆς Ἀρτέμιδος εἴδωλον. Ὡς οὖν εἰσῆλθεν ὁ μοναχὸς καὶ τὰ πρὸς τὴν χρείαν τῆς αἰτήσεως ἐλάμβανεν, ἐστέναξεν ἐκ βάθους καρδίας ἡ κυρία μου Γλευκίππη. Ὁ δὲ μοναχός φησι πρὸς αὐτήν· «Τί ὀδυνηρῶς διακειμένη, κυρία μου, ὀλολύζεις; Ὁρῶ γάρ σε ἔνδον κεκτημένην θλῖψιν ἀπαραμύθητον». Ἡ δὲ πρὸς αὐτὸν ὡς θεόθεν κινουμένη ἀντέφησεν· «Ἀπαιδίας καὶ στειρώσεως νόσῳ κεκράτημαι καὶ ὑπὸ τοῦ συζύγου μού ποτε μὲν κολαφίζομαι, ποτὲ δὲ καὶ ὀνειδίζομαι ἐν ὀλίγοις τε καὶ διώκομαι. Ἰατροῖς γὰρ καὶ φαρμακοῖς τὸν βίον μου διὰ ταύτην μου τὴν ἀπαιδίαν ἐκδαπανήσασα χρυσὸν οὐκ ὀλίγον καὶ μηδὲν ὠφεληθεῖσα ἐπὶ πλεῖον ἐπιπλήττω μου τὴν ψυχὴν

---

1 δὲ] om. B; жѣло add. C 1 γυνὴ] госпожа BC; моа add. C; ὡς ἅτε τῇ λύπῃ ἔτι κρατουμένη διὰ τὸ τυφθῆναι αὐτήν, ὡς ἔφην add. H 1 τινα] μίαν FVODel. 1 τῶν παιδισκῶν] παιδίσκην H 1 αὐτῆς] om. HZ 1 κατ' αὐτοῦ] om. S 2 πύλην] θύραν DS 2 μοναχὸς VDMOGC] om. FKHAPRSUEZXYDel.; Ὀνούφριος add. V 2 μακροθυμήσας] μακροθυμεῖ U 2 καὶ] om. ZB 2 ὡς ἔθος] εὐθέως GXY; есть add. C 2 πάλιν] om. DMASUEZGXYC 2 αἰτήσας] om. Z 2 ἐκάμφθη DMKSUZ(BC)] ἐκάφθη HEGXY; ἐκάμφη PR; ἔκαμφεν FVODel.; убо add. C 3 πρὸς] τὸν add. M 3 ἔλεον] ἔλαιον V 3 ἡ τῆς κυρίας μου ψυχή DMKHPRS] τ. κ. μ. η ψ. UEZGXY; η ψ. τ. κ. μ. C; τὴν τῆς κυρίας μου ψυχήν FVDel. 3 Καὶ ἀποστείλασα εἰσήγαγε] ἐκέλευσεν εἰσαθχῆναι H 3 ἀποστείλασα] A. οὖν O; абіе add. C 3 ἀποστείλασα] ἀποστείλας EZGXY; пустивши BC 3 τὸν γέροντα] αὐτὸν PZ; om. GXY 3 εἰς τὴν οἰκίαν] om. H 4 μέντοι γε ᾔδει] ἐγίνωσκε KH; ἡ γυνή add. O; δέ add. H; госпожа моа add. C 4 γε] om. DMO 4 ὅτι] старецъ онъ add. C 4 ἦν] ἐστιν PUEZGXYBC 4 μονάζων] μοναχὸς UEZGXY 4 καὶ γὰρ καὶ αὐτή] om. BC 4 καὶ] om. DMKA 4–5 ἀνὴρ αὐτῆς] ταύτης αν. H 5 ὑπῆρχον εἰδωλομανεῖς] εἰδωλολάτραι υ. KH; бяше идолопоклонникъ C 5 εἰδωλομανεῖς] εἰδωλολάτραι corr. d 5 πεποίθησιν οὐ τὴν τυχοῦσαν ἔχοντες] καὶ εἶχον πολλὴν π. H 5 οὐ τὴν τυχοῦσαν] πολλὴν K 5–6 εἴδωλον] капище BC 6 Ὡς οὖν] И яко BC 6 εἰσῆει] εἰσῆλθεν KH 6 καὶ τὰ] κατὰ GXYZ 6 καὶ] om. O 6 τὰ πρὸς] яко B 6 πρὸς τὴν χρείαν] om. H 6 τὴν] om. KPRSUEZGXY 6 τῆς αἰτήσεως] свою om. B 6 ἐστέναξεν] ἤκουσε στενάξασαν H; ἐστέναζεν AU; γοῦν add. Z 7 βάθους] βάθου P; всего BC; om. Z; τῆς add. UEGXY 7 καρδίας] своего add. C 7 ἡ κυρία μου Γλευκίππη] τὴν ἐμὴν κυρίαν καὶ μέγα ἀναβοήσασαν H 7 Γλευκίππη] om. DMO; καὶ ἐγόασεν add. MSUEZGXY; καὶ ἐβόησεν D; καὶ ἀνεβόησεν add. KAPR 7 Ὁ δὲ μοναχός φησι πρὸς αὐτήν] Καὶ φ. π. α. ο πτωχὸς οὗτως καὶ μονάζων H 7–8 ὀδυνηρῶς διακειμένη, κυρία μου] οὕτως, ὦ κ. μ. ο. δ. H 8 διακειμένη, κυρία μου] κ. μ., δ. FVADel.; οὕτως add. FVKDel. 8 διακειμένη] om. BC 8 ὀλολύζεις] πικρῶς add. FVDel. 8 ἔνδον κεκτημένην θλῖψιν] θ. ε. κ. H 8 ἔνδον] ἔνδοθεν MC 8 κεκτημένην] κεκτημένη G; εχουσαν U 8 ἀπαραμύθητον] се оутѣшися мною B 9 δὲ] φησι add. DMAPRUEGX; госпожа моа add. C 9 πρὸς αὐτὸν ὡς θεόθεν κινουμένη] ω. θ. κ. π. α. Z 9 πρὸς αὐτὸν] om. H 9 κινουμένη] подвижена B 9 ἀντέφησεν] αὐτῷ add. H 9 νόσῳ] о старче add. C 10 καὶ] ἕνεκεν τούτῳ sic! H 10 κολαφίζομαι] ὀνειδίζομαι.HBC 10 ποτὲ δὲ καὶ ὀνειδίζομαι] om. ZGXY; καὶ τύπτομαι add. K 10 καὶ ὀνειδίζομαι] μαστίζομαι HBC 10 ἐν ὀλίγοις] ἄλλοτε KH 10 τε] δὲ OKHZGXY; οὖν APR 11 διώκομαι] διάκειμαι G 11–12 Ἰατροῖς ... πλεῖον] Ἐγὼ οὖν ταῦτα μὴ ὑποφέρουσα πολλὰ χρήματα ἀνάλωσα εἰς ἰατρούς τε καὶ φαρμακοὺς καὶ οὐδεμίαν παρ' οὐδενὸς αὐτῶν ὠφέλειαν εἶχον (ἔσχον H)· ἐπὶ τοῦτο οὖν (τοίνυν H) πλέον (ἐπὶ πλεῖον H) ὁ (ἐμὸς add. H) ἀνὴρ KH 11 γὰρ καὶ] δὲ Z 11 φαρμακοῖς] φαρμάκοις P 11 τὸν βίον] om. SZBC 11 μου] om. DMAPRSUEZGXY 11 διὰ ταύτην μου τὴν ἀπαιδίαν] того ради BC 11–12 ἐκδαπανήσασα] ἐκδαπάνημαι D 12 χρυσὸν οὐκ ὀλίγον] om. FVDel. 12 οὐκ ὀλίγον] много BC 12 ὠφεληθεῖσα] ὀνήσασα DMOAPRSUEZGXY 12 ἐπὶ πλεῖον] πλέον APR 12 ἐπιπλήττω] ἐπιπλήττει AKPRU; πλήττω O; таράττω D 12 μου τὴν ψυχὴν] τ. ψ. μ. ε. H

καὶ ὀδυνηρῶς ζῶ». Ὁ δὲ γέρων φησὶ πρὸς αὐτήν· «Καὶ ποίῳ θεῷ λατρεύεις;» Ἡ δὲ εἶπεν· «Τῇ μεγίστῃ θεᾷ Ἀρτέμιδι». Ὁ δὲ γέρων ἔφησε θαρσαλέως· «Δικαίως οὐκ ἔστι σοι τέκνον· οὐ γὰρ πέποιθας ἐπὶ Θεόν, τὸν ἰσχύοντ: δοῦναί σοι καρπὸν κοιλίας».

4. Ἡ δὲ πρὸς αὐτὸν πάλιν ἔφη· «Καὶ ποίῳ τοίνυν Θεῷ λατρεύσω, ἵνα μοι δώσει ταύτην τὴν χάριν;» Ὁ δὲ γέρων φησίν· «Χριστῷ τῷ ἀληθινῷ Θεῷ καὶ τῷ τούτου πατρὶ καὶ τῷ τούτοις συνδοξαζομένῳ ἁγίῳ πνεύματι». Ἡ δέ φησιν· «Μὴ τὸν Θεόν, ὃν λατρεύουσιν οἱ Γαλιλαῖοι, μοι λέγεις;» Ὁ δὲ γέρων φησίν· «Ναί, τοῦτόν σοι καταγγέλλω τὸν ἐκτείναντα τὸν οὐρανὸν καὶ θεμελιώσαντα τὴν γῆν, τὸν ποιήσαντα τὸν ἄνθρωπον καὶ πᾶσαν πνοὴν δημιουργήσαντα». Ἡ δὲ Γλευκίππη πρὸς τὸν γέροντα εἶπεν· «Πτοοῦμαι, ἄνθρωπε, τὸν ἄρχοντα Σεκοῦνδον, μήπως γνῷ καὶ σὺν τῇ ἀπαιδίᾳ στερήσῃ με καὶ τῆς ζωῆς· οὐ γὰρ δύναμαι βασανιστήρια ὑπομεῖναι». Ὁ δὲ γέρων φησὶ· «Σὺ λάβε τὴν ἐν Χριστῷ σφραγῖδα διὰ τοῦ ἁγίου βαπτίσματος, καὶ ἔσο κρυπτῶς λατρεύουσα τὴν ἁγίαν Τριάδα, πράττουσα τὰς ἐντολάς, ἃς παραδώσω σοι». Ἡ δὲ πάλιν φησίν· «Εἰ ἐγώ, πάτερ, πιστεύσω, καὶ ὁ ἐμὸς σύζυγος ἄπιστος μείνῃ, ἆρά γε οὐ διὰ τὸν ἄνδρα τὸν ἄπιστον ἄπρακτος διαμείνῃ ἡ πίστις μου;» Πάλιν δὲ ὁ γέρων ἔφη αὐτῇ· «Οὐχί, γύναι· ἀποστολικὴν γὰρ παράδοσιν ἔχουσιν οἱ τοιοῦτοι ἐν τῷ ἰδίῳ νοῒ πληροφορεῖσθαι. Σὺ δὲ ἐάν μοι πεισθῇς, καὶ σεαυτήν, καὶ τὸν ἄνδρα σου σώσεις· ὁρᾷς γὰρ κἀμέ, πῶς διὰ τὸν φόβον τὸ ἑαυτοῦ ἠλλοίωσα σχῆμα καὶ τοῖς πᾶσιν ὁρῶμαι ὡς κοσμικὸς καὶ ἐνδεὴς μοναχὸς ὢν τῷ σχήματι καὶ ἱερεύς». Τούτοις καὶ ἑτέροις πλείοσι λόγοις στηρίζας

---

1 ὀδυνηρῶς ζῶ] ποιεῖ με ο. ζῆν H; болѣзнь плачю B(C) 1 δὲ] τίμιος (καὶ ἅγιος add. V) add. FVDel. 1 Καὶ] om. BC 1 λατρεύεις] κυρία add. V 2 μεγίστῃ] μεγάλη DM; om. O 2 Ὁ δὲ] Τότε (Καὶ KH) ὁ FVKHDel. 2 γέρων] om. O 2 ἔφησε] ἔφη Z; φησι O 2 Δικαίως] οὖν add. KHAPR 3 ἐπὶ] εἰς VDMOSUEZGXY 3 τὸν] ἰσχυρὸν καὶ add. D 3 ἰσχύοντα] ἐσχύοντα corr. G; ἰσχυρὸν D 3 δοῦναί σοι) σ. δ. R 4 πάλιν) om. DMR 4 ἔφη) φησιν G; φησιν Χριστῷ τῷ ἀληθινῷ Θεῷ add. et del. G 4 τοίνυν] om. DMOSUEZGXYB 4–5 μοι δώσει ταύτην τὴν χάριν] δώῃ μ. τη. χ. τα. OM 4 δώσει] δώῃ DAPRUZGXY 5 δὲ] om. B 5 φησίν] изрѣщa B; πρὸς αὐτήν add. D 6 τούτοις συνδοξαζομένῳ] om. O 6 τούτοις] τούτου PEZGXY 6 ἁγίῳ] καὶ συμπροσκυνουμένῳ KHAPR 6 Ἡ δέ φησιν] Λέγει αὐτῷ ἡ γυνὴ K 6 φησιν] εἶπε D; πρὸς τὸν γέροντα add. FVDel. 6–7 ὃν λατρεύουσιν οἱ Γαλιλαῖοι, μοι λέγεις] μ. λε., ον λα. οι Γ. FVDel. 6 ὃν] ὧ U 7 μοι] με R; om. SUZGXY 7 φησίν] λέγει αὐτῇ O; πρὸς αὐτήν add. FVDel. 7 Ναί] om. BC 7 καταγγέλλω] καταγγέλω G 8 θεμελιώσαντα] θεμελιώσαντι M; θεμελιοῦντα R 8–9 τὸν ποιήσαντα τὸν ἄνθρωπον καὶ πᾶσαν πνοὴν δημιουργήσαντα] κ. τ. ὸ. πα. πν., τ. πο. τ. α. X 8–9 τὸν ἄνθρωπον καὶ πᾶσαν πνοὴν δημιουργήσαντα] πάντα τὰ δημιουργηθήντα ἐν αὐτοῖς Z 8 πνοὴν] τὴν κτίσιν D 8–9 δημιουργήσαντα] om. B 9 πρὸς τὸν γέροντα εἶπεν] ἔφη π. τ. γ. K 9 εἶπεν] ἔφη APRSUEZXY; φησιν G; Ho add. B 9–10 ἄνθρωπε, τὸν ἄρχοντα Σεκοῦνδον] τ. αρ. σ., ὦ αν. G 10 Σεκοῦνδον] Σεκοῦδον S 10 γνῷ καὶ] оувѣдѣвъ B 10 οὐ] οὐδὲ V 11 ὑπομεῖναι] ἡ ἀθλία add. G 11 Ὁ δὲ γέρων φησὶ] Λέγει ο γ. K 11 φησὶ] πρὸς αὐτήν add. FVDel. 11 Σὺ λάβε] λάβε οὐ Z 11 Σὺ] μόνον add. K; οὖν add. APR 11 σφραγῖδα] τοῦ ἁγίου πνεύματος add. P 11 διὰ] om. DMSUEZGXYBC 11 ἁγίου] om. OP; πνεύματος διὰ τοῦ add. KR 12 βαπτίσματος] благодать C 12 Τριάδα] καὶ add. OZGXY 12 πράττουσα] καλῶς καὶ φυλάσσουσα add. V 13 σοι] καὶ οὐ μὴ γνῷ ὁ ἄρχων περὶ τούτου add. V 13 πάλιν φησίν] Γλευκίππη λέγει FDel.; πρὸς αὐτόν add. FVDel.; ὦ πατέρ μοι καὶ ἅγιε γέρωντα· ἐμφάνισόν μοι τοῦτο τὸ ῥῆμα, ὃ ἐγώ σοι φθέγξω add. G 13 πάλιν] om. B 13 ἐγώ] δὲ S 13 πάτερ] μου add. GBC 14 μείνῃ] μένει MPEZGXY; μείνει U 14 οὐ] οὖν OM 14 ἄνδρα τὸν ἄπιστον] απ. αν. VO 14 τὸν] om. A 14 διαμείνῃ] μένει AZGXY; διαμείνει KU 14 Πάλιν δὲ ὁ] Ὁ δὲ O 14 δὲ] om. DKAPR 15 αὐτῇ] πρὸς αὐτήν FVDel.; αὐτῆς G; om. O 15 γὰρ] om. FVHPRSUDel. 15 ἔχουσιν] ἔχωσιν K 16 νοῒ] νόμῳ Z 16 δὲ] οὖν O 16 ἐάν] ἂν D 16 μοι] ἐμοὶ FVDel. 16 ἄνδρα σου] σὸν ἀνὴρ sic! G 17 πῶς] ὅτι Z 17 φόβον] τοῦ ἡγεμόνος add. FVDel. 17 ἑαυτοῦ] ἐμαυτοῦ KA 17 ἠλλοίωσα σχῆμα] σ. η. KAR; σ. ἀλλοίωσα P 17 ἠλλοίωσα] ἠλλοιώσας Z 18 καὶ] om. B 18 ἱερεύς] прозвитеръ add. C 18 λόγοις] om. PRSUEZGXYBC 5.18–6.1 στηρίξας τὴν γυναῖκα] τ. γ. σ. O

τὴν γυναῖκα ὁ γηραιὸς ἐκίνησεν αὐτὴν πρὸς ζῆλον θεοπρεπῆ. Καὶ λέγει αὐτῷ ἡ γυνή· «Δύνασαί μοι δοῦναι τὸ βάπτισμα;» Ὁ δέ φησι· «Εἰ ἔστιν ὕδωρ, ἰδοὺ ἡ ὥρα». Ἡ δὲ διαταξαμένη τὰς παιδίσκας αὐτῆς, καὶ ἕνα τῶν πίθων γεμισάντων, ἐβάπτισεν αὐτὴν λάθρᾳ ὁ μοναχός, ὡς ἔθος χριστιανοῖς.

5. Διδαχθεῖσα δὲ ὑπ' αὐτοῦ τὰ μυστήρια τῶν χριστιανῶν καὶ ἄλλας τινὰς ἐντολὰς λαβοῦσα ὑπ' αὐτοῦ, δοῦσα αὐτῷ δαψιλῶς τὰ πρὸς ἐπισιτισμὸν αὐτοῦ ἀπέστειλεν αὐτὸν ἡ Γλευκίππη, δυσωπήσασα αὐτὸν μὴ ἐπιλαθέσθαι αὐτῆς, ἀλλὰ πυκνότερον ἐπισκέπτεσθαι αὐτήν. Προσεπενοήσατο τοίνυν ἡ Γλευκίππη νοσεῖν ὀκτὼ ἡμέρας, λέγουσα ἐν ἑαυτῇ· «Μήπως μολύνω μου τὸν ἁγιασμὸν ἐν τῷ συγκαθεύδειν με τῷ ἀνδρί μου καὶ ἔσομαι ὡς περιφρονοῦσα τὴν δωρεὰν τοῦ ἁγίου πνεύματος». Τελεσθέντων οὖν τῶν ὀκτὼ ἡμερῶν, συνέλαβεν ἡ γυνὴ ἐν γαστρί. Καὶ ὅτε ἤρξατο ἐγκυμονεῖν, ἔχαιρεν σφόδρα ὁ ἀνὴρ αὐτῆς καὶ λέγει πρὸς αὐτήν· «Νῦν ἔγνων, κυρία μου, ὅτι τοῖς θεοῖς εὐηρέστησας, καὶ ἐχαρίσαντό σοι καρπὸν κοιλίας. Πορευθῶμεν οὖν καὶ θύσωμεν αὐτοῖς». Ἡ δὲ μέγα στενάξασα φησὶ πρὸς τὸν Κλειτοφῶντα· «Θεός μοι ἐφάνη κατ' ὄναρ πρὸ τῆς ἐμῆς συλλήψεως, καὶ αἱ παλάμαι αὐτοῦ ἦσαν ἐπὶ ξύλου ἐκτεταμέναι, καὶ οὗτός μοι τὴν χάριν ταύτην ἐδωρήσατο. Εἰ οὖν θέλεις, κύριέ μου, αὐτῷ

---

1 ὁ] τίμιος add. K 1 γηραιὸς] γέρων FAPGDel. 1 θεοπρεπῆ] θεοσεβῆ SUEGXY; θεοσεβείας Z; καὶ ἔρωτα θεικὸν add. V 1 Καὶ] om. BC 1 λέγει] пакы add. C 1 αὐτῷ] αὐτῇ MG 1 ἡ γυνή] om. O 1 γυνή] Πάτερ add. FDel; Πάτερ καὶ add. V 2 μοι] νῦν add. KA; отче add. C 2 δοῦναι] сътворити B 2 τὸ] святое add. C 2 βάπτισμα] ἐν τῷ κρυπτῷ add. FVDel. 2 δέ] μοναχὸς add. V; 2 δέ] старець add. C 2 φησι] πρὸς αὐτήν· Ναί. Καὶ (N. K. om. O) add. FVODel. 2 ἔστιν] точію add. B 2 Ἡ δὲ] Τότε FDel. 3 καὶ] τοῦ DM; om. FVODel. 3 γεμισάντων] γεμίσαι FVODMDel. 3 αὐτὴν] om. B 3 λάθρᾳ ὁ μοναχός] ο μ. λ. K 4 ἔθος] ἐστὶ add. FVDel.; τοῖς add. KHAPR 4 χριστιανοῖς] εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος add. FVDel. 5 δὲ] τε DMKHAPRSUEGXY; om. Z; отаи add. B 5 τὰ μυστήρια] τὸ μυστήριον KHAPRSUEZGXY 5 τινὰς] om. S 5–6 λαβοῦσα ὑπ' αὐτοῦ] υ. α. λ. KH 6 δοῦσα] τε add. O; δὲ add. Z 6 αὐτῷ δαψιλῶς τὰ πρὸς ἐπισιτισμὸν αὐτοῦ] τ. π. ἐπισιτισμὸν α. (om. K) δ. KHAPR 6 αὐτῷ] ἡ Γλευκίππη add. Z 6 ἐπισιτισμὸν] σιτισμὸν VO, DMSUEGXY; ἀπαρτισμὸν Z 6 αὐτοῦ] αὐτῶν E; om. D 6–7 ἀπέστειλεν αὐτὸν ἡ Γλευκίππη] om. H 6 ἀπέστειλεν] ἀπέλυσεν FVKDel. 6–7 ἡ Γλευκίππη] om. Z 6–7 Γλευκίππη] ἀπελθεῖν add. VO 7 αὐτὸν] τε H; om. ZBC 7 αὐτῆς, ἀλλὰ πυκνότερον ἐπισκέπτεσθαι] om. E 7 πυκνότερον] πυκνοτέρως FVOKDel. 7 ἐπισκέπτεσθαι] προσεπισκέπτεσθαι ODM 7 αὐτήν] Ὅθεν τούτου γενομένου add. FVDel.; ἀπέλυσε τοῦτον ἐν εἰρήνῃ add. H 8 Προσεπενοήσατο] προσεπινοήσατο M; προσεπεσπάσατο GXY; προσεποιήσατο HZ, s.l. y 8 τοίνυν] οὖν P; om. FVDel. 8 ἡ Γλευκίππη νοσεῖν] ν. η Γ. FDel. 8 ἡ] om. E 8 νοσεῖν] ῥῶσιν M 8 ὀκτὼ] ἑπτὰ Z 9 συγκαθεύδειν] καθεύδειν Z; быти C 9 μου] om. B 10 τὴν δωρεὰν] τῆς δωρεὰς KHPR 10 Τελεσθέντων] Τελεσθεισῶν V; Διελθουσῶν O; Τελεσάντων A 10 οὖν] δὲ FKHAPRDel. 10 ἡμερῶν] καὶ συναφθεῖσα τῷ ἰδίῳ ἀνδρὶ add. H 10 γυνὴ] Λευκίππη H 11 ἐν γαστρί. Καὶ ὅτε ἤρξατο ἐγκυμονεῖν] Κ. ω. η. εγ. εν γ. своей C 11 ἐν γαστρί] om. KHAPRSUEZGXYBC 11 Καὶ ὅτε] Ὡς δὲ VODM 11 ὅτε ἤρξατο] ἁρξαμένης αὐτῆς H 11 αὐτῆς] о семъ add. C 12 ἔγνων] ἔγνω OME 12 κυρία μου] γύναι H 12 καὶ] сего ради add. C 13 δὲ] Γλευκίππη ἀκούσασα ταῦτα καὶ add. V; Елевкипи add. C 13 φησὶ] λέγει S 13 Κλειτοφῶντα] Ὦ ἄνερ φίλτατε add. FVDel.; Ὁ add. S; Κύριέ μου καὶ γλυκύτατε ἄνερ H 14 ἐφάνη] ἀνὴρ add. D; κύριέ μου add. A; ὦ ἄνερ μου add. G 14 ὄναρ] κύριέ μου add. K 14 καὶ αἱ παλάμαι αὐτοῦ ἦσαν] η. αι π. αυ. FDel. 14–15 ἦσαν ἐπὶ ξύλου ἐκτεταμέναι] επ. (τοῦ add. E) ξ. η. εκ. DKAHPRSEC; εκ. η. Z 14–15 ἐπὶ ξύλου ἐκτεταμέναι] εκ. επ. τοῦ ξ. U 14 ἐπὶ] τοῦ add. G 15 καὶ] ὡς βεβαίως ἔχω καὶ ἀδιστάκτως add. H 15 κύριέ μου, αὐτῷ] α., κ. μ. UEZGXY 15 αὐτῷ] μᾶλλον add. FVOHDel.

θύσωμεν». Ὁ δὲ Κλητοφῶν φησι πρὸς αὐτήν· «Τοῦτον, ὄνπερ κατ' ὄναρ ἐθεάσω, γύναι, θεός ἐστι τῶν Γαλιλαίων. Ἤκουσα δὲ ἐκ πολλῶν περὶ αὐτοῦ, ὡς ὅτι θαυμαστὰ τέρατα ἔοικε πράττειν». Λέγει αὐτῷ ἡ γυνή· «Κύριέ μου, τί οὖν οὐ πιστεύομεν εἰς αὐτόν, εἰ τοιοῦτός ἐστιν ἰσχυρός, ὅστις καὶ μου ἔλυσε τὰ τῆς στειρώσεως δεσμά;» Ἀποκριθεὶς δὲ ὁ ἀνὴρ αὐτῆς ἔφη· «Οὐκ ἀκούεις, γύναι, τοῦ ἄρχοντος τὸν θυμόν, ὃς ἀποκτένειν οὐ παύεται τοὺς τοιούτους;» Ἡ δὲ πάλιν πρὸς αὐτὸν ἔφη· «Ἀλλὰ κρυπτοὶ ἐσόμεθα σεβόμενοι αὐτόν, καὶ ἐν τῷ φανερῷ, ὡς δυνατὸν ἡμῖν, πραγματευσώμεθα τὴν ζωὴν ἡμῶν». Ὁ δέ φησι· «Καὶ τίς ἡμᾶς διδάξας μυσταγωγήσει;» Ἡ δὲ Γλευκίππη θεασαμένη τὸν ἄνδρα εὐπειθήσαντα πίπτει πρὸς τοὺς πόδας αὐτοῦ καὶ διηγεῖται αὐτῷ πάντα τὰ συμβάντα αὐτῇ, καὶ ὅτι χριστιανὴ γέγονεν. Ὑποδείξασα δὲ αὐτῷ καὶ τὸν μοναχόν, καὶ ὑπ' αὐτοῦ κατηχηθεὶς ἐβαπτίσθη καὶ αὐτὸς εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος.

---

1 θύσωμεν] καὶ μηδενὶ ἑτέρῳ add. H; τὴν θυσίαν, ἣν λέγεις add. G 1 δὲ] ἀνὴρ αὐτῆς add. FVODel. 1 Κλητοφῶν VC] om. aliiDel. 1 φησι] om. β 1 αὐτήν] Γύναι add. FVDel. 1 Τοῦτον] ὦ γύναι add. H 1 ὄνπερ] ὃν FOKHAPRDel. 1 κατ' ὄναρ ἐθεάσω] ε. κ. ο. V 1 κατ' ὄναρ] om. BC 1 ἐθεάσω] θεὸν add. FDel.; ὦ add. RG 1 γύναι] om. FVKHAPRDel.; μου add. G 2 Γαλιλαίων] ὦ γυναι add. KAPR 2 δὲ] κἀγὼ add. V 2 ὡς] s. l. U; om. ODM; αὐτοῦ add. V, M 2 θαυμαστὰ] и преславна add. C 2–3 ἔοικε πράττειν] творитъ B(C) 3 Κύριέ μου] om. β 3 μου VC] om. aliiDel. 3 τί οὖν] καὶ τί FDel. 3 τί ... αὐτόν] om. V 4 ἰσχυρός] ὑψηλὸς D; Θεὸς add. V; и силенъ add. C 4 καὶ μου ἔλυσε τὰ τῆς στειρώσεως δεσμά] μ. (om. A) κ. τ. σ. ε. δ. KHPRSUEZGXY 4 καὶ] om. BC 4 μου ἔλυσε τὰ τῆς στειρώσεως δεσμά] τα τη. σ. μ. δ. διέλυσεν FDel.; τα τη. σ. μ. διέλυσεν δ. D: τὰς τη. σ. μ. διέλυσεν δεσμάς O 4 μου] om. MV 4 ἔλυσε] διέλυσεν M 4 δεσμά] διὰ τί οὐ πιστεύομεν εἰς αὐτόν; V 4 Ἀποκριθεὶς δὲ ὁ ἀνὴρ αὐτῆς] O δ. αν. αυ. απ. FDel. 4 ἀνὴρ αὐτῆς] Κλητοφῶν Z 4 ἔφη] Ὦ γύναι μου, τί ποιήσωμεν add. G; к ней add. C 5 γύναι VC] om. aliiDel. 5 ὃς] καὶ πῶς H(C); om. B 5 οὐ παύεται τοὺς τοιούτους] του. τοι. ο. π. Z 6 πάλιν] om. UEZGXY 6 αὐτὸν ἔφη] τὸν ἑαυτῆς ἀνὴρ ἔφη· «Ὦ κύριέ μου Κλητοφῶν G; ε.· «Ναί, ἀκούω V 6 κρυπτοὶ] κρυπτῶς H 6 ἐσόμεθα] κύριέ μου add. V; τοῦτον add. H 6 αὐτόν] om. β; и вѣрующе въ Него add. C 6 ἐν] δὲ add. OC 7 ζωὴν ἡμῶν] ἑαυτῶν ζ. VO 7 Ὁ δέ φησι] Καί φησιν ὁ Κλητοφῶν H 7 δέ] ἀνὴρ αὐτῆς add. ODM; ἀνὴρ αὐτῆς Κλητοφῶν add. V 7 φησι] πρὸς αὐτὴν add. V; ὦ Γλευκίππη μου add. G 7–8 μυσταγωγήσει] μυσταγωγῆσαισει sic! G; о жено add. C 8 Ἡ δὲ] Τότε η FDel.; ἁγία add. G 8 θεασαμένη] ἰδοῦσα H 8 τὸν] ἑαυτῆς add. H 8 ἄνδρα] αὐτῆς add. KAGC 8 εὐπειθήσαντα] εὐπειθοῦντα R; πρὸς τὴν πίστιν τοῦ Χριστοῦ add. FDel.; аѳіе add. C 8 πίπτει] καὶ add. H 9 διηγεῖται] διηγήσατο βC 9 αὐτῷ] om. M; αὐτὸ P 9 αὐτῇ] ἑαυτῇ M; ἐν λεπτῷ add. FDel. 9 ὅτι] ἐβαπτίσθη add. H 9 γέγονεν] и яко въ Христа вѣруетъ add. C 9–10 Ὑποδείξασα δὲ αὐτῷ καὶ τὸν μοναχόν] Καὶ τ. μ. ὑπέδειξεν α. APRSUEZGXY 9–10 Ὑποδείξασα δὲ] Καὶ υ. FBDel.; Ὑπέδειξέ τε KH 10 δὲ] om. D 10 αὐτῷ] αὐτὸν V 10 καὶ] om. B 10 τὸν] τίμιον καὶ εὐλαβέστατον add. FDel.; ταῦτα μυσταγωγήσαντα καὶ φωτίσαντα add. H 10 μοναχόν] καὶ add. D; τὸν βαπτίσαντα αὐτὴν add. K; καὶ ἱερέα. Ὁ δὲ Κλειτοφῶν μηδὲν ὅλως ἀναβαλλόμενος τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ, ἐν ᾗ τὸν μοναχὸν ἑώρακε add. H; от него же увѣрися сама и пріятъ божественное крещеніе. Аѳіе же и самъ Клитофонтъ отъ тогоже мниха add. C 10 καὶ] om. FVOBDel. 10 ὑπ' αὐτοῦ κατηχηθεὶς] κ. υ. α. M 10 ὑπ' αὐτοῦ] om. VC 10 κατηχηθεὶς] οὖν add. VO 10 ἐβαπτίσθη καὶ αὐτὸς] κ. αυτος υ. τοῦ ἁγίου γέροντος ε. V 10 καὶ αὐτὸς (V)KHZC] om. aliiDel. 10 τὸ] om. S 10 τοῦ] om. S 11 καὶ τοῦ υἱοῦ] om. P 11 τοῦ] om. S 11 πνεύματος] Μετὰ δὲ ταῦτα add. FVDel.

6. Φθάσαντος δὲ καιροῦ τοῦ τεκεῖν, ἔτεκεν ἡ γυνὴ παιδίον ἄρσεν. Καὶ ἐβάπτισε τὸ παιδίον ὁ μοναχὸς καὶ ἐπωνόμασε τὸ ὄνομα αὐτοῦ Γαλακτίωνα. Καὶ προεφήτευσε περὶ αὐτοῦ ὁ μοναχὸς τοιαῦτα καὶ εἶπεν· «Τοῦτο τὸ παιδίον ἐν οὐρανοῖς τὸ πολίτευμα ἕξει, τῶν δὲ ἐπιγείων καταφρονήσει, μὴ φεισάμενον ἑαυτοῦ». Ἀνδρυνθέντος δὲ τοῦ παιδίου παρέδωκαν αὐτὸ οἱ γονεῖς πρὸς μάθησιν τῶν ἱερῶν γραμμάτων· τοσοῦτον δὲ ἐγένετο ὁ παῖς εὐμαθής, ὥστε εὐχερῶς ἔμαθεν πᾶσαν γραμματικὴν καὶ ὁμηρικὴν τέχνην, ῥητορικήν τε καὶ φιλοσοφικήν· ἀστρονομίαν δὲ ἐπὶ τοσοῦτον κατώρθωσεν, ὥστε ἀερίων κίνησιν μὴ ἀγνοεῖν αὐτόν. Γενομένου δὲ αὐτοῦ ἐτῶν εἰκοσιτεσσάρων, ἠβουλήθη ὁ πατὴρ αὐτοῦ δοῦναι αὐτῷ γυναῖκα, τῆς μητρὸς αὐτοῦ Γλευκίππης μακαρίῳ τέλει χρησαμένης. Εὑρὼν οὖν κόρην τινὰ εὐμορφωτάτην, θυγατέρα τινὸς τῶν μεγιστάνων, ὀνόματι Ἐπιστήμην, ὡρμάσατο αὐτὴν τῷ υἱῷ αὐτοῦ.

---

1 Φθάσαντος] Γεννηθέντος MAU; Πληρωθέντος OSEZGXY; Γενομένου DBC 1 δὲ] καὶ τοῦ add. M; τοῦ add. OKS 1 καιροῦ τοῦ τεκεῖν] το. τε. αὐτὴν κ. FVDel.; αὐτὴν add. AR; τὴν Γλευκίππην ἡ Γλευκίππη add. O; τὴν Λευκίππην add. H 1 καιροῦ] in marg. X; χρόνου S 1 τοῦ τεκεῖν] om. B 1 τεκεῖν] τίκτειν D 1 ἔτεκεν] ἐγέννησεν OKH 1 ἡ γυνὴ] om. β 1 παιδίον] om. DMOKPSUEZGXY 1 ἄρσεν] ἄρρεν OMHR; om. BC 1 Καὶ ἐβάπτισε] E. δὲ O 1 Καὶ] ποιήσαντες τὰ εἰωθότα add. FVDel. 1 ἐβάπτισε] βαπτίσας OH; καὶ add. FVOHZDel. 1–2 τὸ παιδίον] αὐτὸ FVOMDKDel.; αὐτὸν H; τὸ παιδάριον R 2 ὁ] προλεχθεὶς add. OH; той же add. C 2 μοναχὸς] εἰς τὸ τῆς (ἁγίας καὶ add. V) ζωαρχικῆς Τριάδος ὄνομα add. FVDel. 2 τὸ ὄνομα αὐτοῦ] α. τ. ο. G; αὐτὸ Z; om. O 2 Καὶ προεφήτευσε] π. δὲ KHC 2–3 περὶ αὐτοῦ ὁ μοναχὸς τοιαῦτα] ο μ. π. α. R 2 αὐτοῦ] τοῦ παιδίου OH 2–3 ὁ μοναχὸς τοιαῦτα] τ. (ταῦτα PU) ο μ. APUEGXY 2–3 ὁ μοναχὸς] om. MD 3 τοιαῦτα] om. BC 3 καὶ εἶπεν] πρὸς τοὺς γονεῖς αὐτοῦ εἰπὼν KH; λέγων Z; om. O 3 τοιαῦτα καὶ εἶπεν] κ. ε. τ. D 3 δὲ] γὰρ KH 3–4 ἐπιγείων] и тлѣнное C 4 καταφρονήσει] καταφρονῆσαι KH 4 μὴ φεισάμενον ἑαυτοῦ] μηδὲ ε. φ. V; Χριστῷ προθύμως ἀκολουθήσει H 4 φεισάμενον] φεισάμενος ODMAPRSUEZGY; φθασάμενος X 4 ἑαυτοῦ] ἑαυτόν SUEGXY 4 Ἀνδρυνθέντος] Ἀνδρυθέντος OM 4 δὲ] οὖν D; τοίνυν KH 4 τοῦ] ἀγαθοῦ ἐκείνου KH 4 παιδίου] παιδὸς U; 4 παιδίου] овому add. C 4–5 παρέδωκαν αὐτὸ οἱ γονεῖς] παρεδώθη ὑπὸ τῶν γονέων KH 4 παρέδωκαν] ἐπέδωκαν Z 4 αὐτὸ] αὐτὸν MSUGXY 5 γονεῖς] αὐτοῦ add. OMDR 5 πρὸς] εἰς DZ; τὴν add. VOMD 5 τοσοῦτον δὲ] καὶ τοσοῦτον FVDel.; καὶ add. S 5 ἐγένετο] γέγονεν H 5 ὁ] τίμιος καὶ ἱερὸς add. FVDel. 5 παῖς] om. M 5 εὐμαθής] въвыкнувъ книгы B(C) 5 ὥστε] ὡς O; ἐν ὀλίγοις ἔτεσιν add. HK 6 εὐχερῶς] въскорѣ BC; om. K; αὐτὸν add. V 6 ἔμαθεν] διελθεῖν FVODel.; τὴν προπαίδειαν (πᾶσαν add. V) καὶ (εἰθ' οὕτως add. V) μαθεῖν add. FVDel.; εὐμαθεῖν K; ἐκμαθεῖν HBC; μαθεῖν P; om. O; всемъ премудростямъ add. C 6 πᾶσαν γραμματικὴν] γ. π. KA 6 πᾶσαν] om. V 6 γραμματικὴν] τε add. U 6 καὶ ὁμηρικὴν τέχνην, ῥητορικήν τε] τεχ. ρ. τε κ. ο. OMD; κ. ρ. κ. ο. τ., вѣтійскыа же C 6 τέχνην] μάθησιν H 6 φιλοσοφικήν] τε S 7 δὲ ἐπὶ] om. UEZGXY 7 δὲ] τε DKHPRZ; καὶ πᾶσαν ἄλλην φιλοσοφίαν Z 7 ἐπὶ τοσοῦτον] ἐν τοσούτῳ VOMD; навыче и add. C 7 κατώρθωσεν] ὑπῆρχεν Z 7 ὥστε] om. E 7 ἀερίων] ἀέρων O 7 αὐτόν] ἑαυτόν A 7–8 Γενομένου] Γινομένου O 8 αὐτοῦ] ὡς add. H 8 εἰκοσιτεσσάρων] εἰκοσιπέντε FVDel. 8–9 ἠβουλήθη ὁ πατὴρ αὐτοῦ δοῦναι αὐτῷ γυναῖκα, τῆς μητρὸς αὐτοῦ Γλευκίππης μακαρίῳ τέλει χρησαμένης] καὶ τη ... τε., η. ... Z 8 δοῦναι] привести BC 8 αὐτῷ] αὐτὸν O 8 τῆς] τιμίας add. FVDel.; γὰρ add. O; δὲ add. GXY 9 μητρὸς αὐτοῦ] α. μ. FVDel. 9 Γλευκίππης] ἧδη add. KH 9 μακαρίῳ τέλει χρησαμένης] τελευτησάσης γ 9 Εὑρὼν οὖν] Ὅθεν ε. FVDel.; Εὗρεν DBC; Κλητοφῶν ὁ πατὴρ αὐτοῦ add. V; отецъ его add. C 9 οὖν] δὲ KHA 9 κόρην τινὰ] τ. κ. S 9 τινὰ] om. BC 9–10 εὐμορφωτάτην] πάνυ add. FVDel. 10 θυγατέρα τινὸς τῶν μεγιστάνων] om. BC 10 θυγατέρα] θυγατέραν VG 10 τινὸς] ἑνὸς KH 10 Ἐπιστήμην] Ἐπιστίμην F; Ἐπιστίνην P; Ἐπιστήμη OG; καὶ add. D 10 ὡρμάσατο] ὡρμώσατο K 10 αὐτὴν] ταύτην V; αὐτῷ KS; αὐτὸν AP 10 τῷ υἱῷ αὐτοῦ VC] om. aliiDel.; Галактіону add. C

Καὶ ποιήσαντες τὰ μνηστήρια, ἀπέρχετο ὁ μακάριος Γαλακτίων, ὡς ἔθος ἐστὶ τοῖς νέοις, πρὸς τὴν ἑαυτοῦ μνηστήν. Οὐ μέντοι δὲ ἠσπάζετο αὐτὴν διὰ τὸ μὴ ἔχειν αὐτὴν τὸ ἅγιον βάπτισμα.

7. Ἡ δὲ Ἐπιστήμη εἶπεν τῷ πατρὶ αὐτῆς· καὶ ὁ πατήρ αὐτῆς φησι τῷ γαμβρῷ αὐτοῦ· «Εἰπέ, παιδίον, τίνος χάριν οὐκ ἀσπάζῃ τὴν μνηστήν σου, ὡς ἔθος ἐστὶ τοῖς νέοις;» Ὁ δὲ Γαλακτίων προφασισάμενος αἰδεῖσθαι, λέγει πρὸς τὴν Ἐπιστήμην τινὸς μὴ ἀκούοντος· «Οἶδας, γύναι, τίνος χάριν σε οὐκ ἀσπάζομαι;» Ἡ δὲ εἶπεν· «Οὐχί, κύριέ μου, οὐ γιγνώσκω, καὶ πάνυ λυποῦμαι περὶ τούτου». Λέγει αὐτῇ ὁ Γαλακτίων· «Διότι χριστιανὴ οὐχ ὑπάρχεις, ἀλλ' ἐὰν λάβῃς τὸ ἅγιον βάπτισμα, τότε καὶ ἀσπάζομαί σε καὶ καλῶ σε σύζυγον ἐμήν». Ἡ δὲ λέγει· «Ὅτε βούλει, κύριέ μου, βαπτισθήσομαι». Λέγει αὐτῇ ὁ Γαλακτίων· «Ἡ ἱερωσύνη ἐξέλιπεν ἐκ τοῦ γένους τῶν χριστιανῶν. Σὺ οὖν προσποίησον αὔριον τοῦ λούσασθαι εἰς τὸν κῆπον

---

1 Καὶ] ὃη add. V 1 τὰ μνηστήρια] τ. μνῆστρα VOMDP; τὸ μνῆστρον KARUEGXY; τὸ μνῆστορ sic! S; τὰ τῶν ἀρραβώνων ἔθη Z 1 ὡς] καθὼς FVDel. 1 ἔθος] om. E 1 ἐστι] om. γ 1 τοῖς νέοις] τοῖς νεωτέροις ZGXY 2 μνηστήν] μνήστραν ODMP 2 Οὐ μέντοι] Οὐδ' ὅλως K 2 μέντοι] μὴν MAPR 2 δὲ] om. OPUEGXY 2–3 τὸ ἅγιον βάπτισμα] β. α. O; знамение святаго крещенiа C; Ἕλληνες γὰρ καὶ οἱ αὐτῆς ὑπῆρχον γονεῖς τοῖς μιαροῖς εἰδώλοις λατρεύοντες. Ἐπεὶ οὖν διαφόρως οὗτος πρὸς αὐτὴν ἀπερχόμενος οὐκ ἐδίδου αὐτῇ ἀσπασμὸν ἐν φιλήματι στόματος (σώματος K), ἐλυπεῖτο σφόδρα ἡ κόρη add. KH 4 Ἡ δὲ Ἐπιστήμη εἶπεν τῷ πατρὶ αὐτῆς] Προσελθοῦσα δὲ τ. ἑαυτῆς π. τὰ τοῦ πράγματος ἀναγγέλλει KH 4 Ἐπιστήμη] om. APRUEGXY 4 εἶπεν] διηγήσατο VOMD; cia C 4 καὶ ὁ] ο δὲ U 4 ὁ πατὴρ αὐτης φησι] λέγει αὐτὸς K; ο δὲ λέγει H 4 αὐτῆς] om. FVMPSUZGDel. 4 φησι] εἶπε VORE 4 αὐτοῦ] Γαλακτίωνι add. K 5 Εἰπέ] μοι add. GXYC 5 παιδίον] νεώτερε FVDel.; νεανίσκε KH 5 μνηστήν] γυναῖκα R 5 ἐστὶ τοῖς νέοις] τ. ν. ε. R 5 ἐστι] om. OMKHAPRS 5–6 Γαλακτίων FVCDel.] om. OMDAPRSUEZGXYB; γλυκὺς τῷ ὄντι Γαλακτίων οὐκ εἶπεν ἐν ἐκείνῳ (εκ. μὲν ο. ἐξεῖπεν H) τὴν τοῦ σκόπου ἀλήθειαν add. KH 6 προφασισάμενος αἰδεῖσθαι] α. δὲ π. τὸ λυποῦν διωρθώσατο κατ' ἰδίαν τε τὴν ἑαυτοῦ μνηστὴν λαβὼν Ἐπιστήμην (om. K) KH 6 προφασισάμενος] προσφασιζόμενος Z; с разумѣньем add. B 6 αἰδεῖσθαι] рече срамлюсл. По семъ B; яко срама ради не цѣлую ея C 6 λέγει πρὸς τὴν Ἐπιστήμην] π. δὲ τ. Ε. λ. Z 6 λέγει] οὖν add. OA 6 πρὸς] αὐτὴν add. S 6 τὴν Ἐπιστήμην] αὐτὴν KH; ὁ Γαλακτίων add. O 6 τινὸς μὴ] μηδενὸς FVOKHAPR; εἰδότος ἢ add. F 7 γύναι] μου add. G 7 σε οὐκ ἀσπάζομαι] ο. α. σ. FVKZBCDel. 7 εἶπεν] λέγει αὐτῳ FVDel. 7 Οὐχί] Ὄχι K 7 οὐ γιγνώσκω HBC] om. aliiDel.; но add. BC 7 καὶ] οὐκ οἶδα τίνος χάριν, ἀλλ' εἰπέ μοι, ὅτι G; om. E 7 πάνυ] πάλιν Z 8 περὶ τούτου] om. γ 8 αὐτῇ] om. B 8 ὁ Γαλακτίων] om. O 8 ὁ] μακάριος add. FVDel. 8 Διότι] Ὅτι O; Διὰ τί APR; Διὰ τοῦτο οὐκ ἀσπάζομαί σε, δ. K 8 χριστιανὴ οὐχ ὑπάρχεις] ο. υ. χ. FVDel.; и того ради не цѣлую тя add. C, an recte 9 καὶ ἀσπάζομαί σε] σ. α. G 9 καὶ] хотяше om. BC 9 καλῶ] καλέσω OMSUEZGXY 9 σύζυγον] μου ποθητὴ G 9 ἐμήν HBC] om. aliiDel. 9 Ἡ] Ὁ P 9 λέγει] αὐτῷ add. FVDel. 10 Ὅτε βούλει, κύριέ μου] Κ. μ., ο. θ. B 10 Ὅτε] Ὅταν KH; Ὅτι ὅταν PR; δὲ add. GXY 10 βαπτισθήσομαι] βαπτισθῆναι (om. C), βάπτισόν με GC; μόνον τύχω τῆς ἐπιθυμίας μου add. FVDel. 10 Λέγει αὐτῇ ὁ Γαλακτίων] Καὶ ο Γ. λ. KH; Νῦν add. H 10 Λέγει] Καὶ λ. O 10 ὁ] μακάριος add. FVDel. 10 Ἡ] om. R 10 ἱερωσύνη] ἐρωσύνη K 10–11 ἐξέλιπεν ἐκ τοῦ γένους τῶν χριστιανῶν] εκ το. γ. των χ. εξ. ZGXY 10 ἐξέλιπεν] о жено add. C 11 τοῦ γένους] om. H 11 χριστιανῶν] πάντων φυγόντων διὰ τὸν διωγμὸν καὶ κρυβέντων, καὶ οὐδαμοῦ ἄρτι εὑρήσομεν τοιοῦτον, τὸν εἰς τοῦτο ἡμῖν ὑπηρετήσαντα add. KH 11 οὖν] Ἐπιστήμη μου καὶ καλέ μου σύζυγος, ποίησον, ὃ λέγω σοι add. G 11 προσποίησον αὔριον] τῇ α. ἡμέρᾳ π. KH 11 προσποίησον] προσποίησαι FVDel.; προσποιήσω S; изыди BC 11 αὔριον] om. BC 11 εἰς τὸν κῆπον] ἐν τῷ κήπῳ FVODel.; εἰσελθοῦσα H

μετὰ ὀθονίου, καὶ εἰσελεύσομαι ἐγὼ μετριάζων καὶ βαπτίσω σε». Ποιησάσης δὲ αὐτῆς τὸ διατεταγμένον αὐτῇ, ἐβάπτισεν αὐτὴν ὁ Γαλακτίων εἰς ἓν τῶν ὑδροχείων εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος.

8. Τῇ δὲ ὀγδόῃ ἡμέρᾳ ἀπολουσαμένη, λέγει πρὸς τὸν Γαλακτίωνα ἡ κυρία Ἐπιστήμη· «Οἶδας, κύριέ μου, τί κατ' ὄναρ ὁρῶ, ἀφ' οὗ τὸ ἅγιον βάπτισμα εἴληφα;» Λέγει αὐτῇ ἐκεῖνος· «Εἰπέ, κυρία μου, τί ὁρᾷς». Λέγει αὐτῷ· «Ὁρῶ παλάτιον πάνυ κεκοσμημένον καὶ ἐν αὐτῷ τρεῖς χοροὺς ψάλλοντας· ὁ μὲν εἷς χορὸς ἔχει ἄνδρας μελανοφοροῦντας, ὁ δὲ ἕτερος παρθένους πάνυ εὐειδεῖς, ὁ δὲ τρίτος ἀνθρώπους πτερωτοὺς καὶ πυριμόρφους». Λέγει αὐτῇ ὁ Γαλακτίων· «Ὄντως, κυρία, μακάριοι, εἰ γεγόναμεν καὶ ἡμεῖς τοιοῦτοι». Λέγει αὐτῷ ἡ Ἐπιστήμη· «Καὶ εἰσίν, κύριε, τοιοῦτοι ἐν τῷ κόσμῳ;» Λέγει αὐτῇ ὁ Γαλακτίων· «Ναί, κυρία μου, οὗτοι, οὓς βλέπεις ἐν τῷ χορῷ τῷ ἑνὶ μελανοφοροῦντας, κατέλιπον τὸν κόσμον καὶ τὸν πλοῦτον καὶ τὰς ἑαυτῶν συζύγους καὶ ἠκολούθησαν τῷ Χριστῷ. Καὶ αἱ γυναῖκες αἱ τοῦ ἑτέρου χοροστασίου εἰσὶν αἱ ἀφείσασαι τὸν κόσμον, ἔτι δὲ καὶ τοὺς ἑαυτῶν συζύγους καὶ ἀκολουθήσασαι τῷ Χριστῷ. Οἱ δὲ πυρίμορφοι καὶ πτερωτοὶ οἱ ἐν τῷ τρίτῳ χόρῳ εἰσὶν

---

1 ὀθονίου] μόνου add. KHA 1 καὶ εἰσελεύσομαι] ε. δὲ H 1 εἰσελεύσομαι] изыду BC 1 ἐγὼ] πρὸς σὲ add. V 1 μετριάζων] глумяся BC; δῆθεν add. KH 1 καὶ] ту add. B(C) 1 σε] μηδενὸς εἰδότος add. KH 1–2 Ποιησάσης δὲ αὐτῆς τὸ διατεταγμένον αὐτῇ] Поиѣсаса тоѣнун оутос и Ѣпистимѣ K 1 αὐτῆς] тако add. B 2 αὐτῇ] αὐτῆς G; om. ZC 2 ὁ] μακάριος add. FVDel 2 εἰς ἓν τῶν ὑδροχείων] om. BC 2 ἓν] ἑνὶ M; post ἓν rasura in Y 2 εἰς τὸ ὄνομα] ἐν τῷ ὀνόματι KH 2–3 τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ] о. п. к. у. к. MAPRSUEGXY 4 ἀπολουσαμένη] якое обычай есть C 4 λέγει πρὸς τὸν Γαλακτίωνα ἡ κυρία Ἐπιστήμη] η к. Е. л. п. т. Г. E 4 τὸν] μακάριον add. FVDel. 4 ἡ κυρία Ἐπιστήμη] om. KHAPRSUGB 4 κυρία] ἁγία FDel.; om. C 5 Οἶδας] Βούλομαί σοι διηγήσασθαι K 5 μου] Γαλακτίων add. G 5 ὁρῶ] καθ' ἑκάστην νύκτα add. H 5 ἀφ' οὗ] ἀφῆς DMSUE; ἀφῇ G 5 τὸ ἅγιον βάπτισμα εἴληφα] ἔλαβον τ. α. β. KH 5–6 ἐκεῖνος] Γαλακτίων EBC 6 Λέγει αὐτῷ] Ἡ δὲ εἶπεν KH; om. B 6 κεκοσμημένον] κατακεκοσμημένον KHAPRSUEG 7 τρεῖς χοροὺς] χ. τ. UE 7 ψάλλοντας] καὶ add. FVDel. 7 εἷς χορὸς] χ. ὁ ε. KHPRSUE 7 εἷς] om. G 7 ἔχει] εἶχεν MD 7 ἄνδρας] om. BC 7 μελανοφοροῦντας] μελανοφόρους FDel.; μελανηφοροῦντας MD; μεγαλοφρονοῦντας P 8 παρθένους] ἀνθρώπους S 8 πάνυ] om. UEGBC 8 εὐειδεῖς] εὐγενεῖς KHAPR 8 δὲ τρίτος] τ. δ. KH 8 ἀνθρώπους] παρθένους MD; om. S; добровидны add. B(C) 8 πυριμόρφους] πυριφόρους APR 8–10 Λέγει αὐτῇ ... Γαλακτίων] om. MD 9 ὁ] μακάριος add. FVDel. 9–10 Λέγει αὐτῇ ... κόσμῳ] om. BC 9 Ὄντως, κυρία] om. KHAPRSUEG; μου καλῶς βλέπεις καὶ add. V 9 μακάριοι] ѣсмѣн add. V; εἶμεν καὶ ἡμεῖς add. S; εἶμεν add. KRUEG 9 εἰ γεγόναμεν καὶ ἡμεῖς] η. ε. γ. PR 9 γεγόναμεν καὶ ἡμεῖς] κ. η. γ. AUEG 9 καὶ ἡμεῖς] om. S 9 αὐτῷ] om. UEG 10 ἡ] κυρία add. V 10 κύριε, τοιοῦτοι ἐν τῷ κόσμῳ] ε. τω κ. το. UEG 10 κύριε] om. KHAPRSUEG; μου add. V 10 Λέγει] οὖν add. KHPR 10 ὁ] μακάριος add. FVDel. 11 μου] εἰσίν add. FVKHDel. 11 οὗτοι, οὓς βλέπεις ἐν τῷ χορῷ τῷ ἑνὶ] прьвый ликъ суть сіи, ихже видиши C 11 οὗτοι] γάρ add. FVKHDel. 11 χορῷ τῷ ἑνὶ] ε. χόρῳ H 11 τῷ ἑνὶ] om. EB 11 μελανοφοροῦντας] μελανηφοροῦντας M 11–12 κόσμον καὶ τὸν πλοῦτον] τ. π. τοῦ κόσμου D 11–12 κόσμον καὶ τὸν] om. BC 12 πλοῦτον] и славу, еще же къ симъ add. C 12 συζύγους] и чада add. C 12–13 Καὶ αἱ γυναῖκες αἱ τοῦ ἑτέρου χοροστασίου εἰσὶν] вторый же ликъ, ихже видела еси дѣвица благообразны, сіи суть жены C 12 Καὶ αἱ] A. δὲ FVHDel. 13 χοροστασίου] χόρου, αὗται KH 13 τὸν κόσμον, ἔτι δὲ καὶ τοὺς ἑαυτῶν συζύγους] του. ε. σ. κ. вся мирная (всю мирьскую суету и прелесть C) BC 13 ἔτι δὲ] om. KH 13 τοὺς] om. E 13 συζύγους] συνεύνους V 14 τῷ] Σωτῆρι add. S 14 πυρίμορφοι καὶ VC] om. aliDel. 14 πτερωτοὶ οἱ ἐν τῷ τρίτῳ χόρῳ] ε. τω τρ. χ. π. H 14 οἱ ἐν τῷ τρίτῳ χόρῳ] om. FVOMDAPRSUZGXYBDel. 14 οἱ] om. E 10.14–11.1 εἰσὶν ἄγγελοι] α. ε. UEG; α. τοῦ Θεοῦ ε. KH 14 εἰσιν] οі add. P; святіи add. C

ἄγγελοι, μεθ' ὧν ἀγαλλώμενοι χορεύουσιν». Λέγει αὐτῷ ἡ Ἐπιστήμη· «Καὶ εἰ τοῦτο ποιήσομεν, κύριε μου, καὶ ἐξ ἀλλήλων χωρισθῶμεν, δυνησόμεθα πάντοτε ἀγαλλιᾶσθαι μετ' ἀλλήλων;» Λέγει αὐτῇ ὁ Γαλακτίων· «Δός μοι τῇ ὥρᾳ ταύτῃ συνθήκας, ὅτι ἀκολουθεῖς μοι, καὶ οὐ χωρισθήσομαί σου οὔτε ἐν τῷ νῦν αἰῶνι, οὔτε ἐν τῷ μέλλοντι, τοῦ κυρίου μου Ἰησοῦ Χριστοῦ ποιοῦντος τὸ θέλημα τῶν φοβουμένων αὐτόν». Ἡ δὲ Ἐπιστήμη ὤμοσεν αὐτῷ κατὰ τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ Χριστοῦ, ὅτι «Ἀκολουθήσω σοι, ὅπου ἐὰν πορεύῃ· ἡ θεωρία γάρ σου παραμυθίαν ἀπαθείας μοι παρέχει». Ὁ δὲ Γαλακτίων ἔφη πρὸς αὐτήν· «Εὐχαριστῶ τῷ Θεῷ μου, ὅτι ἔκλινε τὸ οὖς αὐτοῦ ἐν ἡμῖν, καὶ ἐν ἡμέρᾳ περισπασμοῦ καὶ πειρασμοῦ ἡ συμφωνία ἡμῶν σταθήσεται». 5

9. Τούτων οὕτως ἐχόντων, λέγει ὁ ἅγιος Γαλακτίων τῇ ἁγίᾳ Ἐπιστήμῃ· «Ἰδοὺ ἐγὼ πορεύομαι ἐν τῷ οἴκῳ μου· καὶ σὺ εὐτρεπίσθητι ἀποβαλομένη πάντα καὶ διαδοῦσα πτωχοῖς, κἀγὼ ἔσομαι τὰ ὅμοια πράττων, καὶ τῇ ἡμέρᾳ τῇ τρίτῃ ἑνωθέντες πορευσώμεθα ἀμφότεροι, λαβόντες μεθ' ἡμῶν καὶ τὸν Εὐτόλμιον». Ἦν γὰρ κατηχήσας καὶ βαπτίσας με ὁ ἐμὸς κύριος Γαλακτίων καὶ βεβαιωσάμενός με, ἵνα μετ' αὐτοῦ γένωμαι μοναχός. Ὁ δὲ ἐμὸς κύριος Γαλακτίων τῇ ἐπιούσῃ νυκτὶ διέδωκεν ἐκ τοῦ ἰδίου πλούτου τάλαντα διακόσια· ἡ δὲ κυρία 10 15

---

1 ἄγγελοι] Θεοῦ add. V 1 ἀγαλλώμενοι] ἀγαλλιώμενοι ARS 1 χορεύουσιν] во вѣкы add. C 1 ἡ] μακαρία add. FVDel. 1 τοῦτο] не add. BC 1–2 ποιήσομεν] ποιήσω καὶ M 2 κύριέ μου VC] om. aliiDel. 2 μου] om. FDel. 2 ἐξ ἀλλήλων χωρισθῶμεν] χ. ἀπ' α. D 2 ἐξ] ἀπ' KH 2 πάντοτε] πάντες P 3 Λέγει] Ἀπεκρίθη H 3 ὁ] μακάριος add. FVDel. 3 Δός] Ναὶ ἀληθῶς δ. δέ V 3 μοι] om. C; κυρία add. V 3 συνθήκας] κυρία add. FDel. 3 ὅτι ἀκολουθεῖς μοι] om. BC 3 ἀκολουθεῖς] ἀκολουθήσεις V 4 σου] σοι UEG 4 αἰῶνι] τούτῳ add. FDel. 5 τῶν φοβουμένων αὐτόν] их B; нашу C 5 δὲ Ἐπιστήμη] om. B 5 δὲ] μακαρία add. FVDel. 5 Ἐπιστήμη] om. γ 5 αὐτῷ] αὐτὸν UEG 5–6 κατὰ] свѣдѣтелп на се представляя C 6 Κυρίου] ἡμῶν add. DPGC 6 ὅτι] въ всемъ add. C 6 ὅπου ἐὰν πορεύῃ] (ὃ' add. V) ἂν πορεύσῃ FVDel. 6 πορεύῃ] ἀπέρχῃ D 6 ἡ θεωρία γάρ σου] Καὶ μόνη γ. ἡ θ. σ. H 6 γάρ σου] σ. γ. KAS; καὶ μόνη add. K; и глаголаніе блаrы, но add. C 6 θεωρία γάρ] γ. θ. FDel. 6 σου] φησί add. FVDel. 7 παραμυθίαν ἀπαθείας μοι παρέχει] παραμυθία ἀπαθής (om. KH) μ. (μ. α. G; om. P) ὑπάρχει γ 7 ἀπαθείας] и безстрастіе BC 7 Ὁ δὲ] Τότε ὁ μακάριος FVDel.; om. B 7 Εὐχαριστῶ] Εὐχαριστήσωμεν FVOMDDel.; κυρίᾳ add. FVDel. 7–8 Θεῷ μου] ἀγαθῷ καὶ φιλανθρώπῳ ἡμῶν θ. V 8 μου] ἡμῶν FOMDDel.; Иисуса Христа add. C 8 καὶ] ἐλεήσεν ἡμᾶς καὶ γὰρ καὶ V; τῇ χάριτι αὐτοῦ καὶ βοηθείᾳ add. KH 8 περισπασμοῦ καί] om. VOMDSUEZGXYBC 8 καὶ πειρασμοῦ] om. P 10 Τούτων] τοίνυν add. FVDel. 10 ἐχόντων] λεχθέντων FVDel.; καὶ συμφωνηθέντων τῶν μεταλλήλων add. V 10 ἅγιος] μακάριος H; om. O 10 ἁγίᾳ] μακαρίᾳ FVDel.; om. H 10 ἐγὼ] om. S; κυρία add. V 10–11 πορεύομαι] ἀπέρχομαι K 11 μου] о жено add. C, an recte 11 καὶ σὺ] σ. δὲ KHC 11 σὺ] σοι O 11 ἀποβαλομένη] ἀποβαλλομένη F, OMDPSEG 11 πάντα] om. C; σου τὰ κοσμικὰ καὶ πολυτελεῖς ἐσθῆτας add. H 11 διαδοῦσα] διδοῦσα UZG 11 πτωχοῖς] и убогымъ вся стяжанія и богатства твое add. C 12 κἀγὼ] οὖν add. KHAPR 12 ἡμέρᾳ τῇ τρίτῃ] τρ. η. FDel. 12 τῇ] om. U 12 ἑνωθέντες πορευσώμεθα] ἑνονώμεθα καὶ πορευθῶμεν D 12 πορευσώμεθα] πορευώμεθα O; πορευθῶμεν H; πορευθώμενοι K; οἱ add. APRSUZG 12–13 ἀμφότεροι] ὅπου ἡμὰς Κύριος ὁ θεὸς ἡμῶν κατευδώσει add. H 13 μεθ' ἡμῶν καὶ τὸν Εὐτόλμιον] κ. τ. Ε. μ. η. H 13 γὰρ] κἀμὲ add. H 13 βαπτίσας] καὶ add. K 13–14 ἐμὸς κύριος] κ. μου FVHDel.; блаженный BC; om. D 14 καὶ] съ всею истиною add. BC, an recte? 14 μετ' αὐτοῦ] συν αὐτῷ H 14 Ὁ δὲ ἐμὸς κύριος] καὶ ο μὲν κ. μου FVDel.; ἀπελθὼν τοίνυν ἐν τῷ ἑαυτοῦ οἴκῳ ο μακάριος K 14 ἐμὸς κύριος] блаженный C; om. MDB 15 διέδωκεν] δέδωκεν FVKHAPRDel.; τοῖς πτωχοῖς add. KHA 15 ἐκ τοῦ ἰδίου πλούτου τάλαντα διακόσια] πάντα τὰ ὑπάρχοντα αὐτῷ πτωχοῖς (om. O) FVODel. 15 πλούτου] οἴκου H; нищимъ и убогымъ add. C 15 τάλαντα διακόσια] λίτρας διακόσιας M; χρύσιον ἱκανὸν D; χρυσίου add. H; αἱ ἄλλα τινὲ ἐκ τῶν ὑπαρχόντων τοῖς χρήζουσιν ἀφθόνως διένειμεν add. K 15 τάλαντα] χρυσοῦ add. K 15 διακόσια] двадцать BC 15 ἡ δὲ] ὁμοίως (ὡσαύτως K) δὲ καὶ η FVKHDel. 11.15–12.1 κυρία μου] om. MDBC

μου Ἐπιστήμη ζώνας δύο, ὁρμίσκον ἕνα, ἐνώτια τέσσαρα, ψέλλια περιδέραια καὶ ἁπλῶς εἰπεῖν πάντα αὐτῆς τὸν στολισμὸν διένειμε πένησιν. Καὶ τῇ νυκτὶ ἀπάραντες ἐπορεύθημεν, καὶ μετὰ δέκα ἡμέρας κατηντήσαμεν εἰς τὸ ὄρος Πούπλιον. Κἀκεῖ ἦσαν μοναχοὶ τὸν ἀριθμὸν δυοκαίδεκα, ἔχοντες ἀπὸ μήκοθεν αὐτῶν ἀδελφὰς πάνυ γραΐδας τέσσαρας, οὕστινας ἀνιχνεύσαντες ἐκρούσαμεν καὶ τὸν σκοπὸν ἡμῶν εἰρηκότες, ἐδέξαντο ἡμᾶς οἱ ἄνδρες καὶ ἀπέκειραν ἡμᾶς, τὴν δὲ κυρίαν μου Ἐπιστήμην ἀπέστειλαν εἰς τὸ ἀσκητήριον τῶν ἁγίων γυναικῶν. Ἡ δὲ καταδεξαμένη ἀπῆει εὐχαριστοῦσα τῷ Θεῷ· ἡμεῖς δὲ κατελείφθημεν εἰς τὸ τῶν μοναχῶν καταγώγιον.

10. Τὰ δὲ τῆς ὑποταγῆς καὶ ἀσκήσεως τοῦ κυρίου μου Γαλακτίωνος πῶς ἐξείπω; Οὐκ αὐταρκεῖ γάρ μου ἡ γλῶσσα ἢ τὰ χείλη διηγήσασθαι τοὺς πόνους καὶ τοὺς μόχθους, οὕσπερ

---

1 Ἐπιστήμη] διέδωκε καὶ αὐτὴ add. D; δέδωκε H; τοῖς πένησιν ἅπαντα τὸν ἑαυτῆς στολισμὸν add. KH 1–2 ζώνας ... πένησιν] om. O 1 δύο] πολυτελεῖς add. KA 1 ἕνα] и усерязи add. C 1 τέσσαρα, ψέλλια] ζυγὰς τέσσαρας ψ. καὶ MD 1 τέσσαρα] διὰ χρυσοῦ καὶ μαργαρίτου κατεσκευασμένα add. H 2 πάντα αὐτῆς τὸν στολισμὸν] ὅλον α. τ. κόσμον K 2 αὐτῆς τὸν στολισμὸν] τ. σ. α. Z 2 στολισμὸν] многоценную add. C 2 διένειμε] τοῖς add. HEZ 2 πένησιν] птωχοῖς KH; маломощнымъ B; καὶ ὀρφανοῖς add. V; и убогымъ add. C 2–3 Καὶ τῇ νυκτὶ ἀπάραντες ἐπορεύθημεν, καὶ] τῇ δὲ τρίτῃ ἡμέρᾳ ἐνωθέντες καὶ πάλιν τὰ εἰκότα συμβουλευσάμενοι ἐξήλθομεν νυκτός, μηδενὸς ἄλλου εἰδότος. Καὶ τῆς ὁδοιπορίας ἠρξάμεθα ἐγώ τε ὁ ἁμαρτωλὸς Εὐτόλμιος καὶ οἱ τιμιώτατοι δεσπόται καὶ κύριοί μου Γαλακτίων ὁ μακαριώτατος καὶ ἡ σύζυγος αὐτοῦ ἁγία Ἐπιστήμη. Καὶ δὴ περιπατήσαντες εὐψύχως κατὰ τὸ ἡμῖν δυνατὸν K 2 Καὶ] τρίτῃ add. D; тою add. B(C) 2 τῇ νυκτὶ] om. O 2 ἀπάραντες] ἐπάραντες A 2 ἐπορεύθημεν] πορευθέντες D 3 μετὰ δέκα ἡμέρας κατηντήσαμεν] διὰ δ. ἡμερῶν κ. FVDel.; διὰ ἡμερῶν δ. ἐφθάσαμεν καταντήσαντες K 3 μετὰ δέκα] διὰ ἡμερῶν δ. H 3 δέκα] осмь C(B) 3 ὄρος] τὸ καλόμενον add. KH 3 Πούπλιον] Πουπλείου U; Πλείω EZGXY; Πόπλιον KHAPR 3 Κἀκεῖ ἦσαν μοναχοὶ] Ἐν ᾧ ὑπῆρχεν ἀσκητήριον ἀνδρῶν εὐλαβῶν καὶ δούλων Θεοῦ KH 3 Κἀκεῖ ἦσαν] H. δὲ ἐκεῖ FVDel. 3 Κἀκεῖ] Καὶοἱ P 3–4 τὸν ἀριθμὸν] om. E 4 δυοκαίδεκα] δώδεκα KH 4 ἔχοντες ἀπὸ μήκοθεν αὐτῶν ἀδελφὰς πάνυ γραΐδας τέσσαρας] om. KH 4 μήκοθεν] μακρόθεν A 4 πάνυ] om. R 4 οὕστινας] ἐρευνήσαντες καὶ add. V; ѝвкако add. BC 5 ἐκρούσαμεν καὶ τὸν σκοπὸν ἡμῶν εἰρηκότες] καὶ εὑρόντες συνετύχομέν τε καὶ τὰ τοῦ ἡμετέρου σκοποῦ ἀνεθέμεθα KH 5 ἐκρούσαμεν] εὕρομεν καὶ κρούσαντες FVDel.; во врата add. Ç 5 καὶ τὸν σκοπὸν] om. Z 5 εἰρηκότες] εἰρηκότων VO; рассмотривше BC; αὐτοῖς add. FKHDel.; αὐτοὺς add. V 5 ἐδέξαντο ἡμᾶς οἱ ἄνδρες] Ἐκεῖνοι τοίνυν οἱ θεοφιλεῖς καὶ χριστομίμητοι ἄνδρες ἀποδεξάμενοι τὰ τῆς προθέσεως ἡμῶν (om. K) καὶ τὰ εἰκότα τῷ Θεῷ εὐχαριστήσαντες, τῷ παντὶ τῷ προαιρουμένῳ τὸ ἀγαθὸν συνεργοῦντι φιλανθρώπως (σ. φ. τω π. α. τ. πρ. το α. H) KH 5 οἱ ἄνδρες] om. C 5 οἱ] τίμιοι καὶ ἅγιοι add. FVDel. 5 ἄνδρες] om. Z; ἐκεῖνοι μετὰ χαρᾶς add. FVDel. 5–6 καὶ ἀπέκειραν ἡμᾶς] η. ἀπέκειραν οἱ θεοφιλεῖς ἄνδρες καὶ παρ' ἑαυτοῖς κατέσχον συνδιάγειν (σ. κ. H) ὑπεδέξαντο ἡμᾶς φιλοφρόνως. Εἶχον δὲ οὗτοι οἱ μακάριοι ἀσκηταὶ ἀπὸ μήκοθεν αὐτῶν τέσσαρας ἀδελφὰς γραΐδας, ἀσκητικὸν καὶ αὐτὰς ἐχούσας βίον καὶ κατ' οὐδένα τρόπον αὐτῶν ἀπολειπομένας KH 6 μου] om. D 7 καταδεξαμένη] περιχαρῶς KH 7 Θεῷ] Κυρίῳ PSUEG 7–8 ἡμεῖς δὲ κατελείφθημεν εἰς τὸ τῶν μοναχῶν καταγώγιον] om. KH 7 ἡμεῖς δὲ] καὶ η. AR 7 δὲ] om. G 7 κατελείφθημεν] ἀπῄειμεν ODAPSUEZGXY; ἀπιμεν M; ἀπίειμεν R 9 ὑποταγῆς καὶ] om. B 9 καὶ] τῆς add. FVODel. 9 ἀσκήσεως] повиновеніе BC 9 τοῦ κυρίου μου] om. C 9 κυρίου] κυροῦ O; ἁγίου MD 9 μου] om. OMD 9 Γαλακτίωνος] om. APREG 9 ἐξείπω] ἐξειπεῖν δυνήσομαι KH; ἀγαπητοὶ add. V; убогый add. C 10 αὐταρκεῖ] εὐταρκεῖ FMDRSZ; εὐταρακεῖ P; ἐπαρκεῖ V; ἐπαρκούσῃ O; ἐξαρκεῖ AKH 10 γάρ μου ἡ γλῶσσα ἢ τὰ χείλη διηγήσασθαι] μοι πλῆθος χαρτίων γράψαι (προσ ἀναγραφὴν K) KHAPRSUEZGXY 10 γάρ μου] μου γ. MD 10 γάρ] om. OB 10 μου] μοι H 10 ἡ γλῶσσα ἢ] om. O 10 γλῶσσα] γλῶττα V 12.10–13.1 τοὺς πόνους καὶ τοὺς μόχθους, οὕσπερ ἐνεδείξατο] τῶν τοσούτων αὐτοῦ πόνων καὶ μόχθων KH 10 καὶ] ἢ O 10 τοὺς] om. APRSUE 10 μόχθους] и спѣхы add. C 12.10–13.1 οὕσπερ ἐνεδείξατο] αὐτοῦ APRSUEZGXY

ἐνεδείξατο. Ἤσθιε γὰρ ἐν δυσὶν ἔτεσιν ἀπὸ σαββάτου εἰς σαββάτον· ἠγρύπνει δὲ τοσοῦτον, ὥστε ὁρᾶσθαι αὐτὸν ἐν εἴδει νεκροῦ· ἔψαλλέ τε τὰς ἑωθινὰς αὐτοῦ καὶ νυκτερινὰς εὐχὰς ἀδιαλείπτως, πρώτην, τρίτην, ἕκτην, ἑνάτην καὶ τὰ ἑσπερινὰ αὐτοῦ. Καὶ ποῖος ἂν ἐφίκοιτο λόγος τῶν τούτου ἀγωνισμάτων· τοὺς πόνους αὐτοῦ τίς ἐξιχνιάσει, τοὺς μόχθους αὐτοῦ τίς ἐκμετρήσει, τοὺς ὀδυρμοὺς αὐτοῦ τίς συγγράψεται; Τοσοῦτον δὲ εἰς ἀγνείας ἦλασεν ἀρετήν, ὥστε μὴ ἰδεῖν χαρακτῆρα γυναίου τὰ ἓξ ἔτη τῆς ἀσκήσεως αὐτοῦ· πολλάκις γὰρ οἱ ἅγιοι ἐκεῖνοι γέροντες παρεκάλουν αὐτὸν λέγοντες· «Ἐλθὲ μεθ' ἡμῶν καὶ θέασαι τὴν κυρίαν τὴν διάκονον, ὅτι ἐνενηκοστὸν ἄγει ἔτος ἐν τῷ σχήματι· ὡσαύτως δὲ ὁρᾷς καὶ τὴν ἀδελφὴν Ἐπιστήμην». Καὶ οὐκ ἠνείχετο ὁ κύριός μου λέγων, ὅτι «Ἕως καιροῦ ἀναγκαίου οὐκ ὄψομαι αὐτήν».

11. Ἐγένετο δὲ κατὰ τοὺς καιροὺς ἐκείνους διωγμὸς μέγας τῶν χριστιανῶν, καὶ πάντες ἠναγκάζοντο θύειν τοῖς δαίμοσιν. Ἀπελθών δέ τις ἀπήγγειλε τῷ ἄρχοντι Οὔρσῳ τὰ περὶ τῶν ἐν Σινᾷ ὄρει καθεζομένων μοναχῶν, ὅτι «Τὸν Χριστὸν θεὸν ὁμολογοῦσι καὶ τοὺς θεοὺς ἡμῶν

---

1 γὰρ] же BC 1 ἐν δυσὶν ἔτεσιν] om. V 1 ἐν] om. O; τοῖς add. OMD 1 σαββάτου] σάββατον UEZGXY 1 εἰς σαββάτον] ἕως σαββάτου O; om. B; блаженный add. C 1 σαββάτον] σαββα sic! S 1 ἠγρύπνει δὲ τοσοῦτον] om. HAPR 1 δὲ] τε SUG; om. Z 1 τοσοῦτον] om. K 2 ὁρᾶσθαι αὐτὸν ἐν εἴδει νεκροῦ] безплотна его и невещественна мнѣти живущимъ с нимъ братіамъ C 2 ὁρᾶσθαι] мнѣти BC 2 αὐτὸν ἐν εἴδει νεκροῦ] τὸ εἶδος τῆς ὄψεως οὐδὲν τὸ παράπαν νεκροῦ διαφέρον K 2–3 ἔψαλλεν ... αὐτοῦ] ἐν ᾠχῇ δὲ καὶ ψαλμῳδίᾳ τοσοῦτον ἑαυτὸν ἐβίαζεν, ὥστε πᾶσαν τὴν νύκτα ἐν τούτοις διατελεῖν· ταπείνωσιν δὲ τοσαύτην ἐκτήσατο, ὡς μηδένα τῶν λοιπῶν κατ' αὐτὸν εἶναι ταπεινόφρονα καὶ πρᾷον KH 2 τε] δὲ O; om. Z 2 ἑωθινὰς αὐτοῦ καὶ νυκτερινὰς εὐχὰς] ε. κ. ν. P 2 αὐτοῦ καὶ νυκτερινὰς] ν. κ. ε. Z 2 αὐτοῦ καὶ νυκτερινὰς] κ. ν. α. O 2 αὐτοῦ] om. B 2 νυκτερινὰς] вечерняя BC 3 πρώτην ... αὐτοῦ] om. O 3 πρώτην] τε add. A 3 τρίτην, ἕκτην, ἑνάτην] τε (καὶ G) τ. καὶ ε. καὶ ε. PRSUG 3 τρίτην] καὶ add. A 3 ἕκτην, ἑνάτην] om. E 3 ἕκτην] καὶ add. DA 3 τὰ ἑσπερινὰ αὐτοῦ] τὸν ἑσπερινόν E; τὰς ἑσπερινὰς Z 3 αὐτοῦ] om. C, an recte 3 Καὶ ποῖος] Τίς οὖν KH 3 ἂν] om. H 4 λόγος] πρὸς διήγησιν add. KH 4 τῶν τούτου ἀγωνισμάτων] того C; похвалити add. BC 4 τούτου] ἀρετῶν καὶ add. FVDel. 4 ἀγωνισμάτων] ἀγωνήσεως Z; hic expl. O 4 πόνους] же и болѣзни add. C 4 ἐξιχνιάσει] ἐξιχνιάσοι P; или скажетъ add. C 4 μόχθους] πόνους S; же add. B 4–5 αὐτοῦ τίς ἐκμετρήσει] om. Z 4 αὐτοῦ] и спѣхы add. C 5 ἐκμετρήσει] ἐκμετρεῖ M 5 αὐτοῦ] безпрестанный add. C 5 τίς συγγράψεται] om. E 5 συγγράψεται] συγγράψηται P; εἷς K 5 Τοσοῦτον δὲ εἰς] E. τ. δ. H 5 εἰς] om. VAPSG 5 ἦλασεν] εἰς add. V 5 ἀρετήν] om. KH 6 ὥστε] οὐ add. E 6 μὴ] καταδέξασθαι add. H 6 γυναίου] γυναικὸς FVDel. 6 ἀσκήσεως αὐτοῦ] αυ. ασ. E 7 ἐκεῖνοι γέροντες] γ. ε. FDel. 7 ἐκεῖνοι] om. PB 7 γέροντες] отцы BC 7 παρεκάλουν αὐτὸν λέγοντες] ἔλεγον αὐτῷ UEZGXY 7 παρεκάλουν αὐτὸν] om. C 7 Ἐλθὲ] Ἄπελθε MDS 7 τὴν κυρίαν] om. BC 8 ὅτι] ἐπὶ γὰρ πνευματικῇ τῷ ὄντι H 8 ἄγει ἔτος] ε. α. MKAPR; ἤδη ε. ἄγουσα H 8 ἀδελφὴν] свою add. C 9 Καὶ] Ὁ δὲ V; om. K 9 ἠνείχετο] ἠνέσχετο VG; ἠνέχετο MPU; οὖν add. KH; τοῦτο ποιῆσαι add. H 9 ὁ κύριός μου] ο μακάριος H; om. FVDel.; Галактіонъ add. C 9 οὐκ ὄψομαι] οὐχ ὄψομαι P; οὐκόψομαι M 10 αὐτήν] αὐτὰς MDKHAPRUEZG 11 μέγας] тяжко B; om. HE; κατὰ add. FVDel. 12 ἠναγκάζοντο] παρὰ τῶν Ἑλλήνων, μοναχοί τε καὶ κοσμικοὶ καὶ θεοσεβεῖς add. K 12 δαίμοσιν] εἰδώλοις KHZ 12 Ἀπελθὼν δέ τις ἀπήγγειλε τῷ ἄρχοντι Οὔρσῳ] Ἦν δὲ ἐν τοῖς τόποις ἐκείνοις τοτὲ ἀποσταλεὶς ἄρχων ὀνόματι Οὔρσος, ἀνὴρ δυσσεβὴς καὶ παρανομώτατος, ὅστις μαθὼν KH 12 Ἀπελθὼν] Ἐλθὼν APRUEZGXY 12 ἀπήγγειλε] ἀνήγγειλε R 12 τῷ ἄρχοντι Οὔρσῳ] τὸν ἄρχοντα Οὔρσον U 13 Σινᾷ] τῷ Ποπλίῳ add. H; τῷ add. V 13 Χριστὸν] μὲν add. KH 13 Θεὸν] om. FVMDPRSUEZGXYBDel.; εἶναι ἀληθινὸν add. KH 13 καὶ τοὺς θεοὺς ἡμῶν] τὰ εἰδώλα δὲ δαίμονας ἀποκαλοῦντες KH

δυσφημοῦσιν». Ἀπέστειλε οὖν ὁ ἄρχων φάλαγγα στρατιωτῶν πρὸς τὸ συλλαβεῖν πάντας τοὺς ἐκεῖσε ὄντας μοναχοὺς καὶ ἐνέγκαι πρὸς τὸ κριτήριον. Τῇ οὖν νυκτὶ ἐκείνῃ, ἐν ᾗ συλληφθῆναι ἔμελλον οἱ ἅγιοι, ὁρᾷ ἡ μακαρία Ἐπιστήμη ὄναρ τοιοῦτον· ἐδόκει γὰρ ἑστάναι ἐν τῷ παλατίῳ μετὰ τοῦ ἀνδρὸς αὐτῆς Γαλακτίωνος καὶ στεφανοῦσθαι ὑπὸ τοῦ βασιλέως. Ἀποστείλασα δὲ ἔωθεν προσκαλεῖται τὸν γέροντα, ὃς ἦν ἡγούμενος τοῦ ἁγίου Γαλακτίωνος, καὶ διηγήσατο αὐτῷ πάντα, ὅσα κατ' ὄναρ ἐθεάσατο, παρακαλέσασα αὐτὸν δοῦναι αὐτῇ καὶ τὴν λύσιν τῆς ὁράσεως. Ὁ δὲ γέρων ἔφη αὐτῇ· «Τὸ παλάτιον, τέκνον, ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν ἐστιν· οἱ στέφανοι πόνων καὶ ἀγώνων εἰσὶν ἀμοιβαί· ὁ δὲ βασιλεύς ἐστιν ὁ Χριστός, δι' ὃν πολλὰ ὑπομενεῖτε σύ τε καὶ ὁ κύριος Γαλακτίων βασανιστήρια ὑπὸ τοῦ ἄρχοντος Οὔρσου. Μὴ οὖν λειποτακτήσῃς, πολλὰ γάρ σε μένουσιν ἀγαθά». Ἡ δὲ τὸν χρησμὸν τοῦ ὀνείρατος δεξαμένη ηὐχαρίστησε τῷ Θεῷ.

---

1 δυσφημοῦσιν] βλασφημοῦσιν FKHAPRDel.; λοιδωροῦσι X 1 Ἀπέστειλε οὖν ὁ ἄρχων] Καὶ ταῦτα ἀκούσας ο παράνομος αρ. εὐθέως απ. V 1 Ἀπέστειλε οὖν] Καὶ εὐθέως α. FVDel.; Καὶ α. PR 1 Ἀπέστειλε] Πέμπει KH; Ἀποστείλας E 1 οὖν] δὲ A; om. H 1 ὁ ἄρχων AC, cf. V] om. aliiDel. 1 φάλαγγα στρατιωτῶν] στρατιώτας Z 1 φάλαγγα] φάλαγγας MDUEGXY; om. Z 1 τὸ] въскоре add. C 1 συλλαβεῖν] συλλαβέσθαι DR 1 πάντας] ἅπαντας V; om. D 1–2 τοὺς ἐκεῖσε ὄντας μοναχοὺς] om. H 2 ὄντας] om. A 2 καὶ ἐνέγκαι πρὸς τὸ κριτήριον] om. E 2 ἐνέγκαι πρὸς τὸ κριτήριον] τῷ αὐτοῦ κριτηρίῳ παραστῆσαι KH; παραστ..σθαι τῷ βήματι αὐτοῦ Z; Προσέταξε δὲ καὶ τούτους συλληφθῆναι τοὺς ἀσκήτας, μεθ' ὧν ἦμεν καὶ ἡμεῖς, ἐγώ τε καὶ ὁ κύριος μου Γαλακτίων add. KH 2 ἐνέγκαι] αὐτοὺς add. FVDel. 2 πρὸς] εἰς FVDel. 2–3 συλληφθῆναι ἔμελλον] ε. κατασχεθῆναι KH 3 ἔμελλον] ἤμελλον MDPUEG; ἔμιλλων R 3 οἱ ἅγιοι] om. VKHAPREZXY; и B; блаженнаго Галактіона C 3 μακαρία] святая BC 3 ὄναρ τοιοῦτον] κατ' ο. E 3 γὰρ] om. HBC; αὐτὴν add. E 3 τῷ] om. M 3 παλατίῳ] прекрасно село add. C 4 καὶ] μετ' αὐτοῦ add. FVDel. 4 στεφανοῦσθαι] μετ' αὐτοῦ add. ARE; ὑπ' α. add. GXY; αὐτοὺς add. KH 4–5 Ἀποστείλασα δὲ ἔωθεν προσκαλεῖται] Καὶ τῇ ε. α. FVDel. 4 Ἀποστείλασα] πέμψασα KH 4 δὲ] οὖν KHAPR 5 προσκαλεῖται] προσεκαλέσατο DXZ; παρακαλεῖται KH 5 ὃς ἦν ἡγούμενος τοῦ ἁγίου Γαλακτίωνος] τον του Γ. ἡγούμενον παραγενέσθαι πρὸς τὸ ἀσκητήριον τῶν ἁγίων γυναικῶν ἐκείνων (ε. γ. H) KH 5 ἁγίου] κυρίου μου FVDel. 5 καὶ] ὁ δὲ V; ἐλθόντα add. FDel.; ἐλθὼν add. V; ἐλθόντος αὐτοῦ add. KH 5 διηγήσατο] διηγεῖται FVDel.; διηγεῖτο K 6 αὐτῷ] αὐτὸν U; ἡ Ἐπιστήμη add. KH 6 πάντα] om. MD 6 κατ' ὄναρ ἐθεάσατο] ε. κ. ο. KH 6 παρακαλέσασα] παρακαλοῦσα FADel.; παρακαλέσας UEZGXY; παρεκάλεσα M; παρεκάλευσε K; παρακαλεῖαι H 6 αὐτὸν] αὐτῷ MDPE; ю B; много старца C 6 δοῦναι αὐτῇ καὶ τὴν λύσιν] сказати B 6 αὐτῇ] s. l. E; αὐτὴν VM 6 καὶ] om. H 6–7 τῆς ὁράσεως] τῶν ὁραθέντων KH 7 δὲ] ὄντως (add. V) τίμιος καὶ ἅγιος add. FVDel.; τιμιώτατος add. KH 7 γέρων] ἐκεῖνος add. FVDel.; πνεύματι ἁγίῳ ἐμφορούμενος add. KH 7 ἔφη αὐτῇ· «Τὸ παλάτιόν, τέκνον, ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν ἐστιν] ἔκλαυσε καὶ ἐστέναξεν, εἶτα λέγει αὐτῆς (sic!)· «Ὦ Ἐπιστήμη, το π. εσ. η β. των ο. καὶ G 7 ἔφη] λέγει FVMKHDel. 7 Τὸ παλάτιόν, τέκνον] Те., т. п. FVDel. 7 παλατίόν] прекрасна add. C 7 τέκνον] мое add. C 7 ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν ἐστιν] ε. η ... ο. FVKDel. 7 οἱ] δὲ add. FVKCDel. 8 στέφανοι] τῶν add. KH 8 πόνων καὶ ἀγώνων] καμάτων καὶ πόνων Z 8 ἀγώνων] καμάτων GXY 8 εἰσὶν] om. FDel. 8 ὁ δὲ] καὶ ο G 8 δὲ] om. γ 8 βασιλεύς] ὑφ' οὗ στεφανοῦσθε Z 8 Χριστός] ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ (τοῦ ζῶντος add. V) add. FVDel. 9 ὑπομενεῖτε] ὑπομένετε UE; ὑπομείνητε M 9 σύ τε καὶ ὁ κύριος Γαλακτίων βασανιστήρια ὑπὸ τοῦ ἄρχοντος Οὔρσου] β. ... Ο., σ. τε κα. (ὁ σὸς ἀδελφὸς add. H) κυ. Γ. KH 9 σύ τε καὶ ὁ κύριος Γαλακτίων] σὺν τῷ κύρι Γαλακτίωνι Z 9 τε] om. D; τέκνον M; чадо мое add. C 9 κύριος] κύριος G; om. BC 9 Γαλακτίων] пріимете add. C 9 βασανιστήρια] om. X 9 οὖν] γε δειλιάσῃς, τέκνον, μηδὲ KH 10 λειποτακτήσῃς] λυποθυμήσας Z; τέκνον add. FVDel.; възлюбленная add. C 10 πολλὰ γάρ σε μένουσιν ἀγαθά] πρόσκαιροι γὰρ αἱ βάσανοι καὶ αἰωνίων ἀγαθῶν ἀπολαύσεις καὶ ἀμοιβαί KH 10 ἀγαθά] βάσανα MD; неизреченнаа веселія C 10 ὀνείρατος] ὀνείρου K 11 τῷ Θεῷ] τὸν Θεόν, τὸν δοτῆρα τῶν ἀγαθῶν FDel.; τῷ δοτῆρι τ. ἀγ. add. V; ἦν γὰρ καὶ αὐτὴ πολλῆς ἀσκήσεως ἐχομένη add. KH

12. Φθασάντων οὖν τῶν στρατιωτῶν καὶ ἐν ἐκείνῳ τῷ ὄρει, ἔνθα ἠσκοῦντο οἱ δύο φωστῆρες, οἱ μεγάλοι Γαλακτίων καὶ Ἐπιστήμη, εὗρόσαν τὸν ἅγιον Γαλακτίωνα ἀναγινώσκοντα τὰ τοῦ Θεοῦ λόγια, οἱ γὰρ λοιποὶ τῶν μοναχῶν ἔφυγον. Κρατήσαντες δὲ μόνον τὸν Γαλακτίωνα, ἔσυρον ἐπὶ τὸ κριτήριον· ὁ δὲ ἠκολούθει ὡς πρόβατον ἐπὶ σφαγήν. Ἡ δὲ μακαρία Ἐπιστήμη ἐπάνωθεν τοῦ ὄρους κρυπτομένη μετὰ καὶ ἑτέρων παρθένων ἤκουσεν, ὅτι ὁ κύ- 5
ριος αὐτῆς Γαλακτίων ἀπάγεται δεδεμένος ἐπὶ τὸν ἄρχοντα τοῦ τυθῆναι, καὶ πεσοῦσα πρὸς τοὺς πόδας τῆς διακόνου φησὶν πρὸς αὐτήν· «Εὖξαι ὑπὲρ ἐμοῦ, δέσποινά μου· ἰδοὺ γὰρ ἀλγεῖ μου ἡ καρδία, ὅτι τὸν κύριόν μου Γαλακτίωνα ἦραν οἱ θεομάχοι πρὸς τὸν ἀσεβέστατον ἄρχοντα. Καὶ ἰδοὺ πορεύομαι κἀγώ, ἵνα σὺν αὐτῷ τελειωθῶ». Λέγει αὐτῇ ἡ διάκονος· «Μή, 10
τέκνον μου Ἐπιστήμη, μὴ ἀπέλθῃς, μήπως οὐχ ὑπομείνῃς τὰ βασανιστήρια καὶ ἀρνήσῃ τὸν
Χριστόν, μολύνῃς δὲ καὶ τὴν παρθενίαν σου». Λέγει ἡ ἁγία πρὸς τὴν διάκονον· «Μὴ γένοιτό μοι μεῖναι ὄπισθεν τοῦ κυρίου μου Γαλακτίωνος· δι' αὐτοῦ γὰρ ἔγνων τὸν Χριστὸν Θεὸν ὄντα ἀληθινόν. Δι' αὐτὸν κατέλιπον πάντα· πλοῦτον, γονεῖς καὶ πᾶσάν μου τὴν περιουσίαν, ἵνα

---

1 οὖν] δὲ FVAPRDel.; τοίνυν KH 1 τῶν] τοῦ ἄρχοντος add. KH 1 καὶ] bis U: om. EZGXYBC 1 ἐκείνῳ τῷ] τ. ῥηθέντι H 1 ἐκείνῳ] τούτῳ K; om. C 1–2 ἠσκοῦντο οἱ δύο φωστῆρες, οἱ μεγάλοι Γαλακτίων καὶ Ἐπιστήμη] τὴν οἴκησιν εἴχομεν Z 1 ἠσκοῦντο] ἤσκουν καὶ V; ἤσκουν DE; κατώκουν S 1 δύο] οὗτοι add. KHBC 2 οἱ μεγάλοι] om. KH 2 εὗρόσαν τὸν ἅγιον Γαλακτίωνα] ἔφυγον μὲν πάντες οἱ λοιποὶ (σὺν τῷ Γαλακτίωνι ὄντες H) μοναχοί, μόνον δὲ τοῦτον (τὸν Γαλακτίωνα K) εὑρόντες οἱ στρατιῶται καθήμενον (καθεζόμενον H) καὶ KH 2 εὗρόσαν] εὗρον FVREDel.; ηὗρον P 2 τὸν ἅγιον Γαλακτίωνα] αὐτὸν DMAPRSUEGXYB 2 ἅγιον] κύριόν μου FVDel. 3 τοῦ Θεοῦ] θεῖα V 3 λόγια] μεγαλεῖα FADel. 3 γὰρ] δὲ M 3 λοιποὶ τῶν μοναχῶν] μοναχοὶ λ. Z 3 ἔφυγον] πάντες add. FVDel.; Воини add. C 3–4 Κρατήσαντες δὲ μόνον τὸν Γαλακτίωνα] Ἐκράτησαν δὲ καὶ H 3–4 μόνον τὸν Γαλακτίωνα] τ. ὅσιον Γ. μ. (om. V) FVDel. 3 μόνον] om. D 3 τὸν] ὅσιον add. MD 4 ἔσυρον] αὐτὸν add. V 4 ἐπὶ τὸ κριτήριον] πρὸς τὸν ἄρχοντα Οὔρσον H 4 ὁ δὲ ἠκολούθει] ἡ. ὃ. ὁ μακάριος H 4 ὁ δὲ] om. Z 4 πρόβατον ἐπὶ σφαγήν] ἀρνίον ἀγόμενον τοῦ θυεῖσθαι Z 4–5 Ἡ ... παρθένων] Ἀλλὰ καὶ ἀσκήτριαι φυγοῦσαι ἐκρύπτοντο ἐπάνω τοῦ ὄρους ἅμα Ἐπιστήμης H 5 ἐπάνωθεν] ἐπάνω FVAPRDel. 5 ὄρους] ἦν add. FVAPRDel. 5 κρυπτομένη] κεκρυμμένη R 5 παρθένων] καὶ ὡς add. FVDel.; ὡς δὲ add. H; διὰ τὸν φόβον τῶν στρατιωτῶν add. D: внезапу add. C 5 ἤκουσεν] ἡ μακαρία αὕτη add. H; δὲ add. A; τε add. R 5–6 κύριος] κύρις H 6 αὐτῆς] om. KH 6 Γαλακτίων] om. E; κατεσχήθη ὑπὸ τῶν στρατιωτῶν add. H 6 ἀπάγεται δεδεμένος] δ. ἀ. DH 6 ἀπάγεται] ἀπέρχεται FVDel. 6 δεδεμένος] δέσμιος R 6 ἐπὶ τὸν ἄρχοντα] om. D 6 ἐπὶ] πρὸς H 6 τοῦ τυθῆναι] εὐχόμενος καθ' αὑτὸν καὶ εὐχαρίζων τῷ Θεῷ Z 6 τοῦ] мукы и add. C 6 τυθῆναι] τυφθῆναι corr. FDel.; θῆναι GXY 6 καὶ] om. FVDel. 6 πρὸς] παρὰ FVDel.; πρὸ H 7 διακόνου] καὶ add. E; нама (?) add. B 7 φησὶν] λέγει FHDel. 7 πρὸς αὐτήν] αὐτῇ H 7 μου] καὶ μητὲρ πνευματική add. H; молися add. C 7 ἰδοὺ γὰρ] ὅτι Z 7 γὰρ] om. G 8 καρδία] πάνυ add. FVDel. 8 μου] om. MX 8 ἦραν] ведоша BC 8 οἱ θεομάχοι πρὸς τὸν ἀσεβέστατον] к богоборному и нечестивому BC 8 ἀσεβέστατον] παράνομον καὶ α. FDel.; α. κ. π. V 9 ἄρχοντα] и сего ради болѣзную сердцемъ add. C 9 Καὶ ἰδοὺ πορεύομαι] Π. δὲ Z 9 τελειωθῶ] τελευτήσω APRUEGXY; ἀποθάνω H; ἀποθανοῦμαι Z; теченіе свое add. C 9 Λέγει] οὖν add. KHAPR 9 αὐτῇ] πρὸς αὐτὴν Z 9 Μή] om. C 10 Ἐπιστήμη] om. Z 10 μὴ] om. V 10 τὰ βασανιστήρια] τὰς βασάνους KPR; τὰ βάσανα Z 10 καὶ] om. BC 10 ἀρνήσῃ] μὲν add. H 11 μολύνῃς] погубишп C 11 τὴν παρθενίαν σου] ἁγνείαν τοῦ σώματος καὶ ἔσῃ κατάγελος δαίμοσιν. Καὶ H 11 Λέγει] πάλιν add. H 11 ἡ ἁγία] δὲ Z 11 ἁγία] Ἐπιστήμη H; Епистимія add. C 11 πρὸς τὴν διάκονον] om. H 11 γένοιτό] γὸο add. C 12 μεῖναι] εἶναι MD 12 ὄπισθεν] кромѣ C 12 Γαλακτίωνος] ὥραν μίαν add. FVDel. 12 δι'] ἐξ Z 12 τὸν] om. E; Господа моего Инсуса add. C 12 Θεὸν] моего add. B 12–13 ὄντα ἀληθινὸν] α. ο. GXY; и превѣчна add. C; καὶ δημιουργὸν πάσης πνοῆς add. FVDel. 12 ὄντα] om. Z 13 κατέλιπον πάντα] π. κ. H 13 πάντα] славу add. C 13 πλοῦτον] bis X 13 γονεῖς] κτήματα add. FVDel. 13 μου] om. Z; наслѣдіе add. C 13 περιουσίαν] πολλὴν οὖσαν σφόδρα add. FVDel.

μὴ χωριστῶ αὐτοῦ μήτε ἐν τῷ νῦν αἰῶνι, μήτε ἐν τῷ μέλλοντι». Λέγει αὐτῇ ἡ διάκονος· «Γένοιτό σοι, τέκνον, ἡ ὁδὸς ἐν πᾶσιν εὐλογητή, καὶ τελήσῃς τὸν δρόμον τῆς ἀθλήσεώς σου, ὡς θέκλα ἡ πρωτομάρτυς». Ἀσπασαμένη οὖν πάσας τὰς ἀδελφάς, δρομαία ἔφθασεν ὄπισθεν τοῦ μακαρίου Γαλακτίωνος, καί φησιν πρὸς αὐτόν· «Βραβευτὰ τῆς σωτηρίας μου, δι' οὗ θεὸν ἀληθινὸν ἔγνων τὸν Χριστόν, μὴ ἐγκαταλίπῃς τὴν ταπεινὴν ἐμέ, ἀλλ' αἴτησαι τὸν Κύριον, ἵνα σύν σοι τελειωθῶ, καὶ ἀχώριστοι ἐσόμεθα, ὡς ἐν τῷ νῦν αἰῶνι, καὶ ἐν τῷ μέλλοντι».

13. Στραφέντες δὲ οἱ στρατιῶται καὶ θεασάμενοι αὐτήν, ἔδησαν καὶ αὐτὴν σὺν τῷ ἁγίῳ. Περιπατούντων δὲ αὐτῶν, ἐδίδασκεν αὐτὴν ὁ ἅγιος Γαλακτίων λέγων· «Μικρὸν ὑπομείνωμεν, ἵνα στεφανωθῶμεν εἰς αἰῶνας. Βλέπε, γύναι, μή σε ἀπατήσωσιν ἔν τινι τῶν ἡδέων τοῦ κόσμου τούτου». Λέγει αὐτῷ ἡ Ἐπιστήμη· «Κατ' ἴχνος σου πορεύσομαι, κύριέ μου, καὶ εἴ τι ὁρῶ σε πράττοντα, ποιήσω κἀγώ». Φθασάντων δὲ αὐτῶν πρὸς τὰ τοῦ ἄρχοντος προαύλια, ἦλθέ τις τῶν ὑπερετῶν λέγων· «⟨Οὕτως λέγει ὁ ἄρχων)· "Τηρηθήτωσαν εἰς τὴν αὔριον"». Τῇ δὲ ἐπαύριον προκαθίσας ὁ ἀσεβὴς Οὖρσος ἐπὶ τοῦ βήματος ἐκέλευσεν εἰσαχθῆναι τοὺς ἁγίους Γαλακτίωνα καὶ Ἐπιστήμην. Ὡς δὲ εἰσήχθησαν οἱ ἅγιοι, καὶ λέγει ὁ ἄρχων· «Τίς

---

1 μήτε ἐν τῷ νῦν αἰῶνι] om. H 1 μήτε] οὔτε Z 1 μήτε] οὔτε ZGXY 1 Λέγει αὐτῇ ἡ διάκονος] Ὡς οὖν εἶδεν η δ. ἀκατάσχετον τὴν τῆς Ἐπιστήμης ὁρμὴν λ. πρὸς αὐτήν· «Ἄπελθε, τέκνον, ἐν εἰρήνῃ H 2 σοι] om. H 2 τέκνον] om. H; мое Епистиміа add. C 2 ἡ ὁδὸς ἐν πᾶσιν] ἐν πάσῃ ἡ ὁδός σου M 2 ὁδὸς] σου add. H 2 ἐν πᾶσιν] om. C 2 εὐλογητή] εὐλογημένη S; Господемъ Богомъ add. C 2 καὶ] καλῶς add. H 2 τελήσῃς] τελήσεις Del. 2 τῆς ἀθλήσεώς σου] σ. τ. α. MDAP 2 σου] om. KHBZ 3 πρωτομάρτυς] Святаа же Епистиміа add. C 3 Ἀσπασαμένη οὖν] Τότε α. FVDel. 3 οὖν] τοίνυν H; γοῦν P 3 ἀδελφάς] γραῖδας ἡ Ἐπιστήμη H; и бѣдивши ихъ много еже молитися о ней, абіе потече add. C 3 δρομαία] δρομαίως APRU 3 ἔφθασεν] ἔφασεν Z 4 μακαρίου] ἁγίου R 4 Βραβευτὰ] и ходатаю add. C 4 σωτηρίας μου] μ. σ. Z; ἐμῆς σ. V 5 τὸν] Иисуса add. C 5 ἐγκαταλίπῃς] καταλείπης P 5 τὴν ταπεινὴν ἐμέ] με τη. τα. FVDel. 5 ἀλλ'] om. β 5 αἴτησαι] αἰτῆσαι M 5 Κύριον] Бога C 6 ὡς ἐν τῷ νῦν αἰῶνι] om. H 6 ὡς] καὶ MC; om. B 6 ἐν τῷ νῦν αἰῶνι] om. APRSUEGXY 6 μέλλοντι] αἰῶνι add. KHAPRUG 7 δὲ] οὖν KHAPR 7 αὐτήν] ἀκολουθοῦσαν add. H; абіе add. C 7 ἔδησαν καὶ] κ. ε. B 7 ἔδησαν] κρατήσαντες H 7 σὺν] συνέδησαν add. H 7 ἁγίῳ] Галактіономъ add. C 8 αὐτῶν] κατὰ τὴν ὁδὸν V 8 αὐτὴν] om. GXY 8 ὁ ἅγιος] om. KP 8 Γαλακτίων] om. MDAPRSUEZGXYB 8 λέγων] Κυρία μου καὶ ἀδελφέ, μὴ φοβηθῇς τὰς τιμωρίας καὶ τὰς ἀπειλὰς τοῦ τυράννου, ἀλλὰ (om. V) add. FVDel.; Ἀδελφή μου (om. K) add. KH, an recte 8–9 ὑπομείνωμεν] οὖν ὑπομένομεν V; о жено add. C 9 ἵνα] καὶ add. V 9 εἰς αἰῶνας] om. Vβ 9 εἰς] ὅλους add. FDel. 9 γύναι] κυρία FVDel.; трезвьнѣ C; om. KH 9 σε ἀπατήσωσιν] α. σ. KHAPRSUEGXY 10 κόσμου] κόσμῳ A 10 τούτου] om. β; πάντα γὰρ ταῦτα πρόσκαιρα καὶ φθαρτά εἰσιν (ε. κ. φ. V) καὶ παρέρχονται δίκην ὀνείρου add. FVDel. 10 ἡ] μακαρία add. FVSDel. 10 Ἐπιστήμη] Κύριε (μου add. VC) add. FVCDel. 10 κύριέ μου] om. MDSUEZGXYB 11 πράττοντα] om. KHPRUZEGXY; καὶ add. MDAPRSUEZGXY 11 ποιήσω κἀγώ] κ. π. H 11 κἀγώ] om. MDAPRSUEZGXYB 11 δὲ αὐτῶν] α. τοίνυν H 11 δὲ] τοίνυν K 11 πρὸς] εἰς AR 11 προαύλια] προπύλαια KHAPR 12 τις] εἷς V 12 τῶν ὑπερετῶν] om. C 12 ⟨Οὕτως λέγει ὁ ἄρχων)] om. αβ 12 Τηρηθήτωσαν εἰς τὴν αὔριον] E. τ. α. οὕτοι τ. KH 12 Τηρηθήτωσαν] γοῦν add. APR 12 εἰς τὴν αὔριον] τῇ ἐπαύριον R 13 προκαθίσας] καθήσας DMS 13 ἀσεβὴς] ἀσεβέστατος FDel.; καὶ παράνομος add. FVDel. 13 Οὖρσος] князь C 13 ἐπὶ τοῦ βήματος] om. FβDel. 13–14 ἐκέλευσεν εἰσαχθῆναι τοὺς ἁγίους Γαλακτίωνα καὶ Ἐπιστήμην] om. EGB 13 ἐκέλευσεν] убо add. C 13 εἰσαχθῆναι] ἀχθῆναι KHPR 13–14 τοὺς ἁγίους Γαλακτίωνα καὶ Ἐπιστήμην] αὐτοὺς KH 13–14 τοὺς ἁγίους] om. C 14 Γαλακτίωνα καὶ Ἐπιστήμην] om. MAR 14 Ὡς δὲ] Καὶ KHA; om. PRSUEGXYBC 14 εἰσήχθησαν] ἦχθησαν οὖν (δὲ R; om. KHASUEGXY) KHAPRSUEGXYC 14 οἱ ἅγιοι] om. FVDel.; Галактіон и Епистіміа add. HAB; на судище add. C 14 καὶ] om. B 14 λέγει ὁ ἄρχων] ο α. λ. V 14 λέγει] αὐτοῖς 14 λέγει] add. FVHADel.

ὑπάρχει ὁ μελανὸς οὗτος, καὶ αὕτη ἡ ὁμοία αὐτῷ;» Λέγει ὁ ἅγιος Γαλακτίων· «Μοναχοί ἐσμεν καὶ χριστιανοί». Ὁ ἄρχων λέγει· «Καὶ τίς ἐστιν ὁ Χριστός;» Λέγει ὁ ἅγιος· «Ὁ ποιήσας τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν καὶ ⟨πάντα ἐν αὐτοῖς⟩». Ὁ ἄρχων λέγει· «Καὶ οἱ θεοὶ τίνες εἰσίν;» Ὁ ἅγιος εἶπεν· «Λίθοι καὶ ὕλη φθαρτική». Τότε λέγει ὁ δυσσεβέστατος ἄρχων Οὔρσος· «Ἐκδύσατε τοῦτον τὸν βλάσφημον, καὶ σφοδρῶς βουνευριζέσθω». Τυπτομένου δὲ τοῦ ἁγίου Γαλακτίωνος ἐπὶ πολύ, ἔκλαιεν ἡ μακαρία Ἐπιστήμη καὶ ἔλεγεν· «Ὦ ἀσπλαγχνία τυράννου, ὦ ἀπαναθρωπία ἄρχοντος· πῶς οὐκ ἐλεεῖς τοιαῦτα ὡραῖα μέλη, ⟨μέλλων⟩ καταναλίσκειν ταῖς μάστιξιν. Φεῖσαι τοῦ νέου, ὦ μιαρέ».

14. Ὀργισθεὶς δὲ ὁ ἄρχων σφόδρα ἔφη· «Γυμνώσατε τὴν μαίναδα ταύτην. Ὁρῶ γὰρ αὐτῆς τὴν προαίρεσιν ἀναιδείας μεμεστωμένην». Γυμνωθείσης δὲ τῆς ἁγίας Ἐπιστήμης μέχρις ὀθόνης, λέγει ἡ ἁγία τῷ τυράννῳ· «Ἐπικατάρατε τύραννε, ἐν τῷ ἁγίῳ μου βαπτίσματι, ὃν ὁ Θεός μοι ἐν ἁγνείᾳ συνέζευξεν ἀνδρα, τὴν γύμνωσίν μου οὐ τεθέαται, καὶ σὺ

---

1 ὑπάρχει ὁ μελανὸς οὗτος, καὶ αὕτη ἡ ὁμοία αὐτῷ] ἐστιν οὗτος ὁ μελανοφόρος καὶ αὕτη ἡ ὁμ. αὐτου V 1 μελανὸς] μελανοφόρος FDel.; мнихъ C 1 οὗτος] и отклду add. C 1 καὶ αὕτη ἡ ὁμοία αὐτῷ] om. KHAPR 1 αὐτῷ] αὐτοῦ DMS 1 Λέγει ὁ ἅγιος Γαλακτίων] ὁ ἅγιος Γαλακτίων εἶπεν V 1 Λέγει] Καί φησι H; тому add. BC 1 ὁ ἅγιος Γαλακτίων] om. H 1 ἅγιος] om. K 1 Γαλακτίων KC(V)] om. aliiDel. 2 Ὁ ἄρχων λέγει] Λ. ο α. KHAPRUSEGXY; ἅγιος pro ἄρχων scr. et del. X 2 Καὶ] om. E 2 Λέγει ὁ ἅγιος] Ο α. λ. FDel.; Ο α. Γαλακτίων εἶπεν V; Γαλακτίων add. D 2 Λέγει] Ἀπεκρίθη H 2–3 ποιήσας τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν καὶ ⟨πάντα ἐν αὐτοῖς⟩] ποιητὴς τοῦ οὐρανοῦ κ. τῆς γῆς KHA 3 καὶ ⟨πάντα ἐν αὐτοῖς⟩] om. γ 3 ⟨πάντα ἐν αὐτοῖς⟩] τὴν θάλασσαν FVDel. 3 Ὁ ἄρχων λέγει] Λ. Οὔρσος AUGXY; Λ. ο Οὔρσος PRS; Καὶ λ. ο Οὔρσος KH 3 θεοὶ] наши add. C 4 Ὁ ἅγιος εἶπεν] Ε. ο. α. B 4 ἅγιος] Γαλακτίων add. V 4 εἶπεν] λέγει FDel. 4 Λίθοι καὶ ὕλη φθαρτική] λίθη (sic) καὶ ξύλα καὶ ὕλη φθαρτική P 4 ὕλη] вещь add. C 4 φθαρτική] φθαρτικοὶ GXY; φθαρτὴ FVEDel. 4 Τότε] om. DB; χολήσας σφόδρα add. FVDel. 4–5 λέγει ὁ δυσσεβέστατος ἄρχων Οὔρσος] ο α. λ. FVMDBDel.; λ. (κελεύει R) ὁ ἡγεμὼν APRSUEGXY 4 λέγει] μετ' ὀργῆς add. H 4 ἄρχων] om. KH 5 «Ἐκδύσατε] τοῖς ὑπηρέταις· «Ε. ἐν τάχει V 5 τοῦτον τὸν βλάσφημον] τον β. του. H 5 βλάσφημον] καὶ ὑβριστὴν add. V 5 βουνευριζέσθω] μαστιζώστω βουνεύροις KH; βουνεύροις τύψατε αὐτὸν G 5 τοῦ] om. E 6 ἁγίου] μακαρίου M 6 Γαλακτίωνος] om. FβDel. 6 ἐπὶ πολύ] om. β 6 ἔκλαιεν] эѣло add. C 6 ἡ] ἁγία καὶ add. KHAPR 6 Ἐπιστήμη] om. MDPRSUEZGXYB 6 καὶ] πρὸς τὸν τύραννον add. H 6–7 ἀσπλαγχνία τυράννου, ὦ ἀπαναθρωπία ἄρχοντος] ασ. τ., ω, απ. αρ. K; τῆς σῆς ἀπανθρωπίας, ἀσεβέστατε ἄρχοντε, ω τῆς σῆς ἀσπλαγξνίας, παρανομώτατε H 6 ἀσπλαγχνία] τοῦ add. M 7 τυράννου] τοῦ ῥάνου E 7 ὦ] καὶ UEGXY 7 ἄρχοντος] ἄθλιε add. FDel.; ἄθλιε καὶ ταλαίπωρε add. V 7 ἐλεεῖς] παρανομώτατε add. K; θηριωδέστατε add. H 7 μέλη] κάλλη APR 7 ⟨μέλλων⟩] om. αγDel. 7–8 καταναλίσκειν] καταναλίσκων FVMDDel. 8 ταῖς] муками и add. C 8 μιαρέ] καὶ ἀκάθαρτε add. FVDel.; καὶ ἀπάνθρωπε add. RG 9 Ὀργισθεὶς δὲ] Ταῦτα τοίνυν εἰποῦσα ἡ ἁγία ο. FDel.; Ἐπὶ πλεῖον δ. ο. KH 9 σφόδρα] om. β; ἐπὶ τοῖς ῥήμασιν τῆς ἁγίας add. V; ἀκούων τὰ ὑπ' (παρ' H) αὐτῆς λαλούμενα add. KH 9 ἔφη] λέγει τοῖς ὑπηρέταις αὐτοῦ KH 9 Γυμνώσατε] καὶ add. VH 9 τὴν μαίναδα ταύτην] τα. τη. μ. KHA; αὐτὴν τη. μ. PR 9 γὰρ] καὶ add. V 10 αὐτῆς τὴν προαίρεσιν ἀναιδείας μεμεστωμένην] τὴν προαίρεσιν αὐτῆς διασμεμεστωμένην sic ! P 10 αὐτῆς τὴν προαίρεσιν] αὐτὴν Z; неистова и add. C 10 μεμεστωμένην] γέμουσαν H; πεπληρωμένην Z; ὑπάρχουσαν add. FDel. 10 τῆς ἁγίας Ἐπιστήμης] αὐτῆς FVMDAPRSUEZGXYBDel.; ἐν τάχει add. V 11 ὀθόνης] ὀθονίου M 11 ἡ ἁγία τῷ τυράννῳ] τω τυ. η μακαρία H 11 ἡ ἁγία] αὐτὴ K; om. FVDel. 11 Ἐπικατάρατε] καὶ τρισάθλιε add. FVDel.; ἄρχον καὶ παρανομώτατε add. H 11 τύραννε] om. FβDel. 11 μου] om. MS 12 ὁ Θεός] om. B 12 μοι ἐν ἁγνείᾳ συνέζευξεν ἀνδρα] σ. μ. ε. αγ. αν. H 12 μοι ἐν ἁγνείᾳ] ε. α. μ. FDel.; ἐν γεῖ μοι M 12 μοι] μου KHA; om. UE 12 ἁγνείᾳ] ἀγνοίᾳ ZGXY 12 συνέζευξεν ἀνδρα] α. σ. Z 12 ἄνδρα] ἀνδρὶ M 12 μου] никакоже add. C 12 σὺ] ἐπικατάρατε add. G

ἐπιτρέπεις γυμνήν με στῆναι ἐνώπιόν σου καὶ παντὸς τοῦ λαοῦ. Τυφλωθήτωσαν ὑμῶν οἱ ὀφθαλμοί, ἵνα μὴ ἴδητέ μου τὴν γύμνωσιν». Καὶ ἐτυφλώθη ὁ ἄρχων εὐθὺς καὶ οἱ σὺν αὐτῷ πάντες. Τότε ἔκραξαν ἅπαντες λέγοντες· «Σῶσον ἡμᾶς, ἁγία δούλη τοῦ Χριστοῦ, ἀπὸ τοῦ σκότους τούτου, καὶ πιστεύσομεν τῷ Θεῷ σου». Ἡ δὲ ἁγία μάρτυς τοῦ Χριστοῦ Ἐπιστήμη
5 ἐπεκαλέσατο Κύριον τὸν Θεὸν, καὶ ἀνέβλεψαν πάντες, καὶ ἐπίστευσαν ἐπὶ τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν ψυχαὶ πεντήκοντα τρεῖς. Ὅμως ὁ ἄρχων πάλιν μανεὶς κατ' αὐτῶν ἔφη· «Αὕτη ἡ τύφλωσις ἐκ τῶν θεῶν ἡμῖν ἐδόθη, ὡς καταδεξαμένων ἡμῶν ὑβρισθῆναι αὐτούς. Ἀλλ' ὀξύνατε καλάμους καὶ ἐμβάλετε εἰς τοὺς ὄνυχας αὐτῶν». Ποιησάντων δὲ τῶν ὑπηρετῶν τὸ κελευσθὲν αὐτοῖς, ἔκαμνον οἱ ἅγιοι σφοδρῶς καὶ ἐβόων· «Χριστῷ λατρεύομεν, τοὺς δὲ θεούς
10 σου καταπατοῦμεν».

15. Ὁ ἄρχων λέγει τοῖς ὑπηρέταις· «Κόψατε τὰς χεῖρας αὐτῶν, ἵνα μὴ βλασφημῶσιν». Κοπτομένων δὲ τῶν χειρῶν αὐτῶν, ἐβόων οἱ ἅγιοι· «Ἀνάστα, Κύριε, βοήθησον ἡμῖν, ὅτι τῷ

---

12 Ἀνάστα ... ἡμῖν] cf. Ps. 43, 27

---

1 γυμνήν με] μ. γ. KHS 1 με] om. A 1 στῆναι] παραστῆναι FDel. 1 παντὸς τοῦ λαοῦ] τ. λ. π. H; τ. π. λ. τούτου A 1 λαοῦ] τούτου add. VK 1–2 ὑμῶν οἱ ὀφθαλμοί] λοιπὸν οι οφ. υ. H 1 ὑμῶν] лукавая add. C, an recte 2 μὴ] μηδ' ὅλως FDel. 2 μου τὴν γύμνωσιν] τ. γ. μ. Z 2 Καὶ] ἅμα δὲ τῷ λόγῳ αὐτῆς KH; ἅμα τῷ λόγῳ τῆς ἁγίας add. FVDel.; εὐθέως add. V; εὐθὺς add. Z 2–3 ἐτυφλώθη ὁ ἄρχων εὐθὺς καὶ οἱ σὺν αὐτῷ πάντες] ἐτυφλώθησαν ε. π. ο. ἐκεῖσε παρόντες κ. (αὐτὸς ὁ δυσσεβὴς add. H) Οὔρσος ο α. KH 2 εὐθὺς] παρευθὺ D; om. VZ 2 αὐτῷ] αὐτοὶ Z 3 Τότε] οὖν add. PR 3 ἔκραξαν] ἀνέκραξαν KHA 3 ἅπαντες] om. FβDel. 3 ἁγία] om. BC 3 τοῦ] om. VDMSUEX; благословенного Бога Иисуса add. C 4 πιστεύσομεν] πιστεύσωμεν DK; вси add. C 4 Θεῷ] Χριστῷ Z 4 μάρτυς τοῦ Χριστοῦ Ἐπιστήμη] om. FβDel.; σπλαγχνισθεῖσα ἐπ' αὐτοῖς add. FVDel.; помолися о нихъ add. C 4 τοῦ Χριστοῦ] om. C 5 ἐπεκαλέσατο] ἐπικαλεσαμένη KHZC 5 Κύριον] om. FVZGXYDel. 5 τὸν] и C 5 Θεὸν] и Спаса нашего Іисуса Христа add. C 5 καὶ ἀνέβλεψαν πάντες] ἐποίησεν αὐτοὺς ἀναβλέψαι KH 5 ἀνέβλεψαν πάντες] παραχρῆμα α. ἅπαντες V 5 ἀνέβλεψαν] παραχρῆμα add. FDel. 5 πάντες] om. β; καὶ ἐπιβλέψαντες τὸ γεγονὼς add. GXY 5–6 ἐπὶ τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν] τῷ Χριστῷ KH; om. APRSUEZGXYB; τῇ ὅρᾳ ἐκείνῃ add. D 5 Κύριον] Бога C 6 πεντήκοντα τρεῖς] πεντήκοντα καὶ τρεῖς S 6 Ὅμως ὁ ἄρχων πάλιν μανεὶς κατ' αὐτῶν ἔφη] Ο δὲ δυσσεβέστατος Οὔρσος ἀνέβλεψεν μὲν καὶ αὐτός, οὐκ ἐπίστευσε δὲ μετὰ τῶν λοιπῶν, ἀλλ' (om. K) ἔτι κρατούμενος τοὺς τῆς ψυχῆς ὀφθαλμοὺς τῇ ἀχλύῃ τῆς πλάνης λέγει μετὰ πολλῆς ὀργῆς KHPR 6 Ὅμως ὁ] Ο δὲ ἀκάθαρτος καὶ πονηρὸς FVDel. 6 πάλιν μανεὶς] μανεὶς πάλιν U 6 πάλιν] om. ASBC 7 τῶν] μεγίστων add. FDel. 7 ἡμῖν ἐδόθη] ἐπῆλθεν η. KH 7 ἡμῖν] ἡμῶν A 7 ἐδόθη] γέγονεν D 7 ὡς καταδεξαμένων ἡμῶν] διότι κατεξάμεθα KH 7 ἡμῶν] ὑμῶν RX; om. H 7 ὑβρισθῆναι] ὑβρίσαι M 7 αὐτούς] ὑπὸ τῶν βλασφημῶν τούτων add. KH 8 ἐμβάλετε] ἐμβάλατε DP; ἐμβάλλετε KH 8–9 Ποιησάντων ... αὐτοῖς] Τούτου δὲ γεγονότος H 8 δὲ] οὖν UEZGXY; om. Вѣскорѣ add. C 9 ἅγιοι] мученицы сіа с радостію add. C 9 σφοδρῶς καὶ ἐβόων] κ. ε. σ. BC 9 ἐβόων] λέγοντες add. FDel.; Γνῶθι, ὦ τύραννε, ὅτι add. FVDel. 9 Χριστῷ] τῷ υἱῷ τοῦ Θεοῦ add. FVDel. 9 λατρεύομεν] λατρεύωμεν Z; λατρεύσωμεν X; и Христа исповѣдаемъ Бога быти превѣчна add. C 9 τοὺς δὲ θεούς] τοῖς δ. θεοῖς HB 10 σου] om. B; ἐξουθενοῦμεν καὶ add. V; паче же рѣща бѣсомъ add. C 10 καταπατοῦμεν] καταπτύομεν HP; не прельщаемся B(C); καὶ τούτους ἐξουδενοῦμεν add. H; никакоже add. C 11 Ὁ ἄρχων λέγει τοῖς ὑπηρέταις] Λ. ο α. τ. υ. H 11 Ὁ] Πάλιν οὖν ὁ πονηρὸς V; δὲ add. P 11 λέγει] in marg. add. K 11 τοῖς ὑπηρέταις] om. D 11 Κόψατε] Ἐκκόψατε KH 11 αὐτῶν] ὑμῶν X 11–12 ἵνα ... αὐτῶν] om. B 11 μὴ] ἐνυβρίζοντες add. V 11 βλασφημῶσιν] εἰς τοὺς θεοὺς add. VS; τοῖς θεοῖς Z 12 ἐβόων] πάλιν add. KH 12 ἅγιοι] и велиціи мученици add. C 18.12–19.2 Ἀνάστα ... ἅγιοι] om. MD 12 Ἀνάστα, Κύριε, βοήθησον ἡμῖν] om. H 12 Κύριε] Боже нашъ add. C 12 βοήθησον ἡμῖν] om. C

σῷ πόθῳ τρωθέντες ἠκολουθήσαμέν σοι». Ὁ δὲ κάκιστος καὶ δεινὸς ἄρχων πάλιν διετάξατο κοπῆναι αὐτῶν καὶ τοὺς πόδας. Κοπτομένων δὲ τῶν ποδῶν αὐτῶν, ἐβόων οἱ ἅγιοι· «Ἀνάθεμα τοῖς θεοῖς ὑμῶν· εὐλογητὸς ὑπάρχει ὁ Κύριος ὁ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων». Τότε ὁ παρανομώτατος ἄρχων ἔδωκεν κατ' αὐτῶν τὴν ἀπόφασιν τοῦ ἀποτμηθῆναι αὐτούς. Ἄραντες δὲ τοὺς ἁγίους Γαλακτίωνα καὶ Ἐπιστήμην καὶ ἐξαγαγόντες αὐτοὺς ἔξω τῆς αὐλῆς τοῦ ἄρχοντος ἀπεκεφάλισαν αὐτοὺς μηνὶ νοεμβρίῳ πέμπτῃ, ἐμοῦ τοῦ ταπεινοῦ Εὐτολμίου ὁρῶντος. Εἶασαν δὲ τὰ λείψανα αὐτῶν κείμενα ἐν τῷ τόπῳ. Ἐγὼ δὲ λαβὼν αὐτοὺς καὶ πολλὰ δακρύσας ἐκήδευσα αὐτοὺς εἰς δόξαν τοῦ μεγάλου Θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, ἀμήν. 5

---

1 σοι] се S; благому Владыцѣ add. C 1 Ὁ δὲ κάκιστος καὶ δεινὸς ἄρχων πάλιν] Π. δ. ο (παρανομώτατος add. KH) α. KHAPRSUEZGXY 1 κάκιστος καὶ δεινὸς] окаянный C; om. B 1 ἄρχων] ἐκεῖνος add. V 2 κοπῆναι] ἐκκοπῆναι H 2 πόδας] καὶ τούτου γενομένου καὶ add. V 2 δὲ] τοίνυν KH; om. V; καὶ add. H 2 αὐτῶν] αὐ αὐτῶν (sic!) U 2 ἐβόων] ἐβόουν PS; μεγάλῃ φωνῇ ἀνέκραζον KH 2 ἅγιοι] мученици add. C 2 Ἀνάθεμα] σοι καὶ add. Z 3 ὑμῶν] σου FVZDel.; тύраннѣ add. FVDel.; и в сей вѣкъ и в будущiй add. C, an recte 3 εὐλογητὸς] δὲ add. FVDel. 3 ὑπάρχει ὁ Κύριος ὁ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς] К. ѵ. І. Х. о Θ. η. К 3 ὁ Θεὸς] om. FVMDAPRSUEZGXYDel. 4 τῶν αἰώνων] om. FγDel.; аминь add. C 4 Τότε] ἀπορῶν add. H 4 ὁ παρανομώτατος ἄρχων ἔδωκεν κατ' αὐτῶν τὴν ἀπόφασιν] ε. κ. αυ. τ. απ. ο α. S 4 ὁ παρανομώτατος ἄρχων] om. MB; ἰδὼν τὸ στερρὸν αὐτῶν τῆς πίστεως add. V 4 παρανομώτατος] om. FVDKAPRSUEZGXYDel. 4 ἄρχων] тύраннос H 4 κατ' αὐτῶν τὴν] τ. κ. α. H 4 τὴν] om. DMKAPR 4–5 τοῦ ἀποτμηθῆναι αὐτούς] om. H 5 αὐτούς] αὐτῶν τὰς κεφαλάς VDM 5 τοὺς ἁγίους Γαλακτίωνα καὶ Ἐπιστήμην] αὐτοὺς DKH; om. M; οἱ δήμιοι add. KH; воини add. C, an recte 5 τοὺς ἁγίους] раба Божiя C 5 ἁγίους] om. B; μάρτυρας add. FVDel. 5 καὶ] om. UZX 5 ἐξαγαγόντες] ἐξήγαγον Z 5 αὐτοὺς] om. DMKHA 6 ἄρχοντος] καὶ προσευξάμενοι ἐπὶ πολὺ add. V 6 ἀπεκεφάλισαν αὐτοὺς] ἀπέτεμον αὐτῶν τὰς τιμίας κεφαλὰς H 6 μηνὶ νοεμβρίῳ πέμπτῃ] om. KAPR 6 πέμπτῃ] om. P 6 τοῦ] ἁμαρτώλου καὶ add. KH 6–7 ταπεινοῦ] δούλου αὐτῶν add. Z 7 Εὐτολμίου] сіа вся add. C 7 Εἶασαν] Ἔασαν FDMS; ἦσαν ZGXY 7 τὰ] τίμια add. Z 7 λείψανα αὐτῶν κείμενα] τίμια καὶ ἅγια α. λ. κ. (om. FDel.) add. FVDel. 7 λείψανα αὐτῶν] τούτων ἱερὰ σώματα H 7 ἐν] ἐκείνῳ add. FDel. 7 τῷ] αὐτῷ add. V 7 Ἐγὼ δὲ] Καὶ FVDel. 8 αὐτοὺς] αὐτὰ ἐγὼ (om. Z) FVZDel.; ταῦτα KH 8 καὶ πολλὰ δακρύσας ἐκήδευσα αὐτοὺς] ε. μετὰ δακρύων πολλῶν καὶ κατέθήμην ἐν τῷ τόπῳ ἐπισήμῳ KH 8 αὐτοὺς] om. FVDel.; μετὰ τῆς πρεπούσης αὐτὰ τιμῆς add. V 8 εἰς] ἔπαινον καὶ add. V 8 τοῦ] om. H 8–9 μεγάλου Θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ] πατρὸς καὶ υἱοῦ καὶ ἁγίου πνεύματος, τῆς μιᾶς καὶ ἀχωρίστου θεότητος KH 8 Θεοῦ καὶ] om. R 8 μεγάλου Θεοῦ] ἀληθινοῦ Θ. ἡμῶν Z 9 ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος εἰς τοὺς] ᾗ πρέπει πᾶσα δόξα, τιμὴ (om. K) καὶ προσκύνησις νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς K 9 ἡ ... τοὺς] πρέπει τιμὴ καὶ προσκύνησις σὺν τῷ πατρὶ (in marg. X) καὶ τῷ παναγίῳ (ἁγίῳ APRZB) αὐτοῦ (om. APRZB) πνεύματι νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς (τοὺς σύμπαντας καὶ ἀτελευτήτους add. SU) APRSUEZXBC 9 ᾧ] αὐτῷ DM 9 ἡ] πρέπει πᾶσα X 9 τὸ κράτος] τιμὴ καὶ προσκυνησις EX 9 κράτος] σὺν τῷ πατρὶ καὶ τῷ παναγίῳ καὶ (ἁγαθῷ καὶ add. D) ζωοποιῷ πνεύματι add. MD; νῦν καὶ ἀεὶ καὶ add. VD 9 τῶν αἰώνων] om. M

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЖМНП	– Журнал министерства народного просвещения. Санкт-Петербург
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ИАК	– Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург
МАИЭТ	– Материалы и исследования по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАСП	– Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
НЭ	– Нумизматика и эпиграфика. Москва
ПИФК	– Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск
СА	– Советская археология. Москва
СЭ	– Советская этнография. Москва
ABC	– *A.K. Grayson.* Assyrian and Babylonian Chronicles. New York, 1975
ABL	– *R.F. Harper.* Assyrian and Babylonian Letters Belonging to the Kouyunjik. Collection of the British Museum. I–XIV. Chicago, 1892–1914
ACER	– The Australian Centre for Egyptology. Annual Reports. Sydney
ADRTB	– *A.J. Sachs, H. Hunge.* Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. T. I. Wien, 1988
ÄF	Ägyptologische Forschungen. Glückstadt
AFO	– Archiv für Orientforschung. Wien
AJPh	– American Journal of Philology. Baltimore
ARAB	– *D. Luckenbill.* Ancient Records of Assyria and Babylonia. I–II. Chicago, 1926
AoF	– Altorientalische Forschungen. Berlin
ASAÉ	– Annales du Service des Antiquités de L'Égypte. Le Caire
BÄBA	– Beiträge zur ägyptischen Bauforschung und Altertumskunde. Stuttgart–Le Caire–Wiesbaden
BASOR	– Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Atlanta
BCH	– Bulletin de correspondance hellénique. Paris
BCHP	– *I. Finkel., R.J. van der Spek.* Babylonian Chronicles of the Hellenistic Period (forthcoming; preliminary 2004)
BIFAO	– Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. Le Caire
BM	British Museum. London
BMFA	– Museum of Fine Arts. Boston
BMMA	– Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. New York
BSA	– The Annual of the Britisch School at Athens. London
CAA	– Corpus Antiquitatum Aegyptiacarum. Mainz
CAH^2	– Cambridge Ancient History. 2nd ed. Cambridge
CCE	– Cahiers de la céramique Égyptienne, Institut Français d'archéologie orientale. Le Caire
CdE	– Chronique d'Égypte. Bruxelles
CG	– Catalogue general des antiquités égyptiennes du Musée du Caire
CHI	– The Cambridge History of Iran. Cambridge,1985
CIG	– Corpus inscriptionum graecarum. 4 vol. Berlin, 1825–1859
CIRB	– Corpus inscriptionum Regni Bosporani. Корпус боспорских надписей. Москва–Ленинград,1965
ClPh	– Classical Philology. Chicago
CM J.E.	– Journal d'entrée du musée du Caire. Le Caire

CRAI	– Comptes-rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. Paris
DKP	– Der Kleine Pauly. Lexicon der Antike. Hrsg. von K. Ziegler und W. Sontheimer. München
DNP	– Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike. Hrsg. von H. Cancik, H. Schneider. Stuttgart–Weimar
FGrH	– Fragmente der griechischen Historiker. Hrsg. von F. Jacoby. Berlin–Leiden, 1923–1958
GG (SL)	– *A.H. Gardiner.* Egyptian Grammar. Signlist. Oxford, 1927[1]; 1981[3]
GM	– Göttinger Miszellen. Göttingen
GRBS	– Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham
IG	– Inscriptiones graecae. Berlin, 1873–
IGBR	– Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Vol. I–V. Sofia, 1958–1997
IGLS	– Inscriptions grecques et latines de la Syrie. Beyrouth–Paris
IO	– Inscriptiones Olbiae. Надписи Ольвии (1917–1965). Ленинград,1968
IOSPE	– Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I[2]. Petropoli, 1916
ISM	– Inscripţiile din Scythia Minor greceşti şi latine. Bucureşti, 1980–
JAOS	– Journal of the American Oriental Society. New York–New Haven
JCS	– Journal of Classical Studies. Philadelphia
JEA	– Journal of Egyptian Archaeology. London
JHS	– Journal of Hellenic Studies. London
JNES	– Journal of Near Eastern Studies. Chicago
JSSEA	– Journal of the Society of the Studies of Egyptian Antiquities. Toronto
KRI	– *K.A. Kitchen.* Ramesside Inscriptions. London, 1969–...
LÄ	– Lexikon der Ägyptologie. Hrsg. von W. Helck, E. Otto und W. Westendorf. Bd I–VI. Wiesbaden, 1972–1986
LÄGG	– Lexikon der ägyptischer Götter und Götterbezeichnungen. Hrsg. von Chr. Leitz. Leuven–Paris–Dudley (Mass.), 2002. I–VII (Orientalia Lovanensia analecta, 110–116)
Ling.Aeg.	– Lingua Aegyptia. Göttingen
MARI	– Mari. Annales des recherches interdisciplinaires. Paris
MDAIK	– Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Abteilung Kairo. Wiesbaden–Mainz
MDOG	– Mitteilungen der Altorientalischen Gesellschaft. Leipzig
MIO	– Mitteilungen des Instituts für Orientforschungen. Berlin
OGIS	– Orientis Graecae inscriptiones selectae. Ed. W. Dittenberger. Lipsiae, 1903–1905
OIP	– Oriental Institute Publications. Chicago
pBibl. Nat. 215 dem. recto	– *W. Spiegelberg.* Die sogenannte Demotische Chronik des Papyrus 215 der Bibliothèque Nationale zu Paris. Leipzig, 1914 (Demotische Studien, 7)
pBM10051	– *Ph. Derchain.* Le Papyrus Salt 825 (BM 10051), rituel pour conservation de la vie en Égypte. Fasc. I–II. Bruxelles, 1965
pBremmer-Rhind	– *R.O. Faulkner.* The Papyrus Bremner-Rhind (British Museum. no. 10188). Bruxelles, 1933 (BA, 3); *idem.* The Bremner-Rhind Papyrus – I, II, III, IV // JEA. 1936. 22. P. 121–140; 1937. 23. P. 10–16, 166–185; 1938. 24. P. 41–53
pHerm1116A	– *W.S. Golénischeff.* Les papyrus hiératiques № 115, 1116 A et 1116 B de l'Ermitage imperial à St. Pétersbourg. St. Pétersbourg, 1913; *Helck W.* Die Lehre für König Merikare. Wiesbaden, 1977 (Kleine ägyptische Texte)
pJumilhac	– *J. Vandier.* Le Papyrus Jumilhac. Paris, 1962

PM^2II	– *B. Porter, R.L.B. Moss.* Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. 2nd ed. Vol. II. Theban Temples. Oxford, 1972
RA	– Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale. Paris
RC	– *C.B. Welles.* Royal Correspondence in the Hellenistic Period: A Study in Greek Epigraphy. London, 1934
RdÉ	– Revue d'égyptologie. Paris
RE	– *Pauly's* Real-Encyklopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa. Hrsg. von W. Kroll. Stuttgart
REA	– Revue des études anciennes. Bordeaux
REG	– Revue des études grecques. Paris
RhM	– Rheinisches Museum für klassischen Philologie. Frankfurt am Main
RHR	– Revue de l'histoire des religions. Paris
RLA	Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie. Berlin – Leipzig
Roscher	– *W.H. Roscher.* Ausfürliches Lexicon der griechischen and römischen Mythologie. Leipzig, 1884–1937
SDAIK	– Sonderschrift. Deutsches Archäologisches Institut. Abteilung Kairo. Mainz
SC	– *В.В. Латышев.* Scythica et Caucasica. Известия древних авторов, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Санкт-Петербург, 1893–1906
TAPhA	– Transactions of the American Philological Association. Atlanta
UCL	– University College London. London
UF	– Ugarit-Forschungen. Neubirchen–Vluyn
Urk. II	– *K. Sethe.* Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit. Leipzig, 1904–1916
Urk.VI	– *S. Schott.* Urkunden mythologischen Inhalts. Leipzig, 1929–1939
Wb	– *A. Erman, H. Grapow.* Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Leipzig–Berlin, 1926–1950
WZKM	– Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien
ZA	– Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie. Leipzig–Berlin
ZÄS	– Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde. Leipzig–Berlin

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В «ВЕСТНИКЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» в 2009 году

	№	Стр.
Памяти Григория Максимовича Бонгард-Левина		
Архипов И.С. (Москва) – Железо в текстах из Мари (*Первая половина XVIII в. до н.э.*)	3	3
Афиногенов Д.Е. (Москва) – Иоанн III, патриарх Иерусалимский, – православный или монофисит?	3	13
Богданов И.В. (Санкт-Петербург) – Староегипетская бюрократическая терминология на печатях	3	18
Бухарин М.Д. (Москва) – Происхождение понятия «Красное море»	3	46
Власова Е.В. (Санкт-Петербург) – Ахтанизовский клад	3	63
Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. (Москва) – Некоторые источниковедческие проблемы истории ранней Парфии	3	79
Дандамаев М.А. (Санкт-Петербург) – Храм Эзида и культ бога Набу в Вавилонии I тысячелетия до н.э.	3	87
Иванчик А.И. (Москва), *Тохтасьев С.Р.* (Санкт-Петербург) – Царица Динамия и Танаис	3	95
Лившиц В.А. (Санкт-Петербург) – Памятники хорезмийской письменности	3	108
Макаров И.А. (Москва) – Две метрические эпитафии римского времени из Херсонеса Таврического	3	113
Немировский А.А. (Москва) – Кто был ашшурец, не платящий дани? Начальные пассажи СТН 52 и историко-хронологическая реконструкция амарнской эпохи	3	122
Сапрыкин С.Ю. (Москва), *Федосеев Н.Ф.* (Керчь) – Epigraphica Pontica II: новая надпись Пифодориды из Пантикапея	3	138
Якобсон В.А. (Санкт-Петербург) – Проблемы периодизации древней истории	3	148
Бойцов М.А. (Москва) – Покаяние императора: Феодосий I и Амвросий Медиоланский	2	21
Дементьева В.В., Фролов Р.М. (Ярославль) – Несанкционированные гражданские contiones как общественно-политический институт Римской республики	4	63
Иванчик А.И. (Москва) – Григорий Максимович Бонгард-Левин (26 августа 1933 г. – 30 сентября 2008 г.)	1	3
Капогросси Колоньези Л. (Рим) – Античный город как город-государство: интерпретация и некоторые проблемы	4	27
Ладынин И.А. (Москва) – «Соколы-нектанебы»: скульптурные изображения Нектанеба II перед богом Хором и их концепция	4	3
Николаев А.Н. (Санкт-Петербург) – Списки жертвоприношений на древнеегипетских заупокойных стелах I–IV династий	2	3
Очир Горяева М.А. (Элиста) – Особенности погребального обряда кочевников Евразии в скифскую эпоху (*По материалам погребений с предметами узды и сопроводительными захоронениями коней*)	1	9
Сморчков А.М. (Москва) – Сакральные аспекты раннереспубликанской диктатуры	1	54
Суриков И.Е. (Москва) – Историк в изменяющемся мире: эволюция образа Коринфа в труде Геродота	1	29
Эпштейн С.М. (Хайфа) – К вопросу о рабском труде в афинском общественном строительстве	4	42
ПУБЛИКАЦИИ		
Макаров И.А. (Москва) – Греческое письмо, найденное в Херсонесе Таврическом, и проблемы интерпретации термина Σαστηρ (IOSPE I^2. 401)	2	49

№ Стр.

Новичихин А.М. (Анапа) – Ювелирные изделия из раскопок некрополя Горгиппии в 1987 г. ... 1 110
Сафронов А.В. (Москва) – Стела первого жреца Амона Бакенхонсу и новые данные по истории начала правления XX династии ... 4 89
Фролова Н.А. (Москва), *Абрамзон М.Г.* (Магнитогорск), *Завьялов С.Л.* (Краснодар) – Клад медных пантикапейских монет III в. до н.э. из пос. Куматырь (2004 г.) ... 1 75

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Международный круглый стол «Проблемы истории и археологии Херсонеса Таврического»

Коваленко С.А. (Москва) – Гестиаторий Чайкинского городища ... 1 119

Международный круглый стол «Древняя Ольвия»

Крыжицкий С.Д. (Киев) – К вопросу о функциональном назначении некоторых сооружений Березани и Ольвии VI–V вв. до н.э. ... 1 136

Международный круглый стол «Боспорское царство: актуальные проблемы истории, археологии, культуры»

Молев Е.А. (Нижний Новгород) – Скифы в политической истории Боспора VI–II вв. до н.э. ... 3 155

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Артюхова Т.А. (Москва) – Рецепция античности в ранневизантийской агиографии (*На материале Жития Феодора Сикеота*) ... 2 161
Арутюнян А.Ж. (Ереван) – Арташес I и создание древнеармянской профессиональной армии ... 2 129
Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. (Москва) – Еще раз к вопросу о датировке надписей из Прохоровки ... 2 89
Вакуленко Л.В. (Киев) – Археологические свидетельства о народе тайфалов ... 1 175
Васильева О.А. (Москва) – «Потерянный ребенок» Исиды: к проблеме интерпретации мифа об Исиде и Осирисе в позднеантичной традиции ... 1 150
Громова Д.Н. (Москва) – Битва с трехголовым драконом: новый пересмотр датировок взятия Вавилона и Халапа войсками Мурсили I и вопросы переднеазиатской хронологии II тыс. до н.э. ... 4 104
Иванчик А.И. (Москва) – К вопросу о скифском языке ... 2 62
Илюшечкина Е.В. (Москва) – Каталог южнопонтийских племен у Дионисия Периэгета ... 4 138
Казертано Дж. (Неаполь) – Платоновский kallipolis между тем, чего нет и тем, что должно быть ... 1 167
Кантор Г.М. (Оксфорд) – Острова Эгейского моря и провинция Азия ... 2 138
Карпюк С.Г. (Москва) – Писцы афинской демократии ... 1 161
Кессель Г.М. (Москва) – Новые данные о переатрибуции произведений раннесирийской монашеской литературы ... 4 169
Миронова А.В. (Москва) – Древнеегипетский праздник опет в эпоху Хатшепсут: ритуал и символика ... 4 124
Муравьев А.В. (Москва) – Начало второй волны христинизации Аксума: «Гедле цадкан» и сирийские βοσκοί ... 1 181
Раушенбах М.Г. (Москва) – Краткое и пространное толкование Августина на псалом 21 2 150
Смирнов С.В. (Москва) – Первый опыт соправительства в государстве Селевкидов ... 4 159
Столба В.Ф. (Орхус/Санкт-Петербург) – Бусы, подвески и амулеты: вера в сглаз у греческого и местного населения Таврики ... 2 109
Французов С.А. (Санкт-Петербург) – Существовал ли Хаджарайн до ислама? ... 2 176
Хайнд Дж.Г.Ф. (Лидс) – Греки на Фасисе и выкуп потерпевших кораблекрушение (FGrHist. II. 218. 18) ... 4 154

№ Стр.

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Балти Ж.-Ш. (Париж/Тулуза) – Большая колоннада Апамеи: письменные источники, эпиграфические свидетельства и данные археологии. Хронологические ориентиры для исследования главного памятника 4 184
Гуцалов С.Ю. (Орск) – Восточные импорты в погребениях кочевников Западного Казахстана середины I тыс. до н.э. 2 182
Кормышева Э.Е., Малых С.Е. (Москва) – Древнеегипетский малый некрополь в Гизе 1 199

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Новые книги по ассириологии издательства Брилль (Лейден)

Афанасьева В.К. (Санкт-Петербург) – Joost Kist. Ancient Near Eastern Seals from the Kist Collection. Brill: Leiden–Boston, 2003 (With Contribution by Dominique Collon, Frans Wiggermann and Geoffrey Turner) 2 201
Козырева Н.В., Клочков И.С., Немировская А.В., Чехович Н.О., Якобсон В.А. (Санкт-Петербург) – If a Man Builds a Joyful House. Assyriological Studies in Honor of Erle Verdun Leichty. Brill: Leiden–Boston, 2006 ..... 2 202
Якобсон В.А. (Санкт-Петербург) – Andrew C. Cohen. Death Rituals, Ideology, and the Development of Early Mesopotamian Kingship / towards a New Understanding of Iraq's Royal Cemetery of Ur. Brill: Leiden–Boston, 2005 ..... 2 216

Беликов А.П. (Ставрополь) – Квашнин В.А. Политика, право и религия в жизни римской гражданской общины (III–II вв. до н.э.). Вологда, 2006 ..... 3 173
Белоусов А.В. (Москва) – Новая книга о культе Ахилла в Северном Причерноморье (Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die in römische Kaiserzeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung. Hrsg. von Joachim Hupe. Rahden/Westfalen, 2006. Internationale Archäologie. Bd 94) 4 221
Дандамаев М.А. (Санкт-Петербург) – T. Boiy. Late Achaemenid and Hellenistic Babylon (Orientalia Lovaniensia Analecta 136). Leuven, etc., 2004; O. Pedersén. Archive und Bibliotheken in Babylon. Die Tontafeln der Grabung Robert Koldeweys 1899–1917 (Abhandlungen der Deutschen Orient-Gesellschaft. Bd 25). Berlin, 2005 ..... 4 215
Емельянов В.В. (Санкт-Петербург) – Новые источники по месопотамскому культовому календарю (*По материалам сборника в честь Э. Лихти: If a Man Builds a Joyful House. Assyriological Studies in Honor of Erle Verdun Leichty. Leiden, 2006*) 1 227
Каплан Г.Х. (Санкт-Петербург) – Ассиро-вавилонский эпос. Переводы с шумерского и аккадского языков В.К. Шилейко. Издание подготовил В.В. Емельянов. СПб., 2007 ..... 4 201
Квашнин В.А. (Вологда) – Два взгляда на Lex Claudia de nave senatorum 1 236
Карпюк С.Г. (Москва) – Т.В. Кудрявцева. Народный суд в демократических Афинах. Отв. ред. Э.Д. Фролов. СПб., 2008 ..... 2 193
Короленков А.В. (Москва) – Новые книги об общественно-политической жизни позднереспубликанского Рима (Morstein-Marx R. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambr., 2004; Keaveney A. The Army of the Roman Revolution. L.: Routledge, 2007; Лапырёнок Р.В. Consensus omnium bonorum. Общественные противоречия в позднереспубликанском Риме в зеркале политической терминологии. Иркутск, 2007; Lapyrjonok R.W. Consensus omnium bonorum. Untersuchungen zur politischen Terminologie der späten römischen Republik. Bonn, 2008) 3 185
Кузьмина Е.Е. (Москва) – Проблема происхождения колесниц степей Евразии (*По поводу сборника статей «Происхождение и распространение колесничества». Луганск, 2008*) 3 166
Литвиненко Ю.Н. (Москва) – Античный мир в иллюстрациях (Рец. на книги: Александр Великий. Путь на Восток. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб., 2007. 512 с., илл.; Pax Romana – Римский мир. Фотографии и рисунки Максима Атаянца. Каталог выставки. Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева (МУАР). Москва, февраль–март 2008 г. М., 2008. 379 с., илл.) 2 196

№ Стр.

Ляпустина Е.В. (Москва) – Grégory Bongard-Levin, Corinne Bonnet, Yuri Litvinenko, Arnaldo Marcone. *Mongolus Syrio salutem optimam dat.* La correspondence entre Mikhaïl Rostovtzeff et Franz Cumont (Mémoires de l'Académie des Inscriptiones et Belles-Lettres, 36) Paris, 2007 ..... 4 229

Нефёдкин А.К. (Санкт-Петербург) – J.E. Lendon Soldiers and Ghosts: A History of Battle in Classical Antiquity. New Haven–London, 2005 ..... 2 219

Панкратова Е.Г. (Санкт-Петербург) – А.А. Завойкин. Фанагория во второй половине V – начале IV в. до н.э. (По материалам раскопок «Южного города») // Древности Боспора. 2004 ..... 1 223

Погребова М.Н. (Москва) – В.Р. Эрлих. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М., 2007 ..... 1 215

Сморчков А.М. (Москва) – Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения. Пер. с лат. С.Ю. Трохачева. СПб., 2007 ..... 4 212

Степанцов С.А. (Москва) – Mauro Agosto. Impiego e definizione di tropi e schemi retorici nell' *Expositio psalmorum* di Cassiodoro. Montella: Academia Vivarium novum, 2003 ..... 2 221

Суриков И.Е. (Москва) – Wolfgang Will. Der Untergang von Melos: Machtpolitik im Urteil des Thukydides und einiger Zeitgenossen. Bonn, 2006 ..... 3 179

Тейтельбаум Е.Г. (Казань) – Champion C.B. Cultural Politics in Polybius's Histories. Berkeley–Los Angeles–London: University of California Press, Hellenistic Culture and Society. 41. 2004 ..... 3 195

PERSONALIA

К 80-летию Поля Бернара 4 231

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Александров Б.Е., Немировский А.А. (Москва) – Третьи Дьяконовские чтения в Институте восточных культур и античности РГГУ (11–12 января 2008 г., Москва) 1 253

Бугаева Н.В. (Москва) – Ломоносовские чтения на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, 21 апреля 2009 г.) 4 256

Илюшечкина Е.В. (Москва) – IX Международная конференция по эллинистической поэзии (Гронинген, 27–29 августа 2008 г.) 2 224

Карпюк С.Г. (Москва) – «Миусские античные посиделки» в Государственном гуманитарном университете (Москва, 3–4 апреля 2009 г.) 4 259

Кулишова О.В., Фролов Э.Д. (Санкт-Петербург) – Десятые Жебелёвские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург, 29–31 октября 2008 г.) 4 233

Ладынин И.А. (Москва) – XV Сергеевские чтения на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (31 января – 2 февраля 2007 г.) 1 244

Михайлова (Смирнова) Т.А. (Москва) – Индоевропейское языкознание и классическая филология – XII (Чтения памяти И.М. Тронского, 23–25 июня 2008 г.) 3 199

Сильвестрова Е.В. (Москва) – VII семинар по древнему праву «Введение в византийское право (от Юстиниана к Василикам)» (Павия, 12–30 января 2009 г.) 3 203

Синицын А.А., Чурекова Н.Б. (Саратов) – Всероссийская научная конференция «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории» (Саратов, 3–5 октября 2008 г.) 2 227

XVI Сергеевские чтения на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, 28–30 января 2008 г.) 4 243

Акимова Л.И. (Москва) – Памяти Светланы Измайловны Ходжаш 1 256

Виталий Михайлович Зубарь (1950–2009) 4 262

Юрий Николаевич Литвиненко (1957–2009) 4 266

Марконе А. (Флоренция) – Юрий 4 268

№ Стр.

Валентина Павловна Невская (1919–2009) 3 206

Сергей Владимирович Шкунаев (1950–2008) 3 208

ПРИЛОЖЕНИЕ

Св. Августин, епископ Гиппонский. Проповедь 81.Предисловие, перевод с латинского и комментарии *С.А. Степанцова* (Москва) 1 260

Хрисипп, пресвитер Иерусалимский. Похвала архангелу Михаилу. Введение, перевод с греческого и примечания *Д.Е. Афиногенова* (Москва) 2 232

Жизнь и мученичество святых мучеников Галактиона и Эпистимы. Вступительная статья, перевод с древнегреческого, комментарий, критическое издание греческого текста и исследование «Галактион и Эпистима: Роман-Житие-Passio» *Анонима Миусского* (Москва) 3 210

Жизнь и мученичество святых мучеников Галактиона и Эпистимы. Вступительная статья, перевод с древнегреческого, комментарий, критическое издание греческого текста и исследование «Галактион и Эпистима: Роман-Житие-Passio» *Анонима Миусского* (Москва) *(продолжение)* 4 269

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ «ВЕСТНИКА ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ»

Редакция журнала обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по новым правилам:

Рукописи представляются в двух экземплярах, а также в электронной форме (на дискете, CD или другом носителе); текст должен быть напечатан в формате Word (doc), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff) в разрешении, пригодном для печати (не менее 300 dpi). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode. Когда статья присылается по почте, необходимо отправлять ее простой (не заказной) бандеролью.

Объем статей не должен превышать 2 авт. л., рецензий – 1 авт. л.

К статье необходимо прилагать краткое **резюме** (один абзац) и список ключевых слов (не более десяти), а также почтовый и электронный адреса автора/ов в том виде, в каком он должен быть указан при публикации.

Кроме того, необходимо прислать заполненный **Договор** о передаче авторского права (текст Договора размещен на сайте издательства «Наука» http://www.naukaran.ru).

Ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Anm., etc.), рис. (fig., Abb., etc.) или табл. (pl., Taf., etc.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig. 13, pl. 26.

СОДЕРЖАНИЕ

Ладынин И.А. (Москва) – «Соколы-нектанебы»: скульптурные изображения Нектанеба II перед богом Хором и их концепция 3
Капогросси Колоньези Л. (Рим) – Античный город как город-государство: интерпретация и некоторые проблемы 27
Эпштейн С.М. (Хайфа) – К вопросу о рабском труде в афинском общественном строительстве 42
Дементьева В.В., Фролов Р.М. (Ярославль) – Несанкционированные гражданские contiones как общественно-политический институт Римской республики 63

ПУБЛИКАЦИИ

Сафронов А.В. (Москва) – Стела первого жреца Амона Бакенхонсу и новые данные по истории начала правления XX династии 89

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Громова Д.Н. (Москва) – Битва с трехголовым драконом: новый пересмотр датировок взятия Вавилона и Халапа войсками Мурсили I и вопросы переднеазиатской хронологии II тыс. до н.э. 104
Миронова А.В. (Москва) – Древнеегипетский праздник опет в эпоху Хатшепсут: ритуал и символика 124
Илюшечкина Е.В. (Москва) – Каталог южнопонтийских племен у Дионисия Периэгета 138
Хайнд Дж.Г.Ф. (Лидс) – Греки на Фасисе и выкуп потерпевших кораблекрушение (FGrHist. II. 218. 18) 154
Смирнов С.В. (Москва) – Первый опыт соправительства в государстве Селевкидов 159
Кессель Г.М. (Москва) – Новые данные о переатрибуции произведений раннесирийской монашеской литературы 169

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Балти Ж.-Ш. (Париж/Тулуза) – Большая колоннада Апамеи: письменные источники, эпиграфические свидетельства и данные археологии. Хронологические ориентиры для исследования главного памятника 184

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Каплан Г.Х. (Санкт-Петербург) – Ассиро-вавилонский эпос. Переводы с шумерского и аккадского языков В.К. Шилейко. Издание подготовил В.В. Емельянов. СПб., 2007 201
Смирчков А.М. (Москва) – Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения. Пер. с лат. С.Ю. Трохачева. СПб., 2007 212
Дандамаев М.А. (Санкт-Петербург) –T. Boiy. Late Achaemenid and Hellenistic Babylon (Orientalia Lovaniensia Analecta 136). Leuven, etc., 2004; O. Pedersén. Archive und Bibliotheken in Babylon. Die Tontafeln der Grabung Robert Koldeweys 1899–1917 (Abhandlungen des Deutschen Orient-Gesellschaft. Bd 25). Berlin, 2005 215
Белоусов А.В. (Москва) – Новая книга о культе Ахилла в Северном Причерноморье (Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die in römische Kaiserzeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung. Hrsg. von Joachim Hupe. Rahden/Westfalen, 2006. Internationale Archäologie. Bd 94) 221
Ляпустина Е.В. (Москва) – Grégory Bongard-Levin, Corinne Bonnet, Yuri Litvinenko, Arnaldo Marcone. *Mongolus Syrio salutem optimam dat.* La correspondance entre Mikhaïl Rostovtzeff et Franz Cumont (Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 36). Paris, 2007 229

PERSONALIA

К 80-летию Поля Бернара 231

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кулишова О.В., Фролов Э.Д. (Санкт-Петербург) – Десятые Жебелёвские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете (Санкт-Петербург, 29–31 октября 2008 г.) 233
XVI Сергеевские чтения на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, 28–30 января 2008 г.) 243
Бугаева Н.В. (Москва) – Ломоносовские чтения на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, 21 апреля 2009 г.) 256
Карпюк С.Г. (Москва) – «Миусские античные посиделки» в Государственном гуманитарном университете (Москва, 3–4 апреля 2009 г.) 259

Виталий Михайлович Зубарь (1950–2009) 262
Юрий Николаевич Литвиненко (1957–2009) 266
Марконе А. (Флоренция) – Юрий 268

ПРИЛОЖЕНИЕ

Жизнь и мученичество святых мучеников Галактиона и Эпистимы. Вступительная статья, перевод с древнегреческого, комментарий, критическое издание греческого текста и исследование «Галактион и Эпистима: Роман-Житие-Passio» *Анонима Миусского* (Москва) *(продолжение)* 269

Указатель материалов, опубликованных в «Вестнике древней истории» в 2009 году 295